

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ИНСТИТУТ ЯЗЫКА, ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОРИИ им. Г. ИБРАГИМОВА

А. Х. ХАЛИКОВ

ДРЕВНЯЯ
ИСТОРИЯ
СРЕДНЕГО
ПОВОЛЖЬЯ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

Москва 1969

Монография посвящена периоду древней истории — от заселения края в палеолите и мезолите до эпохи поздней бронзы включительно. На основе новых данных, полученных в результате многочисленных археологических раскопок, автор раскрывает историю заселения края, показывает хронологию культурных образований края, прослеживает взаимосвязь и историческую преемственность в их развитии. Много места уделяется хозяйству, быту, общественному устройству населения края в эпоху первобытнообщинного строя. В книге подробно освещается процесс сложения древнейших этнических основ современных народов Поволжья, в частности, вопрос о формировании и развитии финно-угорской общности.

ОТВЕТСТВЕННЫЙ РЕДАКТОР

доктор исторических наук
О. Н. БАДЕР

Настоящая работа посвящена изучению истории населения Среднего Поволжья от времени появления здесь первого человека до конца эпохи бронзы, т. е. истории периода первобытно-общинного строя, расцвет которого падает на эпохи камня и раннего металла, а первые признаки распада проявляются в конце эпохи бронзы и начале раннего железа.

Регион исследования ограничивается Средним Поволжьем, под которым понимается часть северо-востока Европейского континента, в пределах бассейна Волги от устья Оки на западе и до Нижней Камы до устья Белой на востоке. Южные пределы региона ограничиваются районом Самарской луки, а северные — верховьями рек Ветлуги и Вятки.

Коренным населением изучаемой территории являются финно-угорские народы, начальные процессы этногенеза которых протекали в периоды камня и раннего металла. Поэтому одна из задач автора — попытаться проследить эти процессы на основе археологических материалов с привлечением лингвистических и этнографических данных. Вполне понятно, что основу настоящей монографии составляет исследование археологических материалов и определение особенностей отдельных археологических культур, являющихся материальным отображением некогда существовавших этнокультурных групп населения. В связи с этим немаловажное место в последующем изложении займут вопросы, касающиеся периодизации и синхронизации археологических памятников и культур.

Выяснение этапов развития этнокультурной истории немалозначимо без учета особенностей динамики хозяйства, межплеменных связей и общественных отношений древнего населения. При разрешении этих вопросов наряду с археологическими материа-

лами привлекаются данные палеоботаников, палеозоологов и других специалистов.

Фактическую основу настоящей монографии составляют новые данные, полученные в результате широких археологических исследований последних лет в Среднем Поволжье. Наряду с этим использовано значительное число музейных фондов, содержащих богатые и разнообразные археологические коллекции, главным образом эпохи раннего металла. Учтены также опубликованные различными авторами мнения, сведения и факты по изучаемой эпохе. К сожалению, ограничение объема работы не позволяет более подробно остановиться на характеристике использованных материалов, так же как и на истории изучения проблемы. В какой-то степени этот недостаток восполняется тем, что в ряде мест даются ссылки на источники, раскрывается их содержание и приводятся мнения других исследователей.

Автор выражает искреннюю благодарность всем товарищам, которые активным трудом во время экспедиций, обработки экспедиционных материалов и советами оказали ему неоценимую помощь.

Часть первая

СРЕДНЕЕ

ПОВОЛЖЬЕ

В КАМЕННОМ ВЕКЕ

ГЛАВА ПЕРВАЯ

РАССЕЛЕНИЕ ЧЕЛОВЕКА В СРЕДНЕМ ПОВОЛЖЬЕ В ПЕРИОД МЕЗОЛИТА

Древнейшие периоды истории Среднего Поволжья, относящиеся ко времени палеолита и мезолита, до сих пор еще остаются наименее изученными в силу крайней ограниченности археологического материала. Лишь в послевоенные годы были выявлены отдельные палеолитические, а затем и мезолитические памятники, изучение которых позволяет наметить предварительную схему развития начальных периодов каменного века.

Начало заселения Среднего Поволжья человеком, уходящее в глубину эпохи палеолита, скорее в ашельско-мустьерское время, несмотря на крайнюю ограниченность археологических памятников, неоднократно затрагивалось в научной (как археологической¹, так и геологической²) литературе, поэтому в настоящей монографии этот вопрос не подлежит рассмотрению.

Резюмируя известные сведения, можно утверждать, что в эту эпоху культура населения Среднего Поволжья тяготела к культуре восточноевропейского палеолита.

Однако уже в самом начале мезолитического периода наблюдается распространение памятников с сибирскими чертами в культуре почти по всему Среднему Поволжью. Поэтому следует думать, что рубеж палеолита и мезолита является тем важным периодом, когда на востоке Европы появились новые палеолитические группы, сыгравшие впоследствии значительную роль в формировании древнейших основ местных племен эпохи мезолита и неолита.

Несмотря на то, что мезолит в Среднем Поволжье начал изучаться в последнее время³ и не все этапы развития этой эпохи обеспечены достаточно надежным материалом, тем не менее

уже сейчас можно наметить основные закономерности, характерные для развития культуры мезолитического человека Средней Волги.

По мнению большинства советских археологов, изучающих мезолитическую эпоху лесной полосы Евразии, начало этого периода в указанном регионе падает на 8000 лет до н. э.⁴ В настоящей работе эта дата также принимается в качестве отправного времени мезолита Среднего Поволжья.

Конец мезолита здесь совпадает с постепенным переходом к мезолитической эпохе, что соответствует первой половине атлантического периода, датированной V тысячелетием до н. э.⁵

Геологическая история голоцена Средней Волги еще не выяснена в полной мере. Считается, что «последледниковый этап жизни Волги отмечен новым врезанием и развитием пойменного аллювия, находящегося еще в стадии формирования»⁶. В ранние этапы голоцена (древний и ранний, по М. И. Нейштадту) происходит формирование высоких пойм, в поздние — образуются и низкие поймы, что сопровождалось усилением разливов и заносами почв на высокие поймы⁷.

В результате археологических работ в крае собран значительный материал, который позволяет наметить этапы развития материальной культуры мезолита Среднего Поволжья и в известной степени оттенить ее характерные черты. Опираясь на все имеющиеся сведения, можно выделить три этапа или периода мезолитической эпохи.

Ранний период. Еще недавно в одной из своих статей мне пришлось отмечать, что ранние мезолитические памятники в крае неизвестны⁸. Однако изучение фондов Куйбышевского и других поволжских музеев, а также новые археологические исследования 1963—1967 гг. показали, что ряд памятников Средней Волги знаменует собой начальные этапы мезолитического периода.

Наибольший интерес представляют памятники, изученные В. В. Гольмстен в районе г. Куйбышева, получившие, к сожалению, неверную интерпретацию в литературе. Среди них важнейшими являются стоянки, расположенные в устье Постникова оврага (рис. 1).

В 1924 г. В. В. Гольмстен вместе с группой слушателей археологических курсов при Самарском университете обнаружила в устьевой части Постникова оврага, расположенного на северной окраине г. Куйбышева, на левом берегу Волги, несколько местонахождений кремневых орудий. Предпринятые в 1924—1926 гг. В. В. Гольмстен раскопки зафиксировали здесь остатки многослойной стоянки, содержавшей значительное число кремневых изделий и костей животных, в том числе быка (*Bos primigenius*).

Здесь ею же было выявлено три разновременных памятника, отнесенных к эпохе камня. Древнейший из них — стоянка Постников овраг I. Он относится к эпохе позднего палеолита.

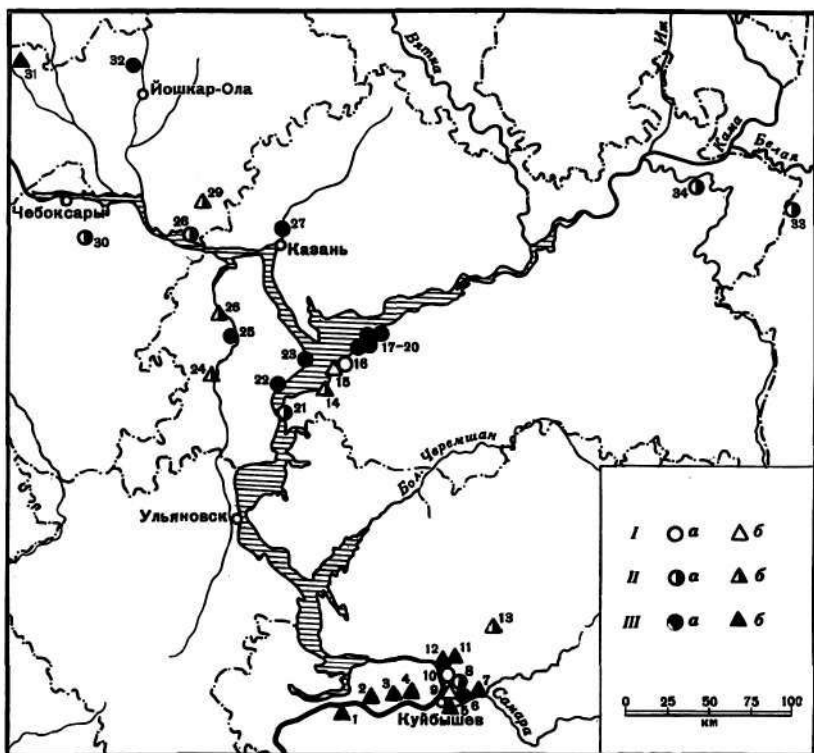

Рис. 1. Карта распространения мезолитических памятников Среднего Поволжья

I — стоянки (а) и местонахождения (б) раннего этапа мезолита;

II — стоянки (а) и местонахождения (б) среднего этапа мезолита;

III — стоянки (а) и местонахождения (б) позднего этапа мезолита

1 — Воскресенское;

2 — «Северюкаево лбище»;

3 — Новлянкинское;

4 — Подгорское;

5 — Куйбышевское (Грачевский сад);

6 — Монашенинский хутор;

7 — Падовское;

8 — III Постников овраг;

9 — Барбашинская поляна

10 — II Постников овраг;

11 — «Красная Глинка»;

12 — Старо-Семейкинское;

13 — «Раковский монастырь»;

14 — «Ким»;

15 — Измерское («Девичий гороронок»);

16 — Коминтерновское («Курган»);

17 — Березовогриновское;

18—20 — I, VII, IX Нижне-Марьянские;

21 — III Тетюшская;

22 — «Сюжеевский взвоз»;

23 — I Камско-Устьинская

24 — Деушевское;

25 — Кабы-Копрынская;

26 — Берляшское;

27 — Савиновское;

28 — II Русско-Луговская;

29 — Старо-Мазиковское;

30 — Яндашевское;

31 — Широкундышское;

32 — Курманаевская;

33 — «Холодный ключ»;

34 — Деуковская

Слои остальных двух памятников располагаются один под другим на площадке останца высокой террасы у левого края устья Постникова оврага. Останец, отделенный от левого берега оврага ложбиной, по которой спускалась дорога к мосту через

овраг, был сложен из сыртовых глин и лёссовидного суглинка. В срезе у спуска В. В. Гольмстен наблюдала следующую стратиграфию (рис. 2) ⁹:

1. Слой гумуса с вкраплениями керамики эпохи бронзы и железа.

2. Слой желтовато-коричневой глины и суглинка, в середине которого на глубине 60—70 см от поверхности залегают кремни микролитического облика (слой стоянки Постников овраг III).

3. Прослой галечника.

4. Слой лёссовидного суглинка или глины желтовато-серых оттенков, в котором несколько ниже галечника залегают кремни макролитического характера (слой стоянки Постников овраг II).

Как отмечает В. В. Гольмстен, нижний «культурный слой, обнаруженный в лёссовидной глине, не богат, но не представляет собой сплошного наслоения остатков: они рассеяны на одном уровне то единичными предметами, то группами. Наиболее интересной представляется открытая здесь мастерская, где на сравнительно небольшом пространстве сосредоточен запас сырого материала в виде кусков кремня, значительное количество осколков, расположенных двумя грудками, несколько пластин и два крупных скребка» ¹⁰.

Автор раскопок, не уточняя времени и культурной принадлежности памятника, отнесла его к более позднему периоду, чем отмеченное выше палеолитическое местонахождение. П. П. Ефименко, посетивший Постников овраг в 1926 г., не приводя никаких доказательств, считал возможным полагать, «что, несмотря на

архаизм кремневого инвентаря, эта стоянка, в обоих ее горизонтах, относится к ранней поре неолита»¹¹.

К сожалению, материалы раскопок памятников из Постникова оврага после их краткой публикации В. В. Гольмстен не изучались археологами. Ознакомление же с ними показывает, что они не имеют неолитических черт и должны быть отнесены к более раннему периоду.

Основная коллекция из раскопок В. В. Гольмстен хранится в Куйбышевском областном краеведческом музее¹² и состоит в преобладающей массе из кремневого инвентаря, хотя сюда же включена и керамика эпохи бронзы, а также периода железа из поздних поселений. Следует еще раз подчеркнуть, что инвентарь обоих мезолитических памятников резко различается между собой как цветом кремня, так и формами. По памятникам он расчленен и в приложенных к коллекциям описях, поэтому говорить о каком-либо смешении материалов не приходится. Из нижнего слоя, т. е. из слоя стоянки Постников овраг II, в коллекции имеется 1505 кремней и несколько костей, определенных как кости первобытного быка.

Кремень (других пород камня в коллекции нет, если не считать нескольких обломков доломита или известняка) довольно однотипный: темно-серого, серого и светло-серого тонов, не отличается большой прочностью. Поверхность многих кремней покрыта слабой патinou. Выходы подобного кремня имеются в близости от Постникова оврага — в пермских отложениях карьера «Красная Глинка».

Состав и количественное соотношение кремневого инвентаря приведены ниже:

Инвентарь	Отщепы и сколы	Крупные кремни	Ножевидные пластины	Всего
Крупные куски	—	291	—	291
Отщепы и сколы	601	—	—	601
Нуклеусы	—	88	—	88
Ножевидные пластины	—	—	250	250
Трехгранные кремни	—	139	—	139
Пластины с ретушью	—	—	11	11
Отщепы с ретушью	17	—	—	17
Резцы	5	—	10	15
Скребки	39	—	2	41
Скобели	29	—	—	29
Ножи или острия	—	—	2	2
Крупные орудия	—	21	—	21
Всего	691	539	275	1505

Кремневый инвентарь отличается макролитичностью и обладанием отщепов, сколов, крупных кусков кремня и орудий из них над ножевидными пластинами. В то же время следует отметить, что в коллекции значительное место отведено орудиям (136 экз., не считая нуклеусов, или около 8% из общего числа предметов). Последнее обстоятельство позволяет считать стоянку Постников овраг II не мастерской, а поселением.

Довольно многочисленны в коллекции нуклеусы (рис. 3, 1—4; — 88 экз.). Это средних размеров (6—10 см высотой) ядрища, имеющие форму, весьма близкую к так называемым клиновидным нуклеусам. Тело нуклеусов вытянуто в высоту и имеет сверху наклонную ударную площадку, иногда выровненную подтеской по краям рабочей стороны. Сколы-фасетки располагаются с одной стороны, иногда заходя и на боковые края. Тыльная сторона некоторых нуклеусов отработана поперечной подтеской, придающей краю характер скребковидного лезвия (рис. 3, 4). По мнению М. З. Паничкиной, подобные нуклеусы, сложившиеся в верхнем палеолите и распространившиеся в мезолите, «особенно выразительными сериями... представлены в сибирских стоянках конца верхнего палеолита и мезолита»¹³. Фасетки большинства нуклеусов широкие, что также характерно для сибирских нуклеусов палеолитического возраста. Об отщеплении от нуклеусов широких пластин свидетельствуют и сами пластины и трехгранные кремни, обычно крупные и аморфные по виду. Правильно ограниченные пластины в коллекции редки.

Наиболее многочисленными среди орудий являются скребки и скобели, в абсолютном большинстве изготовленные из крупных отщепов, из расколотых вдоль галек и очень редко на концах пластин. В связи с этим еще раз следует подчеркнуть, что, несмотря на многочисленность нуклеусов и пластин, большинство орудий, представленных в коллекции, изготовлено на отщеплах или крупных кусках кремня.

Среди скребков преобладают орудия средних размеров с шириной лезвия от 5 до 7,5 см, изготовленные из отколотой корки желвака или гальки и имеющие прямое или слегка округлое лезвие, обработанное крутой ретушью с широкими фасетками (рис. 3, 13, 16, 17). На некоторых экземплярах ретушь заходит и на боковые края, как бы подкрепляя их, но не образуя здесь лезвия (рис. 3, 13, 16). Подобного типа скребки широко представлены в верхнепалеолитических памятниках Сибири: стоянки Шишкинская, Красный яр, Ошурковская и др. в верховьях Лены; Афонтова гора III, Переселенческий пункт на Енисее, а также на уральской мезолитической стоянке Голый камень.

К этому же типу приближается массивное скребло из крупного куска желвачной корки, имеющее широкое лезвие, обработанное крупной ретушью, напоминающей мустьерскую (рис. 3, 14).

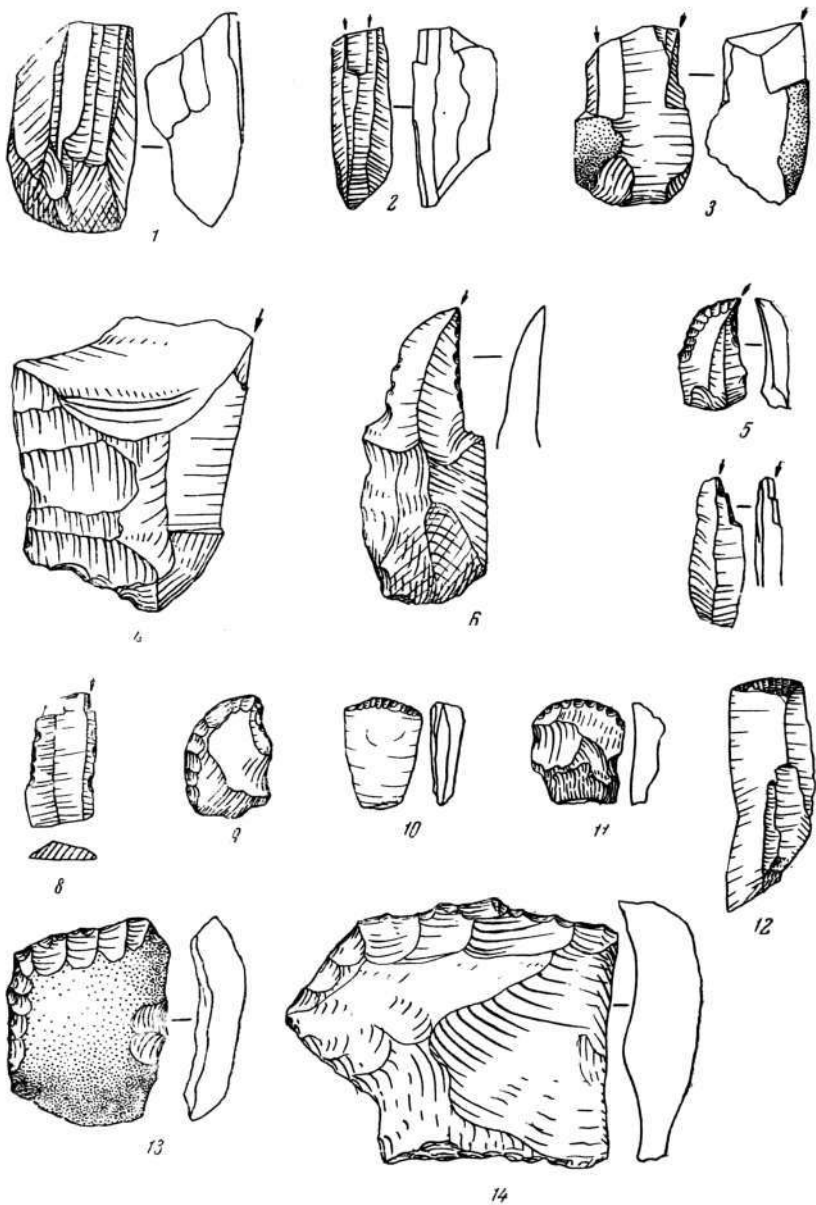
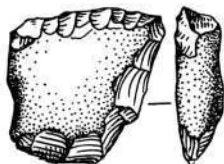

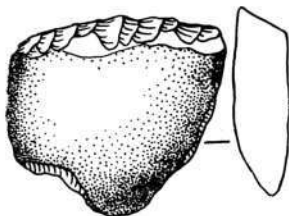
Рис. 3. Кремневый инвентарь стоянки Постников овраг II

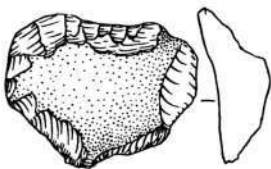
15

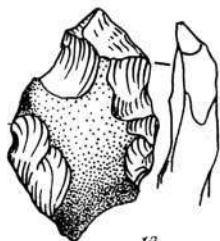
16

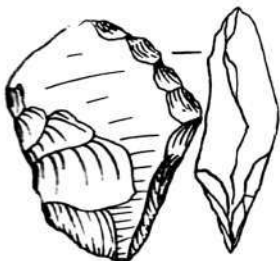
17

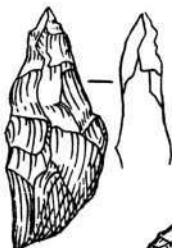
18

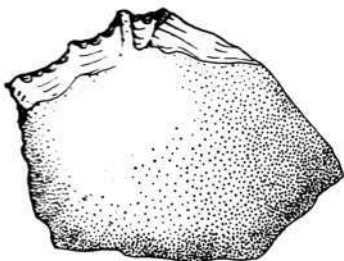
19

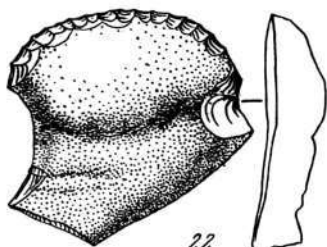
20

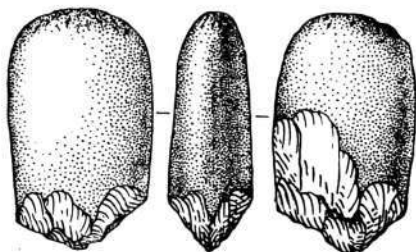
21

23

22

24

Остальные скребки единичны. Это четыре коротких скребка на отщепах со слегка округлым краем лезвия (рис. 3, 11); один подобный, но с лезвием, оформленным плоской и короткой ретушью по краю брюшка (рис. 3, 10); небольшой скребок на сколе желвачной корки с двусторонним лезвием (рис. 3, 16); один скребок со скошенным лезвием (рис. 3, 9); два скребка на концах крупных ножевидных пластин (рис. 3, 12) и несколько кусков кремня со скребковидной ретушью. Подобные скребки едва ли могут быть определяющими, так как они широко распространены в верхнепалеолитических и раннемезолитических стоянках как Европейской части СССР (Боршево II, Рабочий ров, Бугорок, Покровщина и др.), так и Сибири. Однако отсутствие в коллекции выраженных мезолитических скребков на коротких пластинах и более поздних скребков с обработкой всей поверхности свидетельствует об известном архаизме описанных орудий.

Скобели (29 экз.) в отличие от скребков не имеют столь выраженной формы, хотя и среди них преобладают орудия, изготовленные на сколах желвачной или галечной корки. По характеру и числу скобящих выемов может быть выделено два типа: скобели с одним широким выемом (рис. 3, 18) и скобели с несколькими (от двух до трех) короткими выемами (рис. 3, 23). Редкие экземпляры изготовлены по длинному краю широких аморфных пластин (рис. 3, 15). Эти орудия ввиду своей широкой распространенности и значительной аморфности также не являются определяющими, но преобладание среди них экземпляров, изготовленных на отщепах желвачных или галечных корок, придает им известную специфику.

Крупные орудия (21 экз.) являются характерными для стоянки. Средняя их высота 7,8 см, но есть орудия и в 6 см, и в 12 см. Для большинства из них, сделанных из желваков, галек или плиток, характерно сохранение желвачной или галечной корки. По форме выделяются три типа орудий.

Абсолютно преобладают (18 экз.) орудия относительно узкой и вытянутой подтреугольной формы с приостренным лезвием, изготовленные на крупных сколах, обработанных лишь со стороны опинки (рис. 3, 19, 20). Большинство из них имеет поэтому асимметричный профиль. С известной осторожностью их можно назвать орудиями типа «рабо». Прямых аналогий этому типу орудий нет, но некоторые близкие формы встречаются на отдельных позднепалеолитических и мезолитических стоянках Сибири¹⁴. К этой же серии близки два орудия (рис. 3, 21), имеющие заостренное подтеской лезвие, но обработанные с обеих сторон и в верхней части приобретающие миндалевидную форму, что несколько обближает их с палеолитическими рубилами.

Наконец, одно орудие с таким же приостренным лезвием изготовлено из небольшой уплощенной гальки, обтесанной в нижнем конце продольными сколами с обеих сторон (рис. 3, 24).

Противоположный конец имеет следы сбитости от ударов. Орудье по форме и характеру изготовления чрезвычайно близко к подобным орудиям из верхнепалеолитических стоянок Сибири, особенностью кремневого инвентаря которых А. П. Окладников считает изготовление крупных орудий «из целых галек, расколотых одним поперечным ударом и затесанных вдоль края. Эта своеобразная техника проходит сквозь всю историю сибирского палеолита и обнаруживается даже в начале развития неолита»¹⁵. Подобные орудия широко представлены в позднепалеолитических и раннемезолитических стоянках Сибири (см., например, стоянки Шишкинскую, Красный яр, Ошурково, Верхоленская гора и др.).

Таким образом, следует полагать, что крупные орудия стоянки Постников овраг II, имеющие макролитический облик, по форме и характеру изготовления обнаруживают, с одной стороны, палеолитические традиции, а с другой — выявляют технику, специфичную для каменного века Сибири и востока Средней Азии. Это обстоятельство позволяет предполагать, что население стоянки в культурном отношении тяготело к населению Сибири. Вместе с тем в кремневом инвентаре стоянки прослеживаются черты, свойственные и для позднепалеолитических и раннемезолитических стоянок Восточной Европы. Они особенно наглядно выступают при рассмотрении микролитических групп кремневых орудий.

Часть резцов изготовлена на краевых сколах (5 экз., рис. 3, 2) или на продольных обломках нуклеусов (3 экз., рис. 3, 3). Обычно это односторонние краевые резцы, но некоторые имеют резцовые сколы по двум краям (рис. 3, 3). Для резцов использовались также широкие, в основном аморфные пластины, имеющие по одному или двум краям резцовые сколы (рис. 3, 7—8). У одного из резцов длинный край резцового скола укреплен ретушью (рис. 3, 8). Два резца на коротких пластинах имеют клювовидные острия, подправленные ретушью с двух сторон (рис. 3, 5). Перечисленные типы резцов широко распространены в верхнепалеолитических комплексах Восточной Европы¹⁶, но не характерны для Сибири.

В целом весь описанный инвентарь производит впечатление архаичности. Он имеет ряд ведущих для позднего палеолита и раннего мезолита черт, что позволяет не согласиться с определением памятника как неолитического и отнести стоянку Постников овраг II к гораздо более раннему времени. Как мы увидим ниже, памятники Среднего Поволжья позднемезолитического и неолитического периодов имеют достаточно выраженную специфику и содержат такие типы орудий, которые абсолютно не известны в инвентаре интересующей нас стоянки. Следовательно, стоянка не может быть даже позднемезолитической. В то же время здесь нет и ряда типичных для верхнего палеолита

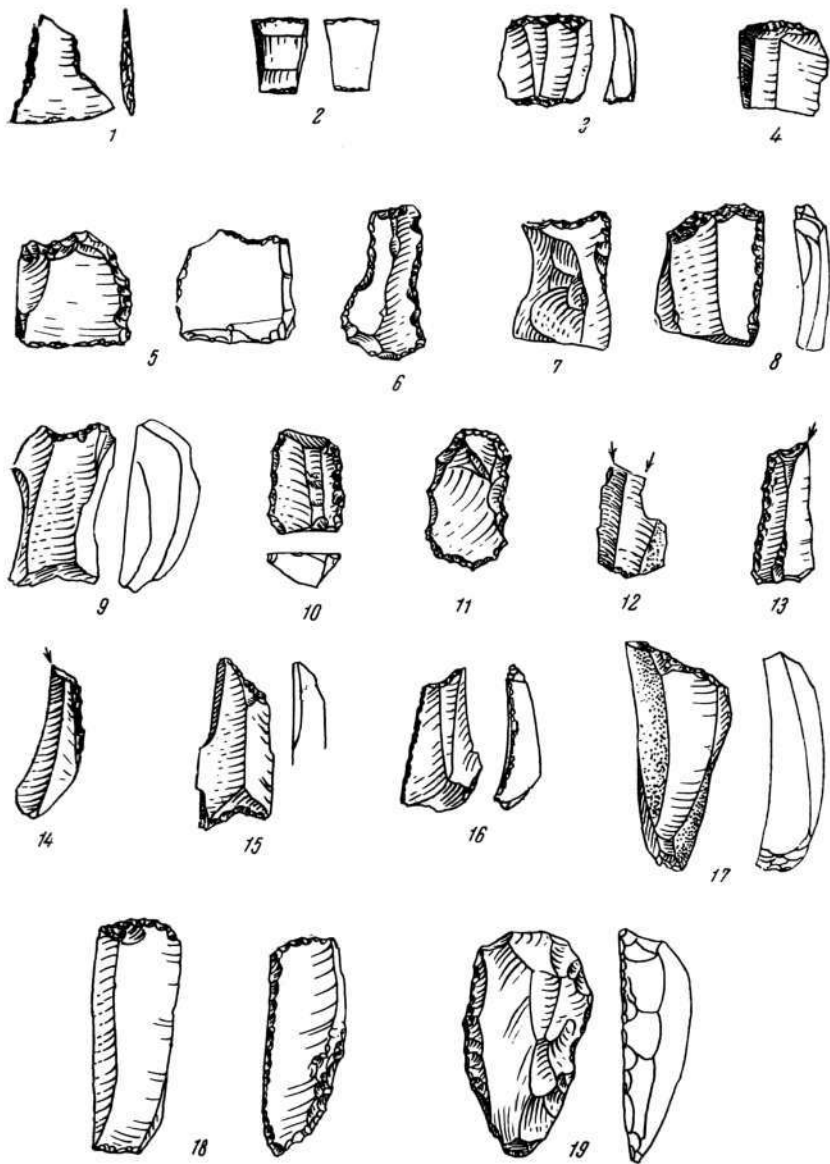
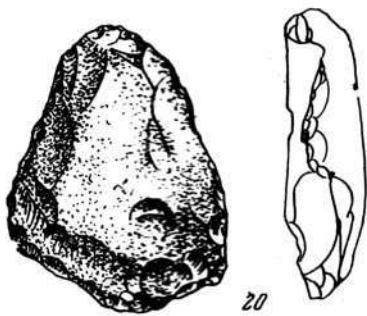
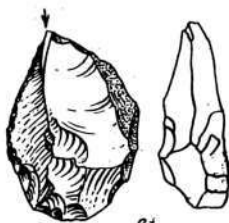

Рис. 4. Кремневый инвентарь средневожских мезолитических памятников ранней (19, 21—26) и развитой (1—18, 20) поры

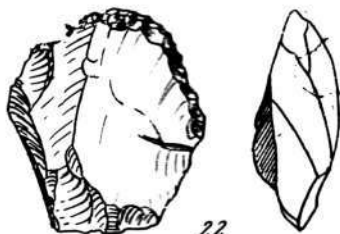
1—18, 20—111 Тетюшская стоянка; 19, 21—26—стоянки «Девичий городок» и «Курган»

20

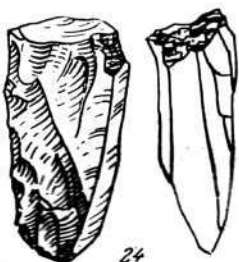
21

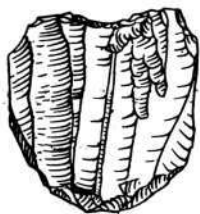
22

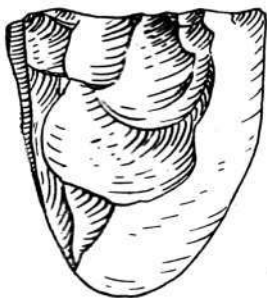
23

24

25

26

орудий — концевых скребков, острий, многих форм резцов, пластин с притупленной спинкой и т. п. (Восточная Европа), остроконечников, высоких скребел, ладьевидных резцов и т. п. (Сибирь). Поэтому инвентарь стоянки Постников овраг II, достаточно резко отличающийся от инвентаря верхнепалеолитической стоянки Постников овраг I, следует определить раннемезолитическим временем.

К сожалению, условия залегания слоя стоянки не выяснены и ни одним геологом не изучены, поэтому мы не располагаем геологическим подтверждением возраста стоянки. Однако расположение ее культурного слоя высоко над уровнем Волги (около 30 м) свидетельствует о значительной древности, в то время как залегание слоя неглубоко от позднейших культурных напластований укрепляет наше предположение о более позднем ее возрасте, чем палеолитический.

Ранний мезолитический возраст стоянки Постников овраг II подтверждается и близостью ее инвентаря к материалу раннемезолитических памятников Урала, таких, как Голый камень близ Н. Тагила и нижний слой (6—2 горизонты) Ильмурзинской стоянки¹⁷. О. Н. Бадером недавно была выдвинута гипотеза «о развитии на Урале раннемезолитической культуры макролитического характера на базе местной палеолитической культуры сибирского типа, для которой, по мере приближения к концу эпохи палеолита, становится характерной макролитизация каменного инвентаря»¹⁸. Подтверждая эту гипотезу, материалы Постникова оврага II позволяют считать, что такая же тенденция была характерна и для районов Средней Волги.

К типу стоянки Постников овраг II в Среднем Поволжье можно отнести еще несколько памятников, в основном местонахождений, кремневый инвентарь которых достаточно близок к описанному. Это стоянки на Барбашинской поляне близ Куйбышева на Волге, а также «Девичий городок» и «Курган» по левому берегу низовой Камы. Характерно, что все они расположены на высоких террасах.

Интересный кремневый инвентарь этих памятников состоит из патинизированных кремней серого и темно-серого оттенков, среди которых имеются: крупные клиновидные нуклеусы полупризматического типа с коническим завершением (рис. 4, 24, 25); расколотые пополам гальки со следами обработки (рис. 4, 26); долбящие орудия типа «рабо» с двусторонней обработкой и приостренным концом (рис. 4, 19); разнообразные формы крупных и грубых скребков, в том числе близкие к дисковидным, угловые, боковые, округлые и концевые (рис. 4, 22, 23).

Такого же типа орудия (нуклеусы, скребки с желвачной коркой) обнаружены и в ряде других местонахождений на Средней Волге — Синцовском в бассейне р. Пижмы, Акчеринском в бассейне р. Сумки, правого притока Волги.

Следует отметить еще одно характерное обстоятельство, присущее указанным памятникам. Все они, как правило, занимают высокие места — обычно не ниже 15—20 м от уровня ближайшего водоема.

Опираясь на данные изучения этих памятников, можно предположить, что для начального периода мезолитической эпохи Среднего Поволжья характерны, с одной стороны, наряду с индустриальностью кремня, длительное сохранение палеолитических традиций в изготовлении орудий, а с другой — сильнейшее воздействие сибирских культурных черт, проявляющееся в восточных пределах Средней Волги и в Прикамье еще с эпохи позднего палеолита¹⁹. С этой точки зрения необходимо отметить, что кремневый инвентарь стоянки Постников овраг II имеет много общего с материалами стоянки Талицкого, что выражается в сохранении традиции изготовления орудий на сколах галек, наличии клиновидных нуклеусов, скребков с крутым лезвием и т. п. Вероятно, области Среднего Поволжья в конце эпохи палеолита и в начале мезолитического времени вошли в ареал воздействия культурных традиций Сибири. Очевидно, это воздействие усилилось в раннем мезолите, ибо именно в это время оно достигло и берегов Волги, так как в предшествующий период, как показывают материалы стоянок Юнга — Кушурга и Постников овраг I, на Волге, особенно в ее западных пределах, обитало население, чья культура была близка к культуре Восточной Европы, а не Сибири. Усиление сибирского воздействия в начале мезолита, вероятно, сопровождалось появлением на Волге населения, вышедшего из Сибири, ибо только оно могло принести те специфические традиции в обработке кремня, которые мы наблюдаем в материале Постникова оврага II. Новые волны пришлого сибирского населения, естественно, должны были увеличить монголоидность в антропологическом типе раннемезолитических людей Волго-Камья. К сожалению, мы не располагаем сейчас почти никакими антропологическими материалами того времени. Однако в свете новых археологических данных определенное подтверждение получает случайная находка человеческого черепа, обнаруженного в 1949 г. Н. П. Герасимовым на правом берегу Волги, недалеко от устья р. Свяги, в разведочном шурфе, на глубине 4 м, в аллювиальном сутлинке и предположительно датированного эпохой мезолита. Как известно, этот череп, по предварительному определению М. М. Герасимова, отличался монголоидными признаками²⁰.

В связи с прослеженным воздействием в позднем палеолите и раннем мезолите сибирских культурных традиций хотелось бы остановиться на находке двух костяных гарпунов, обнаруженных у пос. Кравцово быв. Бузулукского уезда и опубликованных В. В. Гольмстен²¹. Изготовление одного из них из кости мамонта и нахождение совместно с ними палеолитической фауны

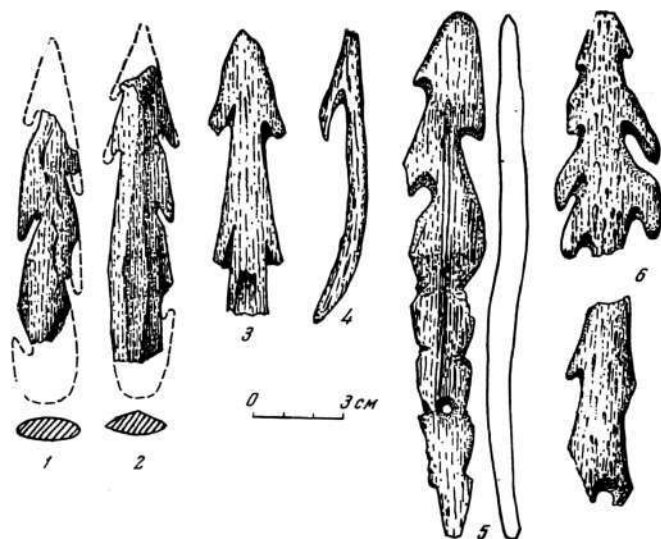

Рис. 5. Костяные орудия позднепалеолитического и мезолитического возраста из Среднего Поволжья
1—2—Кравцово; 3—6—Деушево

(мамонт) позволили датировать находки временем позднего палеолита²². Позднепалеолитический возраст находок подтверждается и их близостью к позднемадленским гарпунам. К сожалению, оба гарпуна сломаны в верхней и нижней частях. В сечении они уплощенно-овальные. С обеих сторон снабжены асимметрично расположенными зубьями. Сохранившаяся длина одного — 7,8 см, другого — 9,8 см. Предположительно можно считать, что общая длина обоих гарпунов не превышала 12 см. У одного из них по внешней поверхности заметна нарезка из изогнутых линий (рис. 5, 1). Оба гарпуна имеют сломанные основания, но, судя по характерному скосу сбоку одной из сторон, края оснований имели вырезы, противоположные вырезам верхних зубьев (рис. 5, 1, 2). Такой характер крепления является весьма своеобразным и отличается от насада позднемадленских гарпунов Европы, которые имеют специфичные конические завершения с подромбическими расширениями²³. Но в то же время абсолютно сходные с кравцовскими гарпунами формы отмечены в эпипалеолитических и мезолитических стоянках Сибири²⁴. Следовательно, кравцовские гарпуны можно отнести к сибирским типам и тем самым еще раз подтвердить, что развитие культуры населения восточной части Среднего Поволжья конца палеолита и раннего мезолита пошло под сильным воздействием Сибири, сопровождавшимся и непосредственным вторжением сибирского населения в интересующие нас области.

Вполне вероятно, что районы Среднего Поволжья и Западного Приуралья входили в эпоху раннего мезолита в одну общую с лесной Сибирью культурную зону с эпипалеолитическими чертами кремневого и постоянного инвентаря. Полученные в последние годы для некоторых раннемезолитических памятников Сибири радиоуглеродные даты (например, для мезолитического горизонта Усть-Белой — 8960 ± 60 лет)²⁵ позволяют предположительно относить время раннемезолитических памятников Среднего Поволжья к VIII—VII тысячелетиям до н. э.

Средний (развитой) период мезолита, в основном совпадающий с бореальным временем раннего голоцена, для Среднего Поволжья может быть охарактеризован значительно большим числом памятников, обнаруженных преимущественно в бассейне Волги (рис. 1).

В этой серии памятников наиболее важными являются стоянки, имеющие выраженную стратиграфию культурных отложений. К их числу относятся: нижний горизонт II Русско-Луговской стоянки, определенный на основе данных пыльцевого анализа временем раннего голоцена, или бореального климатического периода²⁶; стоянка Постников овраг III, культурный слой которой, залегающий выше слоя стоянки Постников овраг II, отделен от последнего толщей галечникового прослоя (рис. 2); стоянки «Раковский монастырь», исследованная В. В. Гольмстен в 1927 г. на р. Сок, и «Холодный Ключ», обнаруженная Г. Н. Матюшиным в 1965 г. на р. Сюнь, а также III Тетюшская стоянка, выявленная на Волге в 1966 г. П. Н. Старостиним. Все эти памятники, несмотря на их значительную удаленность друг от друга, содержат однотипный материал. Их культурные отложения, как правило, залегают в толще надлутовых террас на глубине до 1 м от поверхности.

В нижнем горизонте II Русско-Луговской стоянки изучены остатки древнейшего в Поволжье жилища подпрямоугольной формы (5,3—6,8×2,9—4,75 м) с двумя очажными ямами. Кремневый инвентарь этого памятника уже получил освещение в печати²⁷, поэтому ниже дается описание кремневого инвентаря наиболее южной в Среднем Поволжье стоянки — Постников овраг III. Всего в коллекции из этого памятника насчитывается 225 кремней, среди которых преобладают пластины и орудия из них (133 предмета, или 63%, без нуклеусов), тогда как отщепов и орудий из них значительно меньше (77 экз., или 37%). Напомним, что в материале более ранней стоянки Постников овраг II соотношение пластин и отщепов было обратное (пластин было 38%, отщепов — 62%).

Среди нуклеусов (15 экз.) обычны короткие клиновидные формы со скошенной площадкой и фасетками по одной длинной стороне (12 экз., рис. 6, 1, 2), но встречаются также и полупризматические нуклеусы с плоской отжимной площадкой и

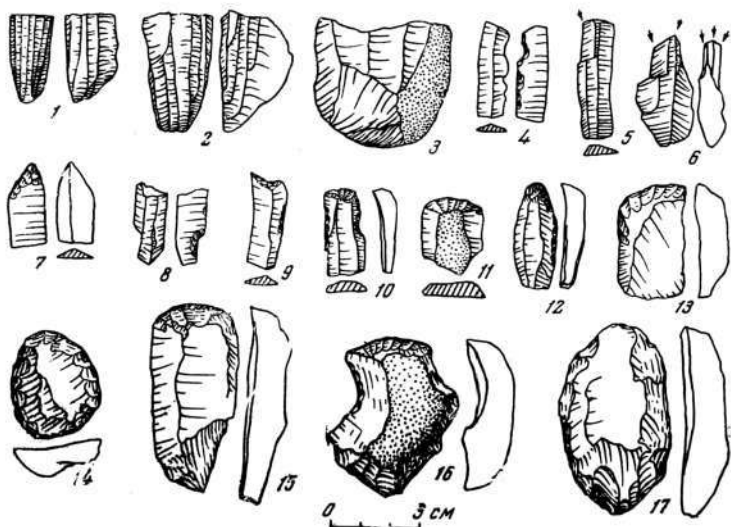

Рис. 6. Кремневый инвентарь южных памятников Среднего Поволжья развитой поры мезолита

1—6, 9—17—Постников овраг III; 7—Подгоры; 8—Воскресенское

приостренно-клиновидным основанием (3 экз., рис. 6, 3). Фасетки нуклеусов узкие, что в основном соответствует преимущественно узким пластинам, из которых 50 экземпляров имели ширину от 0,3 до 0,8 см, а 44 экземпляра — от 0,8 до 1,5 см. Выраженных вкладышей среди пластин нет, но имеются укороченные прямоугольные пластины со сбитым ударным бугорком и иногда тонкой затупляющей ретушью по краю, которые вполне могли употребляться в качестве вкладышных лезвий.

Из орудий преобладают скребки, преимущественно выполненные на концах ножевидных пластин (26 экз.) и резы на коротких отщепах (6 экз.). Среди первых выделяются скребки на крупных и длинных пластинах с округлым лезвием (рис. 6, 15), меньше скребков на обломках пластин (рис. 6, 11), единичны скребки с ретушью и боковым выемом по краю (рис. 6, 10), есть также один дублированный скребок и скребок с боковым резцовым сколом.

Резцы (5 экз.) относятся к типу угловых с одним резцовым сколом (4 экз., рис. 6, 5), но есть также один сложный резец с тремя (боковыми и срединным) резцовыми сколами (рис. 6, 6).

Из обработанных пластин встречены три пластины с парными боковыми выемами по одному краю (рис. 6, 4), три пластины с тупоугольным вырезом на коротком конце (рис. 6, 9) и сломанная пластина с боковым вырезом по углу основания (рис. 6, 8), напоминающая черешок наконечника стрелы.

Скребки, выполненные на отщепках небольших размеров, представлены двумя формами — овальной с круговой ретушью (2 экз., рис. 6, 14) и угловым скребком со слегка скошенным лезвием (2 экз., рис. 6, 13). Кроме того, имеются также скребки на подтреугольных отщепках с округленным лезвием (2 экз.) и скребок-скобель, выполненный на сколе желвачной корки (рис. 6, 16). Несколько крупных отщепов с ретушью по краю и приостренным лезвием можно рассматривать в качестве ножей.

Единственным крупным орудием долбящего или рубящего типа является овальной формы асимметричный «топорик-долото» (рис. 6, 17), напоминающий орудия со стоянки Постников овраг II, но изготовленный из кремня, характерного для описываемого инвентаря.

Значительную близость к описанному комплексу обнаруживает инвентарь III Тетюшской стоянки, найденной на размыве останца надлуговой террасы левого берега Волги, напротив г. Тетюши. Всего в коллекции из этого памятника имеется 192 кремня. Все они со следами патинизации (50% белый, 35 — светло-серый, 10 — серый и темно-серый и до 5% — коричнево-красный кремень). Половина из них (96 из 192) — ножевидные пластины и орудия на пластинах. Нуклеусы в основном не выраженные. Преобладают пластины средних размеров (шириной в 1—1,5 см). Любопытно наличие вкладыша в виде высокой трапеции с боковым уступом (рис. 4, 1). Среди орудий абсолютно преобладают скребки (рис. 4, 3, 18) и скобели с одинарными или парными выемами (рис. 4, 6—11). Характерно наличие пластин с выемами, иногда скошенными, на узком конце (рис. 4, 7, 9, 15, 16). Много резцов — угловых и срединных (рис. 4, 12—14). Есть также одно крупное топовидное орудие (рис. 4, 20). В целом инвентарь III Тетюшской стоянки обладает несколько более архаичными чертами, чем инвентарь стоянки Постников овраг III. В этом отношении он более близок к раннемезолитическим памятникам.

К периоду развитого мезолита, вероятно, следует отнести комплекс костяных орудий из с. Деушево на р. Свияге, хранящийся ныне в коллекции В. И. Заусайлова в Национальном музее Финляндии (№ 5384—3474—3479). Он состоит из трех гарпунов (рис. 5, 3, 5, 6), крюка (рис. 5, 4) и молота со сверлиной (рис. 5, 7). Гарпуны этого комплекса близки, с одной стороны, к азильским гарпунам Западной Европы, а с другой — к гарпунам из второго горизонта Верхоленской горы. В последние годы близкие по типу гарпуны обнаружены Г. Н. Матюшиным и в мезолитических комплексах Приуралья (Давлеканово и «Холодный ключ»).

Анализируя вышесказанное, следует отметить ряд черт, специфичных для выделенной средне-мезолитической группы па-

мятников. Стоянки обычно занимают высокие места: или возвышенные дюны надпойменных террас (II Русско-Луговская, III Тетюшская), или края высоких берегов рек (Постников овраг III). Такое их положение, возможно, объясняется существованием стоянок в период повышенной увлажненности бореального климата. Как показал пылецевой анализ отложений нижнего горизонта II Русско-Луговской стоянки²⁸, она бытовала в период максимума светло-хвойной растительности (но уже при появлении ели), что можно увязывать со второй половиной бореального периода, сопровождавшегося повышенной увлажненностью. Судя по незначительности культурных остатков на многих памятниках, можно полагать, что большинство из них были кратковременными стойбищами людей, часто менявших место жительства. Однако были и долговременные поселения типа II Русско-Луговской стоянки с прочными зимними домами-полуземлянками.

Общими для материальной культуры этой группы памятников являются следующие особенности: микролитизация кремня при наличии реликтовых макролитических форм; преобладание пластин средних размеров над отщепами; бытование клиновидных и полупризматических нуклеусов, вкладышей-пластин с угловым сколом с одного или обоих краев сложенной пластины; обилие скребков на пластинах или на их обломках; сохранение скребков на отщепах средних размеров с округлым и коротким, круговым и скошенным лезвиями, а также скребелей на отщепах и долбящих, преимущественно асимметричных, орудий на крупных сколах; наличие на некоторых памятниках пластин с парными боковыми выемами по одному краю, черешков-пластин с односторонним или двусторонним уступом, крупных пластин с ретушированным краем; отсутствие наконечников стрел выраженного типа и т. п.

Значительно отличаются материалы стоянок в Марийско-Чувашском Поволжье: Яндашевской — на р. Цивиле, Старо-Мазиковской — на р. Илети и Отаринского местонахождения — на левом берегу Волги²⁹.

Эти памятники располагаются также на относительно высоких местах: или на дюнах надлуговых террас, или на их высоких кромках. Кремневый инвентарь, отличающийся от инвентаря первой группы стоянок цветом — преобладает коричнево-красный, коричневато-желтый (Яндашево) или плотный голубоватосерый кремень (Старое Мазиково), — характеризуется резко выраженной микролитичностью. Пластин шире 1 см практически здесь нет. Им же соответствуют небольшие нуклеусы с плоской площадкой и конической, иногда карандашевидной и полупризматической формой (рис. 7, 1). Вкладыши на ножевидных пластинах короткие, прямоугольной формы, с затупляющей ретушью по краю спинки и с одним подретушированным узким краем

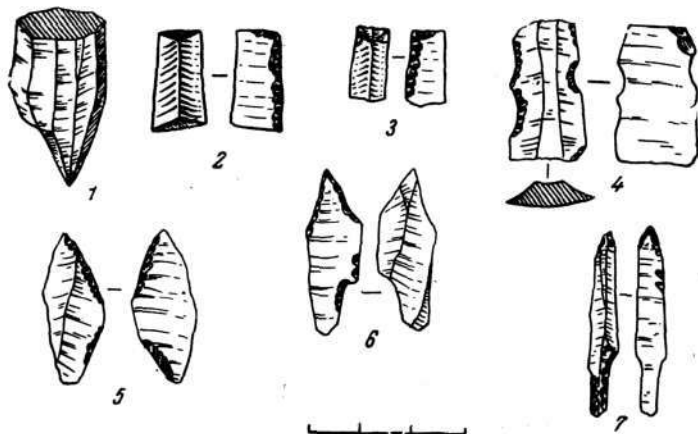

Рис. 7. Кремневый инвентарь мезолитических стоянок типа Яндашево (1, 4—7) и Старое Мазиково (2—3)

(рис. 7, 2, 3). На отщепах или на углу сломанной пластинки — резцы невыразительны. Широко представлены наконечники стрел на пластинках с отретушированным по краю острием и черешком, а также небольшие проколки (рис. 7, 5—7). Есть также пластины с боковыми выемами, но, в отличие от подобных пластин со стоянок первой группы, они обычно имеют выемы с двух сторон (рис. 7, 4). Скребки выполнены или на коротких пластинах, или на миниатюрных отщепах с округлым лезвием. Крупных орудий нет, так же как и немного орудий на отщепах (скребки, отщепы с краевым лезвием).

Отмеченные памятники близки к волго-окским стоянкам развитого мезолита, таким, как Борки, средний слой Елина Бора, Лукино³⁰. Вместе с последними, они, очевидно, входили в одну волго-окскую мезолитическую культурную область, которую выделяют М. В. Воеводский³¹, А. А. Формозов³² и Л. В. Кольцов³³. В настоящее время некоторые исследователи склонны рассматривать эту область как наиболее северо-восточную часть большой культурной общности, распространенной от Черного до Балтийского морей³⁴.

Что касается первой, основной группы мезолитических памятников Среднего Поволжья развитого периода, то она, вероятно, входила в волго-уральскую культурную область. Несомненно и культурная преемственность памятников средней поры мезолита этой группы с раннемезолитическими памятниками Среднего Поволжья типа стоянки Постников овраг II. Об этом свидетельствует сохранение в среднемезолитических комплексах архаичных, нуклеусов клиновидной формы, широкое распро-

странение скребков как на пластинах, так и на отщепах, употребление орудий, изготовленных на кремнях с сохранением желвачной корки, наличие наряду с микролитами крупных долбящих и топоровидных орудий и т. п.

Ближайшие аналогии средневожжским памятникам мы находим в Прикамье и Западном Приуралье. Сопоставление с памятниками этих районов позволяет для периода развитого мезолита выделить на крайнем востоке Европы большую культурную область с рядом специфичных черт, которую О. Н. Бадер³⁵ склонен называть камской культурной группой. Мне кажется, что это название слишком сужает территорию распространения культуры; более правильным было бы назвать ее волго-уральской культурной областью. Культура памятников развитого мезолита Среднего Поволжья, Прикамья и Приуралья характеризуется однотипными полупризматическими нуклеусами, прямоугольными пластинами-вкладышами, спорадическим бытованием трапециевидных вкладышей, боковыми резцами на углу сломанной пластины, пластинами со скошенным лезвием, сохранением топоровидных орудий³⁶. Среди этих орудий интересны пластины со скошенным острием и пластины с боковыми выемами по середине, у основания (рис. 6, 4, 7—9). Почти все эти типы известны в сибирских мезолитических памятниках. Так, пластины с боковым выемом у основания и скошенным асимметричным острием рассматриваются А. П. Окладниковым³⁷ как местные формы мезолитических орудий Прибайкалья. Крупные топоровидные орудия бытуют во втором (мезолитическом) горизонте Верхоленской горы³⁸.

О. Н. Бадер³⁹ и Г. Н. Матюшин⁴⁰ неоднократно отмечали следы воздействия культуры прикаспийского мезолитического населения на культуру Волго-Уральского района. Однако вместе с этим нельзя согласиться с мнением О. Н. Бадера⁴¹ о том, что это воздействие сопровождалось продвижением в Волго-Камье прикаспийского населения, приведшем якобы к полному вытеснению местных племен.

В обоснование этого предположения О. Н. Бадер приводит находки на Огурдинской стоянке на Каме вкладышей в виде трапеций с боковыми выемами или уступами, имеющих, по его мнению, южные, понто-каспийские аналоги. Следует заметить, что в последнее время подобного типа вкладыши обнаружены не только на юге, но и во многих других районах Европы. Так, близкие по типу трапеции известны в памятниках Северной Германии, Украины, Волго-Окского междуречья⁴².

Не исключено, что спорадическое появление трапециевидных вкладышей в мезолитических памятниках развитой поры на Волге и в Приуралье могло вызываться и совершенно иными (не южными) импульсами. В целом же культура мезолитических памятников волго-уральской области, сохраняя свою самобыт-

ность, продолжала развиваться на местной основе, уходящей своими корнями в сибирский лесной эпипалеолит и мезолит.

Вместе с тем нельзя исключать и определенные внешние воздействия на волго-уральское мезолитическое население. Если в Зауралье (особенно на Южном Урале) ощущалось значительное влияние мезолитических областей Прикаспия и Средней Азии⁴³, то в Волго-Камье, территориально занимающем пограничные с Европой и Азией районы, более сильным было западное воздействие⁴⁴.

Этими причинами следует, по-видимому, объяснить увеличение роли мезолитической техники обработки кремня в период развитого мезолита в западно-сибирских и волго-уральских памятниках.

В позднем периоде мезолита, совпадающем с концом бореального и началом атлантического климатических периодов, в Среднем Поволжье наблюдается дальнейшее распространение населения, перешедшего уже к оседлому образу жизни. Об этом свидетельствует значительно большее число поселений этого времени, остатки которых обнаружены также и в районах, удаленных от крупных рек (рис. 1). Следует отметить, что большинство исследованных памятников этого периода расположено на дюнах высоких пойм, где они имеют вид устойчивых и длительных поселков. Однако продолжают сохраняться памятники и по краям высоких террас.

В 1960 г. археологическая экспедиция КФАН СССР в 1 км к востоку от с. Кабы-Копры Буинского района Татарской АССР на дюнном всхолмлении высокой поймы левого берега р. Свияги, с запада ограниченном полузасохшей старицей реки, обнаружила остатки большой стоянки, песчаная поверхность которой была сильно разрушена систематической распахкой. Раскопками, проведенными на стоянке в 1960—1961 гг., выявлено два стратиграфических горизонта. Верхний горизонт, в значительной степени нарушенный распахкой, содержал смешанный позднемезолитический и раннеолитический материал (см. ниже). Нижний горизонт, хотя и в какой-то мере нарушенный ямами позднего скотомогильника, сохранил остатки большого жилого сооружения и дал чистый материал позднемезолитического облика.

В плане очертания жилища имели подквадратную форму (12,8×13,6) с расплывчатыми краями, углубленными на 20—40 см⁴⁵. По краям котлована прослежены следы ямок с вертикальным профилем (скорее всего от столбов крепления стен) диаметром от 20 до 40 см и глубиной от 40 до 70 см. По северной стороне отмечено четыре пятна, по восточной — восемь, по южной — пять и по западной — две. Ближе к центру жилища располагались несколько очажных, овальных в плане (от 40×50 см до 100×130 см) и котловидных в профиле (глубина

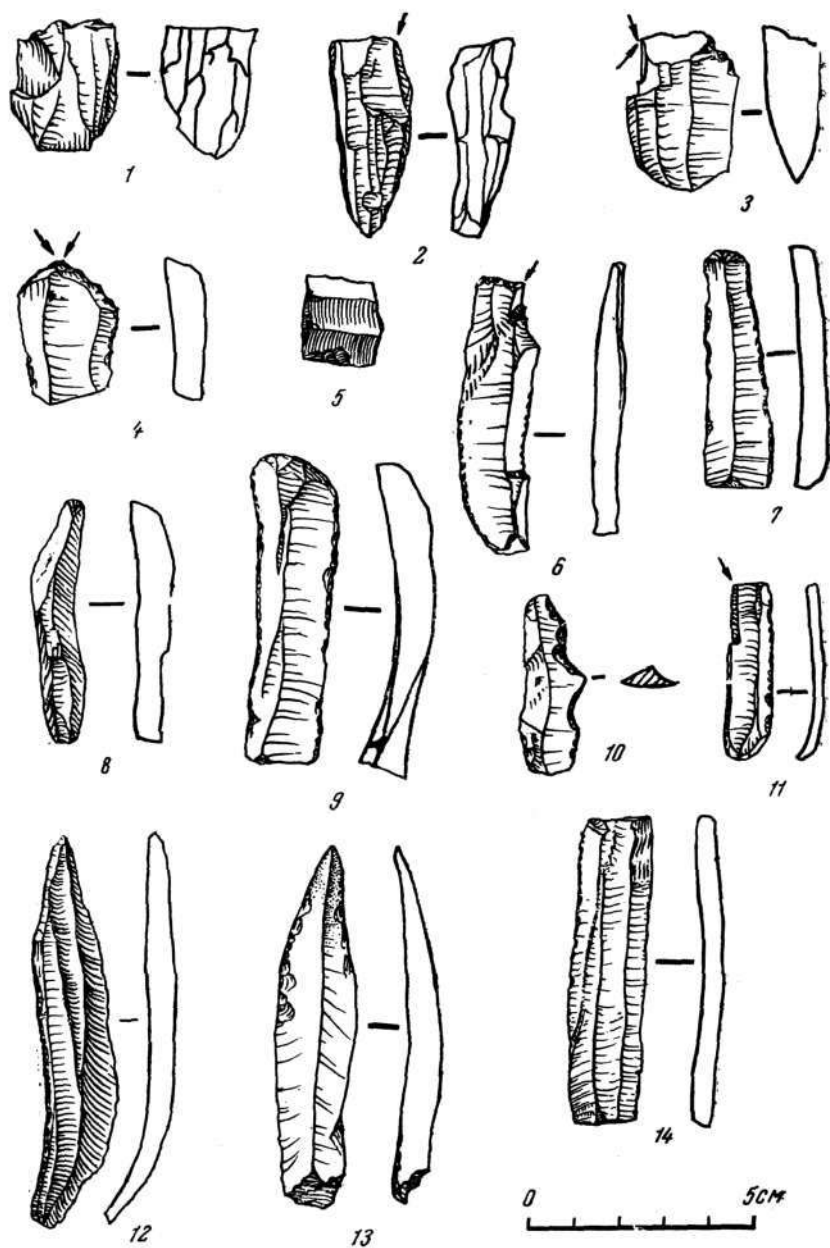
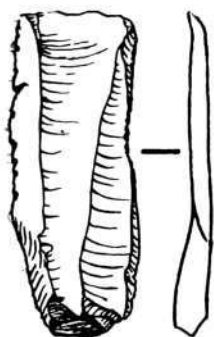
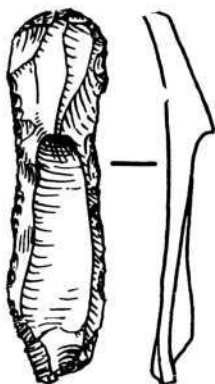

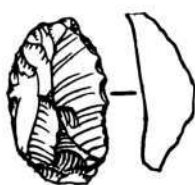
Рис. 8. Позднемезолитический комплекс Кабы-Копрынской стоянки (1—24)

15

16

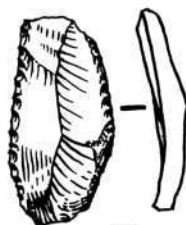
17

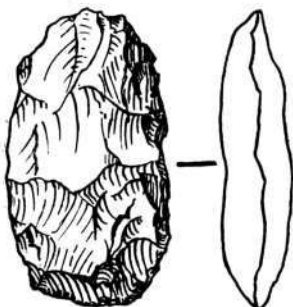
18

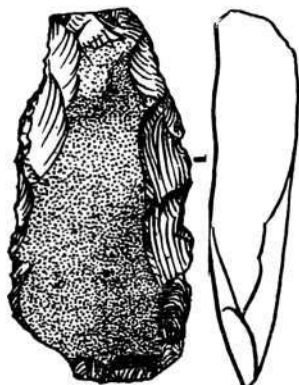
19

20

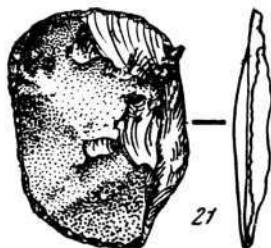
23

22

24

21

20—50 см) ям, насыщенных углистыми остатками. Здесь же, несколько в стороне от очагов, по концентрической окружности выявлены пятна от глубоких ям с вертикальным профилем — остатки центральных столбов, вероятно, поддерживавших многоскатную крышу. Из жилища вели два выхода: один — в восточной стороне, а другой — в юго-западном углу. Причем, для последнего отмечены следы неоднократной перестройки выходного тамбура. На северной стороне, ближе к северо-восточному углу, располагалась широкая ниша — своеобразный погребок. Наиболее насыщенной оказалась центральная часть жилища, краевые же участки, содержавшие немногочисленные находки, вероятно, были заняты нарами. Возможно, на стоянке имелись и другие жилые сооружения, так как следы еще одного котлована прослежены в разведочной траншее 1960 г.

Описанное жилище вместе с жилищем нижнего слоя II Русско-Луговской стоянки является одним из древнейших жилых сооружений Среднего Поволжья. Следует отметить, что, несмотря на разницу в форме, оба жилища имеют ряд сходных конструктивных черт — укрепление краев котлована вертикальными столбами, следы скатных перекрытий и др., сохраняющихся впоследствии и в жилищах неолитического периода. Крупные размеры кабы-копрынского жилища (жилая его площадь без очагов достигает 150 кв. м), так же как и фундаментальность постройки, свидетельствует об оседлом обитании на стоянке значительной группы людей.

В заполнении пола жилища собрано более 700 кремней, 7 кварцитовых и гранитных галек и куски пережженных костей. Никаких следов керамики здесь не обнаружено, хотя в верхнем слое и было зафиксировано несколько десятков мелких фрагментов ранне-неолитической керамики, связанных с более поздней стоянкой.

Кремневый инвентарь стоянки, уже получивший некоторое освещение в печати⁴⁶, характеризуется все еще значительным процентом (до 40) пластин и орудий из них. Вместе с тем показательное отсутствие вкладышей, нуклеусов правильных форм, немногочисленность резцов и вообще микроформ, аморфность скребков, появление ножей и распространение крупных топовидных орудий (рис. 8).

Весь этот материал, сохраняющий еще устойчивые мезолитические традиции в обработке и форме кремневых изделий, дает ряд ведущих типов (скребки на длинных пластинах, дисковидные скребки на крупных отщепках, топовидные орудия и т. п.), опираясь на которые можно характеризовать развитие техники изготовления кремневых орудий в Среднем Поволжье в позднемезолитический период.

По времени и культуре к Кабы-Копрынской стоянке близки несколько стоянок и местонахождений в Среднем Поволжье:

I Камско-Устьинская и Сюкеевская стоянки на Волге, Савиновская стоянка у г. Казани; I, VII и IX Нижне-Марьяновские и III Березовогривская стоянка на Нижней Каме; Курманаевская и Широкундышская стоянки в Марийской АССР; стоянка у пос. Монашенский хутор в окрестностях г. Куйбышева и Чернышницкая стоянка на Вятке⁴⁷ (рис. 1).

Вещевой материал, собранный на этих памятниках, состоит из слабо патинизированного кремня светло-серого и серого оттенков. Нуклеусы представлены призматическими, полупризматическими и реже правильными коническими и карандашевидными формами. Есть также поперечные сколы с нуклеусов и нуклевидные кремни с сильно сработанными гранями. Среди пожевидных пластин, составляющих почти половину инвентаря, преобладают экземпляры средней ширины. На них изготовлены концевые скребки, ножи, проколки, остря. Почти на всех стоянках обнаружены целые экземпляры и обломки крупных асимметричных долотовидных орудий.

Вышеизложенное позволяет выяснить характерные черты позднемезолитического периода Среднего Поволжья. В этот период наблюдается заселение человеком дюнных всхолмлений высоких пойм притоков крупных рек, что, очевидно, было связано с распространением относительно сухого климата и с минимумом влажности, падающим примерно на начало атлантической климатической фазы, наступившей на рубеже 6—5 тысячелетий до н. э.⁴⁸ Между прочим, перенесение позднемезолитических стоянок на низкие места характерно и для других районов Восточной Европы. Такое низкое положение имеют стоянки: Заозерская в Прикамье⁴⁹, Гремячее на Оке⁵⁰, Мишевский Яр I и Дроновка на Донце⁵¹. Отмечается также усиление оседлости, строительство крупных жилищ и увеличение размеров поселков. Позднемезолитическое население Среднего Поволжья осваивает залежи окремнелого известняка, из которого уже изготавливается большинство орудий. Такая же тенденция наблюдается в Приуралье⁵² и на Верхней Волге⁵³, что, очевидно, объясняется постепенным переходом к изготовлению крупных орудий с частичной подшлифовкой рабочих лезвий.

По сравнению с предшествующим периодом наблюдается определенная макролитизация орудий, хотя мезолитические традиции в их изготовлении были еще довольно сильны. Так, процент пластин падает до 40 (Кабы-Копры), да и сами пластины становятся более крупными. Вместе с этим следует отметить дальнейшее совершенствование техники стесывания пластин, что выражается в увеличении разнообразия нуклеусов и усилении их сработанности. Пластины-вкладыши почти выходят из употребления в связи с заменой составных орудий монолитами. Резцы также деградируют и начинают изготавливаться не только на пластинах, но и на отщепах. Очевидно, это обстоятельство

надо поставить в прямую связь с распространением ножей на пластинах и отщепах. Значительную дифференциацию получают скребки, изготавливавшиеся на концах длинных пластин и имевшие различное, часто скошенное лезвие, а также краевую ребушь по длинным сторонам пластин. Скребки на отщепах преобладают. Среди них господствуют орудия с округлым и скошенным лезвием, а также появляются дублированные скребки. Характерно отсутствие или очень слабая распространенность наконечников стрел. Число проколов увеличивается.

Но, пожалуй, наиболее присущей чертой этого периода является распространение крупных долотовидных и топовидных орудий, преимущественно асимметричных и с односторонней обработкой, а также со следами частичной шлифовки. Этих орудий еще немного, но они уже являются предвестниками неолитической «революции».

Тенденция к употреблению крупных топовидных орудий, очевидно, является специфической особенностью позднего мезолита. Как известно, на широких пространствах Европы и Сибири почти повсеместно к этому времени относится изготовление крупных рубящих орудий — они бытуют в Крыму⁵⁴, Днепровско-Донском междуречье⁵⁵, Скандинавии⁵⁶, Белорусии⁵⁷, Волго-Окском междуречье⁵⁸ и далеко в Прибайкалье⁵⁹.

Сопоставление кремневого инвентаря позднемезолитического периода с материалом развитого мезолита Средней Волги позволяет утверждать, что культура позднего мезолита полностью базируется на культуре предшествующего периода, отличаясь от нее лишь исчезновением некоторых старых типов орудий, появлением новых или усовершенствованием прежних. К сожалению, пока неизвестны памятники позднего мезолита в западной части Средней Волги, поэтому мы не можем проследить, в каком направлении там шло развитие культуры. Можно считать, лишь предположительно, что население западных районов, вероятно, продолжало находиться под влиянием Волго-Окской мезолитической культуры.

Говоря о своеобразии культуры позднего мезолита Средней Волги, следует отметить все еще сохраняющуюся близость ее к памятникам Приуралья и Сибири. К сожалению, пока очень слабо представлен поздний мезолит в Прикамье. Имеющиеся здесь стоянки (Заозерская, Ольховско-Первомайская, Барская пристань) дают невыразительный и к тому же смешанный материал⁶⁰, поэтому практически производить какие-либо сопоставления с ними невозможно. Однако наличие к северу от Верхнего Прикамья в бассейне Вычегды⁶¹ позднемезолитических памятников, инвентарь которых близок позднемезолитическим древностям Средней Волги и Нижней Камы, заставляет предполагать, что период позднего мезолита все Прикамье и северные от него районы входили в область распространения куль-

туры волго-уральского типа. Г. Н. Матюшин относит к позднему мезолиту в Приуралье стоянки Черкасово и Акбута⁶². В основных чертах материалы этих стоянок совпадают с позднемезолитическими комплексами Средней Волги, хотя и здесь для сопоставления не хватает целого ряда звеньев. Вместе с этим для приуральских стоянок наблюдается значительно большая микрочастичность кремня.

Любопытно сходство позднемезолитических комплексов волго-уральской области с материалами восточно-сибирских, в частности прибайкальских, памятников. Весьма интересной в этом отношении является верхний (первый) горизонт стоянки на Верховенской горе, отнесенный к эпохе мезолита⁶³. Почти весь основной набор орудий этой стоянки — клиновидные и конические нуклеусы, скребки с овальным лезвием и длинные скобели с узким концом, ножи с округлым лезвием и долотовидные асимметричные орудия, округлые ретушеры с отбитыми краями и т. п. — находит аналогии в средне-волжских материалах.

Сопоставление наших материалов с позднемезолитическими стоянками Оки и Волго-Окского междуречья⁶⁴ показывает достаточно резкое их различие, что позволяет утверждать продолжающееся разделение Средней Волги и Волго-Окского района на две самостоятельные культурные области.

Следует полагать, что район Средней Волги в позднем мезолите, выделяясь как самостоятельная культурная область, продолжал сохранять большую близость к Приуралью и Сибири и в меньшей степени был связан с бассейнами Оки и Верхней Волги.

Такая тенденция является специфической особенностью мезолитического периода для значительной части территории Среднего Поволжья. Но вместе с тем в эпоху мезолита Среднее Поволжье выступает как контактная зона между двумя большими общностями: волго-окской на западе и волго-уральской на востоке, что еще более усиливается в последующее неолитическое время.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ О. Н. Бадер. Первоначальное заселение Урала и Волго-Камья человеком. «Уч. зап. Пермского государственного университета», т. V, вып. 2, Пермь, 1947; он же. Ранний палеолит Урала и Поволжья. «Уч. зап. Пермского государственного университета», т. VII, вып. 2, Пермь, 1955; он же. Палеолит Урала и его место в древнейшей истории Евразии. Четвертичный период и его история. М., 1965; М. З. Паничкина. Разведки палеолита на Средней Волге. СА, XVIII, 1953; Н. Ф. Калинин, А. Х. Халиков. Итоги археологических работ КФАН за 1945—1952 гг. «Тр. КФАН» (серия гуманитарных наук); Казань, 1954; А. Х. Халиков. Юнга-Кушергинская палеолитическая стоянка. «Тр. МарНИИ», вып. XVI. Йошкар-Ола, 1961.

² В. И. Громов. Палеонтологическое и археологическое обоснование стратиграфии континентальных отложений четвертичного периода на территории СССР. «Тр. ИГН» (геологическая серия), вып. 64, № 17. М., 1948; А. И. Москвитин. Четвертичные отложения и история формирования долины р. Волги в ее среднем течении. «Тр. Геологического института АН СССР», вып. 12. М., 1958.

³ А. Х. Халиков. Материалы к изучению истории населения Среднего Поволжья и Нижнего Прикамья в эпоху неолита и бронзы. «Тр. Марийской археологической экспедиции», т. I. Йошкар-Ола, 1960; он же. Некоторые проблемы мезолита, неолита и бронзы в Среднем Поволжье и Нижнем Прикамье. «Археология и этнография Башкирии», т. II. Уфа, 1965.

⁴ П. М. Долуханов. Палеогеография мезолита Северной Европы. МИА, № 126, 1966.

⁵ Сб.: «У истоков древних культур (эпоха мезолита)». Предисловие. МИА, № 126, 1966, стр. 75; П. М. Долуханов. Указ. соч., стр. 74; Л. В. Кольцов. Некоторые итоги изучения мезолита Волго-Окского междуречья. СА, 1965, № 4, стр. 26.

⁶ А. И. Москвитин. Указ. соч., стр. 199.

⁷ Там же, стр. 24.

⁸ А. Х. Халиков. Мезолит Среднего Поволжья. МИА, № 126, 1966, стр. 185.

⁹ В. В. Гольмстен. Археологические памятники Самарской губернии. «Тр. РАНИОН» (секция археологии), т. IV. М., 1928, стр. 129, 130.

¹⁰ Там же, стр. 129.

¹¹ П. П. Ефименко. Экспедиция для изучения палеолитических культур. «Сообщения ГАИМК», вып. I. М.—Л., 1926, стр. 319.

¹² Под шифром КKM—1,4.

¹³ М. З. Паничкина. Палеолитические нуклеусы. «Археологический сборник Эрмитажа», вып. I. Л., 1959, стр. 58.

¹⁴ З. А. Абрамова. Памятники палеолита низовьев р. Селенги. «Археологический сборник», I. Улан-Удэ, 1959, стр. 30; Г. И. Медведев. Место культуры Верхоленской горы в археологической периодизации Прибайкалья. «Вопросы истории Сибири и Дальнего Востока». Новосибирск, 1961.

¹⁵ А. П. Окладников. Итоги и узловые проблемы изучения палеолита в СССР за 40 лет. СА, 1957, № 4, стр. 21.

¹⁶ С. А. Семенов. Первобытная техника. МИА, № 54, 1957, стр. 119—124; В. П. Левенок. Мезолит среднерусского днепровско-донского междуречья и его роль в сложении местных неолитических культур. МИА, № 126, 1966, стр. 92.

¹⁷ Г. Н. Матюшин. Мезолит и неолит Башкирии. Автореф. канд. дисс. М., 1964; О. Н. Бадер. Мезолит лесного Приуралья и некоторые общие вопросы изучения мезолита. МИА, № 126, 1966, стр. 203, 204.

¹⁸ О. Н. Бадер. Палеолит Урала и заселение Севера. «VII МКАЭН». М., 1964, стр. 8.

¹⁹ Там же, стр. 5.

²⁰ О. Н. Бадер. Камская археологическая экспедиция в 1949 г. КСИИМК, вып. XXXIX, 1951, стр. 95.

²¹ В. В. Гольмстен. Указ. соч., стр. 129, рис. 7, 8.

²² О. Н. Бадер. Первоначальное заселение Урала и Волго-Камья человеком.

²³ С. Н. Бибииков. Производственная роль костяного инвентаря в хозяйстве позднелепелитических общин Крыма. «Уч. зап. ЛГУ», вып. 85. Л., 1949, стр. 24.

²⁴ А. П. Окладников. Палеолит Забайкалья. «Археологический сборник», I, стр. 16; М. П. Аксенов. Археологические исследования на многослойном памятнике Верхоленская гора в 1963—1966 гг. Иркутск, 1966, рис. 7, 8.

²⁵ М. П. Аксенов. Указ. соч., стр. 36.

²⁶ А. Х. Халиков. Материалы к изучению истории населения Среднего Поволжья и Нижнего Прикамья в эпоху неолита и бронзы, стр. 19.

- ²⁷ Там же, стр. 12—19. А. Х. Халиков. Мезолит Среднего Поволжья, стр. 185—187.
- ²⁸ А. Х. Халиков. Материалы к изучению истории населения Среднего Поволжья и Нижнего Прикамья в эпоху неолита и бронзы, стр. 18.
- ²⁹ Там же, стр. 21.
- ³⁰ Л. В. Кольцов. Некоторые итоги изучения мезолита Волго-Окского междуречья, стр. 20, 21.
- ³¹ М. В. Воеводский. Мезолитические культуры Восточной Европы. КСИИМК, вып. XXXI, 1950.
- ³² А. А. Формозов. Этнокультурные области на территории Европейской части СССР в каменном веке. М., 1959.
- ³³ Л. В. Кольцов. Некоторые итоги изучения мезолита Волго-Окского междуречья.
- ³⁴ Н. Н. Гурин. Новые данные о каменном веке Северо-Западной Белоруссии, МИА, № 131, 1965, стр. 201, 202.
- ³⁵ О. Н. Бадер. Мезолит лесного Приуралья и некоторые общие вопросы изучения мезолита, МИА, № 126, 1966, стр. 197.
- ³⁶ А. Х. Халиков. Мезолит Среднего Поволжья; Г. Н. Матюшин. Мезолит и неолит Башкирии; О. Н. Бадер. Древнейшая история Прикамья. М., 1963.
- ³⁷ А. П. Окладников. Неолит и бронзовый век Прибайкалья, МИА, № 18, 1950, стр. 158—162.
- ³⁸ М. П. Аксенов. Указ. соч., стр. 34.
- ³⁹ О. Н. Бадер. К истории Урала и Волгокамья в эпоху древнего и среднего каменного века. В кн.: «Из истории Урала», Свердловск, 1960.
- ⁴⁰ Г. Н. Матюшин. Мезолит Урала. «Доклады и сообщения археологов СССР на VII Международном конгрессе доисториков и протодисториков», М., 1966.
- ⁴¹ О. Н. Бадер. Мезолит лесного Приуралья..., стр. 205.
- ⁴² Л. Я. Крижевская. Новые данные о хронологии позднелеолитических и мезолитических памятников севера ГДР и ФРГ, МИА, № 126, 1966; стр. 60; Д. Я. Телегин. Мезолит Левобережной Украины, МИА, № 126, 1966; Л. В. Кольцов. Новые раскопки стоянки Елян Бор, МИА, № 126, 1966, стр. 181.
- ⁴³ Г. Н. Матюшин. Мезолит Урала, стр. 74.
- ⁴⁴ О. Н. Бадер. Мезолит лесного Приуралья..., стр. 197.
- ⁴⁵ А. Х. Халиков. Мезолит Среднего Поволжья, стр. 190 и сл., рис. 4.
- ⁴⁶ Там же, стр. 191 и сл.
- ⁴⁷ Н. И. Стефанова. Черьяницкая мезолитическая стоянка. СА, 1966, № 4.
- ⁴⁸ А. В. Шнитников. Изменчивость общей увлажненности материков Северного полушария. «Зап. Географического общества СССР», т. XVI. М.—Л., 1957, стр. 261.
- ⁴⁹ О. Н. Бадер. Камская археологическая экспедиция. КСИИМК, вып. 70, 1958, стр. 61, 62.
- ⁵⁰ М. В. Воеводский. Стоянка Гремяче. МИА, № 2, 1941, стр. 143, 144.
- ⁵¹ Д. Я. Телегин. Неолитические памятники среднего течения Северного Дона. СА, XXIX—XXX, 1959, стр. 160.
- ⁵² Г. Н. Матюшин. Памятники каменного века на территории Башкирской АССР. «Башкирский археологический сборник». Уфа, 1959, стр. 19.
- ⁵³ Э. А. Абрамова. Неолитическая «мастерская» кремневых орудий на Волге близ Костромы. КСИИМК, вып. 67, 1957, стр. 74.
- ⁵⁴ Д. А. Крайнов. Пещерная стоянка Таш-Аир I как основа для периодизации послепалеолитических культур Крыма. МИА, № 91, 1960, стр. 86, 87.
- ⁵⁵ В. П. Левенюк. Указ. соч. (см. примечание 166), рис. 3.
- ⁵⁶ H. Schwabedissen. Das Magdalenien in Nordwesteuropaischen Flachland. Eiszeitalter und Legenvart, Bd. I. Ohningen, 1951; C. A. Altin. The

Chronology of the Stone age settlement of Scania. Sweden, p. I. Acta archeologica Lundensia, ser. 4. Lund, 1954, S. 217.

⁵⁷ Н. Н. Гурьян. Указ. соч., стр. 202.

⁵⁸ Л. В. Кольцов. Некоторые итоги изучения мезолита Волго-Окского междуречья, стр. 21.

⁵⁹ Г. Н. Медведев. Указ. соч., стр. 239.

⁶⁰ О. Н. Бадер. Камская археологическая экспедиция в 1956 г. КСИИМК, вып. 74, 1959, стр. 111.

⁶¹ Г. М. Буров. Вычегодский край. Очерки древней истории. М., 1965, стр. 47 и сл.

⁶² Г. Н. Матюшин. Мезолит Урала, стр. 69.

⁶³ Г. Н. Медведев. Указ. соч., М. П. Аксенов. Указ. соч.

⁶⁴ Л. В. Кольцов. Некоторые итоги изучения мезолита Волго-Окского междуречья.

ГЛАВА ВТОРАЯ

НЕОЛИТ СРЕДНЕГО ПОВОЛЖЬЯ

Эпоха неолита, или так называемый период «неолитической революции», совпадающий с конечной фазой каменного века, сопровождался дальнейшим развитием материальной культуры и усложнением общественно-экономических отношений. В этот период в крае увеличивается численность населения, прочно осевшего не только прибрежные, но и удаленные от крупных рек районы. Вместе с тем в материальной культуре вырабатываются устойчивые специфические признаки и наблюдается унификация культуры на обширной территории, что, вероятно, было связано с этно-культурной консолидацией родо-племенных групп.

В период неолита наивысшее развитие получают каменные орудия труда. Более совершенные технические приемы обработки камня: шлифовка, пиление, сверление, достаточно быстро освоенные местными племенами, вызвали появление новых типов орудий. Все возрастающая потребность в каменных орудиях стимулировала широкое освоение залежей кремневого сырья, создание своеобразных карьеров-рудников по добыче кремня с организацией в поселках или рядом с ними «мастерских» по изготовлению каменных орудий.

Появляется и широко распространяется глиняная посуда, остатки которой в местных неолитических поселениях становятся известными уже в раннее время.

Успехи в развитии охотничье-рыболовческого хозяйства и в изготовлении орудий труда обусловили окончательный переход всего населения к устойчивому оседлому образу жизни, что и подтверждают остатки крупных домов — типа полуземлянок, изученных на ряде поселений неолитического периода.

В неолите, как известно, резко усиливаются различия в развитии племен юга и севера Евразии — если на юге уже в V—IV тысячелетиях до н. э. складываются земледельческо-скотоводческие племена, то на севере вплоть до конца II тысячелетия до н. э., а местами и позднее, население продолжает заниматься охотой и рыболовством. Разные экономические основы создали и различные особенности материальной культуры, специфичные для скотоводческо-земледельческих и охотничье-рыболовческих племен.

Население Волго-Камья вплоть до конца III тысячелетия до н. э. входило в культурно-экономическую область охотничье-рыболовческих племен, хотя уже в III тысячелетии до н. э. к его южным границам продвинулись ранние скотоводческие племена.

Ранне-неолитические памятники Среднего Поволжья характеризуются посудой с накольчатым и накольчато-прочерченным орнаментом. Позднее, в период развитого неолита, на базе этой керамики здесь развивается характерная гребенчатая керамика, присущая волго-камским неолитическим племенам. В более западных районах Среднего Поволжья, тяготеющих к Волго-Окскому бассейну, в середине и второй половине неолита активизируются племена балахнинской культуры с ямочно-гребенчатой керамикой. Взаимоотношения между этими двумя группами неолитического населения имели важное значение для этнической истории местного края в конце эпохи камня.

Специфичным условием неолитического времени края являлось и то, что с юго-востока племена волго-камской культуры, находившиеся в теснейшем контакте с населением Южного Урала, постепенно испытывали воздействие племен неолитических культур с гребенчато-струйчатой керамикой. Немаловажными для истории населения Волго-Камья являлись и рано установившиеся в эпоху неолита контакты с древнейшими скотоводами степей Восточной Европы — племенами ямной культуры, в конце эпохи неолита познакомившими местные племена с первыми металлами и зачатками производящего хозяйства.

История неолитического населения края протекала в условиях дальнейшего изменения природных условий, совершавшихся не такими резкими скачками, как в эпоху палеолита, но все же сопровождавшихся определенными колебаниями, несомненно, влиявшими на развитие экономики и культуры в условиях сильнейшей зависимости человека и его примитивного присваивающего хозяйства от природной среды.

Неолитическое время Средней Волги, соответствующее хронологическому промежутку с конца V по конец III тысячелетия до н. э., должно быть отнесено к периоду среднего голоцена, по М. И. Нейштадту, или к атлантическому и началу суббореального климатических периодов по схеме Блитта-Серндера.

По А. В. Шнитникову и Г. К. Тушинскому, эти периоды характеризуются колебаниями общей увлажненности, что было подтверждено и многочисленными наблюдениями над условиями расположения ряда археологических памятников неолитического времени. Для хронологического отрезка от конца V до конца III тысячелетия до н. э. выделяются три фазы увлажненности¹.

Эпоха повышенной увлажненности на грани V и IV тысячелетий до н. э. Она характеризовалась сильно повышенной дождливостью, мягкой зимой и прохладным летом, когда в Поволжье интенсивно распространяются широколиственные леса, которые в общей массе довлели над хвойными (сосна и ель)². Отдельные стоянки этого периода, известные в крае, занимают высокие дюны боровых террас (верхний горизонт II Русско-Луговской стоянки). Анализы пыльцы из проб, взятых в отложениях указанного памятника, подтверждают повышенную увлажненность³.

Эпоха пониженной увлажненности — от середины IV до середины III тысячелетия до н. э. Она связана с завершающей фазой теплого атлантического периода. Климат Европы характеризуется континентальностью и сильным потеплением лета. По Сернандеру, в Швеции температура августа в это время была в среднем на 5—7° выше современной⁴. В степях Восточной Европы во второй половине IV тысячелетия до н. э. наблюдались сильные засухи. Все это вызвало значительное уменьшение стока рек и перенос поселений на низкие места, на дюны пойм рек (верхний горизонт стоянки Кабы-Копры, «Вороний куст» и др.). Определенное изменение наблюдается и в составе флоры. Так, по данным Т. А. Кузнецовой, определившей пробу на пыльцу из нижнего слоя Майданской стоянки, археологически датированного еще позже первой половины III тысячелетия до н. э. (см. ниже, стр. 100, 108), состав пыльцы характеризуется абсолютным преобладанием сосны (77,8%) при увеличении спор сфагновых мхов, относительно большом проценте пыльцы лиственных пород (19,2%) и крайней незначительности березы (3,0%). Такой пыльцевой спектр характерен для теплого и сухого климата, сопровождавшегося интенсивным распространением на песчаных почвах сосны. К выводу о возможности существования в IV—III тысячелетиях до н. э. в северной полосе Восточной Европы более теплого и засушливого климата, по сравнению с современным, пришли и другие исследователи⁵.

Эпоха повышенной увлажненности второй половины III и начала II тысячелетия до нашей эры. Это время позднего неолита и энеолита в Среднем Поволжье характеризуется переносом большинства стоянок на высокие места в связи с увеличением стока рек и повышением уровня озер. Как показывает пыльцевой анализ отложений Майданской стоянки волосовской культуры, в связи с общим увлажнением климата, падает процент сосны (до 62%), появляется ель и несколько увеличивается распростра-

ненность березы при интенсивном развитии папоротников (66,6%) и разнотравья (55%).

В неолитический период на территории Среднего Поволжья, как отмечалось выше, четко выделяются две достаточно резко отличные друг от друга культурные группы: западная — балахинская с характерной для ее керамики гребенчато-ямочной орнаментацией и восточная — волго-камская с керамикой, орнаментированной вначале накольчато-прочерченной техникой, а затем оттисками гребенчатого штампа. За последние годы в пределах Среднего Поволжья обнаружено более 200 стоянок обеих культурных групп, изучение материала которых позволяет достаточно подробно представить характерные черты и наметить вехи общей периодизации культуры этих памятников.

Памятники волго-камской неолитической культуры и вопросы их периодизации

Волго-камская культура, впервые выделенная О. Н. Бадером⁶, была названа им камской на том основании, что большинство памятников этой культуры к 1950—1960 гг. было известно на Каме. Однако работы последних лет показали, что племена этой культуры занимали и берега Средней Волги, причем здесь обнаружены и наиболее ранние памятники, неизвестные на р. Каме. К тому же следует добавить, что лишь памятники Волги и Нижней Камы (до устья р. Белой) дают чистые комплексы культуры, тогда как стоянки средней (Кряжская) и верхней (Боровое озеро I, Хуторская) Камы и Приуралья (Усть-Айская и др.) содержат определенную и иногда весьма высокую долю южно-уральской керамики с гребенчато-струйным орнаментом. Эту культуру следует называть волго-камской.

На территории Среднего Поволжья в настоящее время насчитывается более 180 памятников волго-камской культурной группы, объединенных рядом общих признаков и размещенных примерно на одной территории (рис. 9). В основном это остатки поселений, хотя имеется и несколько разрозненных погребений (Ново-Мордовское, Гулькинское, Криволучское и др.). Среди поселений выделяется ряд многослойных стоянок, детальные раскопки которых позволяют проследить определенные закономерности в развитии всей волго-камской неолитической культуры, начиная от ее возникновения и вплоть до перехода в энеолитические культуры. К их числу следует отнести такие стоянки, как II Шербетовская (вскрыто 420 кв. м), II Русско-Луговская (вскрыто 230 кв. м), Кабы-Копрынская (вскрыто 469 кв. м), III Обсерваторская (вскрыто 436 кв. м), Ново-Мордовская (вскрыто 200 кв. м), II Лебединская (вскрыто 336 кв. м), II Старо-Мазиковская (вскрыто 120 кв. м) и III Старо-Мазиковская

(вскрыто 436 кв. м). Значительное число стоянок (Займище III, IV Матюшинская, I Лебединская, II Кабы-Копрынская, II Мало-Кокузинская, Гулькинская и др.) было подвергнуто рекогносцировочным раскопкам, что позволило выявить их стратиграфию и получить достаточный материал для характеристики их культурной принадлежности. Значительный объем произведенных работ (общая площадь вскрытых культурных напластований достигает 3500 кв. м) позволяет оперировать большим материалом, надежным как в стратиграфическом, так и типологическом отношении. В последние годы в приустьевой части Камы по берегам Куйбышевского водохранилища на размытых памятниках собран огромный материал, в значительной степени увеличивающий массу фактических данных и вместе с тем содержащий многие уникальные предметы, отсутствующие в прежних коллекциях.

Ниже вниманию читателя предлагается схема периодизации волго-камской неолитической культуры. В основу периодизации положены материалы широко изученных памятников, данные которых, сведенные в таблицах (А, Б), показывают развитие культуры.

Стремясь дать не особенно дробную периодизацию, автор в предлагаемой схеме принял двухчленное деление на ранний и поздний периоды с соответствующим выделением в каждом периоде нескольких этапов.

Ранний период волго-камской культуры на Средней Волге и Нижней Каме представлен такими основными памятниками, как: верхние слои II Русско-Луговской⁷, Кабы-Копрынской стоянок, II Щербетская, I Ново-Мордовская стоянки, нижний горизонт III Обсерваторской стоянки⁸, II Лебединская стоянка, а также значительной серией памятников Куйбышевского водохранилища.

Ранний период подразделяется на три этапа. Такое членение обусловлено прежде всего наличием отдельных комплексов, характеризующихся своеобразными орудиями, соотношением техники пластин и отщепов, а также специфичными формами и орнаментацией керамики. Для первого этапа керамика не известна, поэтому этот этап можно назвать докерамическим. Для второго этапа характерно появление керамики с накольчато-прочерченным орнаментом, а для третьего — начало преобладания в орнаментации зубчатых оттисков при сохранении накольчато-прочерченных узоров. Наличие для каждого этапа чистых памятников позволяет считать указанное членение правильным. Это же подтверждается и стратиграфическими наблюдениями, на чем нам еще придется остановиться. Вместе с тем предлагаемую периодизацию еще нельзя считать окончательной, ибо с накоплением материала, особенно полученного в результате раскопок многослойных памятников, несомненно, последует и уточнение нашей схемы.

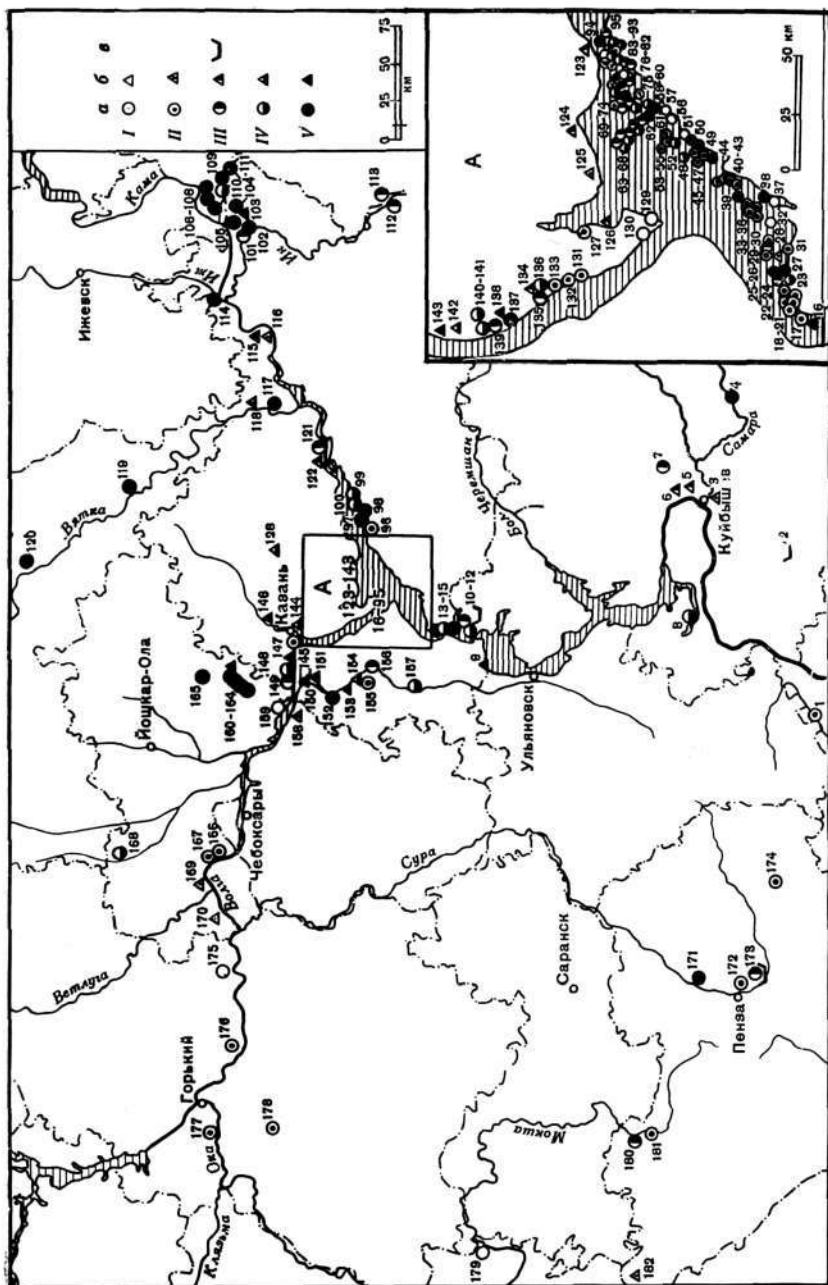

Рис. 9. Карта неолитических памятников Волго-камской культуры

а — стоянка;	43 — VII Измерская;	94 — I Мурзинская;	138 — I Матюшинское;
б — местонахождение;	44 — I Бояковская;	95 — I Мурзинская;	139 — IV Матюшинская;
в — могильник I—II этап раннего периода;	45 — X Нижне-Марьяновская;	96 — I Березовогрибовко-Алексе-вская;	140 — V Матюшинская;
II—II этап раннего периода;	46 — XI Нижне-Марьяновская;	97 — III Березовогрибовко-Алексе-вская;	141 — VI Матюшинская;
III—III этап раннего периода;	47 — XII Нижне-Марьяновская;	98 — IV Березовогрибовко-Алексе-вская;	142 — «Жареный бугор»;
IV—IV этап раннего периода;	48 — II Нижне-Марьяновская;	99 — IV Саковская;	143 — Балыское;
V—V этап позднего периода;	49 — V Нижне-Марьяновская;	100 — VIII Саковская;	144 — Мало-Отарское;
I — Труевская Маза;	50, 51 — II—III Бояковские;	101 — VIII Саковская;	145 — «Вороной кусти»;
2 — Криволучье;	52 — VII Бояковская;	102 — VIII Саковская;	146 — «Казанка II»;
3 — Самарское;	53 — XI Бояковская;	103 — II Игитская;	147 — III Западнецкое;
4 — «Захар-Калма»;	54 — XI Бояковская;	104 — II Игитская;	148 — III Западнецкое;
5 — Варобашинская поляна;	55 — XII Бояковская;	105 — I Березогрибовская;	149 — III Обсерваторская;
6 — Вислая Дубрава;	56 — I Березогрибовская;	106 — I Русско-Азидейская;	150 — Свяжское;
7 — Белоозерская;	57 — V Березогрибовская;	107 — Юртская;	151 — Тат. Буринашевское;
8 — «Моечное озеро»;	58 — I Первомайская;	108 — Саузовая (Кутурган-Ер-гайак);	152 — Луковская;
9 — Мантовское;	59 — III—IV Первомайские;	109 — III Саузовская;	153 — М. Борское;
10—12 — Гулянская стоянка и могильник;	60 — I Первомайская;	110 — III Саузовская;	154 — II Кабы-Копрыновское;
13 — I Тетюшская;	61 — I Лебединская;	111 — Бачка-Тур;	155 — I Кабы-Копрыновская;
14 — II Тетюшская;	62 — I Лебединская;	112 — I Кольская;	156 — II Мало-Кузюнская;
15 — III Тетюшская;	63 — III Лебединская;	113 — «Ново-Янгиянтовова»;	157 — Крушинское;
16 — III Урянская;	64 — V Лебединская;	114 — Старо-Каприбашская;	158 — Крушинское;
17 — Комаровская;	65 — VIII Лебединская;	115 — Старо-Мазинковская;	159 — I Русско-Луговская;
18 — Ага-Базарская;	66 — IX Лебединская;	116 — Старо-Мазинковская;	160 — II Старо-Мазинковская;
19 — II Ага-Базарская;	67 — XI Лебединская;	117 — Лутовское;	161 — III Старо-Мазинковская;
20 — II Ага-Базарская;	68 — XII Лебединская;	118 — Анааньинское;	162 — IV Старо-Мазинковская;
21 — I Ага-Базарская;	69 — XXI Кузькинская;	119 — Анааньинское;	163 — Старо-Мазинковская;
22 — Болгарская островная;	70, 73 — XVII Кузькинские;	120 — Бессонинская;	164 — Старо-Мазинковская;
23 — V Ново-Мордовская;	71 — XI Кузькинская;	121 — Старо-Каприбашская;	165 — Оришутьская;
24 — I Ново-Мордовская;	72 — IX Кузькинская;	122 — Старо-Каприбашская;	166 — Дубовская;
25 — II Ново-Мордовская;	73 — XVIII Кузькинская;	123 — В. Шурьянская;	167 — III Отарская;
26 — Ново-Мордовское погребение;	74 — X Курман-Касиянская;	124 — I Буфская;	168 — Широкудильшовская;
27 — IV Ново-Мордовская;	75 — Курман-Касиянская;	125 — I Валдовская;	169 — Сокольское;
28 — «Запрудный остров»;	76 — XII Кузькинская;	126 — Валдовское;	170 — III Полянское;
29 — I Щербетско-Островная;	77 — XX Кузькинская;	127 — Сорочьеотрское;	171 — Бессоновская;
30 — I Щербетско-Островная;	78 — IV Кузькинская;	128 — Именьеовское;	172 — I Пензенская;
31 — I Щербетско-Островная;	79 — V Кузькинская;	129 — Старая Пристань;	173 — II Пензенская с погребением;
32 — II Старо-Кубышевская;	80 — X Кузькинская;	130 — Макаровская;	174 — Липовская;
33 — II Ембутагитинская;	81 — X Кузькинская;	131 — III Макаровская;	175 — Черно-Мазинская;
34 — III Ембутагитинская;	82 — XI Кузькинская;	132 — V Атабаевская;	176 — II Паражская Коммуна;
35 — IV Ембутагитинская;	83 — IV Ивановская;	133 — III Бюстандия;	177 — Гавриловская;
36 — I Кураловская;	84 — V Ивановская;	134 — VIII Карташихинская;	178 — I Красноборская;
37 — I Кураловская;	85 — I Чува. культура;	135 — VIII Карташихинская;	179 — Кокуйская;
38 — II Кураловская;	86 — V Балахчинская;	136 — IX Карташихинская;	180 — «Красный восток»;
39 — III Малиновская;	87 — XI Балахчинские;	137 — I Тетевское;	181 — Озименный;
40 — II Измерская;	88, 89 — VI, VII Балахчинские;	138 — I Амбарская;	182 — Земетчинское
41 — IV Измерская;	90 — III Балахчинская;	139 — VI Балахчинская;	
42 — VI Измерская;	91 — II Балахчинская;	140 — III Матюшинская;	
	92 — II Балахчинская;		
	93 — I Балахчинская;		

К наиболее ранним памятникам начальной поры волго-камской неолитической культуры следует причислить верхний слой II Русско-Луговской стоянки⁹, I Черно-Мазинскую стоянку, а также группу разрушенных стоянок Куйбышевского водохранилища, в том числе V Атабаевскую, I Кураловскую и II Старо-Куйбышевскую на левом берегу Волги и I Бозяковскую (Бозяковский взвоз), I и V Березовогривские (Лисья коса), III, VIII, XI Балахчинские, I Ивановскую и X Кузькинскую по левому берегу Камы, обнаруженные в 1964—1965 гг.

Почти все эти стоянки занимают высокие дюны надлуговых террас высотой не ниже 10—12 м над уровнем ближайшего водоема. Площади памятников и мощность их культурных отложений незначительны. Так, площадь II Русско-Луговской стоянки — 360 кв. м, а мощность слоя — 15—20 см; протяженность культурного слоя II Старо-Куйбышевской стоянки не превышает 30 м. Во всех проследенных случаях культурные напластования сверху имеют довольно мощное балластное перекрытие (рис. 10).

Стратиграфические наблюдения, проведенные на II Русско-Луговской стоянке (рис. 10), убеждают в целесообразности выделения этапа докерамического неолита. На этой стоянке под значительной толщей балласта были вскрыты два культурных напластования, разделенных между собой прослойкой в 10—15 см (рис. 10). Нижний слой отнесен к периоду развитого мезолита. В верхнем слое собран только кремневый материал, керамики не обнаружено¹⁰. Вместе с тем среди этого материала имеется два целых и семь обломков крупных тесловидных орудий со шлифованной поверхностью (рис. 11, 17) — черта уже явно неолитическая. Незначительный стратиграфический разрыв обоих культурных напластований позволяет предполагать весьма раннюю неолитическую датировку верхнего слоя. Отсутствие керамики позволяет относить комплекс верхнего слоя к докерамическому этапу неолитической эпохи.

Сходный с верхним слоем II Русско-Луговской стоянки кремневый инвентарь обнаружен на I Черно-Мазинской стоянке, где раскопками В. Ф. Черникова в 1963 г. изучены остатки жилища типа неглубокой полуземлянки подквадратной формы (5×5 м) с одним выходом и несколькими очажными пятнами. Вдоль краев жилищного пятна отмечены следы столбовых ямок. Как по форме, так и по конструкции это жилище занимает промежуточное положение между позднемезолитическим домом Кабы-Копрынской стоянки и неолитической полуземлянкой II Лебединской стоянки.

Керамики на памятниках не обнаружено. Очевидно, население еще не было знакомо с навыками изготовления глиняной посуды. Но вместе с тем несомненно вступление местных племен в новую неолитическую эпоху. Об этом свидетельствует каменный инвентарь, в способах обработки которого и в формах ощущается

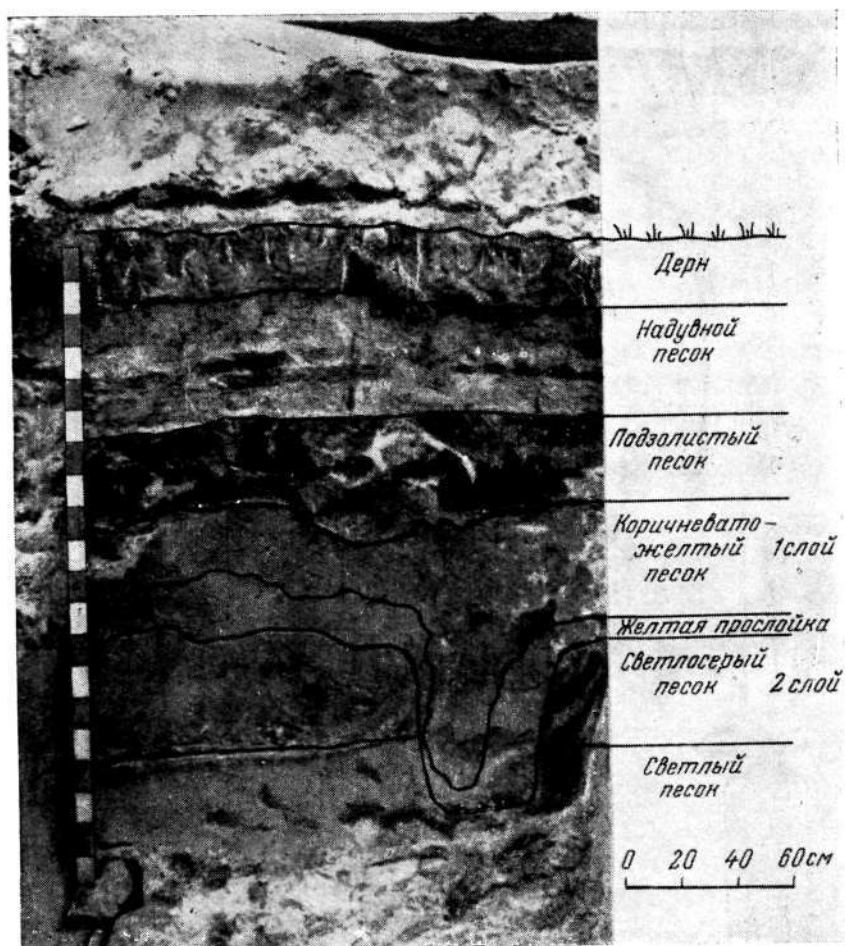

Рис. 10. Профиль культурных наслоений II Русско-Луговской стоянки
 1-й слой — докерамический неолит; 2-й слой — мезолит

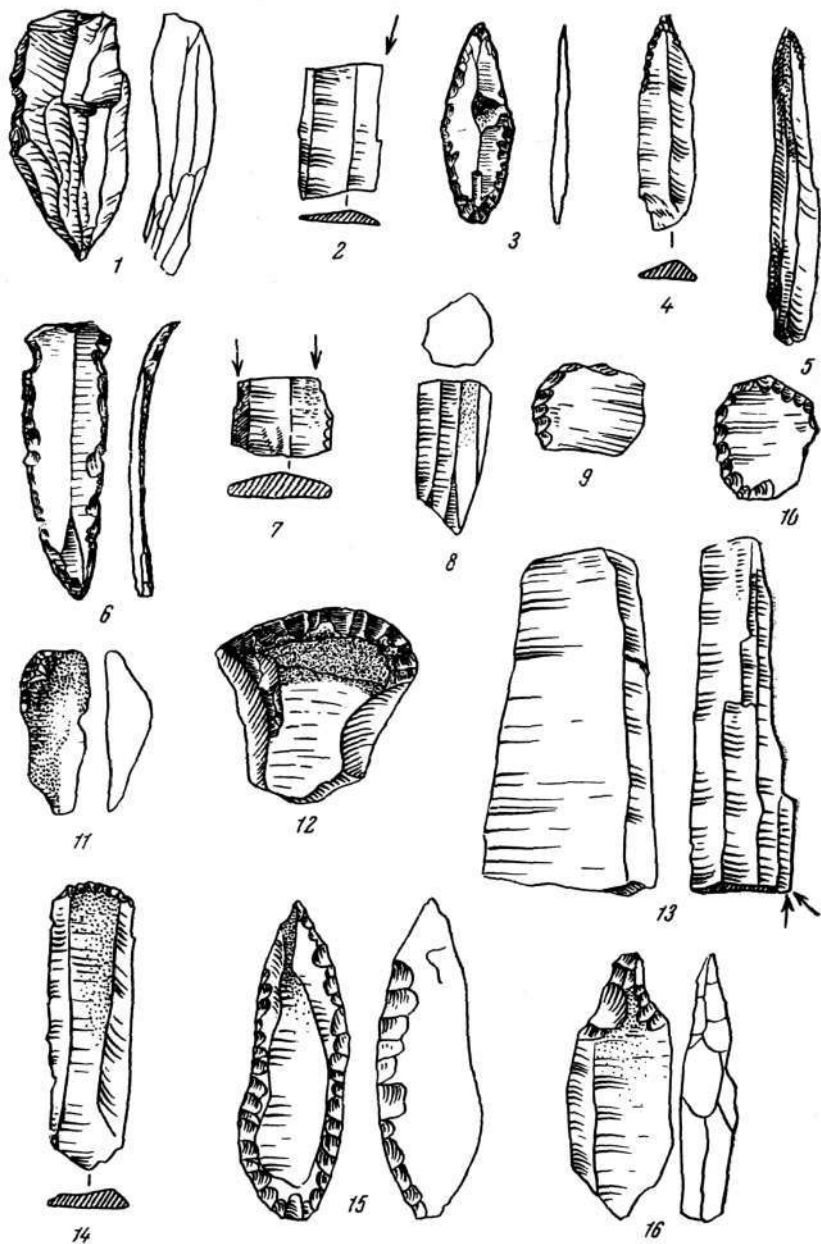
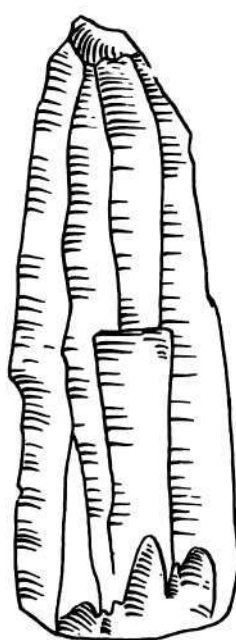

Рис. 11. Кремневые орудия докерамического этапа волго-камского неолита
 1, 15, 18—I Бозьяковская стоянка; 2, 13—II Старо-Куйбышевская стоянка; 3, 6, 14, 16, 19—
 V Березогригская стоянка; 4, 11, 12, 17—II Русско-Луговская стоянка (верхний слой); 5,
 7—10—I Черно-Мазинская стоянка

17

19

18

0 5cm

становление неолитических традиций. Хотя процент ножевидных пластин по отношению к отщепам все еще высок — 28—31% (см. табл. А), но пластины имеют крупные размеры и более грубые черты (рис. 11, 2, 7). Нуклеусы представлены полупризматическими и четвертьпризматическими формами с коническим завершением (рис. 11, 1, 8, 13), однако преобладают аморфные образцы. На пластинах изготовлены: концевые скребки (рис. 11, 14), немногочисленные боковые резцы (рис. 11, 2, 7), ножи, вернее, пластины с краевой ретушью (рис. 11, 15), скребковидный нож-резчик типа ложкаря с выемчатой рукояткой (рис. 11, 6), проколки, сверла (рис. 11, 4, 5) и несколько наконечников стрел листовидной формы с двусторонней обработкой по краю пластины (рис. 11, 3). Большинство этих изделий, сохраняющих в характере обработки и в формах мезолитические черты, является связующим звеном между позднемезолитическими и ранне-неолитическими кремнями. На отщепах были изготовлены скребки концевые и боковые (рис. 11, 9, 12).

Наиболее специфичными орудиями являются крупные асимметричные долота и тесла с горбатой спинкой и плоским брюшком, обработанные еще микролитической техникой стесывания, напоминающей отжим ножевидных пластин, отчето на выпуклой поверхности многих из них сохранились следы характерных вертикальных фасок (рис. 11, 18, 19). Обработке в основном подвергалась лишь одна сторона орудия, — выпуклая, тогда как брюшко сохраняло часто очертания кремневой основы. Граней по спинке нет, хотя большинство подобных орудий * несет следы весьма тщательной шлифовки по лезвию (рис. 11, 17).

Подобные орудия, определяемые как наиболее ранние неолитические, появились в ряде памятников лесной полссы Европы и Азии раньше начала изготовления глиняной посуды. К числу их можно отнести крупные орудия докерамических неолитических памятников Швеции¹¹, памятников древнейшей стадии культуры «ертебелле» в Скандинавии¹², асимметричные сланцевые топоры и тесла позднемезолитической культуры субмус-ярви в Финляндии¹³, древнейшие полированные орудия ранне-неолитических комплексов Крыма¹⁴, Кавказа¹⁵, Северной Украины¹⁶, исаковского этапа прибайкальского неолита¹⁷ и др. Характерно, что, несмотря на территориальную разобщенность всех этих указанных пунктов, почти везде в лесной зоне совершенно закономерно и, очевидно, конвергентно вырабатывается один тип асимметрич-

* Подобные орудия обнаружены во всех исследованных стоянках, в том числе: на II Русско-Луговой — два целых и два обломка, на I Черно-Мазинской — одно целое и четыре обломка, на II Старо-Куйбышевской — одно целое, одна заготовка и один обломок, на I и II Бозяковских — два экземпляра и на I и V Березовогривских — девять экземпляров и т. п.

ных орудий, преимущественно с горбатой спинкой и частичной шлифовкой. Большинство указанных памятников датируется в основном второй половиной V и началом IV тысячелетия до н. э. Так, в частности, древнейшие (докерамические) слои культуры «сертебелле» по C14 датированы 4500—3400 гг. до н. э.¹⁸ Этот хронологический период как наиболее вероятный следует принять и для начальной фазы неолита Волго-Камья. Подтверждение такой ранней даты дает и пыльцевой анализ отложений верхнего слоя II Русско-Луговской стоянки, свидетельствующий о существовании ее в эпоху максимума увлаженности атлантического периода¹⁹, который, по мнению палеоклиматологов, падает на грань V—IV тысячелетий до н. э.²⁰ На относительно ранний возраст местных памятников начальной поры неолита указывает и отсутствие керамики, что, как известно, характерно для древнейших неолитических стоянок лесной полосы Восточной Европы и Приуралья, датируемых V—IV тысячелетиями до н. э.²¹

Таким образом, общим хронологическим диапазоном существования самых ранних неолитических памятников края следует считать вторую половину V тысячелетия до н. э. и начало IV тысячелетия до н. э.

Нижний рубеж этой даты смыкается с концом позднего мезолита края (см. выше). Сопоставление комплексов позднего мезолита и раннего неолита показывает, что культура последнего полностью вырастает на базе культуры позднемезолитического времени. Отсутствие керамики на первый взгляд даже стирает грань между этими комплексами. Но появление ряда типичных неолитических орудий, среди которых особенно характерны шлифованные, свидетельствует о наступлении нового этапа в жизни населения края, этнический состав которого, очевидно, не претерпел существенных изменений.

Ко второму, или раннекерамическому, этапу раннего периода волго-камской культуры относится уже около 60 памятников, обнаруженных на значительном пространстве Волго-Камья от устья Оки (Гавриловская стоянка с могильником) и бассейна р. Mokши (Озименки I) на западе до нижнего течения р. Камы (Ананьинская дюна) на востоке и Жигулей (Самарское местонахождение и стоянка Труевская Маза) на юге (рис. 9).

К числу определяющих среди них следует отнести стоянки Кабы-Копрынскую — верхний слой, II Щербетьскую и «Вороний куст»²².

Характерной особенностью почти всех памятников раннекерамического этапа является их чрезвычайно низкое местоположение от уровня водного зеркала современных водоемов. Так, например, стоянки Кабы-Копрынская и «Вороний куст» занимают невысокие дюны пойм рек Свяги (первая) и Волги (вторая) на высоте всего 2—3 м от современного уровня водоема;

ТАБЛИЦА А

Каменный инвентарь основных стоянок Волго-Камской неолитической

Период Этап	Стоянка	Всего кремней	Каменное сырье, %				Отлоше из пласти и отщепов		Каменные орудия							
			В том числе орудий				% ножевидных пласти	% отщепов	долота			тесла				
			окром злой известняк	желва ый кремнь	плитчатый кремезь	галька, кварцит и пр.			асимметричные с горбатой спинкой	асимметричные с выпуклой спинкой	желобчатые	асимметричные с грачевой спинкой	симметричные гоборы			
Поздний	Хутурская	2519	206	Подсчета нет, преобладает плитчатый кремнь				1	99	—	—	1	—	6	—	—
	III Старое Мазиково	2001	270	24	3,5	70	2,5	3	97	—	6	2	—	12	2	2
	II Старое Мазиково	530	59	65	15	20	—	12	88	—	—	—	—	—	1	—
	I Боровое Озеро	766	30	Подсчета нет, пресбл. галька, есть плитчатый кремнь				15	85	—	—	—	—	—	—	×
1	I Лебедьская	246	57	63	27	10	—	20	80	—	—	—	—	1	—	—
Ранний	3 II Лебедьская	448	202	73	19	—	8	25	75	—	1	4	—	—	—	—
	Кабы-Копрынская (верхний горизонт)	1834	265	60	37	—	3	26	74	40	4	—	7	2	—	7
	2 II Шербетьская	2223	120	80	18	—	2	27	73	5	—	—	—	—	—	—
1	II Русско-Луговская	326	57	96	3,5	—	0,5	28	72	2	—	—	11	—	—	—

Период Этап	Стоянка	Ножи						Прокляжи					
		на пластинах	с прямыми лезвиями	с округлыми лезвиями	с двусторонней обработкой	клиновидные	с уступом по спинке	с лезвием той ручки	листовидной формы	на пластинах	на отщепах	с короткими остриями	
Поздний	Хутурская	—	—	—	×	×	—	×	×	—	×	—	—
	III Старое Мазиково	—	—	—	14	9	—	2	4	—	—	×	—
	II Старое Мазиково	—	—	—	3	1	—	1	3	—	—	—	1
	I Боровое озеро	×	—	—	×	—	—	—	—	—	—	—	×
1	I Лебедьская	×	—	—	×	—	—	—	×	×	×	×	—
Ранний	3 II Лебедьская	24	9	—	—	15	26	—	—	1	8	3	—
	Кабы-Копрынская (верхний горизонт)	45	—	2	—	3	—	—	—	—	—	—	1
	2 II Шербетьская	9	2	3	—	9	7	—	—	5	—	—	—
	1 II Русско-Луговская	6	—	7	—	2	—	—	—	1	—	—	—

Примечание: × — наличие. — — отсутствие.

в весенние разливы они обычно затопляются²³. Площади стоянок по сравнению с предыдущими несколько увеличиваются, но не превышают 1000 кв. м (Кабы-Копрынская стоянка). На последней разведочной траншее вскрыты остатки полуземлянки с глубиной котлована в 40—60 см. Культурные слои многих стоянок достигают мощности 30—40 см, что свидетельствует об устойчивой оседлости их населения.

Отличительный признак стоянок этого типа — появление глиняной посуды, фрагменты которой в общей массе материала хотя и занимают второстепенное место, но все же дают выраженные комплексы, что позволяет судить о характере керамики. Следует отметить, что почти везде эта керамика найдена в сильно измельченном состоянии. На Кабы-Копрынской стоянке обнаружено 132 фрагмента (общее число находок 1966 г.), на стоянке «Вороний куст» — 32 фрагмента (общее число находок 879), на II Шербетской стоянке — 344 фрагмента (общее число находок 2577). Ранние керамические комплексы обнаружены также при сборах на ряде разрушающихся стоянок Куйбышевского водохранилища — на Ага-Базарских, Бозьяковских, Балахчинских, Карташихинских и прочих памятниках. Следовательно, есть возможность дать достаточно подробную характеристику этой керамике. По фактуре теста выделяются две группы фрагментов; преобладает керамика с примесью песка и шамота, реже — дресвы, в меньшей степени — керамика с примесью органических остатков, скорее всего рубленой травы (табл. Б).

По форме обе группы керамики близки друг к другу — это крупные котловидные сосуды с закрытым горлом, с приотстренно-скошенными или плоскими краями и коническими или плоскими небольшими днищами (рис. 12, 1—3). Поверхность их часто заглаженная, а иногда и затертая красной краской, обычно украшена разреженным орнаментом из мелких клиновидных и ячеистых оттисков так называемой отступающей лопаточки (до 70—80%) или прочерченными короткими линиями, иногда имеющими тонкий «ногтевидный» характер. Оттисков зубчатого или гребенчатого штампа здесь практически еще нет, за исключением редких случаев. Часто по краю венчика наблюдается ряд тонких, иногда сквозных наколов (рис. 13, 1—3).

Элементы орнамента не отличаются особой сложностью.

Преобладают горизонтальные ряды коротких скошенных линий, далее следуют ряды горизонтальных линий и елочки; встречаются также ряды уплощенного горизонтального зигзага; редки вертикальные линии, крупная «плетенка» и перекрещенные линии (рис. 12, 1—3; 13; табл. Б).

Расположение узоров горизонтально-зональное, но попадает изредка и вертикальное членение орнаментальных зон.

Для неолитических стоянок Среднего Поволжья эта керамика является наиболее ранней. Об этом, кроме ее архаичности и

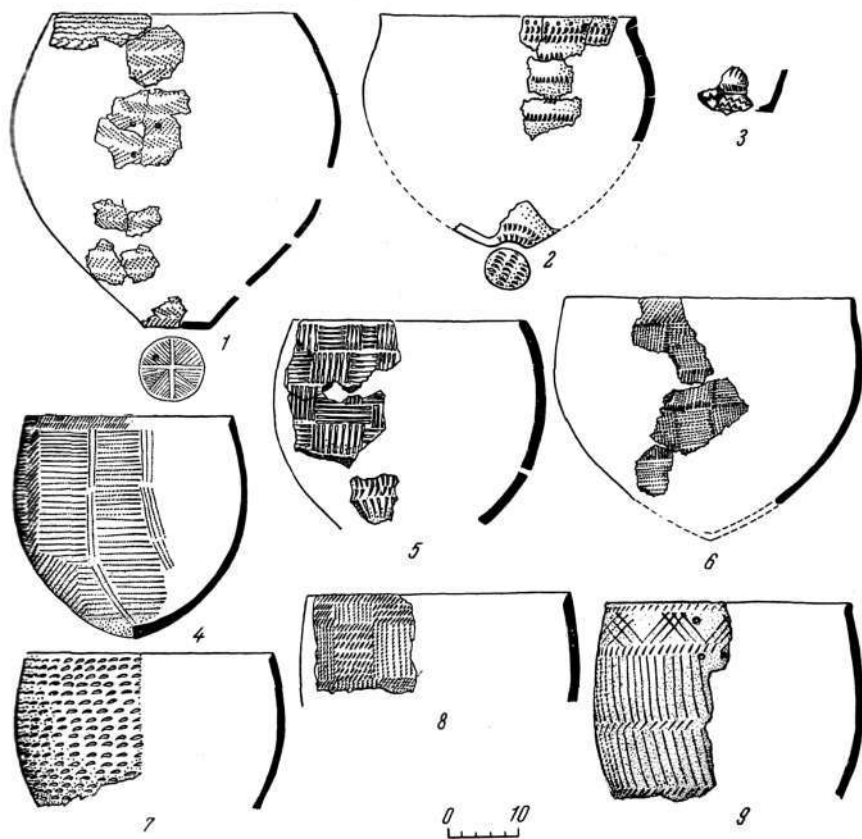

Рис. 12. Формы сосудов раннего периода волго-камского неолита

1, 3, 6—III Обсерваторская стоянка; 2—IV Матюшинская стоянка; 4, 5, 7—9—II Лебединская стоянка

нахождения в комплексе с ранненеолитическими формами кремневых орудий, свидетельствуют и стратиграфические показатели. В этом плане наибольший интерес вызывают два памятника — Кабы-Копрынская и IV Матюшинская стоянки. На первой стоянке слой, содержащий керамику с накольчато-прочерченной орнаментацией, налагает непосредственно на позднемезолитический слой. На второй стратиграфически выделяются два горизонта: нижний содержит керамику с накольчато-прочерченным орнаментом, а верхний — неолитическую керамику с гребенчатым орнаментом. Подобный же характер, очевидно, имели напластования и на XII Лебединской стоянке на Каме.

Эти стратиграфические наблюдения показывают место памятников с накольчато-прочерченной керамикой в общей системе

неолита Волго-Камья. Располагаясь между памятниками позднейшего мезолита и развитого неолита, стоянки с накольчато-прочерченной керамикой открывают собой эпоху керамического неолита. О раннем их возрасте свидетельствует и то, что позднее — в эпоху развитого неолита и раннего металла в Поволжье и Прикамье, да и в сопредельных регионах, мы не можем выделить комплексы с накольчато-прочерченной керамикой. Такие известные неолитические памятники края, как Боровое озеро I, Хуторская, II—III Старо-Мазиковские и др. (см. табл. Б) уже не содержат керамику с накольчато-прочерченными узорами. Вырастающие на базе волго-камской культуры волосовская и турбинская культуры ранней поры эпохи бронзы содержат керамику, резко отличную от описанной.

Раннекерамический этап волго-камского неолита, как это выясняется в последнее время, был присущ не только для узкого локального участка приустьевых районов Прикамья. Раннеолитические памятники с накольчато-прочерченной керамикой обнаружены почти на всей территории волго-камской культуры (рис. 9). Кроме того, есть основания предполагать, что в этот период территория расселения волго-камских племен была значительно шире, чем в последующее время. На западе волго-камские племена с характерной для них накольчато-прочерченной керамикой достигали устья Оки, если не западнее (см. ниже). На востоке они доходили до предгорий Урала (см. Усть-Айскую и другие стоянки Башкирского Приуралья)²⁴ и, вероятно, проникали в Западную Сибирь, где в последнее время стоянки с подобной керамикой обнаружены на р. Ишиме (притоке Иртыша)²⁵ и на Нижней Оби (стоянка Сосновая пристань). Крайним северо-восточным пунктом распространения ранней неолитической волго-камской керамики можно считать III Черноборскую стоянку, открытую В. Е. Лузгиным на Верхней Печоре.

Наиболее выраженный и относительно чистый комплекс каменных орудий раннекерамического неолита дала II Щербетская стоянка. Материал этого памятника в какой-то степени характеризует основные черты каменного инвентаря второго этапа волго-камского неолита в целом.

В обработке кремня уже преобладает техника отщепа, хотя довольно много еще нуклеусов, ножевидных пластин и орудий на них (27% на III Щербетской, 26% на Кабы-Копрынской, 23% на стоянке Вороний куст). Среди нуклеусов, наряду с сохранением правильных форм — полупризматических с прямой и скошенной площадкой (рис. 14, 2, 5), конических, приближающихся к карандашевидным (рис. 14, 1), преобладают бесформенные нуклеидные кремни (на Кабы-Копрынской стоянке — 98 экз.). Среди пластин обычны экземпляры длиной в 5—10 см и шириной в 1—2 см (75%). Сохраняются крупные орудия, поверхность которых обработана отжимной техникой (рис. 14, 31—

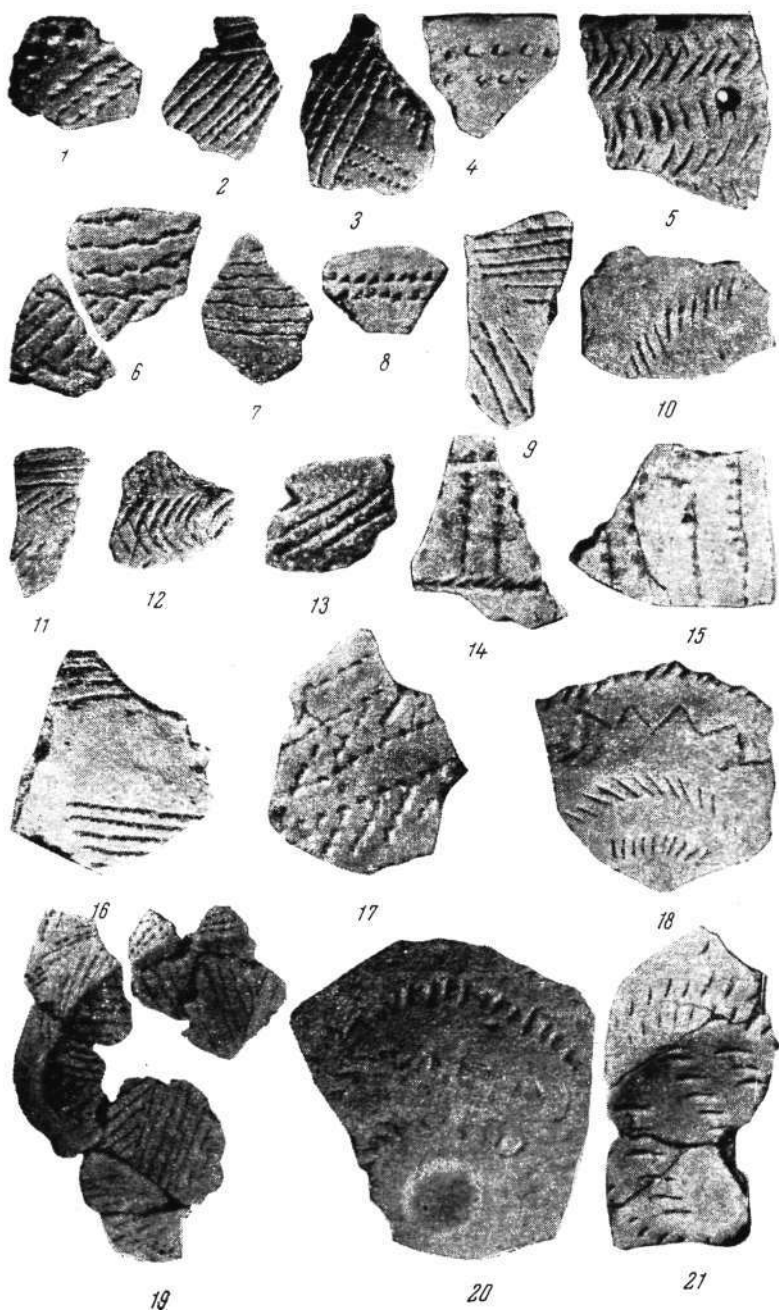

Рис. 13: Раннеолитическая керамика волго-камской культуры

1—3, 6—9, 11, 12, 16 — Щербетская стоянка; 4, 5, 10, 13—15 — IV Матюшинская стоянка; 17, 18, 20, 21 — I, II Ага-Базарские стоянки; 19 — III Обсерваторская стоянка

33). На II Щербетской стоянке найдено около десяти таких орудий с ярко выраженной асимметричностью. На Кабы-Копрынской стоянке число подобных орудий вместе с обломками достигает 70 экземпляров. Среди них преобладают орудия без следов шлифовки, но есть также долота и тесла с шлифованными лезвиями.

В числе скребков имеются концевые с прямым (рис. 14, 7) и круглым (рис. 14, 13) лезвием, дублированный скребок на пластине (рис. 14, 12), скребки со скошенным лезвием (рис. 14, 4), отмечаются также новые типы скребков, в частности, крупные дисковидные (рис. 14, 15) и с микролезвием (рис. 14, 14). Оригинальными и типично неолитическими орудиями являются скребковидные ножи-ложкари со скошенным и провислым приостренным лезвием (рис. 14, 21, 23).

Еще бытуют резцы на углах сломанных пластин (рис. 14, 6) и срединные, но они преимущественно заменяются ножами различных форм. Все ножи обработаны лишь по краю лезвия и только с одной стороны. Преобладают двулезвийные ножи с округлым и прямым краем (рис. 14, 24), есть ножи с приостренным клинком (рис. 14, 27), ножи с уступчатым упором по тыльной стороне (рис. 14, 28).

Много наконечников стрел (более 20 на II Щербетской стоянке). Все они, без исключения, изготовлены на пластинах и имеют двустороннюю обработку по краю. Преобладают листовидные формы (рис. 14, 3, 7, 11), но есть также треугольно-подромбические с черешком и боковыми шипами (рис. 14, 9, 10). Не исключено, что последние занесены на стоянку в более поздний период, так как на других раннекерамических стоянках подобные наконечники неизвестны.

Своеобразны крупные проколки на трехгранных или четырехгранных пластинах с заостренными и иногда шлифованными концами (рис. 14, 18—20).

На Кабы-Копрынской стоянке обнаружено много орудий для обработки камня — молот с намеченными выбоинами для захвата, отбойники и шлифовальники из галек, ретушеры или отжимники на вытянутых кремнях со сработанными концами (рис. 14, 30). Последние есть и на других стоянках.

Указанные особенности, свидетельствующие о дальнейшем развитии неолитической культуры, позволяют типологически ставить комплексы второго этапа за комплексами раннего первого этапа. Наиболее вероятным временем существования раннекерамических памятников является первая половина и середина IV тысячелетия до н. э., когда, по мнению палеоклиматологов и палеоботаников, начался период раннего ксеротерма, максимум которого относился к середине и второй половине IV тысячелетия до н. э.²⁶ Кстати, такое же низкое положение, как и стоянки второго этапа раннего неолита Волго-Камья, име-

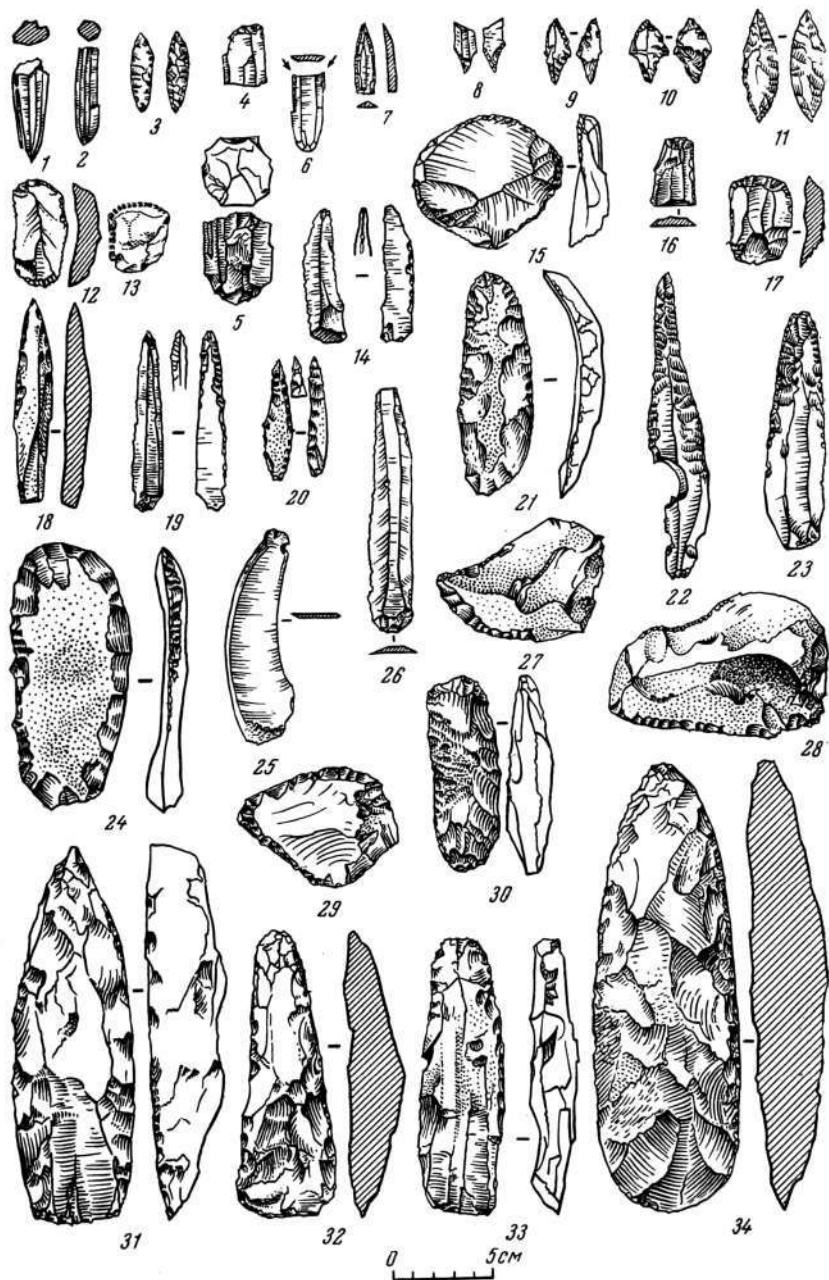

Рис. 14. Каменные орудия из стоянок раннекерамического этапа волго-кавказского неолита

1—14, 16, 19—21, 24, 26, 27—29, 31, 33 — II Щербетская стоянка; 15, 18, 30 — Кабы-Копрынская стоянка (верхний слой); 17, 32, 34 — II Щербетско-Островная стоянка; 22, 23 — VII Бозьяковская стоянка; 25 — XI Нижне-Марьянская стоянка

Период	Этап	Степика						Элементы орнамента												
		геометрические узоры						вертикальные зоны			горизонтальные зоны с зональными разделителями									
		«плетенка» со спл. штриховкой, %	«плетенка» со штриховкой и клиновидным заполнением, %	«плетенка» с промежуточной штриховкой, %	заштрихованные треугольники, %	контурные треугольники, %	горизонтальные полосы, разделенные вертикальными линиями, %	из горизонтальных отрезков, %	из густого зигзага, %	разрешенные вертикальные линии, %	полосы вертикальные или скошенные линии		полосы горизонтальные							
											без разделяющих пол.с. %	ряд коротких вертикальных линий, %	ряды ям.к. %	зигзаг, %	без разделяющих пол.с. %	ряд коротких вертикальных линий	ряды ямок	зигзаг		
Поздний	1	Боровое озеро	—	—	6	25	6	—	—	—	45	—	—	—	—	—	—	—	—	
		1 Лебединая	—	—	—	10	—	—	—	—	10	—	—	—	—	—	—	—	—	—
		Хуторская	—	—	—	—	—	—	—	—	—	50	5	40	—	—	—	—	—	—
	2	III Старое Мазиково	—	—	—	—	—	—	—	—	—	30	40	—	—	—	—	—	—	—
		Кряжская	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
		II Старое Мазиково	—	4	—	4	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
3	III Обояроторская (ниж. на горизо. ст.)	17	—	—	—	—	—	—	—	—	17	5	—	28	—	—	—	—	—	
	II Лебединая	6	—	—	8	—	—	—	—	—	28	30	—	—	—	—	—	—	—	
	Кады-Копрынская (верхний горизо. ст.)	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	
2	II Щербетская	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	
	Кады-Копрынская (верхний горизо. ст.)	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	
		×	—	—	—	—	—	—	—	×	—	—	—	—	—	—	—	—	—	

Примечание: X—Наличие, XX—Множественно, ——Отсутствие.

ют почти все известные неолитические стоянки Евразии, время существования которых определено серединой IV тысячелетия до н. э. Так располагаются стоянки Козлова Перейма и VII пункт на берегу Андрееваго озера в Западной Сибири²⁷, Джанбас IV в Средней Азии²⁸, Устье-Оскола I и II на Северном Донце²⁹, Погостище I³⁰, нижний горизонт Караванхи³¹ и др.

Наибольшее число раннекерамических неолитических стоянок (37) выявлено в районе слияния Камы с Волгой. Это III Комаровская, I—IV Ага-Базарские стоянки, I Болгарская островная, II и III Щербетьские и I и II Щербетьско-островные, местонахождения на «Запретном» острове и у второго кордона Саралинского заповедника, I и IV Ембулатихинские, II, IV, VI, VII Измерские, X, XI, XIII Нижне-Марьянские, I Березовогривская, VII, XI, XII Бозяковские, III Старая пристань, VII, VIII, IX Карташихинские, XIII, XVII, XVIII Кузькинские, IV, VI Балахчинские и I Алексеевская стоянки, обнаруженные преимущественно во время работ 1964—1967 гг. Наиболее восточным пунктом является местонахождение на Ананьинской дюне. Серия памятников с керамикой, близкой по типу, известна в Самарском Поволжье (Самарское местонахождение и стоянка Труевская Маза). К северо-западу по Волге следует отметить стоянки IV Матюшинскую, на Балымском Бугре и «Вороний куст» у Казани, далее III Отарскую и Дубовскую в устье р. Ветлуги. Вероятно, своеобразная племенная группа с накольчато-прочерченной керамикой обитала и в бассейне нижнего и среднего течения Оки, о чем свидетельствуют такие памятники, как Гавриловская стоянка с могильником в устье Оки, стоянка Красный Бор I на р. Теше, местонахождения Озименки I, Земетчино и др. (рис. 9).

Третий этап раннего неолита может быть охарактеризован такими классическими стоянками, как нижний горизонт стоянки III Обсерваторская³², II Лебединская и верхний горизонт IV Матюшинской (рис. 9). Важнейшей из них является II Лебединская стоянка, изученная в 1963 г. на левом берегу Камы в пределах Алексеевского района Татарской АССР и давшая чистый неолитический комплекс. На II Лебединской и II Обсерваторской стоянках, площади которых не превышают 100 кв. м. исследованы остатки жилищ. На III Обсерваторской стоянке к нижнему горизонту относится часть полуземлянки подквадратной формы (4,5×5,5 м) с глубиной котлована в 0,3—0,4 м и двумя очагами по краю³³. Более выраженные остатки жилища раскопаны на II Лебединской стоянке (рис. 15). Жилищное пятно, выявленное в процессе раскопок, имело подпрямоугольную форму (5,6—7,4×9,4 м). Стенки котлована, углубленные от древнего уровня на 25—30 см, были изнутри окаймлены круглыми пятнами от столбовых ям, а также углистыми полосами от бревен, очевидно, зажатых между земляным краем котлована и

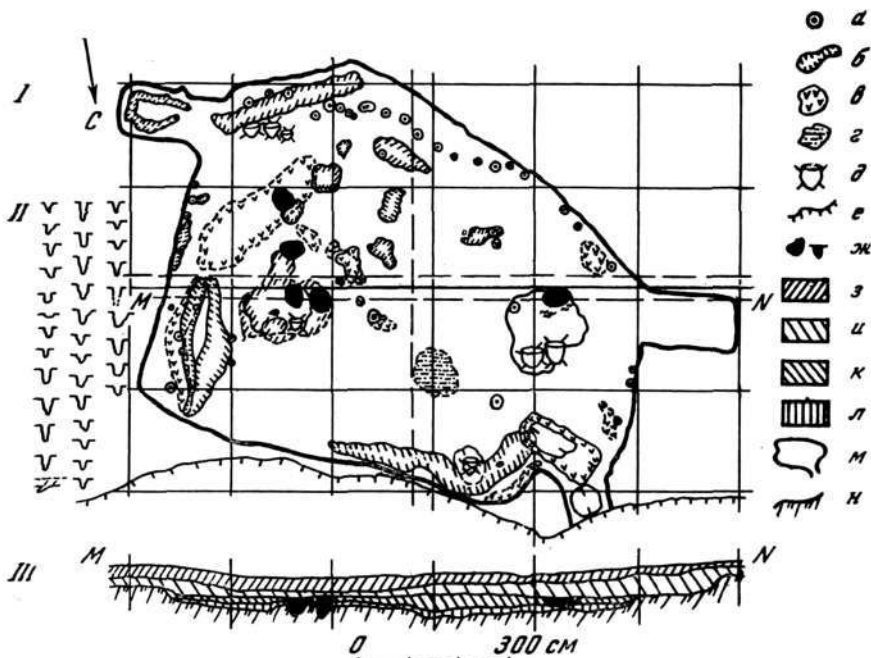

Рис. 15. План (I), профиль (III) и сечения столбовых ям (II) жилища II Лебединской стоянки

а — столбовая ямка; *б* — углистое пятно; *в* — углистое пятно в заполнении котлована; *г* — прокол; *д* — сосуд; *е* — край террасы; *ж* — очаг; *з* — дерн и поддерновый песок; *и* — слабо гумированный желто-серый песок; *к* — темно-серый песок; *л* — коричневатого-серый песок; *м* — контуры жилищного пятна; *н* — материковый песок

рядом столбов внутри. По западной и восточной сторонам наблюдались два выходных пятна подпрямоугольной формы, пока то опускавшихся в сторону жилища. По краям их также сохранились углисто-гуммированные полосы от деревянных креплений стен и перекрытий выходных тамбуров. В северо-западном углу располагался небольшой выступ шириной в 80 см с ямами по середине и перед ним. При изучении жилища над наслоениями пола отмечены отдельные, иногда весьма интенсивные, углисто-гуммированные пятна. Вероятно, это следы упавших древесных конструкций перекрытия. В центральной части жилищного пятна уже после вычистки заполнений пола выявлены пятна от вертикальных столбов, расположенные на расстоянии 2—2,9 м друг от друга. Такое их размещение и значительная величина их диаметров скорее всего свидетельствует о том, что здесь были центральные столбы, поддерживавшие конструкцию крыши. Судя по их расположению, можно предполагать, что наиболее вероятной, да и кстати наиболее простой в сооружении, была четырехскатная

Рис. 16. Сосуд из II Лебединской стоянки

крыша. При расчистке наслоений пола выявлены пятна от очагов округлой формы (40×50—65 см), заполненные углисто-золистыми отложениями и имеющие следы достаточно интенсивного прокала. Следует отметить, что очаги, по-видимому, часто переносились с места на место, о чем свидетельствуют вскрытые на некоторых участках следы прокала без очажно-углистых лятеи. Около очагов обнаружено значительное скопление фрагментов глиняной посуды, из которых удалось полностью восстановить несколько сосудов (рис. 16).

Для памятников раннего периода волго-камского неолита на Средней Волге, очевидно, были присущи такие изолированные дома — полуземлянки подпрямоугольной формы с шатровым перекрытием, продолжающие развитие более ранних жилищ позднемезолитического времени (см., например, жилище Кабы-Копрынской стоянки), форма которых (прямоугольная) и конструктивные особенности (ряды столбов вдоль краев и шатровое перекрытие)³⁴ весьма близки к форме и конструкции жилища II Лебединской стоянки.

Керамика третьего этапа представлена на стоянках достаточно чистыми комплексами, причем на стоянках северной полосы Средней Волги имеются только сосуды, изготовленные из глины с примесью песка и шамота, а сосуды с растительной примесью отсутствуют (табл. Б). Форма сосудов — выдержанные, котловидные, с приостренно-скошенным изнутри или округлым краем венчика (рис. 12, 4—9; рис. 16). Форма дна — коническая, но на

Рис. 17. Неолитическая керамика II Лебединской стоянки (1—10)

III Обсерваторской, IV Матюшинской и других стоянках встречены сосуды с небольшими плоскими днищами. Орнаментальные узоры, покрывавшие всю внешнюю поверхность сосудов, наносились преимущественно треугольными, ячеистыми наколами типа «отступающей лопаточки» и прочерченными линиями, но в то же время возникла и распространилась техника мелкозубчатого штампа, особенно характерная для стоянок самого конца раннего неолита типа II Лебединской стоянки. Так, если на IV Матюшинской стоянке прочерченно-накольчатый орнамент встречен на 20 сосудах, а мелкозубчатый — на 10, то на II Лебединской из 36 сосудов лишь 8 имеют прочерченно-накольчатую орнамен-

тацию, а остальные — мелкозубчатую. На этой же стоянке обнаружен сосуд, украшенный сложной композицией из оттисков «шатающей гребенки» — черта, несомненно, поздняя. В системе расположения узоров отмечается усложнение орнаментальных композиций, среди которых отчетливо выступают узоры из полос в виде прямоугольников и треугольников, образующих крупную «плетенку» (рис. 12, 5, 6, 8; 17, 1, 4), вертикальные косо заштрихованные зоны, разделенные прямыми линиями (рис. 12, 4), полосы густого вертикального зигзага, горизонтальные зоны скошенных или прямых линий, часто разделенных рядами коротких отрезков (рис. 12, 9; 17, 5—10; табл. Б).

Не менее выразительный комплекс содержат и кремневые инвентари поселений (табл. А, рис. 18). Определяющим и здесь является комплекс II Лебединской стоянки. Здесь в целом еще сохраняется инвентарь, характерный для предшествующих памятников, и даже почти тот же, все еще значительный, процент ножевидных пластин (до 25%), но вместе с тем выходят из употребления некоторые типы орудий (асимметричные долота с горбатой спинкой, резцы на пластинах) и появляются новые — скребки полудисковидные (рис. 18, 3, 4) и двулезвийные (рис. 18, 5), угловые скребки-резчики с острым краем (рис. 18, 6), ножи с прямым лезвием и округлым концом (рис. 18, 9), проколки на отщепе с широкой рукояткой (рис. 18, 10), листовидные наконечники копий, отжимники на трехгранных кремнях (рис. 18, 8), полировальные плиты и каменные штампы с зубчатым краем.

Дальнейшее развитие основных черт материальной культуры стоянок третьего этапа по сравнению с материалами памятников второго этапа, а также стратиграфические наблюдения на IV Матюшинской стоянке, позволяют рассматривать первые как хронологически более поздние, чем стоянки второго этапа. Следовательно, стоянки третьего этапа не могут быть древнее середины IV тысячелетия до н. э. В то же время материалы III Обсерваторской и II Лебединской стоянок имеют более архаичный облик по сравнению с материалами стоянки Боровое озеро I (табл. А, Б). В первых комплексах отсутствует ряд характерных для последней стоянки черт, как в керамике (сосуды с напльвом изнутри края венчика), так и в кремневом инвентаре (орудия из плитчатого кремня). Это дает основание полагать, что стоянки заключительного этапа раннего неолита древнее стоянки Боровое озеро I, время которой определено не позже начала III тысячелетия до н. э.³⁵ Следовательно, поздний этап раннего неолита на Средней Волге необходимо отнести ко второй половине IV тысячелетия до н. э.

Таковы основные этапы развития раннего периода волгокамского неолита. Существенное значение имеет вопрос о территории распространения ранненеолитических памятников волго-

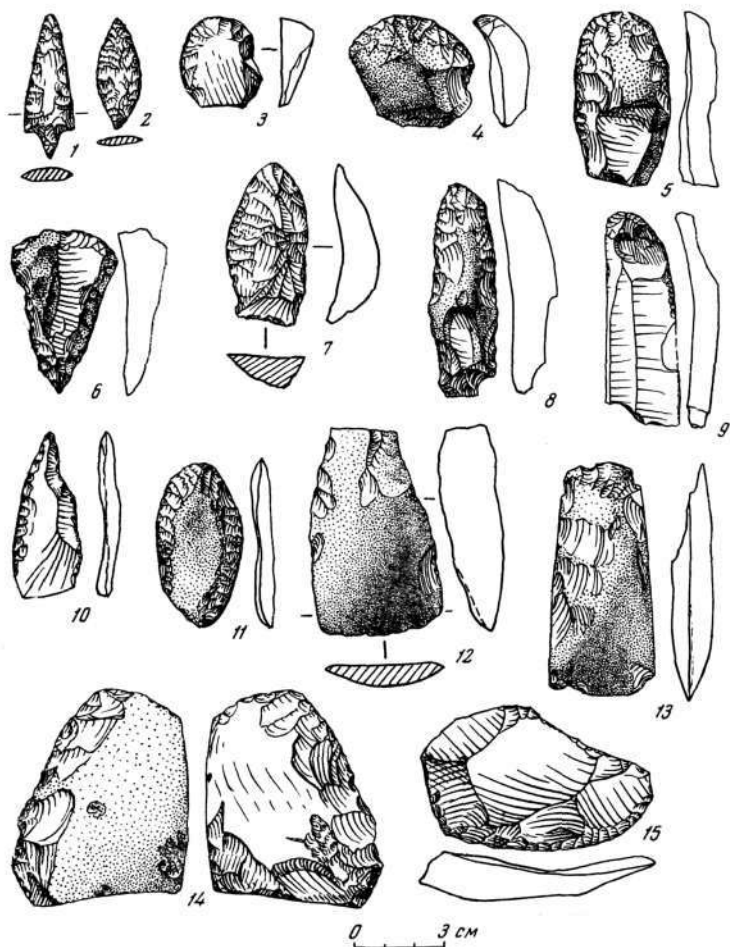

Рис. 18. Кремневые орудия II Лебединской стоянки (1—15)

камского типа в крае и за его пределами (рис. 9). В настоящее время западная область, где обитали ранненеолитические волгокамские племена, должна быть ограничена в основном территорией Среднего Поволжья — от устья Оки на северо-западе и до Самарской Луки на юге.

Наиболее западным пунктом следует считать так называемую Гавриловскую «стоянку с могильником» у с. Гавриловка в устье Оки, частично раскопанную в 1945 г. И. К. Цветковой³⁶. К сожалению, в интерпретации этого памятника была допущена серьезная ошибка — вскрытые здесь остатки жилых сооружений и шесть погребений были отнесены И. К. Цветковой к неолитиче-

ской эпохе и причислены к балахнинской культуре³⁷. Изучение коллекций из раскопок этого интересного памятника, хранящихся в Дзержинском краеведческом музее Горьковской области, показало, что на месте так называемой Гавриловской стоянки с могильником существовало не менее трех разновременных памятников. И. К. Цветковой здесь был заложен раскоп, состоящий из траншеи длиной в 24 м, к которой для расчистки обнаруженных жилых пятен и могильных ям были прирезаны дополнительные участки. Распределение находок по участкам раскопа показало, что во всех случаях основными находками являются обломки плоскодонных лепных горшковидных сосудов без орнамента, часто с хорошо подлощенной поверхностью, аналогичные муромской посуде Тумовского селища. Этой же керамике, вероятно, синхронны обломки тиглей, глиняная льячка, куски шлаков и несколько железных предметов — нож, наконечник стрелы и т. п. Наиболее вероятной датой этого комплекса является вторая половина I тысячелетия н. э. Нет никакого сомнения в том, что все вскрытые полуземлянки увязаны с основным слоем поселения, ибо в них никаких находок, кроме вышеописанной керамики и редких кремневых отщепов, разбросанных почти по всем вскрытым участкам, не обнаружено. Весьма примечательно, что на полу землянки 2 обнаружен развал сосуда описанного типа. Возможно, что погребения относятся к еще более позднему времени, чем землянки. Об этом свидетельствуют: расположение могил в непосредственной близости от земляночных ям, а иногда и внутри землянок³⁸ (погребение 4), устойчивая глубина (0,8—0,9 м) и ориентация (на запад с отклонением к северу и югу), отсутствие каких-либо следов красной краски, присутствие в могильной яме погребения 3 восьми медных дровтовых браслетов очень позднего облика. Следовательно, ни жилища, ни тем более погребения не увязываются с неолитической эпохой.

Однако остатки культуры неолитического типа здесь были. В крайних юго-восточных участках (1—3), далеко за пределами жилищ и погребений обнаружена позднебалахнинская керамика. Но наибольший интерес вызывает керамика, встречающаяся спорадически почти во всех участках траншеи вместе с разрозненным кремневым инвентарем и представляющая собой фрагменты неолитических сосудов, характерных для раннего периода волгокамского неолита. Всего в коллекции насчитывается более 109 фрагментов такой керамики, из которых удалось выделить до 10 сосудов (рис. 19, 6, 13, 15, 16). Все они изготовлены из глины, с примесью песка и шамота и имеют хорошо заглаженную поверхность. По форме верхних частей сосуда довольно стандартны — без горла, закрытой формы, с приотстренно-скошенным изнутри краем венчика. Большинство из них имело приотстренные днища, но есть также фрагменты от двух небольших плоских

днищ, слегка вогнутых к центру (рис. 19. 16). Поверхность всех сосудов была украшена орнаментом, выполненным в основном техникой отступающей лопаточки или наколами, редко — оттисками мелкозубчатого длинного и среднезубчатого короткого штампа. Почти у всех сосудов по краю располагается ряд сквозных отверстий. Вся эта керамика имеет близкие аналогии в волго-камской, особенно в керамике II Щербетьской и частично III Обсерваторской стоянок, что дает возможность считать ее ранне-неолитической и датировать IV тысячелетием до н. э. Вероятно, с этой же керамикой следует увязывать основные находки кремневых орудий, среди которых имеются такие выраженные экземпляры, как крупное асимметричное долото, различные формы скребков, скребковидные ножи и т. п.

Не исключено проникновение населения с культурой, близкой к ранней волго-камской, и в бассейн Клязьмы, и даже в более западные районы, подтверждением чему, очевидно, и являются своеобразная керамика, орнаментированная оттисками зубчатого штампа, отступающей лопаточки и наколами в сочетании с рядом глубоких ямок по краю венчика, обнаруженная М. Е. Фосс при раскопках стоянки у Бисерова озера³⁹, а также интересные керамические комплексы с прочерченным орнаментом, выделенные в нижних культурных горизонтах стоянок у дер. Языково и Николо-Перевоз в Верхнем Поволжье⁴⁰.

Ниже устья Оки по Волге из числа типичных ранних памятников волго-камской культуры следует отметить стоянки Затон Парижской Коммуны II и II Отарскую, Дубовскую, III Полянскую, местонахождения на Галанкиной и Соколиной горе (рис. 9).

Левый берег Волги (от устья Казанки до Камы) и низовья Камы, как уже отмечалось выше, наиболее насыщены памятниками ранне-неолитического времени (рис. 9). Здесь, кроме перечисленных памятников, следует отметить I Амбарскую стоянку, ниже Казанки, большой куст неолитических стоянок по Каме — IV Мурзихинская, III, V, IX, XII Лебединские, I, III, IV Первомайские, IV, IX, XI, XVII Кузькинские, IV Ивановская, Алексеевская и другие стоянки (рис. 9).

Волго-камские неолитические племена в ранний период своего развития доходили по Каме до устья Белой. Выше Белой, в бассейне Средней и Верхней Камы неолитические памятники старше Борового озера I пока неизвестны⁴¹.

По Белой и в Башкирском Приуралье, по материалам Л. Я. Крижевской и Г. И. Матюшина, наблюдаются отдельные ранне-неолитические памятники, например, Усть-Айская и Усть-Юрюзанская стоянки⁴², материалы которых близки к инвентарю стоянок раннего неолита Средней Волги типа IV Матюшинской и II Лебединской.

Интересны керамический комплекс Усть-Айской и кремневый инвентарь Усть-Юрюзанской стоянок. В первой коллекции зна-

чительную группу (основную) составляют фрагменты ранне-неолитической керамики, орнаментированной наколами или отступающей лопаточкой. Техника, стиль и композиция этого орнамента практически не отличаются от орнамента средневожских сосудов второго и третьего этапов⁴³. Отличительными признаками этой керамики является обилие примесей талька; в орнаменте же — наличие прочерченно-струйчатых узоров. Л. Я. Крижевская справедливо считает, что многие из этих черт в материале Усть-Айской и Усть-Юрюзанской стоянок следует объяснять сильнейшим воздействием культуры раннего неолита Зауралья⁴⁴. Исходя из этого, можно полагать, что ранне-неолитическое население Башкирского Приуралья формировало свои культурные особенности на стыке двух больших и, как уже отмечалось выше, родственных культур северной неолитической зоны Евразии — волго-камской и зауральской.

В Зауралье к памятникам раннего неолита, датированным IV тысячелетием до н. э., относятся стоянки так называемого козловского этапа — Козлова Перейма, VII пункт, Сосновая пристань⁴⁵. К сожалению, материалы этих памятников опубликованы настолько скупо, что проводить их сопоставление с материалами Поволжья очень трудно. Тем не менее все-таки можно уловить некоторые элементы сходства, позволяющие говорить об известной общности волго-камской и зауральской неолитической культур.

Следует подчеркнуть, что указанные зауральские, вернее приобские, стоянки расположены чрезвычайно низко, т. е. так же, как и ряд стоянок Средней Волги. Кремневый материал их в основном микролитичен, хотя и есть крупные шлифованные орудия, преимущественно сланцевые ножи, много наконечников стрел на пластинках, есть вкладыши. Характерные для Средней Волги орудия (асимметричные долота, тесла, скребковидные ножи, скребки дисковидные и со скошенным лезвием) не выявлены. Вместе с тем наблюдаются орудия кельтеминарского типа (наконечники стрел с выемом), неизвестные на Волге. Поэтому в кремневом материале, кажется, как будто имеется больше различия, чем общности. Однако в формах и орнаментации глиняных сосудов общие элементы выступают более отчетливо. Как на Волге, так и на Оби в это время начинает вырабатываться специфичная форма закрытых остродонных сосудов, орнаментированных по всей поверхности оттисками отступающей лопаточки⁴⁶. Вместе с тем в приобской керамике ощущается сильное воздействие кельтеминарской культуры, выразившееся в распространении прочерченно-волнистых узоров, а также специфического орнамента типа вертикальной «лесенки». Кельтеминарское воздействие, очевидно, в первую очередь испытали неолитические племена, обитавшие в непосредственной близости от Уральского хребта. Чрезвычайно любопытно, что материалы неолитических

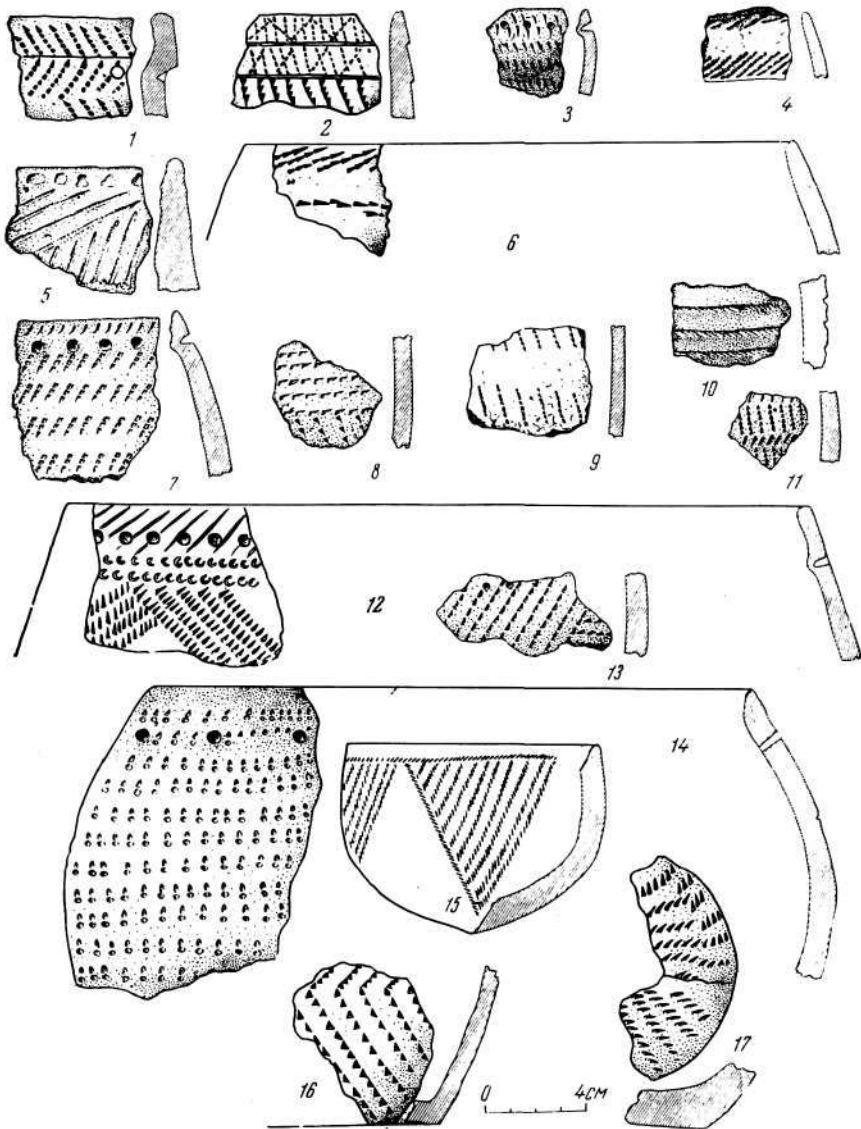

Рис. 19. Раннеолитическая керамика с накольчато-прочерченным орнаментом из западных районов волго-камской культуры

1, 2, 12, 17— Пензенская стоянка; 3— Земетчинская стоянка; 4— Дубовская стоянка; 5, 10— Самарское местонахождение; 6, 13, 15, 16— Гавриловская стоянка; 7, 8— стоянка «Красный Восток»; 9— Озименки; 11— Труевская Маза; 14— Отарская стоянка

памятников, расположенных восточнее — в бассейне Иртыша, имеют большую близость к волго-камским.

В этом отношении особенно интересны раскопки, произведенные Л. Я. Крижевской и В. Ф. Генингом на стоянке Кокуй I на р. Ишим в Абатском районе Тюменской области⁴⁷. Вскрытое здесь жилище своей подквадратной формой и размерами (9×9 м) близко к жилищам ранних стоянок волго-камской культуры (III Обсерваторская, II Лебединская). Почти весь набор каменного инвентаря, сохраняющий микролитический облик, также близок к составу и способу обработки кремневых орудий раннекерамических стоянок Волго-Камья (II Шербетская) и в то же время отличен от кремня приуральских памятников. В частности, в Кокуе совершенно отсутствуют наконечники с выемкой и вкладыши.

Такую же близость обнаруживает и немногочисленная керамика. Характерные для нее ямочные вдавления вдоль верхнего края, несложные в основном горизонтальные узоры из наколов и прочерченных линий⁴⁸, как выше отмечалось, специфичны и для ранней волго-камской керамики. Вместе с тем в мотивах ее орнаментации встречаются и обычные для Зауралья прочерченно-струйчатые узоры, возникновение которых, по единодушному утверждению всех исследователей, было обусловлено воздействием с юга.

Это воздействие южных кельтеминарских племен, а возможно даже какое-то проникновение с юга вдоль Уральского хребта новых этнических компонентов, вызвало, как мы видим, сложение определенной специфики в культуре уральского неолита. Несмотря на это, родственные связи волго-камских и приуральских, в особенности западно-сибирских, племен, очевидно, продолжали сохраняться, и обе культурные группы, по-видимому, продолжали существовать в качестве соседствующих культур одной раннеолитической общности, для которой была характерна полуяйцевидной формы глиняная посуда с преимущественно накольчатопрочерченной орнаментацией, а также подквадратной формы жилые полуземлянки. К рубежу IV—III тысячелетий до н. э. эти сходные черты в материальной культуре обеих групп памятников еще более усиливаются.

К этому времени в Зауралье относятся такие памятники, как стоянка на стрелке Горбуновского торфяника, нижние землянки поселения Нижняя Макуши и др. Согласно радиоуглеродному определению дерева из стрелки Горбуновского торфяника (4800±200), указанные стоянки в основном относятся к рубежу IV—III тысячелетий до н. э., т. е. близки по времени к памятникам последнего этапа раннего периода волго-камской культуры.

В керамике этих памятников господствуют крупные полуяйцевидной формы сосуды с приостренным дном, утонченным краем венчика, изнутри которого образуется специфичный «на-

пльв» — внутренний скошенный валик, появляющийся, как мы видели, в это время и на волго-камских сосудах. Хотя основной техникой исполнения орнамента остаются прочерченные (обычно волнистые) линии и отступающая лопаточка, но начинают употребляться и оттиски мелкозубчатого штампа. Характерны сплошное заполнение орнаментального поля узорами в виде крупной плетенки и вертикальное членение зон, что свойственно и для волго-камской керамики. Специфичной для керамики обеих культурных групп является наличие по краю сосудов однорядных тонких ямочных вдавлений, иногда прокальвавших край сосуда насквозь. Любопытно, что эта деталь орнамента характерна и для неолитических сосудов Прибайкалья, где в памятниках IV—III тысячелетий до н. э. ощущается определенное воздействие Урала и более западных районов⁴⁹. Промежуточными пунктами столь далекого воздействия волго-уральского неолита служат находки С. С. Черникова у г. Павлодара и Г. А. Андреева на Подкаменной Тунгуске керамики с накольчато-прочерченным орнаментом.

Не менее важными являются и вопросы взаимоотношения ранне-неолитических племен Волго-Камья с их западными и юго-западными соседями, особенно с племенами днепро-донецкой неолитической культуры. Обратимся в этом плане к рассмотрению южных и юго-западных районов Среднего Поволжья в ранне-неолитическое время.

По р. Волге, ниже устья р. Камы, выявлено пока чрезвычайно мало памятников, которые можно было бы отнести к интересующему нас периоду. В районе Самарской Луки по левому берегу Волги, судя по материалам Куйбышевского областного краеведческого музея, к раннему неолиту следует отнести, кроме упомянутого местонахождения на Барбашинской поляне, несколько памятников, в том числе местонахождения кремней (пластины, отщепы, скребки с округлым лезвием и скошенным краем) и керамики (рис. 19, 5, 10) с приостренно-скошенными краями венчиков, накольчатым и мелкозубчатым орнаментом, обнаруженных на дюнах поймы низовья р. Сок, между деревнями Вислая Дубрава и Белозерка Красноярского района Куйбышевской области, а также местонахождение в устье р. Самары.

Известная на севере Саратовской области неолитическая стоянка Труевская Маза, исследованная в 1914 г. А. А. Кротовым на левом берегу р. Терешки, содержала керамику с примесью песка и растительных остатков, украшенную орнаментом из мелкозубчатых оттисков и наколов (рис. 19, 11) и близкую к ранне-неолитической керамике Волго-Камья. Среди кремневого инвентаря стоянки вместе с боковыми резаками на пластинах имеются скребки со скошенным лезвием и обломок асимметрического топора.

Ряд неолитических памятников, расположенных к западу от Волги, в верховьях рек Суры и Мокши, также выявляет определенные черты сходства с памятниками Волго-Камья. В 1926 г. П. С. Рыков на дюнах у с. Нижняя Липовка Кузнецкого района Пензенской области по левому берегу верхнего течения р. Суры обнаружил остатки неолитической стоянки с зубчато-прочерченной керамикой и кремневым инвентарем⁵⁰.

Начиная с 1901 г. вплоть до 1940-х годов пензенские краеведы И. Н. Спрыгина и другие производили сборы на дюнных стоянках в долине р. Суры между г. Пензой и с. Терновкой. В результате этих сборов, а также раскопок 1928—1929 гг. в Пензенском областном краеведческом музее собрана интересная коллекция керамики, каменных и металлических изделий эпохи неолита и бронзы, группирующихся в пять-шесть разновременных культурных комплексов.

Наиболее ранний комплекс, представленный керамикой с гребенчато-накольчатой (отступающая лопаточка) орнаментацией, содержится в материалах, собранных на дюнах у озер Ерни и Долгое по направлению к «Ермолаевской роще». К сожалению, сами стоянки уже полностью разрушены, что отметила и М. Е. Фосс в 1953 г., поэтому характеристику памятника можно дать лишь по сохранившимся коллекциям. Последние содержат более 300 фрагментов раннеолитической керамики и значительное число кремневых поделок, хронологическое расчленение которых практически невозможно. По фактуре теста керамика подразделяется на две группы: одна из них (большая) состоит из фрагментов сосудов, изготовленных из глины с примесью песка и шамота; примерно четвертую часть керамики составляют фрагменты с примесью каких-то органических остатков, возможно, растительности. По форме и орнаментации обе группы не отличаются друг от друга. Судя по профилировке верхних частей, преобладали сосуды обычного волго-камского типа с прикрытым горлом и приостренным или уплощенным краем венчика и округлым или конически-приостренным дном (рис. 19, 12, 17). Есть также фрагменты сосудов с небольшим плоским дном и усложненным краем венчика, иногда имеющим своеобразный «воротничкообразный» налп (рис. 19, 12). Последний тип, преобладающий среди сосудов с примесью растительных остатков, более сопоставим с днепро-донецкой керамикой (например, с керамикой стоянки Бузьки)⁵¹, чем с волго-камской. Почти все имеющиеся в коллекции фрагменты несут следы орнаментации, выполненной в абсолютном большинстве (64% из общего числа орнаментированной керамики) оттисками «отступающей лопаточки», реже — оттисками зубчатого штампа (34%) и очень редко — прочерченными линиями (2%). Большая часть имеющихся венчиков по краю украшена рядом мелких, но глубоких, иногда даже сквозных ямок. Для орнаментальных узоров характерны горн-

зонтальные зоны, крупная «плетенка», вертикальная елочка и т. п. Вся эта керамика, имеющая ближайшие аналогии в памятниках второго этапа раннего периода волго-камской культуры и второго периода днепро-донецкой культуры, должна рассматриваться как ранне-неолитическая и датироваться временем не позднее IV тысячелетия до н. э.

Керамика, близкая к материалам Пензенских стоянок, обнаружена также в верховьях р. Мокши — на Озименковской стоянке (рис. 19, 9) и на стоянке Красный восток (рис. 19, 7, 8), исследованных в 1960 г. М. Ф. Жигановым. Культура обоих памятников близка к культуре стоянок третьего этапа ранне-неолитического периода Волго-Камья. Следовательно, в период раннего неолита волго-камские племена доходили на юго-западе до верховий рек Суры и Мокши. Тем самым они приближались к границам распространения днепро-донецких неолитических племен, культура которых проявляет ряд сходных черт с волго-камской.

Днепро-донецкую культуру в бассейнах Среднего Днепра и Донца Д. Я. Телегин датирует V—III тысячелетиями до н. э. и относит ее к группе неолитических культур лесостепной и лесной зон Евразии. Он выделяет три периода в развитии этой культуры: ранний (Ia и Ib — V тысячелетий до н. э.); поздний (IIa и IIб — первая половина IV тысячелетия до н. э.); позднейший (III — от середины IV до середины III тысячелетия до н. э.).

Сопоставление основных черт двух первых периодов днепро-донецкой культуры, особенно ее донецкого варианта, с материалами раннего периода волго-камской культуры подтверждает их значительную близость.

Для днепро-донецкой культуры, по данным Д. Я. Телегина, характерна толстостенная посуда, преимущественно остродонная, профилированной формы, со слабо выраженным венчиком, хотя на позднем этапе есть также и сосуды с небольшим плоским донцем. На раннем этапе в глине — обильная примесь растительных остатков, а на позднем — примесь песка. «Основные элементы орнамента: гребенка, накоды (имеются в виду отступающая лопаточка.— А. Х.) и линии. Обязательным атрибутом орнамента на сосудах является один или два ряда глубоких цилиндрических ямок под венчиком, количественно преобладают гребенки и накоды. Узоры — геометрические, состоящие из прямолинейных элементов. В целом господствует горизонтальная зональность. Все разнообразие узоров, обычно покрывавших сосуд от венчика и до дна, можно свести к трем основным мотивам: 1) мотив горизонтально-линейный; 2) елочко-диагональный мотив; 3) мотив подпрямоугольных и треугольных полей»⁵².

Как мы видели выше, такую же характеристику можно применить и для волго-камской неолитической керамики.

Ряд параллелей наблюдается и в инвентаре каменных орудий. «Производственный инвентарь днепро-донецкой культуры

включает кремневые и каменные топоры, а также орудия микролитической формы, главным образом трапеции, и иные кремневые орудия бытового назначения — скребки, ножи, сверла и т. п. Из других каменных изделий этой культуры следует назвать тальковые «челноки» загадочного назначения⁵³. Подобные же «челноки», или «утюжки», изготовленные из талька, реже — из песчаника (Гавриловская стоянка) или глины (стоянка Сауз I), известны на отдельных стоянках волго-камского типа (Пензенские, Гавриловская, Земетчино, Сауз I), но более характерны для памятников Зауралья, где они обнаружены в большом количестве, в том числе и на многих неолитических стоянках⁵⁴. Сделанные также из талька, они как по форме, так и по орнаменту чрезвычайно близки днепро-донецким, поэтому должны рассматриваться не только как предметы сходные, но и как генетически связанные. Изготовление днепро-донецких «челноков» из талька, имеющего уральское происхождение, заставляет их считать предметами, проникшими на юг Восточной Европы из Приуралья и Западной Сибири⁵⁵, что еще раз подчеркивает активные контакты днепро-донецких племен с населением Волго-Камья и Приуралья.

Состав каменных орудий днепро-донецких памятников характеризуется сочетанием крупных орудий с микролитическим кремнем. В этом его своеобразие, что, пожалуй, специфично вообще для неолита юга не только европейской части СССР, но и Евразии⁵⁶. Несмотря на это, в кремневых орудиях днепро-донецкой культуры можно усмотреть ряд сходных черт с волго-камскими и приуральскими. Так, характерные для волго-камских ранне-неолитических памятников скребки дисковидной формы и скребки со скошенным лезвием известны и на днепро-донецких стоянках (Устье Оскола I, II, Бузьки)⁵⁷, но особенно важно наличие на этих памятниках специфических для Волго-Камья скребковидных ножей — «ложкарей», именуемых Д. Я. Телегиным скребками с режущим краем⁵⁸. Характерно распространение в обоих районах резцов на отщепках и проколов на узких ножевидных пластинах и трехгранных кремнях.

Итак, в керамике и составе каменных орудий волго-камских и днепро-донецких памятников наблюдаются сходные черты, позволяющие предполагать вхождение обеих культур в одну обширную область неолитических культур Евразии, для которой была характерна керамика с накольчато-прочерченным и мелкозубчатым орнаментом.

Вместе с тем несомненны и черты различия между днепро-донецкой и волго-камской культурами. Так, если для первой характерны наземные дома (см. поселение Бузьки) и обширные могильники (Мариупольский, Никольский и др.) с коллективными захоронениями⁵⁹, то волго-камским памятникам присущи полуподземные жилища и одиночные погребения. Известные отли-

чия ощущаются в форме и стиле орнаментации керамики, а также в ряде типов каменных орудий. Все это позволяет утверждать, что, хотя днепро-донецкие и волго-камские племена были близки друг к другу по ряду культурных особенностей, но в меньшей степени, чем волго-камские и зауральские.

Отмеченные черты близости между волго-камскими и днепро-донецкими племенами, очевидно, возникли в результате тех теснейших контактов, которые существовали между указанными группами населения по крайней мере начиная с эпохи мезолита. Для эпохи раннего неолита есть основание предполагать существование между днепро-донецкими и волго-камскими племенами и территориального контакта, проходившего где-то в области Среднего Подонья.

К сожалению, вслед за другими исследователями, приходится еще раз констатировать весьма слабую изученность ранних памятников неолитического типа в Среднем Подонье. Но все же здесь имеется серия неолитических стоянок у населенных пунктов Отрожки, Дармодехино, Тихая сосна, Подклетное, Урыв-Покровка и другие⁶⁰ — стоянки, где в основном найдена керамика с накольчато-прочерченными узорами волго-камского и днепро-донецкого типов. Ближайший северо-восточный памятник (Шелаевская стоянка) днепро-донецкой культуры расположен недалеко от воронежских неолитических стоянок и от крайних юго-западных волго-камских памятников. В числе последних следует, кроме вышеотмеченных по р. Мокше, упомянуть обследованную в 1930 г. П. С. Рыковым Вертуновскую стоянку на р. Хопер, содержащую керамику с прочерченными и мелкозубчатыми узорами; находки М. Р. Полесских в 1963 г. на Земетчинском селище керамики с прочерченным и мелкозубчатым орнаментом и однорядномочными вдавлениями ниже края горла (рис. 19, 3) и талькового «утюжка-челнока». М. Е. Фосс отметила на стоянках Тамбовщины (Подзорово, Глиници)⁶¹ фрагменты керамики с орнаментом из наколов — отступающей лопаточки и мелкозубчатых оттисков. Интересны и выявленные В. П. Левенком в бассейне р. Матыри (левый приток верховий Дона) стоянки раннего неолита — Ярлуковская протока, Рыбное озеро II и др. Керамика этих памятников весьма близка к ранней волго-камской, но в некоторых деталях (штриховая зачистка внутренней и внешней поверхности, ряд крупных ямок по горлу) сказываются особенности и днепро-донецкой культуры.

Поздний период волго-камского неолита, относящийся в целом к III тысячелетию до н. э., подразделяется на два этапа — первый (первая половина III тысячелетия до н. э.) и второй (середины и третья четверть III тысячелетия до н. э.). В материальной культуре населения этого периода произошли значительные изменения (см. табл. А, Б), обусловленные прежде всего причинами внутреннего развития. В этот же период наблюдается

оформление локальных вариантов волго-камской неолитической культуры.

К *первому* этапу из числа наиболее изученных памятников следует отнести стоянки Боровое озеро I на Верхней Каме⁶², Займище IIIa на Волге⁶³, I Лебединскую на Нижней Каме (раскопки автора в 1963 г.). Всего только на Средней Волге и Нижней Каме в настоящее время известно более 40 стоянок и местонахождений с материалом, характерным для первого этапа позднего периода волго-камского неолита.

Большинство известных поселений этого времени располагаются по краю боровых или надлуговых террас, на высоте не ниже 6—8 м от уровня ближайшего водоема. Площадки стоянок с выявленными культурными наслоениями (Займище IIIa, I Лебединская) достигают 1000 кв. м.

Керамика описываемого этапа продолжает сохранять предшествующую котловидную форму глиняных сосудов с закрытым горлом, но значительно уменьшается число сосудов с приоткрыто-скошенным краем горла, их место занимают сосуды с характерным «напльвом» изнутри края венчика (табл. Б; рис. 20, 1, 4, 5). Продолжают бытовать также сосуды с округлым краем венчика (табл. Б; рис. 20, 8). Следует отметить, что на средневожских (Займище IIIa) и нижекамских (I Лебединская) памятниках сосудов с «напльвом» встречено несколько меньше, чем на Боровом озере I (табл. Б). Вместе с этим на волжских памятниках (Займище IIIa, Малые Отары, Жареный бугор) обнаружены сосуды со слегка отвернутым краем горла (рис. 20, 6, 8), в чем, очевидно, следует усматривать усиливающееся воздействие продвигавшихся по Волге балахнинских племен с гребенчато-ямочной керамикой (см. ниже). В гребенчатой технике нанесения орнамента усиливается процент употребления среднезубчатого штампа (до 40%), соответственно уменьшается применение мелкозубчатого штампа (до 20—30%) и достаточно широко распространяется так называемая «шагающая гребенка», встречаемая на отдельных памятниках на поверхности 25—40% сосудов. Наряду с гребенчатой орнаментацией наблюдается также техника прочерченных и резных линий, но если на керамике волжских и нижекамских стоянок обычны простые резные, иногда округлые ногтевидные вдавления (рис. 20, 8), то на керамике стоянки Боровое озеро I нанесены в основном прочерченно-волнистые линии⁶⁴.

Для разделения орнаментальных зон начинают чаще употребляться ряды овально-вытянутых ямок, а на волжских и нижекамских стоянках спорадически появляются сосуды с однорядными ямочными, обычно глубокими вдавлениями (рис. 20, 6). В этом, очевидно, также следует усматривать воздействие западных соседей с гребенчато-ямочной керамикой.

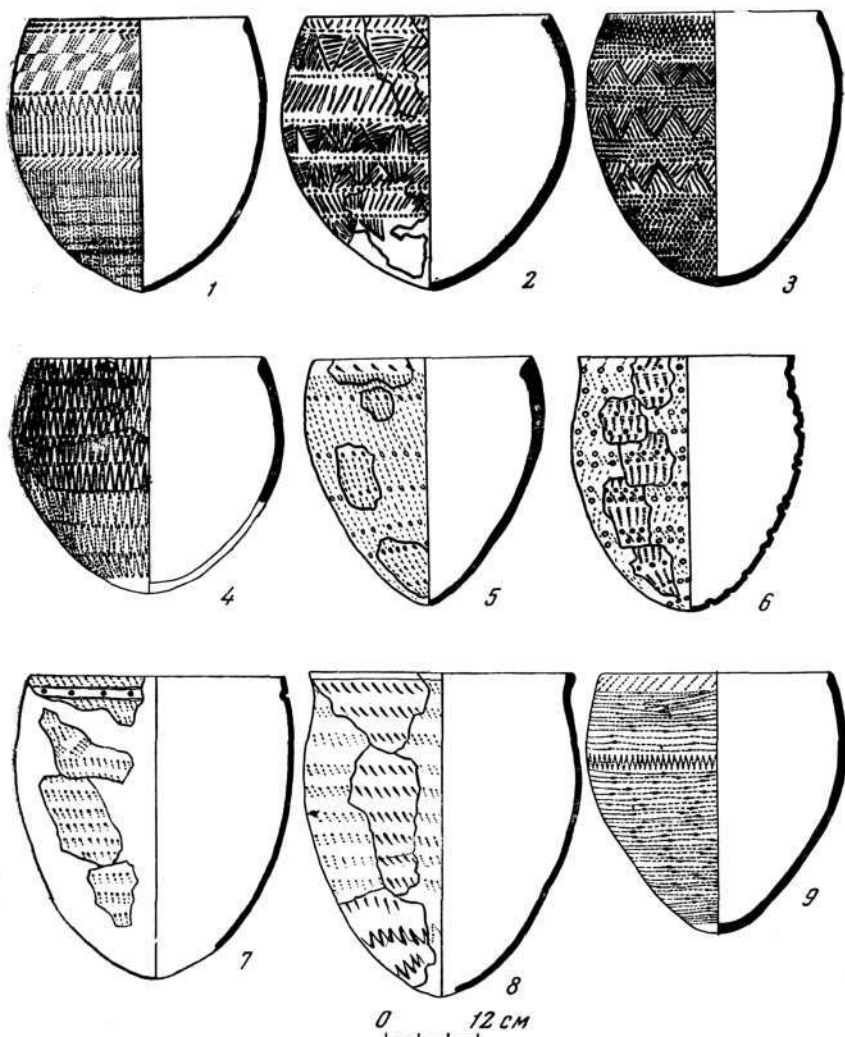

Рис. 20. Формы неолитических сосудов позднего периода волго-камской культуры

1, 2 — Боровое озеро I; 3, 4, 9 — Хуторская; 5 — I Лебединская; 6, 7, 8 — III Старо-Мазиковская

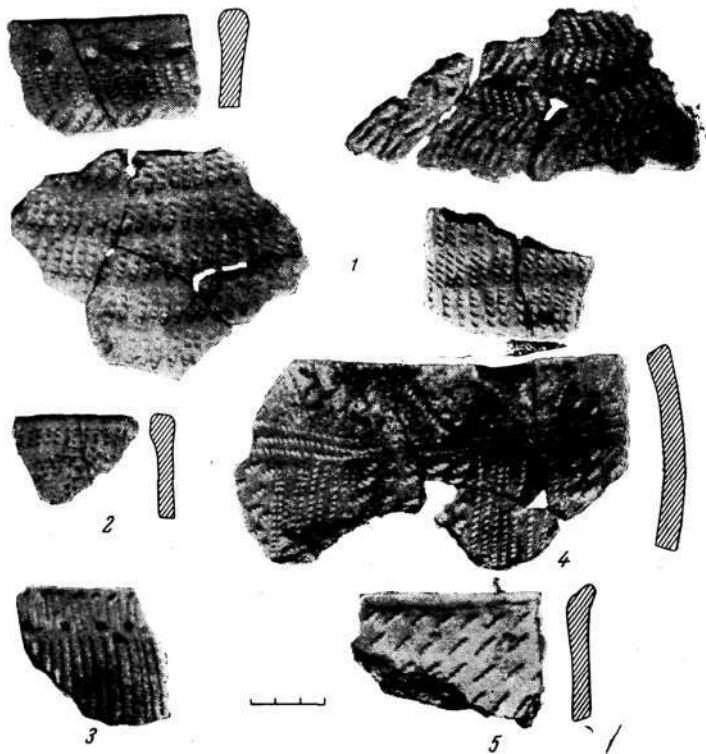
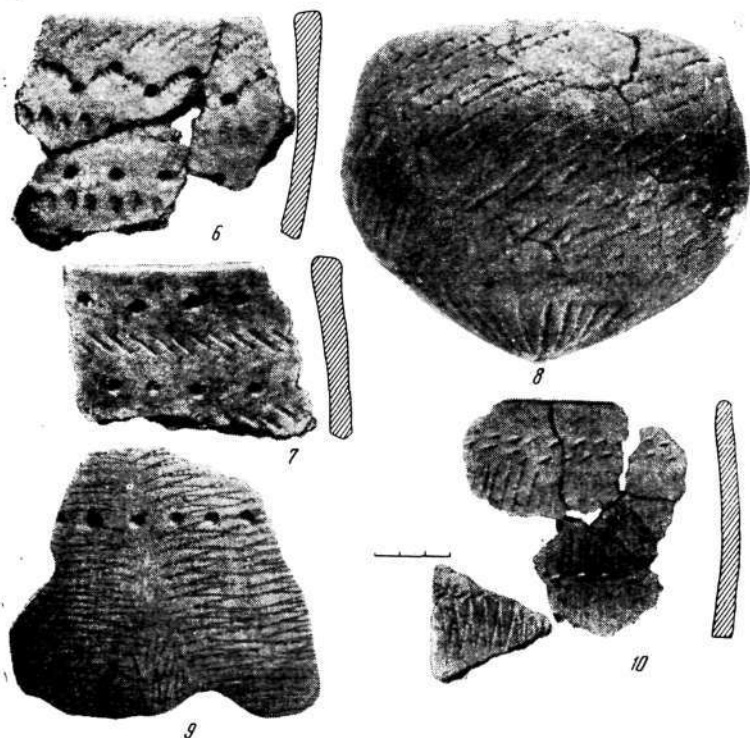

Рис. 21. Керамика позднего периода волго-камской неолитической культуры
1, 2, 4, 6-8, 10 — Старо-Мазиковские стоянки; 3, 9-V Марьянская стоянка

В орнаментальных узорах керамики наблюдается постепенное исчезновение «плетенки» из заштрихованных прямоугольников, которые часто заменяются «плетенкой» из сочетания пустых и заштрихованных прямоугольников с подобными, но заполненными овальными ямками или клиновидными углублениями (рис. 20, 3)⁶⁵. Орнаментальные поля из заштрихованных треугольников сохраняются, но они превращаются в горизонтальные полосы с заполнением промежутков другими орнаментальными узорами (рис. 20, 2, 3). От системы вертикального членения орнаментальных зон сохраняется лишь узор в виде густых, не разделенных промежутками, вертикальных зигзагов, нередко выполненных шагающей гребенкой (рис. 21, 9). Абсолютно господствующим становится горизонтальное членение и расположение орнаментальных зон (табл. Б). Разделительные зоны выполнены из оттисков косо поставленного и короткого гребен-

чатого штампа или овально-вытянутых ямок (рис. 20, 2, 5, 6; 21, 10), редко — горизонтального зигзага, которым иногда также служит ряд «шагающей гребенки»⁶⁶. Отмечается появление орнамента на керамике в виде рядов горизонтальных линий, иногда прерывчатых, но чаще сплошных. Такая керамика особенно характерна для стоянки Боровое озеро I⁶⁷.

Такое же развитие наблюдается и в кремневом инвентаре (табл. А). Для изготовления орудий в позднем неолите все чаще употребляется плитчатый кремнь (коричневый или желтовато-коричневый на Волге и Нижней Каме, синевато-черный на Верхней Каме). Однако в памятниках первого этапа такого кремня еще немного (10% на I Лебединской стоянке, единично встречается на остальных памятниках). Почти окончательно изживает себя микролитическая техника обработки камня — снижается процент ножевидных пластин, которые к тому же имеют грубый, часто аморфный облик, исчезают нуклеусы правильных форм, а также почти все орудия на ножевидных пластинах, за исключением отдельных скребков, пластин с краевой ретушью — ножей и редких наконечников стрел.

Среди крупных орудий распространяются хорошо шлифованные симметричные тесла с намеченными гранями по спинке. Наиболее характерны концевые и угловые формы скребков с прямым, округлым и скошенным лезвиями, иногда с приостренными углами. Спорадически сохраняются скребки с микролезвием, но полностью исчезают дисковидные и прочие скребки с несколькими лезвиями. На волжских и нижекамских памятниках часто встречаются скребковидные ножи — «ложкари», неизвестные в материалах Борового озера I.

Резцы и резчики на пластинах и отщепах отсутствуют, но зато широкое распространение получают ножи на кремневых плитках с округлым лезвием и двусторонней обработкой. На Боровом озере I имеются полированные сланцевые ножи с остро отточенным лезвием⁶⁸, изредка встречающиеся на нижекамских памятниках.

Проколки на ножевидных пластинах и трехгранных кремнях заменяются орудиями на отщепах с широкой ручкой. Наконечники стрел хотя и продолжают сохранять предшествующую листовидную форму, но приобретают двустороннюю тщательную обработку и укороченные формы, приближающиеся к ромбическим⁶⁹.

Памятники типа стоянок Боровое озеро I, Займище IIIa и I Лебединская на основании ряда сходных признаков следует объединить в одну группу, которую можно рассматривать как хронологически более раннюю во всей серии позднеэолитических памятников Волго-Камья. Об этом свидетельствует и сохранение в материале указанных памятников некоторых пережиточных черт, связанных с ранним неолитом, и отсутствие целого ряда элементов, характерных для завершающего этапа неолита (табл. А, Б). Это же подтверждается и стратиграфическими наблюдениями. В этом плане особое значение имеют материалы расположенных рядом I и II Лебединских стоянок. Как неоднократно отмечалось выше, II Лебединская стоянка относится к заключительному этапу раннего периода волго-камского неолита. В то же время в горизонте, перекрывающем наслоения жилища этой стоянки, обнаружен сосуд, по форме и орнаментации характерный для керамического комплекса I Лебединской стоянки. Поэтому I Лебединская стоянка хронологически должна быть моложе II Лебединской стоянки. А это в свою очередь позволяет определить этап, к которому относится I Лебединская стоянка, вслед за этапом, характеризующимся материалом II Лебединской стоянки. Хронологически первый этап позднего периода не может быть датирован позже середины III тысячелетия до н. э., а скорее всего время его следует увязывать с первой половиной III тысячелетия до н. э., учитывая, что финал раннеэолитического периода Волго-Камья падает на конец IV тысячелетия до н. э.

Не останавливаясь здесь на рассмотрении остальных памятников первого этапа позднего неолита, чему будет уделено место

ниже, перейдем к рассмотрению основных черт завершающего этапа волго-камского неолита. Наиболее изученными памятниками этого этапа на Волге, вернее на ее притоке — р. Илети, является группа Старо-Мазиковских стоянок⁷⁰, на Нижней Каме — V Марьяновская, I Бозяковская, Алексеевская и Игимская⁷¹ стоянки, в устье р. Белой — Саузовская стоянка⁷², на Средней Каме — Кряжская стоянка⁷³ и на Верхней Каме — Хуторская стоянка⁷⁴. Все эти стоянки, как правило, продолжают занимать невысокие края надлуговых террас, хотя для некоторых, например Саузовской (Кутурган-Ерганак), отмечено и очень высокое положение (18 м над современным уровнем озера). Почти все они устойчивые и долговременные поселения с площадью 1000—1500 кв. м (III Старо-Мазиковская — 1350 кв. м, Игимская — 1600 кв. м, Хуторская — свыше 1500 кв. м).

На II и III Старо-Мазиковских и на Кряжской стоянках зафиксированы остатки каких-то наземных построек, а на Хуторской стоянке изучено большое полуземляное жилище прямоугольной формы (16,5×4,5 м) с выходом в одной стороне. Некоторые конструктивные особенности этого сооружения (столбовое укрепление краев котлована, нары—выступы вдоль стен) напоминают конструкции жилищ II Русско-Луговой (мезолитический слой), Кабы-Копрынской (позднемезолитический слой) и II Лебединской стоянок Волго-Камья, но в целом Хуторское жилище своими вытянутыми очертаниями и двускатным или односкатным перекрытием отличается от указанных. Еще одно близкое по форме жилище (13,5×7,5 м) обнаружено на Средней Каме при раскопках неолитической стоянки Чернашка⁷⁵, так что можно предположить типичность подобных жилищ для позднего неолита Северного Прикамья.

Керамика завершающего этапа неолита Волго-Камья имеет определенные отличия от предыдущей, хотя преимущественно котловидная ее форма с приостренным дном, с заглаженной, иногда до лощения, поверхностью продолжает сохраняться (табл. Б; рис. 21, 4, 6—9). Основной примесью в глиняном тесте остается шамот и песок, но на самых поздних стоянках, как, например, на Хуторской, появляются немногочисленные сосуды с органической примесью⁷⁶. Наряду с сосудами, имеющими закрытую форму горла, отмечаются сосуды с вертикальным профилем⁷⁷, а также появляются чашевидные сосуды⁷⁸. В целом формы сосудов становятся более вытянутыми, приближаясь к классическим полуяйцевидным очертаниям⁷⁹. В западных (волжских и вятских) памятниках еще больше усиливается профилировка горла. На отдельных памятниках, как, например, на III Старо-Мазиковской стоянке, уже более 10% сосудов имеют отогнутый край горла. Сосуды с «наплывом» по внутреннему краю горла составляют более половины выявленной керамики. Распространяются сосуды с округлыми днищами.

Сосуды продолжают сохранять сплошную орнаментацию, но вместе с тем наблюдается определенная тенденция к ее разреженности и даже изредка встречаются сосуды со слабой орнаментацией или вовсе без нее⁸⁰.

В технике исполнения орнамента преобладающее место продолжает занимать гребенчатый штамп с мелкими (мало) и средними (больше) зубцами, а также начинает употребляться крупнозубчатый штамп. Несколько увеличивается число сосудов, орнаментированных «шагающей гребенкой», особенно на памятниках Среднего и Верхнего Прикамья⁸¹.

Для разделения орнаментальных зон начинает практиковаться более чаще нанесение на сосуде круглых ямок — глубоких с коническим дном на поселениях Волги и Вятки⁸², плоских с округлым дном на поселениях Камы, выше устья Вятки⁸³. Почти везде сохраняются также ямки неправильной формы, а на Волге продолжают бытовать сосуды с рядом мелких отверстий ниже края горла. Применение прочерченных линий, в основном резных, на сосудах Прикамья продолжает сохраняться, но полностью исчезают сосуды с прочерченно-волнистым орнаментом⁸⁴.

В размещении орнаментальных зон характерна почти абсолютная горизонтальная зональность. Из геометрических узоров сохраняются в единичных случаях только полосы заштрихованных или чаще контурных треугольников⁸⁵, хотя на II Старо-Мазиковской стоянке был встречен один сосуд, украшенный крупной плетенкой из заштрихованных прямоугольников, сочетающихся с подобными, но заполненными короткими оттисками зубчатого штампа. Так же редки и узоры, расчлененные на вертикальные зоны, если не считать нескольких фрагментов из II и III Старо-Мазиковских стоянок. Значительно реже употребляется и вертикальный густой зигзаг, встреченный в основном на сосудах из Кряжской стоянки.

Среди горизонтальных зон характерны ряды прямых или скошенных линий, иногда полосы с крестообразной штриховкой⁸⁶, а на Каме преобладают в этой серии сосуды с горизонтальными рядами «шагающей гребенки» и плоских ямок⁸⁷.

В кремневом инвентаре поздненеолитических памятников преобладающее место начинают занимать изделия из плитчатого кремня, который шел на изготовление почти всех мелких орудий труда (табл. А). Микролитическая техника обработки камня окончательно изживает себя, и ножевидные пластины с орудиями, сделанными на них, уже практически значения не имеют⁸⁸.

Дальнейшее развитие получают крупные долотовидные орудия и топоры. Форма их совершенствуется, улучшается шлифовка, ставшая сплошной, появляются очень крупные долота и тесла правильной огранки, как, например, на II Старо-Мазиковской стоянке⁸⁹, а также распространяются орудия треугольные и тра-

пещевидные в сечении с тщательной шлифовкой⁹⁰ и симметричные топоры правильной формы⁹¹.

Бытуют все скребки предыдущих форм, но особенно обильными становятся концевые экземпляры, все чаще принимающие правильную треугольную форму⁹². Часто встречаются крупные скребла на кремневых плитках. Продолжают бытовать ложкари — скребковидные ножи, но среди них более распространены становятся орудия с прямым приостренным лезвием, а также скобели на отщепках, появляются специально оформленные скобели с широкими лезвиями⁹³.

Особенно широкое развитие получают ножи, изготовленные преимущественно на кремневых плитках⁹⁴. Формы их становятся разнообразными, отделка более тщательной⁹⁵. Появляются ножи с выделанной рукояткой и ножи правильной клиновидной формы⁹⁶.

Более разнообразными становятся наконечники стрел, среди которых, наряду с прежними листовидными и одношипными формами, распространяются и черешковые⁹⁷; а на камских памятниках появляются асимметричные наконечники⁹⁸. Среди наконечников копий и дротиков вместе с сохранением архаичных листовидных форм следует отметить употребление подромбических типов. Из крупных орудий в завершающем этапе неолита распространяются хорошо отполированные молоты из плотного песчаника с выраженным желобчатым перехватом и песты подцилиндрической формы⁹⁹, а на Хуторской¹⁰⁰ и I Щербетской островной стоянках известны крупные мотыгообразные камни.

Из единичных предметов следует отметить ножи или наконечники с «пуговковидным» выступом-рукояткой, обнаруженные на II Старо-Мазиковской¹⁰¹ и Хуторской¹⁰² стоянках, и оригинальной формы кремневый рыболовный крючок из III Старо-Мазиковской стоянки¹⁰³.

Дата неолитических памятников завершающего этапа уже была высказана в публикациях. Так, III Старо-Мазиковская стоянка была датирована второй половиной III тысячелетия до н. э.¹⁰⁴ Время Хуторской стоянки было определено в рамках последней четверти III тысячелетия до н. э.¹⁰⁵, а Кряжской стоянки — концом III тысячелетия до н. э.¹⁰⁶ Есть основание полагать, что указанные даты являются несколько омоложенными, ибо, как мы увидим ниже, концом III тысячелетия до н. э. уже датируются ранние волосовские памятники. Поэтому общей датой всего завершающего этапа, а с ним и конца каменного века в Волго-Камье следует считать третью четверть III тысячелетия до н. э. Практически за этим периодом с появлением в крае первых металлических орудий уже начинается переход к эпохе раннего металла.

Как отмечалось выше, кроме основных памятников позднего неолита, только в пределах Среднего Поволжья и Нижнего При-

камня известно несколько десятков стоянок и отдельных местонахождений, рассмотрение которых поможет очертить территорию распространения волго-камских племен в период позднего неолита, наметить локальные варианты его культуры, а также выявить некоторые вопросы взаимоотношений волго-камских племен с их соседями.

По-видимому, в начале III тысячелетия до н. э. на Волге, выше устья Камы территория распространения волго-камских племен резко сокращается (рис. 9) за счет начавшейся экспансии на восток балахнинских племен с гребенчато-ямочной керамикой (рис. 24). На Волге до устья Илети на левом и до устья Свияги на правом берегах в это время уже нет памятников волго-камского типа, их места занимают стоянки с гребенчато-ямочной керамикой, как, например, одна из ранних в этой серии стоянок — I Русско-Луговская, расположенная в устье р. Илети (рис. 24). Предшествовавшее волго-камское население вынуждено было отойти на восток — на Каму и Вятку, а также на север и северо-восток — в бассейны рек Кокшаги и Илети, в Волго-Вятское междуречье. Только этими причинами можно объяснить появление в глухих лесах верхнего течения р. Илети группы памятников у с. Старое Мазиково, состоящей из четырех стоянок и одного местонахождения¹⁰⁷. Судя по наличию в керамике этих стоянок некоторых архаичных черт (сосуды с приостренным краем венчика, орнамент из полей заштрихованных прямоугольников и треугольников и т. п.), не исключено, что они возникли еще в первом этапе позднего неолитического периода. К этой же группе северных памятников следует причислить Широкундышскую стоянку на р. Б. Кундыш и Оришутьскую стоянку в верховьях р. Илети.

В бассейнах рек Свияги и Казанки, а также в прилегающем побережье казанского течения Волги вплоть до конца эпохи неолита продолжало обитать население волго-камской культуры (рис 9).

Чрезвычайно интересным памятником в этом районе представляется местонахождение на городище Казанка 2 в окрестностях г. Казани, обнаруженное в 1964 г. Здесь, на мысу высотой почти в 25 м, собраны фрагменты позднеолитической керамики со среднезубчатым орнаментом волго-камского типа, кремневые орудия и отщепы. Не исключено, что перед нами остатки одного из наиболее ранних поселений, расположенных на естественно укрепленном мысу. Такое положение памятника, очевидно, следует объяснить прежде всего тем, что в позднем неолите волго-камское население вытесняется вплоть до устья р. Казанки балахнинским населением; в этих условиях, возможно, некоторые из волго-камских групп, стремясь сохранить свою территорию, занимали естественно укрепленные мысы рек, тогда как в более низких местах располагались балахнинские родовые группы.

Между Казанкой и Камой по левому берегу р. Волги в последние годы обнаружено еще несколько стоянок с характерной поздненеолитической керамикой (рис. 9). Это V и VI Матюшинские, VI Березовогривская стоянки и I Тетеевское местонахождение, относящиеся, судя по керамике, к первому этапу поздненеолитического периода, I Матюшинское местонахождение и III Матюшинская стоянка, датируемые временем второго этапа. На поверхности VI Березовогривской стоянки прослежены земляночные впадины, что повышает интерес к этому памятнику.

В 1964—1967 гг. значительная группа поздненеолитических памятников волго-камской культуры была обнаружена в приустьевой части р. Камы (рис. 9). Здесь, кроме отмеченной выше I Лебединской стоянки, известны в настоящее время еще более 30 памятников — II Марьяновская, V Первомайская, VIII, IX, X Лебединские, VIII, XXII Кузькинские, III Березовогривско-Алексеевская и V, VIII Саканские островные стоянки, которые содержали керамику начала позднего периода волго-камского неолита; стоянки II, IV, V Ново-Мордовские, II Кураловская, III Малиновская, V Нижне-Марьяновская, I, XII Бозяковские, IV Березовогривская, IV Первомайская, I Чувашская культура, I Курман-Касинская, VI, XII, XX Кузькинские и I Мурзихинская стоянки — гребенчатую керамику позднейшего облика.

Судя по материалам, особенно керамике, собранной на этих стоянках, есть основания полагать, что поздненеолитические памятники нижекамских районов мало чем отличались от памятников волго-вятских районов и, очевидно, входили в одну локальную группу.

Отличительными признаками материальной культуры этой группы следует считать: в керамике — появление сосудов с отогнутыми краями горла и употребление рядов глубоких конических ямок для разделения орнаментальных зон; в кремневом материале — преобладающее употребление коричневого плитчатого кремня для изготовления орудий, среди которых специфическими являются массивные треугольные в сечении долота и тесла, скребковидные ножи-резчики, черешковые и одношипные наконечники стрел, неизвестные в памятниках Средней и Верхней Камы.

Выявленная на Средней и Верхней Каме значительная группа поздненеолитических памятников, очевидно, составляла вместе с памятниками правобережья Камы, выше устья Вятки, своеобразный локальный вариант волго-камской культуры. Для этого варианта следует считать характерной керамике, в орнаментации которой, наряду с узорами из гребенчатых отрисков, широко употреблялись узоры из плоских ямчатых углублений круглой формы¹⁰⁸.

Поздненеолитические памятники, известные по левому берегу р. Камы от устья р. Ика до устья Белой, так же как и памятники

нижнего течения р. Белой, дают в основном керамику, украшенную только гребенчатым орнаментом, в редком сочетании с овальноймочным орнаментом, хотя большинство этих памятников имеет, несомненно, поздний облик. Среди них, в пределах интересующего нас региона, следует отметить Игимскую стоянку в приустьевой части р. Ика, исследованную в 1958 г. автором и содержащую выраженный керамический комплекс с гребенчатым орнаментом, в том числе и мотивами «шагающей гребенки»¹⁰⁹, а также большую группу поздненеолитических стоянок, выявленных в последние годы О. Н. Бадером, А. П. Шокуровым, Г. Н. Матюшиным, П. Н. Старостиным и другими, в приустьевой части р. Белой (Кутурган-Ерганак, Кюнь II, III, Юрты, Старое Семиострово, I Русский Азибей, Сауз III, Бачки-Тау II и Новое Язигитово).

Близки к отмеченным стоянкам поздненеолитические памятники Башкирии, изученные в бассейне р. Уфы — Усть-Айская и Айдосская стоянки¹¹⁰. Обе эти группы памятников, очевидно, следует рассматривать в качестве особого варианта волго-камской культуры. Вместе с тем в уфимской группе отчетливо чувствуется воздействие зауральского неолита, выразившееся в проникновении тальковой посуды и некоторых форм орудий.

Итак, есть основания полагать, что волго-камские неолитические племена в поздний период своего развития начали выделяться в отдельные локальные группы. Кроме отмеченных волго-вятской, камской и бельской групп, очевидно, существовала еще наиболее западная группа — сурско-мокшанская.

В поздненеолитической культуре родственного волго-камским племенам населения Зауралья еще усиливаются черты, общие для обеих культурных групп, свидетельствующие о сохранении в III тысячелетии до н. э. в уральской зоне Евразии большой этно-культурной общности. Поздненеолитические памятники Урала и Зауралья в последнее время благодаря радиоуглеродному определению получили несколько достаточно надежных дат. Так, для дерева из шестого разреза Горбуновского торфяника установлена дата 4360 ± 200 ¹¹¹, для второй стоянки на Козловой Перейме — 4000 ± 130 (LE-357). Таким образом, в целом поздне-неолитический период Зауралья и Западной Сибири, вероятно, также не выходил за пределы III тысячелетия до н. э. В это время на неолитических стоянках от Урала до Оби и даже восточнее, до р. Томи, распространяется керамика, весьма близкая к волго-камской. Это преимущественно крупные сосуды яйцевидной формы, с округлым, реже коническим, дном и почти обязательным скошенным утолщением изнутри края венчика. В большинстве случаев они изготовлялись из теста с примесью шамота, но в более северных районах встречается и тальковая примесь. В орнаментации этой керамики характерна разреженность орнаментальных зон и преобладание горизонтальной зо-

нальности. На поздних стоянках Горного Зауралья (Бельская¹¹², верхний слой стоянки Мурат)¹¹³, Южного Урала (Татарский Бор)¹¹⁴ и Приобья (верхние землянки Козловой Переймы)¹¹⁵ встречаются сосуды, в орнаментации которых, так же как и в Волго-Камье, абсолютно господствуют узоры, нанесенные оттисками зубчато-гребенчатого штампа и нередко — «шагающей гребенки». На более ранних стоянках (I Полуденка¹¹⁶, шестой разрез Горбуновского торфяника¹¹⁷, нижний слой Боборыкино¹¹⁸) еще сохраняются узоры, выполненные прочерченно-волнистыми линиями и оттисками отступающей лопаточки.

В поздненеолитических памятниках Зауралья усиливается макролитизация кремневых орудий, что некоторые исследователи справедливо увязывают с распространением из волго-камских районов зубчато-гребенчатой керамики¹¹⁹. Широко употреблялись граненые и хорошо отшлифованные долота и тесла волго-камского типа, ножи и другие орудия из плитчатого кремня. Но особенно характерными становятся изделия из зеленоватого окремненного сланца, найденные также и на ряде поздненеолитических памятников Волго-Камья. К этому следует добавить распространение в Волго-Камье, Зауралье и Западной Сибири однотипных украшений в виде каплевидных амулетов из лиственита, гипертенита и хлоритового сланца (рис. 22), а также бытование в этих областях однотипных одиночных погребений.

Остается рассмотреть еще южные и юго-западные пределы распространения волго-камских племен. Левый берег Волги ниже устья Камы, примерно до р. Майны, по-видимому, был довольно густо населен поздненеолитическими племенами волго-камской культуры (рис. 9). В этой группе особый интерес представляют два памятника — Ново-Мордовская и Гулькинская стоянки, где были выявлены также чрезвычайно редкие для неолитической эпохи погребения.

В 1880-х годах Н. Ф. Высоцкий в полуверсте от с. Ново-Мордово Куйбышевского района Татарской АССР (быв. Спасский уезд Казанской губернии) на месте древней стоянки вскрыл остатки одного погребения. Костяк, едва прикрытый дерном, «лежал, обращенный головой к северу, а ногами — на юг. Около правой кисти руки скелета находился верхний щиток черепахи (*testudo caspica*), развалившийся на мелкие кусочки. На внутренней поверхности щитка по местам замечались следы красной краски»¹²⁰. Погребенной была женщина, имевшая некоторые лапоноидные или монголоидные признаки¹²¹. Вытянутое положение, посыпка охрой, расположение на территории неолитической стоянки позволяют рассматривать Ново-Мордовское погребение как неолитическое. В настоящее время указанное место подтоплено водами Куйбышевского водохранилища. Когда осенью 1963 г. в результате сильного спада воды место обнажилось, было проведено его обследование. В результате удалось обна-

ружить остатки размытой стоянки, содержащей обломки глиняной посуды с примесью песка и гребенчатым орнаментом, хорошо выраженный кремневый инвентарь, в том числе листовидный наконечник стрелы, скребки с округлым лезвием и ножи с прямыми и двусторонними лезвиями, изготовленные из плитчатого кремня. Весь этот материал, имеющий аналогии в памятниках типа Старо-Мазиковских стоянок, несомненно, является поздне-неолитическим, что позволяет датировать стоянку, а с ней, вероятно, и описанное погребение позднеолитическим временем.

Два неолитических погребения были обнаружены в 1953 г. А. В. Збруевой на Гулькинской стоянке эпохи бронзы, расположенной на границе между Татарской АССР и Ульяновской областью. Погребения содержали по одному костяку; они лежали вытянуто, на спине, головой были ориентированы на восток. Кости нижних конечностей (берцовые и ступни) у обоих скелетов отсутствовали. На костяках прослежены следы посыпки красной охрой; в изголовье одного из них обнаружена небольшая ямка (Д—15 см), заполненная красной охрой. В этом же погребении под черепом и у шеи найдены мелкие бусы в виде плоских кружков (Д—2; 5 мм) из молочно-белого и сероватого мягкого камня (яшмы?); в западной части могилы — две плоские привески каплевидной формы из серого лиственита. По определению М. М. Герасимова, костяки принадлежали мужчине европеоидного типа и женщине, череп которой имел некоторые признаки монголоидности¹²².

Еще одно (третье) погребение на этой стоянке было обнаружено в 1965 г. при осмотре размытого Куйбышевским водохранилищем места поселения. Здесь была выявлена яма с округлыми концами (170×60 см), почти сплошь заполненная красной охрой. В восточном конце ямы зафиксирован тлен от черепа, вокруг которого располагались 14 крупных плоских каплевидных подвесок из зеленовато-серого хлоритового сланца (рис. 22). Кроме того, в яме найдены крупное скребло и обломок проколки-сверла из кремня.

Наличие на Гулькинской стоянке остатков трех погребений заставляет предполагать существование здесь неолитического могильника, для которого было характерно вытянутое положение умерших в отдельных ямах, ориентация их головой на восток, посыпка могилы красной охрой, сопровождение погребенных украшениями и некоторыми орудиями.

Гулькинские и Ново-Мордовские погребения имеют сходные черты с теми немногочисленными позднеолитическими погребениями, которые открыты в Приуралье: Бурановская пещера и скальный навес Старичный Гребень на р. Юрюзани¹²³, погребение на территории срубного поселения Ахметово I у г. Уфы¹²⁴, захоронения на стоянках III Козлова Перейма и у Аятского озера. Для всех них характерно вытянутое положение костяков и

посыпка красной краской, отсутствие керамики, наличие отдельных украшений — бус из камня или раковин, каплевидных подвесок из змеевика, лиственита или сланца, редко встречаются подвески из оленьих зубов или их костяных имитаций. Амулеты-подвески, сделанные из лиственита или зеленоватого хлоритового сланца, месторождения которого известны в основном на восточных склонах Урала¹²⁵, имели широкое распространение в неолитических памятниках лесной полосы Восточной Европы¹²⁶. В Среднем Поволжье находки подобных украшений, кроме Гулькинских погребений, известны на VII, X, XI, XII Бозьяковских и I Балахчинской стоянках, а также в местонахождении у с. Кибячи на р. Меше и на Пензенской стоянке, где обнаружено 17 подобных подвесок¹²⁷.

Однотипность погребального обряда и наличие близкого типа украшений в позднеолитических памятниках Волго-Камья, Урала и Западной Сибири еще раз подтверждает вхождение населения этих районов в позднем неолите в одну обширную этно-культурную область.

Памятники левобережья Волги близ устья Камы по культуре весьма близки к волго-вятским памятникам и вместе с ними, очевидно, составляли волго-вятский вариант волго-камской культуры.

Как далеко вниз по Волге распространялись позднеолитические племена волго-камской культуры, в настоящее время трудно установить. Лишь опираясь на некоторые памятники, можно предполагать, что по волжскому правобережью эти племена доходили до устья р. Усы, т. е. до северных отрогов Жигулей. Так, находки фрагментов позднеолитической керамики со среднезубчатым орнаментом и элементами «шагающей гребенки», а также кремневых орудий наблюдались в раскопах 19 и 20 у Моечного озера¹²⁸.

По левому берегу р. Волги, ниже устья Майны, волго-камские позднеолитические памятники не были известны. Возможно, это явление следует увязывать с началом освоения юго-восточных районов Среднего Поволжья в III тысячелетии до н. э. древнеямными племенами, курганные могильники (Березняковские, Аверьяновские и Микулинские) и поселения (Куйбышевское, «Толкай») которых с архаичными чертами в культуре обнаружены в бассейнах рек Самарки и М. Кинель¹²⁹.

Однако в этих же районах есть интересные памятники со смешанной культурой типа поселения «Захар-Калма» на р. Самарке и погребения у с. Криволучье¹³⁰ на р. Чагре, свидетельствующие о процессах смешения пришлых древнеямных племен с аборигенами Среднего Поволжья, племенами волго-камской культуры.

В III тысячелетии до н. э., как уже отмечалось выше, западные группы волго-камских племен под натиском балахнинских

Рис. 22. Украшения из хлоритового сланца из погребения на Гульжинской стоянке

были вынуждены покинуть значительную часть своей территории по Волге и ее притокам. Сильное воздействие со стороны инокультурных племен испытали и юго-западные и волго-камские группы, занимавшие территории по рекам Сура и Мокше. С северо-запада и севера на них двигались балахнинские племена, достигшие почти среднего течения Суры, о чем свидетельствуют стоянки балахнинской культуры типа Зимней шишки и Иморский (рис. 27). А с юга их тревожили древненеямные племена, проникшие к середине III тысячелетия до н. э. в верховья Дона (см. верхний слой Долговской стоянки)¹³¹ и Цны (см. поселения Перикса и Красное озеро под Тамбовом)¹³².

В этих условиях часть волго-камского населения, очевидно, была вынуждена выйти в бассейн среднего течения Оки и ее правых притоков. Возможным подтверждением этого являются находки, близкие к поздним волго-камским керамическим комплексам с гребенчатой и резной орнаментацией на таких стоянках рязанской неолитической культуры, как Борковская и Дубровицкая у г. Рязани, Владыченская и «Черная гора» на р. Пре¹³³, а также существование отдельных поселений, как, например, Кокуйской стоянки у г. Кадома на р. Мокше, содержащих чистые комплексы гребенчатой керамики, близкой к позднелитической керамике Волго-Камья. Некоторая часть населения волго-камской культуры, очевидно, продолжала обитать в верховьях г. Вад (Ширингушская стоянка) и в начале среднего течения р. Суры (Пензенская и Бессоновская стоянки), где обнаружены фрагменты волго-камской керамики с гребенчатой орнаментацией позднего типа.

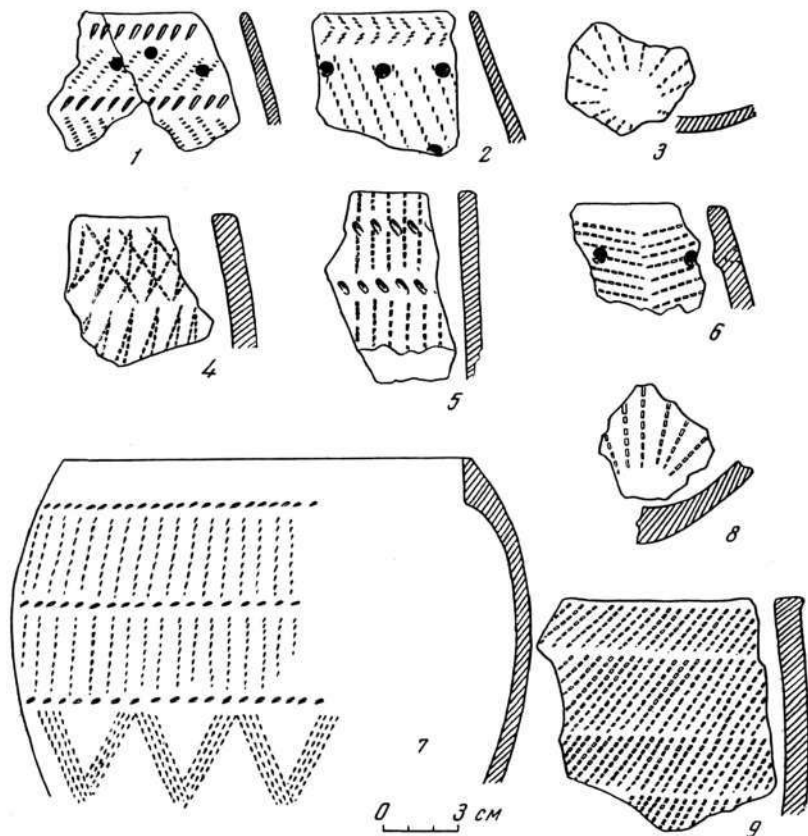

Рис. 23. Поздняя керамика волго-камского типа, обнаруженная на неолитических памятниках Верхнего Поволжья

1—3 — III Золоторучье; 4—6, 8, 9 — Репище; 7 — стоянка на р. Юг

Волго-камские племена, активно контактировавшие в Поволжье с энеолитическими древнеямными племенами и связанные через них с областями Северного Кавказа, а через племена Южного Урала с неолитическим и энеолитическим населением Прикаспия и севера Средней Азии, очевидно, опережали по уровню своего развития остальные инокультурные группы неолитических племен лесной полосы Евразии¹³⁴. Этому способствовали благоприятные природные условия Среднего Поволжья и Прикамья, где имелись не только богатейшие охотничье-рыболовецкие угодья, но и легко доступные залежи кремневого сырья.

В результате этого волго-камские племена не только вышли победителями в борьбе с экспансией на их территорию балахинских племен, но и сами в конце неолитической эпохи пред-

приняли наступление по Волге на запад — в исконные области обитания племен с ямочно-гребенчатой керамикой.

Отдельные родовые группы волго-камских племен при этом вышли в районы Верхнего Поволжья и даже западнее истоков Волги. Так, на стоянке на р. Юг в Костромской области А. В. Збруевой были обнаружены волго-камские фрагменты, в том числе почти один целый сосуд¹³⁵ (рис. 23). Образцы поздней волго-камской керамики выявлены Д. А. Крайновым в неолитическом слое стоянки Злоторучье III (рис. 23) в Ярославском Поволжье¹³⁶. Но, пожалуй, самым любопытным памятником в этом отношении является стоянка Репище в Боровическом районе Новгородской области, где М. П. Зиминной был обнаружен интересный комплекс поздней волго-камской неолитической посуды (рис. 23).

Столь далекое продвижение в западном направлении волго-камских племен в конце эпохи неолита сыграло огромную роль в этно-культурном развитии населения лесной полосы Восточной Европы, обусловив распространение в эпоху раннего металла по всей этой зоне волосовских потомков волго-камских неолитических племен, а вместе с ними и финно-угорского этноса¹³⁷.

Балахнинские памятники в Среднем Поволжье

В IV—III тысячелетиях до н. э. в центральных и северо-западных районах Восточной Европы были распространены неолитические племена, в материальной культуре которых характерной является своеобразная глиняная остродонная посуда с орнаментом из ямочно-зубчатых оттисков¹³⁸.

Исходным центром неолитических культур с ямочно-гребенчатой керамикой, по мнению ряда исследователей¹³⁹, являлось Волго-Окское междуречье. Отсюда где-то на рубеже IV—III тысячелетий до н. э. племена с ямочно-гребенчатой керамикой распространились на запад: в Прибалтику¹⁴⁰, Карелию¹⁴¹, Южную Финляндию¹⁴², проникли на север, в бассейны Вычегды, Печоры и Северной Двины¹⁴³, и на восток — в область Средней Волги¹⁴⁴, а также предприняли попытку экспансии и в южные районы, в частности в Поднепровье¹⁴⁵.

В Среднем Поволжье и прилегающем к нему участке Волго-Окского бассейна памятники с ямочно-гребенчатой керамикой были объединены в так называемую балахнинскую культуру, привлекавшую внимание многих исследователей неолитической эпохи лесостепной зоны Восточной Европы¹⁴⁶.

И. К. Цветкова вслед за А. Я. Брюсовым выделила три этапа в развитии балахнинской культуры. Первый этап, представленный такими нижеокскими памятниками, как Малое Окулово, Садовый Бор и II Гавриловская, отнесен ею к концу III — началу II тысячелетия до н. э., второй этап (нижний горизонт Пан-

филова, Плеханов Бор, Сонино и др.) — к первой половине II тысячелетия до н. э., третий (Гавриловка III, Сейма, Решетиха II) — ко второй половине II тысячелетия до н. э.¹⁴⁷

В последние годы в Среднем Поволжье изучено значительное число памятников балахнинского типа (рис. 24), давших материал, в целом отличный от культурных комплексов волго-камских неолитических стоянок. Из наиболее широко раскопанных памятников этой серии необходимо отметить: Мало-Окуловскую стоянку на правом берегу р. Оки, исследованную М. В. Воеводским и А. В. Збруевой в 1927—1928 гг. (вскрыто около 100 кв. м)¹⁴⁸ и дополнительно изученную в 1963—1964 гг. Т. Б. Поповой; Саконскую стоянку на р. Теше, где А. Е. Алиховой в 1955—1956 гг. было вскрыто около 310 кв. м земли и изучено большое жилище¹⁴⁹; V Удельно-Шумецкую стоянку, где автором в 1961 г. было вскрыто 224 кв. м и также изучено жилище¹⁵⁰; Майданскую стоянку, где под слоем поселения волосовского типа на площади 210 кв. м автором в 1961 г. были изучены остатки балахнинской стоянки¹⁵¹; I Русско-Луговскую стоянку, где в 1956 г. автором было вскрыто 380 кв. м площади¹⁵²; средний горизонт III Обсерваторской стоянки, где на площади в 436 кв. м автором были обнаружены остатки двух жилых сооружений¹⁵³. Кроме того, большое число стоянок балахнинского типа в 1958—1960 гг. было выявлено и обследовано в рекогносцировочном порядке Марийской и Горьковской археологическими экспедициями по Волге¹⁵⁴; в нижнем течении р. Оки значительное число близких по типу памятников было выявлено И. К. Цветковой, Б. А. Сафоновым, О. Н. Бадером и др.¹⁵⁵ Отдельные памятники, известные по работам И. Н. Спрыгиной, П. Д. Степанова, М. Ф. Жиганова, М. Р. Полесских и других в верховьях рек Суры, Мокши¹⁵⁶ и Вада¹⁵⁷, помогают выяснить пределы распространения балахнинских племен в Среднем Поволжье в эпоху позднего неолита (рис. 24).

Изучение материалов этих стоянок позволяет наметить несколько иную схему периодизации памятников балахнинского типа, чем у И. К. Цветковой. Основное внимание при этом уделено установлению закономерностей развития керамики и кремневых орудий, хотя при возможности учитываются и другие моменты, характерные для того или иного этапа.

Ранний этап представлен немногочисленными стоянками: на р. Оке выше ее устья — Мало-Окуловской, Саконской, Ивачевской (по левому берегу) и Серковской¹⁵⁸ у г. Городца на левом берегу Волги. Все эти стоянки, имеющие площадь до 1000 кв. м, располагаются обычно очень низко от современного уровня водоемов. Так, Мало-Окуловская стоянка занимает невысокую дюну поймы р. Велетьмы и Оки¹⁵⁹, Саконская стоянка — пологий склон надлуговой террасы р. Теши¹⁶⁰, а Серковская стоянка возвышается над р. Яхрой всего на 4 м¹⁶¹. Следует заметить, что

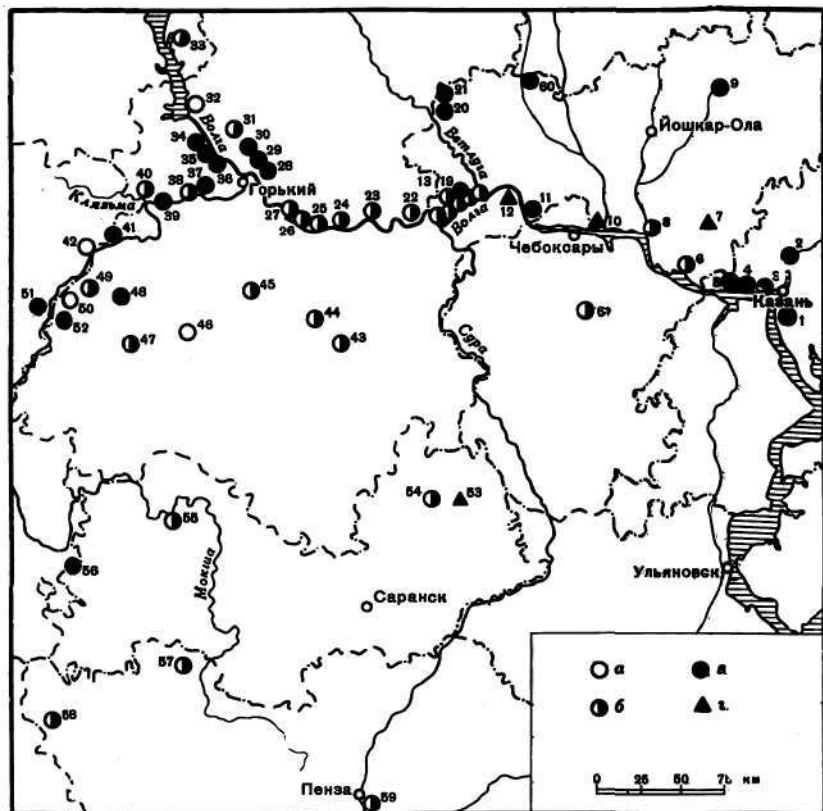

Рис. 24. Карта распространения неолитических памятников балахинской культуры в Среднем Поволжье

а—стоянка 1-го этапа; б—стоянка 2-го этапа; в—стоянка 3-го этапа; г—местонахождение 3-го этапа

1—Мало-Отарское; 2—Дербышкинская; 3—Займище IIIа; 4—Займище V; 5—Обсерваторская III (средний горизонт); 6—I Русско-Луговая; 7—Нур-Шаринское; 8—Уржумкинская; 9—Чирковская; 10—Чебоксарская; 11—I Отарская; 12—Козьмодемьянское; 13—II Полянская; 14—IV Полянская; 15—Майданская; 16—V Удельно-Шумецкая; 17—III Удельно-Шумецкая; 18—II Удельно-Шумецкая; 19—VI Удельно-Шумецкая; 20—I Выжумская; 21—II Выжумская; 22—Михайловская; 23—Черно-Мазинская; 24—«Потопай»; 25—II Луговой Борок; 26—I Луговой Борок; 27—II Парижская коммуна; 28—Коринкинская; 29—Путьковская; 30—Остревская; 31—Линдинская; 32—Сокольская; 33—Серковская; 34—Балахинская; 35—IV Больше-Козинская; 37—IV Гавриловская; 38—II Гавриловская; 39—Желнинская; 40—Красная горка; 41—Плеханов Бор; 42—Ивачевская; 43—Борнуковская; 44—«Селище»; 45—«Паровое»; 46—Саконская; 47—I Гремячевская; 48—Соининская; 49—Садовый Бор; 50—Мало-Окуловская; 51—Панфиловская; 52—Волосовская; 53—Тархановское; 54—«Зимняя шишка»; 55—Зубаревская; 56—«Иморка»; 57—I Озименки; 58—Земетчинская; 59—Пензенская; 60—Широкудышская; 61—«Новая деревня»

большинство из них затопляются весенними водами. В то же время стоянки представляют собой остатки стационарных поселений с фундаментальными жилищами. Поэтому есть основания полагать, что в период существования этих поселков климат был суше современного.

На Мало-Окуловской стоянке зафиксированы остатки неглубокого, почти наземного жилища, а на Саконской стоянке А. Е. Алиховой было раскопано большое жилое сооружение прямоугольной формы (24×7—9 м) с неглубоким земляным котлованом в 35—40 см. По мнению А. Е. Алиховой, жилище, разделенное на три камеры, по боковым стенам имело бревенчатостолбовую крепежку и двускатное перекрытие. На полу расчищены остатки очагов и небольших хозяйственных ям. Характерно наличие в северо-западной стене небольшой нишки-погребка. Из жилища (в середине длинной стороны) вел широкий выход. Аналогичные жилища, как мы увидим ниже (см. V Удельно-Шумецкую стоянку), были характерны для балахнинских поселений.

Открытие Саконского жилища позволяет с большей уверенностью полагать, что для раннеолитических памятников Евразии были характерны крупные жилые сооружения, вероятно, общеродового характера. Вспомним огромное жилище на кельтеминарской стоянке Джанбас IV, площадь которого превышала 400 кв. м, большой дом Кабы-Копрынской стоянки с площадью около 190 кв. м (см. выше), тогда сопоставление с ними жилища на Саконской стоянке с площадью более 190 кв. м будет вполне логично. Керамический и кремневый комплексы ранних памятников балахнинской культуры не подвергнуты детальному изучению, поэтому нам придется ограничиться лишь самой общей их характеристикой на основе опубликованных данных.

Керамические комплексы Мало-Окуловской, Саконской и Серковской стоянок, как справедливо указывают авторы¹⁶², исследовавшие эти памятники, сходны между собой и характеризуются в основном большими сосудами вытянутых пропорций с округленно-приостреленными днищами, изготовленными из глины с примесью песка и мелкой дресвы (рис. 25, 1, 2; табл. В). Края сосудов не выражены, но, кажется, преобладают сосуды с прямым горлом и плоским или слегка скошенным (скошенно-приостреленным) на внешнюю сторону края венчика (рис. 25, 1, 2). Некоторые из сосудов¹⁶³ имеют по краю венчика припухлость, образующую своеобразный, обычно орнаментированный «валик». Орнаментация керамики отличается густым заполнением зон по внешней поверхности сосуда. Характерным элементом орнамента является глубокая коническая ямка, при помощи которой выполнялись основные узоры. Ямки располагаются в несколько, иногда до десяти и более рядов. Ими же выполнены некоторые сложные мотивы — зигзаги, ромбы, треугольники и пр. Узоры,

нанесенные оттисками гребенчатого штампа (в основном среднезубчатого), перевитого шнура или плоскими и ногтевидными ямками, служат, как правило, для разделения зон ямочного орнамента. Поэтому орнаментацию раннебалахнинской керамики можно назвать ямочной или ямочно-гребенчатой, хотя гребенчатая орнаментация занимает еще весьма подчиненное место и часто заменяется оттисками шнура, ямок и т. п. Резной и прочерченной техники не наблюдается. В общей серии ранних балахнинских памятников более поздний облик имеет керамика Мало-Окуловской стоянки, где уже появляются выполненные зубчатым штампом узоры типа горизонтального зигзага, косой решетки, ставшие характерными для сосудов развитого или среднего этапа. Тем не менее и малоокуловская керамика с ее преимущественно ямочной орнаментацией имеет архаичный облик.

Керамика ранних памятников балахнинской культуры во многом еще близка к керамике таких раннеолитических стоянок, как Льяловская¹⁶⁴, Караваевская¹⁶⁵, Сушевская¹⁶⁶, где также абсолютно преобладает посуда, украшенная глубоко-ямочным орнаментом, в редком сочетании с другими элементами, выполнявшими подсобную роль. Это обстоятельство, позволяющее в некоторой степени синхронизировать раннебалахнинские памятники с указанными стоянками, заставляет считать наиболее вероятным происхождение культуры и, очевидно, также и этноса балахнинских племен от единого и для Льялова, и для Караваеви, и для ранней Балахны круга раннеолитических, а может быть, даже позднемезолитических памятников, локализовавшихся в пределах Волго-Окского бассейна в широком смысле этого слова. Раннебалахнинская керамика близка также к керамике из нижнего горизонта и нижнего яруса среднего горизонта Долговской стоянки на Верхнем Дону¹⁶⁷.

Кремневый инвентарь раннебалахнинских памятников, опубликованный весьма суммарно, трудно поддается точной классификации. В целом он характеризуется преобладанием орудий, изготовленных на отщепях и крупных кусках кремня. Процентное соотношение ножевидных пластин и отщепов неизвестно. М. В. Воеводский отмечает для Мало-Окуловской стоянки немногочисленность ножевидных пластин¹⁶⁸. Крупные орудия—долота, обнаруженные на Серковской стоянке, асимметричные, с выраженными отшлифованными гранями на спинке; они дают в поперечном сечении трапецию¹⁶⁹. Среди скребков известны круглые формы, приближающиеся к дисковидным, но преобладают угловые с округлым краем¹⁷⁰. Ножи слабо выражены. Изготовлены они на отщепях или на пластинках и имеют боковое или угловое лезвие¹⁷¹. Характерно наличие на Мало-Окуловской стоянке резцов на обломках нуклеусов¹⁷², что в известной мере может свидетельствовать о некоторой архаичности кремневого материала.

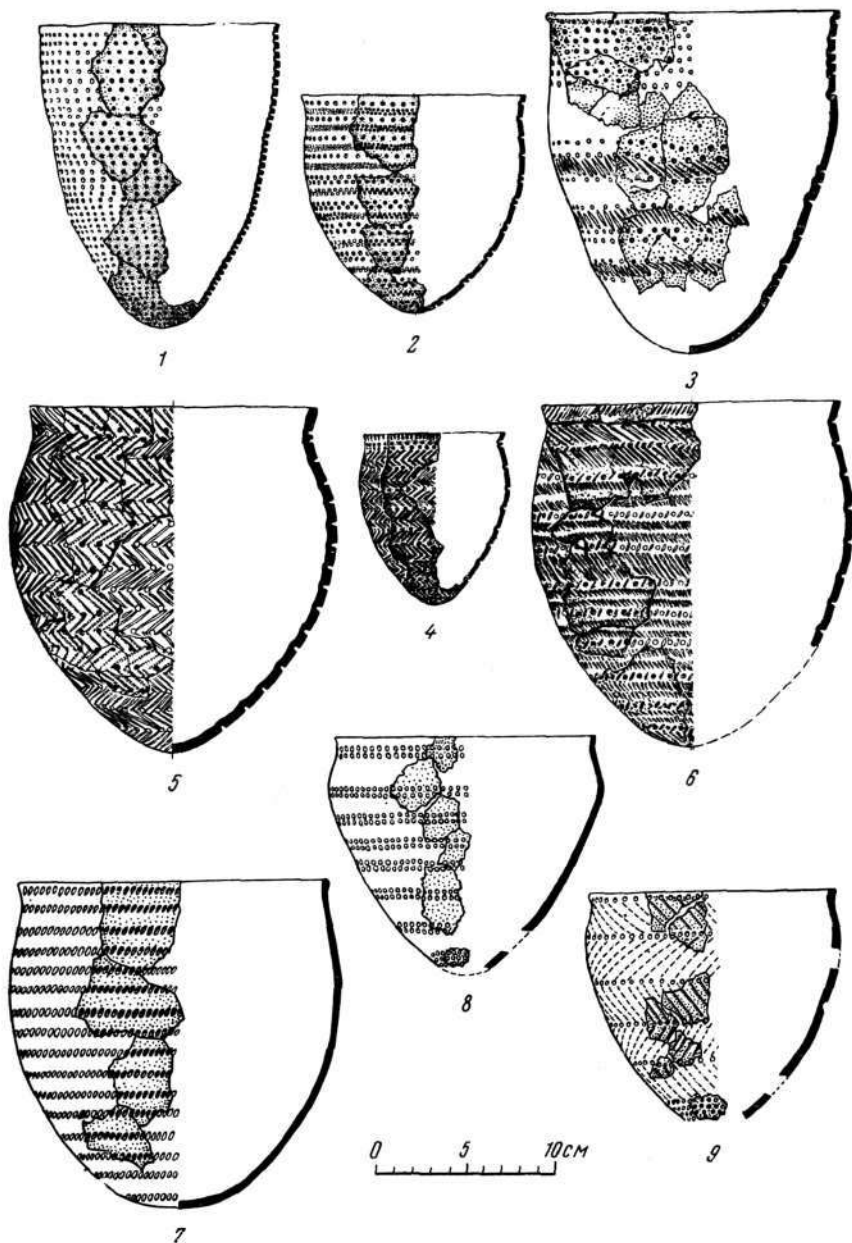

Рис. 25. Глиняная посуда из балахнинских стоянок Среднего Поволжья
 1, 2 — Мало-Окуловская стоянка; 4 — Майданская стоянка; 3, 5, 6 — V Удельно-Шумецкая стоянка; 7—9 — средний горизонт III Обсерваторской стоянки

ТАБЛИЦА В

Характеристика развития основных черт керамики балахнинской культуры

Ступень	Всего керамики		Всего сосудов		Форма горла			Край венчика				Степень орнаментир-ванности			Техника орнамента								
	?	50	10	22	18	35	12	2	1	—	34	14	2	7	31	5	—	6	2	4	1	14	—
Столбец	Всего керамики		Всего сосудов		Форма горла		Край венчика				Степень орнаментир-ванности			Техника орнамента									
	?	50	10	22	18	35	12	2	1	—	34	14	2	7	31	5	—	6	2	4	1	14	—
3	III Гавриловская (верхний слой)	?	10	22	18	35	12	2	1	—	34	14	2	7	31	5	—	6	2	4	1	14	—
	Майрацкая	380	13	1	—	12	—	1	1	13	1	—	14	—	—	—	2	10	2	—	—	1	—
	I Русско-Луговская	1750	17	2	1	12	—	5	1	20	—	—	19	—	—	5	8	4	2	1	—	—	—
	2) III Гавриловская (нижний слой)	?	53	19	28	49	17	31	9	—	100	—	100	—	—	6	75	3	7	—	—	—	3
	V Удельно-Шумей-ская	1481	35	6	4	25	2	—	6	2	31	4	—	31	1	3	6	20	6	—	1	—	3
1	Мало-Окуловская	?	70	XX	7	X	?	?	X	?	X	—	70	5	—	?	XX	—	—	—	—	XX	—

Ступень

Продолжение таблицы В

Этап	Техника орна- мента		Характер орнамента		Мотивы орнамента, выполненного отгисками гребен- штрима										Углубление ямок									
	простой шнур	витой шнур	гребенчато-ямоч- ный	гребенчатый	ямочный	горизонтальные ряды скошенных линий без раз- граничений	то же, с ограни- чителями из ряда вер- тикальных линий	то же с ограниче- ниями из संबод- ных промежутков	то же, с ограниче- ниями из гори- зонтальных линий	ряды горизон- тальных линий	то же, с ограниче- ниями из горизон- тального зигзага	то же, с ограниче- ниями из ряда скошенных линий	полосы верти- кального зигзага	полосы горизон- тальной елочки	полосы «косой сэткн»	полосы заштрихо- ванных прямо- угольников	ямки для разде- ления зон	ямки поверх узора	ямки в один ряд	ямки в два ряда	ямки в три ряда	ямки в четыре ряда	ямки в пять и более рядов	ямки, соединенные зигзагом
3 II Гавриловская (верхний слой)	—	14	36	2	10	13	—	6	1	2	—	—	1	—	—	1	7	—	8	3	4	2	4	7
	Майданская	—	13	—	1	5	6	—	2	1	—	1	5	—	2	—	10	4	10	2	1	—	—	
2 II Гавриловская (нижний слой)	—	—	19	1	—	11	1	—	1	1	—	1	1	3	1	14	3	10	4	—	—	5	4	
	У Удельно- Шумецкая	—	32	2	1	8	7	—	—	1	4	2	8	1	1	63	27	41	34	14	3	7	3	
1 Мало-Окулов- ская	—	XX	24	—	12	X	—	—	—	X	—	—	—	X	—	X	—	—	X	XX	XX	XX	—	

Примечание: X—Наличие. XX—Множество.

Дата раннего этапа балахнинской культуры не может быть позже конца IV тысячелетия до н. э. Как известно, керамика с преимущественной ямочной орнаментацией ранней Караваевской стоянки, расположенной, кстати, также очень низко и подтопленной в последующем периоде, датируется А. Я. Брюсовым концом IV тысячелетия до н. э.¹⁷³ Этим же временем определяет раннеьяловскую Сущеvскую стоянку В. М. Раушенбах¹⁷⁴. Хорошо датированной стоянкой северо-запада Европейской части СССР является стоянка Усть-Рыбежна I, верхняя граница которой, соответствующая трансгрессии Ладожского озера, определена не позже середины III тысячелетия до н. э.¹⁷⁵ В то же время керамический материал Усть-Рыбежны I, характеризующийся в основном гребенчато-ямочной орнаментацией, имеет близкие аналогии в керамике развитого этапа балахнинской культуры (см. ниже). Следовательно, керамика Усть-Рыбежны I типологически моложе раннебалахнинской керамики с преимущественно ямочной орнаментацией, поэтому последняя хронологически должна быть древнее первой. Принимая во внимание тот факт, что возникновение стоянки Усть-Рыбежны I отнесено к первой половине III тысячелетия до н. э., необходимо датировать ямочную керамику ранней балахны второй половиной IV тысячелетия до н. э.

Надежное подтверждение ранней даты памятников льяловского типа, а с ними и памятников первого этапа балахнинской культуры получено в последние годы исследованиями А. Л. Никитина и Н. А. Хотинского свайно-болотного поселения и могильника Берендеево I в Ярославской области. Найденные здесь фрагменты керамики, украшенные в основном глубокими ямочными наколами¹⁷⁶, ничем не отличаются от древнейшей балахнинской керамики. В то же время этот чрезвычайно интересный памятник при помощи радиоуглеродного (5730 ± 120 лет назад) и палеоботанического (вторая половина атлантического периода) методов датировки получил согласованную дату в пределах первой половины IV тысячелетия до н. э.¹⁷⁷

Все вышеприведенные данные позволяют датировать памятники льяловского типа, а вместе с ними и памятники раннего этапа балахнинской культуры временем не позже IV тысячелетия до н. э. К этому хронологическому определению склоняются в последнее время и другие исследователи волго-окского неолита¹⁷⁸. В это время балахнинские племена еще входили в общность волго-окских неолитических племен, которую есть основание называть льяловской. Начавшееся не позже рубежа IV—III тысячелетий до н. э. движение льяловских племен в северном, западном и восточном направлениях, вероятно, привело к созданию на этой базе отдельных культур с вариантами ямочно-гребенчатой керамики.

Балахнинские племена на раннем этапе еще не заняли приустьевой участок Оки. Здесь и ниже по Волге располагались волго-камокие племена, одним из крайних западных памятников которых являлась Гавриловская стоянка («стоянка с могильником»), расположенная на левом берегу Оки у г. Дзержинска (рис. 9).

Развитой этап (первая половина III тысячелетия до н. э.) характеризуется значительным расширением территории балахнинских племен. Основными стоянками этого периода на Волге, ниже устья р. Оки, являются: V Удельно-Шумецкая, Майданская и I Русско-Луговская¹⁷⁹, на нижней Оке — нижние слои стоянок Гавриловка II, Садовый Бор¹⁸⁰, на Волге, выше устья р. Оки — I Сокольская¹⁸¹.

Характерно перенесение мест поселений на относительно высокие места. Если ранние памятники в этой серии (I Сокольская, II Луговой Борок и некоторые другие), содержавшие керамику со значительной ямочной орнаментацией, еще продолжают занимать дюны поймы или низкие края террас, возвышающихся над ближайшими водоемами на 4—5 м, то основные стоянки развитого этапа, такие как Гавриловка II¹⁸², V Удельно-Шумецкая¹⁸³, I Русско-Луговская¹⁸⁴ и другие, уже перенесены на края боровых (надлуговых) террас со средней высотой в 8—10 м. Более поздние памятники, в орнаментации керамики которых начинают наблюдаться поздние элементы (уплощенная ямка, широкая гребенка и т. п.), занимают еще более высокие террасы, возвышающиеся на 15—16 м (см., например, Луговой Борок I)¹⁸⁵. Выявленная закономерность не случайна, она свидетельствует об изменении климатических условий.

Площади стоянок не превышали 2000 кв. м*. На поверхности стоянок V Удельно-Шумецкая и «Потопай» зафиксированы следы жилищных впадин, по паре на каждой стоянке. Одна из впадин, раскопанная автором в 1961 г. на V Удельно-Шумецкой стоянке, вскрыла остатки большого жилища прямоугольной формы (рис. 26). Вытянутое в сторону реки, жилище (14,4×8,8 м) имело неглубокий котлован (40 см от древнего уровня), но достаточно четкую прямоугольную форму с широким выходом по середине одной из коротких сторон. Многие детали жилища сходны с конструкцией жилища на Саконской стоянке¹⁸⁶ — столбовые ямы по краям, невысокие уступы — «нары» вдоль стен, боковая ниша — кладовка у одного из углов, неглубокие очажные ямы и т. п. Отличаются лишь размеры и отсутствие в жилище V Удельно-Шумецкой стоянки разделения на отдельные помещения, как это наблюдалось в Саконах.

* Зафиксированы площади по распространению подъемного материала или культурного слоя на следующих стоянках: V Удельно-Шумецкая — 2000 кв. м., I Русско-Луговская — 2000—2200 кв. м., II Удельно-Шумецкая — 1500 кв. м., III Луговой Борок — 900 кв. м., «Потопай» — 1400 кв. м.

Керамические комплексы развитого этапа балахнинской культуры достаточно хорошо представлены материалами ряда памятников (табл. В), причем из многочисленных глиняных фрагментов удалось восстановить несколько сосудов (рис. 25, 3—6; рис. 27). Преобладают сосуды вытянутых пропорций с приостренным или округлым дном и слабо отогнутым горлом, хотя имеются также сосуды с прямой горловиной и с плоским срезом края венчика. Округлые края почти не встречаются, так же как и скошенные наружу, но имеются сосуды с «валиком» и широким плоским «воротничком» по внешнему краю венчика (рис. 28, 6)¹⁸⁷.

Вся посуда изготовлена из глины с примесью песка и мелко толченой дресвы, имеет хорошо заглаженную снаружи поверхность, обычно покрытую сплошной орнаментацией, хотя изредка встречаются сосуды и с разреженным орнаментом. Для орнаментации характерна выдержанная горизонтальная зональность и обязательное сочетание рядов глубоких ямочных вдавлений с

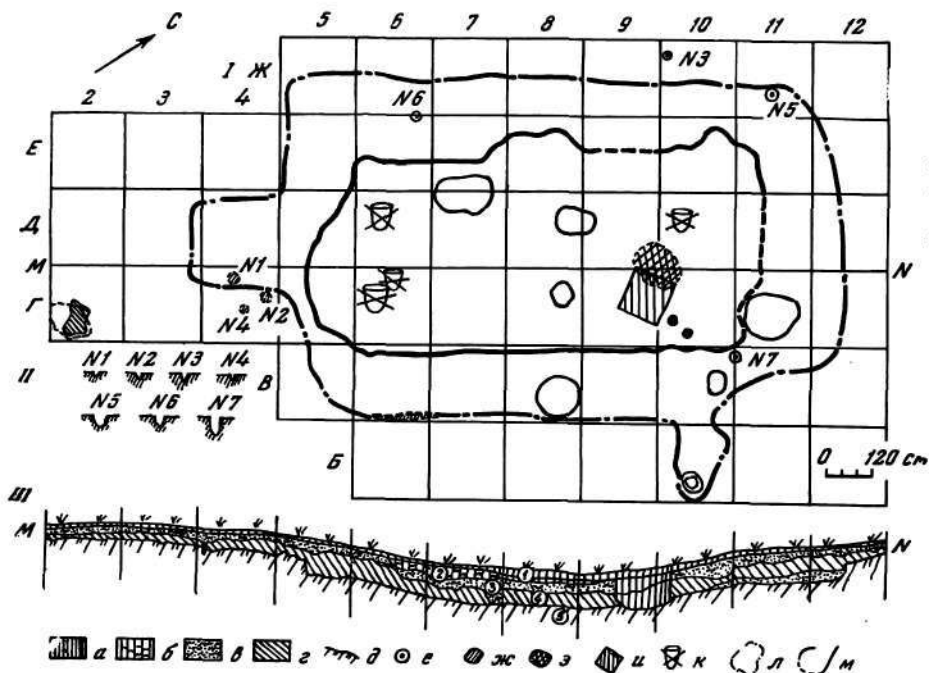

Рис. 26. План (I), сечение столбовых ям (II) и профиль (III) жилища V Удельно-Шумецкой стоянки

а—дерн; б—подзол; в—подзолистый песок; г—желтовато-серый песок (культурный слой); д—материковый песок; е—ямка от столба; ж—углистое пятно; з—очаг; и—поздняя яма; к—развал сосуда; л—границы жилища на глубине 40—50 см; м—границы жилища на глубине 60—80 см

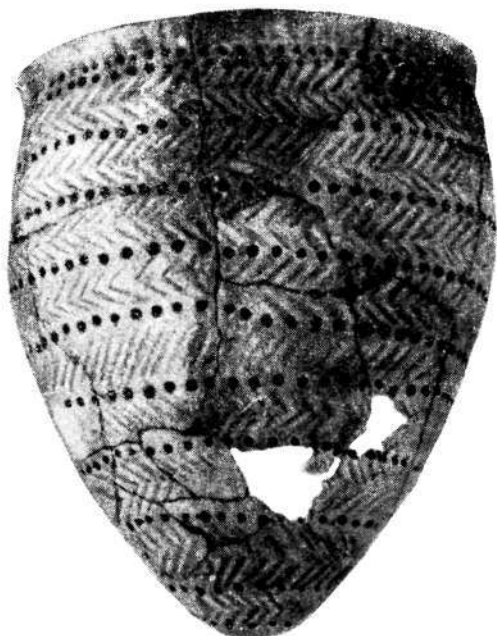

Рис. 27. Балахнинский сосуд из нижнего горизонта
Майданской стоянки

узорами, нанесенными другой техникой, преимущественно гребенчатой. Изредка встречаются и сосуды, украшенные одним ямочным орнаментом (табл. В). В основном же — ямки в один ряд, редко — в два ряда, располагаются они между орнаментальными зонами, а иногда наносятся поверх узора (рис. 28, 29). Лишь на отдельных, очевидно более ранних стоянках (Сокольская I, Садовый Бор), чаще встречаются сосуды, где ямки располагаются в три — пять рядов, а иногда даже образуют узоры в виде треугольников и ромбов¹⁸⁸, сохраняя в этом предшествующую традицию орнаментации. Как правило, на днищах всех сосудов сохраняются многочисленные ряды ямок¹⁸⁹. Встречаются также сложные элементы орнамента, такие как ямки, соединенные косыми линиями или зигзагами (рис. 28, 29), а также ямки, заключенные внутри косой решетки¹⁹⁰.

Из других ямочных вдавлений следует отметить наличие на сосудах некоторых восточных волжских памятников неглубоких и удлиненно-овальных ямок (рис. 28, 14, 17), служивших только для разделения орнаментальных зон, а на керамике I Сокольской стоянки — относительное обилие ямок, нанесенных раковинами-аммонитами¹⁹¹.

Не менее часто, чем ямочные, на сосудах развитого периода встречаются узоры, нанесенные отгисками гребенчатого, преимущественно среднезубчатого, изредка мелкозубчатого и крупнозубчатого длинного штампа (табл. В). На керамике восточных памятников (рис. 28, 29), а также I Сокольской стоянке отмечены единичные отпечатки, похожие на «шагающую гребенку», в чем необходимо усматривать определенное воздействие волго-камского неолита. Резные и прочерченные линии единичны и не характерны. Следует отметить, что в орнаментации сосудов памятников Нижней Оки (Гавриловка II, Садовый Бор) несколько чаще, чем в орнаменте керамики других районов, встречаются крупные «ногтевидные» вдавления.

Отгисками зубчатого штампа выполнялись различные узоры, нанесенные в горизонтальной зональности: наиболее часты ряды скошенных или прямых коротких линий, иногда расположенные в виде густого вертикального зигзага (рис. 28, 29), реже встречаются ряды горизонтальных линий и зигзагов (рис. 28, 29). Из более сложных узоров следует отметить косую «сетку» или решетку, заштрихованные прямоугольники с ямочной окантовкой и вписанные ромбы.

Распространение гребенчатой орнаментации в керамике второго этапа балахнинской культуры не случайно. Эта черта возникает в результате активизации взаимоотношений балахнинских племен с населением волго-камской культуры, для поздней керамики которой, как мы видели выше, чрезвычайно специфичными были узоры из гребенчатых отгисков. Не исключено, что балахнинские племена при своем движении на восток частично даже и ассимилировали некоторые волго-камские группы. Но скорее всего связи населения двух больших неолитических общностей Среднего Поволжья носили более регулярный характер, о чем свидетельствует наличие на некоторых балахнинских стоянках (I Русско-Луговская, V Удельно-Шумецкая) небольших сосудиков волго-камского типа (рис. 28, 4; 29, 6, 10), а на некоторых наиболее западных стоянках волго-камской культуры (II и III Старо-Мазиковские) — типичных балахнинских сосудов¹⁹².

Орудия из камня балахнинских стоянок второго этапа относительно немногочисленны. В этой связи необходимо отметить одну любопытную деталь — на балахнинских поселениях, по сравнению с синхронными памятниками волго-камской культуры, очень немного отходов производства каменных орудий. Вероятно, это явление связано с тем, что изготовление орудий балахнинцами производилось не в поселениях, а в специальных «мастерских», расположенных у выходов кремневого сырья¹⁹³.

Для изготовления орудий употреблялся главным образом кремнь местного происхождения. Так, наиболее восточные группы населения (I Русско-Луговская стоянка) широко использовали местный окремненный известняк (79% всего кремня I Русско-Лу-

Рис. 28. Керамика второго этапа балахнинской культуры из I Русско-Луговской стоянки (1—20)

говской стоянки), содержащийся в открытых выходах по правобережью Казанского Поволжья. Население стоянок, расположенных близ устья рек Ветлуги и Суры (V Удельно-Шумецкая, Майданская и др.), употребляло в основном коричневый кремнь, залегающий в долинах правых притоков Волги — рек Юнги, Сумки. Для I Сокольской стоянки характерен валунный камень¹⁹⁴, так же как и для стоянок Нижней Оки¹⁹⁵. Но, несмотря на это, для кремневого инвентаря памятников развитого этапа балахнинской культуры свойственны одни и те же приемы обработки изделий, одни и те же типы орудий.

В обработке кремня господствовала техника выделки орудий на отщепах и кусках кремня. Ножевидных пластин и орудий из

них — немного: 9—12% — на средне-волжских стоянках и примерно такое же соотношение к отщепам — на других памятниках¹⁹⁶. Балахнинские племена, в отличие от волго-камских, почти не употребляли плитчатый кремь, но так же, как и волго-камское население, изготовляли крупные орудия (долота, тесла, топоры) из мягкого окремнелого известняка или сланца.

В развитом этапе балахнинской культуры сохраняются почти все предшествующие типы орудий, за исключением резцов на обломках нуклеусов и крупных скребел, но некоторые орудия (крупные наконечники дротиков, клиновидные топоры правильной очертаний, концевые скребки с прямым лезвием и обработанными краями и пр.), по-видимому, возникают в этот период.

Из крупных долбящих орудий наиболее характерными остаются асимметричные, прекрасно шлифованные долота и тесла, треугольные и трапециевидные в сечении (рис. 30, 10, 11), а также небольшие тесла и долотца с правильной огранкой (рис. 30, 8, 9). Характерно появление симметричных правильной клиновидной формы топориков (рис. 30, 11).

Скребки, хотя и многочисленны на памятниках, но не разнообразны по форме. Преобладают концевые экземпляры с прямыми или округлыми лезвиями и обработанными краями (рис. 30, 3, 4). Встречаются угловые скребки обычно с округлым лезвием (рис. 30, 7) и боковые с односторонним, редко — с двусторонним прямым лезвием (рис. 30, 4). На I Сокольской и нижнеокских памятниках сохраняются небольшие скребки с круговым лезвием (реликт дисковидных), но отсутствуют скребоквидные ножи с округлым или приостренным лезвием, встречавшиеся в материале восточных стоянок (рис. 30, 6). Последние, очевидно, проникли к балахнинцам через волго-камское население, для которого подобные орудия специфичны.

Ножи балахнинских стоянок почти не имеют выраженных форм. Обычно это отщепы, реже пластины с краевым лезвием, прямым или слегка округлым. На некоторых памятниках встречены единичные ножи правильных форм: на I Русско-Луговой стоянке — из плитчатого кремня с округлым лезвием, подвергнутым двусторонней обработке¹⁹⁷, на V Удельно-Шумецкой (рис. 30, 5) и I Сокольской¹⁹⁸ стоянках — ножи с округлым лезвием и упором со стороны спинки.

По сравнению с волго-камскими памятниками на балахнинских стоянках наблюдается некоторое обилие наконечников стрел и дротиков. Большинство их имеет прекрасную двустороннюю обработку и довольно выдержанные формы — листовидные, причем наибольшая ширина располагается ближе к черешку, так что наконечники имеют своеобразное подтреугольное основание (рис. 30, 1), листовидные с намеченным боковым шипом (рис. 30, 2) и листовидные или вытянуто-ромбические с намеченным

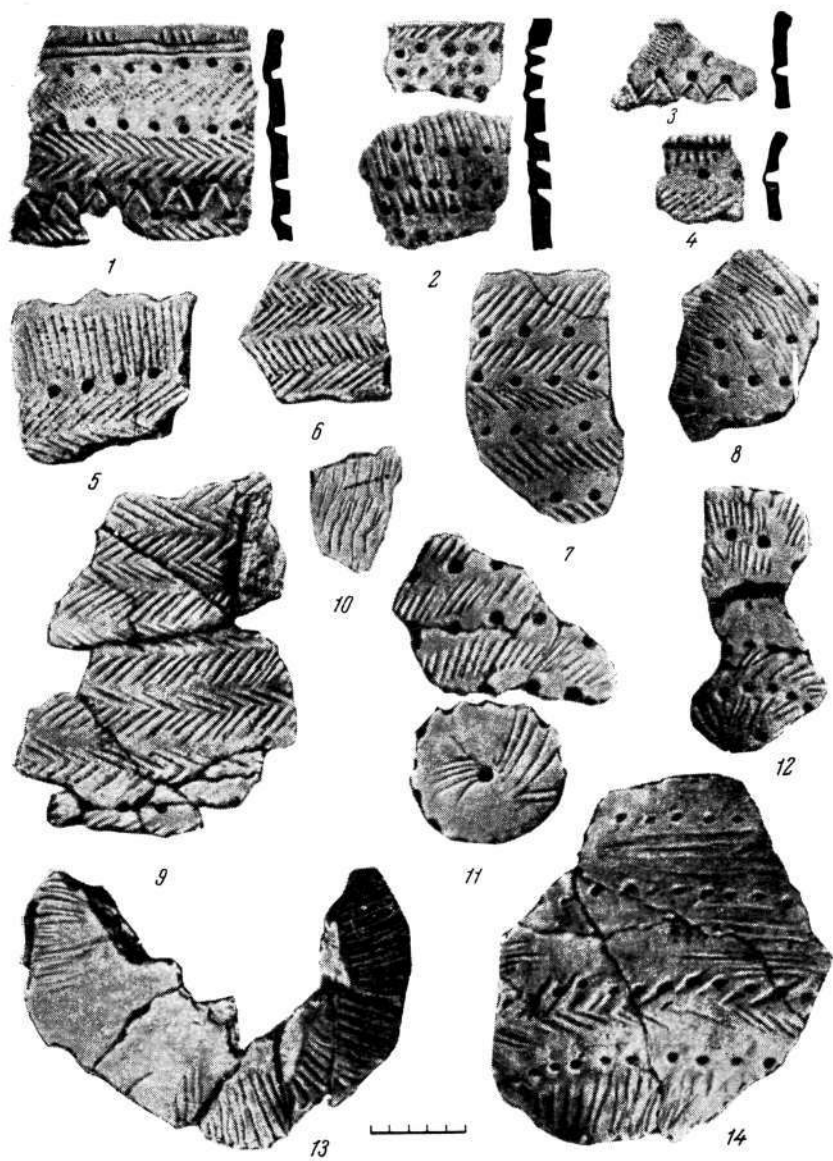

Рис. 29. Керамика второго этапа балахнинской культуры из V Удельно-Шумецкой стоянки (1—14)

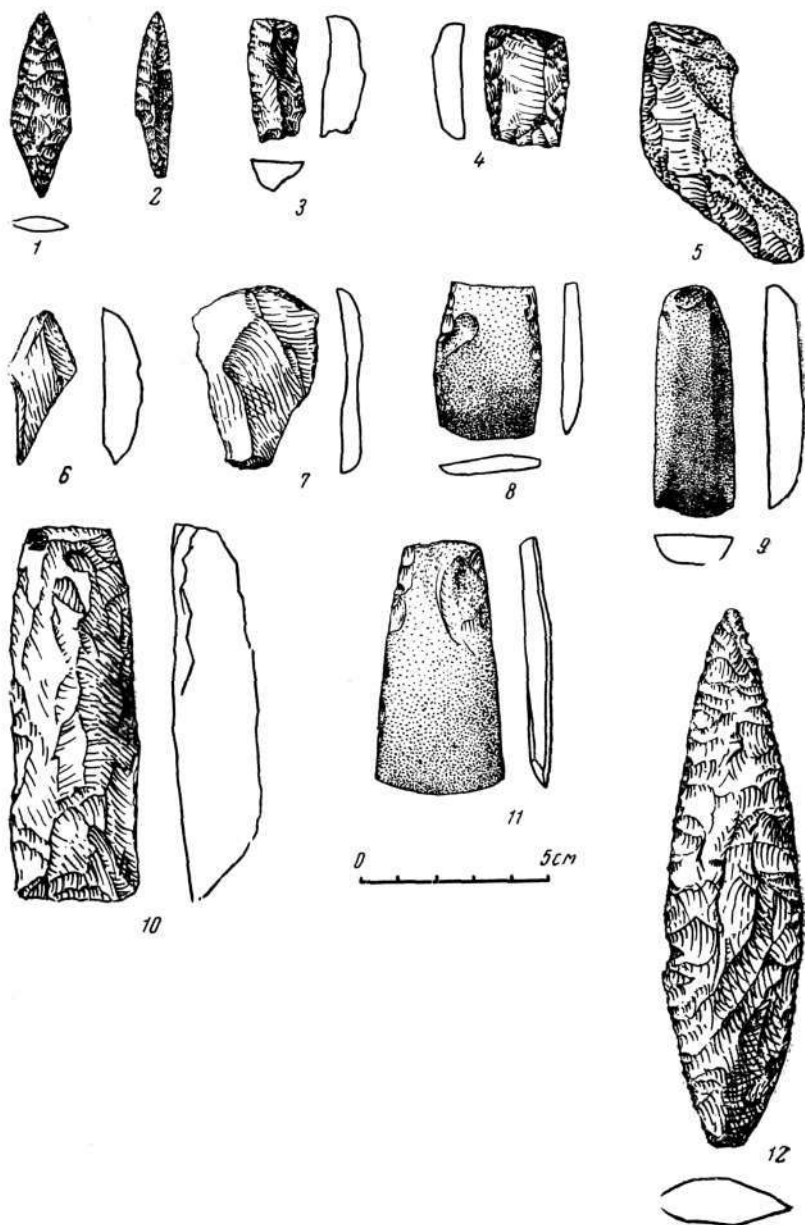

Рис. 30. Каменные орудия балахнинского типа из V Удельно-Шумецкой стоянки (1—12)

черешком. Листовидные наконечники копий и дротиков с подтреугольным основанием удивительно стандартны (рис. 30, 12).

Из прочих орудий и поделок из камня необходимо отметить находки 12 каменных грузил от сетей на I Русско-Луговской стоянке¹⁹⁹, обломки шлифовальных плит на V Удельно-Шумецкой и I Сокольской стоянках, на последней — штамп из сланца²⁰⁰.

Существующая датировка памятников развитого периода балахнинской культуры является весьма завышенной. И. К. Цветкова определяет первый этап этой культуры, соответствующий предложенному развитому этапу, концом III — началом II тысячелетия до н. э. «на основании близкого сходства ранней балахнинской керамики с керамикой льяловской культуры»²⁰¹ и при этом ссылается на то, что Гридинская стоянка льяловской культуры по найденному здесь фатьяновскому клиновидному топору якобы датирована концом III — началом II тысячелетия до н. э. Но Гридинскую неолитическую стоянку нельзя датировать по находке фатьяновского топорика эпохи бронзы, ибо он мог попасть на памятник значительно позднее, что отмечает и В. М. Раушенбах²⁰², которая, между прочим, датирует Придинское поселение серединой III тысячелетия до н. э.

Керамика развитого периода балахнинской культуры во многом близка к ранней ямочно-гребенчатой керамике Карелии²⁰³, Приладожья²⁰⁴ и Прибалтики²⁰⁵. Последнее обстоятельство имеет чрезвычайно важное значение для датировки развитого этапа балахнинской культуры, ибо стоянки с ранней ямочно-гребенчатой керамикой западных районов Восточной Европы в последнее время получили ряд радиоуглеродных дат.

Так, для стоянки Кяэпа в Эстонской ССР, в отложениях которой найдена и ранняя ямочно-гребенчатая керамика²⁰⁶, имеются три радиоуглеродных показателя: 4350 ± 220 (ТА—4), 4480 ± 255 (ТА—6), 4865 ± 233 (ТА—5). Сложным памятником является стоянка Сарнате в Латвии, но и здесь обнаружена ранняя ямочно-гребенчатая керамика, близкая к развитой балахнинской²⁰⁷. Для этой стоянки имеется два определения: 4490 ± 250 (ТА—24) и 4700 ± 250 (ТА—26)²⁰⁸. Как мы видим, радиоуглеродное определение для обоих памятников не выходит за пределы первой половины III тысячелетия до н. э. Это время появления и распространения в Прибалтике ямочно-гребенчатой керамики, время и развитого этапа балахнинской культуры. Первой половиной III тысячелетия до н. э. на основании изучения не только археологических, но и геологических (палинологических) материалов датирует Н. Н. Гурина²⁰⁹ приладожскую стоянку Усть-Рыбежна I. Керамика этой стоянки, как подчеркивалось выше, весьма близка к керамике развитого этапа балахнинской культуры.

Итак, все вышеизложенное позволяет относить развитый этап балахнинской культуры к первой половине III тысячелетия до н. э.

Этой датировке не противоречит и начало изменения в конце периода расположения стоянок — перенос их на более высокое место, что, по-видимому, было связано с окончанием атлантического периода, когда увеличивается общая увлажненность климата ²¹⁰.

Развитой период балахнинской культуры — время максимального расширения ее территории и период вообще максимального распространения культур с ямочно-гребенчатой керамикой, что отмечали почти все исследователи неолита Восточной Европы (А. Я. Брюсов, М. Е. Фосс, Д. Я. Телегин, Н. Н. Гурина, и др.). К этому времени относится наибольшее число памятников балахнинского типа на территории Среднего Поволжья. Проникновение балахнинских племен на восток шло, очевидно, несколькими путями. Один из этих путей проходил по Волге, другой — по притокам Оки (по Теше и Мокше) и оттуда на р. Суру и ее притоки — Алатырь и Пьяну (рис. 27).

Поздний этап (вторая половина III тысячелетия до н. э.). Классическими позднебалахнинскими памятниками являются стоянки на Нижней Оке — IV Гавриловская, нижний слой Панфиловской, Желнинская ²¹¹; в Балахнинской низине — I и IV Больше-Козинские ²¹² и на Средней Волге — Остреевская, Путьковская, IV Полянская, II Выжумская ²¹³ и средний горизонт III Обсерваторской ²¹⁴.

Важными памятниками для стратиграфического обоснования позднего этапа балахнинской культуры являются стоянки II Парижская Коммуна и Путьковская, выявленные по левому берегу Волги, в пределах Горьковской области. На обеих стоянках удалось установить наличие стратиграфически расчлененных культурных горизонтов с керамическими комплексами, характерными для второго и третьего этапов балахнинской культуры. Причем, в обоих случаях слои с керамикой, характерной для второго этапа, залегают под слоями с керамикой третьего этапа ²¹⁵.

Абсолютное большинство стоянок занимает края надлуговых террас Оки и Волги и некоторых их притоков, располагаясь в среднем на высоте 6—7 м от современного уровня ближайшего водоема.

Зафиксированные площади стоянок (Остреевская, Путьковская, IV Полянская) колеблются в пределах от 1000 до 1500 кв. м. На поверхности некоторых из них (Остреевская, IV Полянская, Иморская) прослежено от двух до четырех жилищных впадин (5×7, 7×9 м), а на III Обсерваторской стоянке вскрыты остатки двух жилищ с неглубокими земляными котлованами ²¹⁶.

Для изученных жилищ характерны средние размеры (7×3 и 7×4 м). Их прямоугольная форма и ряд конструктивных особенностей (двускатная или односкатная крыша, деревянное крепление стен, боковые ниши-погребки) свидетельствуют о со-

хранении прежних традиций в строительстве жилищ. Уменьшение размеров жилищ сопровождалось увеличением их числа на поселениях (до четырех на отдельных стоянках).

Глиняная посуда позднего этапа (рис. 25, 7—9; 31), сохраняя определенную близость с сосудами предшествующего периода в форме, составе теста, обработке поверхности и орнаментации, приобретает ряд новых черт (табл. В). Больше становятся сосуды с округлыми днищами, плоские края венчиков заменяются округлыми, исчезают края с «валиком» и «воротничком», улучшается обработка поверхности — внешняя заглаживается, иногда до лоска, а для выравнивания внутренней поверхности часто употребляется гребенчатая зачистка. Но больше всего изменяется орнаментация, которая как бы возвращается к традициям древнейшего этапа — распространяется многорядный ямочный орнамент, возрождаются шнуrowые оттиски, почти повсеместно встречаются узоры из оттисков ногтевидного, более крупного, чем в древнейший период, штампа. Сближает орнаментацию поздней балахнинской керамики с наиболее ранней и то, что в композиции узоров ведущее место занимают ямочные вдавления, тогда как гребенчатые, шнуrowые и прочие оттиски как бы выполняют подсобную роль, заполняя в основном межзональные пространства. Сходные в этом отношении процессы наблюдались и в других районах распространения культур с ямочно-гребенчатой керамикой, например в Карелии. Здесь если более ранние стоянки, относящиеся к развитому неолиту, например, Курмойла I²¹⁷, содержат керамику, в орнаментации которой наряду с глубокими ямками существенную роль выполняют и другие элементы — отпечатки шнура, гребенки, отступающей лопаточки и т. п., то в орнаментации керамики более поздних стоянок, например Деревянное II, абсолютно господствуют ямочные вдавления, а другие элементы орнамента практически исчезают, за исключением короткого гребенчатого штампа, имевшего «явно подчиненное значение»²¹⁸.

Вместе с тем керамику позднего этапа балахнинской культуры нельзя, конечно, отождествлять с древнейшей. Возрождается лишь традиция, а в целом орнаментация становится иной. Во-первых, она более разреженная, во-вторых, почти полностью исчезает круглая глубокая ямка, замененная неглубокой ямкой с округлым дном, иногда имеющим прямоугольные и овальные формы (рис. 25, 7, 9; 31), начинают встречаться сосуды, лишенные орнаментации. Прочие элементы узора — оттиски гребенки, шнура, ногтевидных вдавлений укорачиваются и становятся более широкими (рис. 25, 7; 31). Стиль орнаментации упрощается — преобладает горизонтальная зональность (рис. 25, 7—9), очень редко употребляются зигзаги, горизонтальные и вертикальные «елочки», практически исчезают узоры в виде треугольников, ромбов и более сложных фигур. На некоторых памятни-

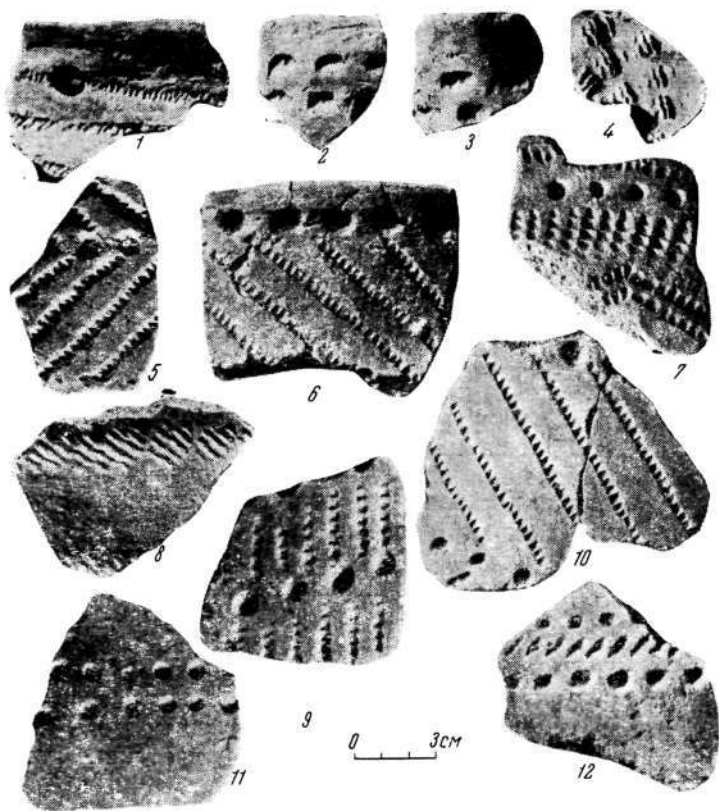

Рис. 31. Позднебалахнинская керамика из среднего горизонта стоянки Обсерваторская III (1—12)

ках встречаются сосуды с бессистемной орнаментацией, но в целом это явление нельзя считать характерным.

В кремневом инвентаре больших изменений не происходит. Правда, у нас нет еще значительных чистых комплексов кремневого материала со стоянок, так как большинство памятников дает или смешанный, или слишком многочисленный материал. Поэтому можно считать, что в последний период сохраняются те же орудия, что были характерны для предшествующего времени, только отмечается некоторое разнообразие скребков (появляются дублированные экземпляры) и ножей (возникают ножи с двусторонними лезвиями и с рукояткой).

Изделий из других материалов (кости, дерева и пр.) на стоянках пока не найдено, так же как и нет каких-либо следов употребления металла.

Дата стоянок позднего периода балахнинской культуры в основном должна быть определена второй половиной III тысяче-

летия до н. э., хотя веских аргументов у нас для такой датировки пока нет. Учитывая то, что конец развитого периода балахнинской культуры падает на вторую четверть III тысячелетия до н. э., и тот факт, что в последней четверти III тысячелетия до н. э. территорию балахнинских племен (в том числе и места большинства поселений) занимает население нового культурного образования ранневолосовского типа (см. ниже), следует полагать, что в предложенной дате не будет большой ошибки.

В поздний период своего существования балахнинские племена консолидируются в нижнем течении р. Оки и на берегах р. Волги, покидая удаленные от этих рек бассейны Мокши, Пьяны, Суры и других южных притоков (рис. 24). В указанных районах единственным определенным памятником является Иморская стоянка на р. Вад, обнаруженная М. Ф. Жигановым в 1957 г. и содержавшая керамику с преимущественной плоскоямочной орнаментацией, к тому же в значительной степени разреженной²¹⁹.

На Нижней Оке и прилегающих участках правого берега р. Волги, от г. Муром до г. Балахны, известна большая группа памятников — Панфиловская (нижний горизонт), Волосовская (нижний горизонт), Сонинская, Плеханов Бор, Желнинская, IV Гавриловская стоянки на р. Оке и Балахнинская, I и IV Больше-Козинские стоянки в Балахнинской низине по левому берегу Волги (рис. 24).

Небольшая группа позднебалахнинских памятников обнаружена по левому берегу Волги, напротив г. Горького, в районе устья р. Линды — Остреевская, Путьковская и Коринкинская стоянки. Далее вплоть до устья р. Ветлуги памятников этого периода нет, лишь у самого ее устья из многочисленных стоянок предшествующего времени сохраняются редкие памятники типа IV Полянкой стоянки и Козьмодемьянского местонахождения. В это время отмечается проникновение балахнинского населения на север, в леса Марийского Заволжья, свидетельством чему служат остатки стоянок на р. Выжуме, Большом Кундыше (Широкундышская стоянка) и Чирковская стоянка на р. Кокшаге.

Ниже устья р. Ветлуги, на Волге, у пос. Дубовское обнаружена в 1960 г. I Отарская стоянка, а напротив г. Чебоксары — Чебоксарское местонахождение. Наиболее восточная и достаточно значительная группа стоянок — средний горизонт III Обсерваторской, V Займищенская, средний горизонт IIIА Займищенской, Дербышкинская и Мало-Отарская²²⁰ — исследована около г. Казани. Здесь, очевидно, проходила самая восточная граница распространения не только балахнинской культуры, но и, пожалуй, вообще культур с ямочно-гребенчатой керамикой в Европе. Здесь же завершилась экспансия балахнинских племен в Среднем Поволжье. Следует заметить, что почти все указанные

стоянки у г. Казани дают материал, в значительной степени смешанный. Особенно примечательна в этом отношении Обсерваторская стоянка, в керамике которой, наряду с типичными позднебалахнинскими чертами, ощущаются традиции волго-камского неолита. По-видимому, наиболее восточная группа позднебалахнинского населения в конечном итоге была ассимилирована местным волго-камским населением.

Завершая общий обзор неолитического периода в истории населения Среднего Поволжья, мы можем констатировать, что этот период был в основном временем господства местных племен, разделявшихся на две большие этно-культурные группы: волго-камскую и балахнинскую. Если первые, в культурном и этническом отношении входившие в одну общность с племенами Урала и Западной Сибири, являлись наиболее западными племенами населения уральско-сибирского круга, то вторые входили в общность восточно-европейских племен лесной полосы, в культуре которых особенно характерна была керамика, орнаментированная ямочными и позднее ямочно-гребенчатыми узорами. Есть основание полагать, что последние являлись исконными обитателями центральной полосы Восточной Европы, по крайней мере еще с эпохи первоначального заселения этих районов в эпоху палеолита²¹.

Выделение в Среднем Поволжье в неолитический период указанных двух групп населения позволяет рассматривать эту область в качестве контактной зоны между палеоевропейской и палеоуральской этнокультурными группами. Это обстоятельство, несомненно, сыграло значительную роль в дальнейшем развитии этнической истории, наложив свой отпечаток на формирование древнейших этнических основ и культуры современного населения Среднего Поволжья.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ А. В. Шнитников. Изменчивость общей увлажненности материков северного полушария. «Зап. Географического общества СССР», т. XVI. М.—Л., 1957, стр. 260—262; Г. К. Тушинский. Космос и ритмы природы земли. М., 1966, стр. 52—64.

² И. И. Нейштадт. История лесов и палеогеография СССР в голоцене. М., 1957.

³ А. Х. Халиков. Материалы к изучению истории населения Среднего Поволжья и Нижнего Прикамья в эпоху неолита и бронзы. «Тр. Марийской археологической экспедиции», т. I. Йошкар-Ола, 1960, стр. 23.

⁴ А. В. Шнитников. Указ. соч., стр. 261.

⁵ Г. Н. Лисицына. Природные условия среднего и позднего голоцена в бассейне оз. Воже. Сб. по археологии Вологодской области. Вологда, 1961, стр. 204.

⁶ О. Н. Бадер. Очерк работ Камской археологической экспедиции в 1953 и 1954 гг. «Уч. зап. Пермского государственного университета», т. XI, вып. 3. Харьков, 1956, стр. 31.

⁷ А. Х. Халиков. Материалы к изучению истории населения Среднего Поволжья и Нижнего Прикамья в эпоху неолита и бронзы, стр. 22—24.

⁸ А. Х. Халиков. Неолитические памятники в Казанском Поволжье. МИА, № 61, 1958.

⁹ А. Х. Халиков. См. примеч. 3, стр. 22—24.

¹⁰ Там же, стр. 24.

¹¹ С. А. Altin. The Chronology of the Stone age settlement of Scania. Sweden, p. 1. Acta archaeologica Lundensia, ser. 4. Lund, 1954, S. 233.

¹² L. Troels-Smith. Ertebøkkultur — Bohden kultur. Aarbøger, 1953; Tt. Mathiassen. Danske Oldsager. I Eldre Stenalder. Kobenhaven, 1948, N 179.

¹³ V. Luho. Die Askola-Kultur. Die fruhemesolithische Steinzeit in Finnland. SMYA, 57. Helsinki, 1956.

¹⁴ Д. А. Крайнов. Пещерная стоянка Таш-Аир I как основа для периодизации послепалеолитических культур Крыма. МИА, № 91, 1960, стр. 95.

¹⁵ А. А. Формозов. Исследования памятников каменного века на Северном Кавказе в 1957 г. КСИИМК, вып. 78. М., 1960, стр. 21.

¹⁶ В. П. Левенюк. Работы Деснинского отряда в 1956 г. КСИИМК, вып. 74, 1959, стр. 33.

¹⁷ А. П. Окладников. Неолит и бронзовый век Прибайкалья. МИА, № 18, 1950, стр. 175, 176.

¹⁸ H. Schwabedissen-K. O. Munnich. «Germania», № 36, 1958, S. 143; П. М. Долуханов. Палеогеография мезолита Северной Европы. МИА, № 126, 1966, стр. 73.

¹⁹ А. Х. Халиков. См. примеч. 3, стр. 23.

²⁰ А. В. Шнитников. Указ. соч., стр. 260.

²¹ А. Я. Брюсов. Очерки по истории племен Европейской части СССР в неолитическую эпоху. М., 1958, стр. 29.

²² А. Ф. Лихачев. О двух новооткрытых местах на заливной долине р. Волги близ г. Казани, где находятся следы каменного века. Библиотека Казанского государственного университета, рукопись 161; А. А. Штукенберг, Н. Ф. Высоцкий. Материалы для изучения каменного века в Казанской губернии. «Тр. Общества естествоиспытателей при Казанском государственном университете», т. XIV, вып. 5, 1885, стр. 43—49.

²³ А. А. Штукенберг, Н. Ф. Высоцкий. Указ. соч., стр. 44.

²⁴ Л. Я. Крижевская. Неолитические поселения на северо-востоке Башкирии. СА, 1962, № 2.

²⁵ В. Ф. Генинг, Л. Я. Крижевская. Новые неолитические памятники на р. Ишме. КСИА, вып. 106, 1966.

²⁶ А. В. Шнитников. Указ. соч., стр. 261; Г. Н. Лисицына. Указ. соч., стр. 202.

²⁷ В. Н. Чернецов. Древняя история Нижнего Приобья. МИА, № 35, 1953, стр. 28.

²⁸ С. П. Толстов. По древним дельтам Окса и Яксарта. М., 1962, стр. 29.

²⁹ Д. Я. Телегин. Раскопки неолитических стоянок в устье р. Оскола. МИА, № 79, 1960.

³⁰ А. Я. Брюсов. Свайное поселение на р. Модлоне. МИА, № 20, 1951.

³¹ А. Я. Брюсов. Караваевская стоянка. Сб. по археологии Вологодской области.

³² А. Х. Халиков. См. примеч. 8.

³³ Там же, стр. 12, 13.

³⁴ А. Х. Халиков. Мезолит Среднего Поволжья. МИА, № 126, 1966, стр. 190.

³⁵ О. Н. Бадер. Древнейшая история Прикамья. М., 1963.

³⁶ И. К. Цветкова. Гавриловская неолитическая стоянка с могильником. КСИИМК, вып. XVII, 1947, стр. 70 и сл.

³⁷ И. К. Цветкова. Стоянки балахнинской культуры в области нижнего течения р. Оки. МИА, № 110, 1963, стр. 57—59.

³⁸ И. К. Цветкова. См. примеч. 36, стр. 71, 73.

- ³⁹ М. Е. Фосс. Поселение на дюне Озименки. КСИИМК, вып. 75, 1965, стр. 31, 32.
- ⁴⁰ П. Н. Третьяков. Финно-угры, балты и славяне на Днепре и Волге. М.—Л., 1966, стр. 27.
- ⁴¹ О. Н. Бадер. См. примеч. 35, стр. 21.
- ⁴² Л. Я. Крижевская. Кремнеобрабатывающая неолитическая мастерская и поселение на северо-востоке Башкирии. МИА, № 79, 1960.
- ⁴³ Там же, стр. 252.
- ⁴⁴ Л. Я. Крижевская. Неолит Южного Урала и проблема этнокультурных общностей. «V Уральское археологическое совещание». Сыктывкар, 1967.
- ⁴⁵ В. Н. Чернецов. См. примеч. 28, стр. 26—31.
- ⁴⁶ Там же, стр. 28.
- ⁴⁷ В. Ф. Генинг, Л. Я. Крижевская. См. примеч. 25.
- ⁴⁸ Там же, стр. 46, 47.
- ⁴⁹ А. П. Окладников. Из истории этнических и культурных связей неолитических племен Среднего Енисея. СА, 1957, № 1, стр. 31.
- ⁵⁰ П. С. Рыков. Очерки по истории Нижнего Поволжья. Саратов, 1936, стр. 9.
- ⁵¹ Д. Я. Телегин. К вопросу о днепро-донецкой культуре. СА, 1961, № 1, стр. 32, 33, рис. 4, 5.
- ⁵² Там же, стр. 36.
- ⁵³ Там же.
- ⁵⁴ П. А. Дмитриев. Шигирская культура на восточном склоне Урала. МИА, № 21, 1951, стр. 48.
- ⁵⁵ А. П. Окладников. К истории культурно-этнических связей населения Евразии в III—II тысячелетии до н. э. (Утожки и «човники» — атлалты?). СЭ, 1966, № 1.
- ⁵⁶ Л. Я. Крижевская. Проблемы неолита Урала. «Доклады и сообщения археологов СССР на VII Международном конгрессе доисториков и протоисториков». М., 1966.
- ⁵⁷ Д. Я. Телегин. См. примеч. 51, рис. 2.
- ⁵⁸ Д. Я. Телегин. См. примеч. 29, стр. 177, рис. 2, 4, 5.
- ⁵⁹ Д. Я. Телегин. О культурно-историческом месте некрополей днепродонецкого типа. «VII МКАЭН». М., 1964.
- ⁶⁰ А. Ф. Шоков. Неолитические находки на Дону. «Уч. зап. Воронежского государственного педагогического института», т. XXVI. Воронеж; В. П. Левенюк. Долговская стоянка и ее значение для периодизации неолита на Верхнем Дону. МИА, № 131, 1965, стр. 244—245; А. Т. Санюк. Поселение эпохи неолита у станции Отрожка. Из истории Воронежского края. «Тр. Воронежского государственного университета», т. 64. Воронеж, 1966.
- ⁶¹ М. Е. Фосс. Древнейшая история севера Европейской части СССР. МИА, № 29, 1952.
- ⁶² О. Н. Бадер. Стоянка Нижнеадищевская и Боровое озеро I на р. Чусовой. МИА, № 22, 1951.
- ⁶³ А. Х. Халиков. См. примеч. 8.
- ⁶⁴ О. Н. Бадер. См. примеч. 62, стр. 20.
- ⁶⁵ Там же, стр. 24, рис. 11.
- ⁶⁶ Там же, стр. 24, рис. 11, 13, 3.
- ⁶⁷ Там же, стр. 22, 23, рис. 9, 10.
- ⁶⁸ Там же, стр. 27.
- ⁶⁹ Там же, стр. 29, рис. 16, 1, 2.
- ⁷⁰ А. Х. Халиков. См. примеч. 3, стр. 36—49.
- ⁷¹ А. Х. Халиков. Археологические исследования ИЯЛИ АН СССР в 1957—1960 гг. в Татарской АССР. «Вопросы истории Татарии». Казань, 1962, стр. 113, 114.
- ⁷² О. Н. Бадер. Камская археологическая экспедиция в 1956 г. КСИИМК, вып. 74, 1959, стр. 113, 114.

- ⁷³ В. П. Денисов. Крежская неолитическая стоянка. «Отчеты Камской (Воткинской) археологической экспедиции», вып. 2, М., 1961.
- ⁷⁴ В. П. Денисов. Хуторская неолитическая стоянка. «Уч. зап. Пермского государственного университета», т. XII, вып. 1, Пермь, 1961, стр. 38, 39.
- ⁷⁵ О. Н. Бадер. Камская археологическая экспедиция в 1958 г. КСИА, вып. 85, 1961, стр. 73.
- ⁷⁶ В. П. Денисов. См. примеч. 4, 74, стр. 46.
- ⁷⁷ А. Х. Халиков. См. примеч. 3, табл. XIX.
- ⁷⁸ В. П. Денисов. См. примеч. 73, рис. 6.
- ⁷⁹ А. Х. Халиков. См. примеч. 3, табл. XVII; В. П. Денисов. См. примеч. 74, рис. 5, 7.
- ⁸⁰ А. Х. Халиков. См. примеч. 3, стр. 40; В. П. Денисов. См. примеч. 73, стр. 11.
- ⁸¹ В. П. Денисов. См. примеч. 74, стр. 50.
- ⁸² А. Х. Халиков. См. примеч. 3, стр. 40, 41.
- ⁸³ В. П. Денисов. См. примеч. 74, стр. 47; примеч. 73, стр. 11.
- ⁸⁴ В. П. Денисов. См. примеч. 74, стр. 49.
- ⁸⁵ А. Х. Халиков. См. примеч. 3, табл. XIX, 9; В. П. Денисов. См. примеч. 74, рис. 7, 4.
- ⁸⁶ А. Х. Халиков. См. примеч. 3, табл. XIX.
- ⁸⁷ В. П. Денисов. См. примеч. 74, рис. 8, 9.
- ⁸⁸ А. Х. Халиков. См. примеч. 3, стр. 43; В. П. Денисов. См. примеч. 74, стр. 52.
- ⁸⁹ А. Х. Халиков. См. примеч. 3, стр. 43.
- ⁹⁰ Там же, стр. 43, табл. XXI; В. П. Денисов. См. примеч. 74, стр. 64, 65, рис. 20.
- ⁹¹ А. Х. Халиков. См. примеч. 3, табл. XXI, 5.
- ⁹² Там же, табл. XXIV, 6.
- ⁹³ Там же, табл. XXIV, 7.
- ⁹⁴ Там же, табл. XXIII; В. П. Денисов. См. примеч. 74, рис. 17; примеч. 82, рис. 12.
- ⁹⁵ А. Х. Халиков. См. примеч. 3, табл. XXIII, 10, 11.
- ⁹⁶ Там же, табл. XXIII, 12.
- ⁹⁷ Там же, табл. XVI, 6.
- ⁹⁸ В. П. Денисов. См. примеч. 74, рис. 13, 9, 11.
- ⁹⁹ А. Х. Халиков. См. примеч. 3, рис. 19.
- ¹⁰⁰ В. П. Денисов. См. примеч. 74, стр. 63.
- ¹⁰¹ А. Х. Халиков. См. примеч. 3, табл. XXIII, 13.
- ¹⁰² В. П. Денисов. См. примеч. 74, рис. 13, 10.
- ¹⁰³ А. Х. Халиков. См. примеч. 3, рис. XVI, 14.
- ¹⁰⁴ Там же, стр. 67.
- ¹⁰⁵ В. П. Денисов. См. примеч. 74, стр. 69.
- ¹⁰⁶ В. П. Денисов. См. примеч. 73, стр. 21.
- ¹⁰⁷ А. Х. Халиков. См. примеч. 3.
- ¹⁰⁸ О. Н. Бадер. См. примеч. 35, 62; В. П. Денисов. См. примеч. 73, 74.
- ¹⁰⁹ А. Х. Халиков. См. примеч. 71, стр. 254, 255.
- ¹¹⁰ Л. Я. Крижевская. Неолитические поселения на северо-востоке Башкирии.
- ¹¹¹ Ch. S. Chard. First Radiocarbon Dates from the USSR. AA, Bd. I. Wiskonsin, 1962.
- ¹¹² Г. Н. Матюшин. К изучению мезолита и неолита в Башкирии. «Археология и этнография Башкирии», т. II, 1965, стр. 137.
- ¹¹³ Г. Н. Матюшин. Стоянка Мурат на озере Узун-Куль. СА, 1965, № 1.
- ¹¹⁴ К. В. Сальников. Южный Урал в эпоху неолита и ранней бронзы. «Археология и этнография Башкирии», т. I, 1962, стр. 23.
- ¹¹⁵ В. Н. Чернецов. Указ. соч.
- ¹¹⁶ О. Н. Бадер. Работа чувовского отряда Камской археологической экспедиции. КСИИМК, вып. XXVI, М., 1949.

¹¹⁷ В. М. Раушенбах. Древнейшая стоянка льяловской культуры, 1962, № 2.

¹¹⁸ К. В. Сальников. Указ. соч., стр. 20.

¹¹⁹ Л. Я. Крижевская. Новые данные по неолиту Южного Урала. КСИА, вып. 97, 1964, стр. 81.

¹²⁰ А. А. Штукенберг и Н. Ф. Высоккий. Указ. соч., стр. 72.

¹²¹ Г. Ф. Дебец. Палеоантропология СССР. «Тр. ИЭ» (новая серия), т. 4. М.—Л., 1948, стр. 83.

¹²² А. В. Збруева. Памятники эпохи поздней бронзы в Приказанском Поволжье и Нижнем Прикамье. МИА, № 80, 1960, стр. 52.

¹²³ С. Н. Бибииков. Пещерные палеолитические местонахождения в нагсрной полосе Южного Урала, СА, XII, 1950.

¹²⁴ К. В. Сальников. Указ. соч., стр. 37.

¹²⁵ С. Н. Бибииков. Указ. соч., стр. 100.

¹²⁶ Там же, стр. 136.

¹²⁷ М. Полесских. В недрах времен. Пенза, 1956.

¹²⁸ Н. В. Трубиноква. Некоторые итоги археологических исследований по р. Усе. МИА, № 61, 1958, стр. 192, 193, рис. 7, 8, 2.

¹²⁹ В. В. Гольмстен. Археологические памятники Самарской губернии. «Тр. РАНИОН» (секция археологии), т. IV. М., 1928; Н. Я. Мерперт. Из древнейшей истории Среднего Поволжья. МИА, № 61, 1958; К. В. Сальников. Указ. соч.

¹³⁰ В. В. Гольмстен. Погребение из Криволучья. «Сообщения ГАИМК», вып. 6. М.—Л., 1931, стр. 7—12.

¹³¹ В. П. Левенюк. Указ. соч., стр. 66.

¹³² Т. С. Попова. Эпоха бронзы на Тамбовщине. СА, 1961, № 3.

¹³³ В. П. Третьяков. О юго-западных связях рязанского неолита. СА, 1964, № 4.

¹³⁴ П. Н. Третьяков. См. примеч. 40, стр. 38.

¹³⁵ А. В. Збруева. Стоянка на р. Юге Чухломского уезда Костромской губернии. «Тр. РАНИОН» (секция археологии), т. IV, стр. 237, 239.

¹³⁶ Д. А. Крайнов. Некоторые спорные вопросы древнейшей истории Волго-Окского междуречья. КСИА, вып. 97, 1964, рис. 3, 1—4.

¹³⁷ П. Н. Третьяков. Указ. соч., стр. 59 и сл.

¹³⁸ Н. Н. Гурина. К вопросу об этнокультурных областях лесной и лесостепной зоны Европейской части СССР в эпоху неолита. «VII МКАЭН».

¹³⁹ А. Я. Брюсов. См. примеч. 21; М. Е. Фосс. См. примеч. 61; Н. Н. Гурина. Древняя история северо-запада Европейской части СССР. МИА, № 87, 1966, стр. 42.

¹⁴⁰ Л. Ю. Янитс. Поселения эпохи неолита и раннего металла в приустье р. Эмайыги. Таллин, 1959.

¹⁴¹ Г. А. Панкрушев. Племена Карелии в эпоху неолита и раннего металла. М.—Л., 1964.

¹⁴² С. F. Meinander. Etelä—Rahjanmaan historia, I. Helsinki, 1950.

¹⁴³ Г. М. Буров. Вычегодский край. М., 1965.

¹⁴⁴ А. X. Халиков. См. примеч. 3.

¹⁴⁵ Д. Я. Телегия. Неолитические памятники среднего течения Северного Донца. СА, XLIX—XXX, 1959.

¹⁴⁶ И. К. Цветкова. См. примеч. 37; В. П. Третьяков. Неолитические племена Волго-Окского междуречья. Автореф. канд. дисс. Л., 1966.

¹⁴⁷ И. К. Цветкова. См. примеч. 37, стр. 57—59.

¹⁴⁸ М. В. Воеводский, А. В. Збруева. Мало-Окуловская неолитическая стоянка. КСИИМК, вып. XXXI, 1950.

¹⁴⁹ А. Е. Аликова. Жилище на Саконовской неолитической стоянке. КСИИМК, вып. 75, 1959.

¹⁵⁰ А. X. Халиков, Г. А. Архипов. Марийская археологическая экспедиция (1960—1965 гг.). «Тр. МарНИИ», вып. XXII. Йошкар-Ола, 1967, стр. 171.

- ¹⁵¹ А. Х. Халиков, Г. А. Архипов. Марийская археологическая экспедиция (1960—1965 гг.). «Тр. МарНИИ», вып. XXII. Йошкар-Ола, 1967, стр. 173.
- ¹⁵² А. Х. Халиков. См. примеч. 3, стр. 26—29.
- ¹⁵³ А. Х. Халиков. См. примеч. 8, стр. 15—19.
- ¹⁵⁴ А. Х. Халиков. См. примеч., 3; Г. А. Архипов, А. Х. Халиков. Материалы к археологической карте Марийской АССР. Йошкар-Ола, 1960; П. Н. Старости. Результаты археологических разведок левобережья р. Волги от пос. Дубовский до с. Кокша-Мары. «Тр. МарНИИ», вып. XVI, 1961.
- ¹⁵⁵ И. К. Цветкова. См. примеч. 37.
- ¹⁵⁶ М. Ф. Жиганов. Новые археологические памятники в долинах рек Вад и Тёша. «Из древней и средневековой истории мордовского народа». Саранск, 1959.
- ¹⁵⁷ П. Д. Степанов. Материалы для археологической карты западной части Северного Поволжья. МИА, № 111, 1962.
- ¹⁵⁸ И. В. Гаврилова. Неолитическая стоянка у дер. Серково. МИА, № 110, 1963.
- ¹⁵⁹ М. В. Воеводский, А. В. Збруева. См. примеч. 170, стр. 120.
- ¹⁶⁰ А. Е. Алихова. См. примеч. 171, стр. 138.
- ¹⁶¹ И. В. Гаврилова. Указ. соч., стр. 49.
- А. Е. Алихова. Указ. соч., стр. 42.
- ¹⁶³ М. В. Воеводский, А. В. Збруева. Указ. соч., рис. 42, 1, 8;
- А. Е. Алихова. Указ. соч. стр. 42.
- ¹⁶⁴ Б. С. Жуков. Неолитическая стоянка близ с. Льялово Московского уезда. «Тр. Антропологического института», вып. 1. М., 1925.
- ¹⁶⁵ А. Я. Брюсов. См. примеч. 21.
- ¹⁶⁶ В. М. Раушенбах. Древнейшая стоянка льяловской культуры. СА, 1964, № 2.
- ¹⁶⁷ В. П. Левенюк. Указ. соч.
- ¹⁶⁸ М. В. Воеводский, А. В. Збруева. Указ. соч., стр. 125.
- ¹⁶⁹ И. В. Гаврилова. Указ. соч., стр. 50.
- ¹⁷⁰ М. В. Воеводский, А. В. Збруева. Указ. соч., рис. 41, 6, 8.
- ¹⁷¹ Там же, рис. 41, 9, 10.
- ¹⁷² Там же, рис. 41, 12.
- ¹⁷³ А. Я. Брюсов. См. примеч. 21, стр. 79.
- ¹⁷⁴ В. М. Раушенбах. См. примеч. 166.
- ¹⁷⁵ Н. Н. Гурина. См. примеч. 139, стр. 388.
- ¹⁷⁶ А. Л. Никитин, Н. А. Хотинский. Свайное поселение на болоте Берендеево в Ярославской области. Значение палинологического анализа для стратиграфии и палеофлористики. М., 1966, стр. 212, рис. 1.
- ¹⁷⁷ Там же, стр. 217, 218.
- ¹⁷⁸ В. П. Третьяков. К вопросу о памятниках льяловского типа в Волго-Окском междуречьи. КСИА, вып. 106. М., 1966.
- ¹⁷⁹ А. Х. Халиков. См. примеч. 3, стр. 26—35.
- ¹⁸⁰ И. К. Цветкова. См. примеч. 37, стр. 57.
- ¹⁸¹ Л. Я. Крижевская. Неолитическая стоянка Сокольское I на Волге. МИА, № 110, 1963.
- ¹⁸² И. К. Цветкова. См. примеч. 37, стр. 79.
- ¹⁸³ А. Х. Халиков. См. примеч. 3, стр. 34.
- ¹⁸⁴ Там же, стр. 26, 27.
- ¹⁸⁵ Там же, стр. 64.
- ¹⁸⁶ А. Е. Алихова. Указ. соч.
- ¹⁸⁷ А. Х. Халиков. См. примеч. 3, рис. 9, 13, табл. XIV, 1, 2; Л. Я. Крижевская. См. примеч. 181, рис. 3.
- ¹⁸⁸ Л. Я. Крижевская. См. примеч. 181, рис. 3, 4, 7; И. К. Цветкова. См. примеч. 37, рис. 13, 14.
- ¹⁸⁹ А. Х. Халиков. См. примеч. 3, табл. VIII, 18.
- ¹⁹⁰ И. К. Цветкова. См. примеч. 37, рис. 2, 2.

- 191 Л. Я. Крижевская. См. примеч. 181, стр. 36, 37.
192 А. Х. Халиков. См. примеч. 3, табл. XVII, 1; XXV, 2.
193 Л. Я. Крижевская. См. примеч. 181, стр. 47.
194 Там же, стр. 41.
195 И. К. Цветкова. См. примеч. 37, стр. 65.
196 Там же.
197 А. Х. Халиков. См. примеч. 3, табл. X, 10.
198 Л. Я. Крижевская. См. примеч. 181, рис. III, 10.
199 А. Х. Халиков. См. примеч. 3, стр. 29.
200 Л. Я. Крижевская. См. примеч. 181, стр. 46, 47.
201 И. К. Цветкова. См. примеч. 37, стр. 63.
202 В. М. Раушенбах. Неолитические стоянки Верхней Клязьмы. «Тр. ГИМ», вып. 22. М., 1953, стр. 10.
203 Г. А. Панкрушев. Указ. соч.
204 Н. Н. Гурина. См. примеч. 139.
205 Л. Ю. Янитс. См. примеч. 140.
206 A. Liiva. Kääraoltilise asula dateering radioaktiivise susihiki meetodil. «Изв. АН Эстонской ССР (серия общественных наук)», т. XII, вып. 1. Таллин, 1963.
207 Л. Ю. Янитс. См. примеч. 140, стр. 140.
208 А. А. Лиива, Э. О. Иловес, Л. Ю. Янитс. Радиуглеродное датирование некоторых археологических памятников Прибалтики. «Археология и естественные науки». М., 1965, стр. 49.
209 Н. Н. Гурина. См. примеч. 139, стр. 388.
210 А. В. Шнитникова. Указ. соч., стр. 261, 262.
211 И. К. Цветкова. См. примеч. 37.
212 О. Н. Бадер, М. В. Воеводский. Стоянки Балахнинской низины. «Изв. ГАИМК», вып. 106. М.—Л., 1934.
213 А. Х. Халиков. См. примеч. 3.
214 А. Х. Халиков. См. примеч. 8.
215 А. Х. Халиков. См. примеч. 3, стр. 35.
216 А. Х. Халиков. См. примеч. 8.
217 Н. Н. Гурина. См. примеч. 139, стр. 255.
218 Там же, стр. 286.
219 М. Ф. Жиганов. Указ. соч., стр. 55—57.
220 А. Х. Халиков. См. примеч. 8.
221 М. Е. Фосс. См. примеч. 61; А. А. Формозов. Этнокультурные области на территории Европейской части СССР в каменном веке. М., 1959.

Часть вторая

ЭПОХА

РАННЕГО МЕТАЛЛА

В СРЕДНЕМ ПОВОЛЖЬЕ

(II—начало

I-го тысячелетия до н. э.)

Второй половиной III тысячелетия до н. э. датируются первые находки металлических изделий в крае. К их числу следует отнести медные листовидные или ромбической формы пластинчатые ножи (рис. 32, 1), обнаруженные в ряде населенных пунктов правобережья Волги (в бассейне р. Свияги)—Ивановское, Кильдуразы, Патрикеево, Биябаш, Подгорные Тимяши, Курбаши, Тояба и других, всего 14 находок только из бассейна р. Свияги¹. Б. Г. Тихонов, изучавший ножи подобного типа, пришел к выводу о возможности их датировки второй половиной III тысячелетия до н. э.² К рубежу III—II тысячелетия до н. э. следует отнести пластинчатые ножи с намеченным черешком (рис. 32, 2) (из сел Федяево, Подберезье), проушные топоры новосвободненского типа (села Курмашево, Кюш и др.; см. рис. 32, 3). Последние известны только в пределах бывшей Казанской губернии в количестве 8 экземпляров³. Новейшая их датировка по северокавказским образцам не выходит за пределы конца III тысячелетия до н. э. По А. А. Иессену⁴, время новосвободненского этапа майкопской культуры определяется 2300—2100 гг. до н. э. На рубеже III—II тысячелетий до н. э. первые металлические изделия появляются и в пограничных со Средней Волгой областях. Достаточно в этом отношении напомнить находки медного ножа и шила на Левшинской стоянке⁵, датировка которых (рубеж III—II тысячелетий до н. э.) не вызывает особых сомнений⁶.

Все ранние типы металлических предметов Среднего Поволжья имеют формы, характерные для изделий майкопской культуры Северного Кавказа. Поэтому правы те исследователи, которые полагают, что основной импульс металла (в виде го-

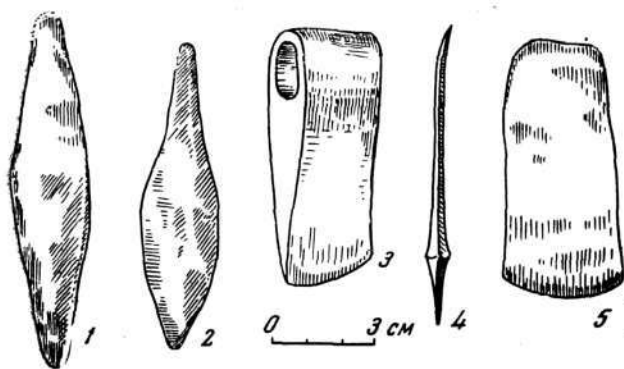

Рис. 32. Ранние металлические изделия рубежа III—II тысячелетий до н. э. из Среднего Поволжья

1 — Курбаши Татарской АССР; 2 — Свияжск Татарской АССР; 3 — Курмашево Татарской АССР; 4 — Котлубацка Куйбышевской области; 5 — Муллино Татарской АССР

товых изделий) шел с юга — от кавказского металлургического центра. Их передатчиками для местных племен Средней Волги были южные соседи — племена ямной культурной общности и их непосредственные приемники — полтавкинцы⁷. Последние не только употребляли привозные металлические изделия, но и отливали их сами по этим образцам. На это указывают, с одной стороны, значительное число находок металлических предметов в полтавкинских памятниках, прекрасным примером чего является Колтубанкинский комплекс⁸, состоящий из тесла, топора, шила новосвободненского типа, долота и украшений (рис. 32, 4, 5), а с другой — погребения мастеров-меднолитейщиков из Калиновского могильника⁹.

На рубеже III—II тысячелетий до н. э. в центральные районы Среднего Поволжья проникает и здесь же оседает на длительное время одна из групп населения культуры боевых топоров — балановские племена¹⁰, обладающие металлическими орудиями и навыками в их изготовлении. Балановцы первыми в крае приступают к разработке многочисленных выходов медистых песчаников Нижнего Прикамья и Среднего Поволжья. Об этом, кроме данных анализов балановского металла¹¹, свидетельствуют также погребения балановских мастеров-меднолитейщиков в Чурачикском могильнике. Таким образом, балановские племена создают второй источник активного ознакомления местных племен не только с металлическими предметами, но и со способами их изготовления.

В этих условиях не позже рубежа III—II тысячелетий до н. э. и совершался переход местных племен Среднего Поволжья от

эпохи камня к эпохе раннего металла. В известной степени процесс освоения населением края металлических изделий стимулировался и наличием в крае легко добываемых медных руд в виде медистых песчаников пермских отложений Нижней Камы и прилегающих к ней районов¹². Этим, очевидно, и следует объяснить находки на ряде волосовских поселений I половины II тысячелетия до н. э. (Руткинская, III Луговой Борок, Панфиловская и др.) обломков глиняных тиглей, шлака, капель меди и отдельных орудий.

Так, на рубеже III—II тысячелетий до н. э. в Среднем Поволжье начинается эпоха раннего металла, знаменовавшая собой качественно новый этап развития не только в области экономики и производства, но и во всех остальных сферах деятельности местных племен.

В эту эпоху население края наряду с переходом к употреблению металлических орудий, вначале привозных, а затем и изготовленных на месте, освоило такие производящие отрасли хозяйства, как мотыжное земледелие и домашнее скотоводство, т. е. фактически предприняло первые шаги на пути к своей независимости от окружающей природы. Одновременно резко возрастает роль обмена, ярким свидетельством чего являются многочисленные в Среднем Поволжье находки ранних импортных металлических изделий. Освоение металлов и особенно начало разработки местных медных руд стимулировало выделение специальных мастеров-меднолитейщиков, что в условиях развития прогрессивных форм хозяйства вызвало невиданный до этого времени рост производительных сил.

Все эти обстоятельства привели к разрушению замкнутых внутри себя родовых общин эпохи неолита, заложили основу ниспровержения материнского рода и ускорили становление патриархальных отношений.

В период раннего металла наблюдается значительное усложнение этно-культурной карты Среднего Поволжья, в чем немаловажную роль сыграли пришлые племена, приток которых в край особенно интенсивным был на рубеже III—II тысячелетий до н. э. и в середине II тысячелетия до н. э. Для II тысячелетия до н. э. из числа пришлых племен мы можем назвать *балановские*, *абашевские*, *полтавкинско-срубные* племена, оказавшиеся в гуще местного населения и активно воздействовавшие на него. Местные племена раннего металла в этих условиях или вынуждены были входить в контакт с пришлыми племенами, как, например, *волосовские* на Средней Волге и в Приюрье, или же стремились еще больше укрыться в глухих лесах Прикамья (*турбинские* племена).

В некоторых случаях такие контакты приводили к ассимиляции пришлыми племенами местных, но в большинстве случаев местная среда оказывалась более живучей и в ней фактически

растворялось пришлое население, оторванное от своего исходного центра. Результатом этого процесса, усложненного к тому же взаимодействием различных групп местного населения, явилось возникновение в середине и второй половине II тысячелетия до н. э. в Среднем Поволжье ряда археологических культур — *чирковско-сейминской, приказанской, поздняяковской, примокшанской*. В конце II тысячелетия до н. э. из этих культурных групп сохранились и получили развитие лишь две — приказанская и поздняяковская, поглотившие и растворившие к рубежу II—I тысячелетия до н. э. как местные, так и пришлое группы племен.

Эпоха раннего металла в Среднем Поволжье в значительной степени была усложнена неравномерностью развития населявших его территорию разнокультурных и разноэтнических племен. Если в северных его районах, преимущественно заселенных местными племенами, почти до середины II тысячелетия до н. э. устойчивыми были традиции, связанные с неолитическим периодом (волосовские и турбинские племена), то на юге, благодаря продвижению ямно-полтавкинских и фатьяновско-балановских племен, эти традиции изживают себя уже в начале эпохи. Но начиная с середины и особенно ближе к последней четверти II тысячелетия до н. э. происходит некоторое выравнивание степени развития производительных сил и общественных отношений населения указанных районов, что в основном происходит за счет развития местных племен, в конечном итоге оказавшихся решающей силой в крае. Однако и в этот период племена, жившие в различных природно-географических условиях, отличались друг от друга уровнем развития экономики и общественных отношений. Поэтому, при выяснении основных этапов исторического процесса на территории Среднего Поволжья в эпоху раннего металла нельзя игнорировать ощутимое в это время воздействие на деятельность человека природной среды. К сожалению, характер природной среды в эпоху меди и бронзы из-за немногочисленности данных палеоботанических исследований в настоящее время не может быть точно определен. Лишь, опираясь на некоторые закономерности, установленные палеогеографами¹³ и археологами¹⁴, можно полагать, что за период с конца III по конец II тысячелетия до н. э. наблюдались три климатические фазы, в той или иной степени отразившиеся на природной среде.

Первая фаза, соответствующая началу эпохи раннего металла в Среднем Поволжье (рубеж III—II тысячелетия до н. э.), характеризуется А. В. Шнитниковым¹⁵ как эпоха повышенной увлажненности, когда увеличивается сток рек, повышается уровень озер и большинство поселений переносится на высокие места. Как показывают данные споро-пыльцевого анализа почвенных проб из основных отложений Майданской стоянки на рубеже III—II тысячелетий до н. э. (так датируется верхний слой стоянки — см. ниже), в левобережных районах Волги, благодаря

большой увлажненности, несколько увеличились широколиственные породы за счет сокращения хвойных лесов; значительное распространение получило разнотравье. Характерно, что большинство поселений этого периода как на Средней Волге (Майданская, М. Кокузинская), так и в Прикамье (Левшинская)¹⁶ занимают высокие дюны надлуговых террас, возвышающиеся над современным уровнем водоемов на 10—11 м.

Во второй фазе, приуроченной к первой половине II тысячелетия до н. э., в целом по Европе отмечается начало понижения увлажненности и некоторое увеличение сухости, с чем было связано падение уровня воды в водоемах¹⁷. По мнению О. Н. Бадера, опиравшегося на результаты споро-пыльцевого анализа почвенных проб Балановского могильника, уже в это время (хронологические рамки Балановского могильника — XIX—XV вв.)¹⁸ ландшафтные зоны располагались несколько севернее современных¹⁹.

Заключительная климатическая фаза эпохи раннего металла, относящаяся ко второй половине II и к началу I тысячелетия до н. э., многими палеоклиматологами и палеоботаниками²⁰ и рядом археологов, прежде всего О. Н. Бадером²¹, рассматривается в качестве ксеротермического периода (ксеротерм I), характеризующегося резко пониженной увлажненностью и максимумом засушливости, что привело к проникновению далеко на север в глубь лесной зоны языков степи.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

МЕСТНЫЕ ПЛЕМЕНА СРЕДНЕГО ПОВОЛЖЬЯ В НАЧАЛЕ ЭПОХИ РАННЕГО МЕТАЛЛА

Появление первых металлических орудий и проникновение в край земледельческо-скотоводческих племен, активизировавшихся на рубеже III—II тысячелетий до н. э., несомненно, отразилось на развитии материальной культуры и экономики местных племен. Но процесс ломки старых неолитических традиций и замена их новыми явлениями как в быту, так и в экономике и общественных отношениях местного населения, занял длительное время и протекал у различных племен далеко не равномерно. По крайней мере в течение рубежа III—II тысячелетий и первой половины II тысячелетия до н. э. в культуре и быту местного населения наблюдается сохранение элементов старых неолитических традиций, образующих сложное переплетение с новыми явлениями.

В начале эпохи раннего металла решающее значение приобретают потомки волго-камских неолитических племен, распавшихся на племена турбинской культуры в Прикамье и волосовской в Поволжье. Вопросы происхождения, развития и исторических судеб турбинской культуры в последнее время достаточно детально изучены О. Н. Бадером²²; поэтому в настоящей работе они не рассматриваются, тем более что основная территория расселения турбинских племен лежит в Среднем и Верхнем Прикамье, т. е. за пределами исследуемого региона. Проблемы же, связанные с происхождением и историей волосовских племен, имеют непосредственное отношение к нашей теме.

Работами В. А. Городцова и И. К. Цветковой на Нижней Оке, Н. Н. Гуриной и Д. А. Крайнова на Верхней Волге, автора настоящих строк в Среднем Поволжье обнаружены в значительном количестве волосовские памятники, часть из которых подверг-

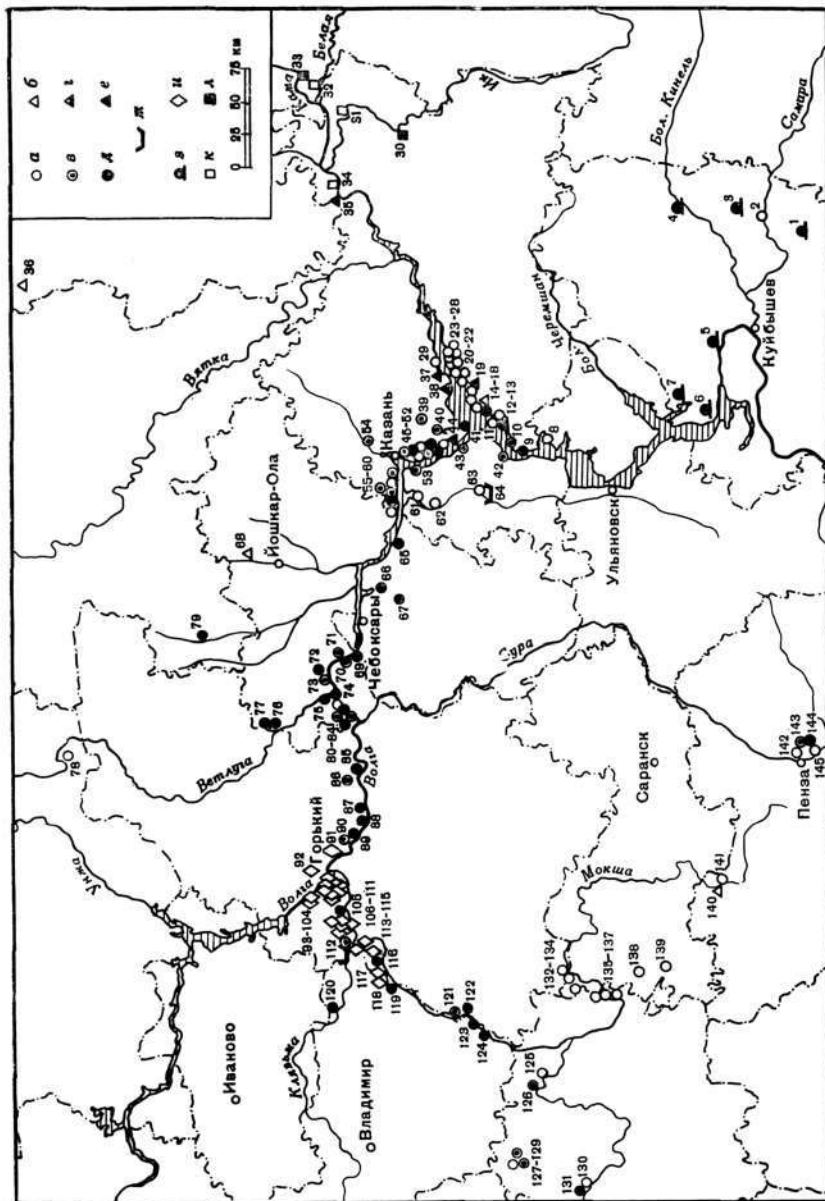

Рис. 33. Карта распространения памятников волосовского времени в Среднем Поволжье

а — ж — волосовские памятники;	27 — VI Саканская;	67 — Шихрант-Ту;	111 — Володары III;
а — б — раннего периода;	28 — Байтерьяковская;	68 — Чирки;	112 — Володары I;
в — б — среднего периода;	29 — IV Масловско-Островная;	69 — Токари;	113 — Венец I;
в — е — позднего периода	30 — Метен-Тамак;	70 — Носела;	114 — Венец II;
а, в, д — поселения;	31 — Иглик;	71 — II Отарская;	115 — Кусторка I;
б, з, е — местонахождения;	32, 33 — Сауз;	72 — Ахматовская;	116 — Подборица-Шербининская;
ж — могильник;	34 — Русско-Луговская;	73 — Руткинская;	117 — Новая Шербининская;
з — курганы	35 — Екабужское;	74, 75 — I, II — Сутырские;	118 — Заламная Шербининская;
к, л — поселения	36 — Цолом;	76, 77 — I, II — Валуи;	119 — Плещанов Бор;
н — позднебалахнинское	37 — Маслова;	78 — Паловское;	120 — Хлокоминна;
сто — анклавы	38 — Сорочья горы;	79 — Кулешово;	121 — Волосово;
1 — Котлубанка;	39 — Кулаево;	80 — Майланская;	122 — Садонный Бор;
2 — Захар-Калма;	40 — Рождественю;	81 — Галаккина гора;	123 — Панфиловская;
3 — Аверьяновка;	41 — Атабаево;	82, 83, 84 — I, III, V — Удельно-Шумецкие;	124 — Елня Бор;
4 — Березовка;	42 — Сюево;	85 — Вязликинская;	125 — Ибердус I;
5 — Царевское;	43 — Антоховское;	86 — Кр. Ярское;	126 — Ибердус II;
6 — Ягодное;	44, 45 — I — Карташикинское;	87 — Луговой Борок;	127 — Черная гора;
7 — Светлое озеро;	46 — II — Тетевская;	88 — Луговой Борок II;	128 — Владычико;
8 — Гульминская;	47 — Амбарское;	89 — I — Парижская Коммуна;	129 — Борья;
9 — III Урляевская;	48, 49 — II, V — Березогрянские;	90 — Безвольнинская;	130 — Логинская приозерная;
10 — Болгары;	50 — III — Малопинская;	91 — Бор-Мохолое;	131 — Нароватово;
11 — Новое Мордово;	51 — Балыское;	92 — Корнинская;	132 — Белево;
12 — I — Ново-Мордовское;	52 — Малые Огары;	93 — Балханийская;	133 — Теньгушево;
13 — I — Щербатовско-Островное;	53 — Нижний Услон;	94 — Б. Козанко I;	134 — Кокучаево;
14 — IV — Ембутаглинское;	54 — Малые Дербашки;	95 — В. Козанко IV;	135 — Мокшанская;
15 — «Курган»;	55 — III — Займищенская;	96—99 — Молитовка I — IV;	137 — Вельская;
16 — I — Марьяновское;	56 — V — Займищенская;	100—101 — I, II — Серовские;	138 — Иморка;
17 — I — Бояновское;	57, 58 — I, II — Сумские;	102 — Гавриловка I;	139 — Ширягуши;
18 — IX — Бояновское;	59 — ный горизонт);	103 — Гавриловка II;	140 — Озникский;
19 — I — Лебеланское;	60 — Зеленодольская;	104 — Решетиха II;	141 — Ковендрово;
20 — I — Курман-Касинская;	61 — Петропавловское;	105 — Гавриловка I;	142 — стоянки у озера Ерия;
21 — IV — Перомайская;	62 — Сострацкое;	106 — Сейма I;	143 — 144 — стоянки у Калашино-го затона;
22 — XVII — Кузьминская;	63 — Мало-Козулинская;	107 — Сейма IV;	145 — Терновка
23 — 25 — II — IV — Березогрянско-Алексеевские;	64 — Мало-Козулинское погребение;	108 — Диденки I;	
	65 — Круши;	109 — Диденки III;	
	66 — Яндашево;	110 — Охлопковское;	

лась широким стационарным исследованием. Накопленные материалы в какой-то степени позволяют остановиться на освещении основных спорных проблем культуры и этнической истории волосовских племен, чему и посвящается последующее изложение.

Для волосовской проблемы наиболее важной, и в то же время наиболее спорной, является вопрос о формировании культуры, а следовательно, и о происхождении волосовских племен. Одни исследователи²³ полагали, что волосовские племена формировались на базе местных волго-окских (балахинских и рязанских) неолитических племен. О. Н. Бадером²⁴ и мной²⁵, а затем и П. Н. Третьяковым²⁶ высказывалась мысль о вероятном происхождении волосовских племен на основе населения волгокамской неолитической культуры. Правда, позднее, ввиду отсутствия переходных памятников от эпохи неолита к волосовскому времени, мной было высказано предположение о возможно более южном происхождении волосовских племен²⁷. Ошибочность последнего предположения проявилась вскоре после того, как в Среднем Поволжье обнаружили ряд весьма архаичных волосовских памятников, в культурном отношении являющихся переходными от эпохи неолита к периоду раннего металла.

Особый интерес в этом отношении представляют раскопки Майданской стоянки на Волге и исследование в последние годы нескольких стоянок в приустьевой части р. Камы.

Майданская стоянка, открытая в 1958 г. у с. Майдан Горно-Марийского района Марийской АССР, на левом берегу Волги, недалеко от устья Ветлуги (рис. 33), в 1961 и 1966 гг. была подвергнута Марийской археологической экспедицией углубленному изучению. При этих работах на поверхности стоянки, имеющей площадь около 3000 кв. м, были выявлены 12 впадин от жилищ и проведены раскопки, вскрывшие остатки трех соединенных между собой жилищ — полуземлянок.

Контуры жилищных впадин (рис. 34) имели прямоугольную форму (7,5×7, 7×8 и 9×6 м). Стены котлованов почти отвесно опускались от верхнего края до дна на глубину 50—70 см. Сохранившиеся вдоль стен углистые полосы от сгоревших бревен, так же как и пята от столбовых ям, позволяют предполагать существование деревянных стен скорее всего в виде ряда бревен, положенных горизонтально друг на друга и прижатых между вертикально поставленными столбами к краю земляного котлована. Пол у обоих жилищ плоский, утрамбованный, сильно насыщенный углисто-гумусными остатками. На полу первого жилища обнаружены четыре очажные линзы и одна большая яма, а на полу второго — два очага и одна яма. Очаги имеют овальную форму и достаточно крупные размеры (1,5×1,55; 1×1,1 м). У первого жилища посредине длинной стороны отмечен выступ — ниша со столбовой ямкой по краю. В северо-восточном углу вто-

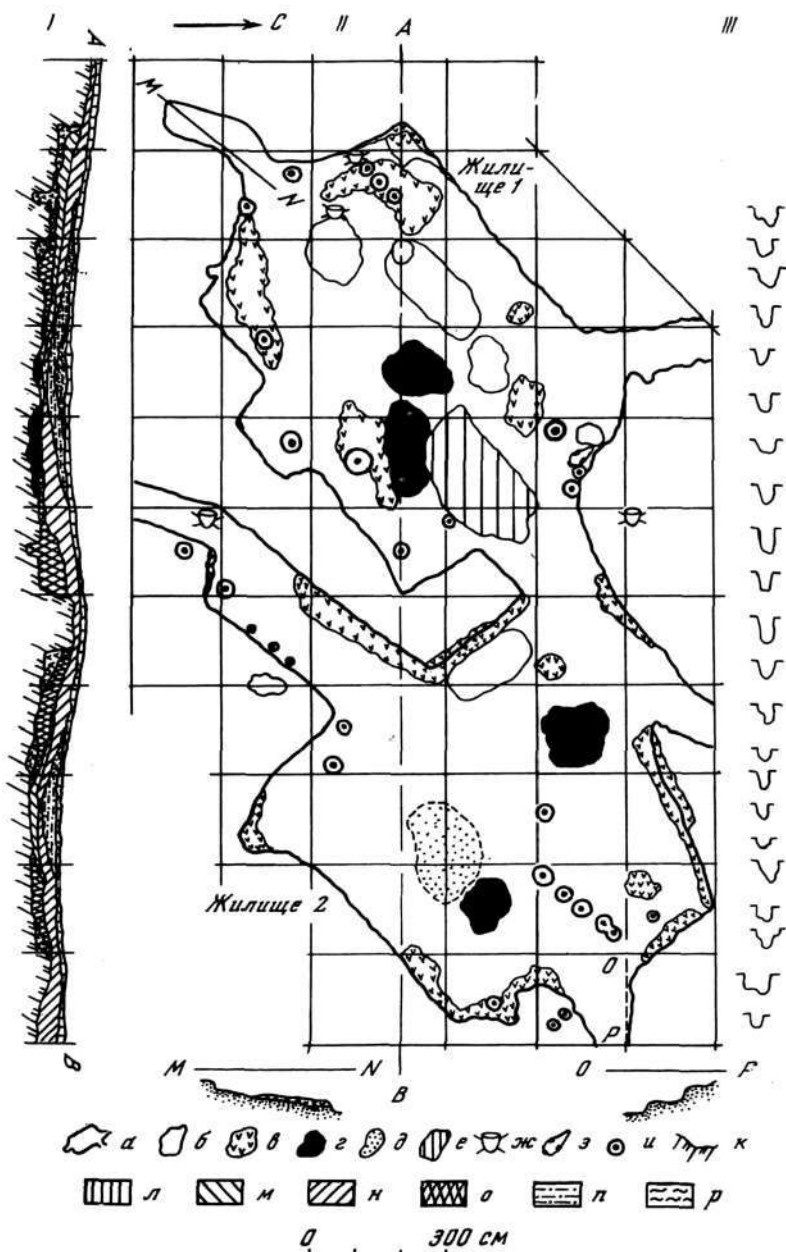

Рис. 34. Жилища Майдановской стоянки, вскрытые при раскопках 1961 г.

I—профиль; II—план; III—сечения столбовых ям: а—контуры жилища; б—контуры ям; в—углистое пятно; г—очажное пятно; д—песчаное пятно; е—поздняя яма; ж—сосуд; з—череп лося; и—столбовая ямка; к—материк; л—дери; м—серый песок; н—темно-серый песок; о—коричневато-серый песок; п—подзолистый песок; р—подзолистая супесь

рого и западном углу первого жилища прослежены следы от ряда столбовых ямок округлой формы диаметром в 30—50 см и глубиной 25—55 см. Здесь же отмечена наибольшая насыщенность пола углистыми включениями. Не исключено, что это остатки боковых нар. В заполнении пола и очажных пятен зафиксированы обломки сосудов и отдельные каменные орудия.

Изученные жилища, судя по конструктивным остаткам, представляли собой полуземлянки, соединенные между собой переходами. Поселок, вероятно, состоял не менее чем из 12 подобных жилищ. Таким образом, для раннего волосовского периода следует предполагать значительное увеличение площади поселений и количества жилищ по сравнению с неолитическим временем. Этот процесс, очевидно, был вполне закономерным, ибо для конца неолита мы уже отмечали тенденцию к увеличению поселков и жилищ.

При раскопках жилищ Майданского поселения и окружающего их интенсивно гуммированного слоя в 1961 г. собран значительный материал, представленный фрагментами керамики (более 1500 фрагментов), каменными орудиями и отходами их производства (526 экз.), а также обломками костей животных. Керамика по фактуре и обработке поверхности подразделяется на две группы: абсолютно преобладают фрагменты с пористой структурой от примесей каких-то органических остатков (92% всей керамики), но есть и фрагменты с более плотным тестом (8%), отощенным песком и шамотом. По форме и орнаментации эти группы фактически не отличаются друг от друга. Всего по верхним частям удалось выделить 74 сосуда, имевших довольно крупные размеры (диаметры горла от 30 до 50 см). Форма почти всех без исключения сосудов вытянуто-полуяйцевидная, приближающаяся к котловидной, с преобладанием прямого (рис. 35, 5, 6), иногда даже слегка открытого (рис. 35, 3) горла, хотя треть сосудов сохраняла прежнюю неолитическую форму с закрытым горлом (рис. 35, 1, 4). Среди имеющихся фрагментов днищ, а также среди целых или реконструированных сосудов, отсутствуют плоские и обычные округлые, хотя были также и коническо-приостренные и уплощенные (рис. 35, 2, 6). Интересны и своеобразны края горла — в общей массе (68,7%) преобладают расширенные или утолщенные по сравнению со стенками края (рис. 35, 3—6; табл. Г), хотя высок процент (более 30%) сосудов, края горла которых по толщине равны стенкам и имеют плоский срез (рис. 35, 2, табл. Г) или даже слегка утоньшены и приострены (рис. 35, 1). Среди первых встречались больше сосудов с небольшим расширением края по внешней стороне (38%); (табл. Г; рис. 35, 5) и немного сосудов с краем горла, расширенным в обе стороны (около 13%; табл. Г; рис. 35, 6) или внутрь сосуда (18%). Следует отметить, что для всех этих сосудов характерен плоский срез края сверху. Поверхность большинства

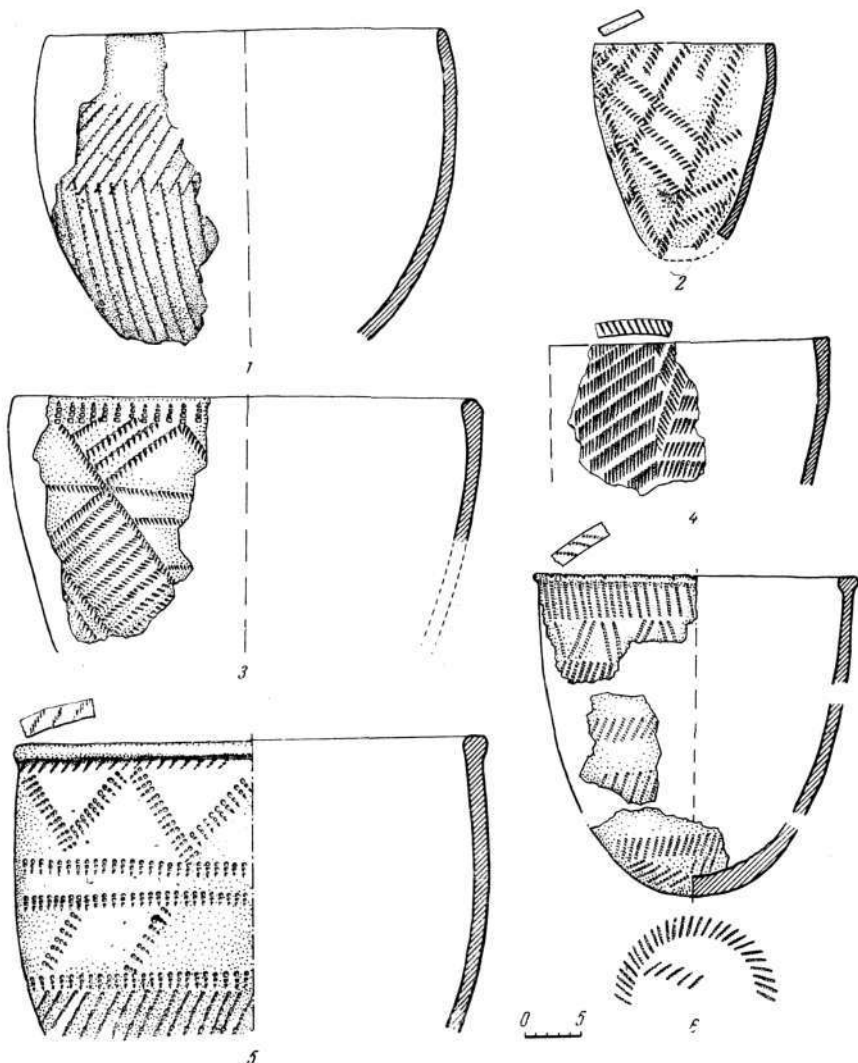

Рис. 35. Ранневолосовские сосуды Майданской стоянки (1—6)

сосудов заглажена, но не имеет такого блестящего оттенка и не такая гладкая, как у неолитических, а, наоборот, ввиду обилия примесей органических остатков носит более грубый характер (рис. 36). Вместе с тем до 41% сосудов изнутри обработаны горизонтальной штриховой зачисткой, выполненной щепой или зубчатым штампом.

Абсолютное большинство сосудов по внешней поверхности было орнаментировано, хотя встречены фрагменты и неорнамен-

ТАБЛИЦА 1
Развитие основных черт вологоской керамики

Этап	Период	№	Столбца	Примеси			Обработка поверхности			Форма горла			Открытый край изделия, %						Степень ориентации																																
				песок и шамот, %	органические остатки, %	толчая раковина, %	заглаженная, %	защита шпирковой зачисткой, %	закрытое, %	прямошное, %	открытое, %	раструбом, %	с наружи и изнутри, %	с наружи и по краю, %	без орнамента, %																																				
III	Вторая четверть II тысячелетия до н. э.	10	Пафиловская Садовый Бор	5470-670	1	70	29	80	20	22	26	10	42	17	8	23	9	18	8	4	13	26	20	65	80	10																									
																											1200	12	70	18	75	25	30	5	10	—	2,5	33,5	5	20	5	26	8	26	8	26	2	59	2		
																											1260	—	70	30	79	21	37	16	15	20	9	35	9	4	3	26	8	8	2	5	59	2			
																											300	—	20	80	60	40	45	10	5	—	50	—	14	—	—	26	10	—	—	—	50	15			
																											400	8	92	75	75	20	57	38	5	—	31	—	9	—	—	40	—	—	—	15	50	15			
																											2700	—	60	40	70	30	20	65	5	10	60	—	5	—	—	5	—	—	—	5	70	5			
																											800	11	89	—	52	48	85	25	10	—	82	—	6	—	—	12	—	—	—	3	70	10			
																											700	6	62	32	?	?	60	40	—	—	40	—	30	30	—	—	—	—	—	—	5	20	8		
																											I	Рубеж III—II тысячелетия до н. э.	1	Малайская	1586	8	92	—	59	41	33	44	23	—	31	18	38	—	—	—	13	—	5	50	13
Володары IV	—	70	30	79	21	37	16	15	20	9	35	9	4	3	26	10	—	—	5	59	2																														
Токари	—	20	80	60	40	45	10	5	—	50	—	14	—	—	26	10	—	—	—	50	15																														
Рутки скаля	8	92	75	75	20	57	38	5	—	31	—	9	—	—	40	—	—	—	15	50	15																														
Вологовская	—	60	40	70	30	20	65	5	10	60	—	5	—	—	5	—	—	—	5	70	5																														
Сумская	11	89	—	52	48	85	25	10	—	82	—	6	—	—	12	—	—	—	3	70	10																														
III Удьяно-Шумецкая	6	62	32	?	?	60	40	—	—	40	—	30	30	—	—	—	—	—	—	5	20	8																													

тированной керамики (13%). Примечательно, что у половины сосудов были украшены и плоские края венчиков (рис. 35, 2—6), а в нескольких случаях орнамент переходил и на внутреннюю сторону сосуда (рис. 35, 5).

Стиль орнаментации по сравнению с неолитической керамикой грубый и можно сказать неряшливый. Ведущей техникой нанесения орнамента здесь становятся шнуровые оттиски почти одного вида — отпечатки навитой на стержень веревочки (40%; табл. Г; рис. 35, 2—3; 36, 14). Примерно также часто встречаются узоры, выполненные оттисками зубчатого штампа, — длинного со средними и короткого с крупными зубцами (рис. 35, 36). На одном сосуде прослежен орнамент, выполненный оттисками двойной, или парной гребенки, а 14% орнаментированной керамики было украшено узорами из прочерченных линий (рис. 36, 3). Наконец, на двух сосудах был встречен узор из отпечатков ямок неправильной формы.

Неряшливые и бессистемные на первый взгляд орнаментальные узоры при более или менее полной их реконструкции дают сложные мотивы в виде сочетаний горизонтальных зон с крупными заштрихованными зонами, расположенными вертикально или по диагонали (рис. 36, 1, 3, 4), в виде крупной сетки (рис. 35—2), или вертикальных и диагональных линий с ответвлениями. Вместе с этим в ряде случаев сохраняется и строгая горизонтальная зональность (рис. 35, 1, 5). Но характерной особенностью орнаментальной системы является переход от горизонтальных зон к вертикальным или диагональным полосам в сочетании с горизонтальными линиями (рис. 35, 3, 4).

Кроме фрагментов сосудов, на стоянке найдено пять глиняных кружочков из стенок сосудов со шлифованными краями, а иногда с просверленными в центре отверстиями. Вероятно, они являлись своеобразными маховиками для веретен, т. е. пряслицами.

Достаточно значительное место в коллекции занимают каменные изделия (более 100 предметов) и отходы их производства. Характерно, что абсолютное большинство представлено валунами кремнем коричневатых оттенков и окремнелым белым известняком. Вместе с тем есть также и изделия из плитчатого кремня и других пород камня (кварцит, песчаник и гранит). В обработке камня господствовала макролитическая техника, хотя встречаются также ножевидные пластины и орудия из них, которые по отношению к отщепам и орудиям из них составляют примерно 7%.

Довольно много в коллекции крупных долотовидных орудий и их обломков. Это асимметричные долота, трехгранные в сечении, с плоским брюшком и высокой спинкой, среди которых встречаются долота с узким и длинным желобчатым выемом лезвия (один целый и три обломка; рис. 37, 15), хотя преоблада-

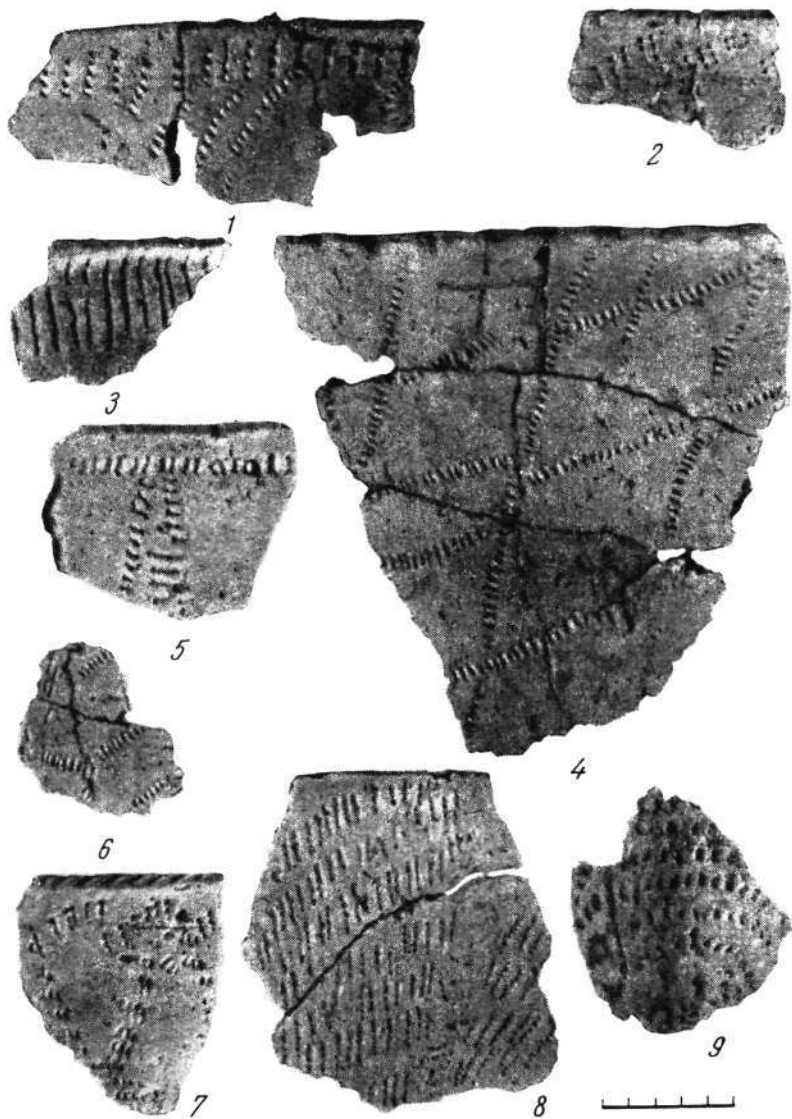

Рис. 36. Керамика Майданской стоянки (1—9)

дают простые экземпляры (два целых и девять обломков; рис. 37, 18). Тесла также асимметричны, но в отличие от долот они короткие и имеют расширенное лезвие. В сечении они все трапециевидные, но если у одних грань спинки равномерно опускается к лезвию, то у других лезвие широко отшлифовано, захватывая и грани спинки. Кроме того, на стоянке обнаружены клиновидный топор из шлифованного плотного кварцита, две мотыжки из такого же камня и молот-пест полуцилиндрической формы, сделанный из плохо отшлифованного гранита со следами желобчатого перехвата.

Значительное место среди орудий занимают скоблящие и режущие инструменты — ножи и скребки. Скребки и скобели (56 экз.) в большинстве случаев изготовлялись из прочных цветных кремневых пород. По характеру лезвия они подразделяются на несколько типов: концевые на отщепе неправильной формы с прямым лезвием, обработанным крупной высокой ретушью (рис. 37, 19, 5 экз.); концевые, вытянутой треугольной формы, с округлым лезвием и обработанными ретушью краями (11 экз., рис. 37, 12); концевые, с дублированными лезвиями (2 экз., рис. 37, 14); концевые, короткие подквадратной формы (5 экз., рис. 37, 13); боковые скребки с лезвием по одной (4 экз.) или обоим (5 экз.) сторонам; угловые, с лезвием по боковому и концевому краям отщепе, расположенным под прямым углом друг к другу (10 экз., рис. 37, 11); скребоквидные отщепы и скребки на обломках других орудий (5 экз.).

Скобели в отличие от скребков имеют выемчатое лезвие. Всего их девять; среди них выделяется скобель на длинной пластине коричневатого кремня с широким лезвием и скобель на отщепе с небольшими рабочими выемами абразивного типа.

Своеобразную промежуточную группу между скребками и ножами составляют скребоквидные ножи-«ложкари», из которых пять экземпляров имеют приостренно-скошенное лезвие, по одному — скошенно-округлое и приостренно-прямое лезвия. Почти все ножи, за исключением шести ножевидных пластин — со следами краевой ретуши, выполнены на крупных кремнях. Среди них выделяются ножи, лезвия которых имеют одностороннюю ретушь (9 экз.), и ножи с двусторонне обработанными лезвиями (7 экз.). По форме лезвия наблюдаются следующие разновидности: однолезвийные с прямым или слегка выпуклым лезвием; однолезвийные с вогнутым лезвием, близкие к так называемым саблевидным ножам; двулезвийные на кремневых плитках с прямым лезвием (3 экз.); оригинальный нож на крупном куске кремня с приостренным лезвием и упором со стороны спинки (рис. 37, 17); заготовка листовидного ножа с пуговкидной рукояткой. Встречены также два резчика на пластинках.

Наконечники стрел немногочисленны. Среди них преобладают вытянуто-листовидной формы (6 экз., рис. 37, 2), но более

характерны подромбические (1 экз.) или подтреугольные (4 экз., рис. 37, 1) с намеченным черешком.

Сверла и проколки, изготовленные на отщепах или трехгранных кремнях, имеют обычно короткое или слегка вытянутое колющее острие. Характерно наличие среди них комбинированных орудий — проколки-скребка и проколки-скобеля.

Оригинальной находкой 1958 г. является кремневая антропоморфная фигурка (рис. 37, 5).

Особенно важной находкой для датировки Майданской стоянки является янтарная подвеска, обнаруженная в верхнем культурном слое. Подвеска, в значительной степени разрушенная, относится к типу симметричных подвесок, по классификации А. Бругера и А. Я. Брюсова. Она плоская, овальной (приближающейся к каплевидной) формы, с линзовидным сечением (3,3×2,2 см) и следами коротких выемок по краю (рис. 37, 4). В верхнем конце подвески — полукруглый выем, ниже которого — сквозное отверстие для подвешивания. Аналогичные типы янтарных привесок, имеющие восточно-балтийское происхождение и обнаруженные на ряде памятников Прибалтики (стоянка Акали)²⁸, датируются или концом III, или, может быть, самым началом II тысячелетия до н. э.²⁹ Значительное число янтарных подвесок, близких к подвеске из Майданской стоянки, обнаружено в 1963 г. И. А. Лозе и Ф. А. Загорским на поселениях Пиестине и Найниксте в бассейне Лубанского озера в Прибалтике. Оба поселения датируются авторами второй половиной III и началом II тысячелетия до н. э. Между прочим, в прибалтийских памятниках первой половины II тысячелетия до н. э. подобных янтарных привесок уже неизвестно. Там они заменяются привесками подтреугольной или подтрапециевидной форм³⁰.

Таким образом, янтарная подвеска датирует основной слой Майданской стоянки концом III тысячелетия до н. э. или скорее рубежом III—II тысячелетия до н. э. Вместе с тем культура стоянки уже отличается от неолитической и по целому ряду признаков может быть названа волосовской. Действительно, в материале Майданской стоянки наблюдаются почти все основные черты, характерные для памятников волосовской культуры: соединенные полуземлянки; толстостенная глиняная посуда с примесью толченых раковин или растительности и своеобразным орнаментом; специфичные типы орудий — скребковидные ножи, угловые скребки, скобели на отщепах, желобчатые долота, подтреугольные наконечники стрел и дротиков с выделенным черешком, а также фигурные кремни.

Вместе с тем здесь еще отмечаются и архаичные, можно сказать, неолитоидные черты, которые представляют особый интерес для происхождения культуры Майданской стоянки, а вместе с ней и, очевидно, волосовской культуры.

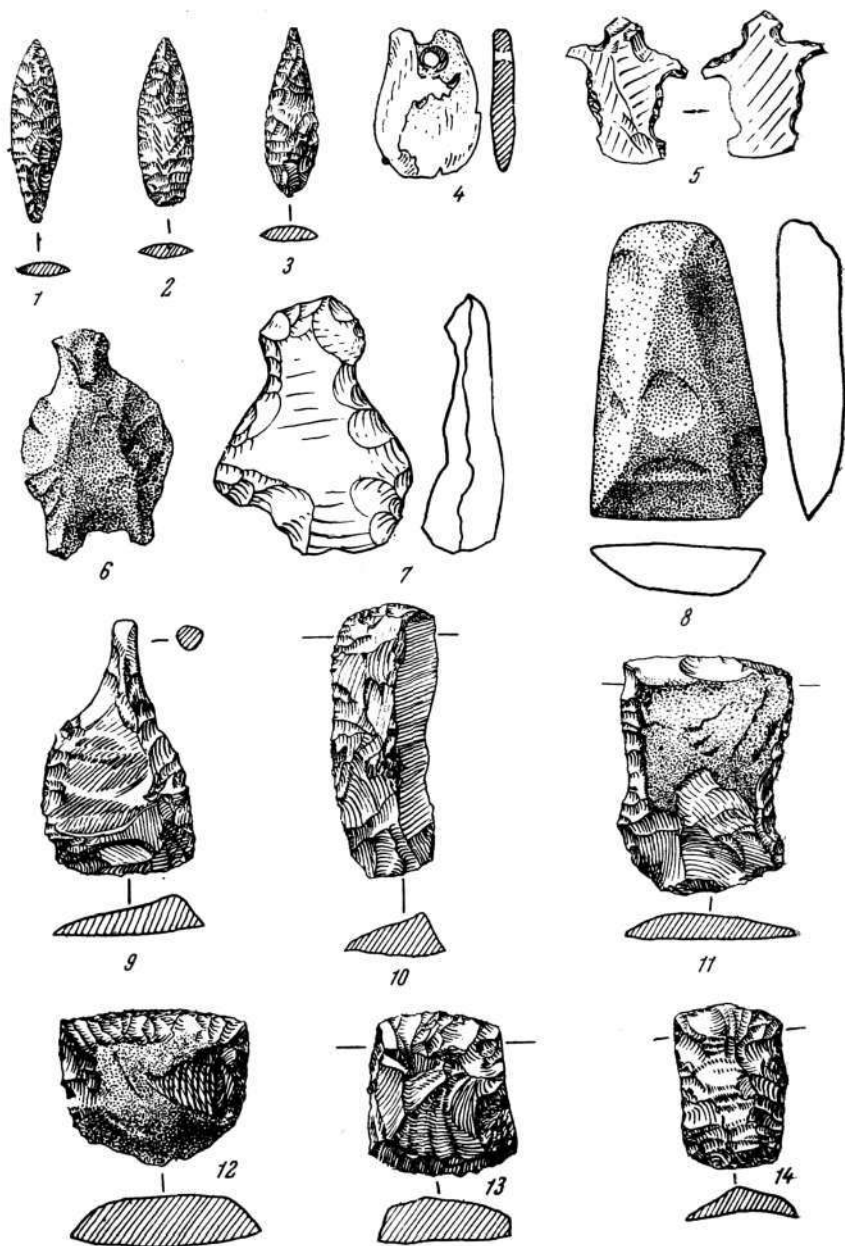
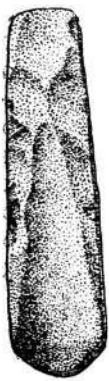

Рис. 37. Янтарная подвеска (4) и каменные изделия из волосовских памятников Среднего Поволжья

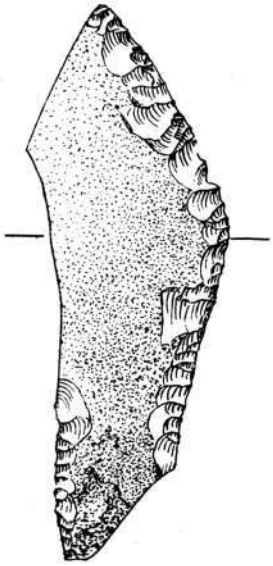
1, 2, 3, 4, 5, 8, 12, 17—Маяданская стоянка; 3, 9—11, 18—20—Сумская стоянка; 6—Мало-Кокузинская стоянка; 7—Сикеево

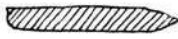
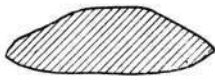
15

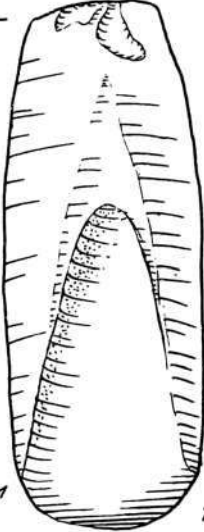
16

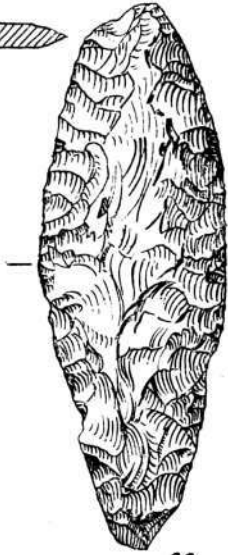
17

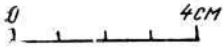
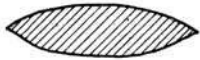
18

19

20

Но с каким же неолитическим кругом могут быть увязаны эти архаичные черты культуры Майданской стоянки? Ведь в Среднем Поволжье в период, предшествовавший распространению памятников волосовского типа, размещались по крайней мере две большие культурные группы: балахнинская — на западе и волго-камская — на востоке. Причем, район Среднего Поволжья в приустьевой части р. Ветлуги, где расположена Майданская стоянка, был занят племенами балахнинской культуры. Естественно поэтому вслед за А. Я. Брюсовым³¹ и И. К. Цветковой³² предположить, что культура волосовского типа возникла на базе предшествующей балахнинской культуры.

Для того чтобы приблизиться к решению вопроса сложения волосовской культуры, нам придется произвести сопоставление материалов поздненеолитических (балахнинских и волго-камских) и ранневолосовских памятников.

Возьмем жилища. Для балахнинских памятников как ранних (Саконы, V Удельно-Шумецкая), так и поздних (средний горизонт III Обсерваторской) характерны полуземлянки вытянутой прямоугольной формы с очагами, расположенными по длинной оси пола (рис. 26). Для волго-камских племен западных районов издревле были характерны подквадратные полуземлянки с шатровым перекрытием и бревенчатой обкладкой стен, укреплявшихся вертикальными столбами (II Лебединская стоянка; рис. 15). Сопоставляя подквадратные жилища Майданской стоянки (рис. 34) с жилищами неолитического времени, мы найдем гораздо больше пережиточных черт, характерных для западных памятников волго-камской культуры (подквадратная форма, крепление стен бревнами, зажатými вертикальными столбами, расположение очагов в одной стороне дома, угловое размещение нар и т. п.), чем для балахнинского домостроительства. Между прочим, как уже неоднократно отмечалось, подквадратная форма домов является чертой, которая была присуща уральскому и западносибирскому финно-угорскому населению³³. Подквадратной формы полуземлянки с преимущественной шатровой крышей, соединенные друг с другом переходами, были характерными почти на всем протяжении II тысячелетия до н. э. для волосовских, родственных им гаринских³⁴, генетически связанных с волосовскими ранних приказанских³⁵ и чирковско-сейминских (см. Галанкину году)³⁶ поселений.

Для позднебалахнинских памятников свойственны глиняные сосуды вытянутых пропорций, с округлыми днищами и прямым горлом, иногда с намеченной шейкой, завершенным округлым краем венчика (рис. 25, 7, 9). Поверхность их почти сплошь украшена ямочно-гребенчатым орнаментом, причем ямки неглубокие, а гребенчатые отпечатки широкие и короткие. Эта керамика по всем основным признакам отличается от волосовской.

Для самых поздних стоянок западной группы волго-камской культуры (II и III Старо-Мазиковские)³⁷ характерны сосуды котловидной или полужайцевидной форм с приотстренным, округлым, редко уплощенным и даже плоским дном и с венчиками, имеющими или приотстренно-скошенный, или уплощенно-расширенный в стороны край. Основной примесью в тесте является песок, хотя наряду с этим отмечается редкое употребление каких-то органических примесей. Поверхность хорошо заглажена, но изнутри некоторых сосудов отмечены следы штриховой зачистки. В орнаментации, выполненной оттисками зубчатого штампа и реже — прочерченными линиями, появился ряд элементов, ставших характерными для последующего волосовского времени — отпечатки перевитого шнура, узоры в виде крупной сетки, вертикальные зоны и т. п.³⁸ Между прочим, в орнаментации керамики II Старо-Мазиковской стоянки совершенно отсутствуют оттиски шагающей гребенки и отступающей лопаточки³⁹. Сопоставление керамики мазиковских стоянок с ранневолосовской показывает достаточно близкое их сходство.

Но особенно большая близость между материалами Майданской стоянки, а через нее и ранних памятников волосовского типа и поздних волго-камских стоянок, прежде всего II и III Старо-Мазиковских, проявляется при сопоставлении кремневого инвентаря. Пожалуй, среди орудий Майданской стоянки нет ни одного предмета, аналогия или прообраз которому не имелся бы в материале поздних волго-камских стоянок. Так, для волго-камских стоянок, начиная с самого раннего времени, были весьма характерны крупные асимметричные долота с горбатой спинкой, но пока еще без желобчатого выема по лезвию. Но уже в поздних волго-камских комплексах появляются и желобчатые долота, ставшие затем одними из характерных орудий волосовской и приказанской культур. Также рано в волго-камском неолите возникают и характерные волосовские тесла с трехгранной спинкой, но пока еще без желобчатого выема по лезвию. Все типы мелких орудий (скребки, скребковидные ножи, скобели, проколки, наконечники стрел и т. п.) с Майданской стоянки представлены и в материалах II и III Старо-Мазиковских стоянок. В то же время в кремневом инвентаре позднебалахнинских стоянок отсутствуют многие предметы, характерные для Майданской и других ранневолосовских памятников (долота, скребковидные ножи, концевые скребки подтреугольной формы, дублированные скребки, ножи на плитчатом кремне, подтреугольные наконечники стрел с выраженным черешком, скобели, комбинированные орудия и т. д.).

Приведенные сопоставления позволяют считать, что культура Майданской стоянки, а посредством ее и раннего этапа северной группы волосовских племен, вырастает на базе культуры западной группы племен позднего волго-камского неолита.

Однако выводить целиком всю волосовскую культуру из районов казанского или казанско-марийского Поволжья было бы неправильно⁴⁰. Вероятно, процесс формирования волосовской культуры протекал на значительно более широкой территории, хотя повсеместно основой сложения волосовских племен служили племена волго-камской культуры. Обратимся в этом плане к материалам других ранневолосовских памятников, синхронных Майданской стоянке.

Рассмотрим вначале наиболее близкие к Майданской стоянке районы Среднего Поволжья. Изучение коллекций всех известных в настоящее время памятников позднего неолита и раннего металла этого района позволяет предполагать, что в конце III тысячелетия до н. э. бассейн р. Ветлуги уже был прочно освоен поздним волго-камским и ранневолосовским населением. В этом отношении наиболее важным памятником является стоянка «Паново городище», обнаруженная в верхнем течении р. Ветлуги у с. Рождественское бывшего Ветлужского уезда Костромской губернии и обследованная в 1925 г. экспедицией под руководством Б. С. Жукова. Стоянка в целом была датирована О. Н. Бадером второй половиной II тысячелетия до н. э. Ознакомление с коллекцией из этого памятника показало, что здесь имеются остатки по крайней мере пяти или шести разновременных комплексов от позднего неолита до эпохи железа. Наиболее ранняя группа, состоящая из фрагментов керамики с примесью растительных остатков в тесте, по форме (закрытые или прямошейные сосуды с округлым дном) и по орнаменту, выполненному оттисками зубчатого штампа и перевитой веревочки⁴¹, очень близка к керамике Майданской стоянки. Возможно даже, что она немного более раннее Майданской, так как в ней еще сохранились такие волго-камские реликты, как «наплав» с внутреннего края венчика, а также некоторые позднебалахнинские черты — неглубокая полушаровидная ямка.

Вероятно, в период существования Майданской стоянки население ранневолосовского типа обитало и в Вятско-Ветлужском междуречье. Здесь, как мы уже отмечали выше, в период позднего неолита в основном было распространено население с культурой волго-камского типа, если не считать Чирковскую стоянку, в культуре нижнего слоя которой усматривались позднебалахнинские черты. Но в то же время в слое и этой стоянки найдены отдельные фрагменты керамики, орнаментированные оттисками перевитой веревочки⁴², а также ряд типично ранневолосовских, или майданских, орудий — желобчатое долото, скребковидные ножи, ножи-резчики, наконечник стрелы подтреугольной формы с прямоугольным черешком и т. п.⁴³ Поэтому я первоначально даже был склонен датировать памятник второй четвертью II тысячелетия до н. э. Но сопоставление материалов Чирковской стоянки с майданской коллекцией убеждает в их

близости и, вероятно, в их хронологической сходимости. Чирковскую стоянку следует определить рубежом III—II тысячелетия до н. э. и рассматривать как памятник, свидетельствующий об ассимиляции разрозненного позднебалахнинского населения северных междуречных районов Среднего Поволжья ранневолозовскими племенами на их майданском этапе развития.

Далеко на запад от Майданской стоянки по Волге в последние годы зафиксирована еще одна весьма ранняя волосовская стоянка, которая также тесно связана по своему происхождению с волго-камской неолитической культурой — имеется в виду открытая в 1963 г. М. П. Зиминой в Боровичском районе Новгородской области стоянка Репище*.

Ранневолозовская керамика этой стоянки близка к майданской и, очевидно, синхронна ей. Сходные керамические комплексы, по мнению П. Н. Третьякова⁴⁴, имеются также на Бологовской и Кончанской стоянках в этих же районах. П. Н. Третьяков относит к числу ранневолозовских памятников и Языковский могильник на Верхней Волге.

Описанные материалы позволяют предполагать, что уже с самого начала своего развития волосовские племена, сформировавшие свою культуру на основе волго-камской неолитической, заселяли отдельные районы верховий Волги, а может быть, и проникали западнее.

Особенно насыщенными в ранневолозовское время, очевидно, были районы нижнего течения р. Свияги, Казанского Поволжья и прилегающих к нему участков Нижней Камы (рис. 33). В бассейне Свияги за послевоенные годы было открыто несколько интересных памятников, в том числе Петропавловское и Состринское поселения и Мало-Кокузинское поселение с погребением.

Керамика этих памятников представлена в основном фрагментами крупных сосудов с примесью органических остатков, по форме еще очень напоминающих неолитические (рис. 38, 5, 7). Но наряду с этим встречаются также и сосуды, край венчика которых уплощен и имеет орнаментальную нарезку. Такая же картина наблюдается и в орнаментации — в основном здесь преобладают узоры, выполненные отпечатками среднезубчатого штампа в виде обычных поздненеолитических рядов скошенных линий, разделенных на горизонтальные зоны (рис. 38, 5), но вместе с тем встречаются сосуды, поверхность которых украшена отпечатками перевитого шнура, обычно нанесенного в виде длинных вертикальных линий или крупной сетки (рис. 38, 7). Ранний облик имеет и кремневый инвентарь, представленный на указанных памятниках почти всеми типами ведущих орудий волосовского типа: долота с желобчатой выемкой, плоские тесла, скреб-

* Пользуюсь случаем выразить М. П. Зиминой благодарность за представленную возможность ознакомиться с материалами этой стоянки.

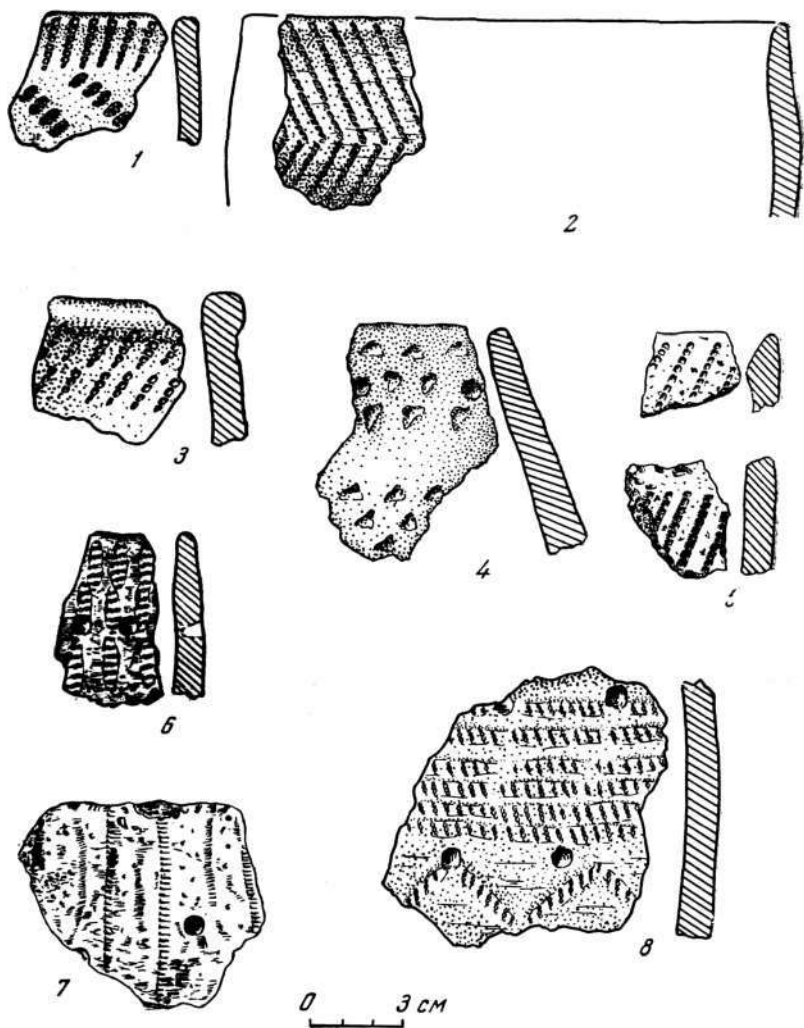

Рис. 38. Ранневоловская керамика Среднего Поволжья и Нижнего Прикамья
 1, 3, 6 — III Матюшинская стоянка; 2 — IV Ембулатихинская стоянка; 4 — I Карташинская стоянка; 5 — Петропавловская стоянка; 7 — Мало-Кокузинская стоянка; 8 — поселение «Курган»

ки разных форм, скобели, дублированные и комбинированные орудия, проколки и т. п. Интересна антропоморфная фигурка из кварцита, обнаруженная на М. Кокузинском поселении (рис. 37, б). В пережиточном виде на всех памятниках сохраняются и орудия на ножевидных, обычно крупных, пластинах — кожи, концевые скребки и пластины. На Мало-Кокузинском поселении вскрыты остатки одного погребения, совершенного в неглубокой яме (210×95 см), вытянутой с юго-запада на северо-восток и имевшей глубину в 65—70 см. Слабо сохранившийся костяк лежал на спине, был ориентирован головой на юго-запад, в нескольких местах присыпан углем и охристой крошкой. Стратиграфически погребение увязывается с поселением, что дает возможность говорить об их синхронности. Следы подсыпки охрой, очевидно, являются в данном случае неолитическим реликтом.

В 1964—1966 гг. в результате проводившихся работ по левому берегу Волги до устья р. Казанки и далее до устья Камы были обнаружены остатки ряда архаичных волосовских стоянок — III Магюшинской, II Березогривской, V Березогривской, II Амбарской и III Карташихинской. Кроме того, фрагменты керамики ранневолосовского типа были найдены и при раскопках I Карташихинской стоянки в 1952 г. Керамика, собранная на всех этих памятниках, имеет переходный характер. Форма сосудов еще сохраняет неолитические традиции. Это в основном котловидные сосуды с полузакрытым горлом (рис. 38, 2, 4). В тесте больше примесей песка, чем растительных остатков. Но вместе с тем орнамент керамики состоит сплошь из отпечатков крупнозубчатого штампа и перевитого шнура, которыми исполнены типичные ранневолосовские узоры в виде крупной сетки и крутого зигзага, приближающегося к мотиву «шагающей гребенки».

Выразителен кремневый инвентарь, включающий и классические желобчатые долота, плоские тесла с трехгранной спинкой, многочисленные наконечники стрел, скребки, ножи и т. п.

По левому берегу приустьевой части Камы к числу ранневолосовских памятников можно отнести: I Ново-Мордовскую, I Шербетьско-Островную, IV Ембулатихинскую, «Курган», I и IX Бозяковские, I Березовогривскую, I Курман-Касинскую, XVII Кузькинскую, IV Березогривскую стоянку у Алексеевска, VI Саканскую и Байтеряковско-Мысовскую стоянки.

Керамика почти на всех памятниках состоит из двух групп — поздненеолитической волго-камского облика и ранневолосовской, что показывает преемственное развитие культуры одного и того же населения. Об этом же свидетельствует и характер основной группы керамики, определенной как ранневолосовская. Последняя по форме мало чем отличается от поздненеолитической. Это обломки, очевидно, кругло- и остродонных сосудов котловидной формы, но с более прямыми и толстыми стенками, чем

неолитические (рис. 38, 1, 4). Края горла их обычно плоские, иногда с небольшим отгибом и расширением наружу, но встречаются также и приостренные, и даже слегка утолщенно-скошенные внутрь края. От позднеолитической керамики она в основном отличается примесью в тесте органических остатков (на поселении «Курган» керамика, извлеченная из сильно гуммированного слоя, имела сохранившуюся примесь толченых раковин), а также некоторыми новыми элементами в технике исполнения узоров и системе расположения орнамента. Последний выполнен в большинстве случаев оттисками средне- и крупнозубчатого штампа, реже — вдавлениями перевитого шнура и ямчатыми углублениями (рис. 38, 2, 8). Встречаются оттиски и «шагающей гребенки». Характерно густое заполнение орнаментального поля и горизонтальная зональность. Здесь пока нет и традиционной для волосовского орнамента крупной «сетки» и линий с ответвлениями типа рис. 36, 2, 3.

К этой же нижнекамской группе ранневолосовских памятников следует отнести остатки поселения на Гулькинской стоянке в устье р. Утки, где А. В. Збруевой в 1950 и 1953 гг. была обнаружена керамика ранневолосовского типа⁴⁵, украшенная орнаментом из оттисков зубчатого штампа, редко — перевитого шнура. Характерна орнаментация, выполненная оттисками «шагающей гребенки», а также специфично нанесение по краю горла ямочных углублений в один ряд⁴⁶.

Нижней Камой, очевидно, ограничивалась территория распространения ранневолосовских племен. Далее вверх по Каме и Белой на грани III—II тысячелетия до н. э., по-видимому, обитали родственные ранним волосовцам племена, культура которых также развивалась на базе позднеолитической волгокамской культуры. Памятники, оставленные этим населением, условно можно подразделить на три группы — среднекамскую⁴⁷, верхнекамскую (левшинскую)⁴⁸ и бельскую⁴⁹.

Все отмеченные группы памятников, несмотря на развитие их культуры на общей основе, с переходом в эпоху раннего металла, также начинают различаться между собой. Причем, черты различия выступают почти во всех особенностях материальной культуры. Так, если для ранневолосовских племен характерны соединенные полуземлянки, то на Каме сохраняются еще длинные дома; если на Волге вся керамика уже изготовлена из глины с растительной примесью и орнаментирована преимущественно оттисками перевитой веревочки и гребенчатого штампа, то на Каме сохраняется еще неолитическая посуда с песком и гребенчато-зональным орнаментом. Также отличен и кремневый инвентарь. Однако нельзя забывать и сходных черт, ибо генетическое родство населения ранневолосовской и левшинской культурных групп несомненно. Но различий больше, поэтому есть основания утверждать, что на рубеже III—II тысячелетий до н. э.

волго-камская неолитическая общность распалась на отдельные группы. И если на Каме это были группы левшинского типа, культура которых легла в основу турбинской, то в Среднем Поволжье выделяются группы ранневолосовского типа.

Выше при анализе материалов позднего периода волго-камского неолита было замечено, что в III тысячелетии до н. э. юго-западные племена волго-камской неолитической культуры были сжаты в верховьях р. Суры, Мокши и Цны с юга древнеямными, а с севера — балахнинскими племенами, для которых была характерна ямочно-гребенчатая керамика. Однако ближе к концу III тысячелетия до н. э. картина меняется. По р. Волге с востока на запад продвигаются потомки волго-камского населения — средневолжские племена ранневолосовской культуры. На юго-западе, в бассейне Суры, Мокши, Цны и среднего течения Оки усиливается юго-западная группа племен волго-камской культуры, в состав которой, возможно, вошла часть днепро-донецкого населения, вытесненная в середине III тысячелетия до н. э. из бассейна р. Донец древнеямными племенами⁵⁰.

Очевидно, в непосредственную связь с этими явлениями следует поставить увеличение в бассейне верховий р. Суры, Мокши и среднего течения Оки числа памятников с позднеолитическими или ранневолосовскими чертами. На стоянке у озер Долгое и Ерни в окрестностях г. Пензы вместе с неолитической керамикой, покрытой орнаментом из оттисков «отступающей лопаточки», в 1920—1929 гг. были обнаружены фрагменты керамики с примесью в тесте растительных остатков и орнаментом, выполненным оттисками перевитого шнура и крупнозубчатого штампа (рис. 39, 3, 4, 8—11). Характерна выраженная профилировка горла этих сосудов с плоско срезанным краем венчика. В этой же коллекции имеются кремневые орудия волосовского типа — долота с желобчатым лезвием, наконечники стрел, различные скребки, скребковидные ножи и т. п. Интересно наличие асимметричных наконечников стрел с выемчатым основанием и опущенным боковым шипом. Подобные наконечники, обработанные уплощенной струйчатой ретушью, обычны для южных районов Восточной Европы рубежа III—II тысячелетий до н. э.⁵¹ На возросшие связи населения стоянок в окрестности г. Пензы с южными районами указывают и находки ранних типов медных шильев с коротким утолщенно-ромбическим насадом.

Другая стоянка, содержащая керамику с ранневолосовскими чертами, была обнаружена П. В. Харламовичем в 1947 г. у с. Терновка, несколько выше Пензы по р. Суре. На запад и северо-запад от Суры вплоть до рязанско-касимовского участка р. Оки известна серия памятников ранневолосовского облика.

Так, в коллекциях из стоянки Озименки на р. Мокше, собранных в 1953 г. М. Е. Фосс и в 1960 г. М. Ф. Жигановым, а также

на Когендровской стоянке, выше г. Наровчата, имеются типичные фрагменты ранневолосовской керамики, изготовленные из глины с примесью растительных остатков и покрытые по внешней поверхности разреженным узором в виде крупной сетки из отпечатков свернутой в узелок перевитой веревочки (рис. 39, 12). Полузакрытая форма, заглаженная поверхность при внутренней штриховой зачистке не оставляют сомнения в архаичности этой керамики. Интересно наличие в этих же комплексах и поздней неолитической керамики волго-камского облика.

Выраженный ранневолосовский материал содержала и Ширингушская стоянка на р. Вад в Мордовской АССР, обследованная в 1940 г. П. Д. Степановым⁵², а в 1957 г. М. Ф. Жигановым⁵³. В 1940 г. были вскрыты остатки полуземляного жилища. Ширингушская стоянка является типичным ранневолосовским памятником. Керамика стоянки, изготовленная из глины с примесью в тесте песка и растительных остатков, представлена крупными сосудами (D=20—40) полузакрытой формы с плоским и иногда расширенным краем горла (рис. 39, 1, 2). Поверхность ее снаружи — заглаженная, а изнутри имела следы горизонтальной штриховой зачистки. Украшена была снаружи слабо-разреженным орнаментом, выполненным отпечатками среднезубчатого штампа, перевитой веревочки и ямчатыми вдавлениями⁵⁴. Такой же ранневолосовский облик имеет и кремневый материал, состоящий более чем из 100 законченных орудий — узких желобчатых долот, листовидных и подтреугольных наконечников стрел, концевых скребков и т. п.

Отдельные фрагменты керамики ширингушского типа обнаружены и на Иморской стоянке по р. Вад⁵⁵. Н. В. Говоровым в 1930 г. в устье р. Вад у г. Кадома была открыта интересная Кокуйская стоянка, содержащая керамику с примесью в тесте песка и растительных остатков, с орнаментом из оттисков перевитого шнура, зубчатого штампа и реже прочерченных линий. Недалеко от этой стоянки им же на р. Мокше в окрестностях г. Кадома были выявлены еще две стоянки — Мокшинская и Бельская, по керамике близкие к Кокуйской стоянке. Вероятно, к этому же памятнику следует отнести Баевскую, Нароватскую и Теньгушевскую стоянки, открытые в 1939 г. С. Б. Вернером в окрестностях с. Теньгушево. Для всех этих памятников характерна керамика с преимущественной примесью растительных остатков, изредка толченой раковины, заглаженной поверхностью, орнаментированной оттисками перевитого шнура, зубчатого штампа, резных линий и редко ямчатых вдавлений. Специфично раннее появление здесь оттисков парной гребенки. Вместе с тем в керамике памятников бассейна р. Мокши отмечается наличие сосудов с уплощенными днищами, а также небольшой группы сосудов с ранними фатьяновско-балановскими чертами.

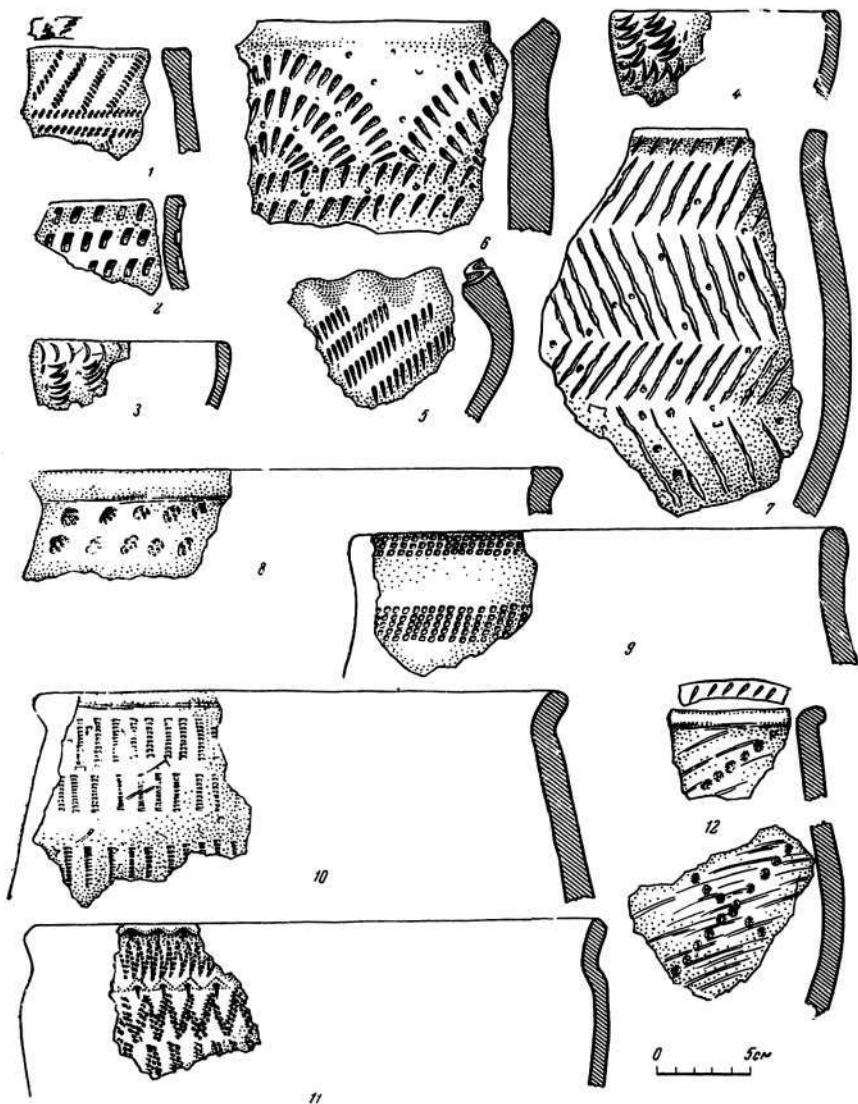

Рис. 39. Ранневолосовская керамика из стоянок Западного Поволжья

1, 2—Ширингушская стоянка; 3, 4, 8—11—Пензенская стоянка; 5—7—стоянка Ибердус I; 12—стоянка Озименки I

По-видимому, где-то на рубеже III—II тысячелетий до н. э. (а может быть, даже и в конце III тысячелетия до н. э.) ранневолосовские племена из районов Суры и Мокши, а также бассейна р. Цны проникают и на Среднюю Оку, о чем свидетельствует материал стоянки Ибердус у г. Касимова (раскопки И. К. Цветковой в 1960 и 1962 гг.) и I Борковского поселения у г. Рязани (раскопки Н. В. Говорова в 1929—1930 гг.). Этот район нельзя считать исконной территорией волосовских племен, ибо в эпоху неолита здесь были распространены племена так называемой рязанской культуры с керамикой ямочно-гребенчатого облика⁵⁶. А. Я. Брюсов и И. К. Цветкова считают, что в начале II тысячелетия до н. э. в материальной культуре рязанских племен в результате волосовского влияния возникли волосовские черты⁵⁷.

В этом отношении определенный интерес представляет стоянка Ибердус I, изученная И. К. Цветковой в 1960 г. у г. Касимова на р. Оке. Ею были вскрыты остатки крупного (10,8×4,8 м) жилища полуземляночного типа. Сосуды стоянки, судя по многочисленным фрагментам, имели полузакрытую форму, приближенную к котловидной, с приостренным или округлым дном и заглаженной поверхностью. Края венчиков, как правило, уплощенные и иногда имеют волнистый изгиб (рис. 39, 5). Основная техника орнаментации — оттиски перевитой веревочки. Орнаментальные узоры покрывают не только внешнюю поверхность, но занимают и край горла, а иногда заходят и на внутреннюю часть сосуда. Обычны узоры в виде диагональных и горизонтальных линий, вертикальных полос, иногда крупной сетки и т. п. (рис. 39, 5—7). Но наряду с этим характерно и сохранение пережиточных традиций ямочно-гребенчатой орнаментации в виде выдержанной горизонтальной зональности, рядов неглубоких ямок, правда, выполненных большей частью оттисками перевитой веревочки. Традиционным, по-видимому, является также употребление и штампа в виде парной гребенки и овальной рамки.

Не может быть никакого сомнения в том, что основные особенности культуры ранневолосовских стоянок Средней Оки в конце III или на рубеже III—II тысячелетий до н. э., за исключением отдельных деталей, возникли в результате прихода сюда нового населения, ничего общего не имевшего с населением рязанской культуры. Действительно, ни формы жилищ, ни форма и орнаментация керамики, ни ведущие типы орудий не имеют генетической преемственности с культурными чертами местного предшествующего населения.

В то же время почти все особенности нового культурного образования через памятники Мокши, Вада, Верхней Суры уводят нас на Среднюю Волгу к стоянкам типа Майданской и близких ей памятников. Исходя из этого следует полагать, что в

основе среднеокского, как и средневожского вариантов ранне-волосовской культуры, лежат одни и те же предшествующие культурные образования, наиболее вероятными из которых являются соответствующие варианты волго-камской культуры. Не повторяя здесь вышеприведенных доказательств в пользу генетической преемственности между волго-камской и волосовской культурами, замечу, что в сложении среднеокского или окско-мокшанского варианта, очевидно, принимали участие и какие-то другие элементы, возможно, более южного происхождения⁵⁸.

Наконец, при выяснении вопросов формирования культуры волосовских племен нельзя не учитывать и определенного участия в этом процессе населения позднебалахнинской культуры. На Оке и в западных районах Средней Волги волосовские племена постепенно ассимилируют балахнинское население и, естественно, впитывают некоторые элементы его культуры. Не исключено, что характерная для ранневолосовской керамики орнаментация оттисками перевитой веревочки возникла еще в балахнинской среде.

Итак, следует считать, что волосовские племена — непосредственные потомки волго-камских неолитических племен — при формировании своей культуры впитали некоторые черты и инкультурных образований: балахнинской, рязанской культур и, возможно, более южных культур типа поздней днепро-донецкой. Причем, эти посторонние включения более сильными были в западных (среднеокских) районах, тогда как на Средней Волге более устойчивыми были традиции местных волго-камских племен.

Расцвет волосовской культуры относится к первой четверти II тысячелетия до н. э. или ко второму этапу ее развития. В связи с выделением этого этапа встает вопрос о периодизации волосовской культуры в целом. Но прежде чем изложить нашу схему периодизации, следует остановиться на кратком анализе имеющихся схем, предложенных в свое время А. Я. Брюсовым и И. К. Цветковой.

В развитии волосовской культуры А. Я. Брюсов выделяет четыре этапа⁵⁹:

1. Этап культуры памятников с ямочно-гребенчатой керамикой типа Мало-Окуловской стоянки, лежащих, по мнению А. Я. Брюсова и И. К. Цветковой, в основе развития волосовской культуры; дата этапа — III тысячелетие до н. э.

2. Собственно волосовский этап преобладания керамики с примесью толченых раковин и орнаментом из оттисков шнура, зубчатого и рамчатого штампа. Основные памятники — Волосово, Владычено, Коренец; дата их — первая половина II тысячелетия до н. э.

3. Этап господства керамики с растительными примесями и вертикальными зигзагами в орнаментации. Основные памятники

ки — Володары, Панфилово, Холмоноха; дата этапа — вторая и третья четверти II тысячелетия до н. э.

4. Этап, характеризующийся плоскодонными сосудами поздняяковского типа с орнаментом из заштрихованных треугольников. Основные памятники — поселения типа Липкинской стоянки, Мало-Окуловский курганный и Младший Волосовский грунтовой могильники; дата этапа — последняя четверть II тысячелетия до н. э.

К этой схеме близка и периодизация И. К. Цветковой⁶⁰, которая также выводит волосовскую культуру из балахнинской и рязанской неолитической среды с ямочно-гребенчатой орнаментацией⁶¹, хотя и не выделяет памятники этих культур в первый этап развития волосовской культуры.

Первый этап схемы И. К. Цветковой соответствует второму этапу схемы А. Я. Брюсова. Кроме отмеченных памятников, к этому этапу И. К. Цветкова относит еще заполнение дна землянки Володарской стоянки⁶². Дата этапа такая же, как и у А. Я. Брюсова, т. е. первая половина II тысячелетия до н. э.

Второй и третий этапы периодизации И. К. Цветковой совпадают по характеристике основных черт, по ведущим памятникам и датировке соответственно с третьим и четвертым этапами схемы А. Я. Брюсова. Правда, в последнее время И. К. Цветкова исключила из последнего этапа некоторые памятники поздняяковского типа и заменила их позднейшими памятниками волосовской культуры типа Вашутинской⁶³ и Подборица-Шербининской⁶⁴ стоянок.

Обе схемы страдают одними и теми же недостатками. Во-первых, в характеристику волосовской культуры включены материалы инокультурных памятников — неолитических с ямочно-гребенчатой керамикой (А. Я. Брюсов) и поздняяковских (А. Я. Брюсов, И. К. Цветкова). Во-вторых, вся периодизация в основном построена лишь на развитии некоторых черт керамики, причем далеко не главных, как, например, примесей в тесте. В-третьих, недостаточно аргументированными являются датировки отдельных этапов, которые основаны лишь на дате отдельных предметов, к тому же часто не связанных по времени или культурной принадлежности с волосовскими памятниками. Так, первый этап И. К. Цветковой⁶⁵ датирован по находке в фатьяновском погребении на Владычинской стоянке бронзовой манжеты унетичского типа. Но это погребение могло быть совершено на месте стоянки после прекращения жизни на поселении. Поэтому можно датировать в лучшем случае лишь время погребения, а не стоянки, тем более не всего этапа. Второй этап волосовской культуры И. К. Цветковой отнесен к третьей четверти II тысячелетия до н. э. на основе находок в верхних слоях Володарской стоянки наконечников стрел сейминского типа⁶⁶.

Но эти находки позволяют определить лишь конец бытования поселения.

Таким образом, периодизация волосовской культуры требует еще серьезных уточнений на основе изучения всех имеющихся материалов. Предложенная ниже схема, также не претендующая на завершенность, основана на анализе обширных материалов, полученных при новейших работах в Среднем Поволжье, а также сохранившихся в коллекциях различных музеев. При составлении этой схемы учитывалось не только изменение керамики (см. табл. Г), но и всех остальных черт материальной культуры. В результате этого вниманию читателя предлагается схема периодизации волосовской культуры из трех периодов.

Первый этап — древнейший, рассмотренный выше, в основном датируется последней четвертью III и рубежом III—II тысячелетия до н. э.; второй относится к первой четверти, а третий — ко второй четверти II тысячелетия до н. э. На вопросах датировки последних двух еще придется остановиться.

Ко второму этапу волосовской культуры на Средней Волге следует отнести такие памятники, как III Удельно-Шумецкая⁶⁷, I Сумская⁶⁸ стоянки, на которых были проведены раскопки, и ряд других стоянок и местонахождений, обследованных в рекогносцировочном порядке. Все эти стоянки обычно занимают высокий край надлуговой террасы и имеют площади в 1500—2000 кв. м. На I Сумской стоянке вскрыто 528 кв. м, на III Удельно-Шумецкой — около 50 кв. м площади. При раскопках 1953 г. на I Сумской стоянке были прослежены следы наземных жилищ и выявлен небольшой склад кремневых орудий, положенных в ямку и засыпанных охрой⁶⁹, а на III Удельно-Шумецкой стоянке расчищены остатки ритуального комплекса в виде ямы, заполненной пережженными костями медвежьих лап⁷⁰. На поверхности относящегося ко второму этапу Ахмыловского поселения зафиксированы в 1965 г. западины не менее чем от 16 соединенных между собой полуземляных жилищ (6×7; 8×9; 10×12 кв. м).

Керамические материалы этих памятников по многим признакам еще близки к керамике Майданской стоянки (табл. Г). Большинство сосудов изготовлено из глины с примесью органических остатков, возможно, истлевших толченных раковин или каких-то органических примесей. В общей массе число подобных сосудов превышает 90%, но наряду с этим продолжают бытовать и сосуды, изготовленные из глины с примесью шамота и песка.

В керамических комплексах ни в одном из памятников не обнаружено плоских и даже уплощенных днищ, поэтому следует думать, что сосуды еще имели округлые днища. Преобладают сосуды слабо закрытой формы (рис. 40, 1, 4—6), но много также и сосудов с прямым горлом (рис. 40, 2). В комплексах

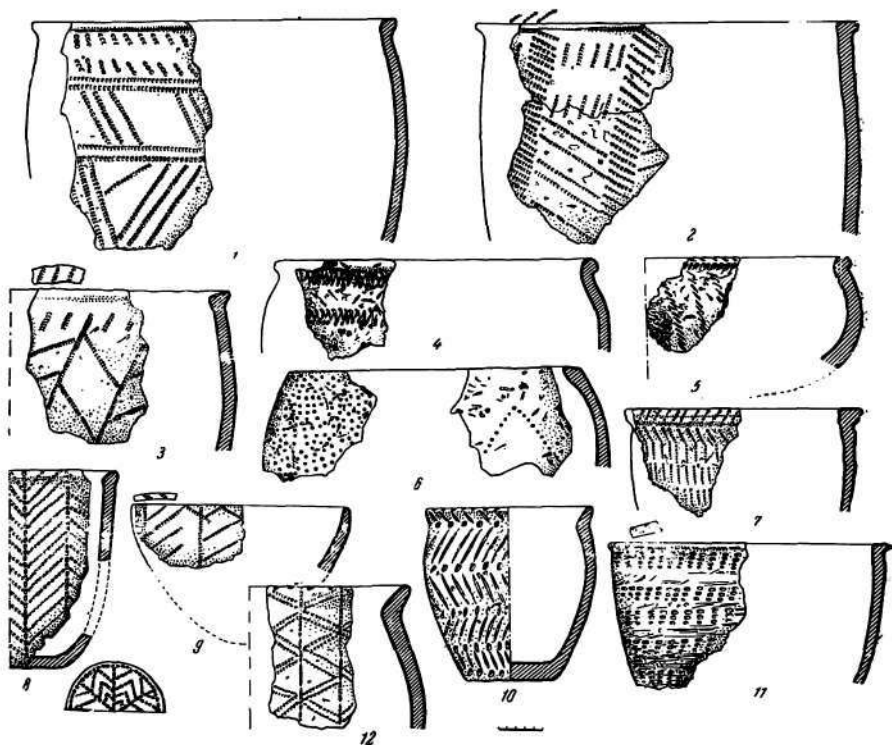

Рис. 40. Формы волосовских сосудов развитого (1—6, 11) и позднего (7—10, 12) периодов

1—3 — стоянка Займище III; 4—6, 11 — I Сумская стоянка; 7 — V Удельно-Шумецкая стоянка; 8—10, 12 — Панфиловская стоянка

I Сумской стоянки отмечены и открытые формы (рис. 40, 11), но их немного.

Края горла по сравнению с предшествующим временем принимают более разнообразные формы. Уменьшается, особенно на I Сумской стоянке, число сосудов с плоским или округлым краем (рис. 40, 4) и с расширенным внутрь краем (рис. 40, 3). Однако они еще характерны для этого этапа и в этом отношении как бы сохраняют неолитическую традицию. Несколько увеличивается число сосудов с расширенными во внешнюю сторону (рис. 40, 1) или в обе стороны краями венчиков, но они еще не принимают классическую Г- или Т-образную форму. Поверхность сосудов в большинстве случаев заглажена снаружи, а изнутри зачищена горизонтальной штриховой зачисткой, иногда применявшейся и для обработки внешней поверхности.

Абсолютное большинство сосудов с наружной стороны было покрыто разреженным орнаментом, нередко нанесенным по краю

и заходящим на внутреннюю сторону (рис. 40, 2, 3, 6). Наряду с этим были сосуды и без орнамента (табл. Г).

Господствующей техникой орнаментации становится оттиск гребенчатого, преимущественно крупнозубчатого штампа (табл. Г), среди которого выделяется двойная гребенка⁷¹ и штамп со скошенными зубцами, имитирующими оттиск шнура⁷². Число сосудов, орнаментированных оттисками перевитого шнура⁷³, падает до 15%. Такое соотношение затем продолжает сохраняться вплоть до конца волосовской культуры (табл. Г). Увеличивается такой элемент орнамента, особенно в керамике Сумской стоянки, как оттиск шагающей гребенки, иногда выполненный штампом без зубцов (рис. 40, 4). Сосудов, орнаментированных прочерченными или резными линиями, немного (5—10%). Изредка прочерченные узоры сочетаются с оттисками перевитой веревочки. Характерно сохранение орнамента из ямчатых вдавлений.

В системе расположения узоров, да и в самих мотивах орнамента (по сравнению с предшествующим периодом) наблюдается некоторое упрощение. Господствует горизонтальное зональное расположение орнамента⁷⁴. Нередко зоны разделяются между собой линией из других мотивов⁷⁵. Продолжает сохраняться традиционная для волосовской керамики вертикальная зона (крупные линии, зигзаг, ряды отдельных узоров и т. п.), диагональные линии, крупная сетка, вертикальная или скошенная «елочка» и т. п.

Вся эта керамика сохраняет преемственные черты с керамикой Майданской стоянки, но вместе с тем в ней возникают те особенности, которые становятся уже характерными для более поздних периодов, что дает возможность рассматривать ее как последующую за керамикой Майданской стоянки в типологическом, а следовательно, в хронологическом отношении.

Каменные орудия этого периода имеют ярко выраженные волосовские формы (рис. 37, 9—11, 20). Достаточно полный набор орудий представлен в материалах Сумской стоянки. Всего здесь в 1953 г. и последующие годы собрано около полутора тысяч кремней, среди которых насчитывается 302 орудия. Большинство (особенно шлифованные) сделано из белого окремневого известняка, хотя есть также орудия скребковидные и режущие, изготовленные на отщепах более прочного, преимущественно черного кремня.

При сопоставлении с орудиями предшествующего периода, например Майданской стоянки, особых изменений не наблюдается. Бытуют те же формы долот и тесел, среди которых наиболее характерны долота со скошенным лезвием и желобчатым выемом. Сохраняется разнообразие скребков с преобладанием концевых и распространением дублированных. По-прежнему специфичны скребковидные ножи «ложкари» и скобели с желобчатым выемом. Сохраняются предыдущие формы ножей и

среди них — уникальные ножи на плитчатом кремне⁷⁶. Появляются крупные листовидные ножи-кинжалы⁷⁷, а среди комбинированных орудий — скребковидные ножи-резчики. Наконечники стрел и копий в основном сохраняют прежние формы, но начинают преобладать наконечники с намеченным черешком.

На I Сумской и III Удельно-Шумецкой стоянках найдены крупные мотыги из твердых пород камня⁷⁸. Возможно, в этом уже необходимо усматривать возникновение зачатков земледелия, как правило, сопутствующего в лесостепной зоне скотоводству. О переходе к разведению домашних животных свидетельствуют найденные на Сумской стоянке немногочисленные кости домашних животных — мелкого и крупного рогатого скота.

Датировка памятников второго этапа ввиду отсутствия надежных материалов пока может считаться лишь предварительной. Но, опираясь на то, что вещевые комплексы памятников этого периода еще очень близки материалу Майданской стоянки, следует полагать, что первые хронологически следуют за последней стоянкой. И если Майданская стоянка по находке янтарной подвески была датирована временем не позже рубежа III—II тысячелетий до н. э., то следующие по времени стоянки типа I Сумской и III Удельно-Шумецкой, очевидно, существовали в начале или в первой четверти II тысячелетия до н. э. Ранее же предложенные даты как для Сумской (вторая четверть II тысячелетия до н. э.)⁷⁹, так и для III Удельно-Шумецкой (рубеж первой и второй четвертей II тысячелетия до н. э.)⁸⁰, естественно, должны быть откорректированы.

В первой четверти II тысячелетия до н. э. в размещении волосовских племен происходят серьезные изменения, вызванные прежде всего внешним воздействием — проникновением в край мощной группы балановских племен⁸¹. Прочно осваиваются волосовцами берега Волги между устьями рек Оки и Камы, преимущественно по левой стороне.

Бассейн р. Свияги, так густо насыщенный в предыдущее время поздненеолитическими и ранневолосовскими памятниками, в начале II тысячелетия до н. э., очевидно, под натиском балановских племен был покинут волосовскими племенами. Лишь редкое население сохранялось по самому берегу Волги, располагаясь на высоких естественно укрепленных мысах. Об этом свидетельствуют остатки отдельных кратковременных поселений у сел Нижний Услон, Антоновка и Сюкеево, расположенных на высоких естественно укрепленных мысах и содержащих керамику, близкую по форме и особенно по характерному округлому утолщению края венчика, по орнаменту, керамике Сумской стоянки. Вероятно, с этой керамикой следует увязывать найденные у д. Сюкеево отдельные каменные орудия, в том числе антропоморфную кремневую фигурку⁸².

От устья р. Белой вверх по Каме в первой четверти II тысячелетия до н. э. простиралась территория формирования раннего (гаринского) этапа турбинской культуры, время которого О. Н. Бадером ограничивается первой половиной II тысячелетия до н. э.⁸³

Промежуточная территория между турбинской и средневожским вариантом волосовской культуры до сих пор остается белым пятном на карте первой половины II тысячелетия до н. э. (см. рис. 36). Возможно, значительная часть Нижней Камы в это время оставалась незаселенной. Но памятники, известные в устье р. Белой — стоянки у с. Сауз (раскопки Г. Н. Матюшина и О. Н. Бадера), у д. Буриаш (разведки А. П. Шокурова), так же как и редкие стоянки в нижнем и среднем течении р. Ик — средний горизонт Игимской стоянки, стоянка у дер. Мелли-Тамак, содержат керамический материал, несколько отличный как от керамики раннетурбинских, так и от ранневожских памятников. Это крупные, очевидно, круглодонные сосуды, изготовленные из глины с преимущественной примесью песка и шамота и редко — из растительных остатков. Поверхность их гладко заглажена и орнаментирована зональными узорами, выполненными нарезными линиями и реже — зубчатым штампом. Среди узоров встречается и мотив шагающей гребенки. Отмечены сосуды с выступающим наружу краем горла, а также сосуды со слабо профилированным горлом.

В целом, материалы бельско-икских памятников, как уже отмечалось выше, принадлежат еще одной культурной группе волосовско-турбинской общности.

Важно заметить, что культура населения Среднего Поволжья, Прикамья первой половины II тысячелетия до н. э. в самых общих чертах проявляет определенную близость и к культуре зауральских памятников начала эпохи раннего металла. В основном эти черты наиболее отчетливо выступают в керамике, тогда как каменные орудия значительно более специфичны⁸⁴.

Поэтому есть основание утверждать, что на рубеже III—II и фактически в первой половине II тысячелетия до н. э. в обширной лесостепной зоне Евразии по обе стороны Уральского хребта еще продолжали сохраняться элементы этнокультурной общности, которую мы наблюдали в эпоху неолита. Однако в результате усиления локальных особенностей составные части этой общности все более и более обособляются и происходит формирование волосовской, турбинской, горбуновско-дмитриевской и других самостоятельных культур, сохраняющих лишь некоторые реликты прежней общности. Внутри каждой из этих культур выделяются локальные варианты.

Средневожская группа волосовских племен с центром в канзанско-марийском течении р. Волги занимала в основном лишь

левобережье и простиралась во втором этапе развития волосовской культуры до устья р. Ватомы, где еще в конце XIX в. у оз. Колодонец была обнаружена Безводненская стоянка с характерной ранневолосовской керамикой⁸⁵. Близкая по форме керамика имелась и на нескольких других стоянках, расположенных ниже по р. Волге — стоянка I у затона Памяти Парижской коммуны, II Отарская стоянка и др. Для керамики всех этих памятников характерны сосуды с округлым дном, закрытым или прямым горлом, украшенные оттисками зубчатого штампа и перевитого шнура.

Западнее Безводненской стоянки вплоть до Костромского течения р. Волги ни ранних, ни поздних стоянок волосовского типа не обнаружено, хотя здесь многими исследователями (О. Н. Бадер, Н. Н. Гурина, Б. А. Сафонов, Г. А. Архипов и др.) проводились детальные разведки, выявившие памятники различных эпох. Самой северной стоянкой по р. Оке является I Гавриловская стоянка⁸⁶, а далее низовья р. Оки также не знают памятников волосовского типа. Возможно, это явление следует объяснять продолжавшимся заселением района в начале II тысячелетия до н. э. позднейшими балахнинскими племенами, концентрация которых в это время особенно усилилась в районе слияния Оки с Волгой (рис. 33). Немалую, если не сказать главную, роль в этом сыграли волосовские племена, подступавшие с востока по Волге и с юга к приустьевой части р. Оки.

В овою очередь волосовские племена под натиском балановско-фатьяновских племен в начале II тысячелетия до н. э. были вынуждены покинуть почти все правобережье Волги и Оки (до устья р. Теша Велетьма).

Правда, небольшая группа населения, вероятно, сохранилась в верховьях р. Суры, где на одной из стоянок у г. Пензы (стоянка у Калашного затона) обнаружена волосовская керамика, характерная для второго периода.

В конце второго этапа усиливается концентрация волосовского населения на Средней Волге и Нижней Оке. Стоянки этого времени (а к их числу можно отнести Руткинскую⁸⁷, Токаревскую⁸⁸, III Займищенскую⁸⁹, и Володарскую⁹⁰ на нижней Оке) мало чем отличаются от стоянок ранней поры второго этапа. Здесь имелись те же формы жилищ — соединенные полуземлянки (Займище III и Володары) и наземные прямоугольные дома (Руткинская стоянка).

Однако в культуре этих памятников наблюдаются определенные изменения. В керамике оно проявляется в увеличении числа сосудов с уплощенными днищами, с выраженным горлом, край которого имеет характерный Г-образный изгиб (рис. 40, 7). В орнаментации большее значение приобретают оттиски зубчатого штампа (с преобладанием отпечатков шагающей гребенки в керамике волжских и двойной гребенки в керамике окских па-

мятников), а среди узоров все чаще употребляется вертикальное членение зон (рис. 40, 2, 5).

Характерно наличие на некоторых стоянках (Руткинская⁹¹, и Луговой Борок I⁹²) обломков тиглей с прилипшими каплями меди, что свидетельствует о продолжавшемся в течение всего второго этапа процессе освоения металлургии меди и бронзы.

Для датировки конца второго этапа важное значение имеет Володарская стоянка, являющаяся, на мой взгляд, однослойным памятником, если не считать наличия в верхнем горизонте небольшого количества керамики позднжированного облика. Материал, просмотренный мной в Дзержинском и Горьковском краеведческих музеях, не позволяет согласиться с членением комплекса Володарской стоянки на три горизонта, как это делает И. К. Цветкова⁹³. Основным критерием для такого членения она берет соотношение керамики с примесью толченой раковины и без прослеживаемых ее следов. Однако примесь толченой раковины для волосовской керамики едва ли является хронологическим признаком. Достаточно взглянуть на прилагаемую таблицу (см. табл. Г), чтобы убедиться в этом. Наличие толченой раковины в качестве примеси зависит от условий залегания керамики. Так, в коллекции из Володарской стоянки имеются фрагменты от одного и того же сосуда, одни из которых содержат раковины (Влд. IV, P/49—164), а у других эта примесь кажется отсутствующей, ибо она полностью истлела (Влд. IV, P/49—176). Аналогичное явление можно наблюдать и в других комплексах, например в Панфиловской стоянке и т. п. Естественно, толченая раковина лучше всего, как и другие органические остатки, сохраняется в более гуммированном слое, каковым обычно является заполнение дна землянки. Поэтому здесь и должен быть более высокий процент керамики с примесью толченой раковины (по И. К. Цветковой 89%), а выше, где гумусность понижается и раковина в тесте сосудов выщелачивается, содержание керамики с прослеживаемой примесью толченой раковины будет ниже — в Володарской стоянке мы видим в среднем горизонте (засыпка жилища) 54,9% такой керамики, а в верхнем горизонте — 18%. В общей же массе керамика с прослеживаемой примесью в тесте толченой раковины на Володарской стоянке составляет 28% (табл. Г). Такая же картина наблюдалась и на Панфиловской стоянке, относящейся, кстати, к более позднему времени, чем Володарская. Панфиловская коллекция содержит примерно в тех же процентных соотношениях керамику с сохранившейся примесью толченых раковин (29%). Но на дне Панфиловского жилища V керамики с такой примесью было 57%, на глубине 0,6—0,8 м — 37%, на 0,4—0,6 м — 35, на 0,2—0,4 — 14%. Еще более любопытная картина наблюдалась на полу землянки IV, где в прямой зависимости от гумусности слоя находилась сохранность примеси толченых раковин. Так, если в кера-

мике, собранной на полу этого жилища, примесь толченой раковины была прослежена более чем у 30% фрагментов (290 из 959), то соответственно в секторах в зависимости от условия сохранности был различен и процент подобной керамики, например, в секторе А—3%, Б—60, В—25, Г—12%. Интересно отметить, что пол жилища IV, по Е. И. Горюновой⁹⁴, был весьма равномерно насыщен гумусными остатками.

Исходя из вышесказанного, следует полагать, что процентное соотношение керамики с примесью толченой раковины для комплекса Володарской стоянки не имеет хронологического значения. Эта стоянка, очевидно, была единовременным памятником, о чем свидетельствует однотипность всей ее волосовской керамики. Найденный на полу жилища I валикообразный топор⁹⁵ позволяет с уверенностью полагать, что жилище существовало еще в первой четверти II тысячелетия до н. э., ибо подобные топоры позднее первой четверти II тысячелетия до н. э. не бытовали⁹⁶. На Володарской стоянке в 1946 г. были обнаружены два захоронения, из которых наибольший интерес вызывает погребение I⁹⁷. Судя по описаниям, оно было совершенно в культурном слое, на глубине не более 50 см и состояло из двух костяков. Неглубокое положение погребенных в культурном слое позволяет считать, что захоронения были совершены к концу бытования стоянки. Если это так, то погребение I, сопровождавшееся серией интересных находок, имеет первостепенное значение для датировки конца существования Володарской стоянки. В комплексе находок, обнаруженных в жертвенной яме погребения, наиболее примечательны два предмета — кремневый наконечник дротика и нож (или, возможно, наконечник) с пуговковидным завершением⁹⁸. Первый из них с выраженным черешком, по краю которого имеются выемы для привязывания, аналогичен наконечнику из Волосовского клада⁹⁹, а второй является типичным для позднего неолита¹⁰⁰ и эпохи раннего металла¹⁰¹ Прикамья. Самая поздняя находка подобного предмета происходит из жилища стоянки Бор I, датированного благодаря найденному здесь медному ножу первой четвертью II тыс. до н. э.¹⁰² Правда, О. Н. Бадер склонен датировать стоянку Бор I XIX в. до н. э., но с этим трудно согласиться, ибо черешково-пластинчатые медные ножи типа борских появляются не раньше начала II тысячелетия до н. э., поэтому более правильной является дата, предложенная для стоянки Бор I в свое время А. А. Иессеном — XVIII в. до н. э.¹⁰³ Опираясь на вышесказанное, Володарское погребение I, по-видимому, следует датировать первой четвертью II тысячелетия до н. э. и скорее ее концом. Следовательно, время Володарской стоянки в целом должно укладываться в пределах этой же четверти, а конец, по-видимому, приходится на рубеж первой и второй четвертей. Об этом, в частности, могут свидетельствовать найденные здесь составные рыболовные крюч-

ли¹⁰⁴, самые поздние аналогии которым, имеющиеся на стоянках Прибалтики (Валма, Акали и др.), датируются рубежом первой и второй четвертей II тысячелетия до н. э.¹⁰⁵

Таким образом, время второго этапа развития волосовской культуры должно укладываться в пределах первой четверти II тысячелетия до н. э. с завершением его на рубеже первой и второй четвертей.

Последний этап, совпадающий в основном со второй четвертью II тысячелетия до н. э., характеризуется максимальным распространением на запад и северо-запад памятников волосовского типа и дальнейшим развитием их материальной культуры. Основными памятниками третьего этапа на Средней Волге следует считать I—II Выжумские стоянки¹⁰⁶, верхние горизонты V Удельно-Шумецкой (раскопки автора в 1961 г.) и III Обсерваторской¹⁰⁷ стоянок, на Оке — Панфиловскую¹⁰⁸, I Гавриловскую¹⁰⁹ стоянки и нижний горизонт Подборица-Щербининской¹¹⁰ стоянки; на Верхней Волге — Бораньскую¹¹¹, Сахтышские¹¹² и Николо-Перевозскую¹¹³ стоянки; в Волго-Окском междуречье — Холомонихинскую¹¹⁴, Вашутинскую¹¹⁵ и Рождественскую¹¹⁶ стоянки. На многих из них были произведены широкие раскопки.

Абсолютное большинство поселений позднего периода продолжало занимать берега небольших водоемов в некотором удалении от крупной реки. Характерен перенос некоторых поселений (например, Панфиловская стоянка¹¹⁷) на заливаемые ныне дюны пойм, что свидетельствует о возможном потеплении климата ближе к середине II тысячелетия до н. э. Площади стоянок в основном небольшие — от 1000 до 2500 кв. м.

На ряде поселков обнаружены и жилые сооружения, преимущественно полуземлянки, расположенные обычно компактной группой и соединенные друг с другом переходами. По паре таких соединенных домов изучено на стоянках Панфиловской и Садовый Бор, три частично исследованных жилища — на стоянке Сахтыш I, по одному жилищу — на III Обсерваторской, II Выжумской, Подборица-Щербининской, I Гавриловской, Вашутинской и на II Сахтышской стоянках. В среднем число жилищ на одном поселении обычно достигало пяти-шести; четыре жилищные впадины зафиксированы на II Выжумской стоянке¹¹⁸, шесть — на I Сутырской¹¹⁹, пять — на Панфиловской¹²⁰ стоянках. Обычно жилища имели прямоугольную форму длиной от 7 до 16 м и шириной 4,5—10 м, хотя встречены и формы, близкие в плане к квадрату: Панфилово (9×9 м)¹²¹, Подборица-Щербининское (8×7,5 м)¹²², а также к овалу — Сахтыш I и II (5,7×3 м)¹²³.

При раскопках жилищ III Обсерваторской, II Выжумской и Панфиловской стоянок прослежены остатки различных конструктивных деталей, позволяющих восстанавливать достаточно полно их облик. Характерной особенностью конструкции жилищ

является крепежка стен деревянными бревнами, прижатыми вертикальными столбами. Форма, размеры, конструктивные детали поздневолосовских жилищ мало чем отличаются от предшествующих и своими корнями уходят в традиции жилищного строительства волго-камского неолитического населения.

Наиболее выраженные керамические комплексы, приведенные в таблице «Г», происходят из трех памятников — I Гавриловской (раскопки И. К. Цветковой в 1950—1951 гг.), Панфиловской (раскопки Е. И. Горюновой в 1946 г.) и Садово-Борской (раскопки Ф. Я. Селезнева) стоянок. Керамика этих памятников была подвергнута мной статистической обработке. Вместе с этим учтены также и другие коллекции из широко раскопанных памятников — стоянок Холомониха, Николо-Перевоз, Подборица-Щербининская, III Обсерваторская, V Удельно-Шумецкая и др.

Изучение всех этих материалов позволяет говорить об определенных закономерностях в развитии волосовской керамики на позднем этапе. Общим в керамике для всех указанных памятников является увеличение плоскодонных сосудов с выраженным горлом, имеющим характерный загиб во внешнюю сторону (рис. 40, 10, 12). На некоторых стоянках, как, например, I Гавриловской, Холомонихе и V Удельно-Шумецкой таких сосудов немного, а на других (Садовый Бор, Подборица-Щербининская) они преобладают. По-видимому, первые были более ранними, а вторые — более поздними, ибо плоскодонная керамика, безусловно, явление позднее. Повторяясь, должен заметить, что примесь толченой раковины и в данном случае не является датирующим признаком, а зависит от условий сохранности.

Для керамики более ранних памятников характерными можно считать следующие признаки (табл. Г): преобладание сосудов с прямым горлом и плоским краем венчика, расширенным внутрь или в обе стороны и меньше наружу (рис. 40, 8). В орнаментации преобладают гребенчатые оттиски, но на некоторых стоянках (Гавриловка I) очень высок процент так называемой двойной, или парной, гребенки, переходящей в рамчатый штамп. В системе расположения узоров характерна горизонтальная зональность, а также вертикальные зигзаги (рис. 40, 8).

В то же время керамика позднейших стоянок (Подборица-Щербининская, Садовый Бор и др.), наряду с преобладанием плоскодонных сосудов¹²⁴, характеризуется и наличием у сосудов выраженного горла с отогнутым наружу краем, что придает им почти совершенную форму плоскодонного горшка (рис. 40, 10, 12). Поверхность абсолютного большинства сосудов заглажена. Наряду с орнаментированными сосудами встречаются и не имеющие орнамента. Основной техникой орнаментации являются оттиски зубчатого штампа и прочерченные линии, несколько увеличивается процент и ямчатых вдавлений. Узоры усложняются — преобладают вертикальные и горизонтальные линии с

отходящими отвершками (рис. 40, 10, 12), различные заштрихованные зоны и т. п.

Каменные орудия, большие и относительно чистые комплексы которых представлены на Панфиловской¹²⁵, I Гавриловской, Подборица-Щербининской¹²⁶ стоянках, в основном выполнены по традиции предшествующего времени и характеризуются тем же присущим для волосовской культуры разнообразием. Среди наконечников стрел начинают преобладать черешковые, причем некоторые из них приближаются по форме к двушипно-черешковым стрелам сейминского типа¹²⁷, но имеют более узкую и вытянутую форму. Оригинальной формы наконечники найдены на Панфиловской стоянке — треугольный наконечник с усеченным основанием и четырехшипный¹²⁸. Оба типа стрел известны в ранних (гаринских) поселениях турбинской культуры в Прикамье¹²⁹. Бытуют различные формы скребков, скребковидных ножей — «ложкарей», ножей, проколов, сверл, ножей на отщепях и т. п., сохраняются и характерные желобчатые долота, а также короткие тесла¹³⁰.

Многочисленны фигурные кремни, обнаруженные почти на всех широко раскопанных памятниках (Панфилово, Подборица-Щербининское, III Обсерваторская, Холомониха, Борань и т. п.). Но, как справедливо замечают В. А. Городцов¹³¹ и С. Н. Замятин¹³², кремневые фигурки к этому времени становятся значительно схематизированными.

В позднем периоде своего развития волосовские племена окончательно осваивают плавку меди. На ряде стоянок обнаружены следы медного литья в виде обломков тиглей (Панфилово), шлаков или кусочков меди и бронзы (Панфилово¹³³, Подборица-Щербининская¹³⁴), а также отдельные металлические предметы: ножи (V Удельно-Шумецкая; Федоровская), шилья (Холомониха, Подборица-Щербининская, Панфилово), тесло (Панфилово), обломки украшений (Панфилово, Подборица-Щербининская). Весьма любопытным является факт находки в счаге одного из жилищ Панфиловской стоянки двух кусков железной руды¹³⁵, а в жилище 5, раскопанном Е. И. Горюновой, — обломков сосуда с прилипшими комочками железного шлака. Вероятно, это древнейшие следы попыток освоения железа волосовскими металлургами. При этом едва ли нас должно смущать столь раннее время, ибо, по мнению Б. Н. Гракова, «секрет выработки небольших криц сыродутным способом был известен на территории Европейской части СССР в течение почти всего II тысячелетия до н. э.»¹³⁶.

Прежде чем перейти к вопросам расселения и выделения локальных вариантов поздневолосовских племен, хотелось бы остановиться на уточнении датировок основных памятников, а вместе с ними в целом и завершающегося периода культуры. Заключительный период, как я его понимаю, соответствует

в основном второму этапу, по классификации И. К. Цветковой¹³⁷, которая датирует его третьей четвертью II тысячелетия до н. э. на основании находок на Панфиловской и Володарской стоянках наконечников стрел сейминского типа¹³⁸ и обнаруженной на Подборица-Щербининской стоянке абашевской медной розетки¹³⁹. Но с такой датировкой трудно согласиться.

Черешково-двушипные наконечники стрел сейминского типа появляются не ранее середины II тысячелетия до н. э. Этим временем определяется начало Сейминского могильника¹⁴⁰. Значительное число такого типа наконечников стрел обнаружено в раннеабашевском Пепкинском¹⁴¹ и в Покровских курганах¹⁴², время которых определено серединой II тысячелетия до н. э. Сейминские формы наконечников стрел чрезвычайно редки в волосовских памятниках. Они в количестве двух экземпляров найдены лишь в верхнем горизонте Володарской стоянки, к стати, вместе с поздняяковской керамикой. Поэтому не исключена их поздняяковская принадлежность. Но и в противном случае эти наконечники могут определить лишь время прекращения жизни на Володарской стоянке, а вместе с ним и время финала волосовской культуры. О том, что волосовская культура прекратила свое существование ближе к середине II тысячелетия до н. э., свидетельствует и находка медной розетки абашевского типа на Подборица-Щербининской стоянке¹⁴³. Абашевские племена на Средней Волге появляются в середине II тысячелетия до н. э.¹⁴⁴, в это же время, очевидно, прекращают свое существование наиболее поздние волосовские поселения. Наиболее вероятной датой волосовских памятников позднего периода следует считать вторую четверть II тысячелетия до н. э., что подтверждается следующим:

а) многочисленные поселения, локализованные вокруг известного Сейминского могильника XV в. до н. э. с его выраженным кремневым инвентарем¹⁴⁵, почти не содержат характерных сейминских наконечников стрел и ножей, обычных в памятниках середины и третьей четверти II тысячелетия до н. э. (см., например, Кубашевское поселение¹⁴⁶, Атли-Касинский курган¹⁴⁷, Борисоглебские и Мало-Окуловские раннепоздняяковские курганы¹⁴⁸;

б) на ряде поздневолосовских памятников имеются датирующие предметы, в том числе: бронзовое тесло северокавказского типа, найденное на Панфиловской стоянке¹⁴⁹, небольшой медный листовидный нож с короткой невыраженной рукояткой из V Удельно-Шумецкой стоянки, напоминающий пластинчатые ножи первой половины II тысячелетия до н. э.; наличие на ряде памятников (V Удельно-Шумецкая, Подборица-Щербининская, Бораньская) редких фрагментов ранней балановско-фатьяновской керамики, также датированной не позже середины II тысячелетия до н. э.;

в) прекращение существования большинства волосовских памятников в середине II тысячелетия до н. э., о чем свидетельствуют, с одной стороны, отдельные находки вещей (наконечники стрел сейминского типа, абашевская розетка и т. п.) на поздних поселениях, а с другой — начало развития с середины II тысячелетия до н. э. на базе синтеза волосовских и пришлых племен (балановско-фатьяновских, раннесрубных и т. п.) новых культурных образований — чирковско-сейминской, приказанской, поздняяковской¹⁵⁰.

В заключительный период своего развития волосовские племена занимали значительную область лесостепной полосы Восточной Европы — от нижнего течения р. Камы на востоке и далее на запад почти до Прибалтики и Карелии¹⁵¹. Такое широкое распространение, естественно, должно было привести к оформлению локальных групп со сложением своеобразных черт в материальной культуре.

Наиболее восточная группа памятников, занимавшая Казанско-Марийское Поволжье, представлена верхним горизонтом стоянки Обсерватория III¹⁵², поздне-волосовскими комплексами на Атабаевской, III Матюшинской, II Тетеевской, Балымской¹⁵³, Криушинской, Яндашевской, Тувсинской (Шихран-Ту) и других стоянках. Керамика отмеченных пунктов, несмотря на общую ее близость к поздневолосовской, обладает рядом своеобразных черт — абсолютным преобладанием гребенчатой орнаментации в сочетании с однорядноямочными углублениями по краю горла (рис. 41), отсутствием узоров из оттисков парной и «шагающей гребенки», преимущественной обработкой поверхности сосудов штриховой зачисткой и т. п. Позднее все эти особенности наглядно проявляются в ранней приказанской керамике (средний горизонт Займище III, Криуши, Ново-Мордово и т. п.). Как далеко на восток проникали поздневолосовские племена, мы пока не знаем. Судя по находкам типичных фрагментов поздневолосовской керамики на IV Ембулатихинской, IX Бозяковской, I Лебединской, IV Масловско-островной, III Урнякской и других стоянках, можно полагать, что поздневолосовские племена во второй четверти II тысячелетия до н. э. еще обитали по обоим берегам нижнего течения Камы вплоть до устья Белой (рис. 33).

К западу от казанско-чувашиной группы поздневолосовских памятников вплоть до устья р. Ветлуги существует территориальный разрыв протяженностью почти в 150 км (рис. 33). Неоднократные разведочные поиски, предпринятые здесь в последние годы (в 1960 г. П. Н. Старостиным, в 1964 г. В. Г. Патрушевым), не обнаружили ни одного поздневолосовского памятника. По-видимому, отсюда поздневолосовские племена были вытеснены Салановскими племенами, достаточно густо заселившими в первой половине II тысячелетия до н. э. эти районы Среднего Поволжья.

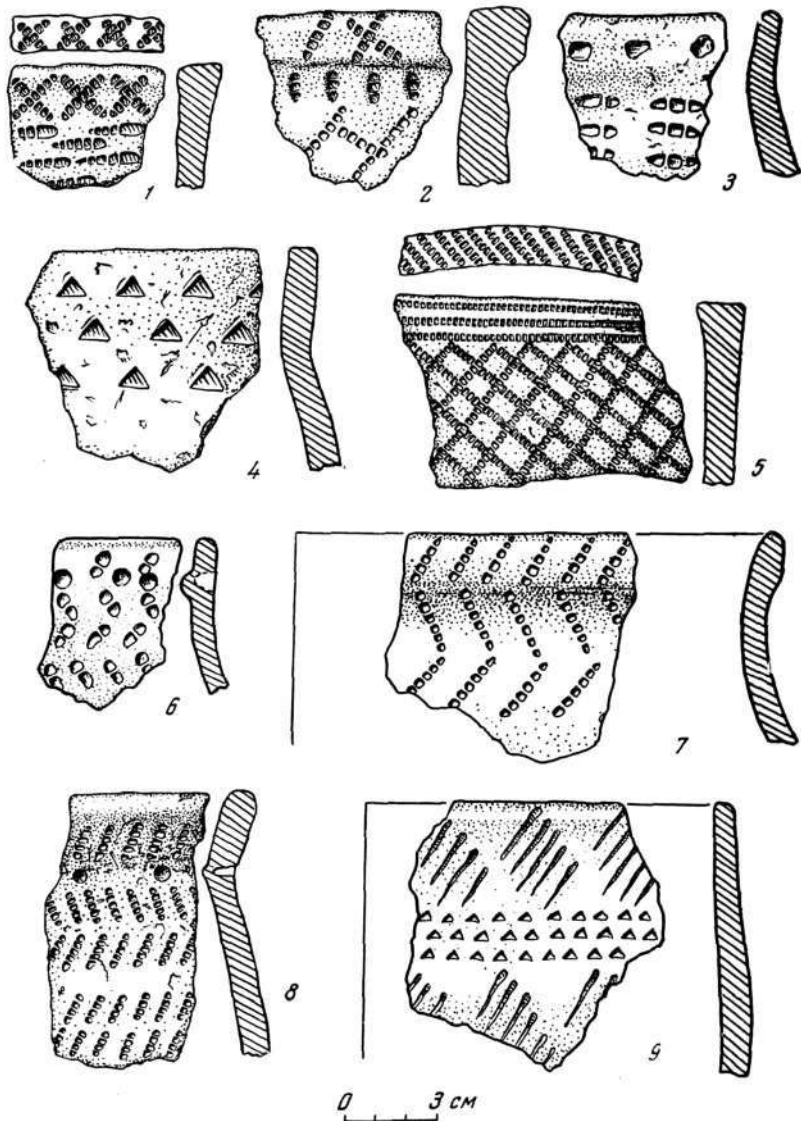

Рис. 41. Поздневоловская керамика из стоянок Казанского Поволжья и Нижнего Прикамья

1—8 — Бальмская; 2 — Шихран-Ту; 3 — IX Бозяково; 4 — III Обсерватория; 5 — Криуши; 6, 7, 9 — I Бозяково

Следующая группа поздневолосовских памятников расположена в основном в левобережье Волги, в пределах устья р. Ветлуги и почти до устья р. Оки (рис. 33). К числу их следует отнести — стоянки на Ахмыловских дюнах, I, II Выжумские, I, II Сутырские, I, IV, V Удельно-Шумецкие, II Вязилкинскую стоянку, поселения I и III Луговой Борок и IV стоянку у затоны Парижской Коммуны¹⁵⁴. Особенностью орнамента керамики этих памятников является сочетание оттисков гребенчатого штампа с прочерченными линиями и отсутствие таких специфических штампов, как парная гребенка, «рамка» и т. п. Характерна также чрезвычайная редкость ямчатых углублений. В мотивах орнамента наблюдается известное усложнение сюжета, впрочем, это явление характерно почти для всей поздневолосовской керамики. На некоторых стоянках этой группы — I Сутырской, I и V Удельно-Шумецких, II Вязилкинской — отмечается появление раннебалановской керамики, что свидетельствует о вступлении населения, с которым связаны эти памятники, в контакт с балановскими племенами.

Еще одна группа поздневолосовских стоянок занимала нижнее течение р. Оки. Это поселения I Гавриловское¹⁵⁵, Холомо-нихинское¹⁵⁶, Подборица-Щербининское¹⁵⁷, Садовый Бор¹⁵⁸, Панфиловское¹⁵⁹ и, вероятно, Плеханов Бор¹⁶⁰. Пожалуй, это наиболее изученная и поэтому классическая группа, ведущие черты керамики которой (табл. Г; рис. 40, 10) явились определяющими для керамики всего поздневолосовского периода. Наиболее ранней и в то же время наиболее северной в этой группе является I Гавриловская стоянка, расположенная в гуще памятников, относимых большинством авторов к числу позднебалахнинских — Балахна Б, по О. Н. Бадеру, и Балахна III, по И. К. Цветковой.

Собственно волосовские племена, как мы видели выше, еще в самом начале формирования своей культуры продвинулись далеко на запад вплоть до Валдая и Приильменя¹⁶¹. Очевидно, с районов Верхнего Поволжья в первой половине II тысячелетия до н. э. волосовскими племенами были заселены более северные области Прионежья¹⁶². Вероятно, по этому же пути волосовцы дошли до берегов Белого моря, о чем свидетельствует близкая к волосовской керамика, найденная Ю. А. Савватеевым на стоянках Золотец и Залавруга.

Западные группы волосовских племен оказали решающее воздействие на культуру племен эпохи раннего металла Карелии, Северной Прибалтики и Финляндии. Здесь в первой половине II тысячелетия до н. э. начинают оформляться отдельные культурные группы, имеющие сходные черты, прежде всего в керамике, с волосовской культурой. В их числе следует отметить: прибалтийскую культуру с «керамикой лучшего стиля», по мнению П. Н. Третьякова, испытавшей определенное воздей-

стве западных волосовских племен¹⁶³; поздненеолитические памятники Карелии с асбестовой керамикой, украшенной гребенчатым орнаментом и имеющей характерный «Г» образный загиб края внутрь¹⁶⁴; стоянки Карельского перешейка типа Тарховской и Лахтинской, содержавшие керамику с растительной примесью и гребенчатым орнаментом¹⁶⁵; памятники Южной Финляндии, входящие в Киукайскую культуру и характеризующиеся керамикой с примесью растительных остатков¹⁶⁶.

Рассматривая развитие культуры местного населения Среднего Поволжья в начале эпохи раннего металла, нельзя обойти и судьбу поздненеолитических балахнинских племен. Имеющиеся материалы показывают, что расширение территории волосовских и близких им племен шло в первую очередь за счет экспансии ими областей, занятых племенами с ямочно-гребенчатой керамикой и в особенности племенами балахнинской культуры. На рубеже III — II тысячелетий до н. э. лишь в приустьевой части Оки (по левому берегу) мы наблюдаем сохранение небольшой группы позднейших балахнинских племен (рис. 33), культура которых испытала сильнейшее воздействие волосовской.

Однако в вопросе о культурной принадлежности и датировке этих памятников среди исследователей нет единого мнения. Если О. Н. Бадер в 30-е годы¹⁶⁷ и И. К. Цветкова¹⁶⁸ рассматривали их как памятники конечного этапа балахнинской культуры, то в последнее время О. Н. Бадером была выдвинута гипотеза¹⁶⁹, поддерживаемая М. Гимбутас¹⁷⁰ и В. П. Третьяковым¹⁷¹, с том, что эти памятники оставлены во второй половине II тысячелетия до н. э. прикамскими (турбинскими) племенами, совершившими вторичное проникновение в Волго-Окское междуречье. Имеющиеся в настоящее время материалы не позволяют согласиться с этой точкой зрения.

В группу позднейших балахнинских памятников по существующим материалам можно отнести следующие известные памятники (рис. 33):

а) по левому берегу приустьевой части р. Оки — стоянки Гавриловка III¹⁷², Гавриловка IV¹⁷³, Сейма I¹⁷⁴, Сейма II и Сейма IV, Желнино II¹⁷⁵, Володары III, Новая Щербиновка, Лисенки I, Лисенки III, Венец I, Венец II, Охлопково I, Кусторка II, Решетиha II, Плеханов Бор¹⁷⁶;

б) по прилегающим к устью р. Оки берегам р. Волги — стоянки Большое Козино I и IV¹⁷⁷, Выселки¹⁷⁸, Коринкинская, Бор Моховое. Возможно, в этом районе имелось еще несколько десятков поселений этого же типа, которые были уничтожены новыми застройками г. Горького. Во всяком случае еще в 1896 г. В. А. Городцов обнаружил четыре стоянки с подобной же керамикой на дюнах между деревнями Молитовской и Катыцы¹⁷⁹, а в 1905 г. обнаружил по крайней мере еще две стоянки у Сормов-

ской больницы¹⁸⁰. Вероятно, некоторые из стоянок, обследованные по берегам Пырского озера¹⁸¹, также входили в интересующую нас группу.

К сожалению, во всей этой группе нет ни одного полностью, или широко раскопанного памятника*, но все же, анализируя все имеющиеся данные, можно выделить следующие общие сведения по настоящей группе.

Большинство стоянок занимает дюнные всхолмления края надлуговых террас (Гавриловка III, Большое Козино IV) или высоких пойм (Большое Козино I; Плеханов Бор), возвышающихся над современным уровнем водоемов не менее чем на 5—8 м и обычно не заливаемых в половодье. Но вместе с тем В. Ф. Черников в 1960 г. обнаружил несколько стоянок (Венец I, II, Кусторка II), которые, имея очень слабо выраженный слой, располагались почти на современном уровне воды. Возможно, что эти поселки, так же как и стоянка II у Пырского озера, являлись кратковременными стойбищами.

Во всех определенных случаях площади стоянок невелики — до 1200 кв. м. Незначительна и мощность слабо насыщенных культурных слоев. При крайне ограниченных раскопках каких-либо следов фундаментальных жилищ не обнаружено, кроме отдельных неглубоких ям и кострищных пятен, часть из которых рассматривалась в качестве остатков наземных кратковременных жилищ (Сейма I¹⁸²; Большое Козино IV¹⁸³).

Почти все исследователи, занимавшиеся изучением материалов отмеченных стоянок, пришли к мнению, что на некоторых из них как бы сосуществуют два типа керамики: фрагменты позднебалахнинских сосудов с примесью песка и шамота и преимущественной ямочной орнаментацией типа рис. 34, 7, 8 и керамика более тонкостенная, изготовленная из глины с примесью органических остатков и орнаментированная резными и зубчатыми, редко ямчатыми узорами (рис. 42). Интересны наблюдения по соотношению на отдельных памятниках указанных групп керамики. Так, если на стоянках Гавриловка IV¹⁸⁴ и Выселки¹⁸⁵ керамика второй группы составляет лишь 10%, то на стоянках Желнино и Плеханов Бор¹⁸⁶ она уже представлена половиной всей керамики, на стоянках I и IV Большое Козино вторая группа начинает преобладать (до 65%)¹⁸⁷, на Гавриловке III абсолютно господствует (73%)¹⁸⁸, а на стоянках типа Сейма I превращается в единственный вид керамики¹⁸⁹. Причем, по мере увеличения численности второй группы керамики, наблюдаются и определенные изменения в ее формах и орнаментации.

* Раскопкам подвергались следующие памятники: I Большое Козино (69 кв. м), IV Большое Козино (55 кв. м), Гавриловка (84 кв. м), Желнино (84 кв. м), II Решетила (60 кв. м), Сейма I (36 кв. м).

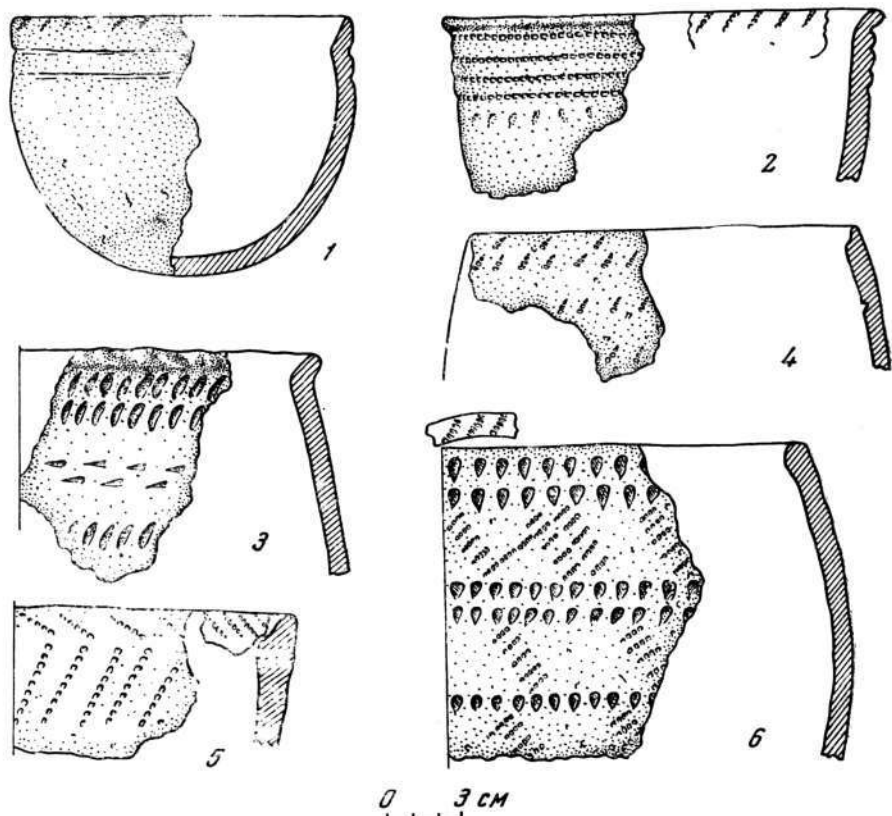

Рис. 42. Керамика позднейших балахнинских стоянок
 1, 2, 4— Большое Козино IV; 3— Гавриловка IV; 6— Сейма I

Для первых памятников (Гавриловка IV, Выселки, Желнино, Плеханов Бор) сосуды второй группы по форме еще близки к сосудам первой группы — прямостенные или со слегка прикрытым горлом круглодонные горшки со слабо выраженной шейкой и преимущественно плоским или приостренным краем горла, но уже изготовленные из глины с органической примесью и изнутри обработанные штриховой зачисткой, а по внешней поверхности несущие разреженную орнаментацию, выполненную резными линиями, реже ямчатыми углублениями и еще реже отпечатками среднезубчатого штампа¹⁹⁰. Интересно отметить, что на стоянке Плеханов Бор описанная керамика встречена совместно с ранневолосовской¹⁹¹.

Во второй группе памятников (I и IV Большое Козино, Гавриловка III), где керамика с органической примесью является уже господствующей, среди последней появляются сосуды с уплощенным и иногда даже плоским дном¹⁹², но преобладают

круглодонные сосуды со слегка прикрытым (рис. 42, 4, 6; 34% на III Гавриловке) или расширенным небольшим раструбом горлом (рис. 42, 1, 3; на Большом Козине IV — 28%; на Гавриловке III — 52%). Есть также сосуды чашевидной формы с открытым горлом (рис. 42, 2; на Большом Козине IV — 30% и на Гавриловке III — 16%). У большинства сосудов края горла имеют выраженный отгиб наружу (рис. 42, 1—3). Примерно 10—15% сосудов лишены орнамента. У остальных орнамент выполнен преимущественно отпечатками среднезубчатого короткого штампа (рис. 42; на Большом Козине IV — 80% орнаментированных сосудов и на Гавриловке III — 85%, реже — неправильно-ямчатыми углублениями) сильно разрежен и часто занимает лишь верхнюю половину тулова.

Керамика стоянок с чистым комплексом (Сейма I, Венец, Решетиха II и т. п.) мало отличается от описанной, разве только абсолютным преобладанием сосудов с профилированным горлом, для которых характерно значительное разнообразие краев венчиков.

Происхождение данной керамики, очевидно, следует объяснять как результат синтеза позднебалахнинской и волосовской культур с преобладанием первой. Действительно, несмотря на изменение фактуры и формы сосудов, так же как и техники орнаментации, в системе расположения узоров (выраженная горизонтальная зональность) сохраняются позднебалахнинские традиции.

Состав и формы каменных орудий, начиная от таких стоянок, как Гавриловка IV, где вторая группа керамики лишь зарождается, и вплоть до стоянок типа Сеймы I, где эта керамика является единственной, не претерпевают каких-либо изменений и почти ничем не отличаются от типичных балахнинских комплексов¹⁹³. Особенно важно, что ни на одной из стоянок не найдено характерных волосовских орудий, в частности желобчатых долот, и более поздних, в частности сейминских, каменных орудий. Этот факт, вместе с некоторой архаичностью керамики и территориальной компактностью позднейших балахнинских памятников (рис. 33) свидетельствует о том, что вся эта небольшая группа населения сохраняла свои этнические, в данном случае позднебалахнинские, особенности.

В связи с этим интересно заметить, что в гуще позднейших балахнинских памятников располагается несколько типичных волосовских стоянок — Володары, Гавриловка I и Подборица-Щербининская (рис. 33). Несмотря на это, на волосовских поселениях не обнаружено ни одного позднебалахнинского сосуда, так же как на позднебалахнинских стоянках практически нет волосовской керамики. Однако волосовское воздействие все же нельзя исключать — изменение формы, технологии изготовления и техники нанесения орнамента, без сомнения, происходило в

результате внешнего воздействия и в первую очередь со стороны волосовских племен. Такая же тенденция в трансформации керамики наблюдается и в культуре родственных балахнинцам племен, в частности, в культуре каргопольских племен на втором этапе их развития¹⁹⁴. Керамика, характерная для этого этапа, как по фактуре, так и по форме, и орнаментации, очень близка керамике стоянок типа Гавриловка III и Сеймы I. Не исключено, как это предполагает и М. Е. Фосс¹⁹⁵, что подобная керамика была принесена на север со стороны, вероятно, теми же позднейшими балахнинскими племенами.

Итак, следует полагать, что группа памятников, расположенная в приустьевой части Оки по ее левобережью, представляла собой поселения остатков позднебалахнинских племен, подвергшихся воздействию со стороны волосовских племен.

Придерживаясь предложенной выше для балахнинской культуры периодизации, эти памятники следует отнести к четвертому этапу (третьему, по И. К. Цветковой). Хронологически они уже относятся к эпохе раннего металла, как это, между прочим, предполагал в свое время А. А. Слицын¹⁹⁶. Время их существования, вероятно, следует ограничить рубежом III—II и первой четвертью II тысячелетия до н. э. В подтверждение первой даты можно привести следующие соображения. На стоянке Плеханов Бор обнаружено несколько датирующих предметов, в том числе сланцевые или шиферные кольца, бывшие в употреблении начиная от середины III до начала II тысячелетия до н. э.¹⁹⁷; подвески из морских раковин *Dentilium* и *Pictunculus* с выпиленными по краям зубчиками, которые по аналогии с подобными украшениями из Мариупольского¹⁹⁸, Нальчикского¹⁹⁹ и Криволучского²⁰⁰ могильников датируются серединой и второй половиной III тысячелетия до н. э.; валикообразные каменные клиновидные топоры, многочисленные находки которых также в основном относятся к рубежу III—II тысячелетий до н. э. Таким образом, самой поздней датой стоянки Плеханов Бор должен быть рубеж III—II тысячелетий до н. э. Исходя из этого следует полагать, что керамика с органической примесью появляется на позднебалахнинских поселениях еще в конце III тысячелетия до н. э. и в это же время, очевидно, начинается консолидация балахнинских племен, вытесняемых с Оки и с Волги, в устье Оки.

К концу первой четверти II тысячелетия до н. э. позднейшие балахнинские памятники, вероятно, прекращают свое существование. Только такая ранняя дата может объяснить странное на первый взгляд положение, когда на одной и той же дюне в непосредственной близости друг от друга располагаются стоянки с различными культурными традициями, синхронизация которых неминуемо требует наличия контакта между ними. В качестве примера можно привести стоянки: Володары I (волосо-

во) и Володары III (балахна и волосово с позднейшей керамикой); Гавриловка I (волосово) и Гавриловка III (позднейшая балахна); Подборица-Щербининская (волосово) и Подборица-Западная (позднейшая балахна). Интересно, что на первых не обнаружено керамики балахнинского типа, тогда как на вторых неизвестны вещи (ни керамика, ни кремьен) волосовского происхождения. Следовательно, мы не можем говорить о существовании каких-либо контактов, за исключением общих тенденций в развитии керамики, между волосовскими и позднейшими балахнинскими племенами, а это в свою очередь заставляет предполагать и одновременность существования обеих групп памятников. И если стоянку Володары I мы датировали первой четвертью (концом), то ближайшие ей стоянки позднейшего балахнинского типа (Володары III, Сейма I и II, Решетиха и др.), вероятно, должны быть или более ранними, или более поздними. Стоянка Гавриловка I нами была отнесена к рубежу первой и второй четвертей II тысячелетия до н. э. (см. выше). Соседняя с ней стоянка Гавриловка III, не говоря уже о Гавриловке IV, безусловно, должна быть отнесена к более раннему времени, ибо в противном случае мы должны были бы иметь в Гавриловке II предметы волосовского типа, чего там не обнаружено. Но к Гавриловке III близки такие стоянки, как Большое Козино I и IV, Бор Моховое и другие, которые дали еще смешанные керамические комплексы. Очевидно, все эти стоянки должны быть отнесены к первой четверти II тысячелетия до н. э. В этом, между прочим, убеждает и близость их керамики к керамике стоянки Плеханов Бор (см. выше), раннее время которой не может вызывать особенных сомнений.

Что же случилось с позднебалахнинскими племенами в конце первой четверти II тысячелетия до н. э.? Не могла же бесследно исчезнуть такая сплоченная и компактная группа населения, которой являлись позднейшие балахнинцы в приустьевой части р. Оки?

Очевидно, появление в гуще позднебалахнинских стоянок таких волосовских стоянок, как Гавриловка I свидетельствует о занятии волосовцами позднейшей балахнинской территории и об ассимиляции первыми позднебалахнинского населения.

Волосовская культура, продолжавшая развитие традиций волго-камской неолитической культуры, сыграла определяющую роль в истории населения лесостепной и лесной зон Восточной Европы. На базе ее происходило формирование ряда культурных образований: приказанской, поздняковской, чирковско-сейминской и других, легших в основу ранних культурных общностей эпохи железа (ананьинской, дьяковско-городецкой), финно-угорская принадлежность которых не вызывает сомнения.

Немаловажное участие в этих процессах приняли пришлые племена, вторжение которых, проходившее несколькими волна-

ми от конца III до середины II тысячелетия до н. э., оставило глубокий след не только в культурах эпохи бронзы, но и в последующей истории края.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ А. М. Tallgren. Collection Zaoussalov an musee historique de Finlande a Helsingfors. В. I, Helsingfors, 1916, стр. 21—24, табл. IV, 1, 4, 5, 8.

² Б. Г. Тихонов. Металлические изделия эпохи бронзы на Среднем Урале и в Приуралье. МИА, № 90, 1960, стр. 72.

³ А. М. Tallgren. См. примеч. 1, стр. 20; А. А. Штукенберг. Материалы для изучения медного (бронзового) века. ИОАИЭ, т. 17, вып. 4. Казань, 1901; Б. Г. Тихонов. Указ. соч., стр. 57.

⁴ А. А. Иессен. Майкопская культура и ее датировка. «Тезисы докладов сессии ИА АН СССР, 1962 г.», М., 1962.

⁵ А. В. Шмидт. Стоянка у станции Левшино. СА, 1940, № 5.

⁶ О. Н. Бадер. Поселения турбинского типа в Среднем Прикамье. МИА, № 99, 1961.

⁷ Е. Н. Черных. Спектральный анализ и изучение древнейшей металлургии Восточной Европы. «Археология и естественные науки». М., 1965, стр. 101.

⁸ В. В. Гольмстен. Археологические памятники Самарской губернии. «Тр. РАНИОН» (секция археологии), т. IV. М., 1928.

⁹ В. П. Шилов. О древней металлургии и металлообработке в Нижнем Поволжье. МИА, № 60, 1959.

¹⁰ А. Х. Халиков. Балавовские памятники в Татарии. КСИА, вып. 97, 1964.

¹¹ Е. Н. Черных. История древнейшей металлургии Восточной Европы. МИА, № 132, 1966, стр. 75.

¹² Л. М. Миропольский. Медные руды в пермских отложениях Татарской АССР и их генезис. «Уч. зап. Казанского государственного университета», т. 98. Кн. I. Геология, вып. 10. Казань, 1938.

¹³ А. В. Шнитников. Изменчивость общей увлажненности материков северного полушария. «Зап. Географического общества», т. 15 (новая серия), М.—Л., 1957.

¹⁴ О. Н. Бадер. Основные этапы этнокультурной истории Урала и палеогеография. МИА, № 79, 1960.

¹⁵ А. В. Шнитников. См. примеч. 13, стр. 262, 263.

¹⁶ Н. А. Прокошев. К вопросу о неолитических памятниках Камского Приуралья. МИА, № 1, 1940, стр. 33.

¹⁷ А. В. Шнитников. См. примеч. 13, стр. 262.

¹⁸ О. Н. Бадер. Балавовский могильник. М., 1963, стр. 271.

¹⁹ Там же, стр. 283.

²⁰ С. И. Коржинский. Северная граница черноземно-степной области восточной полосы Европейской России. «Тр. Общества естествоиспытателей при Казанском государственном университете», вып. 8. Казань, 1888; А. В. Шнитников. См. примеч. 13; Э. Э. Аникина. Степные и лесостепные реликтовые элементы в лесном Прикамье. «Отчеты Камской (Воткинской) археологической экспедиции», вып. 2. Пермь, 1961.

²¹ О. Н. Бадер. См. примеч. 14.

²² О. Н. Бадер. См. примеч. 6; он же. Поселения у Бойцова и вопросы периодизации среднекамской бронзы. «Отчеты Камской (Воткинской) археологической экспедиции», вып. 2. Пермь, 1961; он же. Древнейшая история Прикамья. М., 1963.

²³ А. Я. Брюсов. Очерки по истории племен Европейской части СССР в неолитическую эпоху. Л., 1952; И. К. Цветкова. Волосовские неолитические племена. «Тр. ГИМ», вып. 22. М., 1953.

²⁴ О. Н. Бадер. Очерк шестилетних работ Камской археологической экспедиции. «Уч. зап. Пермского государственного университета», т. IX, вып. 3. Пермь, 1953.

²⁵ А. Х. Халиков. Неолитические памятники в Казанском Поволжье. МИА, № 61, 1958.

²⁶ П. Н. Третьяков. Финно-угры, балты и славяне на Днепре и Волге. М. Л., 1966, стр. 49 и сл.

²⁷ А. Х. Халиков. Материалы к изучению истории населения Среднего Поволжья и Нижнего Прикамья в эпоху неолита и бронзы. «Тр. Марийской археологической экспедиции», т. I. Йошкар-Ола, 1960, стр. 71.

²⁸ Л. Ю. Янитс. Поселения эпохи неолита и раннего металла в приустьях р. Эмайгы. Таллин, 1959, стр. 301.

²⁹ А. Я. Брюсов. Свайное поселение на р. Модлоне. МИА, № 20, 1951, стр. 31.

³⁰ A. Aurgarää. Die Verbreitung des Bernsteins im kammerkeramischen Gebiet. SMYA. XLV. Helsinki, 1945, s. 14 usw.; Л. Ю. Янитс. Новые данные по неолиту Прибалтики. СА, XIX, 1954, стр. 199.

³¹ А. Я. Брюсов. См. примеч. 23, стр. 74.

³² И. К. Цветкова. См. примеч. 23.

³³ Н. Г. Харузия. Очерк истории развития жвалиц у финнов. М., 1895.

³⁴ О. Н. Бадер. См. примеч. 6.

³⁵ Н. Ф. Калинин, А. Х. Халиков. Поселения эпохи бронзы в Приказанском Поволжье. МИА, № 42, 1954.

³⁶ А. Х. Халиков. См. примеч. 27.

³⁷ Там же, стр. 47, 48.

³⁸ Там же, табл. XIX, XX, XXV.

³⁹ Там же, стр. 48.

⁴⁰ Там же, стр. 71.

⁴¹ Там же, рис. 70, 1—3.

⁴² Там же, стр. 115, рис. 60.

⁴³ Там же, стр. 116.

⁴⁴ П. Н. Третьяков. См. примеч. 26, стр. 54 и сл.

⁴⁵ А. В. Збруева. Памятники эпохи поздней бронзы в Приказанском Поволжье и Нижнем Прикамье. МИА, № 80, 1960, стр. 53—55.

⁴⁶ Там же, рис. 20.

⁴⁷ Там же, стр. 16.

⁴⁸ О. Н. Бадер. См. примеч. 6, стр. 187.

⁴⁹ К. В. Сальников. Южный Урал в эпоху неолита и ранней бронзы. «Археология и этнография Башкирии», т. I, 1962, стр. 44.

⁵⁰ Д. Я. Телегин. К вопросу о днепро-донецкой культуре. СА, 1961, № 1, стр. 37.

⁵¹ Т. Б. Попова. Долмены станицы Новосвободной. «Тр. ГИМ», вып. 34, 1963, стр. 139.

⁵² П. Д. Степанов. Археологические работы в Мордовской АССР в 1940—1941 гг. «Зап. Мордовского НИИ», вып. 6. Саранск, 1945, стр. 88, 89.

⁵³ М. Ф. Жиганов. Новые археологические памятники в долинах рек Вад и Теша. Из древней и средневековой истории мордовского народа. Саранск, 1959, стр. 58—60.

⁵⁴ П. Д. Степанов. Указ. соч., табл. 11; М. Ф. Жиганов. Указ. соч., табл. 20.

⁵⁵ М. Ф. Жиганов. Указ. соч., стр. 59, 57.

⁵⁶ А. Я. Брюсов. См. примеч. 23, стр. 58 и сл.

⁵⁷ Там же, стр. 64.

⁵⁸ А. Х. Халиков. См. примеч. 27, стр. 70.

⁵⁹ А. Я. Брюсов. См. примеч. 23, стр. 72—76.

⁶⁰ И. К. Цветкова. См. примеч. 23.

⁶¹ И. К. Цветкова. Стоянка Подборница-Щербининская. СА, 1961, № 2, стр. 185.

- ⁶² И. К. Цветкова. Неолитические жилища стоянки Володары. СА, 1958, № 2, М., стр. 117.
- ⁶³ И. К. Цветкова. Новый памятник волосовской культуры близ г. Переяславля-Залесского. «Тр. ГИМ», вып. 37, 1960.
- ⁶⁴ И. К. Цветкова. См. примеч. 61.
- ⁶⁵ И. К. Цветкова. См. примеч. 23, стр. 33.
- ⁶⁶ И. К. Цветкова. См. примеч. 62.
- ⁶⁷ А. Х. Халиков. См. примеч. 27, стр. 59, 63.
- ⁶⁸ А. Х. Халиков. См. примеч. 25, стр. 12—30.
- ⁶⁹ Там же, стр. 27.
- ⁷⁰ А. Х. Халиков. См. примеч. 27, стр. 60.
- ⁷¹ Там же, табл. XXXIV, 1.
- ⁷² Там же, табл. XXXIV, 6.
- ⁷³ Там же, табл. XXXIV, 5; А. Х. Халиков. См. примеч. 25, рис. 8.
- ⁷⁴ Там же, рис. 10, 3.
- ⁷⁵ Там же, рис. 10, 1 а.
- ⁷⁶ Там же, рис. 12, 7, 8.
- ⁷⁷ Там же, рис. 12, 6, 19.
- ⁷⁸ А. Х. Халиков. См. примеч. 27, рис. 34.
- ⁷⁹ А. Х. Халиков. См. примеч. 25, стр. 30.
- ⁸⁰ А. Х. Халиков. См. примеч. 27, стр. 63, 70.
- ⁸¹ А. Х. Халиков. Балановские памятники в Татарии. КСИА, вып. 97. М., 1964.
- ⁸² С. П. Замяткин. Миниатюрные кремневые скульптуры в неолите северо-восточной Европы. СА, X, 1948, стр. 104.
- ⁸³ О. Н. Бадер. См. примеч. 6, стр. 163.
- ⁸⁴ Н. П. Кипарисова. О культурах лесного Зауралья. СА, 1960, № 2, стр. 7.
- ⁸⁵ И. К. Цветкова. См. примеч. 23, стр. 37.
- ⁸⁶ И. К. Цветкова. Стоянки балахнинской культуры в области нижнего течения р. Оки. МИА, № 110, 1963.
- ⁸⁷ А. Х. Халиков. См. примеч. 27, стр. 51—54.
- ⁸⁸ Там же, стр. 50, 51.
- ⁸⁹ А. Х. Халиков. См. примеч. 25, стр. 38, 39.
- ⁹⁰ И. К. Цветкова. Стоянка Володары. КСИМК, вып. XX, 1948.
- ⁹¹ А. Х. Халиков. См. примеч. 27, рис. 26.
- ⁹² Е. Н. Черных. История древнейшей металлургии Восточной Европы, стр. 139.
- ⁹³ И. К. Цветкова. См. примеч. 62, стр. 117, 118.
- ⁹⁴ Е. И. Горюнова. Развитие жилища у мордвы. «Тр. ИЭ» (новая серия), т. 86. М., 1963, стр. 133, 134.
- ⁹⁵ И. К. Цветкова. См. примеч. 62, стр. 121.
- ⁹⁶ М. Е. Фосс. Древнейшая история севера Европейской части СССР. МИА, № 29, 1952, стр. 106.
- ⁹⁷ И. К. Цветкова. См. примеч. № 90, стр. 4, 5.
- ⁹⁸ Там же, рис. 4, 4, 5.
- ⁹⁹ И. К. Цветкова. Волосовский клад. «Тр. ГИМ», вып. 23, 1957, стр. 12.
- ¹⁰⁰ В. П. Денисов. Хуторская неолитическая стоянка. «Уч. зап. Пермского государственного университета», т. XII, вып. 1. Пермь, 1960, стр. 54.
- ¹⁰¹ О. Н. Бадер. См. примеч. 6, стр. 44.
- ¹⁰² Там же.
- ¹⁰³ А. А. Иессен. Чусовская экспедиция 1942 г. «Сообщения Эрмитажа», вып. 1. Л., 1948, стр. 40.
- ¹⁰⁴ И. К. Цветкова. См. примеч. 85, рис. 10, 10, 11.
- ¹⁰⁵ Л. Ю. Янитс. Неолитическое поселение Валме. «Тр. Прибалтийской объединенной комплексной экспедиции», т. 1. М., 1959, стр. 50, 51.
- ¹⁰⁶ А. Х. Халиков. См. примеч. 27, стр. 76.
- ¹⁰⁷ А. Х. Халиков. См. примеч. 25.

- ¹⁰⁶ В. А. Городцов. Панфиловская палесметаллическая стоянка. «Ир. Владимирского музея». Владимир, 1926; Е. И. Горюнова. См. примеч. 94
- ¹⁰⁹ И. К. Цветкова. См. примеч. 86.
- ¹¹⁰ И. К. Цветкова. Стоянка Подборина-Щербининская.
- ¹¹¹ Н. Н. Гурина. Неолитическое поселение Борань. МИА, № 79, 1960.
- ¹¹² О. С. Гадзяцкая, Д. А. Крайнов. Новые исследования неолитических памятников Верхнего Поволжья. КСИИ, вып. 100. М., 1965.
- ¹¹³ В. М. Раушенбах. Фатьяновское погребение на неолитической стоянке Николо-Перевоз. «Тр. ГИМ», вып. 37, 1960.
- ¹¹⁴ O. N. Bader. Zur Erforschung der neolitische Wohnplätze im Okatale. ESA, IV. Helsinki, 1929.
- ¹¹⁵ И. К. Цветкова. См. примеч. 63.
- ¹¹⁶ А. Л. Никитин. Рождественская стоянка на оз. Неро. СА, 1965, № 1.
- ¹¹⁷ В. А. Городцов. Панфиловская палеометаллическая стоянка, стр. 3.
- ¹¹⁸ А. Х. Халиков. См. примеч. № 27, стр. 76.
- ¹¹⁹ Там же, стр. 75.
- ¹²⁰ В. А. Городцов. Панфиловская палеометаллическая стоянка.
- ¹²¹ Е. И. Горюнова. Указ. соч.
- ¹²² И. К. Цветкова. См. примеч. 61.
- ¹²³ О. С. Гадзяцкая, Д. А. Крайнов. Указ. соч., стр. 37.
- ¹²⁴ И. К. Цветкова. См. примеч. 61.
- ¹²⁵ В. А. Городцов. Панфиловская палеометаллическая стоянка.
- ¹²⁶ И. К. Цветкова. См. примеч. 61, стр. 178.
- ¹²⁷ Там же, стр. 176, рис. 4, 2.
- ¹²⁸ В. А. Городцов. Указ. соч., стр. 10.
- ¹²⁹ О. Н. Бадер. См. примеч. 6, стр. 40—42.
- ¹³⁰ И. К. Цветкова. См. примеч. 61, стр. 176—178.
- ¹³¹ В. А. Городцов. Указ. соч., стр. 17.
- ¹³² С. Н. Замятнин. Указ. соч., стр. 97.
- ¹³³ В. Л. Городцов. Указ. соч., стр. 3.
- ¹³⁴ И. К. Цветкова. См. примеч. 61, стр. 184.
- ¹³⁵ В. А. Городцов. Указ. соч., стр. 9.
- ¹³⁶ Б. Н. Граков. Старейшие находки железных вещей в Европейской части СССР. СА, 1958, № 4, стр. 9.
- ¹³⁷ И. К. Цветкова. См. примеч. 23, стр. 31.
- ¹³⁸ Там же, стр. 33.
- ¹³⁹ И. К. Цветкова. См. примеч. 61, стр. 185.
- ¹⁴⁰ О. Н. Бадер. Могильники турбинского типа, их возраст и связь с поселениями. «Археологический сборник Эрмитажа», вып. 6. Л., 1964, стр. 109.
- ¹⁴¹ А. Х. Халиков, Г. В. Лебединская, М. М. Герасимов. Пепкинский курган. Йошкар-Ола, 1966.
- ¹⁴² P. Rykov. Die Chvalinsker Kultur der Bronzezeit an der Unteren Wolga. ESA, I. Helsinki, 1927.
- ¹⁴³ И. К. Цветкова. См. примеч. 61.
- ¹⁴⁴ О. Н. Евтюхова. О хронологии абашевской культуры Среднего Поволжья. МИА, № 130, 1965.
- ¹⁴⁵ В. А. Городцов. Культуры бронзовой эпохи в Средней России. «Отчет Российского исторического музея за 1914 г.». М., 1916, стр. 216.
- ¹⁴⁶ А. Х. Халиков. См. примеч. 27, стр. 103.
- ¹⁴⁷ П. П. Ефименко, П. Н. Третьяков. Абашевская культура в Поволжье. МИА, № 97, 1951, стр. 32, 33.
- ¹⁴⁸ Т. Б. Попова. Погребения поздняковской культуры в Борисоглебском могильнике. МИА, № 130, 1965.
- ¹⁴⁹ В. А. Городцов. См. примеч. 108, стр. 3.
- ¹⁵⁰ А. Х. Халиков. См. примеч. 27, стр. 182, 183.
- ¹⁵¹ П. Н. Третьяков. Указ. соч., стр. 58, 59.
- ¹⁵² А. Х. Халиков. См. примеч. 23, стр. 19.

- ¹⁵³ Н. Ф. Калинин, А. Х. Халиков. См. примеч. 35, стр. 216.
O. N. Bahder. Kulturen der Bronzezeit in Zentralrussland. SMYA FFT, 59:1. Helsinki, 1968.
- ¹⁵⁴ А. Х. Халиков. См. примеч. 27, стр. 74—76.
- ¹⁵⁵ И. К. Цветкова. См. примеч. 86.
- ¹⁵⁶ О. Н. Бадер. См. примеч. 114.
- ¹⁵⁷ И. К. Цветкова. См. примеч. 61.
- ¹⁵⁸ Ф. Я. Селезнев. Приокские древнейшие поселения. «Тр. Владимирского музея», вып. 3, 1928, стр. 189.
- ¹⁵⁹ В. А. Городцов. См. примеч. 108.
- ¹⁶⁰ В. В. Федоров. Плехановская неолитическая стоянка. МИА, № 39, 1953.
- ¹⁶¹ П. Н. Третьяков. Указ. соч., стр. 49 и сл.
- ¹⁶² С. В. Ошибкина. Стоянка Модлона, ее происхождение и отношение к каргопольской культуре. СА, 1966, № 4, стр. 30 и сл.
- ¹⁶³ П. Н. Третьяков. Указ. соч., стр. 60.
- ¹⁶⁴ Н. Н. Гурина. Древняя история северо-запада Европейской части СССР. МИА, № 87, 1961, стр. 73.
- ¹⁶⁵ Там же, стр. 71.
- ¹⁶⁶ С. F. Meinander. Die Kiukais kultur. SMYA FFT, 53. Helsinki, 1953.
- ¹⁶⁷ О. Н. Бадер, М. В. Воеводский. Стоянки Балахинской низины. «Изв. ГАИМК», вып. 106. М.—Л., 1934, стр. 333, 334.
- ¹⁶⁸ И. К. Цветкова. См. примеч. 86, стр. 59.
- ¹⁶⁹ O. N. Bahder. Kulturen der Bronzezeit...
- ¹⁷⁰ M. Gimbutas. Bronze Age Cultures in Central and Eastern Europe. Paris, 1965, s. 641.
- ¹⁷¹ В. В. Федоров, В. П. Третьяков. Стоянка «Выселки». СА, 1966, № 4, стр. 114, 115.
- ¹⁷² И. К. Цветкова. См. примеч. 86, стр. 80—82.
- ¹⁷³ Там же, стр. 80.
- ¹⁷⁴ Там же, стр. 82—84.
- ¹⁷⁵ Там же, стр. 76—78.
- ¹⁷⁶ В. В. Федоров. Указ. соч.
- ¹⁷⁷ О. Н. Бадер, М. В. Воеводский. Указ. соч.
- ¹⁷⁸ А. А. Слицины, В. Каменский. Стоянка каменного века близ г. Балахны. ЗОРСА РАО, т. VII. СПб., 1905; В. В. Федоров, В. П. Третьяков. Указ. соч.
- ¹⁷⁹ В. А. Городцов. Следы неолитических стоянок в окрестностях Нижнего Новгорода. «Археологические известия и заметки», № 3. М., 1897, стр. 68—71.
- ¹⁸⁰ В. А. Городцов. Остатки неолитической стоянки в с. Сормове. «Действия Нижегородской губернской ученой архивной комиссии», т. VII. Нижний Новгород, 1909, стр. 180—183.
- ¹⁸¹ О. Н. Бадер, М. В. Воеводский. Указ. соч., стр. 306, 307.
- ¹⁸² И. К. Цветкова. См. примеч. 36, стр. 72.
- ¹⁸³ О. Н. Бадер, М. В. Воеводский. Указ. соч., стр. 317.
- ¹⁸⁴ И. К. Цветкова. См. примеч. 86, стр. 80.
- ¹⁸⁵ В. В. Федоров, В. П. Третьяков. Указ. соч.
- ¹⁸⁶ В. В. Федоров. Указ. соч., стр. 320.
- ¹⁸⁷ О. Н. Бадер, М. В. Воеводский. Указ. соч., стр. 322—325.
- ¹⁸⁸ И. К. Цветкова. См. примеч. 86, стр. 82.
- ¹⁸⁹ Там же, стр. 82.
- ¹⁹⁰ В. В. Федоров. Указ. соч., рис. 23, 25; И. К. Цветкова. См. примеч. 86, рис. 5, 1, 2, 4; 12; В. В. Федоров, В. П. Третьяков. Указ. соч., рис. 5, 12—19.
- ¹⁹¹ В. А. Тихомирова. Последние исследования стоянки Плеханов Бор. Историко-археологический сборник. М., 1948.

- ¹⁹² О. Н. Бадер, М. В. Воеводский. Указ. соч., стр. 330.
- ¹⁹³ Там же, стр. 337 и сл. И. К. Цветкова. См. примеч. 86, стр. 65, 78, 80, 82, 84; В. В. Федоров, В. П. Третьяков. Указ. соч., стр. 105—110.
- ¹⁹⁴ М. Е. Фосс. См. примеч. 96, стр. 89 и сл.
- ¹⁹⁵ Там же, стр. 118.
- ¹⁹⁶ А. А. Спицын, В. Каменский. Указ. соч.
- ¹⁹⁷ М. Е. Фосс. См. примеч. 96, стр. 54.
- ¹⁹⁸ А. Д. Столяр. Мариупольский могильник как исторический источник. СА, XXIII, 1955, стр. 20.
- ¹⁹⁹ А. П. Круглов, Б. Б. Пиотровский, Г. В. Подгаецкий. Могильник в г. Нальчике. МИА, № 3, 1941, стр. 117, 118.
- ²⁰⁰ В. В. Гольмстен. Погребение из Криволучья. «Сообщ. ГАИМК», № 6. М.—Л., 1931, стр. 8.

ГЛАВА ВТОРАЯ

БАЛАНОВСКИЕ ПЛЕМЕНА И ИХ ВОЗДЕЙСТВИЕ НА МЕСТНОЕ НАСЕЛЕНИЕ СРЕДНЕГО ПОВОЛЖЬЯ

Во второй половине III и на рубеже III—II тысячелетий на обширных просторах степи и лесостепи Евразии приходят в движение скотоводческие племена¹, способ производства которых, по образному выражению К. Маркса, «требовал обширного пространства для каждого отдельного члена племени... Рост численности у этих племен приводил к тому, что они сокращали друг другу территорию, необходимую для производства. Поэтому избыточное население было вынуждено совершать те полные опасностей великие переселения, которые положили начало образованию народов древней и современной Европы»².

В первую очередь это движение затронуло степные районы, которые были и без того густо населены ранними скотоводческими племенами, все чаще обращавшими свои взоры в северные лесостепные районы, занятые в конце III тысячелетия до н. э. охотничье-рыболовческими племенами, сохранявшими неолитические традиции.

Одним из таких районов Восточной Европы, довольно рано подвергнувшихся экспансии скотоводческих племен, было Среднее Поволжье с богатыми медными месторождениями, широкими степными прогалами, благоприятными для скотоводов, и удобными путями передвижения — долинами Волги, Оки и Камы. Еще в период развитого неолита юго-восточные пределы Среднего Поволжья занимает одна из северных групп ямных племен³, потомки которых — полтавкины — к рубежу III—II тысячелетий до н. э. изредка достигали левого берега Нижней Камы⁴. Последние, однако, почти до середины II тысячелетия до н. э. не ока-

зывают какого-либо серьезного воздействия на местное население Средней Волги.

Гораздо более активное влияние на весь ход развития первой половины эпохи раннего металла в Среднем Поволжье оказали племена балановской культуры, начало проникновения которых в западные районы Волго-Камья относится к рубежу III—II тысячелетий до н. э.⁵ Не затрагивая здесь вопросы происхождения балановских и близких им фатьяновских племен, толкование которых породило многочисленные и часто противоречивые гипотезы⁶, следует лишь заметить, что большинство исследователей в последнее время все больше и больше приходят к мысли о том, что балановская группа племен Среднего Поволжья является одной из наиболее ранних групп культур с боевыми топорами⁷.

Достаточно подробная характеристика материальной культуры балановских племен с привлечением новейших результатов исследований их основных памятников дана в ряде вышедших в последние годы публикаций⁸, среди которых выделяется монография О. Н. Бадера «Балановский могильник». О. Н. Бадером и мной подготовлен также выпуск Свода археологических источников под названием «Балановские памятники в Поволжье». Поэтому в дальнейшем изложении, не касаясь в целом культуры балановских памятников, я останавливаюсь лишь на одном вопросе, до сих пор почти не затрагивавшемся исследователями — на проблеме взаимоотношений пришлых балановских племен с местным населением Среднего Поволжья. Как ранее приходилось отмечать мне, наиболее ярко эти процессы нашли отражение в памятниках так называемой чирковско-сейминской культуры⁹.

Эта культура, выявленная в последние годы, получила соответствующее освещение в публикациях и в то же время, вокруг нее уже начинает разворачиваться научная дискуссия.

О. Н. Бадер, признавая правомерность и необходимость выделения чирковско-сейминской культуры¹⁰, в то же время предлагает исключить из числа основных ее памятников Сейминский могильник, который, по его мнению, был оставлен населением особой сейминско-турбинской¹¹ или особой сейминской¹² культуры, входившей в обширную группу приуральских культур типа волосовской, турбинской и др. Вместе с тем он считает, что культура Сейминского могильника и Галичского клада, взаимно связанных между собой, ничего общего не имеют ни с чирковско-сейминской, ни с балановской культурами. Указанные памятники, по мнению О. Н. Бадера, хронологически предшествуют чирковско-сейминской культуре, завершение процесса формирования которой он относит к концу II тысячелетия до н. э.¹³

В настоящее время к чирковско-сейминской культуре следует отнести до 30 отдельных памятников (в основном поселений),

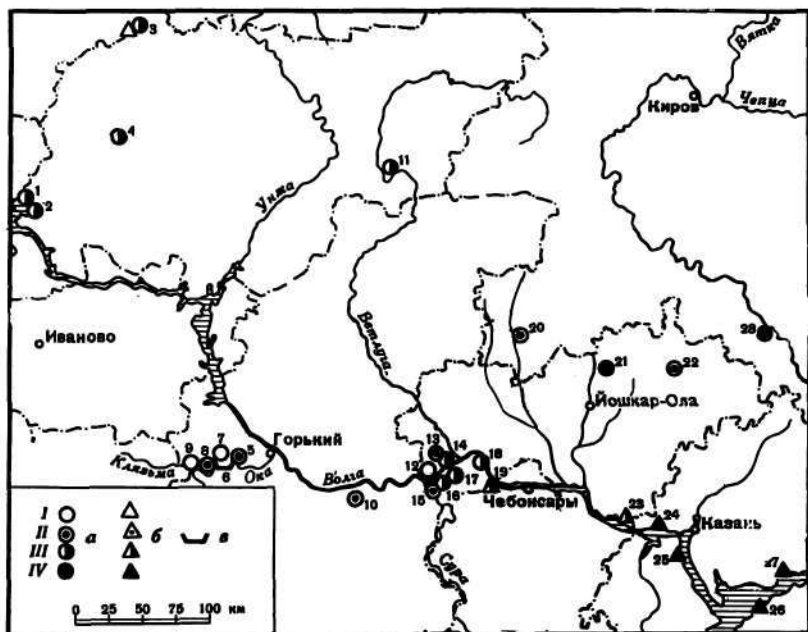

Рис. 43. Карта распространения памятников чирковско-сейминской культуры

I, II, III, IV — этапы

a — поселение;

б — могильник;

в — местонахождение

1 — Станок;

2 — Борань;

3 — Туровское поселение и
Галичские клады;

4 — Федоровское;

5 — Володары IV;

6 — Сейминский;

7 — Решетиха;

8 — Исток Мельничный;

9 — «Сокорка»;

10 — Оленья гора;

11 — Паново городище;

12 — Галанкина гора;

13 — III Полянское;

14 — Юринское;

15 — Васильсурское (нижний
слой);

16 — Васильсурское (второй
слой);

17 — Хмелевское;

18 — Носелы;

19 — Юльялы;

20 — Кубашево;

21 — Чирковское;

22 — Новоселовское;

23 — II Русско-Луговское;

24 — I Сумское;

25 — Нижне-Услонское;

26 — I Лебединское;

27 — Сорочьи горы;

28 — «Ройский Шихан»

расположенных преимущественно в Заволжье и приустьевой части р. Оки (рис. 43).

Благодаря таким широко распаханым памятникам, как Галанкина гора, Кубашевское, Чирковское¹⁴ и Васильсурское¹⁵, а также материалам Сейминского могильника¹⁶ достаточно полно можно представить особенности этой культуры и высказать некоторые соображения по поставленным вопросам.

Наиболее ранним памятником, открывающим серию чирковско-сейминских памятников, является поселение Галанкина гора, материалы которого дали выраженные комплексы составных частей чирковско-сейминской культуры¹⁷.

На поверхности поселения, поросшего сосновым лесом, были прослежены отчетливые следы от 12 земляночных впадин, 4 из которых были раскопаны в 1959 и 1966 гг. Три из них, расположенные по северо-восточному краю поселения, были соединены друг с другом переходами, так же как, вероятно, вообще вся система жилищ поселка. Котлованы изученных жилищ имели прямоугольную форму (11×7,7 кв. м; 11,5×8,3 кв. м; 17,5×8 кв. м; 11,75×8,76 кв. м) и были углублены на 50—70 см от края.

Песчаные стены котлованов, были обложены деревянными бревнами, прижатыми вертикальными столбами. В каждом доме, вероятно, имелись нары, а на ровном полу, очевидно, открытым деревянным настилом, располагались в глубоких ямах очаги-кострища (по три в каждом доме; рис. 44)¹⁸.

По форме, конструкции и характерным переходам, соединяющим жилище друг с другом, дома поселения Галанкина гора близки жилищам волосовских поселений.

Преобладание волосовских культурных традиций наблюдается и в наиболее массовом материале — керамике, фрагментов которой в процессе раскопок собрано более 13 тыс. Среди них удалось выделить около 400 сосудов, по форме, примесям в тесте, орнаментации и обработке поверхности подразделяющихся на три группы.

Первую, наиболее многочисленную, группу составляют 280 сосудов. Они изготовлены из глины с примесью в тесте толченой раковины (в большинстве случаев раковина истлела) и в основном имеют вытянутые пропорции (рис. 45, 1—5). По форме среди них выделяется несколько типов.

Первый тип представлен 162 сосудами, отличающимися своей массивностью (средние диаметры горла 30—40 см, толщина стенок 1 см), горшковидной формой, плоским или уплощенным дном и характерным «Г» образным отворотом округлого по краю венчика (рис. 45, 5). Довольно много неорнаментированных сосудов или сосудов с разреженной орнаментацией. Но есть также и такие, поверхность которых густо заполнена орнаментом. При орнаментации узоры наносились и на внутреннюю отвернутую часть горла. У нескольких сосудов край горла имеет волнистый изгиб, оформленный зашипами или нарезкой (рис. 45, 2). Сосуды первого типа близки по всем деталям к посуде таких поздне-волосовских памятников, как стоянка Панфиловская, Подборица-Щербининская, Садовый Бор, что позволяет синхронизировать эти комплексы.

Второй тип (94 сосуда) отличается более профилированным горлом, отходящим раструбом от тонкостенного и хорошо заглаженного по поверхности тулова (рис. 45, 4).

Большинство сосудов этого типа имели округлые днища, но были и плоскодонные.

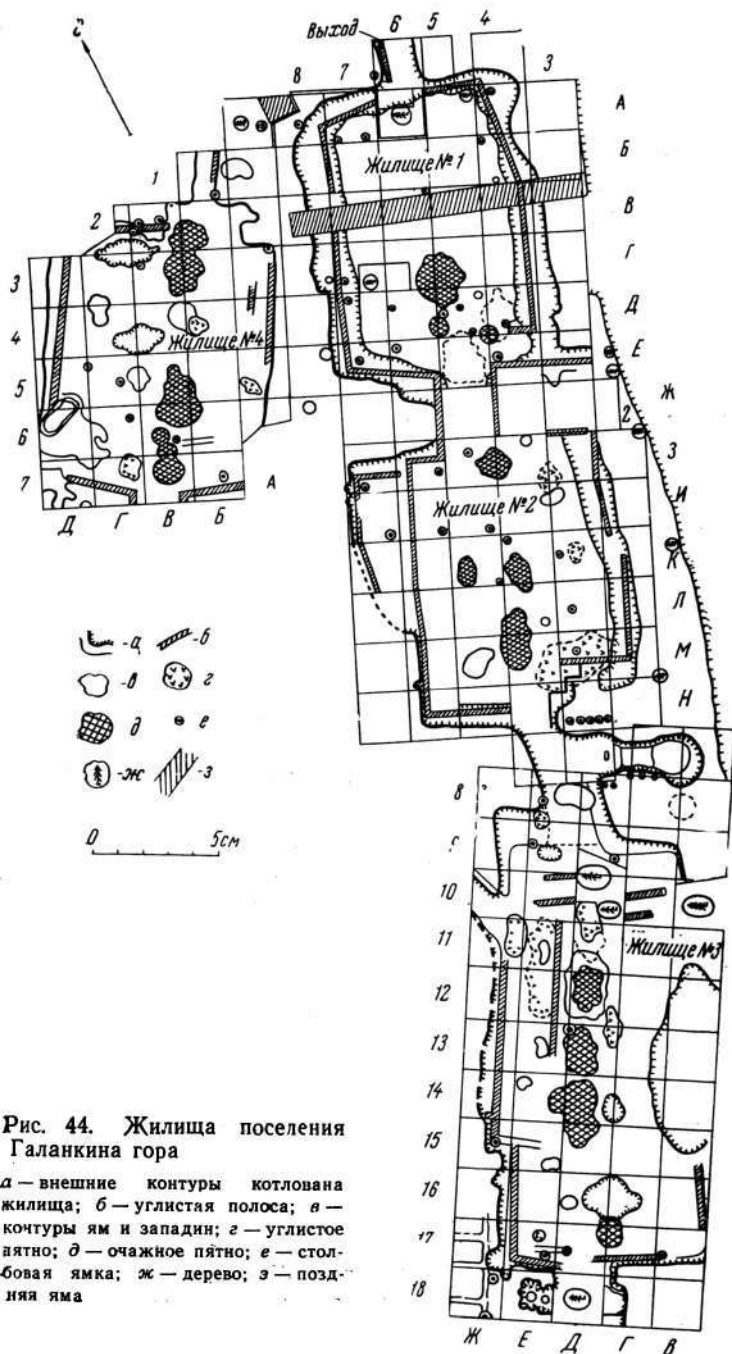

Рис. 44. Жилища поселения Галанкина гора

а — внешние контуры котлована жилища; б — углистая полоса; в — контуры ям и западин; г — углистое пятно; д — очажное пятно; е — столбовая ямка; ж — дерево; з — поздняя яма

Преобладают сосуды средних размеров с диаметром горла в 15—20 см, равным диаметру тулова или несколько меньшим. Встречены единичные крупные сосуды с диаметром горла до 40 см. Примерно до трети сосудов этого типа лишены орнамента, у орнаментированных узоры, как правило, располагаются разреженно. Края сосудов обычно украшены насечками, а иногда имеют волнообразный изгиб.

Оригинальны по форме немногочисленные сосуды (14 экз.) третьего типа. Это небольшие (диаметр горла 10—20 см) плоскодонные чашевидные сосудики с прямыми стенками и короткими слегка отвёрнутыми краями. По внешней их поверхности, а иногда и изнутри края горла, располагается разреженный орнамент. К этому типу близок один оригинальный сосуд ладьевидной формы, покрытый по поверхности орнаментом в виде шахматного поля и имеющий также орнаментированное плоское дно (рис. 45, 9).

Четвертый тип состоит из 11 орнаментированных сосудов довольно крупных размеров с диаметром горла в 30—50 см, прямостенных с утолщенными днищами. Верхняя часть их украшена налепными валиками (рис. 45, 1, 3).

Значительная часть сосудов первой группы орнаментирована по внешней поверхности, у некоторых узор нанесен даже на днище. Однако более трети сосудов (100 экз.) не имеет орнамента. Преобладают сосуды, украшенные резными линиями, за ними следуют узоры из оттисков зубчато-гребенчатого штампа. Единичны сосуды с орнаментом из неглубоких ямок и оттисков перевитого шнура.

Среди узоров наиболее распространены ряды косо поставленных ногтевидных либо клиновидных нарезок, расположенных или параллельными рядами, или горизонтальной елочкой. На отдельных сосудах горизонтальные ряды соединены друг за другом косыми рядами нарезок.

Весь этот стиль орнаментации, как мы видели выше, свойствен и для поздневолосовской керамики Панфиловской, Подборица-Щербининской и других стоянок.

На сосудах из поселения Галанкина гора имеются также узоры, нанесенные оттисками «шагающей гребенки» (рис. 45, 1), по характеру исполнения близкие к орнаментации камской керамики левшинского и гаринского времени и к орнаменту сосудов некоторых волосовских стоянок Среднего Поволжья (1 Сумкинская и Руткинская). Между прочим, эта черта свидетельствует о некоторой архаике описываемой керамики, ибо в керамике, безусловно поздней волосовской Подборица-Щербининской стоянки, орнамент, выполненный «шагающей гребенкой», неизвестен.

Наиболее сложные узоры отмечены на сосудах, имеющих, помимо резного и гребенчатого орнамента, украшения в виде

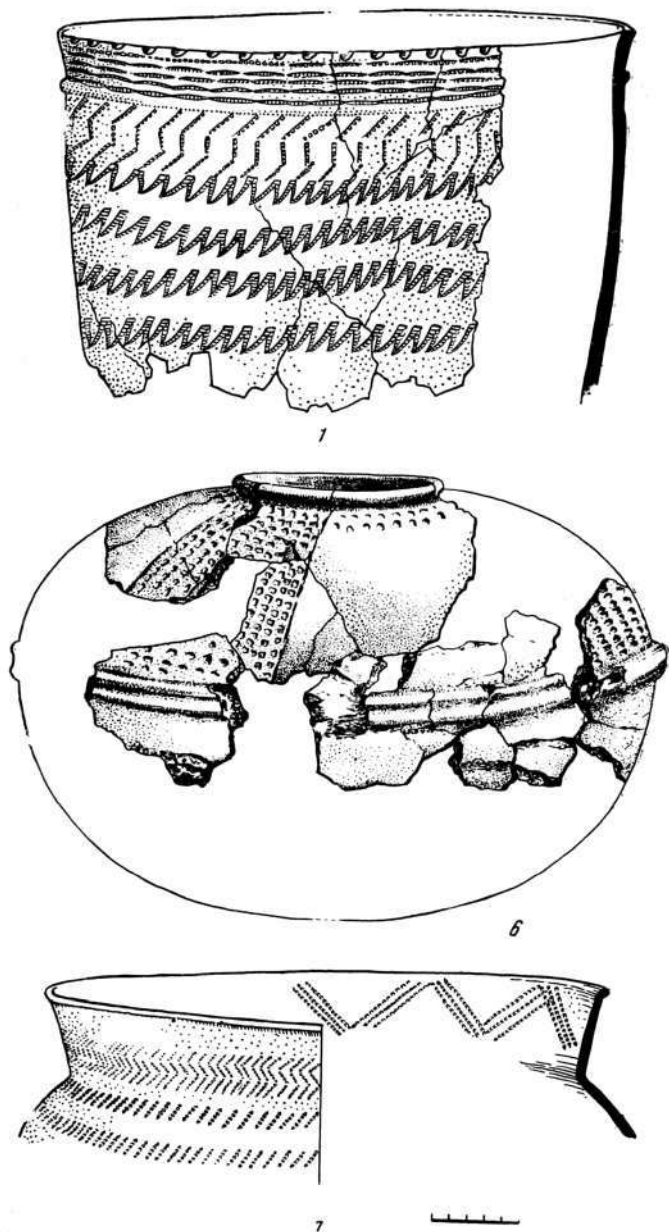
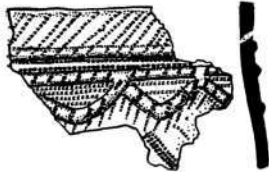

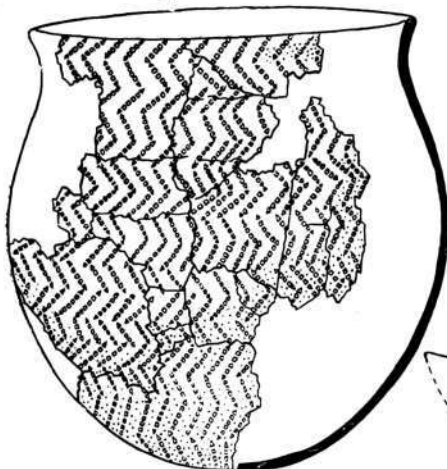
Рис. 45. Глиняные сосуды из поселения Галанкина гора
 1—5—керамика волосовского типа; 6, 7—балановские сосуды; 8—черковско-сейминская керамика

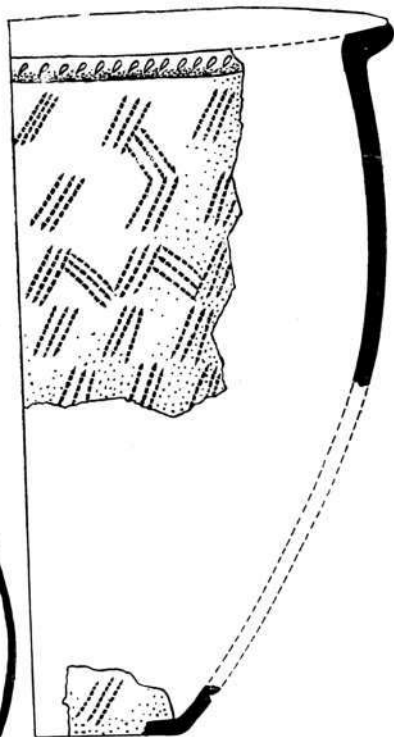
3

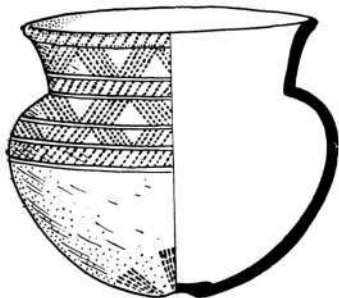
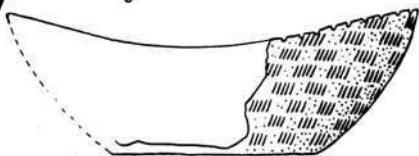
2

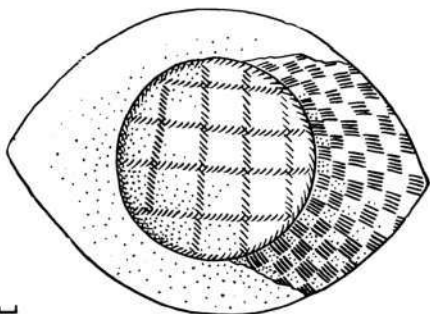
4

5

8

9

налепных ребристых валиков (рис. 45, 1, 3). Последние по гребню также украшены оттисками короткого зубчатого штампа или насечками. Валики наложены обычно в верхней части сосудов в виде горизонтальных рядов, иногда с вертикальными ответвлениями, или крупных зигзагов и треугольников.

Украшение налепными валиками неизвестно в керамике местных культур Среднего Поволжья рассматриваемого времени, поэтому такую деталь орнаментации следует считать явлением, принесенным со стороны. Но откуда могла появиться такая своеобразная орнаментальная техника? Может быть, она возникла под воздействием среднекамских турбинских племен? Действительно, сосуды с гофрированным (волнообразным) краем венчика и налепными, почти всегда гофрированными, валиками обнаружены на ряде памятников гаринского времени (ольховский этап по О. Н. Бадеру), Средней Камы — стоянки Камский Бор II, VII Бойцовская, I, II, III Тюремка.

Эти памятники в основном датируются серединой и началом второй половины II тысячелетия до н. э., т. е. несколько позже поселения Галанкиной горы. Учитывая, что в более ранней гаринской керамике подобных налепов нет, следует полагать, что среднекамская посуда с гофрированным краем и валиками не могла послужить прообразом более ранней посуде с Галанкиной горы. Скорее здесь наблюдается обратное воздействие ранней чирковско-семиной керамики на гаринскую (ольховскую).

Близость первой, т. е. основной группы керамики поселения Галанкина гора к поздневолосовской¹⁹, дает нам право утверждать, что основную этническую массу поселка, а вместе с ней и формирующихся чирковско-сейминских племен, составляло местное поздневолосовское население.

Вторая группа сосудов, представленная 88 экземплярами, резко отлична по форме, фактуре теста и орнаментации от первой и по всем деталям близка к посуде балановских памятников Поволжья. Это круглодонные сосуды, вылепленные из хорошо отмученной глины с примесью песка в тесте. По форме среди них выделяются два типа: шаровидные амфоры (два сосуда; рис. 45, 6) раннего, по П. М. Кожину, типа и обычные балановские (предатликасинские) сосуды с цилиндрическим или отходящим раструбом от тулова горлом (рис. 45, 8).

Массовость фрагментов балановской керамики на поселении Галанкина гора и нахождение их *in situ* совместно с фрагментами сосудов поздневолосовского облика в заполнении полов жилищ исключают случайное попадание первых в слой поселения. Несомненно одновременное бытование на поселении обеих групп керамики, а следовательно, и людей, изготовлявших их. Наиболее вероятно предположение, что балановские сосуды на поздневолосовском поселении могли быть принесены туда лишь женщинами, которые в результате развития экзогамных браков вы-

ходили из соседнего балановского рода замуж в поздневолосовский род, как и наоборот.

Женщины, попав в чужой род, оставались верными своим культурным традициям и продолжали лепить горшки по своим обычаям. Балановки в поздневолосовском поселке изготавливали балановскую посуду, а волосовки в балановских поселках — волосовскую. Подтверждением последнему являются материалы нижнего слоя Васильсурского поселения, который вначале был основан балановцами²⁰. Несмотря на несколько более поздний характер этого поселка (он относится уже к атли-касинскому времени), в его керамическом материале преобладают балановские сосуды (84% из общего числа). Но вместе с ними есть и сосуды (16% из общего числа) поздневолосовского типа. Как мы видим, процентное соотношение балановской керамики на поздневолосовском поселении, как и наоборот, примерно одинаково и относительно невелико. Это вполне закономерно, ибо основа населения и в том и в другом случае еще сохранялась, а число пришлых женщин в род, очевидно, было небольшим.

Но начало экзогамных браков, основанных прежде всего на установлении прочных добрососедских отношений между обеими группами населения, имело далеко идущие последствия. Происходила известная нивелировка культурных традиций, на базе чего и возникло новое культурное образование. Уже на поселении Галанкина гора мы находим еще одну группу сосудов, впитавшую в себя характерные признаки обеих описанных групп.

Сосудов последней керамической группы обнаружено немного (27 экз.). Очевидно, это объясняется в первую очередь тем, что на Галанкиной горе мы наблюдаем лишь первоначальные процессы включения в местную среду новых элементов. Все эти сосуды, изготовленные из глины с примесью толченой раковины в тесте, отличаются круглодонностью и своеобразной формой (рис. 45, 7). По форме (высокое, слегка отогнутое либо прямое горло с прямым или отогнутым венчиком, иногда имеющим подобие бортика, и выпуклое тулово) они приближаются к балановской керамике, а по структуре теста (примесь толченой раковины) и орнаменту (ряды резных клинышков, мелкозубчатый вертикальный и горизонтальный зигзаг, волнистый изгиб края венчика) сохранили традиции первой группы сосудов. Эта посуда характерна для поселений чирковско-сейминской культуры²¹, поэтому мы можем считать, что на поселении Галанкина гора зарождается новый тип керамики, свойственный новому культурному образованию, сложившемуся на базе культуры местных племен при условии сильного воздействия культуры балановских племен. Следовательно, не конец II тысячелетия до н. э., как это считает О. Н. Бадер²², а конец первой половины II тысячелетия до н. э. мы должны принять за время сложения чирковско-сей-

минской культуры, расцвет которой падает на вторую половину этого тысячелетия.

На последующем, собственно сейминском этапе, относящемся к XV—XIV вв. до н. э. и представленном значительным числом памятников, среди которых наиболее выраженные комплексы содержали Кубашевское поселение²³, нижний слой Васильсурского поселения²⁴ и основная часть погребений Сейминского могильника²⁵, оформляются характерные черты чирковско-сейминской культуры, хотя все еще отчетливо выступают и культурные традиции обеих составных частей.

Большинство известных поселков (Кубашево, Васильсурское, Оленья гора, Новоселово) занимает высокие, естественно укрепленные мысы и в некоторых случаях, как это наблюдалось на Васильсурском поселении, защищается дополнительными укреплениями. Изученные на Кубашевском поселении жилища являлись остатками наземных срубных домов, в некоторых чертах они еще сохраняют волосовские строительные традиции: соединение крытым переходом двух помещений, простые круглые очаги в небольших ямах, но вместе с тем внешний облик дома резко меняется. Становятся характерными изолированные наземные дома типа срубов с плоскими крышами, в чем следует усматривать возобладание строительной традиции балановского населения²⁶.

Наиболее выраженные керамические комплексы содержали Кубашевское поселение и Сейминский могильник, памятники синхронные и в этом отношении особенно интересные для сопоставления. Кубашевское поселение по балановской керамике атли-касинского типа, классическим образцам сейминских наконечников стрел, короткообушковому сверленому топору датируется серединой II тысячелетия до н. э.²⁷

При раскопках Кубашевского поселения собрано около 3 тыс. фрагментов керамики, из которых по сохранившимся верхним частям удалось выявить 85 сосудов. Они подразделяются по ряду признаков на те же три группы, выделенные еще в материале поселения Галанкина гора.

Сосуды первой группы (36 сосудов или 42% из общего числа) изготовлены из глины с примесью толченой раковины в тесте. Это в основном крупные сосуды с округлым, уплощенным или плоским дном, выпуклым туловом, плавно переходящим в слегка открытое горло с округлым краем венчика²⁸.

По форме, фактуре теста, обработке поверхности и орнаментации данная посуда близка к первой поздневолосовской группе керамики поселения Галанкина гора, но в отличие от нее на Кубашевском поселении больше найдено неорнаментированных сосудов.

Круглодонные и тонкостенные шаровидные сосуды второй группы с прямой или слегка отклоненной наружу шейкой и бор-

тиком по краю венчика²⁹ аналогичны сосудам атли-касинского этапа балановской культуры. Всего на поселении обнаружено свыше 400 фрагментов этой группы, среди которых удалось выделить 30 сосудов.

Третья группа керамики (ее можно считать собственно чирковско-сейминской) составляет уже около четверти всех выделенных сосудов (19 сосудов). Вся она, найденная совместно с волосовской и балановской керамикой, изготовлена из глины с примесью в тесте толченой раковины и имеет хорошо заглаженную поверхность. Сосуды круглодонные. Девять из них имеют слегка выпуклое тулово, четкий переход от тулова к цилиндрическому или слегка расширенному горлу. Венчик обычно прямой, у одного сосуда он был заостренный, а у другого — округлый, слегка оттянутый наружу. У десяти сосудов переход от тулова к горлу был более плавный, а орнаментация — более сложная. Орнамент, выполненный в основном оттисками мелкозубчатого штампа, образует узор в виде змейки, горизонтальных или вертикальных зигзагов, горизонтальных полос, заштрихованных треугольников, «лестнички» и т. п. Вся эта посуда в полной мере может быть названа чирковско-сейминской.

Близкая по типу керамика обнаружена и на поселениях Васильсурском (нижний слой), Оленья гора. Подобная же посуда составляет основную массу керамики Сейминского могильника. Вопрос о керамике Сейминского могильника имеет принципиальное значение, ибо, только опираясь на анализ керамического комплекса, можно решать проблему культурной принадлежности и в какой-то степени вопрос о дате этого важнейшего для эпохи раннего металла лесной и лесостепной полосы Восточной Европы могильника.

Богатые коллекции Сейминского могильника, обнаруженного в 1912 г.³⁰ в устье р. Оки (у ст. Сейма Горьковской ж. д.) и раскопанного в 1912—1922 и 1928 гг., привлекали внимание многих археологов, занимавшихся изучением бронзового века на территории СССР³¹. К сожалению, этот интереснейший памятник до сих пор весьма неполно освещен в археологической литературе. Если характер найденного здесь металлического и кремневого инвентаря можно считать определенным и увязанным с материалами памятников эпохи бронзы Восточной Европы и Сибири, то анализ керамического комплекса вызвал оживленную дискуссию.

Еще при первой публикации материалов Сейминского могильника В. А. Городцов³² попытался представить отдельные образцы фрагментов керамики, по его мнению, предположительно увязанных с могильником. Он наблюдал некоторые аналогии этой керамики в материалах окских памятников типа Ужальской и Алекановской стоянок. В указанной работе им, кстати, были приведены фрагменты чирковско-сейминских сосудов. А. М. Тальгрэн отмечал, что керамика Сейминского могильника близка к

керамике Галичского клада и имеет значительное сходство с фатьяновской³³. Первая попытка расчленения керамического материала Сейминской дюны была предпринята О. Н. Бадером³⁴. Он считает, что на Сейминской дюне располагались могильник и поселение, а возможно, и несколько разновременных поселений. Принимая во внимание сообщение А. М. Колева, проводившего первые раскопки Сейминского могильника, о находках в могильных ямах «прекрасно орнаментированных небольших сосудов изысканной формы с диаметром и высотой от 12 до 13 см», к настоящему времени не сохранившихся в коллекциях, О. Н. Бадер утверждает, что «опубликованная В. А. Городцовым керамика происходит, несомненно, не из погребений, а из культурного слоя поселения»³⁵. Далее он разбирает весь керамический материал и типологически делит его на пять групп:

- 1) ямочно-гребенчатую неолитическую керамику;
- 2) керамику фатьяновскую (точнее балановскую);
- 3) волосовскую;
- 4) позднебалахнинскую;
- 5) собственно сейминскую³⁶.

Из этих групп О. Н. Бадер, с точки зрения возможной связи с погребениями Сейминского могильника, исключает ямочно-гребенчатую керамику как более раннюю и фатьяновско-балановскую «как связанную с совершенно другим типом погребений»³⁷ и относящуюся к более позднему времени, ибо она имеет ош-пандинский облик³⁸. Остальные три группы сосудов он рассматривает как генетически связанные друг с другом и отмечает, что сейминская керамика возникла на базе поздневолосовской и позднебалахнинской при сильном влиянии срубной, в ее северном поздняяковском варианте. Датируя эту керамику в пределах XII—XI вв. до н. э., О. Н. Бадер находит возможным поставить ее в один генетический ряд с борской керамикой турбинской культуры Верхнего Прикамья³⁹. После публикации моей работы⁴⁰ О. Н. Бадер внес некоторые коррективы в свою типологию керамики Сейминского памятника, хотя и не изменил своего первоначального мнения⁴¹. Согласившись с необходимостью выделения чирковско-сейминской керамики в материалах Сейминского могильника, он отнес эту керамику к концу II тысячелетия до н. э. и, исходя из этого, высказал мнение, что «основная по численности позднейшая чирковско-сейминская группа керамики должна связываться с позднейшим поселением, возникшим на дюне тогда, когда самый факт расположения здесь могильника уже был забыт, не ранее XIII в., а скорее в XII в. до н. э.»⁴²

Отбросив, таким образом, и эту группу керамики из числа возможных претендентов на керамику могильника, он еще раз подчеркнул, что «наиболее вероятно принадлежность к культуре могильника... поздневолосовско-балахнинской керамики»⁴³. В подкрепление изложенных ранее доказательств О. Н. Бадер

еще раз приводит высказывание А. Конева о находках вместе с костями человека только небольших сосудов диаметром в 12—13 см и иллюстрирует это ссылками на сохранившиеся зарисовки сейминских сосудов, выполненных А. Мельниковым. Последние он сопоставляет с сосудом из IV Большекозинской стоянки⁴⁴. На этой основе им снова предпринимается попытка отнесения поздневоловосовских и позднебалахнинских стоянок к неопределенной сейминской культуре, принадлежавшей к обширному сейминско-турбинскому «ареалу родственных приуральских, волго-камских культур медно-бронзовой эпохи»⁴⁵. В какой-то степени к этому мнению присоединилась и М. Гимбутас⁴⁶.

Постараемся рассмотреть правомерность этих утверждений на конкретном материале.

Керамический материал Сейминской дюны из раскопок 1912—1933 гг. хранится в Государственном историко-архитектурном музее-заповеднике г. Горького, из раскопок Б. С. Жукова в 1929 г. — в музее Антропологического института Московского государственного университета, из сборов А. М. Тальгрена — в Национальном музее Финляндии. Все коллекции содержат вполне однотипный керамический материал, что позволяет рассматривать его в общей совокупности. Из многочисленных керамических фрагментов по сохранившимся верхним частям и деталям орнамента удалось выделить до 84 сосудов, которые по форме, примесям в тесте и обработке поверхности разделяются на четыре группы (рис. 46):

1. Раннебалахнинская с ямочно-гребенчатым орнаментом — 2 сосуда.
2. Поздневоловосовская с некоторыми чертами позднейшей балахнинской керамики — 20 сосудов.
3. Балановская с фатьяновскими чертами — 11 сосудов.
4. Сейминская, или чирковско-сейминская — 51 сосуд.

Первая группа керамики представлена фрагментами от двух сосудов с примесью песка в тесте и заглаженной поверхностью. Имеется фрагмент от приостренного днища. Внешняя поверхность обломков украшена орнаментом из рядов глубоких конических ямок и оттисков овальногребенчатого штампа. Все эти фрагменты относятся к балахнинской культуре, поэтому они не могли принадлежать как хронологически более ранние Сейминскому могильнику.

Вторая группа сосудов рассматривается как единый комплекс, сохраняющий в форме, примесях теста и обработке поверхности традиции воловосовской керамики. Для этих сосудов характерно грубое тесто с растительными примесями, может быть, примесями истлевших толченых раковин. Внешняя поверхность заглажена, внутренняя обработана штриховой зачисткой; форма сосудов горшковидная с вытянутым туловом (высота больше диаметра горла) и отогнутым венчиком с округлым краем; преоб-

ладают плоские днища (на 20 верхних частей встречено 10 обломков днищ с диаметром от 10 до 16 см при толщине от 0,5 до 1 см). По степени отгиба венчика выделяются два типа сосудов. К одному относятся сосуды со слабо отогнутым наружу венчиком и слегка выпуклым туловом (17 экз., рис. 46). Преобладают сосуды с диаметром горла от 12 до 30 см (12 экз.) и толщиной стенок в 0,4—0,8 см. Встречены также пять сосудов более крупных размеров с диаметром горла 31—45 см. Последние имеют толстый, сильно отогнутый почти «Г»-образный край (рис. 46, 3).

Большинство сосудов этой группы неорнаментировано (17 из 20). У шести сосудов лишь по краю венчика наблюдаются резные насечки или скошенные оттиски гребенчатого штампа. Два сосуда по внешней поверхности имели сильно разреженную орнаментацию из резных линий и ямочных вдавлений (рис. 46, 2). Один небольшой сосуд по внешней поверхности был украшен горизонтальными оттисками гребенчатого штампа (рис. 46, 1). Эта керамика, аналогии к которой имеются в керамических комплексах ряда поздневолоховских (Подборица-Щербининская, Панфиловская и др.) и ранних чирковско-сейминских (Галанкина гора, Кубашевское и др.) поселений середины II тысячелетия до н. э., очевидно, синхронна могильнику. Но едва ли она была помещена в могилах. Скорее она находилась в жертвенных комплексах, ибо, как отмечает А. М. Конев, «больших горшков вблизи найденных черепов или костей ни разу не найдено. Это горшки всегда находились около зольников».

Третья группа представлена относительно небольшими и немногочисленными фрагментами 11 круглодонных сосудов, изготовленных из глины с примесью песка в тесте и имеющих выпуклое тулово, переходящее в цилиндрическое или расширенное раструбом горло (рис. 46, 4—7). Поверхность сосудов хорошо заглажена. Все они небольшие, с диаметром горла в 10—15 см. У большинства горло цилиндрическое, иногда завершенное по венчику слабым бортиком, которое нередко бывает орнаментированным. У трех сосудов горло расширяется раструбом вверх. Один сосуд не орнаментирован. Остальные лишь в верхней части украшены зональным узором, выполненным резными линиями и в одном случае мелкозубчатым штампом. Элементы узоров, обычные для балановской керамики,—зигзаги, заштрихованные ромбы, ряды коротких вертикальных и перекрещивающихся резных отрезков и т. п. В двух случаях было отмечено круглое дно с ямкой, окруженной радиально расходящимися резными линиями. Вся эта группа керамики весьма близка к сосудам балановских памятников, но не ош-пандинского этапа, как это было предложено мной ранее⁴⁷ и поддержано О. Н. Бадером⁴⁸, а к сосудам конца балановского этапа. За последнее говорит и наличие сосудов с орнаментированными краями венчиков, что уже

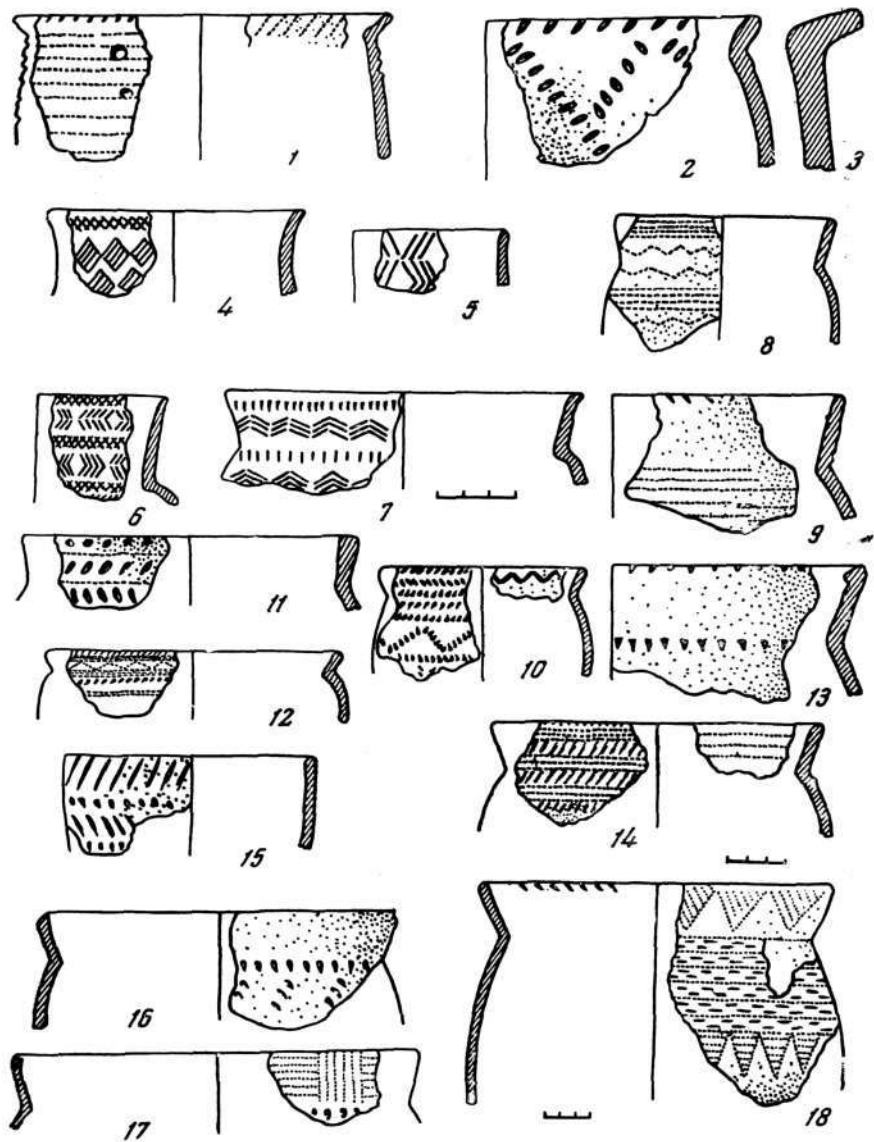

Рис. 46. Керамика Сейминского могильника

1—3 — керамика поздневолосовского типа; 4—9 — балановско-фатьяновские сосуды;
10—18 — чирковско-сейминская керамика

становится нехарактерным для балановской посуды начиная с атли-касинского времени (см., например, балановскую керамику Кубашевского поселения)⁴⁹, а также отсутствие типичных атли-касинских и тем более ош-пандинских сосудов с их специфичными чертами орнамента. В известной степени балановскую керамику Сейминской дюны следует сопоставить с керамикой ближайшего Чуркинского могильника. Действительно, сосуды обоих памятников как по форме, так и по орнаменту, имеют много общего, что заставляет предполагать и их синхронность. И если Чуркинский могильник был датирован серединой II тысячелетия до н. э.⁵⁰, то этим же временем следует датировать и третью группу керамики Сеймы. Но в таком случае она будет синхронна могильнику и это увеличивает шансы в принадлежности балановской керамики погребальной посуде Сейминского могильника.

Как ни заманчиво увязывать балановскую керамику, а следовательно и ее культуру, с Сейминским могильником, что уже предпринималось мной⁵¹, но все же следует думать, что балановская керамика не являлась основной керамикой могильника и, по-видимому, даже не помещалась в могилах. Против того, что она не была погребальной, свидетельствует не только ее малочисленность, но и сильная фрагментарность, а также и то, что в своей основе культура Сейминского могильника является не балановской и не фатьяновской⁵².

Остается четвертая, наиболее многочисленная группа сосудов, которая в полной мере может быть названа собственно сейминской, или чирковско-сейминской. Она представлена более чем 50 сосудами (рис. 46, 8—18).

Общими характерными чертами для этой группы являются круглодонность, хорошо профилированная форма, органические примеси в тесте и заглаженная поверхность. По форме выделяются три типа, по примесям в тесте — две разновидности.

Первый тип — девять небольших сосудов довольно изящной формы с диаметром расширенного раструбом невысокого горла в 10—15 см (рис. 54, 8, 10, 12). Диаметр тулова несколько больше диаметра горла. Венчики приостренные (2 экз.), плоские (3 экз.), скошенные наружу (2 экз.) и внутрь (1 экз.). Семь сосудов орнаментированы по верхней части густыми узорами из оттисков мелкозубчатого (пять сосудов) или клиновидного (два сосуда) штампа. Между прочим, зарисованные А. Мельниковым сосуды⁵³ относятся именно к этому типу, так же как и фотография целого сосуда (снимок 1914 г.). Вполне вероятно, что эти сосуды имел в виду и А. М. Конев, отметивший наличие в могильных ямах прекрасно орнаментированных небольших сосудов «изысканной формы, с диаметром и высотой от 12 до 13 см»⁵⁴.

Следовательно, все эти сосуды вполне могли быть погребальными, о чем свидетельствует и их хорошая сохранность крупными фрагментами, несмотря на слабое качество теста.

Аналогичные сосуды особенно характерны для Юринского⁵⁵ и второго слоя Васильсурского⁵⁶ поселений и, вероятно, являются позднейшими сосудами могильника. Эти сосуды позволяют доводить дату Сейминского могильника до рубежа XIV—XIII вв. до н. э., что согласуется также и с последними датировками Сеймы.

Так, М. Гимбутас склонна определить крайнюю датировку существования Сейминского могильника серединой XIII в., в целом относя его к XV—XIII вв. до н. э.⁵⁷ Попытки В. А. Сафронова датировать Сейму еще более поздним временем, кажется, не увенчались успехом. Даже после передатировки Бородинского клада он не смог поднять конечную дату Сейминского могильника выше середины XIII в. до н. э.⁵⁸ Начальная же дата Сеймы едва ли может быть моложе XV в. до н. э. Об этом свидетельствует наличие в ее керамическом комплексе поздневолосовской керамики.

Второй тип — 42 сосуда (рис. 46, 9, 11, 13, 14, 16—18). Они отличаются от первых более крупными размерами и некоторыми деталями в форме и орнаменте. Для них характерно высокое, но также расширенное раструбное горло. Диаметр горла у большинства сосудов совпадает с диаметром тулова. Следует отметить также слабую орнаментацию и бедность самих сюжетов. Среди этих сосудов нет малых; диаметром горла их — менее 15 см; преобладают сосуды с диаметром горла от 16 до 30 см, но есть также и крупные с диаметром горла в 30—40 см (5 экз.). Большинство сосудов имело разреженную орнаментацию, на 15 экземплярах орнамент вообще отсутствует. Орнамент выполнен в основном оттисками клиновидного, реже гребенчатого штампа и резными линиями. В преобладающем случае края венчиков украшены насечками или короткими оттисками зубчатого штампа, иногда придающими краю своеобразный волнистый изгиб. В расположении узоров наблюдается определенная зональность. В некоторых случаях горло сосудов не орнаментировалось и лишь по плечу и верхней части тулова наносились ряды клиновидных углублений. Один сосуд (рис. 46, 18) был украшен по горлу и в завершении орнаментального сюжета по тулову узорами из опущенных вниз и горизонтально заштрихованных треугольников и рядами горизонтальных клиновидных углублений, разделенных линиями зубчатого штампа. Очевидно, этот сосуд имел в виду и С. М. Парийский, писавший о нахождении в могилах крупных сосудов, поверхность которых была покрыта разнообразными рисунками — точками, перемежающимися линиями, нарезками ногтем, треугольными фигурами.

Большинство (31 экз.) сосудов этого типа изготовлено из глины с органическими примесями (может быть, истлевшие толче-

ные раковины), но 11 сосудов, по форме и орнаментации полностью совпадающие с описанными, имеют в качестве примесей в тесте песок и шамот. Эти сосуды по примесям идентичны балановским, а по форме и орнаментации являются чирковско-сейминскими.

Вся посуда близка к ранней чирковско-сейминской керамике таких поселений, как Кубашево, Васильсурское и др., и может быть датирована серединой и третьей четвертью II тысячелетия до н. э. Относится ее к последней четверти II тысячелетия до н. э., как это пытается делать О. Н. Бадер, нет оснований, ибо чирковско-сейминская керамика второй половины II тысячелетия до н. э. имеет специфичный орнамент в виде «змейки»⁵⁹, отсутствующий на посуде Сейминского могильника. В связи с этим едва ли правомерно утверждение О. Н. Бадера о существовании на Сейминской дюне позднейшего поселения, возникшего тогда, «когда самый факт расположения здесь могильника был уже забыт, — не ранее XIII в., а скорее в XII в. до н. э.»⁶⁰ В материалах Сейминской дюны нет никаких вещей, которые можно было бы датировать последней четвертью II тысячелетия до н. э. Самой поздней и в то же время основной является чирковско-сейминская керамика, которая, будучи единственной погребальной керамикой, датируется временем могильника, т. е. XV—XIV вв. до н. э. Последняя четверть II тысячелетия до н. э. на Нижней Оке, так же как и в прилегающих участках Поволжья, это время господства поздняяковской культуры со специфичной для нее керамикой, среди которой немало и «текстильной»⁶¹. Ни одного фрагмента поздняяковской керамики на Сейминской дюне не обнаружено, хотя буквально рядом находятся типично поздняяковские стоянки, как Володары I, V и др. Здесь же нет и поздней балановской, и поздней чирковско-сейминской керамики. Все это позволяет утверждать, что после того, как могильник на Сейминской дюне перестал функционировать, никакое новое поселение здесь не возникало.

Сейминский могильник, очевидно, был оставлен чирковско-сейминским населением, культура которого формировалась на базе поздневолосовской и при определенном воздействии балановской. Выше было отмечено, что воздействие последней в основном явилось результатом развития экзогамных браков между поздневолосовскими и ранними чирковско-сейминскими племенами, с одной стороны, и балановскими — с другой. Эти отношения объясняют и практическое неупотребление балановской посуды в качестве погребальной на Сейминском могильнике, и отсутствие здесь выраженных погребений, совершенных по балановскому ритуалу. Ведь Сейминский могильник был кладбищем лишь чирковско-сейминских родов, а все посторонние члены, в первую очередь балановские женщины, очевидно, хоронились на своем кладбище. Вероятно, таким «своим кладбищем» для них

был Чуркинский могильник, расположенный вблизи Сейминского⁶².

Принадлежность Сейминского могильника к чирковско-сейминской культуре подтверждается и тем, что около могильника было расположено несколько довольно крупных поселков с чирковско-сейминской керамикой (рис. 43). В их числе следует отметить стоянки Володары IV (разведки В. Ф. Черникова, 1960 г.), Решетки (Березовая Грива), Исток Мельничный (раскопки А. Давидовича, 1939 г.), «Сокорка», верхний слой Подборница-Шербининской⁶³. Все они, судя по керамике, синхронны Сейминскому могильнику. Прекращение их существования следует поставить в прямую связь с активным проникновением в Нижнее Приочье в третьей четверти II тысячелетия до н. э. поздняяковских племен.

Определенное подтверждение этому дает материал стоянки «Исток Мельничный». Основная керамика стоянки — чирковско-сейминская, в орнаментации которой уже появляются поздние элементы, в частности узор в виде «змейки». Здесь же есть несколько фрагментов балановской керамики ош-пандинского типа. Вся эта посуда близка, с одной стороны, керамике Сейминского могильника, а с другой — керамике Юринского поселения⁶⁴, что позволяет ее в целом датировать третьей четвертью II тысячелетия до н. э. Но в этой же коллекции имеется много ранней поздняяковской керамики без «текстильных» отпечатков. В то же время на поселениях с «текстильной» керамикой в этом районе не встречено ни одного фрагмента чирковско-сейминской керамики, тогда как балановская керамика ош-пандинского типа известна (см., например, стоянки Малый Бор и Садовый Бор). Исходя из этого следует полагать, что поздняяковские племена в конце третьей четверти II тысячелетия до н. э. полностью вытесняют из бассейна нижней Оки чирковско-сейминское население.

Чирковско-сейминская культура в своем развитии прошла длительный путь, что прекрасно фиксируется такими этапными памятниками, как Васильсурское и Юринское поселения (последующий за Сейминским могильником этап) и Чирковская стоянка. Будучи в основе культурой местного населения с воловскими традициями, чирковско-сейминская культура вместе с приказанской, поздняяковской, турбинской на ее борском этапе входила в группу родственных культур, одну (ведущую) часть которой составляли три первые культуры — приказанская, поздняяковская и чирковско-сейминская, выросшие на базе воловской при балановском, срубном и прочем воздействии, а на другом полюсе находилась турбинская культура. Но объединять все эти культуры в единую сейминско-турбинскую культуру, как это предлагает О. Н. Бадер⁶⁵, у нас нет оснований.

Определение керамики Сейминского могильника и выделение чирковско-сейминской культуры приближает разрешение еще

одной из многочисленных археологических загадок — вопроса культурной принадлежности так называемого Галичского клада.

Предметы последнего, найденные в трех комплексах в 1835—1836 гг.⁶⁶, вызвали живой интерес со стороны археологов, но вместе с тем культурная принадлежность этого памятника получила весьма противоречивую интерпретацию.

А. М. Тальгрэн, детально исследовавший место находки кладов, в ряде своих работ⁶⁷, опираясь не только на анализ металлических изделий, но и на изучение сопутствующих предметов и в особенности керамики, пришел к убеждению о фатьяновской принадлежности Галичских кладов. В основу этого предположения им была взята та часть галичской керамики, которая хотя и была изготовлена из глины с примесью органических остатков, но имела фатьяновские формы. К мнению о фатьяновской принадлежности этого памятника присоединились Г. Чайлд⁶⁸ и П. Н. Третьяков⁶⁹. А. М. Тальгрэн, а вслед за ним и П. Н. Третьяков считали, что Галичские кладов предшествовали Сейминскому могильнику, и датировали первые 1400—1300 гг. до н. э.⁷⁰

Наличие в составе кладов ряда предметов абашевского типа (серебряные полушаровидные бляшки, желобчатые браслеты, очковидная подвеска, ланцетовидные ножи) позволило некоторым исследователям отнести Галичские кладов к абашевской культуре. Впервые это предположение в достаточно осторожной форме было высказано в 1928 г. Н. Н. Бортвинным⁷¹, но последующие авторы облекли его в категорическую форму. Абашевская принадлежность Галичских кладов отмечена в первом томе 12-томной Истории СССР⁷². Более правильно и осторожно к этому подходил первоначально П. Н. Третьяков, считавший, что Галичские кладов относятся к абашевскому кругу лишь по времени, а не культуре⁷³.

В. А. Городцов, проводивший в 1924 г. широкие раскопки Туровской стоянки, на территории которой были обнаружены кладов, попытался выделить особую галичскую культуру. Он характеризовал эту культуру тремя, заведомо разновременными, группами керамики — гребенчато-ямочной, «фатьяновидной» и «текстильной»⁷⁴. К необходимости выделения этой культуры присоединилась и М. Е. Фосс, которая также, включая в ее состав различные керамические группы, считала возможным датировать кладов XIII в. до н. э. Наконец, О. Н. Бадером было выдвинуто предположение о принадлежности Галичских кладов к так называемой сейминско-турбинской культуре⁷⁵. Все эти предположения остаются до сих пор спорными.

Неосновательность увязки кладов с фатьяновской культурой была уже показана О. Н. Бадером⁷⁶. Действительно, ни кладов, ни само Туровское поселение не содержат никаких вещей, кроме широко распространенного типа вислообушного топора, которые

позволили бы аргументировать фатьяновскую принадлежность этих памятников.

Отнесение к абашевской культуре Галичских кладов на основании наличия в них некоторых металлических изделий, встреченных в абашевских памятниках, также не оправдано. Ведь все эти вещи — браслеты, полушаровидные бляшки, пронизи, очковидная подвеска и т. п. — известны далеко за пределами распространения абашевской культуры. Так, все типы галичских браслетов найдены в памятниках срубной и андроновской культур⁷⁷, полушаровидные бляшки обычны в карасукских древностях Южной Сибири⁷⁸. В то же время многие вещи кладов и не только оружие и орудия труда, но и украшения, особенно крупные бляхи, накладки, антропоморфные и зооморфные подвески и т. п., совершенно нехарактерны для абашевских древностей. Ни в составе кладов, ни на Туровском поселении нет ни одного фрагмента керамики, который был бы похож на фрагмент абашевского сосуда. Кстати, в левобережной части Волги, выше устья р. Ветлуги, неизвестно ни одного абашевского памятника, и, по-видимому, абашевцы в этом районе не переходили Волгу. Следовательно, абашевская принадлежность Галичских кладов более чем сомнительна.

Вещевые комплексы Галичских кладов весьма своеобразны⁷⁹, на первый взгляд имеют мало аналогий в памятниках эпохи бронзы лесной и лесостепной полосы Восточной Европы. Лишь некоторые детали, как, например, рукоятки ножей с изображением змей⁸⁰ проявляют сходство с предметами из Сейминского могильника да ряд вещей свидетельствует об их изготовлении в эпоху расцвета абашевской металлургии⁸¹. Но если мы возьмем сопровождавшие клады и обнаруженные при раскопках стоянки керамику и кремневый инвентарь⁸², то к одной из групп этих находок найдем достаточно убедительные аналогии.

При раскопках Туровской стоянки (в 1909 г. А. М. Тальгреном и в 1924 г. В. А. Городцовым) были собраны большие керамические коллекции, хранящиеся в Национальном музее Финляндии (№ 5380) и в Государственном историческом музее в Москве. Изучение этих коллекций дает возможность разделить их на четкие две группы. Первая из них, наиболее многочисленная (более 90% из раскопок В. А. Городцова и $\frac{2}{3}$ коллекции из раскопок А. М. Тальгрена), состоит из фрагментов крупных круглодонных сосудов, изготовленных из глины с примесью кварцевого песка и по поверхности несущих сплошную орнаментацию из оттисков среднезубчатого или гладкого штампа и ямчатых углублений. Это так называемая керамика галичского типа, встреченная, кроме Галичской стоянки, еще на ряде памятников этого района, например, на стоянке «Умилиение»⁸³. По всем своим особенностям эта керамика близка к неолитической ямочно-гребенчатой и, вероятно, ее следует датировать временем не

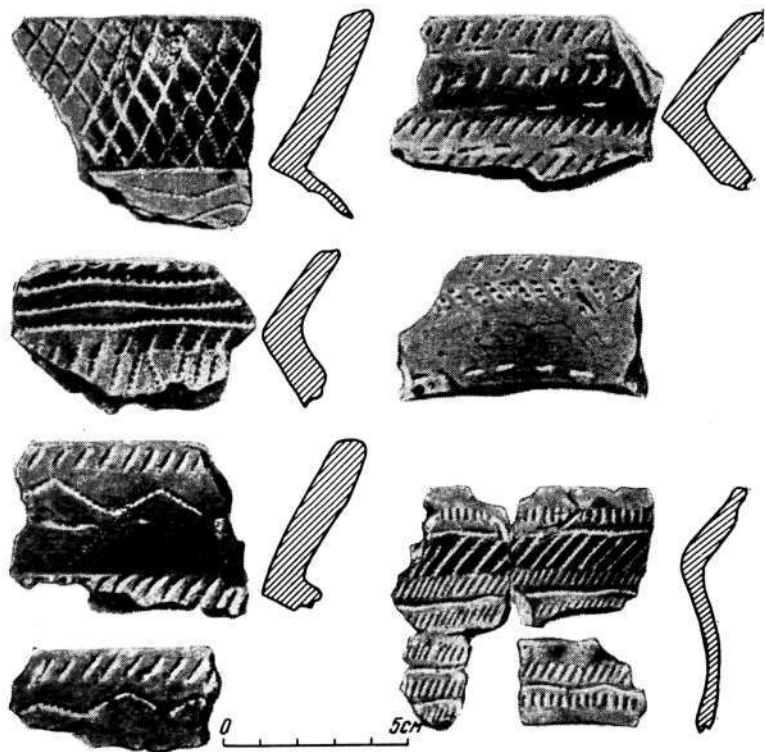

Рис. 47. Керамика Галичских кладов

позднее III тысячелетия до н. э.⁸⁴ Следовательно, первая группа керамики, будучи более древней, чем Галичские клады, не может быть увязана с последними.

Остается вторая группа, составляющая около 10% керамики из раскопок В. А. Городцова и примерно треть керамики из раскопок А. М. Тальгрена. Она состоит из фрагментов круглодонных сосудов, горло которых имеет выраженный раструб (рис. 47). Абсолютное их большинство изготовлено из глины с примесью органических остатков. Орнамент, расположенный в верхней части сосудов, выполнен из оттисков мелкозубчатого штампа и иногда заходит на внутреннюю сторону горла. Вся эта керамика, по форме напоминающая фатьяновско-балановскую, очень близка к керамике чирковско-сейминских поселений, особенно Юринского⁸⁵, дата которого, выведенная на основании имеющихся здесь балановских сосудов ош-пандинского типа, не может быть позже XIII—XII вв. до н. э.⁸⁶, что соответствует времени Галичских кладов (1400—1300 гг. до н. э., по А. М. Тальгрелю,

XIII в. до н. э., по М. Е. Фосс; 1400—1100 по М. Гимбутас). Следовательно, вторая группа керамики является единственно сопоставимой по времени с кладами, и, очевидно, она оставлена тем же населением, которое зарыло и клады.

Галичские клады и Туровская стоянка не единственные памятники чирковско-сейминской культуры в Верхнем Заволжье. Н. Н. Гурина⁸⁷ в этом районе выделяет группу памятников с керамикой чирковско-сейминского типа, которая, по ее мнению, вырастает на поздневолосовской основе, но под сильным воздействием фатьяновской. К числу таких памятников она относит стоянки Станок и Борань у г. Костромы и Федоровскую на Чухломском озере. Действительно, на всех этих памятниках обнаружена керамика, которая многими деталями сближается со второй группой керамики Туровской стоянки, а через нее и с посудой чирковско-сейминской культуры. Правда, здесь очень редко встречаются сосуды, украшенные геометрическими узорами и специфической чирковско-сейминской «змежкой», поэтому нельзя исключать и самостоятельное развитие этой группы памятников на основе смешения культурных традиций поздневолосовской и ярославской групп фатьяновских племен⁸⁸.

Но вместе с тем вполне возможно предполагать, что в третьей четверти II тысячелетия до н. э. из Среднего Поволжья в район Верхнего Заволжья под напором абашевских и срубно-поздняковских племен продвинулась и часть чирковско-сейминского населения, о чем свидетельствуют находки типичной чирковско-сейминской посуды с узорами в виде заштрихованных треугольников и «змежки» на Модлонской стоянке⁸⁹ и на некоторых памятниках по р. Шексне⁹⁰, куда они могли попасть лишь через Верхнее Поволжье.

Дальнейшая судьба чирковско-сейминских племен еще неясна, но наличие характерной для них керамики в нижних слоях ананьинских городищ раннего железного века, в частности на Городище у с. Богородское на р. Ветлуге и Ройский шихан на р. Вятке⁹¹, позволяет считать, что эти племена приняли какое-то участие в создании западных вариантов ананьинской культурной общности. Это предположение подтверждается и характером чирковско-сейминской керамики, формой (круглодонные сосуды), составом теста (примесь толченой раковины) и ornamentацией (зональность и узоры из отпечатков зубчатого штампа), которой можно наблюдать признаки, ставшие впоследствии характерными и для ананьинской керамики.

Любопытно, что в Верхнем Поволжье в тех районах, где в эпоху бронзы были известны памятники чирковско-сейминского типа (Борань, Туровская, Федоровское, Модлона и т. п.), среди керамики эпохи раннего железа встречаются группы, близкие к ананьинским (городище у сел Городок, Минское, поселения Ватажка», Верхнее Веретье, Кубенино)⁹².

В раннеананьинских же комплексах, преимущественно происходящих из западных памятников (Старо-Ахмыловский и Акозинский могильники), имеются предметы (кельты, тесла, бляхи, антропоморфные фигуры, копья, ножи и т. п.), типологические развития которых уводит нас к материалам Сейминского могильника и Галичских кладов.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ А. Я. Брюсов. Об экспансии «культур с боевыми топорами» в конце II тысячелетия до н. э. СА, 1961, № 3, стр. 14; П. Н. Третьяков. Финно-угры, балты и славяне на Днепре и Волге. М.—Л., 1966, стр. 69 и сл.

² К. Маркс. Вынужденная эмиграция. К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 8, стр. 568.

³ Н. Я. Мерперт. Из древнейшей истории Среднего Поволжья. МИА, № 61, 1958; К. В. Сальников. Южный Урал в эпоху неолита и ранней бронзы. «Археология и этнография Башкирии», т. I. Уфа, 1962.

⁴ А. Х. Халиков. Ново-Мордовские курганы. МИА, № 130, 1965, стр. 143, 144.

⁵ О. Н. Бадер. Балановский могильник. М., 1963, стр. 275. А. Х. Халиков. Балановские памятники в Татарии. КСИА, вып. 97, 1964, стр. 66.

⁶ О. А. Кривцова-Гракова. Хронология памятников фатьяновской культуры. КСИИМК, вып. XVI. М., 1948; М. М. Герасимов. Восстановление лица по черепу (современный и ископаемый человек). «Тр. ИЭ», т. XXVIII. М., 1955; О. Н. Бадер. См. примеч. 5, стр. 303 и сл.; П. М. Кожин. О западной границе фатьяновской культуры. МИА, № 130, 1965; С. В. Киселев. Бронзовый век СССР. МИА, № 130, 1965, стр. 49; П. Н. Третьяков. См. примеч. 1, стр. 75; А. Я. Брюсов. См. примеч. 1, стр. 22 и сл.

⁷ А. Я. Брюсов. См. примеч. 1, стр. 23; П. Н. Третьяков. См. примеч. 1, стр. 73.

⁸ О. Н. Бадер. Балановская культура. СА, № 4, 1961; О. Н. Бадер. См. примеч. 5; П. Д. Степанов. Фатьяновские поселения на Средней Суре. КСИИМК; вып. XXXII. М., 1950; А. Х. Халиков. Материалы к изучению истории населения Среднего Поволжья и Нижнего Прикамья в эпоху неолита и бронзы. «Тр. Марийского археологической экспедиции», т. I. Йошкар-Ола, 1960; А. Х. Халиков. См. примеч. 5; А. Х. Халиков, Е. А. Халикова. Васильсурское поселение эпохи бронзы. МИА, № 110, 1963.

⁹ А. Х. Халиков. Материалы к изучению истории населения Среднего Поволжья и Нижнего Прикамья в эпоху неолита и бронзы; А. Х. Халиков, Е. А. Халикова. Указ. соч.

¹⁰ О. Н. Бадер. См. примеч. 5, стр. 316.

О. Н. Бадер. Могильники турбинского типа, их возраст и связь с поселениями. «Археологический сборник Эрмитажа», вып. 6. Л., 1964, стр. 114.

¹¹ Там же, стр. 102, 110, 111.

¹² О. Н. Бадер. Древнейшие металлурги Приуралья. М., 1964, стр. 10, 115.

¹³ О. Н. Бадер. См. примеч. 10, стр. 115—117.

¹⁴ А. Х. Халиков. См. примеч. 9.

¹⁵ А. Х. Халиков, Е. А. Халикова. См. примеч. 9.

¹⁶ В. А. Городцов. Культуры бронзовой эпохи в Средней России. «Отчет Российского исторического музея за 1914 г.» М., 1916; O. N. Bahder. Kulturen der Bronzezeit in Zentralrussland. SMYA FFT, 59: 1. Helsinki, 1959.

¹⁷ А. Х. Халиков. См. примеч. 9, стр. 81 и сл.

¹⁸ См. об этом подробнее: А. Х. Халиков. См. примеч. 9, стр. 88 и сл.

¹⁹ См. об этом подробнее: там же, стр. 89 и сл.

²⁰ А. Х. Халиков и Е. А. Халикова. См. примеч. 9, стр. 316.

- ²¹ Там же, стр. 316.
- ²² О. Н. Бадер. См. примеч. 5, стр. 316.
- ²³ А. Х. Халиков. См. примеч. 9, стр. 92 и сл.
- ²⁴ А. Х. Халиков, Е. А. Халикова. См. примеч. 9.
- ²⁵ А. Х. Халиков. См. примеч. 9, стр. 123 и сл.
- ²⁶ А. Х. Халиков, Е. А. Халикова. См. примеч. 9, стр. 246—250.
- ²⁷ А. Х. Халиков. См. примеч. 9, стр. 105, 106.
- ²⁸ А. Х. Халиков. См. примеч. 9, табл. XLVI.
- ²⁹ Там же, табл. XLVII.
- ³⁰ В. А. Городцов. См. примеч. 16.
- ³¹ Там же; А. М. Tallgren. *La Pontide prescythique apres l'introduction des Metaux*. ESA, III. Helsinki, 1926; M. Gimbutas. *Borodino, Seima and their Contemporaries*. Peabody Museum. «The Proceedings of the Prehistoric Society for 1956, v., XXII». Cambridge, 1956; она же. *Bronze Age Cultures in Central and Eastern Europe...*, s. 94—112; О. Вахдер. См. примеч. 16 О. Н. Бадер. См. примеч. 10, 12; А. Х. Халиков. Сб. примеч. 9, стр. 132 и сл.
- ³² В. А. Городцов. См. примеч. 16, стр. 220, 221, рис. 76, 79.
- ³³ М. Gimbutas. См. примеч. 1, стр. 139, 140.
- ³⁴ О. Н. Вахдер. См. примеч. 1, стр. 16 и сл.
- ³⁵ Там же, стр. 21.
- ³⁶ О. Н. Бадер. См. примеч. 5, стр. 114.
- ³⁷ О. Н. Вахдер. См. примеч. 16, стр. 21.
- ³⁸ О. Н. Бадер. См. примеч. 5, стр. 114.
- ³⁹ О. Н. Вахдер. См. примеч. 16, стр. 21, 22.
- ⁴⁰ А. Х. Халиков. См. примеч. 9.
- ⁴¹ О. Н. Бадер. См. примеч. 5, стр. 114—116.
- ⁴² Там же, стр. 115.
- ⁴³ Там же.
- ⁴⁴ Там же, стр. 115, 116.
- ⁴⁵ Там же.
- ⁴⁶ М. Gimbutas. *Bronze Age Cultures...*; О. Н. Бадер. См. примеч. 5, стр. 115.
- ⁴⁷ А. Х. Халиков. См. примеч. 9, стр. 125.
- ⁴⁸ О. Н. Бадер. См. примеч. 5, стр. 114, 116.
- ⁴⁹ А. Х. Халиков. См. примеч. 9, стр. 102.
- ⁵⁰ Там же, стр. 133.
- ⁵¹ Там же, стр. 120.
- ⁵² О. Н. Бадер. См. примеч. 5, стр. 103 и сл.
- ⁵³ Там же, рис. 6, 7.
- ⁵⁴ А. Х. Халиков. См. примеч. 9, стр. 127.
- ⁵⁵ Там же, стр. 108, 109.
- ⁵⁶ А. Х. Халиков, Е. А. Халикова. См. примеч. 9, стр. 254—257.
- ⁵⁷ М. Gimbutas. *Borodino, Seima and their Contemporaries...* В. А. Городцов. См. примеч. 16, стр. 182, 183.
- ⁵⁸ В. А. Сафронов. Некоторые вопросы хронологии среднебронзового века Восточной Европы. «Доклады и сообщения археологов СССР на VII Международном конгрессе доисториков и протодисториков». М., 1966, стр. 188; О. Н. Бадер. См. примеч. 12, стр. 114, 115.
- ⁵⁹ А. Х. Халиков. См. примеч. 9, стр. 119; А. Х. Халиков, Е. А. Халикова. См. примеч. 9, стр. 258.
- ⁶⁰ О. Н. Бадер. См. примеч. 5, стр. 115.
- ⁶¹ А. Х. Халиков. См. примеч. 9, стр. 176, 177.
- ⁶² А. А. Спицын. Раскопки близ г. Балахны. ЗОРСА, т. V, вып. 1. СПб., стр. 99—101.
- ⁶³ А. Х. Халиков. См. примеч. 9, стр. 130.
- ⁶⁴ Там же, стр. 107—109.
- ⁶⁵ Там же, стр. 136—138.
- ⁶⁶ А. А. Спицын. Галичский клад. ЗОРСА, т. V, вып. 1, 1903.

- ⁶⁷ А. М. Tallgren. Die Kupfer und Bronzezeit in Nord und Ostrussland. SMYA, Helsinki, 1911, s. 25—45; А. М. Tallgren. См. примеч. 31, стр. 136.
- ⁶⁸ Г. Чайлд. У истоков европейской цивилизации. М., 1928, стр. 226.
- ⁶⁹ П. Н. Третьяков. К истории племен Верхнего Поволжья в I тысячелетии н. э. МИА, № 5, 1941, стр. 15.
- ⁷⁰ А. М. Tallgren. См. примеч. 31, стр. 142; П. Н. Третьяков. К истории доклассового общества Верхнего Поволжья. ИГАИМК, вып. 106. М.—Л., 1934, стр. 134.
- ⁷¹ N. N. Bortvin. The Verhni-Kizil Find. ESA, IV, Helsinki, 1928.
- ⁷² Е. И. Горюнова. Этническая история Волго-Окского междуречья. МИА, № 94, 1961, стр. 20; К. В. Сальников. К истории древней металлургии на Южном Урале. «Археология и этнография Башкирии», т. 1, стр. 65, 66; M. Gimbutas. См. примеч. 57, стр. 110, 111.
- ⁷³ П. Н. Третьяков. См. примеч. 70, стр. 133.
- ⁷⁴ В. А. Городцов. Галичский клад и стоянка. «Тр. ранион» (секция, археологии), т. III. М., 1928.
- ⁷⁵ О. Н. Бадер. См. примеч. 5, стр. 6.
- ⁷⁶ Там же.
- ⁷⁷ О. А. Кривцова-Гракова. Степное Поволжье и Причерноморье в эпоху поздней бронзы. МИА, № 46, 1955, стр. 64—66.
- ⁷⁸ С. В. Киселев. Древняя история Южной Сибири. МИА, № 9, 1949, стр. 78.
- ⁷⁹ А. А. Спицын. См. примеч. 66, табл. XXIX—XXXI.
- ⁸⁰ Там же, табл. XXX, 1, 10.
- ⁸¹ П. Н. Третьяков. См. примеч. 70, стр. 133.
- ⁸² А. М. Tallgren. См. примеч. 67; В. А. Городцов. См. примеч. 74.
- ⁸³ М. Е. Фосс. Результаты Галичской экспедиции 1946 г. КСИИМК, вып. XX, 1948, стр. 64, 65.
- ⁸⁴ Н. Н. Гурина. Памятники эпохи бронзы и раннего железа в Костромском Поволжье. МИА, № 110, 1963, стр. 199.
- ⁸⁵ А. Х. Халиков. См. примеч. 9, стр. 107—109.
- ⁸⁶ Там же, стр. 109.
- ⁸⁷ Н. Н. Гурина. См. примеч. 84, стр. 133, 139.
- ⁸⁸ О. С. Гадзяцкая, Д. А. Крайнов. Новые исследования неолитических памятников Верхнего Поволжья. КСИИМК, вып. 100, 1965.
- ⁸⁹ А. Я. Брюсов. Свайное поселение на р. Модлоне. МИА, № 20, 1951, стр. 34, рис. 8, 6, 7.
- ⁹⁰ М. Е. Фосс. Древнейшая история севера Европейской части СССР. МИА, № 29, 1952.
- ⁹¹ А. Х. Халиков. См. примеч. 9, стр. 135.
- ⁹² П. Н. Третьяков. См. примеч. 190; Н. Н. Гурина. См. примеч. 204.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

СРУБНЫЕ

ПЛЕМЕНА

В СРЕДНЕМ ПОВОЛЖЬЕ

Ближе к середине II тысячелетия до н. э. в развитии местного населения Среднего Поволжья происходят серьезные изменения, вызванные, с одной стороны, распадом волосовской культурной общности на ряд самостоятельных культур, а с другой — интенсивным включением в край новых пришлых племен, среди которых наиболее активными были носители абашевской и срубной культур. Контакты последних с местным населением оказали значительное влияние на весь ход развития истории края во вторую половину эпохи раннего металла, особенно в области развития производящих отраслей хозяйства, и в какой-то степени повлекли за собой и этно-культурные изменения.

Без выяснения основных черт культуры пришлых племен и характера их взаимоотношений с местным населением нельзя понять и специфику эпохи раннего металла Среднего Поволжья. Так как основные проблемы абашевской культуры в Среднем Поволжье уже рассматривались в недавно изданной монографии¹, поэтому в настоящей главе основное внимание уделяется узловым проблемам срубной культуры, а также затрагиваются вопросы, связанные с андроновским воздействием на племена Среднего Поволжья.

С начала II тысячелетия до н. э. юго-восточные и южные районы Среднего Поволжья становятся территорией распространения так называемых полтавкинских племен — непосредственных предшественников населения срубной культуры².

До недавнего времени считалось, что полтавкинские племена по р. Волге не подымались выше устья р. Черемшана и что северная граница их расселения проходила примерно по линии Жигули — Бугуруслан — Уфа — М. Кызыл (Н. Тагил)³. Отсюда

обычно вытекал вывод о последующей экспансии полтавкинских потомков — срубных племен на север, почти до устья Камы⁴.

Раскопки автора, проведенные в 1963 г. на II Ново-Мордовском могильнике, расположенном почти в устье Камы, заставили изменить сложившееся мнение. Здесь были вскрыты остатки двух погребений с арханскими чертами в погребальном обряде⁵, близкими к характерным особенностям полтавкинского погребального обряда. Поэтому есть основания утверждать, что в первой половине II тысячелетия до н. э. полтавкинские племена временами доходили до устья Камы, а на востоке проникали, по мнению К. В. Сальникова⁶, в бассейн среднего течения р. Белой и даже переваливали через Урал в районе Магнитогорска. Заходили ли полтавкинцы в Среднем Поволжье на правый берег р. Волги, мы не знаем, так как в этом районе до сих пор нет ни одного выраженного памятника полтавкинского типа, за исключением поселения у с. Подгоры в Жигулях, материал которого, по мнению О. А. Кривцовой-Граковой⁷, является типично полтавкинским. Ряд памятников с полтавкинскими чертами известен в верховьях Дона и бассейне р. Цны⁸. Наконец, из правобережных районов Средней Волги происходит и большинство очень ранних памятников срубной культуры — Уразмаметовские⁹, Пиксясинские¹⁰ курганы — с достаточно сильными полтавкинскими реминисценциями¹¹.

Однако все же мы должны признать, что вплоть до середины II тысячелетия до н. э. полтавкинские и близкие им потомки древнейших племен не оказывали какого-либо существенного воздействия на развитие культуры местного населения Среднего Поволжья. Здесь в это время гораздо более ощутимым было влияние балановских племен. Лишь ближе к середине II тысячелетия до н. э. ранние племена срубной культурной общности и близкие им абашевские племена, усилившие свою экспансию на север, становятся на некоторое время ведущими этно-культурными группами эпохи раннего металла Среднего Поволжья.

В середине II тысячелетия до н. э. культура местных племен Средней Волги претерпевает значительное изменение под определенным восточным воздействием. В Турбинском и Сейминском могильниках наблюдаются многочисленные как металлические (наконечники копий, кельты, кияжалы, браслеты), так и каменные (наконечники стрел и ножи с усеченным основанием, серпентиновые и нефритовые кольца) изделия, имеющие, несомненно, сибирское происхождение¹². В орнаментации керамики почти всех культур края, включая сюда и такую явно западную культуру, как балановская, возникают геометрические узоры (заштрихованные треугольники, зигзаги, ромбы и т. п.), истоки которых наблюдаются на востоке. В этих условиях происходит известная живелировка культурных традиций населения степи и лесостепи Евразии, что особенно наглядно проявляется в та-

ких двух огромных культурных общностях, как срубная и андроновская. Установление теснейших взаимоотношений между ними приводит к взаимопроникновению представителей этих группировок, свидетельством чего является ряд находок типичной ранней андроновской посуды на Средней Волге.

Огромное воздействие, оказанное племенами полтавкинско-срубного, в какой-то степени абашевского, и, возможно, андроновского типов на развитие культуры местного населения Волго-Камья, трудно переоценить. Но для того чтобы выявить это воздействие, необходимо хотя бы вкратце остановиться на характеристике основных моментов развития срубной культуры: в Среднем Поволжье, обратив особое внимание прежде всего на те вопросы, решение которых могло бы способствовать выяснению узловых проблем истории местного населения края.

Работами В. В. Гольмстен, О. А. Кривцовой-Граковой, А. В. Збруевой, А. Е. Алиховой, Н. Я. Мерперта, П. Д. Степанова, Н. В. Трубниковой, А. Х. Халикова, А. П. Шокурова и других в Среднем Поволжье выявлено несколько сотен срубных поселений и могильников (рис. 48) *. Число этих памятников было бы, несомненно, еще более значительным, ибо основные районы расселения срубных племен, особенно в Закамье и Заволжье, до сих пор не подвергнуты даже рекогносцировочным разведкам.

Памятники срубной культуры края явились объектами изучения многих археологов. Не останавливаясь на всех этих работах, коснусь лишь исследований некоторых авторов.

О. А. Кривцова-Гракова в своей монографии «Степное Поволжье и Причерноморье в эпоху поздней бронзы» рассматривает почти все известные ей памятники срубной культуры в Поволжье и выделяет в ее развитии два периода: первый — XV—XIII вв. до н. э., второй — XII—VIII вв. до н. э.¹³ Ею было отмечено интересное явление — абсолютное преобладание в Среднем Поволжье памятников первого периода и значительное уменьшение числа поселений второго периода, объясняя это увеличением площади последних, т. е. большей концентрацией жителей на поселениях позднего периода¹⁴. Однако, как показали последующие исследования, это явление было вызвано отходом основной массы срубного населения в позднем периоде из северных районов Поволжья (см. ниже). Северная граница срубных племен в Среднем Поволжье, по мнению О. А. Кривцовой-Граковой, проходила «в северной части Куйбышевской области», где орубные племена якобы контактировались с абашевскими¹⁵. Самые же северные памятники срубной культуры, как, например, Маклашевский могильник, она рассматривает как результат

* На прилагаемой карте нанесены лишь наиболее северные памятники срубной культуры, которые показывают максимум движения срубных племен в лесостепные районы Среднего Поволжья.

Рис. 48. Карта распространения наиболее северных памятников срубной культуры

- а — поселение;
 б — курганный могильник;
 в — клад;
 г — территория массового поселения
- 1 — Большое Ковендровское;
 2 — Памяльное;
 3 — Байковское;
 4 — Пензенское (Барковское);
 5 — II Пензенское;
 6 — Старо-Ясаркинский;
 7 — Сучанское;
 8 — Нижне-Липовский;
 9 — Марьяевский;
 10 — Большое Шуваповское;
 11 — Коржевское;
 12 — Дубининское;
 13 — Ол-Пандинское;
 14 — Пиксянский;
 15 — Пиксянский;
 16 — Сабанчевский;
 17 — Шавинское;
 18 — II Старо-Ардатовское;
 19 — I Старо-Ардатовское;
 20 — Ново-Задорновское;
 21 — Старо-Шаймурзинское;
 22 — Старо-Алгашинский;
 23 — Альшевское;
 24 — Старо-Студенецкое;
 25 — Старо-Студенецкий;
 26 — Бюрганский;
 27 — Старо-Тинчалинский;
 28 — Старо-Тинчалинское;
 29 — Бюрганское;
 30 — II Канавинское;
 31 — I Канавинское;
 32 — Кайсаровское;
 33 — II Старо-Бурндукское;
 34 — I Старо-Бурндукское;
- 35 — Елхово-Озерное;
 36 — Вожжское;
 37 — Саракамышское;
 38 — IV Киятинское;
 39 — III Киятинское;
 40 — II Киятинское;
 41 — I Киятинское;
 42 — V Киятинское;
 43 — VI Киятинское;
 44 — VII Киятинское;
 45 — VIII Киятинское;
 46 — Хулашское;
 47 — 50 — I — IV Большие Тарханские;
 51 — Киртелинское;
 52 — II Козловское;
 53 — Ивашевское;
 54 — Адав-Тулумбаевское;
 55 — Буянское;
 56 — I Мещеряковское;
 57 — II Мещеряковское;
 58 — I Тингальмовское;
 59 — Рунгское;
 60 — Андреевское;
 61 — Циркинский;
 62 — Купульское;
 63 — Бак-Утеевское;
 64 — Большое Тоябинокское;
 65 — I Уразмаметовский;
 66 — II Уразмаметовский;
 67 — Ново-Байбатыревский;
 68 — Ново-Байбатыревское;
 69 — Тат. Тямияшское;
 70 — Тямияшское;
 71 — Имельское;
 72 — Корноузовское;
 73 — I Чутеевское;
 74 — II Чутеевское;
 75 — II Чутеевское;
- 76 — Турминское;
 77 — Турминский;
 78 — Волостинковский;
 79 — II Зеленовское;
 80 — Шмелевское;
 81 — III Маклашевский;
 82 — I Полянский;
 83 — II Полянское;
 84 — 85 — I — II Стенное озеро;
 86 — Ржавецкий;
 87 — I Ржавецкое;
 88 — 89 — II — III Ново-Мордовские;
 90 — 92 — Ново-Мордовские поселения;
 93 — 101 — II Щербетский могильник;
 I, Ia, II, III, IV, V Щербетские;
 II, III, VII Щербетско-Островные поселения;
 102 — I Новославское;
 103 — 106 — I — IV Старо-Куйбашевские поселения;
 107 — Клясовское;
 108 — Кураловское;
 109 — 111 — I — III Ембулатихинские поселения;
 112 — 115 — I, II Малновские могильники, I, III Малновские поселения;
 116 — 117 — I, V Измерские поселения;
 118 — Семетовский остров;
 119 — Христоворозовское;
 120 — 124 — Нижне-Марьяевский могильник;
 IV, VII, VIII, XII Нижне-Марьяевские поселения;
- 125 — 127 — I Бояковский могильник и II, V поселения;
 128 — 131 — I, II Березовогрибские могильники и III, V поселения;
 132 — 136 — I, Ia, V — VII Лебединские поселения;
 137 — II Курман-Касиное;
 138 — 146 — I Кузьминский могильник и I — III, VII, XII, XVI — XIX, XXIII поселения;
- 149 — II Мурашкинское поселение;
 150 — 152 — I, V Балахчинские;
 153 — Солонцовское;
 154 — IV Мохро-Курналинское;
 155 — Алексеевское;
 156 — Лебяжское;
 157 — I Сажинское;
 158 — II Вахтинское;
 159 — Адельмилово;
 160 — II Русоко-Сарсазское;
 161 — II Большое Толкашское;
 162 — Светло-Ключичское;
 164 — Шингалычское;
 165 — Самоскавовское;
 166 — II Песочное;
 167 — Кырналское;
 168 — I Деутовское;
 169 — Деуковский;
 170 — II Байларское;
 171 — Куртеевское;
 172 — Игнское;
 173 — Барсуковское;
 174 — Князь-Елгинское;
 175 — Актамышское;
 176 — Байсарский;
 177 — Байсарское;

проникновения небольшой группы, «продвинувшейся вверх по Волге, далеко за пределы своей основной области»¹⁶.

Более подробно исследовал памятники срубной культуры в Среднем Поволжье Н. Я. Мерперт¹⁷. В работе, опубликованной в 1958 г. под названием «Из древнейшей истории Среднего Поволжья», он дает исчерпывающую для своего времени характеристику средневолжского варианта срубной культуры и предпринимает попытку создания ее периодизации в увязке с периодизацией приказанской культуры. Всего им выделено четыре собственно срубных этапа, не считая древнейшего полтавкинского: первый — круглых курганов с одиночными захоронениями; второй — круглых курганов-кладбищ с множественными захоронениями; третий — длинных курганов-кладбищ с множественными захоронениями и наиболее поздний (четвертый) — сильно уплощенных длинных насыпей, сочетающихся с бескурганными кладбищами. После корректив, внесенных Н. Я. Мерпертом в 1962 г., эта схема имеет следующие хронологические рамки: первый этап — XVI—XV вв. до н. э.; второй — XV—XIII вв. до н. э.; третий — последняя четверть II тысячелетия до н. э.; четвертый — первая четверть I тысячелетия до н. э.¹⁸ Таким образом, первые два этапа периодизации Н. Я. Мерперта соответствуют первому периоду О. А. Кривцовой-Граковой, а два последних этапа — второму.

Некоторое уточнение периодизации и хронологии срубной культуры в последние годы предпринято А. И. Тереножкиным. Соглашаясь с членением срубной культуры в Поволжье на два периода, он датирует первый период XVI—XIV вв. до н. э.¹⁹, а второй период — XIII—XII вв. до н. э.²⁰ и считает, что на рубеже II—I тысячелетий н. э. срубная культура в Поволжье прекращает существовать.

М. Гимбутас, подытоживая исследования О. А. Кривцовой-Граковой и Н. Я. Мерперта, предприняла попытку еще более растянуть даты срубной культуры. Предполагая, что основные районы распространения племен срубной культуры располагаются в Поволжье, она также считает, что в конце своего существования (примерно в 1100 г. до н. э.) срубные племена в массе покидают Поволжье и перемещаются в юго-западном направлении²¹. В развитии срубной культуры она выделяет три периода: полтавкинский (2000—1800 гг. до н. э.), классический срубный (1800—1100 гг. до н. э.) и завершающий (1100—800 гг. до н. э.). Классический срубный период в свою очередь делится ею на два этапа: ранний (1800—1400 гг. до н. э.) и поздний (1450—1100 гг. до н. э.) с двумя фазами — покровской (1450—1300 гг. до н. э.) и ягодной (1300—1100 гг. до н. э.)²². Такая усложненная периодизация едва ли может быть приемлемой. Выделяемый М. Гимбутас ранний этап классического периода практически является поздней фазой полтавкинского периода.

Едва ли к этой фазе можно относить такие памятники, как Мало-Окуловские курганы на Оке и Владимирские курганы у Острогожска. Последние скорее относятся к более позднему времени.

В последние годы некоторое омоложение дат срубной культуры Поволжья предпринято В. А. Сафроновым. Полтавкинский этап он доводит до XV—XIV в. до н. э. и считает, что срубная культура в Среднем Поволжье появляется не раньше середины XIV в. до н. э. Первый период срубной культуры он датирует XIV—XII вв. до н. э.²³

В последующем изложении памятники срубной культуры в Среднем Поволжье рассматриваются по двум периодам, причем первый следует, по нашему, ограничить XV—XIV вв. до н. э., а второй — XIII—XII вв. до н. э. В XI в. до н. э. практически срубные памятники в Среднем Поволжье уже исчезают, а их место в основном занимают памятники приказанской (на востоке до р. Свияги) и поздняяковской (в бассейнах Суры и Оки) культур.

Массовое движение срубных племен на север, по мнению Н. Я. Мерперта, произошло в начале первого периода²⁴. Для этого периода, представленного такими памятниками, как 1 и 2 курганы у Ягодного²⁵, курган 1 у Хрящевки, Уразмаметовские²⁶ и Пиксясинские²⁷ курганы, Пиксясинское и II Сусканское поселения²⁸, характерны следующие особенности: одиночные захоронения в глубоких ямах с положением умершего на левом боку, головой на север; перекрытие могильной ямы большим конусовидным сооружением; окружение центра кургана в некоторых случаях своеобразным валом из материковой глины; расположение в центре кургана жертвенного кострища или ямы-кенотафа; сохранение в ряде случаев на костяках следов красной краски; небольшие поселения с полуземляными жилищами подквадратной формы; богато орнаментированные острореберные, баночные и приземистые чашевидные сосуды стройных пропорций с четко выраженным ребром, причем орнамент часто заходит и на днище. В качестве пережиточных явлений сохраняются сосуды с примесью толченых раковин в тесте и со шнуровым орнаментом, а также сосуды со сплошной орнаментацией.

Из металлических предметов, изготовленных преимущественно из меди и оловянистой бронзы южноуральского происхождения²⁹, типичны сейминские наконечники копий, ножи с намечающимся перекрестием, тесла, височные кольца с загнутыми концами, желобчатые и дротовые браслеты. Встречаются отдельные поделки из камня: наконечники стрел с усеченным основанием, шлифованные топоры бородинского и позднекатакомбного типов и песты, втульчатые и черешковые наконечники стрел, костяные желобчатые псалии и круглые бляхи от узды³⁰.

Большинство исследованных в Среднем Поволжье памятников, особенно могильников, срубной культуры относится к этому

периоду. Характерно, что многие из них расположены на крайних северных пределах территории максимальной экспансии срубных племен (рис. 56).

В бассейне Оки к раннему этапу срубной культуры А. В. Збруева³¹, Н. Я. Мерперт³² и М. Гимбутас³³ относят Мало-Окуловские курганы, часть керамики которых имеет выраженный раннесрубный облик с пережиточными полтавкинскими чертами. Но в погребальном обряде и основной части погребального инвентаря Мало-Окуловских и близких им по времени и территории Битюговских, Борисоглебских (раскопки Т. Б. Половой 1962—1964 гг.) курганов проявляются поздняяковские черты. Однако сам факт очень раннего возникновения поздняяковской культуры, своим происхождением обязанной наряду с волосовской культурой и культуре срубных племен³⁴, вместе с нахождением в этих же памятниках типичных раннесрубных сосудов и металлических изделий свидетельствует о возможном проникновении части срубных племен в муромское течение Оки где-то в середине II тысячелетия до н. э.

Достаточно ранний облик имеют и срубные поселения у г. Пензы на р. Сура³⁵. Хранящиеся в Пензенском областном музее коллекции из поселений (№ 8347) содержат как обломки, так и целые экземпляры сосудов раннесрубного типа — приземистые, острорреберные и баночной формы с орнаментом, заходящим на нижнюю половину сосуда, иногда даже на днище. Следует заметить, что сосуды пензенских и окских памятников, как по форме, так и по орнаменту, ближе всего стоят к сосудам срубных памятников Подонья. В материале пензенских стоянок особый интерес вызывают медно-бронзовые изделия и формы для их отливки, найденные преимущественно в 1929 г. И. Н. Спрыгиной на Барковской стоянке. Ножи, вислообушный топор, тесло-кельт с кованой несомкнутой втулкой и четырехгранные шилья с коротким насадом в основном имеют ранний облик.

В Пензенской области известны и наиболее ранние срубные курганные могильники у сел Куракино, Старая Яксарка, Марьевка, Большие Верхи и др.³⁶ В первом и последнем могильниках обнаружены характерные каменные топоры бородинского типа, датированные А. Можолит периодом *VIII A* бронзового века Венгрии, т. е. XVI—XV вв. до н. э.³⁷ Эту же дату подтверждает и весь остальной инвентарь из комплекса Б. Верхи, где имеется, между прочим, роговой дисковидный псалий, бытовавший, по мнению ряда авторов, не позже XV в. до н. э.³⁸

Севернее пензенского течения р. Суры еще одна небольшая группа ранних срубных памятников обнаружена в Среднем Посурье, недалеко от устья р. Алатыря (рис. 48). Это Пиксясинские курганы и поселения, открытые в 1945 г. и частично раскопанные в 1952 г. П. Д. Степановым³⁹. Предложенная П. Д. Степановым дата этих памятников (последняя четверть II тысячелетия

до н. э.) слишком омоложена и более прав Н. Я. Мерперт, относящий группу памятников у с. Пиксяси ко времени не позже начала второй половины II тысячелетия до н. э.⁴⁰ В таком случае они будут древнее и соседних Ош-пандинского и Ашна-пандинского балановских поселений и позднейшего Сабанчеевского кладя. Пиксясинские курганы и поселение в бассейне р. Суры фактически являются самыми ранними и в то же время самыми крайними северо-западными срубными памятниками Среднего Поволжья. Выявленные севернее их в устье р. Алатыря Ардатовские I—II и Жабинское поселения⁴¹ содержат керамику больше поздняяковского (ряды ямок, жемчужин по горлу и т. п.), чем срубного облика.

К востоку граница распространения срубных племен подымается немного к северу. Раскопанные Н. Я. Мерпертом⁴² на р. Буле, левом притоке р. Свияги, Уразмаметовские курганы отнесены им к раннему срубному этапу и датированы серединой II тысячелетия до н. э. Также рано, очевидно, следует датировать и Тигашевское поселение, исследованное Г. А. Федоровым-Давыдовым⁴³. Но еще севернее их, на р. Кубне, в 1960 г. обнаружена группа памятников, судя по керамике, относящаяся к более позднему времени, чем Уразмаметовские курганы. Огромное скопление памятников срубного типа известно по берегам р. Свияги (рис. 48). Большинство из них также позднее Уразмаметовских и относятся ко второму периоду срубной культуры.

Сплошное археологическое обследование левого берега р. Камы от ее устья до впадения р. Белой, проведенное в последние годы археологическими экспедициями Каз. ИЯЛИ АН СССР, показало, что все Закамье в середине II тысячелетия до н. э. уже было занято срубными племенами (рис. 48). Если, по Н. Я. Мерперту, северная граница территории расселения ранних срубных племен в Среднем Поволжье проходила по р. Черемшану, то сейчас ее необходимо проводить по р. Каме. Здесь, по левому берегу Камы, от ее устья и до р. Белой в последние годы выявлено около 150 срубных памятников, большинство из которых относится к раннему периоду. Остановимся на характеристике некоторых из них.

В 1962—1963 гг. были проведены раскопки двух курганных могильников у бывшей дер. Новое Мордово. Характерной особенностью этих памятников является сочетание в их материале двух разнокультурных комплексов — раннесрубного и раннеприказанского⁴⁴. Обнаруженные здесь же датирующие вещи (бронзовый нож с ромбически-приостренным черешком и несколько турбинско-сейминских кремневых наконечников стрел с усеченным основанием) позволяют определить время обоих памятников в пределах середины II тысячелетия до н. э. Следовательно, в это время срубные племена вступили в контакт с приказанским населением, занимавшим еще вплоть до середины II тысячелетия до н. э.

левобережные районы Камы (см. ниже, стр. 291). Поэтому есть основание утверждать, что племена срубной культуры продвинулись на север и вышли к берегам р. Камы не раньше середины II тысячелетия до н. э.

Близким к Ново-Мордовским могильникам по времени является I Малиновский могильник, к сожалению, уже почти полностью разрушенный Куйбышевским водохранилищем. Здесь осенью 1964 г. удалось собрать интересный керамический материал, состоящий из 18 целых сосудов. Такие же комплексы получены и при изучении остатков Нижне-Марьяновского (24 сосуда) и Березогривского (38 сосудов) могильников (рис. 49).

Вся эта группа керамики в значительной степени близка новомордовской срубной керамике. По форме выделяются три типа сосудов — острореберные, баночные и горшковидные.

Восемь острореберных сосудов (четыре из Нижне-Марьяновского и по два из Малиновского и Березогривского) имеют в тесте примеси шамота и редко мела. Это сосуды низких пропорций, с выраженным боковым ребром, приходящимся на верхнюю половину тулова (рис. 49, 2—4, 7). Края их горла плоско срезаны. Обычно поверхность их богато орнаментирована не только по верху, но и по нижней части тулова. Орнамент выполнен оттисками крупнозубчатого штампа, реже — резными линиями. Любопытно, что значительная часть этих сосудов несет на себе следы активного андроновского воздействия. Таковы сосуды из I Березогривского и I Малиновского могильников (рис. 49, 3, 7, 9). В последнем комплексе найден также и типичный андроновский сосуд алакульского облика. Таким образом, мы должны признать, что для самых ранних срубных памятников левобережного Прикамья характерно ощутимое андроновское влияние.

Баночные и горшковидные сосуды, являющиеся основным типом погребальной керамики, также несут в себе элементы архаизма. Почти все эти сосуды обработаны штриховой зачисткой и покрыты орнаментом преимущественно по верхней половине тулова (рис. 49, 8, 10, 12). Об архаизме всей этой керамики свидетельствует высокий процент (до 15) орнаментированности краев венчиков и наличие сосудов со сплошной орнаментацией поверхности (рис. 49, 8, 10—12).

Итак, следует полагать, что приустьевая часть р. Камы по ее левому берегу в середине II тысячелетия до н. э. была уже занята срубными племенами, памятники которой далее на восток почти непрерывной цепью протянулись до р. Белой (рис. 48). Большинство из них, представленные поселениями, также относятся к раннему периоду, ибо содержат керамику с архаичными чертами (орнаментированные края днищ, шнуровые оттиски и т. п.), характерными для первого этапа срубной культуры. На некоторых из них прослежены следы полуземляных жилищ прямоугольной формы и небольших размеров.

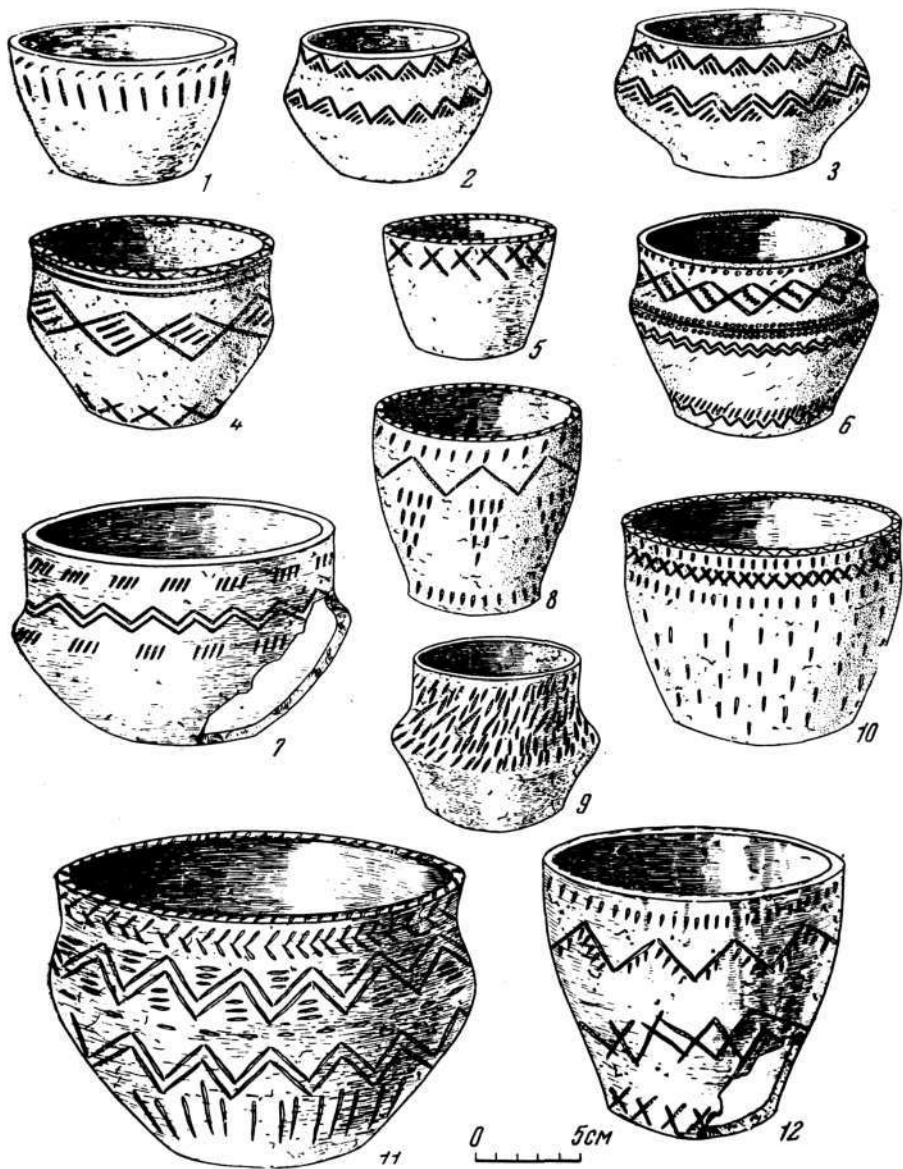

Рис. 49. Срубная керамика из памятников левобережья Нижней Камы раннего периода

1, 4, 5, 7, 9, 12 — I Малиновский могильник; 2, 3, 8, 10, 11 — I Нижне-Марьянский могильник; 6 — I Березогрировский могильник

Наиболее восточным раннесрубным могильником в Среднем Поволжье является Байсарский могильник на р. Сюнь, где была обследована часть кургана, разрушенного карьером кирпичного завода. Всего выявлено два погребения в ямах подквадратной формы с боковыми столбами и следами верхнего наката. Конструктивно они близки к ямам Пиксясинских⁴⁵ и Кайбельских⁴⁶ курганов, с погребениями которых совпадает и строгая северная ориентация, и положение костяков на левом боку в Байсарском могильнике. Погребальный инвентарь Байсарских погребений небогат: подвеска из просверленного клыка волка или собаки, пронизка из свернутого в трубку медного листка и шесть небольших плоскодонных сосудов баночной (3 экз.), чашевидной (2 экз.) и острореберной (1 экз.) форм. Среди них лишь последний сосуд украшен орнаментом оттисками среднеступчатого штампа. Интересна форма этого сосуда — при переходе от горла к тулову наблюдается слабо выраженный уступ, напоминающий уступчатые плечики андроновских сосудов алакульского типа. Но такие же сосуды со слабо выраженным уступом известны в керамических комплексах некоторых ранних Кайбельских курганов⁴⁷.

Обилие памятников раннего типа в Закамье свидетельствует о том, что это был один из основных районов обитания срубных племен в Поволжье. Причем появление срубных племен в этом районе следует отнести ко времени не раньше XV в. до н. э., ибо еще в XVI—XV вв. здесь наблюдается концентрация раннеприказанского населения (см. ниже, стр. 254).

Несмотря на это, можно утверждать, что максимальное распространение срубных племен в Среднем Поволжье относится ко времени первого периода этой культуры, что хронологически соответствует середине XV—XIV вв. до н. э.

Раннесрубные памятники Среднего Поволжья территориально и по некоторым особенностям культуры должны быть подразделены на три группы: западную — мокшанско-присурскую; центральную — правобережно-волжскую и восточную — волго-камскую. В первой группе, особенно в керамике, наблюдается близость к ранним срубным памятникам Подонья и в какой-то мере к покровской группе срубных памятников Саратовского Поволжья. Культурные особенности второй группы раннесрубных памятников тяготеют к культуре тех же покровских памятников Нижней Волги. Третья группа в известной степени является смешанной. Здесь на раннесрубную основу с теми же покровскими чертами оказывает существенное воздействие андроновская культура в ее алакульском варианте.

Вероятно, правы те авторы (К. В. Сальников, Н. Я. Мерперт, М. Гимбутас и др.), которые считают, что уже с самых ранних этапов срубные и андроновские племена были тесно связаны друг с другом. По крайней мере андроновские элементы в срубной культуре отмечаются не только в восточных районах, но и в

Среднем Поволжье и даже на Дону. Однако характерно, что во всех случаях андроновские элементы гораздо ярче проявляются в наиболее северных памятниках срубной культуры. В этом отношении особенно интересны срубные памятники левобережья Камы и памятники Верхнего Подонья. Среди последних следует упомянуть Владимирские курганы у г. Острогожска и курганы у с. Патриаршее Липецкой области. Характерно, что андроновские черты проявляются и в материалах Мало-Окуловских курганов. Вероятно, это явление следует увязывать с распространением в лесостепной и лесной полосе Восточной Европы начиная с середины II тысячелетия до н. э. сейминтурбинского металла, сибирское происхождение которого подтверждается всеми исследователями.

В конце первого периода развития срубной культуры на Средней Волге, т. е. в XIV—XIII вв. до н. э., указанное разделение групп сохраняет лишь территориальное значение, тогда как культурные особенности в значительной степени стираются. К этому времени наиболее западные группы срубных племен в бассейне Мокши и Суры растворяются в местной среде. Здесь их место занимают поздняяковские племена (см. стоянки Озименки, Красный Восток, Пензенские), а на средней Суре — балановские племена ошпандинского этапа.

В центральных районах края по Волге к концу первого периода, или ко второму этапу, по Н. Я. Мерперту⁴⁸, относятся курганы 5 у с. Ягодное, 6 и 8 у с. Хрящевки, 11, 22, 23 и 24 у с. Кайбел. В это время происходит замена курганов с одиночными захоронениями округлыми курганами-кладбищами с большим числом погребений⁴⁹; они приобретают более строгое положение — скорченно на левом боку, головой на север. Наряду с острорберными и баночными сосудами, сохраняющими некоторые архаичные черты, распространяются высокие горшковидные формы. Орнаментация становится более небрежной, увеличивается число неорнаментированных сосудов. Бытуют ножи и шилья предшествующих форм и появляются височные подвески в виде вытянутой спирали⁵⁰. На поселениях типа Комаровского и Воскресенского селищ на р. Усе появляются крупные полуземляные жилища, иногда соединенные друг с другом переходами, в чем Н. Я. Мерперт справедливо усматривает воздействие прикавказских племен⁵¹.

В бассейне р. Свяги к концу первого периода относится часть срубных памятников, в том числе и наиболее северная группа поселений на р. Кубне у сел Тябердино и Чутеево. Обнаруженные и частично исследованные в 1960 г. эти поселения содержали характерную керамику и отдельные каменные орудия, неизвестные в последующее время (молот с перехватом, подтреугольные концевые скребки и наконечники стрелы с усеченным основанием).

Выраженным курганным могильником конца первого периода срубной культуры в бассейне р. Свияги является Ново-Байбатыревский на р. Буле, где в 1927 г. П. П. Ефименко и П. Н. Третьяковым были раскопаны два кургана⁵². Для последних характерно наличие под насыпью более десяти погребений (в кургане (1—13), совершенных в прямоугольных ямах; ориентация погребенных головой на север и северо-восток и наличие в трех ямах вторичных захоронений. Керамику Ново-Байбатыревских курганов, представленную баночными, острорезерными и горшковидными формами⁵³, указанные исследователи считают позднхвалынскими. Однако более прав Н. Я. Мерперт⁵⁴, который относит эти курганы ко второму этапу своей периодизации или к концу первого периода срубной культуры. Об этом же свидетельствуют найденные в Ново-Байбатыревских курганах бронзовая височная подвеска с золотой обкладкой и бронзовая игла⁵⁵, имеющие широкие аналогии в памятниках XIV—XIII вв. до н. э. Сходные подвески обнаружены в 1967 г. в одном из погребений I Щербетьско-островного могильника близ устья Камы.

Характерно, что Байбатыревские курганы расположены в непосредственном соседстве с абашевскими курганами у дер. Победа, в материале которых, однако, мы не наблюдаем каких-либо срубных признаков. По-видимому, проникновение срубных племен на р. Кубню приблизило их к основной территории обитания абашевских племен правобережья Среднего Поволжья и обусловило уход отсюда последних, что, вероятно, произошло не позднее XIV в. до н. э.⁵⁶

Закамские районы Среднего Поволжья в конце первого периода срубной культуры продолжают оставаться основными районами обитания срубных племен Волго-Камья. К числу наиболее выраженных памятников этого времени в приустьевой части р. Камы и прилегающих участках р. Волги следует отнести Маклашевский, I Полянский, I Щербетьско-Островной и Ржавецкий курганные могильники.

В 1939 г. А. В. Збруева в 300 м к Северо-Западу от с. Маклашевка Куйбышевского района ТАССР выявила курганный могильник с шестью сильно распаханными невысокими насыпями округлой формы. Один из курганов (6) был раскопан исследовательницей⁵⁷. Под курганом вскрыты девять могил, в большинстве из которых обнаружены детские захоронения, лежавшие на левом боку, головой на север, лицом на восток. Близко к центру кургана располагалось погребение мужчины, костяк которого лежал в обычном ритуале и сопровождался кучкой пережженных человеческих костей. Последнее рассматривается А. В. Збруевой как «следы человеческого жертвоприношения в честь умершего»⁵⁸. В каждой яме было обнаружено по паре глиняных плоскодонных сосудов, отнесенных А. В. Збруевой к срубно-хвалынской культуре и датированных ею концом II ты-

сячетлетия до н. э.⁵⁹ В центре насыпи кургана зафиксировано одно впускное погребение — «костяк взрослого мужчины лежал на спине с согнутыми в коленях ногами. Левая рука была вытянута вдоль тела, правая — согнута в локте, так что кисть руки лежала в тазу. Никаких вещей при погребении не было»⁶⁰.

В 1961 и 1963 гг. могильник исследовался археологической экспедицией КИЯЛИ АН СССР под руководством автора. Разведочный отряд этой экспедиции, возглавляемый Е. А. Халиковой, установила, что от могильника сохранилось 11 слабо приметных и сильно распаханных всхолмлений, одно из которых имело явные следы раскопок (курган 6, раскопанный А. В. Збруевой в 1939 г.). В 1961 г. экспедиция провела исследование двух курганов (1 и 10); а в 1963 г. — еще одного кургана (11). Курганы 10 и 11 оказались почти полностью уничтоженными раскопками дореволюционного периода — А. Ф. Лихачевым или П. А. Пономаревым (?). Курган 1 был также частично потревожен чьими-то раскопками.

Последний курган, имевший овальную форму (19,2×12 м) и вытянутый с юга на север, содержал две одновременные группы погребений — основные (срубные) и вводные (приказанские).

К срубной культуре относится 6 погребений (1, 5—8, 9, 12), а также 12 жертвенных сосудов, поставленных на верхнем уровне погребенной почвы. В восточной части кургана на верхнем уровне погребенной почвы была положена лошадиная голова. Сосуды вне погребений располагались преимущественно попарно вдоль края курганной площадки. К сожалению, центральная часть кургана была разрушена вкопом, поэтому трудно выяснить, что там находилось, но, судя по крупным человеческим костям, обнаруженным в заполнении вкопа, можно предполагать, что в центре кургана располагалось захоронение взрослого человека. Все сохранившиеся остальные погребения оказались детскими, причем могильные ямы их были очень неглубокими и в редком случае прорезали погребенную почву. Костяки в ямах лежали преимущественно на левом боку, с ориентацией головы на север, северо-запад, редко на восток. Почти в каждой яме обнаружено от одного до трех сосудов. Таким образом, погребальный обряд этого кургана мало чем отличается от обряда кургана 6, раскопанного А. В. Збруевой, и от обряда Ново-Байбатьевских курганов.

Можно полагать, что курган 1 был насыпан над погребенными непосредственно после завершения захоронений. Об этом свидетельствуют малая глубина могильных ям, наличие погребений на уровне погребенной почвы, а также сосуды, поставленные вне захоронений.

Погребальный инвентарь срубного времени описываемого кургана состоит только из керамики. Всего отсюда извлечено 22 целых сосуда и фрагменты от трех сосудов.

Все сосуды — плоскодонные, изготовлены из глины с примесью песка, шамота и в одном случае толченого мела. Обжиг сосудов костровой. Цвет поверхности желтовато-серый, изнутри многие имеют следы сажистого нагара. Заглаживание сосудов как изнутри, так и снаружи, производилось при помощи тряпки или кожи; на поверхности шести сосудов имеются следы штриховой зачистки, произведенной пучком травы или щепой. Края почти всех сосудов плоские, иногда (пять сосудов) орнаментированные косой насечкой. По форме выделяются несколько типов:

1. Высокие горшковидные сосуды — 11 экз. (рис. 50, 3, 4, б), подразделяющиеся по форме горла на три разновидности: а) сосуды с прямым горлом и слегка расширенным туловом, так что диаметр тулова превышает диаметр горла — 6 экз. (рис. 50, 4, б); б) сосуды со слегка закрытым горлом и слабо выпуклым туловом — 4 экз. (рис. 50, 7); в) один сосуд со слабо отогнутым краем горла, диаметр которого равен диаметру тулова (рис. 50, 5).

Орнаментированы лишь сосуды первой и третьей разновидностей, причем на трех сосудах (рис. 50, 4, б) орнамент покрывает почти всю поверхность. На четырех сосудах узоры нанесены крупными прочерченными линиями, на одном — оттисками крупнозубчатой гребенки. Кроме того, один сосуд в нижней части покрыт беспорядочно разбросанными кружками, нанесенными полую костью. Узоры орнамента несложные — это вертикальные или горизонтальные зигзаги, в одном случае — крупные ромбы. Аналогичные по форме и орнаментации сосуды содержатся в материалах и кургана 6⁶¹, а также в коллекции А. Ф. Лихачева из I Полянского курганного могильника*. В последнем комплексе среди 17 сосудов имеются 7 высоких горшковидных, 2 из которых покрыты по всей поверхности орнаментом из оттисков среднезубчатого штампа, причем стиль и техника нанесения орнамента мало чем отличаются от орнамента сосудов III Маклашеевского могильника⁶². Любопытно, что сюжетный рисунок (рис. 50, 3), прочерченный на одном из горшковидных сосудов Полянского могильника⁶³, повторяется в некоторых деталях на одном чашевидном сосуде из кургана I III Маклашеевского могильника (рис. 50, 2).

2. Чашевидные баночные сосуды малых размеров, высота которых обычно составляет половину или $\frac{2}{3}$ диаметра горла — 11 экземпляров (рис. 50, 1, 2). По форме края горла также выделяется несколько разновидностей: а) сосуды с открытым горлом — 6 экземпляров (рис. 50, 2); б) сосуды с прямым горлом —

* Этот могильник расположен на северо-восточной окраине с. Полянки, примерно в 1,5 км к северу от III Маклашеевского могильника. В 1966 г. здесь при земляных работах вскрыто одно погребение.

Рис. 50. Сосуды срубной культуры из III Маклашевского (1, 2, 4—7) и I Полянского (3) могильников

4 экземпляра (рис. 50, 1); в) небольшая чаша со слегка закрытым горлом.

В глине двух сосудиков заметна примесь каких-то органических остатков. Остальные сосуды имеют примесь песка и шмота. Почти все сосуды этого типа неорнаментированы, кроме трех чаш. На одной из них перекрещивающейся нарезкой орнаментирован верх сосуда и край горла; на другой клиновидными насечками покрыта вся поверхность сосуда (рис. 50, 1), а плоский край венчика украшен нарезкой. Подобного типа сосуды характерны еще для полтавкинских памятников срубной культуры⁶⁴. Третья чаша (средних размеров), как уже было замечено, имеет по верхнему краю процарапанные по сырой глине изображения змей и еще каких-то существ (рис. 50, 2).

В кургане 6 обнаружены три небольшие баночки без орнамента и шесть чаш с резным орнаментом⁶⁵. Все они близки к сосудам из кургана 1.

В коллекциях из I. Полянского могильника насчитывается девять сосудов этой группы, в том числе пять преимущественно неорнаментированных баночек со слегка профилированным краем и четыре чаши с открытым или слабо прикрытым горлом. Три из последних орнаментированы по краю, причем на одном имеются горизонтальные отпечатки шнура⁶⁶.

Итак, не может быть сомнений в том, что описанные сосуды из I и 6 курганов III Маклашеевского могильника и из I Полянского могильника сходны между собой, очевидно, одновременны и принадлежали одной группе населения.

Описанная керамика по форме и орнаментации близка к керамическим группам таких средневожских срубных памятников, как Хрящевские (6, 8)⁶⁷ и Кайбельские (11, 22—24)⁶⁸ курганы, отнесенные Н. Я. Мерпертом ко второму этапу срубной культуры, что соответствует концу первого периода. Следовательно, мы не ошибемся, если отнесем курганы III Маклашеевского и I Полянского могильников к этому же времени. Однако тот факт, что среди сосудов этих памятников встречаются редко сосуды острорубных форм (практически известен лишь один)⁶⁹ при наличии сосудов с архаичными полтавскими чертами позволяет считать эти памятники наиболее ранними для конца первого периода срубной культуры Среднего Поволжья.

Ржавецкий курганный могильник, обнаруженный в 1963 г. примерно в 3,5 км к северо-западу от дер. Ржавец Куйбышевского района ТАССР, на надлужной террасе левого берега р. Волги, ныне сильно подтопленной, состоял из трех-четырёх невысоких курганов. Один из них круглой формы Д — 18 м при высоте в 35—40 см — наполовину был размыт водами Куйбышевского водохранилища. В размытой части прослеживались пятна от трех ям, расположенных ближе к краю кургана. Одна из них была прямоугольной формы (105×60 см), ориентирова-

на с запада на восток, на дне ее лежала груда пережженных человеческих костей и сосуд горшковидной формы с резным орнаментом в виде горизонтального зигзага. Интересный и оригинальный обряд трупосожжения — достаточно редкое явление для срубных курганов. Но оно начинает наблюдаться именно в конце первого периода развития собственно срубной культуры⁷⁰. Обряд трупосожжения был прослежен и в центральном погребении 6 кургана III Маклашеевского могильника, к сосудам которого, между прочим, очень близок сосуд из погребения Ржавецкого кургана. Очевидно, оба памятника синхронны.

К концу первого периода относится значительное число срубных памятников, обнаруженных в последние годы по левому берегу Камы. Среди них следует отметить II Щербетский могильник, V Щербетское поселение с остатками четырех жилищ, I Измерское поселение, I Балахчинское, I Солонцовское, VI Лебединское, II Кузькинское и другие поселения (см. рис. 56). Эти памятники позволяют утверждать, что в конце первого периода, т. е. в XIV в. до н. э. все левобережье Камы до устья Белой продолжало оставаться территорией срубных племен.

Наиболее восточным памятником в этой серии является Дежуковский могильник, расположенный по краю надлуговой террасы р. Ик и имевший слабо выраженные насыпи курганов. Здесь небольшим раскопом в 1958 г. были вскрыты остатки трех погребений, костяки которых, вероятно, лежали на правом боку, головой на восток и запад. Обнаруженные вместе с ними горшковидные плоскодонные сосуды мало чем отличаются от сосудов III Маклашеевского и Ново-Байбатыревского могильников. Очевидно, могильник возник в конце существования расположенного здесь же селища, керамика которого по форме аналогична погребальным сосудам. Вместе с тем любопытно отметить, что часть керамики поселения (около 18% из общего числа) изготовлена из глины с примесью толченых раковин и орнаментирована оттисками мелкозубчатого штампа. Эти особенности более характерны для соседних черкаскульских, нежели срубных племен⁷¹.

В конце первого периода еще более усиливаются взаимоотношения срубных племен с их могущественными соседями на востоке — племенами андроновской культуры⁷². Воздействие последних ощущается не только в материалах срубных памятников левобережья Нижней Камы, но наблюдается и в памятниках по Волге. Особенно интересно в этом отношении Сусканское левобережное поселение, изученное Н. Я. Мерпертом в устье р. Черемшана и содержавшее в нижнем горизонте культурного слоя выраженный комплекс андроновской керамики, оставленный, по мнению Н. Я. Мерперта, «в третьей или в самом начале четвертой четверти II тысячелетия до н. э. одним из

племен андроновской культурной области, продвинувшемся далеко на запад и вышедшим к Волге»⁷³.

В это же время андроновское воздействие начинает наблюдаться и в материалах приказанской культуры, особенно в культуре поселений, расположенных по р. Каме. В 1940 г. А. В. Збруевой при раскопках I Луговской стоянки приказанской культуры у г. Елабуги, на правом берегу р. Камы, среди огромного числа фрагментов керамики, происходящей не менее чем от 300 сосудов, выделены фрагменты «около 20 сосудов, близких к андроновским. Это в большинстве случаев плоскодонные горшки средней величины, иногда с хорошо выраженным уступом на плечиках. Внешняя поверхность посуды в большинстве случаев лощеная, иногда заглаженная; внутренняя поверхность, напротив, редко бывает лощеной, чаще она заглажена, а иногда имеет следы зубчатого штампа. Орнамент нанесен в подавляющем большинстве случаев штампами с мелкими зубчиками»⁷⁴. Эта керамика является, безусловно, андроновской и скорее должна быть отнесена к ее алакульскому типу, датировка которого (XV—XII вв. до н. э.) в последнее время получила ряд веских аргументов⁷⁵.

Наконец, отдельные фрагменты сосудов, очень близких по форме и орнаменту андроновским, были отмечены на Балымской стоянке под г. Казанью.

Итак, в третьей четверти II тысячелетия до н. э. продолжается включение в среду срубных и в какой-то степени приказанских племен Среднего Поволжья представителей андроновского населения. Вполне возможно, что это население не было однородным и состояло из родовых групп, культура которых имела черты или федоровского лесостепного (Бозяково, Березовая грива, I Чувашская культура, Сусканское левобережье), или алакульского степного (I Луговское, Старые Байсары) локальных вариантов андроновской культуры. Характерно, что первые расположены на левом берегу р. Волги близ устья р. Камы, а вторые приурочены к р. Каме близ устья р. Белой. Возможно, это свидетельство разных путей проникновения андроновского населения в Волго-Камье.

Для второго периода развития срубной культуры в Среднем Поволжье становятся характерными поселки с крупными полуземляными домами. Особенно выразительным памятником в этом отношении является I Сусканское поселение, полностью раскопанное в 1951—1953 гг. Н. Я. Мерпертом⁷⁶. Здесь были вскрыты остатки больших прямоугольной формы полуназемных жилищ, котлован одного из которых (левобережное жилище) поражает своими огромными размерами (24×14 м) и четкостью конструкции. По мнению Н. Я. Мерперта, «жилища представляли собой большие прямоугольные полуземлянки со значительной и сложной наземной частью. Основу наземной конструкции

составляла большая двускатная кровля, каждая сторона которой опиралась на продольную балку, поддерживаемую рядом столбов...»⁷⁷. Особый интерес вызывает наличие на обоих Сусканских поселениях следов древних оборонительных сооружений в виде оплывших рвов шириной около 3 м и земляных валов⁷⁸. Они свидетельствуют о возросшей внешней опасности для срубных племен, вызванной усилением местного населения, начавшего (ближе к последней четверти II тысячелетия до н. э.) активное наступление на районы, занятые племенами срубной культуры.

Керамика Сусканских поселений в известной мере может служить эталоном для срубных памятников Среднего Поволжья второго периода, поэтому несколько подробнее остановимся на ее характеристике. Благодаря наличию среди керамического материала значительного числа целых сосудов, найденных в ямах-хранилищах, Н. Я. Мерперту достаточно полно удалось установить форму сосудов, которые он подразделяет на три группы: баночные сосуды высоких форм, острореберные сосуды со сглаженным ребром и горшковидные сосуды «с округлыми стенками, с резко выраженными округлыми плечиками и переходом от плечиков к цилиндрическому широкому горлу»⁷⁹. Внешняя поверхность сосудов заглажена, а внутренняя обработана гребенчатой зачисткой. Выделяются сосуды с поддонами, иногда украшенными каннелюрами. «Особо следует указать на распространение среди керамики поселения орнаментации налепными валиками. Эти валики представляют собой полоску глины, в сечении полукруглую или треугольную, прилепленную на границе шейки и горла или же на самом горле и орнаментированную косыми нарезками... Иногда валик — налепной или не налепной — тянется вдоль самого края сосуда, значительно утолщая его венчик»⁸⁰.

Большинство посуды по верхней половине орнаментировалось; иногда орнамент опускался и на нижнюю часть тулова, даже заходил на днище. Выделяются следующие разновидности техники нанесения орнамента: резной (45%), каннелюрованный или желобчатый (2%), штампованный гладкий (20%), валиковый (5%), штампованный гребенчатый, преимущественно средне- и крупнозубчатый (20%), ямчатый углом штампа или кружковый (5%). Наиболее распространенными видами орнамента являются «елочка» как вертикальная, так и горизонтальная, часто встречаются пояса больших ромбов, иногда сочетающихся с треугольниками, заполненными угольчатыми вдавлениями. Столь же распространена простая орнаментация сосудов косой решеткой, поясом скошенных крестов или ромбов, ямчатых вдавлений, а также зигзагом или рядом насечек.

Н. Я. Мерперт справедливо рассматривает все эту группу керамики как наиболее характерную для второго периода срубной

культуры и в то же время отмечает ее значительную близость к позднеандоновской. Интересно в связи с этим его замечание, «что в результате исторического сближения племен срубной и андроновской культурных областей их культура на позднем этапе развития приобретает все больше общих черт, особенно в сопредельных областях, где в течение длительного времени племена срубной культурной области сосуществовали с андроновцами»⁸¹.

Важное значение имеет датировка Сусканских поселений, ибо на этом строится и датировка всего второго периода срубной культуры в Среднем Поволжье. В последнее время Н. Я. Мерперт⁸² и А. И. Тереножкин⁸³ пришли к мнению о необходимости датировать Сусканские памятники XIII—XI вв. до н. э. Основанием для этого послужила находка на I Сусканском поселении рогового стержневидного псаля⁸⁴, аналогичного ряду псалий раннего гальштата и тазабагьябской культуры⁸⁵. Соглашаясь с нижним пределом этой даты, следует заметить, что верхняя дата, мне кажется, несколько омоложенной. В последней четверти II тысячелетия до н. э., как мы это увидим ниже, все левобережье Камы занимают приказанские племена на атабаевском этапе их развития. Памятники последних по ряду датирующих моментов относятся к XII—XI вв. до н. э. (см. ниже, стр. 284). В этот же период приказанские племена появляются и на Волге, ниже устья Камы (Гулькинское поселение и II Маклашеевский могильник). Поэтому есть основание полагать, что второй период развития срубной культуры в этих районах Среднего Поволжья завершился не позднее XII в. до н. э. Об этом же косвенно свидетельствует появление укреплений на срубных поселениях и массовость кладов срубных бронзовых изделий (Сосново-Мазинский, Волостниковский, Татарско-Шуганский, Ерыклинский и пр.), время закрытия которых, по Н. Я. Мерперту, связано с XII в. до н. э.⁸⁶

Поздний период существования срубных племен в Среднем Поволжье связан с активным воздействием на них, особенно в наиболее северных районах, местных племен приказанской и в какой-то степени поздняяковской культур. В этом отношении определенный интерес представляют некоторые памятники, изученные в пограничных зонах.

На западе, в бассейнах Оки, Мокши и Суры, ближе к последней четверти II тысячелетия до н. э. господствующее положение начинают занимать поздняяковские племена. Так, в среднем течении Оки появляются классические поздняяковские памятники типа Подборновской стоянки⁸⁷, на р. Мокше — поселения Озименки и Красный Восток⁸⁸. Во всех этих поселениях керамика обладает выраженными поздняяковскими чертами (орнаментация ямками и выпуклинами, валики-бортики по краю венчиков и т. п.). На Целибухинской стоянке, в окрестностях Пензы, на р. Суре наряду с поздняяковской керамикой

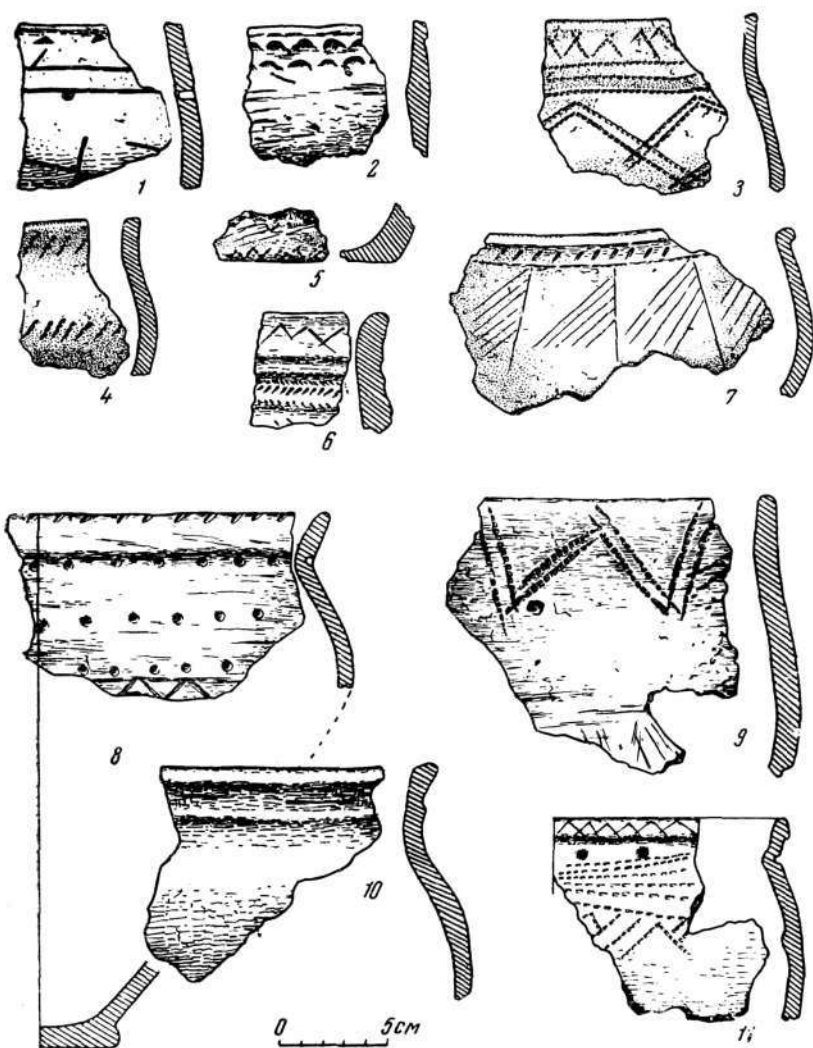

Рис. 51. Срубная и приказанская керамика Козловского поселения (1—11)

имеется и значительная группа крупных срубных горшковидных сосудов с характерным валиковым орнаментом. Здесь, кстати, раскопками И. Н. Спрыгиной были выявлены остатки нескольких жилищ — «утрамбованные основания землянок, имеющие форму удлиненных площадок размером 15×7 м»⁸⁹.

Постепенное оттеснение срубных племен приказанскими племенами наблюдается и в бассейне Свяги, верхнее и среднее

течения которой, как мы видели выше, были густо заселены первыми в середине II тысячелетия до н. э. Интересным памятником позднего периода в этом районе является Козловское поселение, раскопки которого были проведены автором в 1957 г. В результате их были вскрыты остатки большого полужемляного жилища длиной более 10 м и собран своеобразный керамический материал, характеризующийся следующими особенностями. Судя по обнаруженным фрагментам, посуда поселения была представлена двумя формами — горшковидной (преобладающей) и баночной (рис. 51). На первых сосудах обычны украшения наклепными валиками и горизонтальными каннелюрами по верхней части, но среди них преобладают сосуды со скошенным валиком-бортиком по краю венчика (рис. 51), что является больше приказанской, нежели срубной чертой. Характерно, что почти все эти сосуды по горлу украшены традиционным приказанским орнаментом из горизонтального ряда круглоямочных или клиновидных вдавлений. Для этих же сосудов характерна выраженная горошковидная форма с суженным дном (рис. 51). Вместе с тем грубый характер большинства сосудов, особенно баночных форм, и специфично срубная орнаментация крупными нарезными и прочерченными линиями и гребенчатыми оттисками, так же как и наличие сосудов с горизонтальными каннелюрами, заставляют относить большинство сосудов к срубной культуре. Имеющиеся же сосуды с приказанскими чертами свидетельствуют об усилившемся воздействии приказанских племен на срубные бассейна Свияги.

Это же явление наблюдается и по материалам памятников левобережья Камы. Наибольший интерес в этом отношении имеют V Шербетская, I, VII и XIII Кузькинские стоянки, в основном исследованные в 1964—1965 гг. На V Шербетском и VII Кузькинском поселениях зафиксированы размытые остатки крупных жилых сооружений прямоугольной формы размером 10×15 кв. м. По форме, конструктивным особенностям и характерному расположению очагов по продольной линии эти жилища близки к Сусканским. На поселениях собран значительный материал, помимо керамики, состоящий из различных предметов, среди которых особый интерес вызывают крупные зернотерочные плиты (рис. 62, 2).

Большие керамические комплексы получены из I и VII Кузькинских поселений, причем более чистый — на первом и смешанный с приказанским материалом — на втором.

Среди многочисленных керамических фрагментов I Кузькинского поселения выделено по верхним частям 53 сосуда. Все они изготовлены из глины с примесью шамота и иногда толченого мела, имеют обычно заглаженную поверхность, хотя изредка по внутренней стороне наблюдается и штриховая зачистка. Очевидно, все сосуды были плоскодонными. По форме

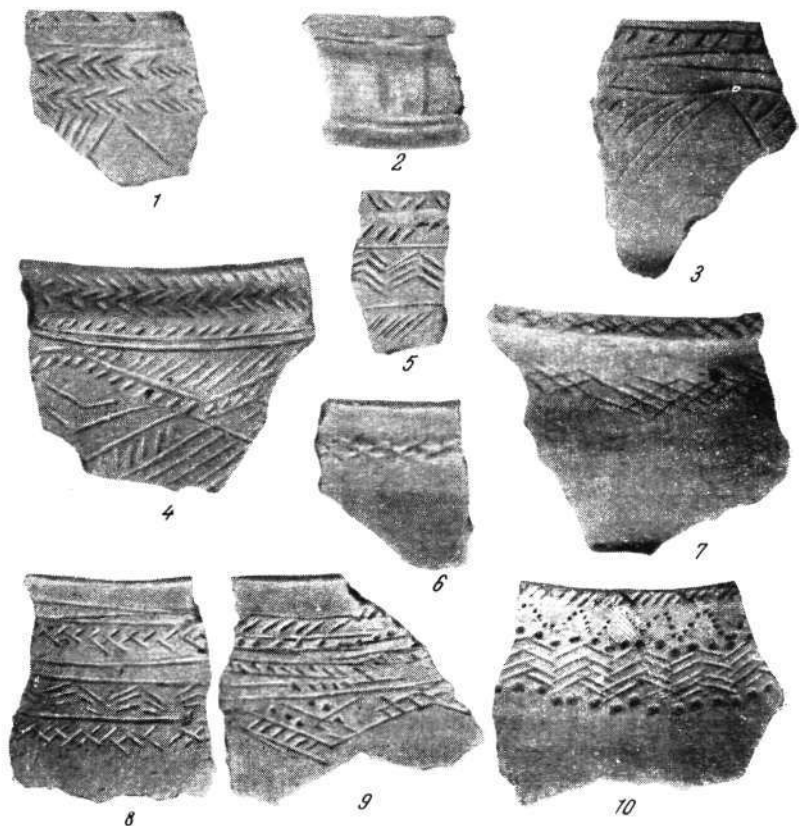

Рис. 52. Позднесрубная керамика I и VII Кузькинских поселений

выделяются обычные для срубной керамики три типа — баночные (14 сосудов), горшковидные (38 сосудов) и один острореберный. Горшковидные в свою очередь подразделяются на две разновидности — сосуды с прикрытым горлом (12 экз.), сосулы с открытым горлом и выраженной шейкой (26 экз.). У баночных сосудов края венчиков плоские (5 экз.), округлые, с небольшим отворотом наружу (6 экз.) или приостренные, со скосом внутрь (2 экз.). Такие же края характерны и для горшковидных сосудов, но здесь в основном преобладают округлые с отворотом наружу и имеются горла с наклепным валиком по шейке (рис. 52, 4, 7; 6 экз.) и по краю венчика (14 экз.; рис. 52, 5, 6, 10). Последние иногда приобретают характерную для приказанской керамики форму скошенного валика-бортика. Примерно 80% сосудов орнаментировано, причем орнамент располагается лишь по верхней части сосуда. Абсолютное большинство сосудов (38 из 42) орнаментировано резными и прочерченными линиями,

лишь на трех сосудах имеются узоры, выполненные гребенчатыми оттисками. Характерно также сочетание резного орнамента с рядом клиновидных углублений по шейке (рис. 52, 5), что свойственно больше для приказанской, чем срубной керамики. Узоры состоят из параллельных горизонтальных линий (20 сосудов), горизонтальных (7 сосудов) и вертикальных (14 сосудов) зигзагов, ряда наклонных (14 сосудов) и перекрещенных (4 сосуда) отрезков, заштрихованных треугольников (3 сосуда) и ромбов (1 сосуд) (рис. 52).

Вся эта группа керамики мало чем отличается от вышеописанной керамики Сусканских поселений и обладает всеми характерными признаками срубной керамики второго периода. Вместе с тем здесь наблюдаются и некоторые приказанские черты — преобладание резной орнаментации, сосудов со скошенным валиком-бортиком по краю и наличие типично приказанских сосудов с однорядномочным орнаментом.

Последние более выражены в комплексе VII Кузькинской стоянки, который интересен еще тем, что здесь имеются также и фрагменты андроновских сосудов позднеалакульского типа и один обломок балановского ош-пандинского типа (рис. 52, 2). Последнее обстоятельство важно для синхронизации этого комплекса с балановской и андроновской культурами. Слой поселения срубной культуры перекрывается слоем приказанского поселения, характеризуемого керамикой с поздними балымско-карташихинскими и ранними атабаевскими чертами, что позволяет относить время прекращения существования срубного поселка к XII в. до н. э., когда происходит в приказанской культуре смена балымско-карташихинского этапа атабаевским (см. ниже, стр. 272). В то же время происходит и смена ошпандинского этапа балановской культуры хула-сючским и заканчивается алакульский этап андроновской культуры.

Итак, следует полагать, что срубные племена левобережья Камы во втором периоде своего развития еще продолжали занимать значительную часть этой территории. Но не позднее XII в. до н. э. эти районы в основном заселяют приказанские племена (см. ниже, стр. 285), а срубные племена покидают берега Камы и прилегающие участки левобережья Волги. С отходом срубных племен, очевидно, следует увязывать и время захоронения большинства кладов срубного металла — Волостиниковский, Ерыклинский, Сабанчевский, Татарско-Шугановский, Памаевский, Турминский, Ильдеряковский и Сосново-Мазинский. Многие из них состоят из характерных бронзовых серпов, режы кельтов и других предметов.

Наиболее восточная группа срубных племен Среднего Поволжья, занимавшая бассейн Ика и левобережье Белой, во втором периоде своего развития также претерпевает определенные изменения в материальной культуре. Это мы можем наблюдать

на материалах Подгорно-Байларского поселения, раскопки на котором были проведены в 1958 г. археологической экспедицией КИЯЛИ АН СССР. Как уже отмечалось выше, в материалах Деуковского могильника, относящегося к концу первого периода срубной культуры, наблюдается включение андронидных или черкаскульских элементов. Еще более отчетливо они выступают в материалах Подгорно-Байларского поселения.

Здесь раскопками вскрыто более 400 кв. м и изучены остатки большого полуземляночного жилища прямоугольной формы (4,5×12 м). Собрано значительное число фрагментов глиняной посуды, среди которых выделено более 120 сосудов. Все они, очевидно, были плоскодонными, так как в коллекции нет ни одного фрагмента круглого днища. По составу теста выделяются две группы: с примесью толченой раковины (38 сосудов) и с примесью шамота, редко дресвы (86 сосудов). Обе группы, несомненно, сосуществовали, так как для них характерны одни и те же формы — горшковидная (23 сосуда — в первой и 54 сосуда — во второй) и баночная (15 — в первой и 32 — во второй); одна и та же орнаментация.

Баночные сосуды (рис. 53, 5) преимущественно имеют плоскосрезанный край венчика (28 экз.), реже слегка отогнутый наружу (10 экз.) и приостренный (7 экз.). На двух сосудах по шейке наблюдался реберчатый валик (рис. 53, 2). Горшковидные сосуды имеют прямую шейку, плавно переходящую в слегка раздутое тулово. Здесь также преобладают плоские края венчиков (41 экз.), иногда с выступом наружу (5 экз.). Последний приобретает форму скошенного бортика-валика. Такой валик наблюдался также по шейке четырех сосудов. 27 сосудов имели приостренные края венчиков.

Поверхность большинства сосудов заглажена, иногда даже подлощена, лишь на единичных сосудах изнутри наблюдались следы штриховой зачистки. Большинство сосудов (111 экз.) орнаментировано в верхней части несложными узорами (горизонтальные линии, вертикальный и горизонтальный «зигзаг», «елочка», крупные заштрихованные треугольники, редко ромбы и т. п.), выполненными резными или прочерченными линиями (82 сосуда), оттисками гребенчатого штампа (37 сосудов) и грубыми ямчатыми углублениями (4 сосуда) (рис. 53, 1—2).

Описанная керамика обладает всеми характерными особенностями поздних срубных сосудов. Особенно она близка к керамике Сусканских и I Кузькинского поселений. Наряду с этим здесь отмечаются и посторонние влияния — примесь в тесте толченых раковин, значительное развитие орнамента, выполненного гребенчатыми, в том числе и мелкозубчатыми оттисками, что в известной степени более характерно для андронидной черкаскульской керамики, чем срубной. По-видимому, прав К. В. Сальников, считающий, что ближе к концу II тысячелетия

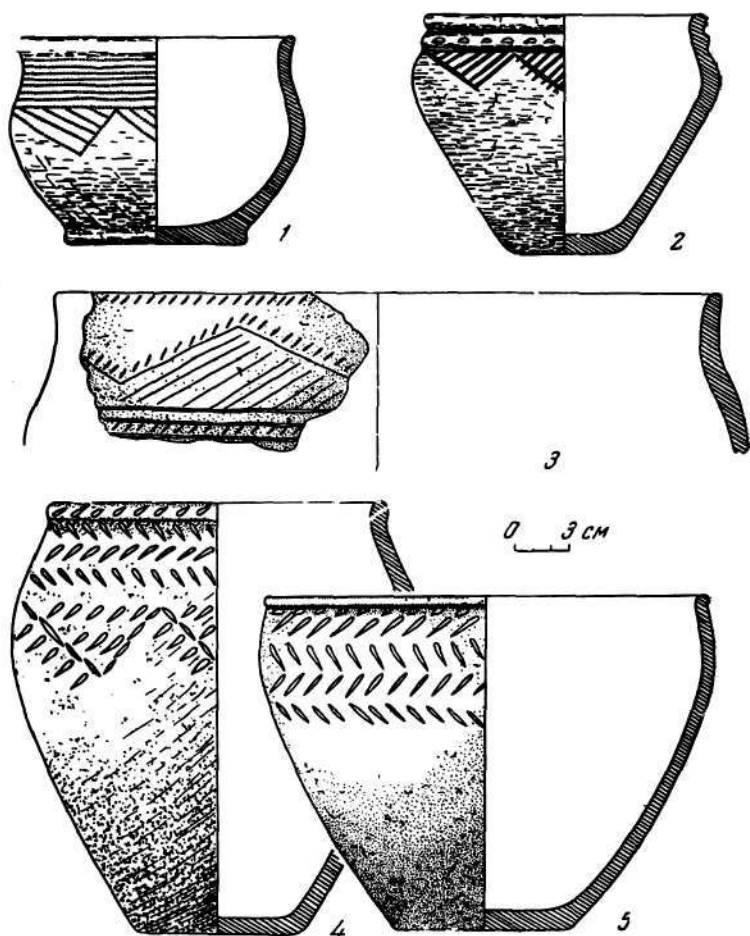

Рис. 53. Керамика Подгорно-Байларского поселения (1—5)

до н. э. области Северной Башкирии, куда входило и Бельско-Икское междуречье, были заняты черкасульскими племенами, растворившими в своей среде и срубное население. Очевидно, моменты этого процесса ассимиляций следует усматривать в материалах Подгорно-Байларского поселения. Примерно в XI—X вв. эти районы занимают приказанскими племенами, поэтому следует думать, что к моменту появления последних срубные племена здесь уже перестали существовать.

В последней четверти (XII—XI вв.) II тысячелетия до н. э. всю прежнюю территорию срубных племен (бассейн Свяги, по

Волге почти до устья Черемшана и левобережье Камы) занимают приказанские племена; здесь уже отсутствуют позднейшие срубные памятники, кроме Кайбельского поселения. Срубные племена в Среднем Поволжье, по мнению А. И. Тереножкина, доживают лишь до рубежа II—I тысячелетий до н. э. Сильно рассосредоточенные и потерявшие былую силу в связи с уходом основной массы населения в более южные районы Евразии¹⁰ остатки срубных племен уже не могли оказывать в это время никакого существенного воздействия на окрепшие местные племена приказанской и поздняяковской культур. Так закончился чрезвычайно важный для истории Среднего Поволжья в эпоху ренного металла период господства племен срубной культурной области. Значение последних в развитии культуры местного населения никоим образом нельзя умалять. Под их воздействием фактически складывались на местной волосовской основе племена приказанской и поздняяковской культур, интенсивными темпами развивалась экономика производящего характера и металлургия бронзы. По сравнению со всеми пришлыми племенами срубное население сумело наложить на развитие культуры, экономики и в какой-то степени этноса местных племен наиболее существенный отпечаток.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ А. Х. Халиков, Г. В. Лебединская, М. М. Герасимова. Пепкинский курган (Абашевский человек). «Тр. Марийской археологической экспедиции», т. III. Йошкар-Ола, 1966.

² О. А. Кривцова-Гракова. Степное Поволжье и Причерноморье в эпоху поздней бронзы. МИА, № 46, 1965; Н. Я. Мерперт. Из древнейшей истории Среднего Поволжья. МИА, № 61, 1958; Н. К. Качалова. К вопросу о памятниках полтавкинского типа. «Археологический сборник Эрмитажа», вып. 5, Л., 1962; К. В. Сальников. Южный Урал в эпоху неолита и ранней бронзы. «Археология и этнография Башкирии», т. I. Уфа, 1962.

³ К. В. Сальников. Очерки древней истории Южного Урала. М., 1967, стр. 224 и сл.

⁴ Н. Я. Мерперт. Из древнейшей истории Среднего Поволжья.

⁵ А. Х. Халиков. Ново-Мордовские курганы. МИА, № 130, 1965.

⁶ К. В. Сальников. См. примеч. 3, стр. 49.

⁷ О. А. Кривцова-Гракова. Указ. соч., стр. 22 и сл.

⁸ Т. Б. Попова. Эпоха бронзы на Тамбовщине. СА, 1961, № 3, стр. 149.

⁹ Н. Я. Мерперт. Срубная культура Южной Чувашии. МИА, № 111, 1962.

¹⁰ П. Д. Степанов. Курганы эпохи бронзы у с. Пиксяси Мордовской АССР, КСИА, вып. 59, 1955.

¹¹ Н. Я. Мерперт. См. примеч. 2, стр. 13 и сл. M. Gimbutas. Bronze Age Cultures in Central and Eastern Europe. London—Paris, 1965, s. 562.

¹² О. Н. Бадер. Древнейшие металлургии Приуралья. М., 1964; Е. Н. Черныш. История древнейшей металлургии Восточной Европы. М., 1966.

¹³ О. А. Кривцова-Гракова. Указ. соч., стр. 7.

¹⁴ Там же, стр. 73.

¹⁵ Там же, стр. 31.

¹⁶ Там же, стр. 82.

- ¹⁷ Н. Я. Мерперт. Указанные сочинения и Материалы по археологии Среднего Заволжья. МИА, № 42, 1954.
- ¹⁸ Н. Я. Мерперт. См. примеч. 9, стр. 21.
- ¹⁹ А. Н. Тереножкин. Основы хронологии предкифского периода. СА, 1965, № 1, стр. 66.
- ²⁰ Там же, стр. 20.
- ²¹ M. Gimbutas. Указ. соч., стр. 528, 569.
- ²² Там же, стр. 546 и сл.
- ²³ В. А. Сафронов. Некоторые вопросы хронологии среднебронзового века Восточной Европы. «Доклады и сообщения археологов СССР на VII Международном конгрессе доисториков и протоисториков». М., 1966, стр. 183.
- ²⁴ Н. Я. Мерперт. См. примеч. 9, стр. 21.
- ²⁵ Н. Я. Мерперт. См. примеч. 17, стр. 41—50.
- ²⁶ Н. Я. Мерперт. См. примеч. 9.
- ²⁷ П. Д. Степанов. См. примеч. 10.
- ²⁸ Н. Я. Мерперт. См. примеч. 2, стр. 81 и сл.
- ²⁹ Е. Н. Черных. См. примеч. 12, стр. 79, 80.
- ³⁰ О. А. Кривцова-Гракова. Указ. соч., стр. 26 и сл.; А. Н. Тереножкин. Указ. соч., 63; M. Gimbutas. Указ. соч., стр. 552 и сл.
- ³¹ А. В. Збруева. Малокуловские курганы. СА, IX, 1947.
- ³² Н. Я. Мерперт. См. примеч. 2, стр. 77 и сл.
- ³³ M. Gimbutas. Указ. соч., стр. 553.
- ³⁴ А. Х. Халиков. Материалы к изучению истории населения Среднего Поволжья и Нижнего Прикамья в эпоху неолита и бронзы. «Тр. Марийской археологической экспедиции», т. I. Йошкар-Ола, 1960, стр. 177.
- ³⁵ М. Р. Полесских. В недрах времен. Пенза, 1956, стр. 24 и сл.
- ³⁶ Там же, стр. 34, 35.
- ³⁷ A. Mozsolics. Die Steinaxt von Dad. AA, t. XVI, f. 3—4. Budapest, 1964.
- ³⁸ A. Mozsolics. Die Herkuftsfrage der ältesten Hirschgeweihtensen. AA, t. XII, 1960; К. Ф. Смирнов. О древних всадниках поволжско-уральских степей. СА, 1961, № 1; А. Н. Тереножкин. Указ. соч., стр. 64, 65.
- ³⁹ П. Д. Степанов. Курганы эпохи бронзы у с. Пиксяси Мордовской АССР, стр. 74—80.
- ⁴⁰ Н. Я. Мерперт. См. примеч. 2, стр. 81.
- ⁴¹ П. Д. Степанов. Итоги археологических работ в Западном Поволжье за пятилетие 1945—1949 гг. «Уч. зап. Саратовского государственного университета», вып. XXII. Саратов, 1956, стр. 91 и сл., рис. 6.
- ⁴² Н. Я. Мерперт. См. примеч. 9, стр. 7—21.
- ⁴³ Г. А. Федоров-Давыдов. Тигашевское городище. МИА, № 111, 1962, стр. 51—62.
- ⁴⁴ А. Х. Халиков. См. примеч. 5.
- ⁴⁵ П. Д. Степанов. См. примеч. 10, стр. 75 и сл.
- ⁴⁶ Н. Я. Мерперт. См. примеч. 2, стр. 98.
- ⁴⁷ Н. Я. Мерперт. Там же, рис. 3, 1; Т. Б. Попова. Керамика мелекских курганов. «Тр. ГИМ», вып. 22. М., 1953, рис. 1, 15, 20.
- ⁴⁸ Н. Я. Мерперт. См. примеч. 2, стр. 66.
- ⁴⁹ Там же.
- ⁵⁰ Там же, стр. 88, 89.
- ⁵¹ Там же, стр. 100, 101.
- ⁵² П. П. Ефименко, П. Н. Третьяков. Абашевская культура в Поволжье. МИА, № 97, 1961, стр. 105—110.
- ⁵³ Там же, рис. 41—42.
- ⁵⁴ Н. Я. Мерперт. См. примеч. 2, стр. 137.
- ⁵⁵ П. П. Ефименко, П. Н. Третьяков. Указ. соч., рис. 40.
- ⁵⁶ А. Х. Халиков, Г. В. Лебединская, М. М. Герасимова. Указ. соч., стр. 35.

⁵⁷ А. В. Збруева. Маклашеевские могильники. КСИМК, вып. XXIII, 1948, стр. 26 и сл.

⁵⁸ Там же, стр. 26.

⁵⁹ Там же, стр. 26—28.

⁶⁰ Там же, стр. 26.

⁶¹ Там же, рис. 9, 8—10.

⁶² M. Chudjakov. Die Keramik des Begrabnisplatzes im Dorf Poljanki FUF, Bd. XVII. Helsinki, 1926.

⁶³ Там же, стр. 31—34; А. В. Збруева. История населения Прикамья в ананьинскую эпоху. МИА, № 30, 1952, стр. 165.

⁶⁴ Н. К. Качалова. См. примеч. 2, стр. 38, 39.

⁶⁵ А. В. Збруева. См. примеч. 57, рис. 9, 3, 4, 7.

⁶⁶ M. Chudjakov. Указ. соч.

⁶⁷ Н. Я. Мерперт. См. примеч. 2, рис. 6.

⁶⁸ Т. В. Полова. См. примеч. 47, стр. 56 и сл.

⁶⁹ А. В. Збруева. См. примеч. 57, стр. 28, рис. 9, 5.

⁷⁰ Н. Я. Мерперт. См. примеч. 2, стр. 99.

⁷¹ К. В. Сальников. Очерки древней истории Южного Урала, стр. 239.

⁷² Н. Я. Мерперт. См. примеч. 2, стр. 104 и сл.

⁷³ Там же, стр. 136.

⁷⁴ А. В. Збруева. Памятники эпохи поздней бронзы в Приказанском Поволжье и Нижнем Прикамье. МИА, № 80, 1960, стр. 16.

⁷⁵ Э. А. Федорова-Давыдова. Андроновское погребение XV—XIII вв. до н. э. «Тр. ГИМ», вып. 37, 1960, стр. 59; К. В. Сальников. См. примеч. 71, стр. 316 и сл.

⁷⁶ Н. Я. Мерперт. См. примеч. 2, стр. 104 и сл.

⁷⁷ Там же, стр. 115 и сл.

⁷⁸ Там же, стр. 118.

⁷⁹ Там же, стр. 122, рис. 16, 20.

⁸⁰ Там же, стр. 128.

⁸¹ Там же, стр. 129.

⁸² Н. Я. Мерперт. См. примеч. 9.

⁸³ А. И. Тереножкин. См. примеч. 19, стр. 70—72.

⁸⁴ Н. Я. Мерперт. См. примеч. 2, стр. 121, рис. 14, 9.

⁸⁵ А. И. Тереножкин. См. примеч. 19, стр. 72.

⁸⁶ Н. Я. Мерперт. О луристанских элементах в кладе из Сосновой Мазы. КСИА, вып. 108, 1966.

⁸⁷ Н. Я. Мерперт. См. примеч. 2; Б. Г. Тихонов. Металлические изделия эпохи бронзы на Среднем Урале и в Приуралье. МИА, № 90, 1960; А. И. Тереножкин. См. примеч. 19.

⁸⁸ К. В. Сальников. См. примеч. 71, стр. 354 и сл.

⁸⁹ Н. Я. Мерперт. См. примеч. 2, стр. 149.

⁹⁰ Н. Я. Мерперт. О связях Северного Причерноморья и Балкан в раннем бронзовом веке. КСИА, вып. 105, 1965; А. М. Мандельштам. Погребения срубной культуры в Южной Туркмении. КСИА, вып. 108, 1966.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

ПРИКАЗАНСКИЕ ПЛЕМЕНА

(вторая половина

II тысячелетия —

начало I тысячелетия до н. э.)

Рассмотренные в предыдущих главах инокультурные племена (балановские, срубные, абашевские и др.), хотя и стимулировали значительное развитие производительных сил края, но не смогли изменить этнический состав его коренного населения. Более того, местные племена (чирковско-сейминские, поздняяковские и приказанские), впитав в свою культуру многое из того нового, что было принесено со стороны, во второй половине II тысячелетия до н. э. постепенно превращаются в решающую этно-культурную силу. К рубежу II—I тысячелетий до н. э. в Среднем Поволжье сохраняются лишь две большие группы местных племен — поздняяковские на западе и приказанские на значительной территории Волги и по всему Прикамью. Как мы видели выше, почти все пришлые племена в этот период или растворяются в местной среде, или оттесняются коренным населением.

В первой половине эпохи раннего металла основными местными племенами Среднего Поволжья являлись племена волосовской культуры (см. выше), в заключительный период своего развития занимавшие значительную территорию лесостепной полосы Восточной Европы от нижнего течения р. Камы на востоке и до верховий р. Волги на западе (рис. 33). Уже в начале развития культурной общности волосовских племен внутри ее складываются локальные варианты, стимулировавшие в последующем распад общности, усугубленный к тому же расчленением волосовской культуры пришлыми племенами. Так, ближе к середине II тысячелетия до н. э. балановские родовые группы, пройдя в Заволжье и Волго-Окское междуречье, как бы рас-

секают волосовскую общность на три части: восточную центральную и западную. В результате активного взаимодействия балановских и центральной группы волосовских племен, поглотивших остатки балахнинского населения, создается специфическая чирковско-сейминская культура. На основе же восточной и западной локальных групп при определенном воздействии полтавкинских и раннесрубных племен складываются приказанские и поздняяковские племена.

Поздняяковские памятники до сих пор еще не подвергнуты широкому изучению, да и основная территория их распространения выходит за пределы региона, взятого нами для исследования, поэтому в дальнейшем изложении основной упор будет сделан на выяснение развития приказанской культуры, памятники которой достаточно хорошо изучены в последние годы.

Основная часть материала с ведущих памятников приказанской культуры получила достаточно подробное изложение в печати¹, поэтому в данной книге освещаются главным образом вопросы происхождения, развития и дальнейшие судьбы носителей приказанской культуры. В сопоставимом плане при этом частично затрагиваются и проблемы, связанные с поздняяковской культурой.

В предложенной нами в 1955 г. периодизации приказанской культуры², уточненной затем в 1960 г.³, было выделено три этапа: займищенский (середина и третья четверть II тысячелетия до н. э.); карташинско-атабаевский (четвертая четверть II тысячелетия до н. э.) и казанско-маклашеевский (рубеж II и I тысячелетия — начало I тысячелетия до н. э.). При этом ряд явлений приказанской культуры, в частности погребальный обряд и другие, ввиду недостаточности надежных сведений не подвергался рассмотрению. Явно неустойчивыми и сугубо предположительными были и высказанные тогда хронологические рамки отдельных этапов. Накопленный в последние годы новый материал заставил пересмотреть предложенную периодизацию, а также ряд вопросов, связанных в целом со всей культурой. В настоящее время в развитии культуры мной выделено четыре этапа.

Особый интерес, естественно, вызывает начальный этап развития археологической культуры, ибо только здесь мы можем усмотреть в чистом виде слагающие компоненты. Так как впервые наиболее ранние приказанские комплексы были выявлены на Займищенских стоянках⁴, то первый этап культуры назван займищенским. До недавнего времени наиболее ранние памятники приказанской культуры были представлены только поселениями Займище III и Кринуши⁵. В последние годы на Волге и приустьевой части Камы удалось выявить еще несколько раннеприказанских памятников, в том числе и ряд могильников (рис. 54). В настоящее время к началу приказанской культуры мы

можем отнести более двадцати памятников: поселения Криуши (раскопки Н. В. Трубниковой в 1957 г.; фонды ЧКМ); верхний горизонт Обсерватории III⁶; средний горизонт Займища III и нижний горизонт Займища II⁷; I, IV Березовогривские, VII Атабаевскую, III Тетюшскую и Маклашеевскую (Змеиный остров) — стоянки по левому берегу Волги, обнаруженные в 1965—1967 гг.; III, IV и VI Ново-Мордовские могильники (раскопки в 1961—1964 гг.), IV Ново-Мордовское и III Кимовское поселение (раскопки в 1964.), II Малиновский и III Бозяковский могильники и II Измерское, II Коминтерновское, IV Марьяновские поселения (по левому берегу г. Камы). Всех их объединяет однотипная керамика и достаточно однообразный каменный и металлический инвентарь.

Выразительным является керамический комплекс стоянки Займища III, где из более чем 3 тыс. фрагментов керамики реконструировано до 70 сосудов. По десятку и более сосудов выявлено в материалах Криушинского, II Займищенского, III Обсерваторского, IV Ново-Мордовского поселений и III Ново-Мордовского могильника; по нескольку сосудов найдено на остальных памятниках (рис. 55, 35—40).

Почти вся эта посуда имела уплощенные или плоские днища и была изготовлена из глины с примесью толченой раковины, в большинстве случаев истлевшей (табл. Д). Основная форма — горшковидные сосуды с цилиндрическим или расширенным раструбом горлом (рис. 55, 35, 37—40; рис. 56), хотя есть также и

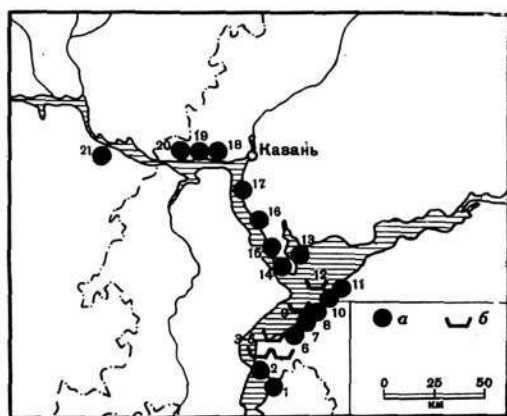

Рис. 54. Карта распространения раннеприказанских памятников займищенского этапа

а — поселения; б — могильник. 1—Маклашеевское (Змеиный остров); 2—II Тетюшское; 3—III Ново-Мордовский; 4—IV Ново-Мордовский; 5—VI Ново-Мордовский; 6—IV Ново-Мордовское; 7—III Кимовское; 8—Коминтерновское; 9—II Малиновский; 10—II Измерское; 11—IV Марьяновское; 12—III Бозяковский; 13—II Ташкирменское; 14—VII Атабаевское; 15—I Березогривское; 16—IV Березогривское; 17—Матюшинско-Островное; 18—II Займищенское; 20—III Обсерваторское; 21—Криушское

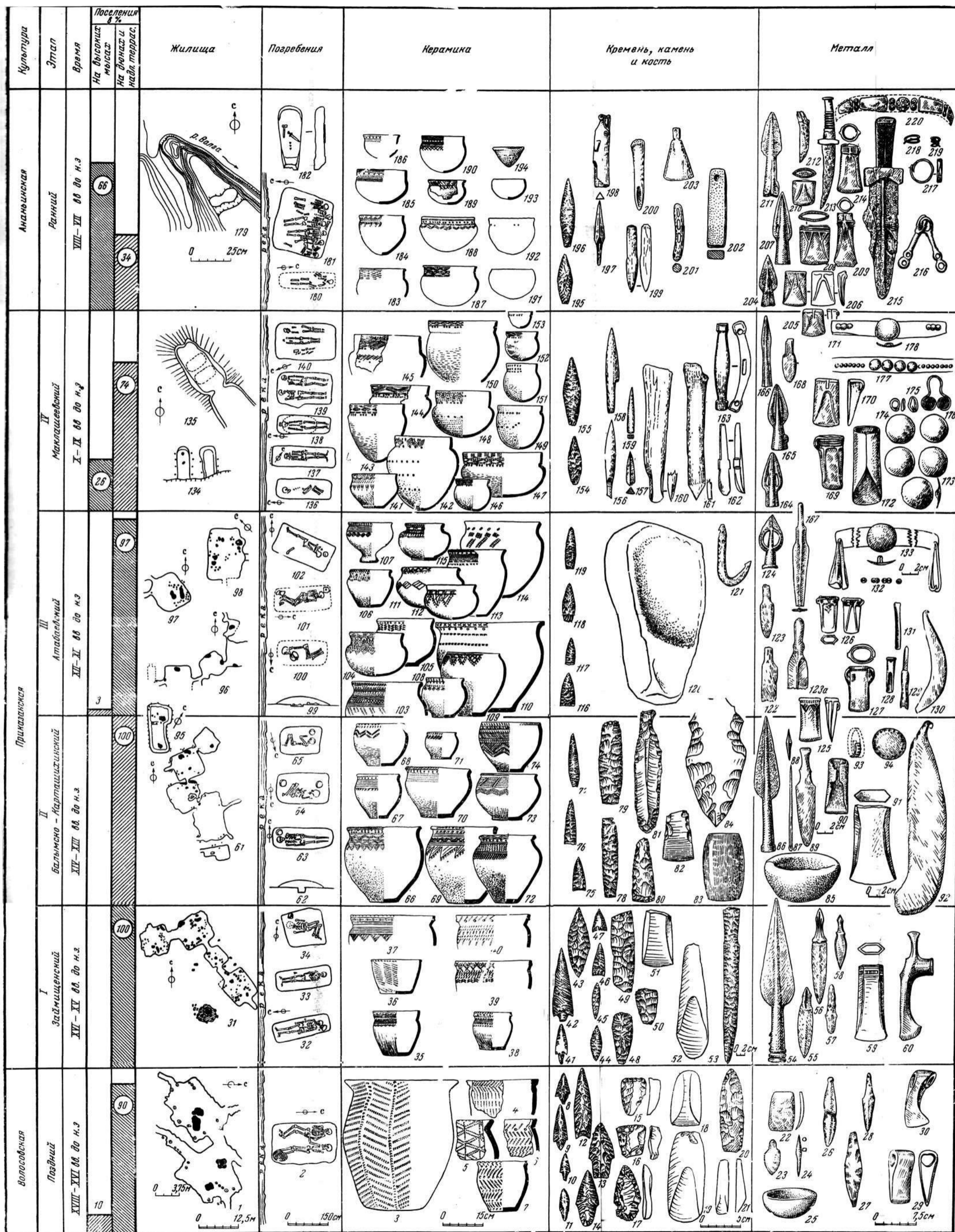

Рис. 55. Хронологическое развитие основных черт приказанской культуры

- 1 — Майданская стоянка;
 2 — Володары;
 3-5, 22, 24 — Панфиловская стоянка;
 6, 62, 64, 65, 67, 69, 73, 80, 81, 87, 89, 93, 94, 102, 104, 122, 129, 132, 140 — Балышские поселения и могильник;
 7, 9, 13 — III Матюшинская стоянка;
 8, 16, 11, 15, 18, 20, 21 — I Сумская стоянка;
 12, 14, 16, 17, 19 — Волосовский клад;
 23 — V Удельно-Шумецкая стоянка;
 25 — Руткинская стоянка;
 26, 27 — Курбаш;
 28 — Кильдуразы;
 29 — Лаишев;
 31, 37, 39, 40, 41 — 46, 48 — 52 — III Займищенская стоянка;
 32, 33, 36, 47 — VI Ново-Мордовский могильник;
 34, 35, 38, 56 — III Ново-Мордовский могильник;
 53, 57, 59 — III Бозяковский могильник;
 54, 169 — Грязнуха;
 55, 60 — Малиновский могильник;
 61, 68, 72, 75, 76, 79, 82, 83, 85, 88 — 146 — I Карташихинская стоянка;
 63, 71 — Мало-Отарский могильник;
 70, 78, 95 — I Матюшинская стоянка;
 74, 77 — I Луговская стоянка;
 84 — I Займищенская стоянка;
 86 — Паново;
 90, 91, 92 — Омарский погреб;
 96, 107, 113, 118 — II Луговская стоянка;
 97, 119 — II Займищенская стоянка;
 98, 105, 120, 121, 131 — Мало-Кокшанская стоянка;
 99 — Маклашевские курганы на взвозе;
 100, 111, 112 — Рождественский могильник;
 101, 108, 109, 145, 153 — Луговские курганы;
 103, 152 — Кумьское поселение и могильник;
 106, 116, 117, 123 — I Атабаевская стоянка;
 110 — поселение Забойное I;
 114, 162, 168 — Гулькинская стоянка;
 115 — Ерзовка;
 124 — Болгары;
 125 — Круши; 126, 130 — Дербедь;
 127 — Бакалда;
 123a, 128, 167 — Ананьинская дюна;
 134 — поселение «Курган»;
 135 — городище «Казанка II»;
 136, 138, 140, 176 — V Ново-Мордовский могильник;
 137, 139, 141, 142, 163, 173, 174, 175, 178 — II Полянский могильник;
 145 — Богородское городище;
 146, 151, 154, 156 — 163, 171 — II Маклашевский могильник;
 143 — селище «Отарка»;
 147 — Малмыжская стоянка;
 150 — II Свиногорское поселение;
 155 — Ахмыловское поселение;
 164, 171 — Турминское;
 165 — Тат. Буришево;
 166 — Ташкирмень;
 170 — Сюжеево;
 172 — Сюжеево;
 179 — Антоновское городище;
 180, 191, 192, 195, 196, 202, 204, 207, 209, 210, 212, 214 215—218, 220 — Старо-Ахмыловский могильник;
 182, 208 — 211 — I Ново-Мордовский могильник;
 183, 185, 187 — II Васильевское городище;
 184, 186, 188—190, 193, 194, 197, 199, 200 — Луговский могильник;
 206 — Тюбак-Чирки;
 208 — Круши; 213 — Тояба

сосуды (3%), имеющие баночную форму (рис. 55, 36). Преобладают сосуды крупных размеров, диаметром горла 25—30 см. Края горла плоско срезаны и часто орнаментированы, на некоторых сохраняются «Г»- и «Г»-образные расширения краев венчиков. Абсолютное большинство сосудов по поверхности обработано штриховой зачисткой и обычно изнутри, тогда как внешняя поверхность чаще заглаживалась. Около 90% сосудов орнаментировано, причем орнамент нанесен не только по горлу сосуда, но часто (72%) но и на всю верхнюю половину туловища и даже ниже (рис. 55, 36, 40). Изредка встречаются сосуды

Рис. 56. Раннеприказанский сосуд из III Ново-Мордовского могильника

с орнаментированной внутренней частью горла. Наиболее характерной техникой орнаментации являются отиски гребенчато-зубчатого штампа, резные и прочерченные линии или короткие отрезки, ямочные углубления в один ряд изнутри горла — так называемые жемчужины. Есть и шнуровые отпечатки, встречающиеся иногда в виде перевитого шнура. Выпуклины, нанесенные в один ряд, располагаются по середине горла (рис. 55, 39, 40). Хотя орнаментальные элементы и не отличаются разнообразием — горизонтальные линии, зигзаг, ряды коротких отрезков и т. п., — но узоры благодаря сочетанию этих элементов достаточно пышны и своеобразны. Характерны узоры в виде крупной крестообразно заштрихованной сетки, обычно расположенной по горлу (рис. 55, 39), и ряда таких же треугольников, завершающих орнаментальную полосу снизу (рис. 55, 37). Керамика остальных памятников мало чем отличается от описанной. В погребальных комплексах (III Ново-Мордовский могильник) было обнаружено несколько больше баночных форм, но здесь же имеются и баночные сосуды (рис. 55, 36).

Раннеприказанские поселения обычно занимают дюнные всхолмления надлуговых террас. Площадь их невелика — 1000—

ТАБЛИЦА Д

Таблица развития приказанской керамики (данные в процентах)

Культура	Этап	Памятник	всего сосудов	Форма			Дно		Горло			
				горловидная	баночноташе-видная	острогребная	круглое	плоское	цилиндриче-ское	вогнутоци-линдрическое	расгуб	
Анапская	I ранний	Луговой могильник	25	50	50		100					
		Ройский Шихан	122	82	18		100		17	12	27	
		Курган (верхний слой)	341	90,3	9,7		100		22,3	1,2	20,5	
		Копани	65	92,2	7,8		100				3,7	
		Ахмыловский могильник	15	53,4	46,6		100					
		Богородское (второй слой)	40	95	5		100		24,5			
Приказанская	IV маглашевский	II Бойдовская	59	96	4		80	20	67			
		Курман Тау	50	98	2		92	8	50	2	20	
		Курган (нижний горизонт)	339	93,7	6	0,3	100		62,8	3,5	16,2	
		III Займищенская (верхний горизонт)	50	95	5		90	10	68	4	4	
		Ахмыловское	50	65	35		92	8	34	10	12	
			Богородское (первый слой)	248	79	21		90		44,4	18,2	21,4
	III атабесский	II Займищенская	Гулькинская	80	97	3		4	96	10		
			Малая-Кокузанская	207	93	7		5	95	17		
			I Атабеская	200	98	2		1	99	15		
				207	97	3		5	95	18		
II балыско-карташкиский	Криушинская	Бальмская	44	89	11		2	98	10			
		I Карташкиская	400	75	21,5	3,5	2,5	97,5	4			
			560	78	18,5	3,5	0,3	99,7	3			
I займищенский	III Займищенская (средний горизонт)		72	97	3		5	95	28	10	59	
Воло-сов-ская	III поздний	Панфиловская	200	90	10		30	70	26	22	42	

1500 кв. м. На стоянке Займище III изучены жилища типа соединенных полуземлянок, а также родовое ритуальное святилище с центральным кострищем⁸. Жилища в плане имели подквадратную форму (5,6×5,4; 9×9; 10×10 м) и сохранили остатки различных конструктивных деталей. В трех из них (2, 3 и 4) основной керамический материал состоял из фрагментов сосудов вышеописанного типа.

Работы последних лет позволили отнести к началу приказанской культуры остатки по крайней мере пяти могильников. Из них лишь III Ново-Мордовский могильник получил частич-

			Край горла					Примеси		Обработка поверхности		
плавное	закрытое	открытое	плоская	бортик	валик	«воротничок»	валик по горлу	песок, дресва, шлам	толченная раковина	гладкая	штриховая зачистка	текстильная
26	2	16	93			7		1	100			
26,1	30,2	9,7	99,7			0,3		4,4	99			
90	2,3	4	89,9			11,1		6,4	95,6	91,3	3,2	2,5
46,6	26,6	26,8	93,4			6,6		6,6	93,6	80,6	11,1	8,3
70	3	2,5	78			12		5	93,4	86,7	13,3	
									95	85,5	14,5	
33			71,2			28,8		80	20	70	30	
26	2		22		6	72		6	94	10	90	
11,5	4,7	0,3	92,6	0,6	0,9	5,9		20,3	79,7	79,5	13,2	7,3
22		2	80			20		82	18	40	20	40
20	16	6	72		6	22		79	21	42	16	42
5	13	8	86,6		8	30		78,6	21,4	41,9	19,8	38,3
84	3	3	9	10	78	5		84	16	62	38	
78	2	5	22	20	50	8	1	80	20	64	36	
85		2	57	26	27			94	6	80	20	
79	1	2	9	12	73	7	1	90	10	60	40	
80	17	3	30	68	2		1	66	34	62	38	
80	9	11	48	40	9		3	93	7	80	20	
72	13	12	36	48	16		4	90	10	82	18	
	1	2	96	4				2	98	27	73	
	3	7	60	40				1	99	80	20	

ное освещение в печати⁹, поэтому я счел необходимым более подробно остановиться на этом интересном и новом материале.

На III Ново-Мордовском могильнике, расположенном на месте бывшего с. Ново-Мордово Куйбышевского района Татарской АССР, при дополнительных исследованиях 1964 г., было изучено еще четыре погребения. Таким образом, с 1961 по 1964 г. здесь всего было исследовано 12 захоронений. Все они содержали остатки детских или подростковых костяков, вытянутых с юга на север с отклонением на запад или на восток, положенных в небольшие ямы подпрямоугольной формы (40—70×60—120 см).

ТАБЛИЦА Д (окончание)

Культура	Этап	Памятник	Всего сосудов	Степень орнаментации					Техника	
				орнаментированная	неорнаментированная	только горло	горло и плечика	горло, плечики и тулово	являя круглые в один ряд	«железнички» в 1 ряд
Анаванская	I ранний	Луговой могильник	25	72	28				90	
		Ройский Шихан	122	100					93	
		Курган (верхний слой)	341	90,1	9,9	52,2	30,2	17,6	66,7	
		Копани	65	100		86,9	14,1		69,5	2,6
		Ахмыловский могильник Богородское (второй сл.)	15 40	60 100	40	93,4	6,6		46,6 31,5	
Приказанская	IV махларевский	II Бэйцовская	59	92,5	7,5		71,6	29,4	81	
		Курман Тау	50	98	2	94	6		92	
		Курган (нижний горизонт)	339	94,4	5,6	82,3	17,7		65,5	0,6
		III Займищенская (верхний горизонт)	50	98	2	80	16	4	80	
		Ахмыловское Богородское (первый сл.)	50 248	97 96,2	3 3,8	70 70	18 20	12 10	90 62,2	2
	III атабаевский	II Займищенская	80	95	5	35	25	40	60	1
		Гулькинская	207	91	9	12	38	50	28	2
		Мало-Кокунинская	200	85	15	12			15	
		I Атабаевская	207	96	4	10	36	54	24	0,5
	II балыско-карташтинский	Крушинская	44	90	9	18	80	2	60	2
		Балыкская	400	86	14	26	71	3	30	0,5
		I Карташтинская	560	90	10	38	55,5	6,5	40,5	2
	I займищенский	III Займищенская (средний горизонт)	72	89	11	1	27	72		61
Волосовская	III поздний	Панфилевская	200	95	5	5	5	90	2	

Костяки лежали или на спине, или на левом боку с подогнутыми ногами. Погребенные сопровождалась лишь сосудами, поставленными по одному или редко по паре. Следует заметить, что среди них наряду с типичными раннеприказанскими встречались и раннесрубные сосуды, поэтому есть основание предпо-

орнамента				Элементы орнамента									
каждой ряд	резная и пропреченная	гребенчатого зуччатая	шигуровая	ряды горизонтальных линий	ряды горизонтальных зигзагов	ряды вертикальных зигзагов	ряды вертикальных линий	ряды скошенных линий	перекрещенные линии	защиткованные треугольники	треугольники с бахромоной	защиткованные ромбы	флажки
5 21,5 22,2 13,3	11,4 5,5	79 26,7 44,4 20	66 48 17,2 39,1 33,3 95	52 22,4	10 19,5	3 0,9	0,9	44 13,6	0,5 0,9	0,6		2 1,3	
12 4 97	50 96 29,5	18 2 18,8	2	46 11	34 13,1	2	14 0,6	74 7	12 6,8			14 2,2	26 0,3
28 18	42 28 12	35 22 18	8	25 16	35 26		5 2	40 4	5 5	2			
21 52 50 60	62 60 56 75	20 30 19 15	30 10	42 42 43	41 33 25	4 8 11	13 2 2,5	25 26 25	11 26 38	2 3 2	2 4 6	1	2 5 2,5
11 30 34	58 44 76	40 25 19	2 2 2	48 44 52	40 20 21	10 19 17	10 2 3	50 17 30	15 13 25	5 4 14	7 3,5 5	2 2,5 1	2 1 2
	42	72	4	75	45	15	25	37	30	18			
13	15	38	20	22	8	18	28	1	3	4			

лагать, что погребения III Ново-Мордовского могильника относятся к поздней поре первого этапа приказанской культуры, когда левобережные районы Прикамья уже занимают срубными племенами. Только их воздействием можно объяснить появление скорченного положения костяка и срубных сосудов в погребениях.

Еще один Ново-Мордовский (VI) могильник, расположенный в 150 м к северу от описанного, на краю мыса надлуговой террасы, в значительной степени был разрушен более поздними погребениями срубного (II Ново-Мордовский могильник) и раннеананьинского (I Ново-Мордовский могильник) времени, а также размывом Куйбышевского водохранилища. Еще в 1961—1962 гг. здесь на ограниченном участке были собраны пять кремневых наконечников стрел с усеченным основанием, медный нож листовидной формы и обломки сосуда с тальком, отнесенные мною предположительно к срубной культуре и датированные XV в. до н. э.¹⁰ В 1967 г. здесь же были найдены еще бронзовые нож и массивный кельт сейминского типа.

В 1964 г. недалеко от указанных находок вскрыты две могильные ямы, расположенные рядом. В первой (240×50—70 см) были расчищены остатки костяка (рис. 55, 32), лежавшего вытянуто на спине; головой он был ориентирован на юго-восток. В изголовье выявлен развал плоскодонного баночного сосуда, изготовленного из глины с примесью толченой раковины и покрытого почти сплошь орнаментом из зубчатых оттисков (рис. 55, 36). Во второй яме (200×70 см) погребенный лежал также вытянуто на спине, головой на восток-юго-восток (рис. 55, 33). У правого предплечья и правой голени его лежало по кремнево-му наконечнику стрелы треугольной формы с усеченным основанием (рис. 55, 47). Оба захоронения (по отношению к Волге) располагались ногами к реке. Раннеприказанская их принадлежность несомненна — сосуд и наконечники стрел обычны для ранних памятников приказанской культуры.

Следующий могильник IV Ново-Мордовский был выявлен в 1964 г. на краю надлуговой террасы Волги, примерно в 300 м к востоку от предшествующего памятника. Здесь в размыве террасы расчищены остатки нескольких пятен, из которых два содержали типичную раннеприказанскую керамику, а в третьей (155×80 см) располагались остатки двух костяков. Лежали они в вытянутом положении на спине, головами на запад, параллельно Волге. В изголовье одного из них найден кремень.

Осенью 1964 г. был обследован на юго-восточной окраине быв. дер. Малиновки Куйбышевского района Татарской АССР еще один грунтовый могильник раннеприказанского типа, занимавший мыс надлуговой террасы левого берега Волги и Камы. В размыве террасы прослежены разрушенные могильные ямы (200×50 см), вытянутые с запада на восток, параллельно Каме, а также собраны обломки человеческих костей и несколько бронзовых, каменных и керамических изделий, в том числе уникальный бронзовый широкообушковый вислообушный топор (рис. 55, 60, 57), два медных ножа без выраженного перекрестия (рис. 55, 55, 57) и своеобразный каменный молот с изображением звери-

ной морды. Среди фрагментов керамики имеются образцы раннеприказанских со специфическим орнаментом.

Наконец, следы еще одного могильника были обнаружены также осенью 1964 г. на останце надлугового дюнного всхолмления у быв. Бозяковского скотного двора, примерно в 7,5 км севернее с. Бозяково Алексеевского района Татарской АССР. К сожалению, размыв этой дюны достиг такой степени, что на месте могильника не осталось никаких следов могильных ям. Однако собранный интереснейший материал не оставляет сомнения в существовании здесь когда-то небольшого могильника. Наряду с поздневолосовской и раннеприказанской керамикой на ограниченном участке поверхности занесенной песком и сильно размывтой дюны собраны: бронзовый кельт сейминско-турбинского типа (рис. 55, 59; 57), бронзовый пластинчатый нож (рис. 55, 57), несколько кремневых наконечников стрел подтреугольной формы с усеченным основанием, а также большой кремневый кинжал (рис. 55, 53; 57).

Просмотренные материалы позволяют считать, что для раннего этапа приказанской культуры были характерны грунтовые могильники с вытянутыми и лежавшими на спине погребенными, ориентированными или ногами к реке, или параллельно ей. В конце периода наблюдается усиление срубного воздействия, объясняется появлением невысоких курганов и скорченного положения умерших во II—III Ново-Мордовских могильниках.

Каменные орудия ранних приказанских памятников достаточно своеобразны. Особенно выразительный их комплекс содержала стоянка Займище III¹¹. Правда, этот памятник является многослойным. Нижний горизонт ее относится к концу второго периода волосовской культуры, средний — к раннему этапу приказанской культуры, а верхний — к позднему этапу той же культуры. Учитывая то, что в поздних приказанских памятниках кремневые орудия немногочисленны и невыразительны (см. ниже), следует полагать, что богатый кремневый материал III Займищенской стоянки, насчитывающий более 6 тыс. кремней, в том числе около тысячи орудий¹², должен рассматриваться как относящийся к волосовской и раннеприказанской культурам. Но состав орудий волосовских памятников достаточно хорошо известен (см. выше), поэтому если мы исключим из займищенской коллекции типично волосовские кремни (долота со скошенным лезвием и желобчатым выемом, скребковидные ножи, комбинированные орудия, листовидные наконечники стрел), то не будет большой ошибкой рассматривать оставшуюся группу изделий как раннеприказанскую, что подтверждается наличием подобных орудий и на других, близких по времени и культуре памятниках.

Наиболее характерными для займищенского этапа приказанской культуры необходимо считать следующие орудия.

Рис. 57. Металлические изделия из приказанских памятников

1—II Бозяковский могильник; 2, 3, 5—III Малиновский могильник; 4—II Ново-Мордовский могильник; 6—IV Ново-Мордовский могильник; 7—9—VII Лебедянская стоянка; 10—II Степное

Среди наконечников стрел — черешково-двухшипную форму, или так называемый сейминский тип, найденный в количестве 14 экземпляров на стоянке Займище III¹³, а также известный в IV Ново-Мордовском поселении и III Базяковском могильнике (рис. 55, 41, 42). Также специфичным, очевидно, является треугольный с усеченным основанием, или так называемый турбинский, тип наконечников, 7 экземпляров которых найдено среди материалов VI Ново-Мордовского могильника (рис. 55, 46, 47)¹⁴. Этот тип обнаружен почти на всех других раннеприказанских памятниках. Следует заметить, что наконечник треугольной формы с более вытянутыми очертаниями бытуют и на последующих по времени приказанских памятниках (I Карташихинская, I Атабаевская и др. стоянки), но появление и особенно распространение коротких треугольных наконечников должно быть отнесено к раннему этапу. Употреблялись и другие формы наконечников — листовидные, миндалевидные и т. д. (рис. 55, 44, 45), но они, будучи широко распространенными как по времени, так и в пространстве, не могут рассматриваться в качестве определяющих. В равной степени это относится и к листовидным наконечникам дротиков (рис. 55, 43), и к весьма многочисленным желобчатым долотам и теслам (рис. 55, 51, 52).

Более специфичными являются сплошь отретушированные плоской ретушью ножи со скошенным лезвием и усеченным основанием, так обильно представленные в материалах Сейминского и Турбинского могильников¹⁵. В раннеприказанских памятниках подобные ножи обычны — 12 экземпляров их найдено на стоянке Займище III¹⁶, а также и на других памятниках, как I Займищенская, II Коминтерновская, IV Марьянская стоянки и II Малиновский, III Базяковский, VI Ново-Мордовский могильники (рис. 55, 49). Восхищение вызывает крупный кремневый кинжал из III Базяковского могильника, общая длина которого равна 39 см. Он обработан прекрасной плоской ретушью (рис. 55, 53), имеет широкую рукоятку, по форме напоминает известные в Сейминском (ГОМ, 4004—25) и Турбинском¹⁷ могильниках медные и бронзовые двулезвийные ножи-кинжалы с намеченной короткой прямоугольной рукояткой.

Наиболее характерными для раннеприказанских поселений являются концевые скребки подтреугольной формы со сплошь отретушированной спинкой¹⁸. Только на одной стоянке Займище III подобных скребков найдено более 230 (рис. 55, 48, 50). Сохраняя форму, волосовских концевых скребков, они сближаются также со скребками из Турбинского могильника¹⁹.

Из других каменных орудий следует отметить массивные молоты с желобчатым перехватом, найденные на территории III Базяковского и II Малиновского могильников, несколько сверленных молотов из VI Ново-Мордовского и II Малиновского могильников. Топор-молот из первого могильника может быть

отнесен к типу обушковых. Боевая часть молота из II Малиновского могильника, уникального по форме, обработана в виде оскаленной морды зверя. В целом каменный инвентарь ранних приказанских памятников достаточно своеобразен и вместе с тем находит ближайšie аналогии в раннепоздняковских, чирковско-сейминских и других памятниках эпохи бронзы середины II тысячелетия до н. э., в особенности в материалах Сейминского и Турбинского могильников. К последним близок и медно-бронзовый инвентарь, происходящий в основном из разрушенных могильников.

На III Базяковском могильнике найден крупный шестигранный в сечении бронзовый кельт, относящийся к сейминско-турбинскому типу безухих клиновидных кельтов с лезвием шире втулки. В верхней части его имеется орнамент в виде горизонтальной «лесенки» (рис. 55, 59; 57). Длина кельта равна 13,5 см, лезвия — 6 см, обуха — 4 см, толщина — 2,2—3,2 см. Близкий тип кельта известен из Сейминского (ГОМ, 4002—9) и Турбинского²⁰ могильников. О. Н. Бадер и Б. Г. Тихонов считают его более характерным для Сейминского, чем Турбинского, могильника. Между прочим, орнаментальные мотивы сейминско-турбинских кельтов во многом близки к узорам раннеприказанских сосудов. Поэтому не исключено возникновение последних под воздействием первых, в связи с широким распространением этого типа орудий среди приказанского населения. Второй подобный кельт, но без орнамента был найден в 1967 г. на территории I, II, VI Ново-Мордовских могильников.

Своеобразен и уникален бронзовый проушной широковилообушный топор из II Малиновского могильника (рис. 55, 60; 57). Это изящное по форме, но в то же время массивное оружие, оно имеет широкую обушную часть и вытанутое узкое лезвие со скошенноокруглым краем. От края обуха отходит еще одно короткое лезвие. Общая длина его равна 20,5 см, длина основного лезвия — 12,3 см, длина дополнительного короткого лезвия — 4,8 см, диаметр втулки — 2,5 × 3,3 см, высота втулки — 5,5—6,5 см. Уникальность ему придает второе лезвие, тогда как по остальным очертаниям он близок к так называемому широковилообушному типу, по классификации В. А. Городцова²¹, или южноуральскому, по Б. Г. Тихонову²². Скорее всего этот тип топора был характерен для раннеприказанских племен, ибо в районе распространения приказанской культуры известно около 25 находок подобных орудий, правда, без обушкового лезвия²³. Два близких по форме топора были обнаружены в Сейминском могильнике (ГОМ, 651; Дзержин. КМ, 958), что уточняет их дату.

К займищенскому этапу приказанской культуры, очевидно, следует отнести три типа медно-бронзовых ножей или листовидных кинжалов. Первый из них, обнаруженный по одному экземпляру на II Малиновском и VI Ново-Мордовском могильниках,

представляет собой типично сейминско-турбинский листовидный кинжал²⁴ с узкой рукояткой, имеющей треугольное завершение, и листовидным клинком (рис. 55, 56).

Хронологически близок к этому типу листовидный нож с короткой подтреугольной рукояткой и намеченными боковыми выемами, обозначающими перекрестие (рис. 55, 55). Один такой нож известен из II Малиновского могильника, где он был найден вместе с вислообушным топором. Но в районе распространения приказанской культуры имеется еще свыше десяти пунктов с находками ножей подобного типа²⁵. Относительно ранний их возраст подтверждается наличием подобных орудий в Сейминском (ГОМ, 4004—13) и Покровском²⁶ могильниках.

Более развитый тип представляет нож из III Базяковского могильника (рис. 55, 57). Близкие формы известны в количестве четырех экземпляров из сборов в быв. Казанской и Вятской губерниях²⁷, а также из Турбинского могильника²⁸.

По-видимому, раннеприказанским племенам были известны также и характерные сейминские бронзовые втульчатые наконечники копий с ромбическим стержнем (рис. 55, 54). Хотя таких находок не было обнаружено в определенных комплексах, но четыре копия описанного типа найдены на территории распространения ранних памятников приказанской культуры: один — из дер. Грязнухи на Волге (Ульяновск. КМ, 6348; рис. 55, 54), второй — из с. Три Озера в Куйбышевском районе Татарской АССР²⁹, третий — из дер. Паново на р. Кубне³⁰, четвертый — из дер. Нырсы на р. Меше³¹. Кроме того, еще одно копьё из быв. коллекции В. И. Заусайлова (Национальный музей Финляндии, 5384) не имеет точного указания места находки, так же как и наконечник из быв. коллекции Флоринского (фонды ГМТР).

В жилищах III Займишенской стоянки вместе с раннеприказанской керамикой найдены обломки глиняных тиглей и медные шлаки³². В Горно-Марийском музее хранится обломок глиняной литейной формы для отливки сейминского жельта типа (рис. 55, 59), найденный на правом берегу Волги в Марийской АССР. Эти находки вместе с вышеописанными металлическими изделиями не оставляют сомнения в широком употреблении ранним приказанским населением медных и бронзовых орудий и оружия. Вместе с тем следует заметить, что приказанцы в это время еще не выработали своих специфических типов орудий, а употребляли те же формы орудий, что и чирковско-сейминское, и абашевское, и раннесрубное, и турбинское население середины II тысячелетия до н. э. Культурное и этническое родство приказанских, чирковско-сейминских и турбинских племен в известной степени и нивелировало форму и типы не только медно-бронзовых, но и кремневых орудий, чему еще активно способствовало и сильное зауральско-сибирское воздействие.

Прежде чем перейти к выяснению вопросов происхождения и расселения ранних приказанских племен, необходимо уточнить

хронологические рамки займищенского этапа приказанской культуры. Первоначально, объединяя займищенский и карташинский этапы в один период, я склонен был его датировать XIV—XII вв. до н. э.³³ Накопленные в последние годы материалы заставляют критически подходить к этой дате. Как неоднократно подчеркивалось выше, многие черты материальной культуры раннеприказанских памятников находят ближайšie аналогии в таких классических памятниках средней поры эпохи раннего металла Восточной Европы, как Сейминский, Турбинский и Покровский могильники. Уточненная в последние годы датировка этих памятников укладывается в пределах середины II тысячелетия до н. э.: Сейминский могильник—XV в. до н. э.³⁴, 1450/1400—1300/1250 гг. до н. э.³⁵, XVI—XV вв. до н. э.³⁶; Турбинский могильник—XVI—XV вв. до н. э.³⁷; Покровские курганы—XV в. до н. э.³⁸, 1450—1300 гг. до н. э.³⁹

Следовательно, время ранних памятников приказанской культуры должно укладываться в пределах XV—XIV вв. до н. э., но вероятнее всего в пределах XV в. до н. э. В этом убеждает то, что ранние приказанские племена еще занимали левобережье Камы в приустьевой ее части, где в середине и третьей четверти II тысячелетия до н. э. массовое распространение получают срубные племена первого периода (см. выше). Н. Я. Мерперт считает возможным датировать начало срубной экспансии на север концом XVI—XV вв. до н. э.⁴⁰ Мы наблюдали выше, что к концу XV в. до н. э. на левобережье Камы срубные племена уже частично ассимилируют приказанцев, что особенно наглядно прослеживается на материалах II и III Ново-Мордовских могильников. Следовательно, те приказанские племена, которые оставили в этих районах чистые памятники типа IV и VI Ново-Мордовских могильников и поселения II Малиновского и III Базяковского могильников, должны были существовать здесь по крайней мере в XV, если не в XVI в. до н. э.

Таким образом, общая дата займищенского этапа приказанской культуры будет ограничиваться XVI—XV вв. до н. э., т. е. совпадать с турбинско-сейминским временем Волго-Камья.

За такое раннее время говорит и значительная близость материальной культуры раннеприказанских памятников к культуре поздних волосовских памятников, время которых было определено в рамках второй четверти II тысячелетия до н. э. (см. стр. 166).

Итак, установив время возникновения приказанской культуры, мы вплотную подошли к вопросу об ее происхождении. Мною уже неоднократно высказывалась мысль о поздневолосовской основе формирования приказанской культуры при известном воздействии ранних срубных племен⁴¹. Материалы последних лет еще более подтверждают это предположение. Действительно, все основные черты культуры ранних приказанских памятников восходят к волосовской культуре. Керамика по форме,

фактуре, орнаментации подчас трудно отличима от поздневоло-совской (ср. рис. 55, 7—8, и 35—40). Соединенные полуземлянки также характерны для обеих культурных групп (рис. 55, 1, 31). Определенная преемственность наблюдается и в обряде погребения. Вытянутое труположение, присущее волосовским захоронениям, так же как и их преимущественная речная ориентация, сохраняется и в раннеприказанских могильниках (рис. 55, 2, 32, 33). Лишь на поздних приказанских могильниках типа III Ново-Мордовского появляются под воздействием срубных племен скорченные захоронения⁴².

Много общего и в кремневом инвентаре — желобчатые долота и тесла, наконечники стрел и ножи, концевые скребки и т. п. (рис. 55, 21, 41—53). Весьма примечательно и то обстоятельство, что раннеприказанские памятники непосредственно занимают ту же территорию, на которой в предшествующее время были расселены волосовские племена. Часто раннеприказанские и поздневолосовские поселения вырастают одно из другого. Особенно важным памятником в этом отношении является стоянка Займище III, где поздневолосовское население, занимавшее первоначальное жилище 3⁴³, осталось здесь обитать и в раннеприказанское время, когда были сооружены еще два жилища (2 и 4). Найденная здесь раннеприказанская керамика имеет хорошо выраженные переходные формы. Характерно, что большинство ранних приказанских памятников (VI Ново-Мордовский, III Базяковский могильники, Криушское, VII Атабаевское и Ново-Мордовское поселения и др.) содержат вместе с фрагментами приказанской керамики также и волосовские.

В период формирования приказанской культуры постороннее, в первую очередь полтавкинско-срубное воздействие, очевидно, еще не было столь сильным, как в последующее время, хотя известные контакты волосовских и полтавкинских племен в первой половине II тысячелетия до н. э. и наблюдались. Отсутствие каких-либо выраженных следов полтавкинско-срубного воздействия в раннеприказанских материалах позволяет утверждать, что приказанская культура с самого начала развивалась на базе восточной группы поздневолосовских племен и в этом отношении представляет собой непосредственное продолжение волосовской культуры. Лишь в конце займищенского этапа в связи с усилившейся экспансией раннесрубных племен, особенно в южных контактных приказанско-срубных районах, начинает ощущаться срубное воздействие, примеры которого выше уже приводились.

Территория распространения раннеприказанских племен на займищенском этапе была ограничена в основном Казанским Поволжьем и прилегающим участком Нижнего Прикамья (рис. 54). Самым западным памятником следует считать Криушинскую стоянку, восточным — III Базяковский могильник,

южным — Маклашеевскую стоянку на Змеином острове. Отдельные находки металлических изделий, характерные для ранних приказанских племен, в основном также локализируются в этом районе, лишь несколько уточняя его границы. На Западе приказанские племена соседствовали с чирковско-сейминскими* и балановскими (атли-касинскими), на юго-западе — с абашевскими, на юге — с раннесрубными племенами. Восточные и северные соседи пока не определены. Возможно, это были родственные племена, близкие по культуре к поздневолосовским и турбинским.

В это же время далеко на западе, в среднем течении р. Оки и Волго-Окском междуречье происходило формирование весьма близкой по культуре поздняяковской группы племен. К сожалению, памятники этой культуры начали изучаться лишь в последнее время, да и по своему расположению они далеко выходят за пределы избранного нами региона исследования, поэтому мы не располагаем возможностью более детально анализировать процессы формирования ранних поздняяковских племен. Но все же, опираясь на материалы таких памятников, как Алехановская⁴⁴ и Логиновская приозерная (Рязанский КМ, 452, 647) стоянки у г. Рязани, поселение Ибердус III (раскопки Т. В. Половой в 1962 г.) у г. Касимова, I Сахтышская стоянка у г. Ярославля (раскопки Д. А. Крайнова, 1964 г.), можно полагать, что процесс формирования поздняяковской культуры в общих чертах был сходен с приказанским генезисом и также происходил на волосовской основе⁴⁵. Между прочим, отсутствие в ранних поздняяковских памятниках алехановского типа выраженных срубных черт опровергает мнение О. Н. Бадера⁴⁶, Т. Б. Поповой⁴⁷ и М. Гимбутас⁴⁸ о том, что поздняяковская культура представляет собой вариант срубной культуры.

Итак, в середине II тысячелетия до н. э. в результате распада волосовской культурной общности происходит формирование отдельных культурных групп — приказанской, чирковско-сейминской и поздняяковской. Несмотря на то, что все они формировались на основе разных вариантов волосовской культуры и под различным воздействием (балановским, срубно-полтавским и т. п.), основные черты их материальной культуры, особенно на раннем этапе развития, очень близки между собой. Так, для всех этих культур характерны поселки с соединенными полуземляными жилищами (см. поселения Займище II, Галанкина Гора, Подборново), грунтовые могильники, расположенные по низким берегам рек (см. III и VI Ново-Мордовские и Сейминский, ранние

* Многие черты культуры ранних чирковско-сейминских памятников (Галанкина Гора, Сейминский могильник) близки к особенностям ранней приказанской культуры — соединенные жилища, керамика, камень, металлические изделия.

поздняковские неизвестны), однотипные металлические изделия — кельты, ножи-кинжалы, вислообушные топоры, копья; близкие типы кремневых орудий — наконечники стрел с усеченным основанием, сейминские типы наконечников, клинковидные ножи, треугольные концевые скребки и т. п.; однотипная керамика — плоскодонная или с уплощенным дном, с обязательной примесью в глине органических остатков, обычно толченой раковины, и характерным горлом, идущим раструбом от вытянутого тулова, преимущественно орнаментированная гребенчатым штампом.

Но большинство этих элементов зародилось еще в волосовской культуре и наличие их в культуре приказанских, чирковско-сейминских и поздняковских племен, с одной стороны, подтверждает их генетическую преемственность от волосовской, а с другой — свидетельствует об их родстве между собой.

Второй этап приказанской культуры, относящийся в основном к XIV—XIII вв. до н. э., протекал в условиях сильного воздействия северных племен срубной культуры, занявших, как мы видели выше, в это время все левобережье р. Камы, а на правом берегу р. Волги проникших к среднему течению р. Свияги (рис. 48).

Ко второму этапу относятся около 80 поселений и могильников (рис. 58), среди которых выделяются такие относительно чистые памятники, как Балымская и I Карташихинская стоянки, подвергнутые в 1951—1952 гг. исчерпывающим раскопкам⁴⁹, поэтому второй этап в развитии приказанской культуры назван балымско-карташихинским. Из остальных более или менее широко изученных памятников этого этапа следует отметить Криушинскую стоянку⁵⁰, II Мало-Отарское (раскопки автора в 1953—1954 гг.), II Старо-Победиловское (раскопки автора в 1952 г.), I Матюшинское (раскопки автора в 1964 г.), I Луговское и II Карташихинское поселения.

В условиях расположения поселений наблюдаются некоторые изменения — значительная их часть переносится на пойменные дюны, в чем, очевидно, следует усматривать дальнейшее потепление климата и резкое понижение общей увлажненности или апогей так называемого ксеротермического климата. Пойменные дюны занимают ряд стоянок (Ичка, II Бакалдинская, II Савиновская, Балымская, II Мало-Отарская) у г. Казани. Также низко лежат и I Матюшинская, и I Карташихинская стоянки. Вместе с тем сохраняются поселки и по краю надлуговых террас.

Площади стоянок невелики, хотя больше предыдущих — 2000—3000 кв. м: I Карташихинская — 2000 кв. м, Балымская — 2500—3000 кв. м, I Луговская — 2200 кв. м, I Матюшинская — 3000 кв. м и т. д. Каждый поселок состоял из нескольких жилищ. На таких полностью раскопанных стоянках, как Балымская, I Карташихинская (рис. 55, 61) и I Луговская было изучено от

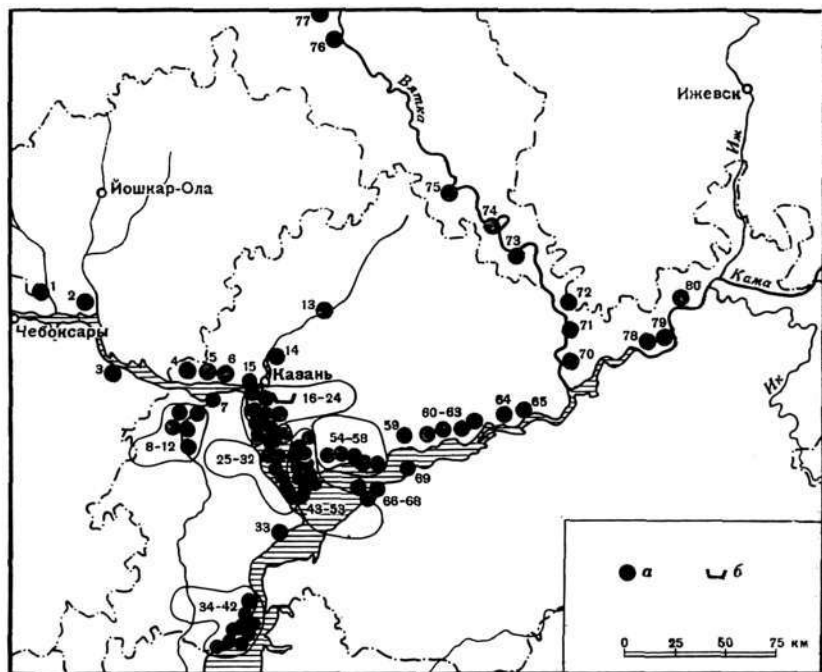

Рис. 58. Карта распространения территории приказанских племен карташихинско-балымского этапа

а — поселение;	25 — Дергачинское;	57 — I Полянское;
б — могильник	26 — VI Березогрибское;	58 — Шуранское;
1 — Уржумкинское;	27 — Амбарское;	59 — Р. Ошнянское;
2 — Кокшайское;	28, 29 — I, II Карташихинские;	60, 61 — I, IV Николаевские;
3 — Криуши;	30 — «Биостанция»;	62, 63 — I, II Гремячинские;
4 — Атлашкинское;	31, 32 — III, VII Атабаевские;	64 — Анатышское;
5 — Займищенское;	33 — Каратаевское;	65 — Омарское;
6 — II Кузметьевское;	34 — Долиновское;	66 — 68 — VII, XV, XVII Кузькинские;
7 — Пустые Морквашы;	35 — 37 — Идель I, II, III;	69 — I Лебяжско-Островное;
8 — I Медведковское;	38 — 41 — I, II, IV, V Мантовские;	70 — Мамалаевское;
9 — II Медведковское;	42 — Тарханская пристань;	71 — Ново-Анзирское;
10 — III Исаковское;	43 — I Епанчинское;	72 — Старо-Анзирское;
11 — II Введенское;	44 — 47 — I — IV Макаровские;	73 — Нижне-Шуньское;
12 — Шумихинское;	48 — 50 — II — IV Ташкирменские;	74 — Кулагинское;
13 — Князь-Камаевское;	51 — I Агайбашское;	75 — Старо-Бурецкое;
14 — II Савиновское;	52 — I Танеевское;	76 — Хлюпинское;
15 — «Ичка»;	53 — Чулпан;	77 — II Тюм-Тюмское;
16 — II Бакалдинское;	54 — 56 — III — V Именьковские;	78 — IV Луговское;
17 — II Мало-Отарский;		79 — Луговское;
18 — Мало-Отарское;		80 — Кумыское
19 — 21 — I, II, IV Старо-Победилловские;		
22 — Балымское;		
23 — II Больше-Отарское;		
24 — I Матюшинское;		

четырёх до шести жилищ полуземляночного типа. Но имелись также и посёлки с числом жилищ более десяти — I Матюшинская (15 жилых пятен), стоянка у Биостанции (12 жилых пятен).

Хотя тип жилищ и остаётся прежним — полуземлянки с деревянными конструкциями, придающими подпрямоугольную форму⁵¹, но в характере их расположения на поселении намечается явная тенденция к изоляции каждого жилища. Второй этап приказанской культуры — это период сосуществования жилищ, соединённых друг с другом переходами (I Карташихинская и I Луговская стоянки, рис. 55—61), и жилищ изолированных (Балымская, II Карташихинская, I Матюшинская, «Биостанция», рис. 55—95). Да и размеры жилищ становятся значительно большими и иногда достигают 150—160 кв. м (I жилище Карташихинской стоянки, жилище Балымской стоянки). На посёлках появляются сооружения типа загонов, а может быть, даже крытых хлевов и другие подсобные помещения (I Карташихинская стоянка). Следует заметить, что в ряде случаев (Балымская и I Матюшинская стоянки) в строительстве жилищ наблюдается воздействие традиций срубных племён. Вместе с тем некоторые исследователи⁵² отмечают обратное воздействие приказанской строительной традиции на сооружение жилищ в средневожских посёлках срубной культуры. (Воскресенское поселение на р. Уса.)

Характер погребального обряда приказанских племён карташихинско-балымского этапа можно выяснить лишь ориентировочно, так как могильники этого периода крайне немногочисленны. В настоящее время известно лишь два небольших могильника — Мало-Отарский⁵³ и Балымский⁵⁴. Во втором могильнике, как уже мне приходилось писать, большинство погребений (2, 4, 5, 6) совершено с соблюдением срубного погребального обряда (скорченно на боку) и сопровождаются вещами (сосуды, нож и пробойник) срубного облика. Поэтому их трудно рассматривать в качестве характерных для приказанских племён. Но и эти захоронения прослеживают элементы, не свойственные для срубного погребального обряда — отсутствие курганной насыпи, положение умерших на правом боку, ориентация ногами к реке, в чём следует усматривать приказанскую специфику.

Определяющая же часть погребений — три захоронения на Мало-Отарском могильнике, погребение 6 Балымского бугра — совершена в неглубоких прямоугольных ямах; и костяки в них лежат вытянуто на спине, ориентированы ногами (Балымское погребение), или головами (Мало-Отарское погребение) к реке. Сопровождающие их сосуды⁵⁵ по всем признакам характерны для балымско-карташихинского этапа. Следовательно, и на этом этапе основная приказанская традиция вытянутого труположения в речной ориентации продолжает сохраняться. Возможно, в этот же период происходит зарождение ещё одного вида погреб-

бального обряда, прослеженного на I Луговской стоянке. Я имею в виду остатки большой ниши в жилище 1 этой стоянки, где в обугленном состоянии были найдены «кости и черепа 19 человек разного возраста (13 взрослых и 6 детей), принадлежавших к европеоидному и монголоидному типам»⁵⁶. Вероятнее всего, это следы какого-то сложного обряда с применением трупосожжения. Как мы наблюдали выше, элементы трупосожжения, возникшие, вероятно, под андроновским воздействием, отмечаются и в срубных памятниках конца первого периода, относящихся в основном к XIV—XIII вв. до н. э.

Как всегда, наиболее массовыми находками в поселениях приказанской культуры и этого этапа являются фрагменты керамики. Особенно многочисленны они на полностью раскопанных поселениях. Так, на I Карташихинской стоянке собрано 23 713 фрагментов не менее чем от 560 сосудов, а на Балымской — 22 884 фрагмента не менее чем от 400 сосудов. Такой огромный материал, учитывающая однослойность обоих памятников и существование их в пределах только второго этапа приказанской культуры, позволяет провести достаточно точную типологию керамики этого периода (табл. Д).

Почти вся приказанская посуда второго этапа была плоскодонной и изготовлялась из глины с преимущественной примесью песка, дресвы и шамота (до 90%). Традиция примешивания в глиняное тесто толченой раковины и других органических остатков уже вырождалась — лишь 7—10% сосудов содержали эту примесь. Однако следует заметить, что в районах, удаленных от непосредственного воздействия срубных племен, например, в Чувашско-Марийском Поволжье, количество сосудов с примесью толченых раковин значительно больше — на Криушинской стоянке до 34% (табл. Д). Абсолютно преобладают (75—89%) горшковидные формы сосудов с плавно изогнутым горлом, умеренно расширенным туловом с небольшим плоским дном (рис. 55, 66, 67, 69, 72; 59). Сосудов с цилиндрическим или расширенным раструбом горла крайне немного. Это, очевидно, объясняется тем, что горшки с плавно изогнутой горловиной фактически продолжают традицию предшествующих форм сосудов с расширенным раструбом горлом. От 11 до 21,5% всех сосудов имели форму банок с открытым (рис. 55, 74) или слегка прикрытым (рис. 55, 68, 71) устьем. Характерно, что у большинства из них край горла плоский, редко округло-приостренный. Среди горшковидных преобладают сосуды с более сложным краем горла. Здесь также есть сосуды с плоским срезом края, но их имеется немного. Ведущими же являются сосуды (до 75—80% всех горшков) со своеобразным скошенным бортиком по краю (рис. 55, 66, 67, 69, 70; 59), иногда переходящим в более широкий «валик» (рис. 55, 72), характерный уже для керамики последующего этапа. Эти валиковые выступы, как правило, орнаментирова-

Рис. 59. Сосуды балымско-карташихинского этапа приказанской культуры (1—3)

ны рядом скошенных или перекрещивающихся линий. Иногда такой же бортик, обычно трехгранный, имеется и по горлу (рис. 59). Но таких сосудов встречается крайне немного (от 1 до 4%). Поверхность большинства сосудов обрабатывалась путем заглаживания, а иногда даже подвергалась лощению. Вместе с тем от 18 до 34% сосудов с внутренней или внешней стороны, а иногда и с обеих сторон несут следы штриховой зачистки.

Почти 90% всех сосудов было орнаментировано. Орнамент обычно располагался по верхней половине тулова, т. е. до линии наибольшего расширения последнего (рис. 55, 66—72; 68). В виде пережитка сохранились сосуды с орнаментом, заходящим на нижнюю половину тулова, а иногда покрывающим и дно. Наиболее специфичной чертой орнамента приказанской керамики балымско-карташихинского этапа следует считать разграничение горла от тулова рядом глубоких ямок или клиновидных углублений. 70—75% сосудов почти из каждого поселения имеют

такую специфику (табл. Д). Иногда в пережиточном виде употребляются и ряды выпуклин — «жемчужин», характерных для керамики предшествующего этапа. Основные узоры в орнаментальных зонах наносились при помощи прочерчиваний (44—76%) или оттисков гребенчато-зубчатого штампа (19—40%), реже шнура (2%). Несмотря на небольшое разнообразие элементов орнамента, узоры были изящные и простые. Почти половина всех орнаментированных сосудов в узорах содержит горизонтальные линии, обычно замыкающие или разграничивающие орнаментальные зоны (табл. Д; рис. 55, 67, 69, 72). По-прежнему преобладают такие орнаментальные элементы, как горизонтальный зигзаг (20—40%; рис. 55, 68), иногда превращающийся в вертикальный и образующий елочку (10—19%; рис. 55, 72); горизонтальные ряды скошенных линий (17—50%; рис. 55, 74); крестообразная сетка или косая решетка (13—25%; рис. 55, 72). Все это традиционные элементы, бытовавшие в приказанском орнаменте от начала и до конца развития культуры. Необходимо также отметить появление в орнаментации карташихинско-балымской керамики и новых мотивов (табл. Д): заштрихованные ромбы (рис. 59), «флажки» (рис. 55, 71), «лесенка» (рис. 55, 73, 74) и окантовка бахромкой треугольников, зигзагов и т. п. (рис. 55, 66, 69). Как мы увидим ниже, эти мотивы широко распространяются в орнаментации керамики последующих этапов культуры.

Анализируя керамический материал, необходимо остановиться на нескольких вопросах, имеющих принципиальное значение для рассматриваемой проблемы. Один из них, насколько преемственна керамика первого и второго этапов? Действительно, на первый взгляд керамика обоих этапов имеет значительное расхождение. Но это расхождение лишь кажущееся, основанное на внешнем изменении некоторых черт приказанской керамики. Однако керамика балымско-карташихинского этапа продолжает дальнейшее развитие займищенской керамики (табл. Д; рис. 55, 37—40 и 66—74). В памятниках обоих этапов ведущее место занимают сосуды горшковидной формы с открытым горлом. Сосуды с плавным переходом от горла к тулову, характерные для второго этапа, развиваются на основе сосудов с расширенным раструбом горлом, свойственных первому этапу. Плоский орнаментированный край горла у сосудов займищенского времени на втором этапе несколько скашивается и приобретает форму «бортика», но сохраняет ту же орнаментацию. Преемственны и ведущие узоры. Поэтому есть все основания утверждать, что керамика балымско-карташихинского этапа продолжает развитие займищенской. В связи с этим интересно отметить, что многослойные памятники, как, например, Криушинская, II Ташкирменская, II Саймищенская и другие стоянки, так же как и наиболее поздние памятники займищенского этапа —

III Ново-Мордовский могильник, содержат керамику промежуточных форм.

Вместе с тем нельзя не заметить и глубоких изменений, происшедших в балымско-карташихинской керамике: увеличилось число баночных форм; получили распространение сосуды с «бортиком» и «валиком» по краю горла; стали преобладать сосуды с примесью в тесте песка, дресвы и шамота; улучшилась внешняя обработка путем заглаживания поверхности; хотя техника орнаментации и несколько огрубела, но орнамент стал благодаря разнообразию составляющих его элементов более богатым и т. п. Некоторые из этих особенностей возникли и получили свое развитие под воздействием срубной керамики, носители которой в это время широкой полосой заняли левобережье р. Камы и вошли в непосредственный контакт с приказанскими племенами. Это изменение побудило ряд исследователей рассматривать приказанскую керамику в качестве варианта срубной⁵⁷. Отсюда возникает второй вопрос — насколько близка приказанская керамика балымско-карташихинского этапа к срубной?

Хронологически приказанская керамика второго этапа совпадает со срубной керамикой первого периода и ее перехода ко второму. О. А. Кривонова-Гракова, достаточно детально изучившая керамику северных срубных памятников, непосредственно граничивших с приказанскими, выделяет ряд ее определяющих черт. По ее мнению, «основная масса горшков, находимых в культурных слоях, представляет собой *грубые, чаще неорнаментированные баночные сосуды с небрежно отделанной поверхностью*. — Громадное большинство баночных сосудов имеет в верхней своей части *прямые или почти прямые стенки, заканчивающиеся закругленным, реже срезанным краем*»⁵⁸. Как было сказано выше, баночные формы сосудов не характерны для приказанской культуры. Любопытно, что в срубной культуре «уже с раннего времени выработалось у сосудов различных форм дно со слегка выступающим краем», ставшее «обычным на всем протяжении срубной культуры»⁵⁹, что совершенно не характерно для приказанской керамики⁶⁰. Наиболее распространенной техникой нанесения срубного орнамента «является крупнозубчатый штамп с большими прямоугольными или квадратными зубцами» и «нарезы нанесенные острым или тупым инструментом. В большинстве случаев они представляют собой довольно грубые и небрежно выполненные борозды»⁶¹. В срубной орнаментации не известны строгие ряды правильных ямок и клиновидных углублений, так характерных для приказанской керамики. Вообще орнамент срубной керамики значительно более грубый и не дает такого разнообразия мотивов, как приказанский. Поэтому приказанская

* Курсив мой (А. Х.).

керамика, имеющая своеобразные черты, никак не может рассматриваться в качестве варианта срубной.

Однако исключать воздействие срубной керамики на приказанскую, как и наоборот, нельзя. Особенно это касается балымско-карташихинской керамики, где встречаются отдельные сосуды, практически ничем не отличимые от срубных. В этом отношении наиболее выразительна керамика Балымской стоянки, где срубные формы распространены больше, чем в материале любой другой приказанской стоянки. Здесь же есть и погребения, выполненные в обычной манере срубного погребального обряда, а жилища в значительной степени копируют срубные формы⁶². Все это, очевидно, результат сильнейшего воздействия срубной культуры на приказанскую. Но и приказанские племена оказали определенное воздействие на северное срубное население. Как правильно отмечает О. А. Кривцова-Гракова, «круглые ямки, шишечки, кружки и некоторые другие способы нанесения узора, а также зональность в расположении узора почти всегда указывают на внедрение в орнаментацию керамики срубной культуры чуждых ей элементов»⁶³.

В изготовлении и употреблении каменных орудий на втором этапе этой культуры намечается определенный упадок. Достаточно хорошо это прослеживается на снижении процента каменных орудий и отходов от их производства по отношению к остатальной массе находок⁶⁴. Так, если на III Займищенской стоянке этот процент равен 34,9, то на II Карташихинской стоянке он составляет всего 10,6%, а на Балымской и того меньше — 4,6%. Несколько выше процент каменных изделий на I Карташихинской стоянке, где он достигает 37,5. Но это следует объяснить спецификой памятника, служившего не только поселением, но и местом обработки камня, т. е. своеобразной мастерской⁶⁵. Если же мы возьмем соотношение орудий и остального вещевого материала, то оно почти по всем упомянутым памятникам будет одинаковым. Так, если в III Займищенской стоянке орудия составляют 4%, то на I Карташихинской, Балымской и II Карташихинской стоянках — около 1%.

Характерно преобладание таких крупных орудий, как долата, тесла, зернотерочные и растиральные плиты. В этот период еще бытуют асимметричные и желобчатые долота и тесла⁶⁶, но не они придают специфику каменному инвентарю. Для балымско-карташихинского этапа приказанской культуры следует считать характерным сохранение треугольных наконечников стрел с усеченным основанием (рис. 55, 75, 76) так называемого турбинско-сейминского типа и близких им ножей (рис. 55, 78, 79). Но они по сравнению с собственно турбинскими и предшествующими формами имеют более вытянутые и тонкие очертания. Такие орудия найдены на I Карташихинской (четыре наконечника, девять ножей), Балымской (три ножа), I Матюшинской (два

наконечника, три ножа) и других стоянках. Сохранение турбинско-сейминских форм наконечников, кроме преемственности кремневого инвентаря приказанских памятников первого и второго этапов, свидетельствует также и об относительной древности памятников балымско-карташихинского типа, время существования которых, очевидно, захватывало вторую половину сейминско-турбинского времени Волго-Камья.

Намечающаяся тенденция к упадку кремневой индустрии, очевидно, была вызвана в первую очередь дальнейшим развитием металлургии меди и бронзы. Правда, металлических изделий на поселениях балымско-карташихинского этапа найдено ограниченное число, но и они вместе со следами их производства свидетельствуют о дальнейшем развитии меднолитейного дела.

Изделия из металла представлены шильями, иглами, ножами, бляшкой, обломком браслета, кельтами, серпами и пр. Шилья, обнаруженные на Балымской⁶⁷, I Карташихинской⁶⁸ и II Мало-Отарской стоянках (раскопки автора в 1953 г.), представлены двумя формами. Три из них (рис. 55, 88) с двумя заостренными концами, четырехгранные в сечении и короткие (длина — 4—4,5 см, толщина — 0,3—0,4 см). Это наиболее распространенная форма шильев в эпоху бронзы, известная во многих археологических культурах⁶⁹. Четвертое шило из II Мало-Отарского поселения имеет лишь одно острие, а противоположный конец у него уплощен. Такие шилья становятся особенно характерными для поздних приказанских памятников.

Три иглы из I Карташихинской и Балымской стоянок⁷⁰ изготовлены из круглой в сечении проволоки, согнутой вдвое и прокованной. На месте сгиба оставлено ушко (рис. 55, 87). Носились они, по-видимому, в деревянных или кожаных футлярах, ибо остатки одного из таких футляров вместе с иглой обнаружены в пяти погребениях Балымской стоянки. Аналогичные иглы известны в ряде курганов покровского этапа срубной культуры Поволжья — 13, 15 курганы (погребение 2, 3) Покровские⁷¹, курган А-11 (погребение 2) у с. Зеелман⁷². Почти во всех случаях они найдены в комплексах, дата которых не может быть моложе третьей четверти II тысячелетия до н. э. Так, в погребении кургана А-11 у с. Зеелман вместе с иглой найдены браслет со свернутыми в спираль концами, овальновытянутые височные подвески, датирующиеся алакульским этапом андроновской культуры в пределах 1600—1300 гг. до н. э.⁷³ В Покровских курганах (15) вместе с подобной иглой обнаружены фаянсовые бусы, достаточно точно датированные по египетским образцам (XV—XIII вв. до н. э.⁷⁴), а также бронзовые височные подвески в 1,5 оборота абашевского типа, бытовавшие не позднее третьей четверти II тысячелетия до н. э.

Медный нож из погребения 5 Балымской стоянки⁷⁵ и обломок подобного ножа из I Карташихинской стоянки по форме

(рис. 55, 89) принадлежат к типу срубных ножей с намеченным перекрестием и продолжают развитие предшествующих типов с приостренным черешком. Подобные ножи, известные в срубных памятниках первого периода⁷⁶ некоторых андроновских могильников⁷⁷, также в основном датируются третьей четвертью II тысячелетия до н. э. Характерно, что в Балымском погребении нож найден вместе с иглой описанного типа и обычным срубным остросереберным сосудом.

Говоря об орудиях труда, следует упомянуть еще два бронзовых кельта, обнаруженных в центральных районах распространения приказанской культуры и синхронных со вторым этапом. Это находки из урочища «Бакалда» под Казанью (коллекция ГМТР—15662) и урочища «Кереметь» у с. Омары на р. Каме⁷⁸. Оба кельта, по классификации Б. Г. Тихонова⁷⁹, принадлежат типу Б сейминских кельтов с обедненным орнаментом (рис. 55, 91), датированных XIV—XIII вв. до н. э. Кельт из с. Омары был найден совместно с бронзовым серпом⁸⁰ раннесрубного облика (рис. 55, 92), медной киркой⁸¹ и позднейсейминским наконечником копья (рис. 55, 86) длиной в 16 см. Два подобных копья известны из окрестностей с. Ташкермень, близ устья р. Камы⁸². Здесь же найдены два бронзовых копья, продолжающих развитие сейминско-турбинских типов с ромбическим стержнем (ГМТР — 5393, 11043)⁸³.

Вероятно, в третьей четверти II тысячелетия до н. э. на базе развития сейминско-турбинских прототипов начинают изготавливаться кельты с лобными ушками и орнаментом по верхней части (рис. 55, 125). Последний напоминает орнамент сейминских кельтов, что позволяет сближать по времени и сами орудия. С территории распространения приказанской культуры известно до десяти находок подобных кельтов — из деревень Биябаш, Девликеево, Альменево (в бассейне р. Свяги), Танайка, Омары и Ананьино по правому берегу Камы и др.

Из других крупных орудий ко времени балымско-карташихинского этапа относятся мотыгообразные орудия с кованой и несомкнутой втулкой (рис. 55, 90).

Немногочисленны, но достаточно выразительны украшения. В балымском жилище 2 найдена бронзовая бляха круглой формы (Д — 32 мм, толщина — 0,4 мм) с прочеканенными углублениями по краям (рис. 55, 94). Близкого типа бляхи обнаружены Т. Б. Поповой в Борисоглебском кургане у г. Муромы вместе с медным ножом вышеописанного типа и бронзовыми браслетами, среди которых имеется и браслет с завернутыми спиралью концами. Весь этот комплекс датирован автором серединой и третьей четвертью II тысячелетия до н. э.⁸⁴ Эти находки позволяют достаточно четко увязывать по времени приказанские памятники балымско-карташихинского этапа и поздняяковские памятники времени Борисоглебских курганов.

В жилище 3 Балымской стоянки найден обломок бронзовой височной подвески, обложенный гофрированной золотой фольгой (рис. 55, 93)⁸⁵. Такие подвески известны из погребения 13 кургана 5 у с. Хряшевски⁸⁶ и в Байбатыревских курганах⁸⁷. В последних найдена и бронзовая игла описанного типа. Все эти памятники датированы в пределах XV—XIII вв. до н. э.⁸⁸

О развитии металлургии меди и бронзы у балымско-карташихинских племен свидетельствуют многочисленные находки обломков глиняных тиглей, шлаков и капель металла. Глиняные тигли, чашевидные по форме⁸⁹ (рис. 55, 85), продолжают развитие тиглей, появившихся еще в волосовских поселениях.

Небольшой, но достаточно выразительный медно-бронзовый инвентарь приказанских памятников балымско-карташихинского этапа определяется XIV—XIII вв. до н. э. В формах и орнаментации приказанской керамики, испытавшей воздействие срубной, особенно в баночных сосудах, отчетливо выступают черты, характерные для срубной посуды первого периода — плоский срез края, реберчатость остросеберных сосудов и т. п. Но вместе с тем как в I Карташихинском, так и Балымском поселениях в единичном виде начинают встречаться сосуды с налепными валиками по тулову и сосуды на поддонах, присущие уже срубной керамике второго периода⁹⁰. Дата первого периода срубной культуры, как мы видели выше, ограничивается XVI—XIV вв. до н. э., а в течение XIII в. до н. э. в срубной керамике возникают «формы второго периода срубной культуры»⁹¹. Среди приказанской керамики второго этапа в единичном виде встречаются сосуды, характерные для других культур. Так, на I Карташихинской стоянке найдены обломки балановских сосудов с орнаментом из заштрихованных крупных зигзагов. Несколькo огурубелый характер этого орнамента заставляет его относить к ош-пандинскому времени, т. е. XIV—XII вв. до н. э. На Балымской стоянке в жилище 1 был найден остросеберный сосудик⁹², по форме и орнаменту близкий сосудикам из абашевских памятников в Волго-Вятского междуречья, дата которых определяется третьей четвертью II тысячелетия до н. э. Наконец, в I Луговском поселении выявлены фрагменты по крайней мере от 20 сосудов, близких по форме и орнаменту андроновским⁹³. По андроновской классификации они должны быть отнесены к алакульскому этапу, датированному XV—XIII вв. до н. э., по Э. А. Федоровой-Давыдовой⁹⁴, или XVI—XIV вв. до н. э., по Е. Е. Кузьминой⁹⁵.

Как мы видели выше, в кремневом материале приказанских памятников балымско-карташихинского времени все еще распространены наконечники стрел, ножи и скребки сейминско-турбинского типа. Поэтому время этих находок не может быть слишком удалено от финала (XV—XIV вв. до н. э.) Сейминского и Турбинского могильников.

Итак, все вышеприведенные данные позволяют утверждать, что дата карташихинско-балымского этапа приказанской культуры должна быть определена третьей четвертью II тысячелетия до н. э., точнее XIV—XIII вв. до н. э.

Территория распространения приказанских племен в это время хотя и несколько сокращается с юга, но зато расширяется на запад и восток (рис. 58). Как неоднократно отмечалось, в третьей четверти II тысячелетия до н. э. срубные племена достигают в районе Волго-Камья самых северных пределов своего распространения и прочно занимают все левобережье Нижнего Прикамья, полностью вытеснив отсюда приказанское население. Но правое побережье Волги приказанские племена сумели сохранить за собой, исключая бассейн среднего течения р. Свияги, занятый в это время срубными племенами. Небольшой участок правого берега Волги у быв. дер. Мантово на самой границе Татарской АССР и Ульяновской области был заселен одной приказанской группой. Здесь в 1963—1964 гг. на краю частично размытой надлуговой террасы обнаружены остатки девяти поселений, основная керамика которых представлена балымско-карташихинскими образцами. Далее вверх по р. Волге известны остатки поселения у дер. Каратай, напротив устья р. Камы, и в устье р. Свияги — группа из шести поселений. Еще западнее приказанское население продолжало обитать в устье р. Аниша на Криушинской дюне⁹⁶. Между прочим, на этой дюне представлены остатки керамики всех четырех этапов приказанской культуры⁹⁷. Это дает основания утверждать о том, что здесь приказанские племена обитали непрерывно. Население Криушинской дюны, не вступившее в какой-либо контакт со срубными и другими племенами эпохи бронзы, сохраняло в более чистом виде основные особенности своей культуры. Так, здесь найдено значительно больше сосудов, изготовленных из глины с примесью толченой раковины и имеющих краевой бортик. Далее на запад по крутому берегу Волги простиралась территория абашевских (до XIV в. до н. э.) и вытеснивших их балановских (ош-пандинских) племен.

По левому берегу Волги наиболее западные пункты с приказанским материалом карташихинско-балымского типа известны в устье р. Большой и Малой Кокшаги. Это Уржумкинская⁹⁸ и Кокшайская⁹⁹ стоянки, давшие в основном позднюю приказанскую керамику, среди которой имеются и группы фрагментов карташихинско-балымского типа. Западнее этих пунктов по левому берегу р. Волги шла территория чирковско-сейминских племен, а севернее в бассейне Малой Кокшаги располагались абашевские родовые группы. Начиная от устья р. Кокшаги, по левому берегу р. Волги, включая бассейн р. Казанки, и до устья Камы почти непрерывной линией тянутся приказанские памятники карташихинско-балымского типа, особенно густо располо-

женные в окрестностях Казани и несколько ниже. По правому берегу Камы приказанские поселки известны в низовье р. Меши и далее у сел Именьково, Полянки и Шуран. Значительная группа поселений открыта в низовьях рек Ошняка и Шумбута. Судя по таким памятникам, как Ново-Анзирское, Старо-Анзирское, Старо-Бурецкое, Нижне-Шуньское, II Тюм-Тюмское¹⁰⁰ поселения, нижнее течение р. Вятки в это время уже было занято приказанскими племенами. Но на р. Вятке приказанцы не остановились, а продвинулись по правому берегу Камы почти до устья р. Ика. Кроме I и IV Луговских стоянок, самым крайним пунктом в распространении приказанских племен на балымско-карташихинском этапе являлось Кумысское поселение, изученное в 1959 г. В. Ф. Генингом. Здесь наряду с керамикой, характерной для третьего этапа приказанской культуры, найдены многочисленные фрагменты плоскодонных сосудов, по форме и орнаменту близкие сосудам с I Луговского поселения. В этом комплексе также отмечается андроновская керамика.

Итак, второй этап приказанской культуры, ограниченный XIV—XIII вв. до н. э., является периодом дальнейшего расширения территории ее населения, вступившего в тесный контакт с широким массивом срубных племен. Несмотря на воздействие последних, приказанские племена сумели сохранить самобытность своей культуры и целостность этноса.

Другой значительной культурой, оказавшей воздействие на приказанское население, оказалась андроновская. Возможно, что с носителями последней и связано усиление в приказанской среде монголоидных элементов, что было отмечено в антропологическом материале I Луговского поселения¹⁰¹.

Примерно сходным с описанным был и процесс развития на втором этапе поздняяковских племен. Судя по таким стоянкам как Подборновская у г. Касимова¹⁰² (коллекции Рязанского музея и Эрмитажа), «Черная гора» и Коренец на р. Пре¹⁰³, Ибердус II и III (раскопки И. К. Цветковой и Т. Б. Поповой в 1962—1963 гг.), Поздняково на р. Теше у г. Мурома (коллекции Эрмитажа и Муромского музея), Борисоглебские, Битюковские и Мало-Окуловские¹⁰⁴ курганы у г. Муромы (раскопки Т. Б. Поповой в 1962—1964 гг.), Овинищи IV, Кишма у г. Павлова (разведки В. Ф. Черникова в 1962—1963 гг.), поздняяковские племена занимают бассейн среднего и нижнего течения р. Оки. Вероятно, поздняяковские племена выходят и на правый берег Волги, о чем свидетельствует небольшая, но мощная группа памятников у г. Козмодемьянска, ниже устья р. Суры¹⁰⁵. Изученное здесь Акозинское поселение, судя по находкам кремневых концевых скребков сейминско-турбинского типа и рукоятки бронзового раннесрубного ножа, хронологически близко к приказанским поселениям карташихинско-балымского этапа. Это обстоятельство делает вполне правомерным сопоставление

керамики Акозинского поселения с керамикой приказанских стоянок, что позволит выяснить черты сходства и различия между ними.

В формах сосудов и системе расположения узоров обе группы керамики, безусловно, близки друг другу. Но в соотношениях различных форм и элементов орнамента проявляется существенное своеобразие. Так, если для приказанской керамики характерны горшковидные формы с плавно отогнутым горлом и скошенным бортиком по краю (72—85% всех сосудов), то для поздняяковской более специфичны баночные и чашевидные формы с плоским краем открытого или прямого горла (до 60% всех сосудов), а горшки со скошенным бортиком по краю практически отсутствуют (2,5%). В системе орнамента для обеих групп характерны ряды ямок, клинышков или выпуклин по горлу, но в приказанской керамике преобладают ямочные и клиновидные вдавления (70—75% всех орнаментированных сосудов), а в поздняяковской — ряды выпуклин (до 40%). В этом отношении поздняяковская керамика имеет более архаичный облик и приближается к займищенскому типу.

Но указанные отличия не должны заслонить от нас главное. Приказанские и поздняяковские племена — это родственные группы населения, и процесс их развития, протекавший в сходных условиях, еще более подчеркивает это родство¹⁰⁶.

В последней четверти II тысячелетия до н. э. все пришлые племена (абашевские, балановские, срубные) теряют свое былое значение. Они полностью прекращают свое существование в Среднем Поволжье, как это произошло, например, с абашевскими племенами, или деградируют в культурном и этническом отношении, как балановцы, или же, в связи с отходом основной массы, остаются в виде разрозненных небольших групп населения, что мы видим на примере срубных племен. В то же время усиливаются местные племена, начинающие занимать господствующее место в крае. В выгодном положении оказались приказанские племена, обитавшие в исключительно благоприятных в природном отношении районах низовий Камы и Средней Волги, богатых рыбой, широкие пойменные долины, незаменимые для скотоводства, плодородные и относительно легко обрабатываемые земли, леса, богатые зверьем и дичью, насыщенные медью нижнекамские песчаники — все это способствовало усиленному развитию культуры и экономики приказанского населения и его распространению на значительную территорию.

На третьем этапе развития приказанской культуры начинается ее расцвет, сопровождавшийся значительным расширением территории расселения приказанских племен (рис. 60). Наиболее изученным памятником этого периода, давшим чистый и выраженный культурный комплекс, является I Атабаевская стоянка в устье Камы¹⁰⁷, в связи с чем третий этап я склонен

называть *атабаевским*. Кроме I Атабаевской стоянки, широким исследованиям было подвергнуто и несколько других памятников этого периода, в том числе: II Займищенская¹⁰⁸, I Волжская¹⁰⁹, Мало-Кокузинская (раскопки автора в 1960 г.), Гулькинская¹¹⁰, I Матюшинская, Марьяновская, Березогривская (исследования автора в 1963—1964 гг.) и II Луговская¹¹¹ стоянки. В последние годы несколько стоянок близкого типа изучено В. П. Денисовым на Верхней и Средней Каме¹¹². Несмотря на значительное территориальное распространение памятников, черты их материальной культуры достаточно близки между собой. В настоящее время известны остатки около 150 приказанских памятников атабаевского типа (рис. 60). Обычно поселения располагаются по краю надлуговых террас. Площади поселений небольшие — 1500—3000 м кв. Каждый такой поселок, очевидно, состоял из нескольких жилищ полуземляночного типа, прямоугольной или квадратной формы, с несколькими очагами на полу. Характерной особенностью поселений атабаевского этапа является абсолютное преобладание на них изолированных жилищ, соединенных друг с другом переходами. Жилища эти изучены лишь на II Луговском поселении¹¹³, но и здесь уже чувствуется стремление к их изоляции. Так, жилища 3 и 1 хотя и соединены переходом, но посередине перехода имеется выход, позволяющий считать постройки независимыми друг от друга (рис. 55, 96). На всех остальных приказанских поселках бытовали дома или одиночные изолированные, как на I Атабаевской, II Займищенской, II Мало-Кокузинской, Ерзовской стоянках, или двухкамерные (I Матюшинская, Гулькинская, Еловская и другие стоянки). Любопытно, что и одиночные дома состояли как бы из двух половинок — женской и мужской (рис. 55, 97, 98). Иногда эти половинки имели перегородку, как в жилище I Атабаевской стоянки¹¹⁴, или же разделялись условно по инвентарю, как это наблюдалось в жилище II Займищенской стоянки¹¹⁵. Такое разделение на две половины позволяет считать, что наиболее характерными для атабаевского этапа были двухкамерные жилища, состоящие или из двух соединенных домов, или из одного дома, разделенного на две половины. Для конструкций домов, имевших двускатные или шатровые перекрытия, характерны столбовое крепление земляных стен и простые очаги на полу. Размеры жилищ средние. Самые малые (5,2×5,6—7×7 м) известны на поселениях I Степное¹¹⁶, Волжское¹¹⁷, II Луговое¹¹⁸ и I Забойное¹¹⁹; наиболее крупные длиной в 10—15 м и шириной в 10—12 м изучены на I Атабаевской¹²⁰, Гулькинской¹²¹, I Матюшиноской (раскопки в 1964 г.), Мало-Кокузинской (раскопки в 1960 г.) и Ерзовской¹²² стоянках.

К атабаевскому этапу относится несколько небольших могильников со своеобразным погребальным обрядом, проявляю-

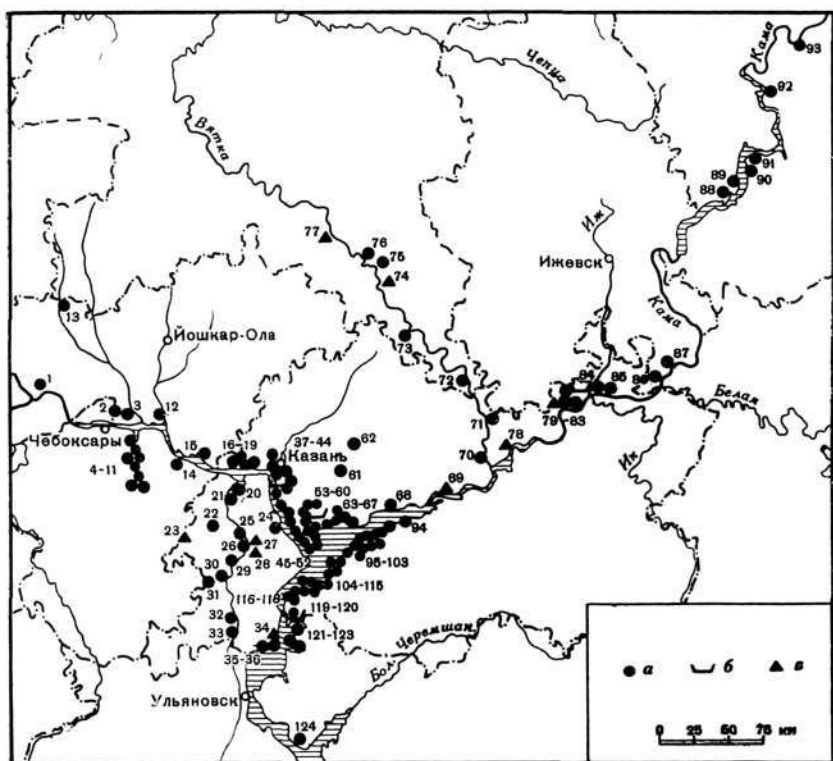

Рис. 60. Карта распространения памятников приказанской культуры на атабаевом этапе: а — поселение; б — могильник; в — местонахождение

1 — Ахмыловское;	31 — Тутавское;	64 — 66 — II, III, V Именков-
2 — I Уржумкинское;	32 — Козловское;	ские;
3 — Сидельниковское;	33 — Фроловское;	67 — II Полянское;
4 — I Яндашевское;	34 — Зольное;	68 — II Гремячское;
5 — II Яндашевское;	35, 36 — II, III Мантовские;	69 — Отаринское;
6 — Ерловское;	37 — Сухая река;	70 — Гроханское;
7 — Вороновское;	38 — «Маркиз»;	71 — Тат. Дом-Дюмское;
8 — Тувси;	39 — III Бакалдинское;	72 — Нижне-Кумызанское;
9 — Шелом;	40 — III Кокушкинское;	73 — Ново-Бурецкое;
10 — Дмитриевское;	41 — II Мало-Отарское;	74 — Агрыжское;
11 — Елюйское;	42 — Зеленый Бор;	75, 76 — Аркуль I—II;
12 — Кокшайское;	43 — Балымское погребение;	77 — Уржумское;
13 — Широкундышское;	44 — I Матюшинское;	78 — Котловское;
14 — Криушинское;	45 — IV Амбарское;	79 — Танайское;
15 — Волжское;	46, 47 — I, II Тетеевские;	80 — Ананьинская дюна;
16 — II Сумское;	48 — Надлуговое (Кордон);	81, 82 — II, III Луговские;
17 — III Займище;	49 — II Усть-Камское;	83 — Луговские курганы;
18 — II Займище;	50 — 52 — I, II, VIII Атабаев-	84 — Кумыское;
19 — I Займище;	ские;	85 — Икское;
20 — I Введенское;	53 — III Макаровское;	86 — Ниргиндинское;
21 — I Медведковское;	54 — 56 — I — III Ташкир-	87 — Биргиндинское;
22 — Тат. Азильское;	менские;	88 — Еловское;
23 — Хозесановское;	57 — Восточнорождествен-	90, 91 — I, III Старушка;
24 — Лабышкинское;	ское;	92 — I Забойное;
25 — I Кабы-Копрынское;	58 — Рождественский;	93 — Заюрчим,
26 — Мало-Кокузинское;	59 — «Чулпан»;	94 — II Лебяжское;
27 — Булгагарское;	60 — Курманаевское;	95 — VII Балахчинское;
28 — Байрашевское;	61 — Кулаевское;	96 — 100 — II, V, IX, XIV,
29 — Девликеевское;	62 — Нурминское;	XVII Кузькинские;
30 — Деушевское;	63 — I Серебрячихинское;	101, 102 — I, II Шалбинские;

шим преимуществом с обрядом предшествующих и последующих приказанских могильников. Одним из первых было изучено погребение 1 на Балымской стоянке¹²³, расположенное в стороне от основных балымских захоронений. Оно стратиграфически моложе стоянки, ибо его яма (255×110 см) прорезает культурный слой последней. Женский костяк лежал на правом боку, с согнутыми перед лицом руками и вытянутыми ногами (рис. 55, 192). Погребенная была ориентирована головой на восток-юго-восток, а ногами на запад-северо-запад, в сторону Волги. Ее сопровождал довольно богатый инвентарь: в изголовье — сосуд с уплощенным дном, по форме и орнаментации характерный для атабаевского этапа (рис. 55, 104; 61); в районе черепа — медные бляха и две височные подвески (рис. 55, 133), датируемые по поздним срубным и Северо-Кавказским могильникам (Верхняя Рутха, Донифарс) концом II тысячелетия до н. э.; около рук — черешковый бронзовый нож (рис. 55, 122), а около колен — медный пробойник или чекан с костяной ручкой (рис. 55, 129); в области грудной клетки — остатки нагрудника, расшитого более чем 60 медными полушаровидными обоймицами (рис. 55, 132). Два погребения без следов внешних насыпей обнаружены в 1958 г. на позднем могильнике у с. Рождествино на берегу р. Мещи. В обоих случаях погребенные лежали скорченно на правом боку головой на восток и юго-юго-восток (рис. 55, 100) перпендикулярно к реке Меше. Рядом с черепами обнаружено по одному сосуду с уплощенным дном и характерной для атабаевского этапа формой и орнаментацией¹²⁴ (рис. 55, 111, 112).

Вероятно, одним из самых ранних могильников атабаевского этапа следует считать могильник у быв. д. Маклашеевка Куйбышевского района Татарской АССР, известный под именем «Маклашеевские курганы на взвозе». Здесь в 1882 г. П. А. Пономарев раскопал пять невысоких круглых курганов диаметром в 4—8 м и высотой в 0,3—0,5 м, под тремя из которых было обнаружено по одному погребению, костяки которых лежали скорченно, преимущественно на правом боку и были ориентированы головой на юг с отклонением к востоку. Перед черепом погребенного в кургане 1 были поставлены две небольшие плоскдонные чашечки с зигзагообразным орнаментом¹²⁵. Эти находки позволили А. В. Збруевой отнести могильник к срубно-хвалынской культуре.

103 — IV Мурзинское;

104 — VII Лебединское;

105 — II Первомайское;

106 — I Березовское;

107 — Бозьяковское;

108 — 111 — I, IV, VI, VII
Нижне-Марьянские;

112 — II Измерское;

113 — Косяковское;

114, 115 — I, II Королевские;

116—118 — I, III, IV поселе-

ния у Степного озера;

119 — Маклашеевские курга-
ны на взвозе;

120 — Маклашеевское;

121 — Гулькинское;

122 — Волостниковско-Грязну-

хьянское;

123 — Майнское;

124 — Капбельское

В 1961—1962 гг. под руководством автора были произведены дополнительные исследования этого интересного памятника и вскрыты еще четыре насыпи, из которых три содержали остатки погребений. Насыпи небольшие, круглые, диаметром в 8—10 м и высотой 0,05 и 0,2 м. Погребенные, расположенные в центре кургана или на почве, или в неглубокой яме, лежали скорченно на правом боку и были ориентированы головой на юг с отклонением к востоку (рис. 55, 99). Следует отметить, что мыс Маклашевского взвоза, на котором расположен могильник, с юга ограничивается Волгой (до 1956 г. р. Уткой), поэтому можно полагать, что погребенные были ориентированы головой к реке. В изголовье погребенных стояло по одному плоскодонному сосуду, по форме и орнаменту отличающихся от срубных и близкие приказанским сосудам начала атабаевского этапа. К этому можно добавить и то, что погребальный обряд описанных захоронений отличен от обряда срубных племен, для которого характерны или круглые, или длинные курганы с множеством погребенных, положенных скорченно на левом боку и имеющих северную ориентировку¹²⁶. Поэтому есть основания относить могильники на Маклашевском взвозе к числу приказанских некрополей.

Близким по типу к описанному является и могильник с невысокими курганами у пос. Луговое Елабужского района Татарской АССР. На Луговском курганном могильнике А. В. Збруевой исследовано пять курганобразных всхолмлений диаметром в 5—11 м и высотой в 0,5—1 м¹²⁷. Еще три кургана раскопаны мной в 1959 г. Удалось установить, что место курганного могильника было использовано в качестве кладбища по крайней мере 3 раза. Почти во всех курганах основными, относящимися к атабаевскому времени являются центральные одиночные погребения, а последующие захоронения, как правило, вводные. В большинстве случаев эти вводные погребения и другие позднейшие вкопы нарушили основные могильные ямы.

Для захоронений в центральных ямах специфичен достаточно устойчивый обряд — невысокие круглые курганы с одиночными ямами, имеющими преимущественно меридиональное направление с отклонением к западу. Последнее, очевидно, следует объяснить тем, что к юго-западу от курганов проходит край надлуговской террасы, идущий параллельно Каме. В сохранившихся случаях костяки лежат с полусогнутыми ногами, на спине, с поворотом на правый бок, вытянуты головой на юг или на север, но перпендикулярно к реке (рис. 55, 101).

В некоторых могильных ямах обнаружены сосуды атабаевского типа (рис. 55, 118; 61, 1).

Несмотря на значительное удаление друг от друга перечисленных могильников, погребальный обряд их достаточно устойчив и своеобразен. Резюмируя, можно считать характерными

Рис. 61. Сосуды атабаевского этапа приказанской культуры

1 — из Луговского могильника; 2 — из погребения 1 на Балымском поселении

для этого обряда следующие особенности: могильники состоят из небольших круганов круглой формы диаметром в 6—8 м. и высотой в 0,5 м; курган представляет собой могильную насыпь над одним погребением, совершенным в неглубокой яме или на уровне погребенной почвы; для сохранившихся костяков характерно положение на правом боку и заметная скорченность, причем последняя больше наблюдается в ранних захоронениях и почти исчезает в поздних, костяки в которых уже лежат на спине; неустойчивая ориентация по странам света, что объясняется преимущественным положением умерших перпендикулярно к ближайшей реке; бедность погребального инвентаря, ограниченного в основном сосудами, за исключением погребения 1 на Балымской стоянке; наличие жертвенных костров, иногда расположенных кольцом по окружности насыпи.

Курганные насыпи и скорченное положение костяков на правом боку увязывают погребения атабаевского этапа с обрядом предшествующего периода (см. погребения на Балымской стоянке), тогда как стремление к вытянутому положению умерших приближает эти погребения к захоронениям Маклашевского этапа (см. ниже).

Керамика атабаевского этапа испытывает дальнейшее развитие по сравнению с предшествующим периодом (ср. рис. 55, 66—74 и 103—114; 61, табл. Д). В основном она еще сохраняет плоскодонные формы, но процент баночных и близких им типов снижается до 6—2% (табл. Д). Абсолютно господствуют горшковидные формы — 93 и даже 98% (табл. Д). Наряду с плоскодонными получают развитие и сосуды с округлым и даже круглым дном (рис. 55, 104, 111, 112), но ввиду нахождения на поселениях ничтожно малого числа целых сосудов невозможно определить процент круглодонных. Но все же, судя по уменьшению диаметра дниц и по наличию круглодонных сосудов в могильниках, следует считать характерным для керамики ата-

баевского этапа тенденцию к изменению плоского дна на округлое, а иногда даже на приостренное.

Как и в предшествующее время господствуют сосуды с плавным изгибом горла, но отмечается увеличение до 15—18% сосудов с коротким цилиндрическим горлом (табл. Д). В оформлении края горла весьма характерен налипной валик с приостренным краем (рис. 55, 103, 105, 108, 112), встречающийся на многих стоянках почти на $\frac{3}{4}$ части всех сосудов. Правда, в таких ранних стоянках, как Мало-Кокузиновая, этих сосудов еще не много и они бытуют вместе с горшками, по краю горла которых идет характерный для предшествующего этапа скошенный бортик (рис. 55, 110, 113). На некоторых стоянках отмечается также превращение горлового валика в более широкую полосу — своеобразный «воротничок», характерный уже для керамики последующего периода (рис. 55, 104).

Состав теста и обработка поверхности особых изменений не претерпевают. По-прежнему преобладают сосуды с заглаженной поверхностью и примесью в тесте шамота, дресвы и песка. Почти на том же уровне остается процент сосудов с примесью в тесте толченых раковин и других органических остатков; несильно возрастает число сосудов с заглаженной штриховой зачисткой поверхности (табл. Д).

Судя по материалу таких однослойных памятников, как I Атабаевская¹²⁸ и I Волжская стоянки¹²⁹, в керамических комплексах еще полностью отсутствуют сосуды с «текстильной» обработкой поверхности.

Процент орнаментированных сосудов очень высок (90—96%). До 50% сосудов орнаментировано по всей верхней половине, хотя почти никогда орнамент не опускается ниже наиболее выпуклой части тулова. Чрезвычайно редки также и орнаментированные днища. Система орнаментации мало чем отличается от орнамента предшествующего периода. Также по наиболее узкой части горла располагаются в ряд круглые ямки или вытянутые клиновидные углубления (рис. 61), а узоры из резных и прорисованных линий преобладают над гребенчато-зубчатыми оттисками. Количество сосудов с рядом клинышков по горлу возрастает до 50—60% против — 33—34% (табл. Д), а число сосудов с однородными ямочными углублениями уменьшается.

Орнамент, благодаря применению большего числа элементов, становится разнообразным. По-прежнему в строго зональном орнаменте господствуют ряды горизонтальных линий, зигзагов, елочек, коротких скошенных или вертикальных отрезков (рис. 55, 103—113). Несколько возрастает процент узоров, выполненных перекрещивающимися линиями, образующими косую сетку (рис. 55, 103, 106, 115). Значительно уменьшается применение в орнаменте заштрихованных треугольников (рис. 55, 104) и ромбов. Они заменяются разреженными треугольниками, ши-

рожими зигзагами, окаймленными рядами мелких клинышков — «бахромкой» (рис. 55, 109, 112). Иногда из таких клинышков строятся узоры в виде равнобедренных треугольников, острыми опущенными вниз (рис. 55, 141). Интересны своеобразные «флажки» (рис. 55, 108), часто переходящие в широкий зигзаг с чередующимся наклоном сторон, так называемые лесенки и близкие им горизонтальные полосы, разделенные короткими вертикальными отрезками (рис. 55, 103, 114).

Но в целом орнамент керамики атабаевского этапа принципиально мало чем отличается от орнамента керамики предшествующего этапа. Не ощущается в нем и каких-либо посторонних воздействий.

На поселениях атабаевского этапа относительно немного каменных орудий, что связано с еще большей заменой их металлическими. Практически уже не встречаются крупные каменные орудия — долота, тесла, топоры и т. п. Их нет ни на II Луговской, ни на Мало-Кокузинской стоянках. На I Атабаевском поселении среди почти 200 каменных изделий найдено всего лишь два тесла (к тому же сильно сработанные) и обломок топора. Несколько больше таких орудий на II Займищенской стоянке, что следует объяснить наличием здесь остатков культурного слоя более раннего периода.

Ведущее положение среди кремневых орудий занимают скребки, ножи и наконечники стрел. Характерно также увеличение числа орудий, связанных с земледелием (мотыги, зернотерки) и обработкой металлов (молоты для дробления руды).

Среди скребков наблюдается разнообразие форм, ибо практически скребком мог быть любой отщеп со скребковидным краем, подправленным ретушью. Более характерны концевые скребки треугольной формы, вся поверхность которых обработана ретушью. Сохраняются и присущие приказанской культуре клиновидные ножи (рис. 64, 79, 1 экз. из I Атабаево; 4 экз. из II Займище) и вытянуто-треугольные наконечники стрел с усеченным основанием (рис. 55, 116, 117; по 2 экз. из стоянок I Атабаево, II Займище, М. Кокузы, Елово).

Почти на каждой стоянке, подвергнутой раскопкам, обнаружены зернотерочные плиты, растиральные камни и их обломки. Совершенно целый экземпляр растиральной плиты вместе с терочником найден в жилище Мало-Кокузинского поселения (рис. 55, 120; 62, 1). Плита изготовлена из крупного куска светлого сливного песчаника толщиной в 8—9 см. В плоскости она имеет подтрапециевидную форму длиной в 50 см и шириной в 13—25 см. Узкая часть возвышается поперечной площадкой, а широкая открывается устьем наружу. Близкие по типу плиты найдены на I Атабаевском и XVII Кузькинском поселениях (рис. 62). Терочные камни в большинстве случаев имеют правильную шарообразную или лепешкообразную форму.

Песчаные культурные слои приказанских стоянок не благоприятствовали сохранению кости, поэтому костяные изделия на поселениях немногочисленны — рукоятки орудий, шило, сверло и уникальный рыболовный крючок из Мало-Кокузинской стоянки. Он выточен из лопатки крупного животного и имеет утоншенное жало с бородкой. На противоположном конце — выступ и два отверстия для лески (рис. 55, 121). По форме он напоминает известные бронзовые крючки.

С атабаевским этапом связано значительно большее число металлических изделий и следов их производства, чем с предшествующим периодом. Почти на каждом поселении найдены металлические предметы и обломки шлаков, куски меди и т. п. На стоянках Сухая река¹⁸⁰, на острове Маркиз у Казани и Еловской на Средней Каме¹⁸¹ обнаружены каменные литейные формы (рис. 63).

Одним из характерных типов металлических орудий атабаевской поры являются медно-бронзовый черешковый нож-кинжал с двулезвийным вытянутым подтреугольным клинком, скошенно переходящим в прямоугольный черешок (рис. 55, 122, 123, 123а). Правильная их форма и наличие на некоторых из них следов литейных швов предполагает их отливку с последующей проков-

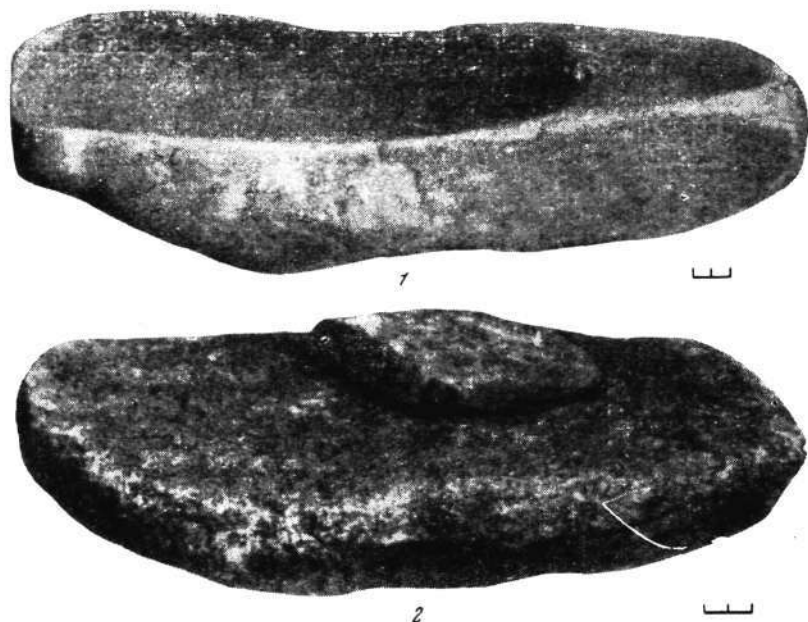

Рис. 62. Зернотерочные плиты из приказанских поселений атабаевского этапа
1 — из Мало-Кокузинской стоянки; 2 — из XVII Кузькинского поселения

кой. Об этом же свидетельствуют литейные формы такого ножа из белого туфа, найденные у с. Сухая река и на «Маркизе» (рис. 63). Описанного типа ножи обнаружены в I погребении Балымской стоянки (рис. 55, 122), на I Атабаевской (рис. 55, 123), Гулькинской¹³², Еловской¹³³, II Шалбинской (рис. 55, 123а), I Мурзихинской и II Косяковской стоянках. В виде случайных находок подобные ножи известны еще не менее чем в десяти пунктах Средней Волги и Нижней Камы, в том числе из Ананьинской дюны*, Сорочьих гор¹³⁴, Ташкермени**, Торбеева, Беловолжского, Степановки, Ковали и др.¹³⁵ Следует согласиться с

Б. Г. Тихоновым, называющим этот тип ножей приказанским и датирующим его возникновение XIII—XII вв. до н. э. Вероятно, этот тип ножа возник в результате развития сейминско-турбинских двулезвийных клинков, характерных для предшествующего времени. К ним особенно близок нож из I Мурзихинской стоянки (рис. 57, 6). В начале I тысячелетия до н. э. приказанские ножи-кинжалы несколько изменяют форму, поэтому описанный тип следует датировать в целом последней четвертью II тысячелетия до н. э.

На III Бакалдинской стоянке под Казанью в 1963 г. вместе с керамикой атабаевского типа был найден бронзовый кельт (рис. 55, 127) так называемого степного облика. Это относительно небольшое орудие с прямоугольным корпусом, широкое устье которого имеет округлое очертание; по краю оно окантовано выпуклым валиком, переходящим в боковые дуговидные ушки. На бакалдинском кельте в верхней части имеются следы стертых орнаментов в виде рядов горизонтального зигзага. Б. Г. Тихонов считает этот тип кельта характерным для прика-

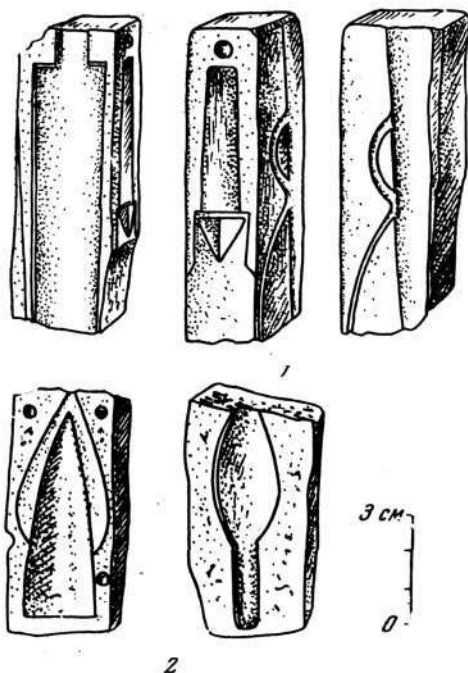

Рис. 63. Каменные литейные формы из «Маркиза» (1) и «Сухой реки» (2) в окрестностях г. Казани

* Национальный музей Финляндии, № 11400—162.

** Национальный музей Финляндии, № 5384—5346.

занской культуры и определяет время его появления концом существования сейминских кельтов. Всего в Волго-Камье учтено 16 подобных находок — из деревень Альменево, Б. Яльчики, Н. Буяново, М. Болгояры, Девлекеево, Б. Кокузы, Фролово, Черемшан, Ивановская, Болгары, Грохань, Питер-Тау, из Ананьинской дюны и бывших Цивильского и Тетюшского уездов Казанской губернии¹³⁶. В районе большинства этих находок позднее были выявлены остатки поселений с приказанской керамикой третьего и четвертого этапов — Девлеевская, Мало-Кокузинская, Гроханьское, Н. Мордовские, Степное, Ананьинское и т. п. Поэтому вполне правомерно их определение как позднеприказанских кельтов. Еще один близкий по типу кельт известен из бывш. с. Маклашеевка. Этот кельт сопровождается позднеприказанской керамикой (Национальный музей Финляндии, № 5383). Чрезвычайно важно отметить нахождение подобного кельта (рис. 55, 8) в комплексе разрушенного погребения на VII Лебединской стоянке вместе с кельтом с лобным ушком (рис. 55, 9), кинжалом (рис. 55, 7), аналогичным кинжалом из погребения у с. Солонец, датированного сабатиновским этапом срубной культуры Северного Причерноморья, т. е. XIV—XII вв. до н. э.¹³⁷ Таким образом, с территории приказанской культуры известно 19 двуушковых кельтов. Из них 15 экземпляров подобны кельту из III Бакалдинской стоянки, отличаются они друг от друга только размерами. Кельт из Бакалды и еще один кельт из бывш. Казанской губернии¹³⁸ украшены по верхнему краю простым орнаментом в виде горизонтального зигзата и косой решетки, так характерной для орнамента приказанской керамики. Все эти кельты оригинальны, и в других районах Евразии встречаются крайне редко. Единственный близкий по типу кельт найден в Саратовской области¹³⁹. Сопоставление его с позднесрубными или степными, в большом числе известными в Поднепровье, едва ли правомерно¹⁴⁰. Все степные кельты имеют выступающую над ушками втулку и овальное в сечении лезвие¹⁴¹. Один подобный кельт был обнаружен в числе находок на Малахае (в Марийском Поволжье) в комплексе с предметами, относящимися к самому концу эпохи бронзы, если не к началу раннего железа¹⁴². Лишь в Кобаковском кладе в Северном Причерноморье¹⁴³ имеются три близких типа кельтов, один из которых, кстати, несет характерный позднейсейминский орнамент в виде горизонтальной лесенки. Вполне возможно, что эти орудия попали в южные районы из Среднего Поволжья.

Приказанский тип двуушковых кельтов, очевидно, получил местное развитие на основе двуушковых кельтов сейминского типа, что подтверждается наличием промежуточных видов, как, например, кельты из Черемшана и Ивановской, на поверхности которых сохранился характерный сейминский орнамент из заштрихованных треугольников, опущенных острием вниз¹⁴⁴.

Наряду с двушковыми кельтами описанного типа у приказанского населения атабаевского этапа, несомненно, бытовали и другие формы кельтов, найденные на территории Волго-Камья.

Одношковым вариантом вышеописанного типа, по-видимому, следует считать так называемый дербеденевский тип кельта (рис. 55, 126), служивший боевым топором. Как правильно считает Б. Г. Тихонов, этот тип также возник на основе сейминских и фактически продолжает их развитие¹⁴⁵. Кроме трех кельтов из Дербеденевского клада, найденного в Акташском районе Татарской АССР в бассейне р. Кичуй (приток р. Шешмы)¹⁴⁶, к этому типу Б. Г. Тихонов¹⁴⁷ относит еще 13 кельтов-топоров, в том числе по одному из быв. Чистопольского уезда Казанской губернии, окрестностей Елабуги, с. Фролова на р. Свияге, с. Тутаева на р. Буле, с. Городище на р. Шешме, г. Уржума, два кельта с Ананьинской дюны. Все они ныне находятся в собрании В. И. Заусайлова и Государственном музее Татарской АССР. Этот список можно еще увеличить второй находкой из с. Городище на р. Шешме¹⁴⁸ и из с. Горталовки в верховьях р. Казанки¹⁴⁹. По форме и особенно характерному валику, окаймляющему край втулки орудия, эти топоры-кельты близки к двушковым. Втулка их в сечении округлая, а тулово ближе к лезвию — прямоугольное. Почти все они по верхней части орнаментированы горизонтальной полоской из зигзагов, елочки, скошенных линий и редко заштрихованных треугольников (рис. 55, 126). Любопытно полное совпадение этих узоров с орнаментальными мотивами приказанской керамики, так же как и совпадение валика по краю втулки с валиком по краю горла сосудов.

Кельты дербеденевского типа за пределами приказанской территории почти не известны, за исключением одной находки из быв. Оренбургской губернии¹⁵⁰, что дает основание считать их одним из характерных типов бронзовых орудий приказанской культуры. Это подтверждается и совпадением орнамента на кельтах и керамике. Некоторые из кельтов найдены в тех местах, где имеются приказанские поселения с керамикой атабаевского этапа — Ананьинская дюна, Тутаево, Фролово. Время дербеденевского типа кельтов, очевидно, также следует ограничить последней четвертью II тысячелетия до н. э., ибо они весьма близки к первому типу кельтов формой и сохранением пережитков орнамента.

Третий тип кельтов, бытовавший среди приказанских племен в последней четверти II тысячелетия до н. э., представлен кельтами — теслами с лобным ушком. Среди них следует выделить два подтипа: кельты с валиком по краю втулки и орнаментированной верхней частью и кельты со слабым валиком, но без орнамента. Первые, как мы уже отмечали выше, очевидно, бытовали еще в предыдущем балымско-карташихинском периоде.

Кельты второго подтипа без орнамента, но с характерным валиком по краю втулки обнаружены на территории приказанской культуры в 12 экземплярах: VII Лебединское (рис. 57, 9) и I Забойное¹⁵¹ поселения, а также случайные находки из сел Криуши, Турминское, Вурман-Касы, М. Болгояры (2 экз.) по правому берегу Волги, у г. Лаишево по правому берегу Камы и 3 экземпляра из коллекции В. И. Зайсайлова без более точного указания места находки, ограничиваясь лишь Казанской губернией. На основании комплекса из VII Лебединского поселения эти кельты следует датировать последней четвертью II тысячелетия до н. э., что в известной мере подтверждает и находка на I Забойном поселении такого же кельта вместе с ранней атабаевской керамикой (рис. 55, 110).

Промежуточное положение, очевидно, занимали кельты сосново-мазинского типа, представленные одним экземпляром из с. Деушово на р. Святе¹⁵². У этого кельта, кроме лобного ушка, имеется еще одно боковое ушко, что характерно и для кельтов из Сосново-Мазинского клада¹⁵³, датированного Н. Я. Мерпертом XII в. до н. э.¹⁵⁴

На поселениях II Луговская¹⁵⁵, Ананьинская дюна¹⁵⁶ и Степное озеро II (работы автора 1964 г.) найдены бронзовые втульчатые долота с желобчатым лезвием (рис. 55, 128; 57, 10). Из них особенно интересно долото Ананьинской дюны с валиком по краю втулки, окаймленным орнаментальной полосой из заштрихованных треугольников. Близкого типа долота с валиком известны в Дербедневском кладе¹⁵⁷ и в виде случайных находок из с. Н. Мордово¹⁵⁸ и Билярска¹⁵⁹. Хотя втульчатые бронзовые долота были широко распространены в эпоху бронзы, но их прямое подражание каменным желобчатым долотам, так характерным для волосовских и раннеприказанских памятников, вместе со специфическим валиком по краю втулки и орнаментом, близким узорам на кельтах и керамике, заставляет предполагать о местном триказанском производстве описанных типов долот. Нахождение этих орудий в поселениях атабаевского этапа, а также в Дербедневском кладе позволяет датировать их последней четвертью II тысячелетия до н. э.

Еще одно долотце с желобком, но без втулки и более миниатюрное чем описанные, было найдено в жилище Малой Кокузинской стоянки (рис. 55, 131).

В Дербедневском кладе, кроме описанных орудий, содержалось еще пять бронзовых широких слабоизогнутых серпов (рис. 55, 130), отнесенных Б. Г. Тихоновым ко второй группе серпов с крючком для скрепления с рукояткой¹⁶⁰. На территории приказанской культуры атабаевского этапа известно еще несколько находок подобных орудий, в том числе два серпа из с. Волостникова¹⁶¹, по одному из с. Омары, Грязнухи и быв. Чистопольского уезда¹⁶². Кроме того, два серпа без точного

указания места находки хранятся в Государственном музее Татарской АССР и еще один серп — в кабинете истории Института усовершенствования учителей (Казань). Всего, таким образом, из Нижнего Прикамья известно 13 однотипных орудий, датированных по Дербеденевскому кладу последней четвертью II тысячелетия до н. э. По форме они приближаются к известным серпам-секачам Сосново-Мазинского клада. За пределами Волго-Камья подобные серпы, вопреки мнению Б. Г. Тихонова, не имели широкого распространения. Его ссылка на то, что «основная масса этих серпов локализуется в современной Полтавской области»¹⁶³, едва ли правильна, так как позднебронзовые серпы Полтавщины и Северного Причерноморья имеют довольно сильный изгиб на конце¹⁶⁴, не характерный для дербеденевских. Поэтому есть основания полагать, что этот тип серпов более присущ для приказанской культуры, чем для других районов, хотя в основе возникновения его, очевидно, лежат серпы срубного облика.

Ни в одном приказанском комплексе атабаевского этапа не найдено металлических наконечников копий и дротиков, поэтому трудно предполагать, какой тип наконечников бытовал в это время. Судя по тому, что на каменной литейной форме из Сухой реки вместе с вырезом для отливки ножа атабаевского типа имеется вырез для отливки втульчатого наконечника копья¹⁶⁵, следует полагать наличие таких копий у приказанского населения. Б. Г. Тихонов считает, что характерным оружием племени приказанской культуры был прорезной наконечник копья¹⁶⁶. Действительно, как мы это увидим ниже, такие наконечники известны в памятниках позднейшего этапа приказанской культуры, например, в одном из Маклашеевских могильников¹⁶⁷. Это тип втульчатых наконечников с умеренно прорезными крыльями. Если это так, то для атабаевского периода можно предполагать распространение наконечников копий с широкими прорезями типа копий из Сабанчевского клада, датированного Н. Я. Мерпертом последней четвертью II тысячелетия до н. э.¹⁶⁸ На территории приказанской культуры известно более 20 находок таких копий, в том числе из сел Апастово, М. Булгайры, Барышево, Курбаши, Турминское, Эбалаково, Ломжа, Карамышево, Болгары, Ташкермень, Пустобаево и др.¹⁶⁹

Из мелких орудий, найденных на приказанских памятниках атабаевского этапа, необходимо отметить находку медного пробойника или чекана с костяной ручкой (рис. 55, 120) в I Балымском погребении¹⁷⁰ и нескольких четырехгранных шил (I Атабаевская и Гулькинская стоянки). На II Займищенской стоянке и в одном из погребений Луговских курганов были обнаружены рыболовные медные крючки небольших размеров.

Металлические украшения немногочисленны, но характерны. В I Балымском погребении¹⁷¹, во II Луговской стоянке¹⁷² и в

одном из погребений Луговских курганов при раскопках в 1959 г. были найдены бронзовые бляхи с небольшим ушком с тыльной стороны (рис. 55, 133). Литейная форма для отливки подобных блях обнаружена на Еловской стоянке¹⁷³.

Из погребения на Балымской стоянке происходят и две медные височные подвески с подвернутыми концами (рис. 55, 133), продолжающие развитие височных подвесок предшествующего этапа. Некоторые аналогии им имеются в среднеазиатском могильнике Кокча III, датированном XIII—XI вв. до н. э.¹⁷⁴

В том же погребении и на I Атабаевской стоянке обнаружены свернутые из медных листов бусы-пронизи и бусы-обоймочки (рис. 55, 132), широко распространенные в эпоху бронзы в андроновских¹⁷⁵, карасукских¹⁷⁶ и тазабагыябских¹⁷⁷ древностях, относящихся в основном к последней четверти II тысячелетия до н. э.

Завершая обзор меднобронзовых изделий приказанских памятников атабаевского этапа, следует еще раз подчеркнуть, что в последней четверти II тысячелетия до н. э. приказанские племена, активно использовавшие медные руды Волго-Камья, достигли больших успехов в развитии своей металлургии, свидетельством чего и является выработка ими ряда специфичных орудий труда, оружия и других изделий.

Датировка атабаевского этапа приказанской культуры, судя по времени бытования большинства металлических изделий, должна в основном определяться последними веками II тысячелетия до н. э. Это подтверждается и другими данными, в частности, значительным расширением именно в это время территории распространения приказанских племен.

Центральным районом обитания приказанских племен на атабаевском этапе остается Казанское Поволжье с прилегающим участком Нижней Камы, т. е. наиболее благоприятное в природном и стратегическом отношении место слияния Камы и Волги (рис. 60). Здесь известно более $\frac{2}{3}$ всех приказанских памятников последней четверти II тысячелетия до н. э. Вместе с тем происходит и значительное расширение приказанской территории как на восток, запад, так и на юг.

В самом конце балымско-карташихинского этапа, т. е. на рубеже третьей и четвертой четвертей II тысячелетия до н. э., приказанские племена почти полностью вытесняют из бассейна р. Свияги и с левого берега Камы срубное население. В бассейне р. Свияги возникают такие поселки, как Мало-Кокузинское (раскопки автора в 1960 г.), в материале которых, особенно в формах и орнаментации посуды, еще отчетливы традиции балымско-карташихинского периода. Такими же особенностями характеризуется и керамика наиболее южных по правому берегу р. Волги приказанских памятников — Мантовских поселений (исследования автора в 1963—1965 г.), часть из которых, как мы видели

выше, существовала еще в конце балымско-карташихинского этапа. К этому же времени относится и уход срубных племен из бассейна р. Свияги. Срубные памятники сохраняются значительно южнее от г. Ульяновска и ниже, преимущественно в бассейне р. Усы (Актуши, Усолье, II Моечное озеро, III Воскресенское и др.)¹⁷⁸. С поздними срубными племенами также, вероятно, связан и Сабанчеевский клад на р. Суре¹⁷⁹. Приказанские племена в бассейне р. Свияги, очевидно, частично ассимилировали остатки срубных племен, ибо в материальной культуре первых прослеживается активное включение и позднесрубных элементов. В этом отношении особенно интересно Козловское поселение на р. Свияге у г. Буинска, основная масса керамики которой имеет срубный облик, но с сильным воздействием приказанских черт (рис. 51).

Каму в ее нижнем течении приказанские племена, по-видимому, также перешли на рубеже последних четвертей II тысячелетия до н. э. Один из наиболее ранних памятников атабаевского этапа — Маклашеевские курганы на взвозе — располагается в устье р. Утки. Отсюда вверх по Волге и далее по Каме почти до устья р. Вятки непрерывной цепью тянутся приказанские поселения атабаевского этапа — Гулькинская, Н. Мордовская, I, III, IV Степное озеро, Измерские, Марьяновские, Кузькинские, Алексеевские и др. стоянки, большинство из которых было изучено в последние годы. Керамика большинства из них также обладает переходными чертами, от балымско-карташихинского к атабаевскому этапу. К сожалению, далее вверх по р. Каме надлуговая терраса — излюбленное место поселений эпохи бронзы — не подвергалась обследованию, поэтому трудно проследить, насколько далеко на восток по левому берегу р. Камы проникли приказанские племена. Но, судя по отдельным находкам у г. Чистополя, Билярска и Дербеденевскому и Городищенскомукладам в бассейне р. Шешмы, можно утверждать, что и в эти районы в последней четверти II тысячелетия до н. э. проникает приказанское население.

Крайним южным пунктом находок приказанской керамики атабаевского типа является поселение у с. Кайбелы в устье р. Черемшана, где еще в начале XX в. В. Н. Поливановым на селище срубной культуры у с. Кайбелы был обнаружен интересный комплекс приказанской керамики атабаевского типа (коллекции Ульяновского музея, № 648), что подтвердилось и позднейшими исследованиями¹⁸⁰. Весьма симптоматично и отсутствие позднейших срубных памятников на всем левобережье Волги от устья Камы до р. Черемшана. Лишь в самом устье р. Черемшана еще сохраняются срубные памятники, датирующиеся концом II тысячелетия до н. э. (Кайбельские поселения и длинные курганы).

Движение приказанских племен на рубеже третьей и четвертой четвертей II тысячелетия до н. э. на юг, за Каму, в районы

обитания срубных племен, очевидно, и вызвало появление у последних укрепленных поселков, примером чего может быть I Суз-канское поселение¹⁸¹.

К востоку от Волги значительная часть Прикамья в последней четверти II тысячелетия до н. э. также оказывается занятой приказанскими племенами. На р. Вятке, как показывают материалы памятников типа Ново-Бурецкой, Кумызанской¹⁸², Аркульских стоянок, нижнего слоя Аргыжского городища (коллекция ГМТР) и случайные находки в районе г. Уржума и Малмыжа, сохранялось приказанское население, проникшее туда еще в предшествующий период.

Вероятно, оно вступало в контакт с вятской группой позднего чирковско-сейминского населения, овидетельством чего является смешанный характер керамики Ново-Бурецкого поселения¹⁸³.

Сосредоточение приказанских родовых групп наблюдается и по правому берегу р. Камы от устья р. Вятки до устья р. Белой. Здесь к атабаевскому этапу относится около десятка поселений и Луговской курганный могильник. Возможно, такой же могильник существовал и на Ананьинской дюне, насыщенной находками металлических изделий этого времени.

Материальная культура данной группы, иногда называемой луговской¹⁸⁴, мало чем отличается от культуры приказанских памятников центрального района. Керамика луговских памятников имеет те же характерные формы при абсолютном преобладании горшковидных сосудов с наленным валиком по краю горла. Правда, среди них несколько больше встречается сосудов с примесью толченой раковины в тесте, а в характерном однородном ямочном или клиновидном обрамлении горла клиновидные углубления практически отсутствуют¹⁸⁵. К чертам своеобразия также следует отнести сохранение на II Луговской стоянке соединенных типов жилищ, вышедших из употребления в более западных районах еще на предыдущем этапе.

Наиболее северо-восточная группа приказанских памятников атабаевского типа открыта пермскими археологами на Средней Каме¹⁸⁶. В. П. Денисов пытается отнести эти памятники к особой, так называемой ерзовской культуре. Посмотрим, насколько это правомерно? В. П. Денисов подразделяет памятники ерзовского типа на две хронологические последовательные группы. Первая датируется им XI—IX вв. до н. э., а вторая — IX—VIII вв. до н. э.¹⁸⁷

Памятники первой группы — поселения Ерзовка (жилище 2), Старушка I, Старушка III, Еловская (жилище 8—10), Забойная (жилище 5), Заюрчим (жилище 2) — хронологически близки к приказанским памятникам атабаевского этапа и, следовательно, вполне сопоставимы между собой.

О сходстве жилых сооружений, немногочисленных металлических и каменных изделий я уже писал, поэтому, не повторяясь,

попробуем произвести сопоставление керамики одного из наиболее важных этнических признаков археологических культур эпохи неолита и бронзы. По мнению В. П. Денисова, для ерзовской керамики характерны «сосуды горшковидной формы, с сильно расширенными боками, суженным горлом и небольшим плоским дном. Прямые или отогнутые шейки с наружной стороны имеют небольшое утолщение в виде воротничка. Переход от шейки к тулову довольно резкий. Все сосуды этого типа тонкостенны (3—5 мм), их диаметр не превышает 15—25 см. К глине подмешаны шамот и растительные примеси. Цвет наружной поверхности — желтый или светло-желтый, в изломе — черный. Обработка наружной поверхности обычно выполнена путем сглаживания куском кожи или тряпки. Верхняя часть сосудов ornamentирована зубчатым или гладким штампом, различными ямочными вдавлениями, прореченными линиями и насечками. Нижняя часть не имеет орнамента. Горло, шейка и плечики сосудов украшены довольно сложными узорами, составленными из зигзагов, решетки, «флажков», параллельных линий, насечек и т. п. Узоры расположены преимущественно горизонтальными зонами»¹⁸⁸ (рис. 55, 110, 115). К этому следует добавить, что абсолютное большинство сосудов, кроме характерного бортика по краю горла, имеет также окантовку этого бортика снизу не менее характерным для приказанского орнамента рядом клиновидных¹⁸⁹ и ямочных¹⁹⁰ углублений. Как мы видим, описанные выше сосуды ничем не отличаются от приказанской керамики атабаевского этапа (см. выше). Причем, ерзовская керамика более близка по всем особенностям приказанской центральных районов, нежели к керамике луговской группы. Полное совпадение основных черт культуры ранней группы среднекамских поселений и центральной группы приказанских поселений атабаевского типа дает все основания утверждать, что первые оставлены приказанским населением, освоившим бассейн Средней Камы в последней четверти II тысячелетия до н. э., а может быть, даже на рубеже третьей и четвертой четвертей этого тысячелетия, ибо на некоторых среднекамских поселениях встречена керамика с чертами, характерными и для балымско-карташихинского этапа (см., например, Еловское, I Забойное и др. поселения)¹⁹¹.

В. П. Денисов также не отрицает близость культуры ранних среднекамских поселений к культуре таких приказанских памятников, как Ананьинская и Луговская стоянки. Но он считает, что эта близость не этно-культурная, а результат общего воздействия на луговскую и ерзовскую группы андроновских племен¹⁹². Для подтверждения этого предположения он ссылается на близость керамики указанных групп памятников к керамике зауральских позднеандоновских поселений типа III Зырянской, I Красноярской и других стоянок. Действительно, форма и некоторые элементы орнамента этой керамики проявляют сход-

ство с формой и орнаментацией ранней ерзовской керамики¹⁹³. Но вместе с тем вся эта керамика изготовлена из глины с примесью в тесте слюды и талька, а в ее орнаменте отсутствуют однорядные ямочные и клиновидные углубления. К тому же основная форма и орнаментация позднеандроновской керамики, как показывает изучение материалов поселений типа Алексеевского¹⁹⁴, совершенно иные и отличны от приказанских. Однако нельзя не заметить и того, что в жилище 5 Алексеевского поселения встречено два фрагмента керамики¹⁹⁵, которые по форме, примеси в тесте органических остатков и однородно-ямочным углублениям по горлу очень близки к приказанской керамике. Вполне возможно, что это результат андроновско-приказанских взаимоотношений, о которых мне уже пришлось писать. Поэтому не исключено и возможное воздействие приказанского населения на зауральское в последней четверти II тысячелетия до н. э., чем, вероятно, и следует объяснить наличие среди зауральской керамики фрагментов с приказанскими чертами¹⁹⁶. Памятники же так называемого ерзовского типа на Средней и Верхней Каме, несомненно, относятся к приказанской культуре, племена которой в последней четверти II тысячелетия до н. э. заняли территорию почти всего Волго-Камья.

Остается рассмотреть еще западные пределы распространения приказанских племен на атабаевском этапе. В последней четверти II тысячелетия до н. э. приказанские племена осваивают нижнее течение р. Цивилия, вытесняя отсюда разрозненные группы позднебалаховского населения. К атабаевскому этапу з нижним течением р. Цивилия можно отнести I и II Яндашевские стоянки, без всякого доказательства причисленные В. Ф. Каховским к абашевской культуре¹⁹⁷, а также обнаруженные В. Ф. Смолиным в 1921—1925 гг. поселения у деревень Ердово, Тувси и Ивановское (коллекции Чувашского краеведческого музея). Выше по р. Цивилию П. Н. Старостиним в 1966 г. были обнаружены Елховская и Дмитриевская стоянки, содержащие приказанскую керамику переходного характера от балымско-карташинского к атабаевскому этапу.

По левому берегу Волги, выше устья р. Большой и Малой Кокшаги, стоянки с приказанской керамикой атабаевского типа отмечены у деревень Сидельниково, Уржумкино¹⁹⁸ и, наконец, у Ахмылово, где раскопками 1962—1963 гг. обнаружены остатки большого поселения с жилищами и керамикой, характерной для последних этапов развития приказанской культуры. В верхнем течении Б. Кокшаги стоянка с керамикой атабаевского типа обнаружена у д. Широкундыш. Все эти памятники свидетельствуют о том, что в последней четверти II тысячелетия до н. э. приказанские племена осваивают левобережье Волги до устья р. Ветлуги и Волго-Ветлужское междуречье.

Правый берег р. Волги в районе устья р. Суры в это время был еще занят позднебалановскими племенами, которые удерживали эту территорию и в начале I тысячелетия до н. э.¹⁹⁹

Далее на запад в районе Горьковского Поволжья и Волго-Окского бассейна расселялись поздняяковские племена, так же как и приказанские, переживающие третий этап своего развития, названный малоборским. На этом этапе поздняяковская и приказанская культуры остаются еще очень близкими друг другу, особенно по керамике²⁰⁰.

Заключительный этап развития приказанской культуры, совпадающей с предананьинским периодом истории населения Волго-Камья, представлен многочисленными памятниками на обширной территории от р. Ветлуги на западе и до Средней Камы и р. Белой на востоке (рис. 64). Одним из первых в этой серии памятников был изучен Маклашеевский могильник²⁰¹, поэтому четвертый этап приказанской культуры именуется *маклашеевским*. Хронологически он в основном укладывается в пределах первой четверти I тысячелетия до н. э.

В расположении многочисленных поселений этого времени наблюдаются определенные изменения. Если большинство из них (Ахмыловское, IV Займищенское, Криушинское, Гулькинское, Курман-Тау, Ананьинское, Бакалдинское, Ерзовское и др.) продолжает занимать края надлуговых террас или даже пойменные дюны (Казанская, I Степное, II Свиногорское и др.), то некоторые из поселков переносятся на высокие, естественно укрепленные мысы коренных террас. Так расположено Богородское поселение на р. Ветлуге (раскопки В. Е. Стоянова в 1958), поселения «Казанка» I и II (рис. 55, 135), Нижне-Услонское²⁰², Наримановское, Антоновское и Сюкеевское (раскопки автора в 1960—1963 гг.) по правому берегу Волги, поселения «Курган» (раскопки П. Н. Старостина, 1964), Сорочьи Горы, I «Троицкий Урай», «Грохань» на Нижней Каме до р. Вятки, Аргыжское на р. Вятке, Куштау и Курмантау на р. Белой, Галкинское в Пермском Прикамье и др. Весьма примечательно и то, что культурные слои большинства этих поселений подстилают наслоения городищ ананьинского времени: Богородское, Антоновское, Маклашеевское, Сорочье-Горское, Троицко-Урайское, Гроханьское, Аргыжское, Галкинское и т. д.

Вполне вероятно, что некоторые из позднеприказанских поселений на высоких мысах были защищены валом и рвом. Выразительным памятником в этом отношении является поселение — городище «Казанка II», расположенное на высоком левом берегу р. Казанки, в пределах г. Казани. Оно занимает оконечность мыса высотой около 40 м. Площадка его подтреугольной формы (30×15 м), огорожена с юго-восточной стороны невысоким валом (высота до 0,5 м), окаймленным заплывшим рвом (рис. 55, 135). На распаханной поверхности площадки прослеживаются

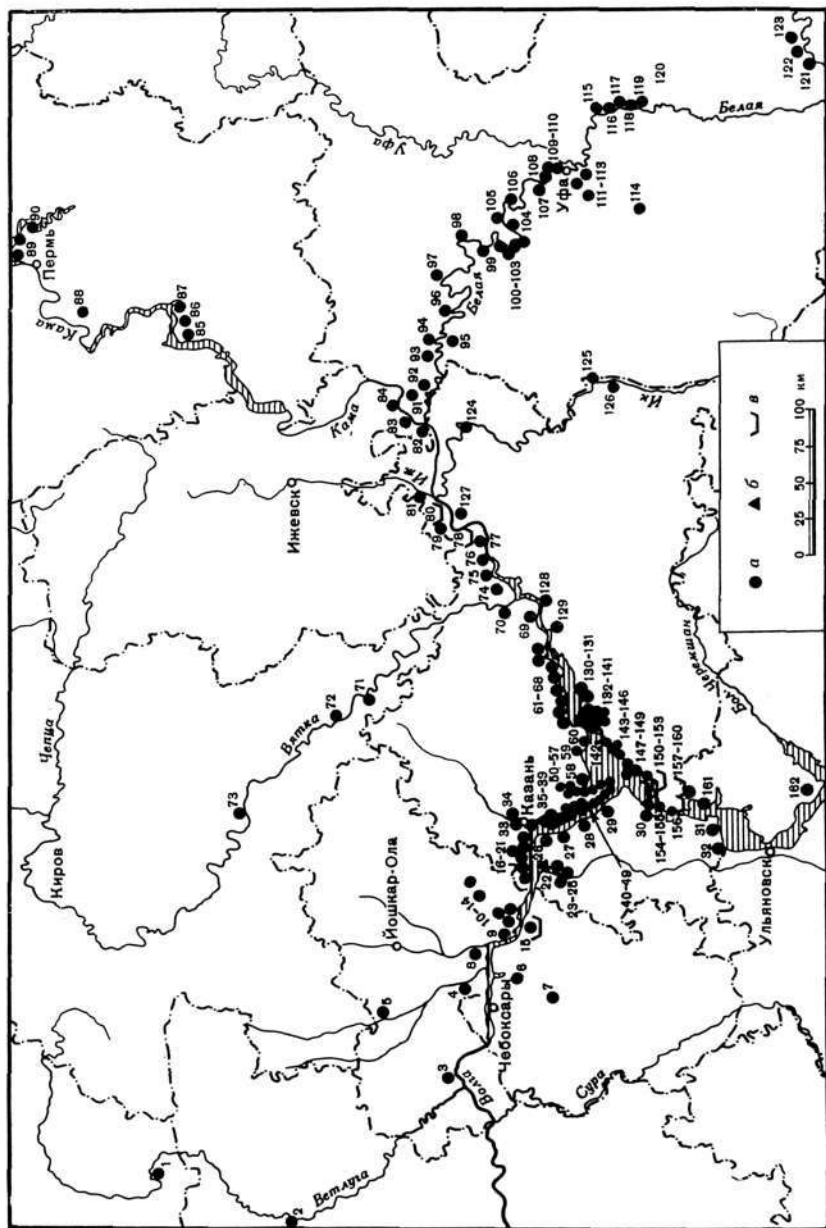

Рис. 64. Карта распространения позднеприказанских (маклашевских) памятников

а — поселения;	36 — Балыское;	80 — Кумьский;	118 — Касьяновское;
б — местонахождение;	37, 38 — III, IV Больше-Отар-ское;	81 — Иское;	119 — Кутштау;
в — могильник;	39 — I Матюшинское;	82 — Ныргиндинское;	120 — Урянкский;
1 — Павловское;	40—42 — I, III, IV Березогри-ские;	83 — Бяртандинское;	121 — Муфинакташское;
2 — Богородское;	43 — 46 — I, III, IV, VI Амбар-ские;	84 — Каракулинское;	122 — Максютовское;
3 — Адыловское;	47 — I Карташинское;	85 — Ерзовское;	123 — Акбуга;
4 — I Уржумлинское;	49 — II Кордон;	86 — III Бойцовское;	124 — Калмурзинское;
5 — Шарсуундылское;	50, 51 — V, VI Атабаевские;	87 — III Бойцовское;	125 — Калтурьинское;
6 — II Яндашевское;	52 — II Япадинское;	88 — Зауринское;	126 — Тумутурьинское;
7 — Товар-Касинское;	53 — I Макаровское;	89 — Галинское;	127 — Дубоводчинское;
8 — Кокшайское;	54, 55 — I, II Ташкарменские;	90 — Борское;	128 — Карагелеское;
9 — Чува, Отгарское;	56 — Чултан;	91 — II Саузовское;	130, 131 — I, VI Алексеевские;
10 — II Мария-Лутовское;	57 — Курмановские;	92 — I Кабановское;	132 — I Солощичское;
11 — I Мария-Лутовское;	58 — I Мансуровское;	93 — I Корьинское;	133 — IV Балахчинское;
12 — «Городище»;	59, 60 — I, III Именьковские;	94 — II Буряцкое;	134 — 140 — I, IV, XII, XVIII, XX, XXII Кузьянинские;
13 — Алексеевское;	61 — Сорочьегорское;	95 — Медведковское;	141 — IV Шалбинское;
14 — Челюзянское;	62 — I Сорочьегорское селце;	96 — Ново-Быковское;	142 — II Березогривское;
15 — Кривушинский комплекс;	63 — II Маслово-Островное;	97 — Камилевское;	143, 144 — II, IV Березогривские;
16 — Дятлашское;	64 — Р. Ошнякское;	98 — Бярское;	145 — Бозяковское;
17 — I Суяское;	65 — II Николаевское;	99 — Кармасанское;	146 — III Нижне-Марьяновское;
18 — IV Обсервагорская;	66 — II Троицко-Урайское;	100, 101 — I, II Ахметовские;	147 — «Курган»;
19, 20 — III, IV Займищенские;	67 — II Гремячское;	102 — Матвеевское;	148, 149 — I, II Семеновские;
21 — Кузюметьевское;	68 — I Вандовское;	103 — Кушнаренковское;	150 — III Ново-Мордовское;
22 — Свияжское;	69 — «Красный Исток»;	104 — Кареевское;	151—153 — I, V, VIII Ново-Мор-довские;
23 — Сострыпское;	70 — Малмыжское;	105 — Дуванайское;	154, 155 — I, II поселения у Стенного озера;
24 — I Медведковское;	71 — Ардязское;	106 — Благовещенское;	156 — III Балымерское;
25 — Исаковское;	72 — Ардязское;	107 — Сосновое;	157, 158 — I, II Полянские;
26 — Нижне-Услонское;	73 — Буфайское;	108 — Кумлекуль;	159 — III Маклашевский;
27 — Наримановское; 28 — I Ла-бынское;	74 — II Святогорское;	109 — II Романовское;	160 — Маклашевское;
29 — Ангоновское;	75 — Котловское;	110 — I Романовское;	161 — Гулькинское;
30 — Сяевское;	76 — III Танаевское;	111 — VI Нижегородское;	162 — Кайбальское
31 — Тарланская пристань;	77 — Анапское;	112 — Бемьяновое;	
32 — Бессоновская пристань;	78 — Луговские курганы;	113 — Демское;	
33 — Казинское;	79 — «Отгарка»;	114 — Девликановское;	
34 — I Казанка;		115 — Курмантау;	
35 — I Кокшанское;		116 — Михайловское;	
		117 — Курмантауское;	

два серых пятна (10×6 м), возможно, остатки землянок. Материал, собранный на площадке и по склонам, подразделяется на два комплекса: неолитический с керамикой, орнаментированной отгисками зубчатого штампа, и кремнем; позднеприказанский с типичной керамикой маклашеевского облика в том числе с «текстильной» поверхностью. В профиле обнажения по северо-восточному краю прослежено перекрывание слоя с кремнем насыпью вала. Так как на памятнике никаких других остатков неизвестно, то наиболее вероятным следует полагать, что вал и ров сооружены в позднеприказанское время. Постройка городищ в эпоху бронзы на Средней Волге — явление не новое. Первые укрепленные поселки в крае возникают еще у балановских племен — в середине II тысячелетия до н. э. (см. Васильсурское поселение)²⁰³. Известны они и у позднего срубного поселения (см. Суксанское поселение)²⁰⁴.

Площади поселков по-прежнему небольшие и не превышают 3000 кв. м. На ряде из них изучены остатки жилищ.

Так, на Ахмыловском поселении, расположенном на левом берегу Волги, недалеко от устья р. Ветлуги, в 1962—1963 гг. были вскрыты остатки двух изолированных жилищ полужемляночного типа с глубиной котлована в 40—60 см. Одно из них имело квадратную (3×3,4 м), а другое — прямоугольную (18×6 м) форму. По внешним краям последнего прослежены пятна столбовых ям.

В 1964 г. остатки двух жилищ изучены П. Н. Старостиным на поселении «Курган» на левом берегу Камы у устья р. Ахтай. Обнаруженная в наслоениях полов этих жилищ керамика относится к маклашеевскому типу, но в заполнении котлована встречена и ранняя ананьевская, свидетельствующая об использовании жилищ и в последующее время. Оба жилища, расположенные рядом друг с другом, были углублены в землю всего на 30—40 см. Очертания их прямоугольные (12×4 м и 10×4 м); с юга они обрезаны обрывом. По краям котлованов имеются продольные уступы шириной в 25—40 см, а за пределами котлованов параллельно их длинным сторонам выявлены пятна от столбовых ямок, расположенные с равными промежутками (рис. 55, 134). В первом жилище, лучше сохранившемся, по длинной оси прослежены очажные ямы диаметром в 80—90 см. Следует полагать, что это уже наземные дома с небольшим земляным котлованом. На поверхности таких однослойных стоянок, как II Свиногорская близ устья р. Вятки (раскопки автора, в 1959 г.) и I Дубовогривская на левом берегу Камы, недалеко от устья р. Их (исследования П. Н. Старостина, 1964 г.), замечены правильной формы западины (10×2 м; 6×16 м; 12×12 м) от жилищ, расположенных вдоль края террасы.

Такого же типа жилище изучено на Ерзовском поселении Среднего Прикамья²⁰⁵.

Наконец, имеются факты, свидетельствующие об использовании приказанским населением маклашеевского этапа жилищ поселений, относящихся к более раннему периоду. Так, на стоянке Займище III в первой четверти I тысячелетия до н. э. функционировало жилище 1²⁰⁶. Почти целые сосуды маклашеевского типа были обнаружены в очаге 1 жилища 2 Балымской стоянки²⁰⁷ и в яме 4 жилища 1 I Карташихинской стоянки²⁰⁸. Во всех остальных жилищах этих поселений нет такого позднего материала, поэтому необходимо считать, что указанные жилища в маклашеевском периоде существовали изолированно.

Итак, для позднейшего этапа приказанской культуры были характерны изолированные дома наземного или полуземляночного типа прямоугольной и квадратной форм со столбовыми конструкциями стен и очагами, расположенными по продольной оси жилищ.

Интересный и своеобразный погребальный обряд приказанских племен преданьянского времени раскрывается по данным более чем десятка могильников, большинство из которых было изучено в последние годы. Так как вопрос о погребальном обряде приказанских племен имеет особую важность, особенно при установлении преемственности с ананьинской культурой, я счел необходимым изложить все известные мне материалы.

В 1882 г. П. А. Пономарев у быв. с. Маклашеевки Куйбышевского района Татарской АССР раскопал два небольших кургана, вытянутых с юга на север. Под первым курганом было вскрыто четыре погребения, под вторым — пять²⁰⁹. Все погребенные лежали вытянуто на спине, головой на запад. В погребении 4 (Д) у черепа найдены два височных медных кольца в 1,5 оборота типа рис. 55, 174, а на правой стороне груди — бронзовая бляха; в погребении 9 «у лба — круглая плоская бляха в форме пуговицы; на шее был кожаный нагрудник трапециевидной формы, на котором были укреплены пять бронзовых плоских блях круглой формы»²¹⁰. В мужском погребении второго кургана найден кремневый наконечник стрелы. Кроме того, при погребенных обнаружены круглодонная чашечка и два плоскодонных горшка. В небольшой коллекции из этого могильника, сохранившейся в фондах ГМТР (№ 5354, старый № ОА — 17), имеются обломки круглодонной чашечки с невысоким цилиндрическим горлом, два костяных наконечника стрел, костяное острие и палочка. Все они имеют прямые аналогии предметам III Маклашеевского и II Полянского могильников (см. ниже), приказанская принадлежность которых не вызывает сомнения.

А. В. Збруева не без основания полагает, что раскопанные П. А. Пономаревым в 1882 г. курганы находились на территории III Маклашеевского могильника, где в 1897 г. П. А. Пономарев вторично раскопал еще один долгий курган длиной в 35 м и шириной в 8 м, имевший высоту всего около 0,2 м²¹¹. Под насытью

было вскрыто 13 могил с остатками 19 костяков. Глубина ям, расположенных в ряд, колеблется от 100 до 150 см. В могилах 1, 2, 3, 9, 11 над погребенными прослежены прослои угля, золы иногда пережженной глины. В большинстве ям было по одному погребенному; в двух — (5 и 9) по два; в трех (№ 11, 12 и 13) — по три. Все костяки лежали вытянуто на спине, головой на запад и только костяк С в могиле 13 имел противоположную ориентацию на восток. В редком случае черепа повернуты на левый (4 и 11) или правый (6) виски. Руки вытянуты, только у костяка 12 В сложены на лобок.

Часть скелетов сопровождалась погребальным инвентарем. Особенно выделяются погребения 1, 8 и 12 с относительно большим числом вещей. Для остальных характерны мелкие украшения, реже сосуды или их обломки. Могилы 3 (А), 10, 13 не содержали вещей.

В засыпи нескольких могил отмечены обломки срубных сосудов, а в могилах 1, 11, 12 у ног были поставлены глиняные круглодонные сосуды классических позднеприказанских форм с цилиндрическим горлом (рис. 65, 1). Один из них имел «текстильную» поверхность.

Из украшений найдены медные височные спиральные кольца в 1,5 оборота типа рис. 55, 174 (6 экз.— погребения 2, 6, 8), обломки очковидных подвесок типа 55, 176 (3 экз.— погребения 6, 8, 12 В), трубчатая пронизка (погребения 4), небольшие круглые слегка выпуклые бляшки с парными отверстиями по бокам типа рис. 55, 177 (погребение 8).

Обнаружено много изделий из кости: наконечник гарпуна или одношипной стрелы (рис. 55, 158), две псалии из рога типа рис. 55, 163 (погребение 9), семь шильев разной величины из метакарпальной кости (погребение, 12 В, С), одно долото (рис. 55, 168), два реза с треугольным лезвием (погребение 1) и костяное кольцо (погребение 1). Кроме того, в качестве украшений употреблялись резцы бобра (погребения 1, 12 С), бараньи или лошадиные альчики (погребение 5 В — 15 экз.; 7 — 2 экз.; 12 А — 7 экз.; 12 В — 23 экз.) и пронизки из птичьих трубчатых костей (погребение 8—15 экз.). Некоторые из альчиков просверлены, а один из них покрыт нарезкой²¹².

Из каменных орудий обнаружены три кремневых наконечника стрел с усеченным основанием листовидной формы типа рис. 55, 154, 155 (погребение 1 и 12 А), скребок с округлым лезвием (погребение 1), прямоугольная плитка из кварцевого песчаника (погребение 1) и более 40 кремневых отщепов и сколов (погребение 1, 8, 12 А, С).

Интересной находкой, к сожалению ныне утерянной, является бронзовый втульчатый наконечник копья с прорезными лопастями (погребение 1)²¹³.

В 1939 г. А. В. Збруева на III Маклашеевском могильнике

вскрыла еще одну насыпь (6). Основные погребения кургана были совершены по срубному обряду и сопровождалась обычными срубными сосудами. Но в центре насыпи на глубине 55 см обнаружено впускное погребение, мужской костяк которого лежал на спине, головой на запад, с подогнутыми в коленях ногами. Левая рука вытянута, а правая положена кистью на таз. Вещей нет²¹⁴.

В 1961—1962 гг. здесь же мной были произведены раскопки еще трех курганных насыпей (1, 2 и 10). Во всех курганах вскрыты остатки прежних раскопок (курган 6 А. В. Збруевой не был тронут), причем 2 и 10 оказались полностью раскопанными до нас. Эти раскопки могли быть произведены только П. А. Пономаревым, ибо Н. П. Лихачев и А. М. Тальгрэн копали в другом месте.

В кургане 1, имевшем форму, вытянутую с юга на север (18×12 м), вскрыты остатки 13 погребений, в том числе 9 основных — срубных и 4 впускных — позднеприказанских. Кроме того, в насыпи найдены остатки жертвенных комплексов — череп лошади и три сосуда маклашеевского типа. В курганах 2 и 10 также были обнаружены обломки позднеприказанских сосудов.

Из впускных погребений — два одиночных, одно — парное (3—4), а одно содержало остатки четырех костяков (11). Семь костяков лежали на спине вытянуто головой на запад, с небольшим отклонением к югу. Один (3) — на спине с подогнутыми ногами, ориентирован был головой на восток. Правая рука (погребение 2) и левая (погребение 3) положены на лобок, у остальных руки вытянуты; череп (погребение 2) повернут на правый висок. Во всех погребениях, кроме 11, найдены вещи, в основном украшения. Среди них необходимо отметить очковидную подвеску типа рис. 55, 176 (погребение 2), четыре круглые выпуклые бляхи с парными отверстиями (погребение 2, рис. 64, 177), круглые бляшки — обоймочки с загнутыми сзади краями (погребение 2—24 экз.; 3—4 — по 1 экз.), пронизки из трубчатых костей (погребение 2—8 экз.) и восемь бараньих альчигов (погребение 13).

Из найденных сосудов три имеют цилиндрическое горло, один — чашевидную форму и один — отогнутое раструбом горло. У двоих — «текстильная» обработка поверхности. Четыре сосуда при переходе горла к тулову имеют характерные однорядно-ямочные вдавления, а у двух горло украшено резным орнаментом из горизонтальных линий и зигзагов (рис. 64, 145, 151).

Маклашеевские (I, II, III) могильники не были единственными в окрестностях сел Полянки — Маклашеевки.

Еще в 1880 г. Н. П. Лихачев в урочище «Заказ» в с. Полянки на краю высокого берега р. Волги, к северу от окраины села, раскопал четыре кургана из серии невысоких всхолмлений, расположенных в одном направлении в виде садовых гряд²¹⁵. Во

вскрытых курганах им было выявлено не менее 19 погребений. В могилах 2, 7, 8, 10, 16 и 18 найдено по одному сосуду, в могилах 1, 5, 6 и 19 — по два. Все они — плоскодонные, как по форме, так и по орнаменту мало чем отличаются от срубной керамики первого периода (см. выше).

Вместе с тем в могилах 3, 4, 14, 17 сосудов не обнаружено, но найдены интересные меднобронзовые изделия, в том числе: пластинчатый нож с короткой прямоугольной рукояткой типа рис. 55, 168²¹⁶; четыре очковые подвески с кольцами, завернутыми внутрь типа рис. 55, 176²¹⁷; несколько височных колец в 1,5 оборота, в том числе и с остатками кожи, трапециевидная пластина с орнаментированной плоскостью, шесть пронизок, сделанных из птичьих костей, и несколько кремневых отщепов и пластин.

Весь этот выбор предметов, кроме, пожалуй, трапециевидной подвески-пластины, встречен в комплексах, поздняя приказанская принадлежность которых (Маклашеевка, V Ново-Мордово, II Полянки и др.) не вызывает сомнения. Характерное положение некоторых погребенных в вытянутом головой к реке состоянии и специфичный набор инвентаря позволяют утверждать, что в I Полянском могильнике курганные насыпи срубного времени были использованы приказанцами в начале I тысячелетия до н. э. Наиболее вероятными приказанскими погребениями являлись могилы 3, 4, 14 и 17.

В 1962 г. в 350 м к юго-востоку от с. Полянки, на краю высокой песчаной террасы р. Волги, был обнаружен еще один могильник, содержащий около 30 погребений. К сожалению, значительная часть площадки могильника разрушена обрывом берега, поэтому точное число погребенных установить невозможно. Никаких признаков курганных насыпей не прослежено, скорее всего могильник был грунтовым и не имел сверху насыпей. Могильные ямы вытянуты в ряд вдоль края берега.

7 погребений (1, 2, 6а, 10а, 13, 15 и 15а), судя по инвентарю (кельты, железные наконечники копий и пр.) и характерной ориентации костяков ногами к реке, относятся к раннеананьинскому времени (VIII—VII вв. до н. э.), остальные 23 погребения — позднеприказанские. Интересно отметить, что обе группы расположены на одной и той же территории и нередко ананьинские погребения (6а, 10а, 15 и 15а) введены в приказанские ямы или перекрывают (2) последние. Вероятно, одно и то же население в течение длительного времени хоронило своих покойников во II Полянском могильнике. Между прочим, такое же явление, но с преобладанием погребений раннеананьинского времени, наблюдалось и в I Ново-Мордовском могильнике.

Все 23 позднеприказанских захоронения совершены в вытянутых с округлыми концами ямах глубиной от 70 до 135 см. Примерно в середине глубины ям погребений 3, 10б, 11 отмечены

мощные прослойки золы, угля и пережженной глины от жертвенных костров, разложенных над погребенными. В остальных ямах наблюдались углистые вкрапления.

В центральной части могильника на глубине 25—40 см зафиксированы следы ритуальных кострищ, с разбросанными вокруг костями животных (череп лошади) и кучками фрагментов не менее чем от восьми разбитых сосудов позднеприказанского облика (рис. 55, 141, 142). В 25 ямах лежало по одному погребенному, в одной (4) — пара; в одной (27) — два взрослых и младенец. Под некоторыми из них прослежены следы подстилки из бересты.

Абсолютное большинство погребенных имеет вытянутое на спине положение, головой на юго-запад (южный ряд) и запад (северный ряд), перпендикулярно Волге (рис. 55, 137, 139). Исключение составляют захоронения 21, в которых погребенный лежал ногами к реке, 22 — головой на юг, параллельно течению реки. Погребение 11 со скорченным костяком, который лежал на левом боку и был ориентирован головой на северо-восток, следует рассматривать как более раннее, ибо сопровождавший его плоскостной сосудик по форме и орнаменту, вероятно, относится к срубной культуре. В погребениях 17 и 27 (правый взрослый костяк) ноги костяков имели слабую подогнутость. Правые руки погребенных (захоронения 12 и 23) кистями были положены на таз, у остальных же руки вытянуты. Череп, как правило, лежит лицом вверх, но в парном погребении 4 — друг к другу, в 17 повернуты на левый висок, в 23 — на правый висок.

Погребальный инвентарь немногочислен и найден далеко не во всех могилах. В изголовьях (захоронения 12 и 24) обнаружены кости животных — череп куницы (12) и лопатка овцы (24). Из металлических украшений выделяются остатки круглой бляхи и трехчастных накладок (рис. 55, 178) от головной повязки погребения 3, пять крупных слабо выпуклых блях от нагрудника погребения 3 (рис. 55, 173), аналогичного нагруднику из погребения, раскопанного П. А. Пономаревым в 1882 г. в Маклашеевском могильнике, очковидные подвески с кольцами, завернутыми внутрь (рис. 55, 176, погребения 3 и 25), височные кольца в 1,5 оборота (рис. 55, 174, 175, погребения 3, 19 и 27), серебряное височное кольцо в 2,5 оборота (погребение 12), трубчатые пронизки, свернутые из листка (погребения 15, 15а, 17).

К украшениям следует причислить шаровидные стеклянные и трубчатые костяные бусы и пронизы из полых птичьих костей (погребение 3), а также амулет из просверленного человеческого зуба (погребение 25).

Из кости изготовлены две псалии (рис. 55, 163, погребение 12) и долото (погребение 23), аналогичные находкам из раскопок П. А. Пономарева 1897 г. долгого кургана Маклашеевского могильника.

Интересен бронзовый нож с листовидным лезвием и короткой прямоугольной ручкой (рис. 55, 168, погребение 106).

Большинство сосудов могильника имеет круглое, иногда даже приостренное дно, изготовленное в выдержанной для позднейшего этапа приказанской культуры форме (рис. 55, 142). Но есть и плоскодонные сосуды (рис. 55, 141), сохраняющие пережиточно формы предшествующего времени.

Интересный комплекс позднеприказанского и раннеананьинского времени изучен на полузатопленных островах быв. с. Новое Мордово Куйбышевского района Татарской АССР. Здесь в 1961 г. были обнаружены остатки раннеананьинского могильника с каменными стелами²¹⁸. В 1963 г. на месте находок стел изучено около 30 погребений, относящихся к переходному от позднеприказанского к раннеананьинскому времени.

В 1964 г. к востоку в 150—200 м от этого могильника исследован еще один (V Ново-Мордовский), занимавший край надлуговой террасы или северо-западную окраину с. Новое Мордово. Здесь на протяжении около 50 м выявлено 19 могильных ям, расположенных в один ряд, вытянутый с запада на восток. Почва, перекрывающая могильные ямы, размыта почти на 70—80 см, поэтому трудно судить о характере внешней поверхности могильника. Но, учитывая строгое рядовое расположение могил, следует полагать, что могильник был грунтовым и не имел сверху каких-либо земляных насыпей. Все выявленные ямы были в среднем углублены на 75—100 см и имели прямоугольную форму с округленными концами.

В засыпи большинства из них отмечены углистые включения, а над погребенным 9 в яме был разложен настолько сильный костер, что почти полностью обуглился весь скелет (рис. 55, 138). У голени костяка 7 прослежены следы красной охры. В 16 ямах обнаружено по одному погребенному, в могилах 10 и 16 — по паре взрослых захоронений, а в яме 18 — остатки костяков двух взрослых и одного подростка. Все погребенные без исключения ориентированы головой на север — к Волге, лежат на спине, кроме костяков из погребения 3, положенного на левом боку, с подогнутыми ногами, и 15, слегка повернутого на правый бок. У большинства погребенных руки вытянуты вдоль туловища, но у трех (ямы: 8, 12, 13) левая кисть положена на таз, у одного (14) на тазу лежит правая кисть, а у другого (15) — обе.

Погребальный инвентарь немногочислен. В шести ямах вообще нет никаких вещей. В изголовьях трех погребенных (ямы: 1, 9, 19) лежали бараньи лопатки.

Из украшений найдены только металлические — медные, в том числе височные кольца в 1,5 оборота (рис. 55, 174, 5 экз.; погребения 2, 6, 7), очковидные подвески с завернутыми внутрь кольцами типа рис. 64, 176 (3 экз.; погребения 8, 10), односпиральное кольцо (погребение 7).

Из орудий труда обнаружены два медных четырехгранных шила, в том числе одно с деревянной рукояткой (погребения 6, 7), и медный ножик с листовидным клинком и короткой прямоугольной ручкой типа рис. 55, 166 (погребение 15). В ногах погребенных 1, 3, 6, 10 лежали осколки кремня.

Остатки еще одного позднеприказанского могильника, названного VIII Ново-Мордовским, выявлены в этом же районе в 1967 г. в размыве края надлуговой террасы. На протяжении 200 м зафиксированы полуразмытые пятна 30 могильных ям, расположенных примерно в один ряд по линии юго-запад — северо-восток. Такое рядовое расположение могил, несмотря на значительный размыв (в среднем на 50—60 см размыв верхний слой), позволяет говорить о могильнике как о грунтовом памятнике.

Все ямы имели прямоугольную форму с округленными концами и были углублены в среднем на 60—70 см. В засыпи ряда из них отмечены углистые включения. В трех ямах (1, 5, 17) располагались остатки тройных захоронений (по паре взрослых и одному подростку). В остальных — одинарные захоронения. Почти все погребенные, лежавшие, как правило, вытянуто на спине, были ориентированы головой на север-северо-запад к реке. Лишь костяк из погребения 21 лежал головой на запад, а костяк из погребения 23 — на восток. У шести погребенных (5, 6, 11, 26, 27, 29) черепа повернуты на правый висок, у двух (3, 13) — на левом, у остальных — прямо или неопределенно. Костяк подростка из могилы 5 лежал на правом боку, с подогнутыми конечностями. У большинства костяков конечности вытянуты, но в некоторых случаях или левая (погребения 22, 28, 30), или правая (погребения 17, 27) руки согнуты и кистью положена на таз.

Сопровождающий погребения инвентарь был крайне беден: 23 могилы вообще не содержали каких-либо вещей, кроме отдельных костей животных в изголовье (погребения 4, 13) и у ног (погребения 3, 13) отдельных костяков. В двух могилах (1 и 2) было положено по одному сосуду; один из них чашевидной формы с «текстильной» поверхностью (погребение 1). У правой кости погребения 14 лежал бронзовый двухлезвийный ножик типа рис. 55, 166; у левого виска костяка (погребения 21) и правого виска (28) обнаружены по медному височному кольцу в 1,5 оборота типа рис. 55, 174, на лбу погребения 1Б — медная бляха типа рис. 55, 178. У левого виска западного костяка 17 лежало медное шило с остатками костяной рукоятки, а у ног того же костяка в кучке — три кремневых скребка, два ножа, два отщепы и кусочки серы.

Следы почти полностью размытого могильника прослежены на левом берегу р. Камы, в 2,5 км к северу от дер. Березовая Грива Алексеевского района Татарской АССР. II Березовогрив-

ский могильник располагался на краю надлуговой террасы. К сожалению, Куйбышевское водохранилище почти полностью уничтожило этот могильник и в настоящее время от него сохранились лишь разбросанные на протяжении более чем 100 м человеческие кости и несколько размытых ям, расположенных в два ряда вдоль края террасы. В первом ряду, ближе к воде, погребенные лежали на спине, головой на север — к реке. Преобладали одиночные погребения, но есть и коллективные. Из вещей найдены налобная медная бляха типа рис. 55, 178, несколько медных пронизок, а также бедренная кость с воткнувшейся бронзовой двухперой стрелой.

Второй ряд содержал раннеананьинские погребения с характерным положением умерших ногами к реке.

Далее на восток в Елабужско-Челнинском течении Камы известно еще два позднеприказанских могильника — Луговские курганы и Кумысский могильник.

Луговские курганы, занимающие северную окраину II Луговской стоянки, как уже выше отмечалось, были насыпаны в период существования этой стоянки, т. е. в последней четверти II тысячелетия до н. э. Но позднее они также использовались как место для кладбища жившего здесь населения — позднеприказанского и раннеананьинского. Погребения последних являются впускными в курганные насыпи.

В кургане 1, раскопанном в 1947 г., таким погребением следует считать могилу 2, вытянутую с севера на юг и содержавшую в северо-западном конце обломки круглодонного сосуда позднеприказанского типа²¹⁹. В кургане 2 (также раскопанном в 1947 г.) два боковых погребения также были впускными и содержали по одному костяку; лежали они вытянуто на спине, головой были ориентированы в сторону Камы. У черепа первого костяка найдено серебряное в 1,5 оборота височное кольцо²²⁰. В кургане 2 (раскопанном в 1959 г.) над центральным погребением, датированным концом II тысячелетия до н. э., было найдено парное погребение взрослого и подростка; костяки лежали в вытянутом положении на спине, головой были повернуты к реке, с руками, сложенными на тазовые кости. В изголовье — круглодонный сосудик с характерной цилиндрической горловиной, украшенной рядом ямочных вдавлений. Кроме того, найден один комплекс без костяка — сосуд маклашеевского типа (рис. 55, 145) и медная бляшка, слегка выпуклая, с отверстиями по бокам типа рис. 55, 177.

В раскопе 1 (1959 г.) обнаружено еще одно погребение с костяком, лежавшим вытянуто на спине, головой на юг — к реке. Левая рука костяка положена на таз, правая кистью упирается в правое плечо. Под правой кистью — кремневый скребок.

Все описанные погребения по характерному положению головой к реке и погребальному инвентарю (сосуды, бляшка, ви-

сочное кольцо) следует отнести к позднеприказанскому (маклашеевскому) времени.

Вместе с тем имеющиеся здесь же впускные погребения кургана 1 (раскоп 1959 г.), погребение 1 кургана 2 (раскоп 1959 г.) и четыре костяка из раскопа 1947 г., лежавшие также на спине, но вытянутые ногами к реке и сопровождавшиеся бляшкой раннеананьинского типа с загнутыми краями, скорее всего следует считать раннеананьинскими захоронениями.

Кумысский могильник, расположенный на краю наддуговой террасы правого берега Камы, напротив г. Набережные Челны Татарской АССР, был открыт и частично изучен в 1959 г. В. Ф. Генингом. Всего здесь вскрыто 11 погребений, из которых 6—10 располагались на верхнем уровне культурного слоя предшествующего по времени поселения, что предполагает существование над ними какой-то невысокой насыпи. Остальные погребения были совершены в грунтовых ямах, углубленных на 60—135 см от современной поверхности.

Над погребениями 4 и 6 прослежены следы мощного кострища, по мнению исследователя, оставшегося от сгоревшего надмогильного сооружения. Костяк погребения 6 с правой стороны сильно обуглен; в остальных же отмечены отдельные углистые вкрапления. Девять погребений представляли индивидуальные захоронения. В двух ямах (3 и 11) находилось по паре костяков (двух взрослых и взрослого и подростка).

Почти все погребенные лежали на спине вытянуто, головой на юг — к реке, кроме погребения 10, где ориентация противоположная — ногами к реке. Костяки 4 и 11б лежали на левом боку со слегка подогнутыми ногами. Такая же подогнутость ног отмечена и у костяка 11а. У погребенных 2 и 3б руки кистями сложены на таз, у погребения 3а на тазу лежит правая рука, у погребения 10 — левая.

Погребальный инвентарь чрезвычайно беден и встречен лишь в четырех погребениях (3, 4, 5 и 11). В ногах костяка 3б и в изголовье погребения 4 стояли круглодонные сосуды с цилиндрическим горлом маклашеевского типа (рис. 55, 152); в погребениях 3б и 11б найдены костяные пронизи, а в погребении 5 — кремневый скребок-скобель. У изголовья костяка 3а лежала кучка створок раковины беззубки, вероятно, употреблявшейся в пищу.

К. В. Сальников считал позднеприказанским, вернее курмантауским, и Урнякский могильник на р. Белой²²¹.

Наконец, следует заметить, что разрушенный могильник позднеприказанского времени, очевидно, был на Криюшинской дюне, где при раскопках 1957 г. Н. В. Трубниковой²²² обнаружены были характерная очковидная подвеска с завернутым внутрь спиралями типа рис. 55, 176, спиральное кольцо с оттянутым концом и височное кольцо в 1,5 оборота.

Вышеизложенные материалы позволяют утверждать, что для маклашеевского этапа приказанской культуры характерен устойчивый погребальный обряд, выражающийся в изживании курганных захоронений и замене их обычными могильниками с грунтовыми ямами и почти повсеместном переходе к вытянутому труположению с ориентацией погребенных головой к реке. Изредка, как пережиточное явление, сохранялось положение погребенных на правом или левом боку и небольшая согнутость ног. Характерными становятся жертвенные заупокойные костры, в некоторых случаях разжигавшиеся в могильных ямах, что приводило к обугливанию костяка. Появляются парные и коллективные захоронения, хотя господствуют одиночные. Встречаются остатки (лопатки и бедренные кости животных) ритуальной пищи. Погребальный инвентарь невелик, но разнообразен. Обычай помещения сосудов в могилах — в головах или ногах погребенных — не получил широкого распространения. Более часто встречаются остатки сосудов с поминальной пищей над ямами.

Вместе с тем погребальный обряд маклашеевского этапа преемственен с обрядом предшествующего времени, а также с раннеананьинским, что позволяет говорить об его развитии, а не смене.

Своеобразная керамика конечного периода приказанской культуры многими своими особенностями связана как с керамикой предшествующего атабаевского этапа, так и с посудой последующей ананьинской культуры (табл. Д).

Значительные керамические комплексы, выявленные на таких поселениях, как «Курган» (раскопки П. Н. Старостина и Г. Р. Ишмуратовой, 1964), Богородское (раскопки В. Е. Стоянова, 1958 г.), Ахмыловское (раскопки автора, 1962—1963 гг.), III Кумлекуль на р. Белой (исследования В. К. Сальникова), II Бойцовское²²³ и Ерзовское²²⁴ на Средней Каме, позволяют избежать случайности в описании позднеприказанской керамики маклашеевского типа.

90% выявленных сосудов на позднеприказанских памятниках имели округлое и иногда даже приостренное дно (рис. 55, 143—153; 65), хотя сохранялось и определенное число плоскодонных сосудов (от 20 до 8%). У абсолютного большинства сосудов горло профилировано и в этом отношении они как бы продолжают традиции предшествующих горшковидных форм. От 2 до 35% сосудов имеют чашевидную форму (табл. Д), продолжающую развитие баночных сосудов. Характерно, что по мере удаления с запада на восток процент чашевидно-баночных форм резко снижается: от 21—35% на Ветлуге и в Марийском Поволжье до 15% на Нижней Каме и даже до 2—4% на Белой и Средней Каме (табл. Д).

Среди горшковидных форм преобладают сосуды с цилиндрическим горлом (рис. 55, 142—150, от 34 до 68%). За ними следу-

Рис. 65. Сосуды маклашевского этапа приказанской культуры

1, 4 — Кумысский могильник; 2, 3 — Маклашевский могильник; 5 — I Карташхинская стоянка

ют сосуды, горло которых имеет плавный переход от края к плечикам (рис. 55, 151, 11—33%). Начинают изготавливаться сосуды, у которых горло отходит раструбом вверх от тулова (рис. 55, 152, 4—20%) или же сужается вверх.

Среди чашевидных преобладают сосуды с прикрытым горлом, но есть также сосуды и с открытым устьем (рис. 55, 153).

Края горла, как правило, плоские, иногда даже срезанные. Меньше округлых, утоньшенных и оттянутых. Обычна насечка или нарезка по краю. Спорадически встречаются сосуды с характерным для керамики предшествующего этапа наложенным валиком по краю. Часто этот валик опускается на всю плоскость горла и превращается в своеобразный «воротничок» (рис. 55, 144), встречаемый в среднем на $\frac{1}{3}$ всех сосудов. Особенно много таких на бельских поселениях (стоянки «Кумлекуль» и Курман-Тау — до 70%).

Любопытно сочетание сосудов с примесью в тесте толченых раковин и сосудов с примесью шамота и дресвы без раковины. На волжских и ветлужских поселениях абсолютно преобладают сосуды с примесью шамота и дресвы в тесте (79—82%), тогда как в восточных районах большее распространение имеют сосуды с толченой раковиной в тесте (80—85% на Нижней Каме и 94% на Белой). Исключение в этом отношении составляет керамика среднекамских памятников, где соотношение сосудов с толченой раковиной и иными примесями примерно такое же, как и на Волге.

Обработка поверхности сосудов непосредственно связана с примесями в тесте. Если поверхность сосудов с ракушечной примесью в основном обрабатывалась штриховой зачисткой, то поверхность сосудов с шамотом и дресвой заглаживалась, а в западных ветлужских районах отбивалась «текстильными» отпечатками. Вопрос о сосудах с «текстильной» поверхностью для приказанской культуры имеет принципиальное значение. О. Н. Бадер, в частности, ссылаясь на наличие такой керамики в приказанских памятниках, считает возможным рассматривать приказанскую культуру как основу дяковской, а не ананьинской культуры²²⁵. О неправомерности такого вывода мне уже приходилось писать²²⁶.

Обработка «текстильными» отпечатками поверхности сосудов для приказанской керамики явление не характерное. Как мы видели выше, эта черта совершенно не свойственна керамике предшествующих этапов (табл. Д). Но на позднейшем этапе приказанской культуры, т. е. в начале I тысячелетия до н. э., сосуды с «текстильной» поверхностью распространяются с запада на восток. Более $\frac{1}{3}$ сосудов волжских (35—42%) и ветлужских (38%) поселений несут на поверхности следы «текстильной» обработки. На нижнекамских поселениях до р. Вятки процент

таких сосудов уже не превышает десяти, а на Вятке, Средней Каме и Белой их вообще нет. Как известно, «текстильная» обработка поверхности сосудов является специфической чертой позднебронзовых памятников Волго-Очья, Верхней Волги и более западных районов²²⁷. Особенно характерной она становится с рубежа II—I тысячелетий до н. э. для поздняяковской керамики²²⁸.

Очевидно, прав П. Н. Третьяков, считающий, что техника «текстильной» обработки поверхности сосудов возникла у западных групп финно-угорского населения ближе к концу II тысячелетия до н. э. и что в этом процессе немаловажное значение имел тот древний неолитический субстрат с ямочно-гребенчатой керамикой, поглощенный в свое время волго-камскими племенами при их движении на запад²²⁹.

Наличие же текстильной керамики в западных памятниках приказанской культуры, вероятно, следует рассматривать как результат взаимодействия приказанских и поздняяковских родственных между собой племен. Возможно в основном это взаимодействие протекало в виде перекрестных браков. Любопытно, что все сосуды с текстильной поверхностью в приказанских стоянках мало чем отличаются от остальных сосудов — та же форма, тот же орнамент (рис. 55, 147, 148). Вполне возможно, что поздняяковские женщины, попадавшие в приказанскую среду, по традиции продолжали обрабатывать поверхность сосудов «текстильными» отпечатками, тогда как форма и орнаментация их оставались местными.

И наоборот, в ряде поздняяковских памятников, например на стоянке дюны младшего Волосовского могильника, встречаются керамические комплексы, содержащие фрагменты круглодонных сосудов, покрытых «текстильными» отпечатками, но по горлу несущих специфический приказанский орнамент из однородноямочных вдавлений в сочетании с горизонтальными зигзагами, линиями и т. п. (коллекции ГИМ, 264—246, 266—191).

Орнаментация позднеприказанской керамики в основном продолжает традиции предшествующего атабаевского времени. Хотя на маклашеевском этапе процент орнаментированной керамики повышается на некоторых памятниках до 98%, но степень орнаментированности поверхности сосудов снижается. Так, от 65 до 92% сосудов украшались лишь по горлу, а сосуды с орнаментом по горлу и верхней половине туловища встречаются единицами.

Традиционен ряд глубоких ямочных вдавлений с выпуклинами-«жемчужинами» на обратной стороне по нижней части горла (рис. 55, 142—153). Такими ямками, обычно завершающими орнаментальную зону по горлу, украшены от 65 до 92% сосудов. Часто в этих рядах ямки располагаются попарно или по три, реже треугольниками (рис. 55, 143, 147). Характерные для атабаевской керамики ряды клиновидных углублений употребляют-

ся значительно реже (в среднем 10—15%), а ряды наружных выпуклин вообще исчезают.

В технике нанесения орнамента, кроме ямочных оттисков, преобладают резные и прочерченные линии, прослеженные в орнаменте 50—96% сосудов; за ними следуют оттиски гребенчато-зубчатого штампа (до 40%); очень редки шнуровые оттиски (до 8%).

В расположении узоров характерна выдержанная горизонтальность и подчеркивание или заключение многих из них горизонтальными линиями (рис. 55, 144, 148, 150). В орнаментальных мотивах преобладают горизонтальные линии (11—50%), зигзаги (10—35%), ряды коротких скошенных (4—74%) или вертикальных (1—15%) отрезков (табл. Д). Традиционны также ряды перекрещивающихся линий или крупной косо́й сетки (табл. Д; 5—15%). Более сложные мотивы — треугольники, ромбы, широкие зигзаги, «городки», «флажки» — несколько упрощаются. Почти полностью исчезают заштрихованные треугольники. Их заменяют треугольники из ямок или контурных линий с внутренним заполнением из насечек.

Также упрощаются горизонтальные ромбы. Распространяются простые вписанные ромбы с внутренним заполнением насечками (рис. 55, 147, 148). Вообще заполнение или окаймление такими насечками — «ресничками» орнаментальных мотивов становится характерной чертой маклашеевской керамики. Так обработаны широкие зигзаги, «городки», ромбы, треугольники, горизонтальные полосы и т. п. (рис. 55, 145—148).

В маклашеевское время кремневые орудия практически выходят из употребления. Полностью исчезают долота, тесла, топоры и другие крупные орудия, замененные металлическими. Сохраняются лишь кремневые наконечники стрел и скребки, причем и первые начинают вытесняться костяными и бронзовыми. Среди ограниченного числа кремневых наконечников, найденных как в погребениях некоторых могильников (I—II Маклашеевский), так и в поселениях (Ахмыловское, Мари-Луговское, Богородское, Ананьинское, Касьяновское и др.), выделяются два типа — листовидные узкие и листовидные с коротким усеченным основанием (рис. 55, 154, 155). Последние, обнаруженные в погребении 1 и 12 А II Маклашеевского могильника и в ряде поселений, несомненно, продолжают развитие характерного для приказанской культуры типа вытянуто-треугольного наконечника с усеченным основанием.

На Касьяновской стоянке (на р. Белой) обнаружен вытянуто-ромбический наконечник с усеченным коротким основанием²³⁰.

Известные на многих памятниках скребки имеют неопределенную форму и обычно изготовлены на некрупных отщепках.

На Ахмыловском и других позднеприказанских поселениях найдены обломки терочных плит и растиральные камни в большинстве случаев шаровидной формы. Сохраняются и крупные зернотерочные плиты, несколько находок которых вместе с позднеприказанской керамикой отмечено в низовьях Камы.

Благодаря изучению могильных комплексов мы располагаем для рассматриваемого времени значительно бóльшим числом костяных изделий, чем в предшествующее время.

В I Маклашеевском могильнике найдены два костяных наконечника стрел узкой листовидной формы длиной в 9,6—10,2 см (рис. 55, 156). По-видимому, в конце приказанской культуры возникает и столь характерный для Волго-Камья трехгранный тип наконечников стрел, незавершенный образец которого имеется в инвентаре погребения II Маклашеевского могильника (рис. 55, 157).

В погребении 5 В этого же могильника найден одношипный линзовидный в сечении наконечник (рис. 55, 158).

В качестве наконечников или шилев могли употребляться узкие вытянутые стержни округлые или утолщенные в сечении длиной от 5 до 15 см. Один из них, найденный в I Маклашеевском могильнике (коллекции ГМТР, 5354), имеет тупое основание, тогда как у остальных семи экземпляров, обнаруженных в погребении 1, 12 В, 12 С II Маклашеевского могильника, оба конца приострены (рис. 55, 159). На II Луговском, Касьяновском и других поселениях обнаружены проколки из грифельных костей лошади.

Оригинальны костяные долота (рис. 55, 160), найденные в погребении 1 II Маклашеевского и погребении 13 II Полянского могильников. Оба они, выполненные из крупных трубчатых костей, имеют узкое пришлифованное лезвие.

Также своеобразны резцы с треугольным коротким лезвием, обнаруженные в количестве двух экземпляров в погребении I II Маклашеевского могильника (рис. 55, 161). Между прочим, близкие по форме предметы известны из погребения 10 Луговского могильника раннеананьинского времени²³¹.

На Гулькинской стоянке А. В. Збруевой²³² найдено своеобразное орудие из лосиного рога (рис. 55, 162), напоминающее бронзовые долота с цапфами, датированные рубежом II—I тысячелетий до н. э. В погребении 9 II Маклашеевского и погребении 12 III Полянского могильников обнаружены по паре псалий архаического типа (рис. 55—163), датируемых началом I тысячелетия до н. э.²³³ Они изготовлены из ребер лошади и имеют по концам расширения с круглыми отверстиями, а в центре — прямоугольную прорезь. Близкие по типу псалии известны в памятниках белогрудовской культуры на Среднем Днепре, а также на Субботовском городище первой стадии чернолесской культуры²³⁴.

Загадочно назначение костяного кольца и круглой в сечении палочки, найденных вместе под черепом I погребения II Маклашеевского могильника. Интересно, что диаметр отверстия кольца равен наибольшей толщине палочки, края которой от частого скольжения отполированы. Аналогичная палочка найдена и в I Маклашеевском могильнике (коллекции ГМТР, 5354), а близкие по типу три кольца хранятся в коллекции из Сорочье-Горского городища в Национальном музее Финляндии (№ 5383—31).

В качестве пронизей шейных ожерелий широко употреблялись обломки трубчатых костей птиц, найденных в I Полянском (6 экз.), II Полянском (3 экз.), Кумыском (3 экз.), III Маклашеевском (6 экз.) и II Маклашеевском (15 экз.) могильниках, а также бараньи и лошадиные альчики, иногда имеющие просверленные отверстия (55 экз., II и III Маклашеевские могильники).

Амулетами, очевидно, следует считать подвески из зубов человека (погребение 25 II Полянского могильника), резцов бобра, клыков кабана и челюсти куницы (II Полянский, II Маклашеевский и др. могильники).

Определяющим среди орудий труда, оружия и большинства украшений становятся металлические изделия из меди и бронзы. Почти на всех раскопанных поселениях найдены бронзовые шлаки, изделия и обломки чашевидных тиглей, изготовленных из металла, а на полу жилища I III Займищенской стоянки вместе с керамикой маклашеевского типа обнаружены обломки железного предмета²³⁵. По-видимому, наряду с интенсивным развитием медно-бронзовой металлургии приказанские племена предпочитают попытки освоения и железа.

Многие позднеприказанские изделия специфичны. Хотя в погребальных комплексах и нет крупных орудий типа кельтов, наконечников копий, кинжалов и т. п., но нахождение их в поселениях или же на территории распространения приказанской культуры при условии хронологической близости к последнему этапу позволяет отнести к интересующему нас периоду значительное число предметов, происходящих преимущественно из различных сборов.

Кельты с ушками по обоим бокам, так характерные для атабаевского этапа (см. выше), в маклашеевское время, очевидно, выходят из употребления. Единственное орудие близкого типа обнаружено на Малахайском поселении раннеананьинского времени вместе с бронзовыми проушными топорами кобанского облика²³⁶.

Кельты дербеденевского типа с одним боковым ушком сохраняются и получают дальнейшее развитие. Б. Г. Тихонов выделяет их во вторую группу дербеденевского типа и считает, что они являлись топорами. В отличие от классических дербеденевских кельтов, топоры второй группы не имеют валика по краю втулки.

Боковое ушко у них прикреплено ниже края втулки и от ушка по овалному в сечении тулову идут три-четыре горизонтальных валика, от которых к низу отходят вертикальные линии, подчеркивающие шестигранность лезвийной половины тулова (рис. 55, 169). Эти кельты занимают как бы промежуточное место между дербеденевскими и последующими аозинскими²³⁷. Однако нельзя исключать и самостоятельное развитие аозинских одноушковых топоров-кельтов, аналогии к ранним формам которых имеются в позднебронзовых комплексах Скандинавии и Прибалтики (меларский тип). Таким образом, есть основания рассматривать вторую группу дербеденевских кельтов и первый тип аозинских кельтов как существовавших одновременно и, очевидно, в условиях распространения у одного и того же населения, и на одной и той же территории, выработавших общие черты.

Ко второй группе дербеденевских кельтов относятся четыре кельта, обнаруженные лишь в западных районах приказанской территории: из Криушей, быв. Чебоксарского уезда (коллекции ГМТР, 21 566) и с. Грязнухи Ульяновской области (коллекция Ульяновского музея, 6348).

Более равномерно распространены поздние кельты-тесла с лобным ушком. Б. Г. Тихонов рассматривает все эти тесла как относящиеся к одной группе. Причем в эту группу им помещаются как ранние типы с орнаментом в верхней части, так и явно более поздние кельты, без орнамента и с постепенно исчезающим ушком²³⁸. Явное типологическое несоответствие этих подгрупп заставляет рассматривать их как хронологически последовательных, но не одновременных. Целый ряд деталей кельтов второй подгруппы: овальное сечение, тяги «усы», отходящие от ушка к краям лезвия и т. п., приближают последние к раннеананьинским образцам (см. рис. 55, 171). Следовательно, вторую подгруппу кельтов с лобным ушком следует считать орудиями предананьинского времени.

Во вторую подгруппу кельтов с лобным ушком я отношу ассиметричные кельты-тесла прямоугольной формы с небольшим ушком по центру края втулки и характерными «тягами», идущими от ушка к концам лезвия. Иногда эти «тяги» начинаются не от ушка, а несколько ниже. У большинства кельтов по краю втулки имеется характерный валик (рис. 55, 205).

С территории распространения позднеприказанских памятников известно более десяти находок кельтов с лобным ушком описанной разновидности. Так, только в правобережных районах Поволжья они найдены около ряда населенных пунктов быв. Тетюшского и Чебоксарского уездов Казанской губернии — в селах Нижний Балтай, Малая Тояба, Сюкеево (рис. 55, 170), Криуши и др.

Если вся группа кельтов с лобным ушком датирована второй половиной II и началом I тысячелетий до н. э., то вторую под-

группу можно датировать X—IX вв. до н. э., но не позже, ибо ни в одном могильнике VIII и более поздних веков таких орудий уже нет²³⁹.

Вероятно роль тесел-стамесок или долот исполняли медные тесла с боковыми приливами-цапфами, близкие по форме вышеотмеченной костяной стамеске-долоту из Гулькинской стоянки. На приказанской территории такого типа медные орудия найдены лишь в двух пунктах — у г. Елабуги и в Миловском посаде у г. Уфы на р. Белой. Б. Г. Тихонов считает возможным датировать их XI—IX вв. до н. э.²⁴⁰ Подобные орудия на Северном Кавказе известны в основном в комплексах конца бронзовой эпохи²⁴¹.

Широкое распространение в позднеприказанское время получают бронзовые ножи. Среди них по-прежнему наиболее характерны двухлезвийные ножи с прямоугольной рукояткой (рис. 55, 168) и с параллельными лезвиями. По продольной оси клинка такого ножа проходит слабое ребро, ближе к рукоятке отходящее двумя отвершками к краям плечиков. Всего известно восемь таких ножей, причем большинство из них обнаружено в определенных позднеприказанских комплексах: погребение 14 I Полянского могильника²⁴², погребение 106 II Полянского и погребение 15 V Ново-Мордовского могильников (рис. 55, 168), Ананьинская дюна (коллекция Национального музея Финляндии, 1400—162), Гулькинская стоянка²⁴³. Два подобных ножа в коллекции В. И. Заусайлова указаны из с. Ковали на р. Свияге (№ 3347) и с. Епанчино в устье р. Мещи (№ 3157). Близкого типа ножи, известные в позднебронзовых культурах Северного Причерноморья (Широкий курган в Херсонской области; Оскольское поселение и др.), датируются X—IX вв. до н. э.²⁴⁴ В Волго-Камье позже IX в. до н. э. такие ножи уже, вероятно, не бытовали.

Оригинальную форму имеют два ножа. Один из них, найденный в быв. Лайшевском уезде Казанской губернии²⁴⁵, близок к позднекарасукским ножам X—IX вв. до н. э. со слабо выгнутой спинкой и полукольчатым навершием²⁴⁶. Другой нож, происходящий из дер. Нырсы на р. Меше, имеет серповидное лезвие и прямоугольную рукоятку²⁴⁷. Подобные ножи были распространены в Среднем Поднепровье в предскифское время²⁴⁸. Учитывая тот факт, что близкого типа ножи, но только железные, широко представлены в комплексах VIII—VII вв. до н. э. на Средней Волге²⁴⁹, следует отнести отмеченный бронзовый нож к предананьинскому периоду, т. е. X—IX вв. до н. э. Между прочим, этот нож происходит из комплекса с бронзовым наконечником копья (№ 3367) и ранним типом аозинского кельта (№ 3263), датированных началом I тысячелетия до н. э.

Интересную группу орудия составляют кинжалы так называемого киммерийского типа. Как правильно замечает О. А. Крив-

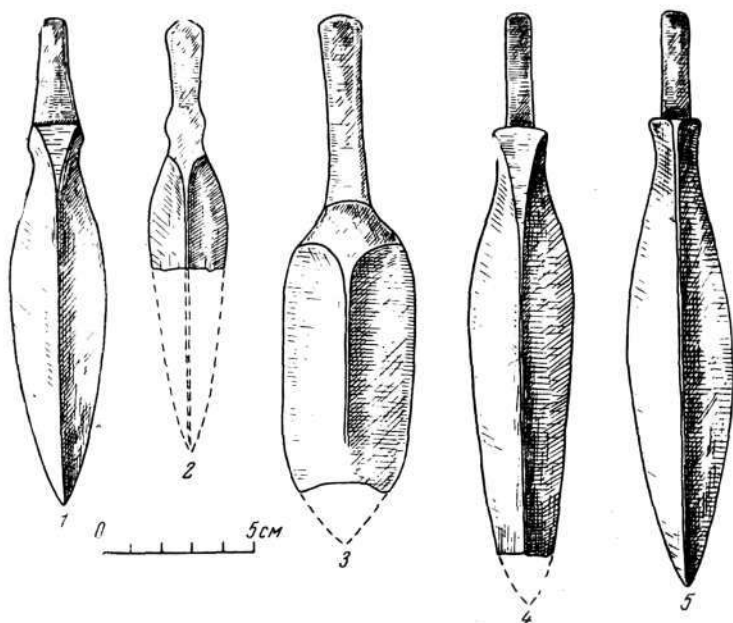

Рис. 66. Бронзовые кинжалы, найденные на территории распространения приказанской культуры

1 — Котловка; 2 — Ананьинская дюна; 3 — VII Лебединская стоянка; 4 — Малмыж; 5 — Грохань

цова-Гракова, в основе их развития лежит бронзовый нож-кинжал срубного типа с намеченным перекрестием²⁵⁰. Находки в Среднем Поволжье позволяют проследить эволюцию этого типа кинжала (рис. 66).

Наиболее раннюю группу составляют кинжалы из с. Котловка (рис. 66, 1) и быв. Казанской губернии (коллекции ГМТР). Они имеют слегка суженную рукоятку, четко намеченное ромбическое перекрестие и листовидный клинок, отделенный от перекрестия широкими выемами. От продольной оси клинка проходит ребро. О. А. Кривцова-Гракова датирует их концом хвалынского времени срубной культуры, т. е. XI—X вв. до н. э.²⁵¹ Однако их близость к ножам-кинжалам с намеченным перекрестием первого периода срубной культуры заставляет усомниться в этой датировке и полагать, что этот тип кинжала бытовал не позже третьей четверти II тысячелетия до н. э.

Из Ананьинской дюны происходит кинжал несколько более совершенной формы, чем предыдущие (коллекция Национального музея Финляндии, № 1400—161; рис. 66, 2). У этого кинжала

ромбическая форма перекрестия заменена вытянуто-овальной а продольное ребро превратилось в утолщенный выступ. Кинжал напоминает кинжалы из срубных памятников сабашиновского этапа Северного Причерноморья и Среднего Поднепровья²⁵².

Несколько более поздним временем следует датировать кинжалы из VII Лебединской стоянки (рис. 66, 3) и быв. Казанской губернии, уже потерявшие перекрестие и имеющие длинный прямоугольный черешок, переходящий в овально-вытянутое лезвие. Продольное ребро клинка отходит так же как и у предыдущих кинжалов не от черешка, а от расширенных плечиков. Близкий тип кинжала известен из комплекса погребения у с. Солонец на Херсонщине²⁵³, а также в кладе конца II тысячелетия до н. э. из с. Ильичевка на Тамани²⁵⁴. Описанные типы кинжалов в приказанской культуре, вероятно, бытовали на атабаевском этапе.

Три кинжала имеют прямоугольной формы короткий черешок, ограниченный от листовидного клинка уступчатым перекрестием подтреугольных очертаний (рис. 66, 4). Продольное ребро — выпуклое. У одного кинжала из Малмыжского музея уступ перекрестия не отделен от черенка, тогда как у остальных этот уступ подчеркнут горизонтальной площадкой. Последние обнаружены у с. Бишево на р. Свияге²⁵⁵ и Карасево в быв. Чебоксарском уезде²⁵⁶. Подобные кинжалы, литейные формы которых известны из Красноямацкого, Кардашинского и других кладов Северного Причерноморья, относятся к типу позднесрубных и датируются концом сабашиновского этапа, т. е. XII—XI вв. до н. э.²⁵⁷ Поэтому указанную форму кинжала мы можем считать также характерной для атабаевского этапа приказанской культуры. Каменная форма для отливки такого кинжала из «Маркиза» на двух других сторонах содержит матрицы ножа и наконечника копья с ушком (рис. 63, 1).

Наконец, последний тип кинжала (рис. 66, 5), образцы которого найдены на Гроханьском поселении²⁵⁸ и у с. Монастырское на Волге²⁵⁹, вероятно, был распространен на маклашевском этапе приказанской культуры. В этом нас убеждают более развитые формы этого типа по сравнению с предыдущими, а также наличие аналогичных кинжалов в памятниках белозерского этапа срубной культуры Северного Причерноморья, датированных XI—IX вв. до н. э.²⁶⁰

Наконечники копий, найденные на территории распространения приказанской культуры и хронологически совпадающие с последним этапом ее развития, все относятся к группе втульчатых, но подразделяются на три типа.

Первый, найденный в количестве девяти экземпляров, в том числе и в погребении I II Маклашевского могильника, представлен листовидной формой с прорезями средней величины в

нижней половине крыльев пера (рис. 55, 164). Прорези по внешнему краю имеют полукруглую окантовку. От более равных наконечников они отличаются суженной формой прорезей, от более поздних — отсутствием желобков, идущих вдоль втулки по внутренней стороне крыльев. Такого типа наконечники копий, известные и в других районах Восточной Европы, в частности в Среднем Поднепровье²⁶¹, относятся к самому концу бронзового века. На приказанской территории, кроме II Маклашеевского могильника, они найдены у сел. Эбалаково (С. З, № 1458), Курбаши (С. З. № 1477), Карамышево (С. З, № 3350), Апастово (С. З, № 3351, 3356), Булгояры (С. З, № 3354) в бассейне р. Свяги, с. Омары на Каме (коллекции ГМТР) и в быв. Казанской губернии (С. З, 3352).

Второй тип наконечников известен лишь из случайных находок. Это втульчатые копыя с гладкими непрорезными крыльями и полукольцевым ушком у основания втулки (рис. 55, 165). По справедливому замечанию многих исследователей этот тип замыкает собой линию развития сейминских наконечников с ушком на ромбической втулке и датируется первой четвертью I тысячелетия до н. э.²⁶² По форме они близки к наиболее ранним формам ананьинских бронзовых копий, но отличаются от них наличием ушка на втулке. С территории приказанской культуры известно до десяти находок подобных наконечников — у сел. Курбаши (С. З, № 1476), Качеево (С. З, № 2260), Татарское Бурнашево (С. З, № 3361), Чирки²⁶³ в бассейне р. Свяги, Три Озера (С. З, № 1423) и М. Грязнуха²⁶⁴ на правом берегу р. Волги, Нырсы (С. З, № 3367) и Янсувары (С. З, № 3365) на р. Меше и Марушино на р. Вятке²⁶⁵.

К третьему типу относятся втульчатые наконечники с узкими гладкими лопастями (рис. 55, 166), представленные четырьмя находками из сел. Чирки на р. Свяге (С. З, № 973), Яльчики на р. Буле (С. З, № 2258)²⁶⁶, Ташкермень в устье р. Мешы²⁶⁷ и из быв. Казанской губернии. По мнению Б. Г. Тихонова, этот тип также относится к концу эпохи бронзы и может быть датирован рубежом II—I тысячелетия до н. э.²⁶⁸

Из мелких орудий в позднеприказанское время сохраняются медные четырехгранные шилья, найденные в V и VIII Ново-Мордовских (2 экз., погребения 6, 7) могильниках, на Касьяновской²⁶⁹, Луговской и «Курганской» стоянках.

Значительно большим разнообразием, по сравнению с предшествующим периодом, отличаются украшения из меди, бронзы и редко серебра.

В позднеприказанское время, очевидно, оформляются основные черты налобных повязок, так характерных для раннеананьинского женского костюма²⁷⁰. Судя по находкам из погребения 3 II Полянского, погребения 8 II Маклашеевского и погребения 2, 3, 4, III Маклашеевского могильников, существовало

несколько разновидностей таких повязок. Так, повязка из погребения 3 II Полянского могильника в центре была украшена круглой утолщенной бляхой с ушком на задней стороне, а по концам трехчастными накладками (рис. 64, 178). Повязка из погребения 2 кургана I III Маклашеевского могильника в центре состояла из 4 полушаровидных небольших бляшек с отверстиями по краям и 12 круглых накладок-обоймочек по боковым сторонам (рис. 55, 177).

Характерны височные украшения, встреченные почти во всех позднеприказанских могильниках. Только в женских погребениях найдены медные очковидные подвески с завернутыми внутрь спиральными завершениями (рис. 55, 176). Есть основания полагать, что они продолжают развитие височных подвесок балымского типа (рис. 55, 133). Всего очковидных подвесок известно 15 экз. (I, II Полянские, II—III Маклашеевские, V Ново-Мордовский и Криушинский могильники).

Как в женских, так и в мужских погребениях встречены височные кольца, свернутые из медной и очень редко из серебряной проволоки в 1,5—2 оборота (рис. 55, 174, 175). Известно 27 таких колец из I, II Маклашеевских, I, II Полянских, V—VIII Ново-Мордовских, Березогривского, Луговского, Криушинского могильников. Эти кольца, продолжая развитие предшествующих типов, затем находят свое завершение в многовитковых спиральных подвесках раннеананьинского периода²⁷¹. Вероятно, переходной формой к последним подвескам является серебряная спираль в 2,5 оборота из погребения 12 II Полянского могильника.

Оригинальны односпиральные подвески из Криушей²⁷² и погребения 7 V Ново-Мордовского могильника.

Шейными украшениями, по-видимому, были ожерелья из стеклянных шаровидных (погребение 3 II Полянского могильника), костяных цилиндрических (погребение 3 II Полянского и погребение 11 Кумысского могильников) и медных, свернутых из прямоугольных листов (погребение 4 II Маклашеевского и погребение 17 II Полянского могильников), бус-пропизок.

В качестве нагрудных украшений употреблялись бронзовые круглые бляхи с петлей на задней стороне (рис. 55, 173), помещенные по одной в середине груди (погребение Д I Маклашеевского могильника) или прикрепленные по пять на трапециевидный кожаный нагрудник (рис. 55, 173, погребение 9 I Маклашеевского и погребение 3 II Полянского могильников).

Большинство описанных предметов датируется X—IX вв. до н. э. Характерно, что в позднеприказанских памятниках не встречено вещей VIII—VII вв. до н. э., достаточно выразительно представленных в раннеананьинских могильниках²⁷³. Поэтому есть все основания утверждать, что конечный этап приказанской культуры в основном увязан с X—IX вв. до н. э. и что с VIII в.

до н. э. уже начинается раннеананьинское время. Между прочим, в X—IX вв. до н. э. прекращается эпоха бронзы и в степных районах Восточной Европы. Так, А. И. Тереножкин полагает, «что существование срубной культуры на Дону и в Поволжье заканчивается не позднее IX в. до н. э., а с VIII в. до н. э. уже начинается предскифский период, знаменующий переход к эпохе раннего железа»²⁷⁴.

Заключительный этап приказанской культуры характеризуется максимальным распространением приказанского населения на обширной территории Волго-Камья. В начале I тысячелетия до н. э. завершается освоение приказанскими племенами всего бассейна Камы, основной части бассейнов рек Белой, Вятки и Ветлуги.

Центральным районом по-прежнему остается участок слияния Камы с Волгой. Здесь сосредоточено максимальное число памятников (карта 64). Так от устья рек Б. и М. Кокшаги на западе до устья р. Вятки на востоке известно более 130 пунктов с позднеприказанскими находками, что составляет две трети всех известных ныне позднеприказанских памятников. Здесь же, естественно, сосредоточен и максимум находок металлических изделий.

Географически в этом районе как бы выделяются две территориальные группы — памятники Казанского Поволжья с прилегающими участками по Нижней Свияге и восточной части Марийско-Чувашского Поволжья и памятники Нижней Камы до устья р. Вятки. К последней группе примыкают памятники, расположенные по левому берегу Волги, ниже устья Камы.

Для памятников второй группы характерна керамика, в которой сосуществуют сосуды с ракушечной и песчано-дресвовой примесью, причем первые абсолютно преобладают (Именьковское поселение — 85%; «Курган» — 79,7%). До 10% сосудов (на поселении «Курган» — 7,3%) имеет «текстильную» обработку поверхности. Такая посуда встречена и в могильниках (II Маклашеевском, II Полянском, VIII Ново-Мордовском). Отдельные «текстильные» фрагменты отмечены и в поселении на городище Грохань²⁷⁵.

Наиболее южным памятником приказанской культуры остается Кайбельское поселение, где в числе фрагментов атабаевского типа встречаются и маклашеевские образцы (коллекция Ульяновского музея, № 4618). Далее ниже по Волге, очевидно, еще сохранялись спорадически встречавшиеся группы позднесрубного населения.

Небольшая группа позднеприказанских памятников располагается в нижнем и среднем течении р. Вятки (Калининская и Буйская стоянки). Для керамики вятских памятников характерно отсутствие сосудов с «текстильной» обработкой поверхности и преобладание сосудов с ракушечной примесью. В относитель-

но пышных узорах чувствуется некоторое воздействие поздней чирковско-сейминской культуры²⁷⁶. Найденные около г. Уржума одноушковый кельт (Малмыжский музей, № 78) и у г. Малмыжа позднесрубный кинжал (рис. 66, 4) свидетельствуют о связях вятского населения с более южными районами, что подтверждается и многочисленными находками в нижнем слое городища Грохань²⁷⁷.

На рубеже II—I тысячелетий до н. э. происходит проникновение приказанского населения в бассейн р. Белой (рис. 64). Еще в 1928 г. М. И. Касьяновым у с. Курман-Тау в Гафурийском районе Башкирской АССР была открыта стоянка, давшая выразительный приказанский керамический материал (коллекция Башкирского музея, 298). В 1953 г. в этом же месте была обнаружена еще одна стоянка, названная Касьяновской²⁷⁸, и выявлены позднеприказанские фрагменты в нижних слоях городищ Куш-Тау и Курман-Тау²⁷⁹. Керамика Касьяновской и Дуванейской стоянок и небольшая часть фрагментов с поселения Курман-Тау производят впечатление более архаичных и обладают рядом черт (валик по краю горла, «флажковый» орнамент, наличие плоскодонных сосудов), характерных для приказанской керамики атабеевского этапа²⁸⁰. Это дает основание предполагать, что приказанские племена проникли в бассейн р. Белой еще в конце II тысячелетия до н. э.

В 1955—1958 гг. другая группа позднеприказанских памятников была обнаружена А. П. Шокуровым в Кушнареновско-Бирском течении р. Белой — это I и II Ахметовские, Кушнареновское, Матвеевское, Кармасанское*, Дуванейское и Бирское** поселения. Наконец, в 1961, 1962 гг. к северу от г. Уфы в районе сел Миловка и Романовка К. В. Сальниковым и Г. Н. Матюшиным выявлены Кумлекульская (коллекция УНИЯЛ АН СССР, 67), II и VIII Романовские стоянки. Всего только по берегам р. Белой от южной излучины до устья известно более 30 таких памятников²⁸¹.

Керамические материалы всех бельских памятников сходны между собой, поэтому достаточно надежную характеристику им дают комплексы стоянок Курман-Тау и «Кумлекуль» (табл. Д). Вся посуда этих памятников мало чем отличается от приказанской керамики центральных районов. Разве только здесь абсолютно преобладают сосуды с ракушечной примесью в тесте (94%), а в орнаментации господствуют узоры, выполненные прорезанными и резными линиями в сочетании с однорядномочными вдавлениями. Поэтому вызывает удивление попытка некоторых археологов выделить нижнебельские приказанские памятники в особую культуру курмантау. К. В. Сальников, справедли-

* Архив ИИЯЛ БФ АН СССР, оп. 8, д. 13.

** Архив ИА АН СССР, № 1724.

во отмечая сходство этих памятников с памятниками Нижнего Прикамья и подчеркивая пришлый характер населения бельских памятников, стремится назвать курмантаусскими памятниками и такие классические приказанские стоянки, как II Луговская и как Маклашевские могильники²⁸².

Все имеющиеся материалы по памятникам Башкирии позволяют утверждать, что они оставлены приказанскими племенами, проникшими в эти районы из Нижнего Прикамья не позже рубежа II — I тысячелетий до н. э.

Наиболее северо-восточную группу приказанских памятников составляют среднекамские, расположенные на Каме от г. Осы до устья р. Чусовой (рис. 64) и продолжающие развитие культуры приказанского населения, проникшего в эти районы еще в последней четверти II тысячелетия до н. э. К маклашевскому этапу в настоящее время можно отнести следующие памятники: Ерзовское поселение, стоянку Бойцово II, Заюрчимское поселение, нижний слой Галкинского городища, стоянку Бор I на р. Чусовой²⁸³ и III Бойцовскую стоянку²⁸⁴.

Керамика среднекамских стоянок, как это справедливо отмечают и сами исследователи этих памятников, близка к маклашевской²⁸⁵. Детальное сличение основных черт среднекамской керамики с материалами других позднеприказанских памятников (табл. Д) показывает, что первая более близка к керамике западных средневолжских памятников, чем к керамике бельских или нижекамских районов. Так, среди среднекамской керамики преобладают сосуды с примесью песка и шамота в тесте и заглаженной поверхностью. Довольно высок процент и плоскодоности (см. табл. Д). Возможно, эти черты объясняются более длительным сохранением на Средней Каме традиций предшествующего периода.

Некоторые исследователи²⁸⁶ склонны полагать, что в конце эпохи бронзы в Нижнее Прикамье и Приуралье проникло западно-сибирское население, заложившее основу для сложения ананьинской культуры. Естественно было бы считать, что прежде всего это население должно было осесть в восточных районах или оказать сильнейшее воздействие на развитие культуры населения этих районов. Однако и здесь мы не можем отметить каких-либо ярких следов воздействия на позднеприказанское население восточных — зауральских и сибирских — культур. Имеющаяся на Заюрчимском поселении гамаюнская керамика зауральского облика, по мнению В. П. Денисова²⁸⁷, появилась на Средней Каме не раньше VIII в. до н. э., т. е. уже в последующий за позднейшим этапом приказанской культуры период.

Вместе с тем мы, конечно, не можем исключать существование связей приказанского населения с племенами Зауралья и Южной Сибири. Об этом прежде всего свидетельствует продол-

жающаяся общность ряда металлических изделий Волго-Камья и Сибири.

Так, явно южносибирское происхождение имеют карасукские ножи с полукольцовым навершием, характерные для байновско-ильинских этапов карасук-тагарского времени²⁸⁸ и найденные в быв. Лаишевском уезде на Каме. В III Маклашеевском могильнике обнаружены полусферовидные блестящие обоймицы, также характерные для луговско-байновских этапов карасук-тагарского времени²⁸⁹. Особенностью погребального обряда в захоронении кургана 2 (раскопки 1959 г.) Луговского курганного могильника является положение каменных плиток в изголовье и ногах погребенного (см. выше). Такой обряд, как известно, специфичен для карасукского времени Сибири²⁹⁰.

В развитии характерных для позднего приказанья кельтов — тесел с лобным ушком, вероятно, немаловажное значение сыграло воздействие производственных навыков южносибирских металлургов, хотя и не исключено обратное проникновение этих кельтов из Волго-Камья в Южную Сибирь. Об этом, в частности, свидетельствует многократность находок поздних типов кельтов с лобным ушком и без орнамента в Волго-Камье (25 экз.) и единичность подобных орудий на востоке (4 экз.)²⁹¹.

Общими для позднеприказанских и позднекарасукских украшений являются височные кольца в 1,5 оборота, но если в Волго-Камье они носились по одному по обеим сторонам головы, то карасукские женщины их употребляли в связках от трех до шести²⁹².

Вероятно, волго-камское происхождение имеют найденные у г. Миаса Челябинской области и в кладе у оз. Иссык-Куль в Киргизии втульчатые копья со средними прорезями²⁹³.

Указанные приуральские и сибирские параллели характерны для культуры не какого-либо отдельного района приказанских племен, а для всей приказанской культуры в целом.

Значительно более тесными были взаимоотношения позднеприказанского населения с поздняяковскими племенами Волго-Очья и Верхнего Поволжья. Прежде чем рассмотреть эти связи, постараюсь кратко охарактеризовать особенности культуры средневолжской и ветлужской групп позднеприказанских племен.

Средневолжская группа позднеприказанских племен в начале I тысячелетия до н. э. занимала побережье р. Волги от устья р. Камы и до устья р. Ветлуги, включая бассейн нижнего и среднего течения р. Свияги (карта 64). Сюда же относится и верхний горизонт Криушинской стоянки, которую А. П. Смирнов²⁹⁴ без каких-либо доказательств считает поселением абашевской культуры.

Керамика средневожских памятников, особенно выразительно представленная на таких памятниках, как поселения Займища II (1) и Криуши (холм А), имеет некоторые специфические черты. Так, здесь довольно высок процент (82—85%) сосудов (см. табл. Д) с примесью в тесте песка, дресвы и шамота. 35—40% всех сосудов несут по внешней поверхности следы «текстильной» обработки. Остальные черты керамики — в пределах общей приказанской нормы. Самый крайний на западе приказанский памятник (Ахмыловское поселение) содержит такой же керамический комплекс, как и остальные средневожские поселения (табл. Д). Некоторой спецификой этого памятника является относительно большее число чашевидных сосудов ($\frac{1}{3}$ из общего числа) и наивысший процент (42) «текстильной» керамики.

Своеобразия, проявляющиеся в орнаментации керамики, состоят из более частого употребления рядов из клиновидных оттисков (18—35% против 4—12%, имеющих на керамике остальных районов), распространении гребенчато-зубчатых оттисков (22—35% против 2—18%) и т. п.

На р. Ветлуге выраженным позднеприказанским памятником является догородищенский слой Богородского городища, выявленный в 1958 г. В. Е. Стояновым. Судя по классификации, проведенной В. Е. Стояновым, керамика Богородского поселения мало чем отличается от средневожской (табл. Д). Здесь также преобладает круглодонная посуда и довольно высок процент (38,3%) керамики с «текстильной» обработкой поверхности. Некоторое своеобразие проявляется в относительно большем числе среди богородской керамики сосудов, горло у которых отходит раструбом от тулова (табл. Д, 21,4% против 4—18%) или имеет вогнуто-цилиндрический профиль (табл. Д, 18,2% против 4—10%). Сходные керамические типы обнаружены и на Пановской стоянке в верхнем течении р. Ветлуги (коллекция ГОМ, 4059) вместе с поздней чирковско-сейминской керамикой.

Распространение в позднеприказанских памятниках посуды с «текстильной» обработкой поверхности заставляет предполагать значительное воздействие на западные группы приказанского населения поздняяковских племен, у которых в конце эпохи бронзы вся посуда начинает изготавливаться с применением «текстильной» обработки поверхности²⁹⁵.

К сожалению, поздняяковская культура и особенно ее финальные памятники почти не подвергались изучению, поэтому очень трудно в настоящее время выделить их определяющие черты. Просмотр фондов музеев г. Горького, Дзержинска, Муром, Касимова и Рязани, где имеются интересные поздняяковские коллекции, заставляет полагать, что в конце II и начале I тысячелетия до н. э. поздняяковские племена полностью осваивают

бассейн среднего и нижнего течения р. Оки, включая и бассейн р. Мокши. Пензенская стоянка в верховьях р. Суры и стоянка «Зимняя Шишка» на р. Алатырь также содержат поздняяковскую керамику с «текстильной» поверхностью.

Следовательно, на рубеже II—I тысячелетий до н. э. и поздняяковские, и приказанские племена настолько приближаются друг к другу, что где-то в районе Ветлуги и Суры смыкаются между собой. В результате некоторые черты поздняяковской керамики проникают к приказанцам и наоборот.

Для поздняяковской керамики заключительного периода, судя по материалам таких стоянок, как Ефановская у г. Муром (коллекции Муромского музея, № 1265—1280), «Логинов хутор» у Рязани (коллекции Рязанского музея, № 65, 381, 452), характерны сосуды с округлым и плоским дном, «текстильной» поверхностью и обедненным орнаментом, в лучшем случае состоящим из нескольких рядов ямочных вдавлений и выпуклин. Узоры, выполненные прочерченными линиями и зубчатыми оттисками, как правило, отсутствуют. Форма сосудов в большинстве случаев приближается к чашевидной. На некоторых памятниках обнаружены и металлические изделия. Так, на стоянке Садовый Бор И. К. Цветковой в 1950 г. найден был кинжал типа рис. 66, 4; на Пензенской стоянке — такой же кинжал и втульчатый наконечник копья с боковым ушком; из окрестностей г. Мурома происходит второй кинжал типа рис. 66, 3 с широким листовидным клинком; наконеч, у г. Павлова в 1940-х годах был обнаружен бронзовый втульчатый наконечник копья с намеченными прорезами. Все эти предметы также характерны и для поздних приказанских памятников и вполне вероятно, что некоторые из окских орудий имеют восточное происхождение. Что же касается керамики, то и здесь мы найдем некоторые следы приказанского воздействия. Особенно интересна в этом отношении керамика из поселения на дюне Младшего Волосовского могильника (коллекции ГИМ, № 252, 264, 266 и др.). При раскопках В. А. Городцова здесь был выявлен культурный слой, прорезанный могильником VIII—VI вв. до н. э. Основная керамика слоя — фрагменты от круглодонных сосудов с «текстильной» поверхностью. Характерна их форма — цилиндрошейные сосуды, украшенные по горлу рядами ямочных вдавлений. Некоторые из них, кроме ямочных рядов, имеют орнаментацию из горизонтальных зигзагов и прочерченных линий, мало чем отличающихся от позднеприказанских узоров. Между прочим, близкого типа сосуды обнаружены и на некоторых поздняяковских поселениях Верхней Волги.

Ну, несмотря на указанные элементы сходства, объясняемые как результат тесных взаимосвязей, культура приказанских и поздняяковских племен в конце эпохи бронзы приобретает настолько ярко выраженные специфические черты, что мы можем

говорить о выделении их носителей в самостоятельные этнические группы. Формирование на их основе в эпоху раннего железа ананьинской культурной общности на востоке (в Волго-Камье) и городцеко-дяковской (на западе) — лучшее тому свидетельство²⁹⁶.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ А. Х. Халиков. Поселения эпохи бронзы в Среднем Поволжье КСИИМК, вып. 50. М., 1953; Н. Ф. Калинин, А. Х. Халиков. Поселения эпохи бронзы в Приказанском Поволжье. МИА, № 42, 1954; они же. Итоги археологических работ 1945—1952 гг. «Тр. КФАН» (серия исторических наук). Казань, 1954; А. Х. Халиков. Материалы к изучению истории населения Среднего Поволжья и Нижнего Прикамья в эпоху неолита и бронзы. «Тр. Марийской археологической экспедиции», т. I. Йошкар-Ола, 1960; А. В. Збруев а. Памятники эпохи поздней бронзы в Приказанском Поволжье и Нижнем Прикамье, МИА, № 80. М., 1961.

² А. Х. Халиков. История населения Казанского Поволжья в эпоху бронзы. Автореф. канд. дисс. М., 1955; Н. Я. Мерперт. Из древнейшей истории Среднего Поволжья. МИА, № 61, 1958, стр. 50 и сл.

³ А. Х. Халиков. Материалы к изучению истории населения Среднего Поволжья и Нижнего Прикамья в эпоху неолита и бронзы, стр. 154 и сл.

⁴ Н. Ф. Калинин, А. Х. Халиков. Поселения эпохи бронзы в Приказанском Поволжье.

⁵ Н. В. Трубникова. Отчет о работе второго отряда Чувашской археологической экспедиции за 1957 г. «Уч. зап. Чувашского НИИ», вып. XIX. Чебоксары, 1960, стр. 79, рис. 37.

⁶ А. Х. Халиков. Неолитические памятники в Казанском Поволжье. МИА, № 61, 1958, стр. 19.

⁷ Н. Ф. Калинин, А. Х. Халиков. См. примеч. 4, стр. 231 и сл.

⁸ Там же, стр. 224—230.

⁹ А. Х. Халиков. Ново-Мордовские курганы. МИА, № 130, 1966.

¹⁰ Там же.

¹¹ Н. Ф. Калинин, А. Х. Халиков. См. примеч. 4, стр. 235 и сл.; Л. Я. Крижевская, А. Х. Халиков. Каменный инвентарь поселений бронзы в Казанском Поволжье. «Тр. КФАН», вып. 2, 1959.

¹² Л. Я. Крижевская, А. Х. Халиков. Указ. соч., табл. I.

¹³ Н. Ф. Калинин, А. Х. Халиков. См. примеч. 4, стр. 236, рис. 48.

¹⁴ А. Х. Халиков. См. примеч. 9.

¹⁵ О. Н. Бадер. Древнейшие металлурги Приуралья. М., 1964, стр. 98, и сл.

¹⁶ Л. Я. Крижевская, А. Х. Халиков. См. примеч. 11, табл. VIII.

¹⁷ О. Н. Бадер. Древнейшие металлурги Приуралья, стр. 83, рис. 74, 75.

¹⁸ Л. Я. Крижевская, А. Х. Халиков. См. примеч. 11, табл. IX, 4, 5.

¹⁹ О. Н. Бадер. Древнейшие металлурги Приуралья, стр. 104, 105.

²⁰ Там же, стр. 62.

²¹ В. А. Городцов. Культуры бронзовой эпохи в Средней России. «Отчет Российского исторического музея за 1914 г.», М., 1916, стр. 150.

²² Б. Г. Тихонов. Металлические изделия эпохи бронзы на Среднем Урале и в Приуралье. МИА, № 90, 1960, стр. 62.

²³ Там же, примеч. 3.

²⁴ О. Н. Бадер. Древнейшие металлурги Приуралья, рис. 79.

²⁵ Б. Г. Тихонов. Указ. соч., стр. 74.

²⁶ О. А. Кривцова-Гракова. Степное Поволжье и Причерноморье в эпоху поздней бронзы. МИА, № 46, 1965, стр. 54.

- ²⁷ Б. Г. Тихонов. Указ. соч., стр. 74.
- ²⁸ О. Н. Бадер. Древнейшие металлургии Приуралья, рис. 80.
- ²⁹ A. M. Tallgren. Collection Zaoussailov an musee historique de Finlande á Helsingfors. I. Helsinki, 1916, p. 27.
- ³⁰ Там же, стр. 27, VII, 1.
- ³¹ Б. Г. Тихонов. Указ. соч., стр. 27, табл. IV, 8.
- ³² Н. Ф. Калинин, А. Х. Халиков. См. примеч. 4, стр. 238, 239.
- ³³ А. Х. Халиков. См. примеч. 3, стр. 158.
- ³⁴ О. Н. Бадер. Древнейшие металлургии Приуралья, стр. 148.
- ³⁵ M. Gimbutas. Bronze Age Cultures in Central and Eastern Europe. Paris — London, 1965.
- ³⁶ A. Moszolics. Ein Beitrage zur Chronologie der ungarischen Frühbronzezeit. Kommission für das Aneolithikum und die ältere Bronzezeit. Nitra, 1958.
- ³⁷ О. Н. Бадер. Древнейшие металлургии Приуралья, стр. 148.
- ³⁸ Н. Я. Мерперт. Срубная культура Южной Чувашии. МИА, № 111, 1962, стр. 21.
- ³⁹ M. Gimbutas. Указ. соч., стр. 105, 557.
- ⁴⁰ Н. Я. Мерперт. См. примеч. 38, стр. 21.
- ⁴¹ А. Х. Халиков. См. примеч. 3, стр. 154, 155.
- ⁴² А. Х. Халиков. См. примеч. 9.
- ⁴³ Н. Ф. Калинин, А. Х. Халиков. См. примеч. 4, стр. 227, 228.
- ⁴⁴ В. А. Городцов. Отчет об археологических исследованиях в долине р. Оки в 1897 г. «Древности», т. XVII. М., 1900; А. Я. Брюсов. Очерки по истории племен Европейской части СССР в неолитическую эпоху. М., 1952, стр. 66 и сл.
- ⁴⁵ А. Я. Брюсов. Указ. соч., стр. 67, 68; П. Н. Третьяков. Финно-угры, балты и славяне на Днепре и Волге. М., 1966, стр. 131.
- ⁴⁶ O. N. Bader. Kulturen der Bronzezeit in Zentralrussland. SMYA, 59: 1. Helsinki, 1957, S. 14.
- ⁴⁷ Т. Б. Попова. Происхождение поздняяковской культуры. «Тр. ГИМ», вып. 37. М., 1960, стр. 46 и сл.
- ⁴⁸ M. Gimbutas. Указ. соч., стр. 560.
- ⁴⁹ Н. Ф. Калинин, А. Х. Халиков. См. примеч. 4.
- ⁵⁰ Н. В. Трубникова. См. примеч. 5, стр. 74 и сл.
- ⁵¹ Н. Ф. Калинин, А. Х. Халиков. См. примеч. 4, стр. 171—178; 195—202; А. В. Збруева. См. примеч. 1, стр. 14.
- ⁵² А. Е. Алихова. Памятники срубной культуры Самарской Луки. МИА, № 80, 1960.
- ⁵³ А. Штукенберг, Н. Высоцкий. Материалы для изучения каменного века в Казанской губернии. «Тр. Общества естествоиспытателей Казанского государственного университета», т. XIV, вып. 5. Казань, 1885, стр. 53.
- ⁵⁴ А. Х. Халиков. Поселения эпохи бронзы в Среднем Поволжье. КСИИМК, вып. 50, 1953.
- ⁵⁵ А. Штукенберг, Н. Высоцкий. Указ. соч., табл. XV, 1, 2.
- ⁵⁶ А. В. Збруева. См. примеч. 1, стр. 13.
- ⁵⁷ О. Н. Бадер. Очерк шестилетних работ Камской археологической экспедиции. «Уч. зап. Пермского государственного университета», т. IX, вып. 3. Пермь, 1953, стр. 60; он же. Могильники турбинского типа, их возраст и связь с поселениями. «Археологический сборник Эрмитажа», вып. 6. Л., 1964, стр. 174.
- ⁵⁸ О. А. Кривцова-Гракова. См. примеч. 26, стр. 26, 27.
- ⁵⁹ Там же, стр. 28.
- ⁶⁰ Н. Ф. Калинин, А. Х. Халиков. См. примеч. 4, рис. 13, 24, 37, 46.
- ⁶¹ О. А. Кривцова-Гракова. См. примеч. 26, стр. 30.
- ⁶² Н. Ф. Калинин, А. Х. Халиков. См. примеч. 4, стр. 208 и сл.
- ⁶³ О. А. Кривцова-Гракова. Указ. соч., стр. 33.
- ⁶⁴ Л. Я. Крижевская, А. Х. Халиков. Указ. соч., табл. 1, 2.
- ⁶⁵ Там же, стр. 138.
- ⁶⁶ Там же, табл. IV, 5.

- ⁶⁷ Н. Ф. Калинин, А. Х. Халиков. См. примеч. 4, стр. 220.
- ⁶⁸ Там же, стр. 190, 191.
- ⁶⁹ Е. Н. Черных. История древнейшей металлургии Восточной Европы. МИА, № 132, 1966.
- ⁷⁰ Н. Ф. Калинин, А. Х. Халиков. См. примеч. 4, стр. 191—192.
- ⁷¹ P. Rukov. Die Chvalinsker kultur der Bronzezeit an der unteren Wolga. ESA, I. Helsinki, 1927.
- ⁷² P. Ra u. Hockergräber der Wolgasteppe. Pokrovsk, 1928, S. 60—61.
- ⁷³ Е. Е. Кузьмина. Периодизация памятников Еленовского микрорайона андроновской культуры. Памятники каменного и бронзового веков Евразии. М., 1964, стр. 137.
- ⁷⁴ J. Stone, L. Thomas. The use and distribution of faianse in the Ancient East and prehistoric Europe. Proceedings of the prehistorice Society, vol. XXII, 1956, p. 51.
- ⁷⁵ Н. Ф. Калинин, А. Х. Халиков. См. примеч. 4, стр. 210.
- ⁷⁶ О. А. Кривцова - Гракова. См. примеч. 26, стр. 54.
- ⁷⁷ Е. Е. Кузьмина. См. примеч. 73, стр. 136.
- ⁷⁸ А. А. Штукенберг. Материалы для изучения медного (бронзового) века. ИОАИЭ, т. 17, вып. 4. Казань, 1901, стр. 192, табл. 1, 12.
- ⁷⁹ Б. Г. Тихонов. См. примеч. 22, стр. 39.
- ⁸⁰ А. А. Штукенберг. Указ. соч., стр. 172, табл. II, 2.
- ⁸¹ Там же, табл. 1, 27.
- ⁸² Там же, табл. 1, 4; А. М. Tallgren. См. примеч. 29, табл. V, 2.
- ⁸³ А. А. Штукенберг. Указ. соч., табл. II, 10.
- ⁸⁴ Т. Б. Попова. Погребение поздняяковской культуры в Борисоглебском кургане. МИА, № 130, 1965.
- ⁸⁵ Н. Ф. Калинин, А. Х. Халиков. См. примеч. 4, стр. 220, 221.
- ⁸⁶ Н. Я. Мерперт. Материалы по археологии Среднего Заволжья. МИА, № 42, 1954, рис. 31, 2.
- ⁸⁷ П. П. Ефименко, П. Н. Третьяков. Абашевская культура в Поволжье. МИА, № 97, 1961, стр. 106.
- ⁸⁸ Н. Я. Мерперт. См. примеч. 38, стр. 21.
- ⁸⁹ Н. Ф. Калинин, А. Х. Халиков. См. примеч. 4, рис. 18.
- ⁹⁰ О. А. Кривцова - Гракова. См. примеч. 26, стр. 42.
- ⁹¹ Там же, стр. 7.
- ⁹² Н. Ф. Калинин, А. Х. Халиков. См. примеч. 4, рис. 37, 10.
- ⁹³ А. В. Збруева. См. примеч. 1, стр. 16, рис. 4.
- ⁹⁴ Э. А. Федорова - Давыдова. Андроновское погребение XV—XIII вв. до н. э. «Тр. ШМ», вып. 37, стр. 59.
- ⁹⁵ Е. Е. Кузьмина. См. примеч. 73, стр. 137.
- ⁹⁶ Н. В. Трубникова. См. примеч. 5, стр. 74 и сл.
- ⁹⁷ П. Н. Третьяков. См. примеч. 45, стр. 127, рис. 33.
- ⁹⁸ П. Н. Старостин. Результаты археологических разведок левобережья р. Волги от пос. Дубовской до с. Кокшамары. «Тр. Марийского НИИ», вып. XVI. Йошкар-Ола, 1961.
- ⁹⁹ А. Х. Халиков. См. примеч. 3, стр. 148.
- ¹⁰⁰ Там же, стр. 149—152.
- ¹⁰¹ А. В. Збруева. См. примеч. 1, стр. 13.
- ¹⁰² Б. А. Куфтин. Новая культура бронзовой поры в бассейне р. Оки, на озере Подборном близ г. Касимове Рязанской губернии. «Материалы к истории центральной промышленной области». М., 1927; Т. Б. Попова. См. примеч. 47.
- ¹⁰³ Т. Б. Попова. См. примеч. 47, стр. 40 и сл.
- ¹⁰⁴ А. В. Збруева. Мало-Окуловские курганы. СА, IX, 1947. Т. Б. Попова. См. примеч. 84.
- ¹⁰⁵ А. Х. Халиков. См. примеч. 3, стр. 167 и сл.
- ¹⁰⁶ П. Н. Третьяков. См. примеч. 45, стр. 129.

¹⁰⁷ Н. А. Прокошев. Памятники эпохи бронзы в устье р. Камы. КСИИМК, вып. XXV, 1949; Н. Ф. Халиков. См. примеч. 54; Н. Ф. Калинин, А. Х. Халиков. См. примеч. 4.

¹⁰⁸ Там же, стр. 230, 231.

¹⁰⁹ А. Х. Халиков. См. примеч. 3, стр. 143.

¹¹⁰ А. В. Збруева. См. примеч. 1, стр. 45 и сл.

¹¹¹ Там же, стр. 22 и сл.

¹¹² В. П. Денисов. К истории населения Среднего Прикамья в эпоху поздней бронзы. «Из древней истории Урала». Свердловск, 1960; он же. Итоги изучения памятников эпохи поздней бронзы в Прикамье. ВАУ, вып. 1. Свердловск, 1961.

¹¹³ А. В. Збруева. Памятники поздней бронзы в Прикамье. КСИИМК, вып. XXXII, 1950, стр. 70 и сл.

¹¹⁴ Н. Ф. Калинин, А. Х. Халиков. См. примеч. 4, стр. 179.

¹¹⁵ Там же, стр. 231.

¹¹⁶ А. В. Збруева. См. примеч. 1, стр. 68.

¹¹⁷ А. Х. Халиков. См. примеч. 3, стр. 143.

¹¹⁸ А. В. Збруева. См. примеч. 113.

¹¹⁹ О. Н. Бадер. Поселение Забойное I. «Отчеты Камской (Воткинской) археологической экспедиции», вып. 1. М., 1959, стр. 33, 34.

¹²⁰ А. Х. Халиков. См. примеч. 54.

¹²¹ А. В. Збруева. См. примеч. 1, стр. 47.

¹²² В. П. Денисов. Итоги изучения памятников эпохи поздней бронзы в Прикамье.

¹²³ А. Х. Халиков. См. примеч. 54; Н. Ф. Калинин, А. Х. Халиков. См. примеч. 4, стр. 206, 207.

¹²⁴ В. Ф. Генинг, В. Е. Стоянов, Т. А. Хлебникова и др. Археологические памятники у с. Рождествено. Казань, 1962, стр. 9—11, табл. III.

¹²⁵ А. В. Збруева. Маклашевские могильники. КСИИМК, вып. XXIII, 1948, стр. 23, 24.

¹²⁶ Н. Я. Мерперт. См. примеч. 2, стр. 135.

¹²⁷ А. В. Збруева. См. примеч. 1, стр. 29 и сл.

¹²⁸ Н. Ф. Калинин, А. Х. Халиков. См. примеч. 4, стр. 183. А. Х. Халиков. См. примеч. 3, стр. 143.

¹²⁹ Л. Я. Крижевская, А. Х. Халиков. См. примеч. 11, табл. IX, 5; В. П. Денисов. См. примеч. 122; А. В. Збруева. См. примеч. 1.

¹³⁰ А. М. Tallgren. См. примеч. 29, табл. VII, 7.

¹³¹ В. П. Денисов. См. примеч. 122, рис. 5, 12.

¹³² А. В. Збруева. См. примеч. 1, рис. 17, 1.

¹³³ В. П. Денисов. См. примеч. 122, рис. 15, 5.

¹³⁴ А. А. Штукенберг. См. примеч. 78, табл. III, 10.

¹³⁵ Б. Г. Тихонов. См. примеч. 22, стр. 73.

¹³⁶ Там же, стр. 50, 51.

¹³⁷ А. И. Тереножкин. Основы хронологии предскифского периода. СА, 1965, № 1, стр. 68, 69.

¹³⁸ А. М. Tallgren. См. примеч. 29, табл. XII, 1.

¹³⁹ О. А. Кривцова-Гракова. См. примеч. 26, рис. 13, 10.

¹⁴⁰ Там же, стр. 60.

¹⁴¹ Там же, рис. 32, 33—35.

¹⁴² А. Х. Халиков. Очерки по истории Марийского края в эпоху железа. «Труды Марийской археологической экспедиции», т. II. Йошкар-Ола, 1962, табл. XIX, 6.

¹⁴³ А. И. Тереножкин. Указ. соч., рис. 1, 20, 21.

¹⁴⁴ А. М. Tallgren. См. примеч. 29, табл. VII, 5, 6.

¹⁴⁵ Б. Г. Тихонов. См. примеч. 22, стр. 44.

¹⁴⁶ Н. И. Булычев. Древности из Восточной России, вып. 1. М., 1902, табл. VI, 1, 2.

¹⁴⁷ Б. Г. Тихонов. См. примеч. 22, стр. 44

- 148 А. А. Штукенберг. См. примеч. 78, табл. IV, 4.
 149 А. М. Tallgren. См. примеч. 29, табл. XI, 3.
 150 J. R. Aspelin. Antiquites du Nord Finno-ougrien. Helsingfors, 1877,
 рис. 118.
 151 О. Н. Бадер. См. примеч. 119.
 152 А. М. Tallgren. См. примеч. 29, табл. XI, 8.
 153 О. А. Кривцова-Гракова. См. примеч. 26, рис. 13, 9.
 154 Н. Я. Мерперт. О луристанских элементах в кладе из Сосновой
 Мазы. КСИА, вып. 108, 1966.
 155 А. В. Збруева. См. примеч. 1, рис. 10, 8.
 156 А. В. Збруева. История населения Прикамья в ананьинскую эпоху.
 МИА, № 30, 1952, табл. XXXV, 20.
 157 Н. И. Булычев. Указ. соч., табл. VI, 6.
 158 А. А. Штукенберг. См. примеч. 78, табл. IV, 14.
 159 А. Ф. Лихачев. Следы бронзового века в Казанской губернии. «Тр.
 VII археологического съезда», т. II, М., 1891, табл. II, 6.
 160 Б. Г. Тихонов. См. примеч. 22, стр. 69.
 161 А. Ф. Лихачев. См. примеч. 159, стр. 132.
 162 Б. Г. Тихонов. См. примеч. 22, стр. 69.
 163 Там же, стр. 69.
 164 О. А. Кривцова-Гракова. См. примеч. 26, стр. 147, 148.
 165 А. М. Tallgren. См. примеч. 29, табл. VII, 7.
 166 Б. Г. Тихонов. См. примеч. 22, стр. 36.
 167 А. В. Збруева. См. примеч. 156, стр. 30.
 168 Н. Я. Мерперт. Сабанчевский клад. МИА, № 130, 1965.
 169 Б. Г. Тихонов. См. примеч. 22, стр. 34.
 170 Н. Ф. Калинин, А. Х. Халиков. См. примеч. 4, рис. 27, 1.
 171 Там же, рис. 27, 4.
 172 А. В. Збруева. См. примеч. 1, рис. 10, 4.
 173 В. П. Денисов. См. примеч. 122, рис. 5, 17.
 174 М. А. Итина. Раскопки могильника тазагабьябской культуры Кок-
 ча III. «Материалы Хорезмской экспедиции», вып. 5, М., 1961, стр. 80, 81.
 175 О. А. Кривцова-Гракова. Алексеевское поселение и могильник.
 «Тр. ГИМ», вып. XVII, 1948, стр. 110.
 176 С. В. Киселев. Древняя история Южной Сибири. МИА, № 9, 1949,
 стр. 77.
 177 М. А. Итина. Указ. соч., стр. 82.
 178 А. Е. Алихова. См. примеч. 52.
 179 Н. Я. Мерперт. См. примеч. 168.
 180 Н. Я. Мерперт. См. примеч. 2, стр. 149, рис. 24.
 181 Там же.
 182 А. Х. Халиков. См. примеч. 3, стр. 151, 152.
 183 Там же.
 184 П. Н. Третьяков. См. примеч. 45, стр. 126.
 185 А. В. Збруева. См. примеч. 112.
 186 В. П. Денисов. См. примеч. 122.
 187 В. П. Денисов. См. примеч. 122, стр. 68 и сл.
 188 Там же, стр. 66, 67.
 189 Там же, рис. 4, 1, 2, 4; В. П. Денисов. К истории населения Средне-
 го Прикамья в эпоху поздней бронзы, рис. 2, 1, 2, 5.
 190 В. П. Денисов. См. примеч. 122, рис. 4, 3, 6.
 191 Там же, рис. 4, 5, 7; О. Н. Бадер. См. примеч. 119.
 192 В. П. Денисов. См. примеч. 122, стр. 68, 74.
 193 В. Д. Викторова. Археологические исследования по р. Реж и Нице.
 ВАУ, вып. 2, 1962, стр. 45.
 194 О. А. Кривцова-Гракова. См. примеч. 175, стр. 126 и сл.
 195 Там же, стр. 141, 142, рис. 60, 7, 8.

- ¹⁹⁶ В. Д. Викторова. Указ. соч., рис. 16, 6, 8.
- ¹⁹⁷ В. Ф. Каховский. Итоги работ IV (III) отряда Чувашской археологической экспедиции за 1958 и 1959 гг. «Уч. зап. Чувашского НИИ», вып. 25. Чебоксары, 1964, стр. 54, 55.
- ¹⁹⁸ П. Н. Старостин. См. примеч. 98.
- ¹⁹⁹ А. Х. Халиков. См. примеч. 3, стр. 141 и сл.
- ²⁰⁰ О. Н. Вахтер. См. примеч. 46; А. Х. Халиков. См. примеч. 3, стр. 177.
- ²⁰¹ А. В. Збруева. См. примеч. 125; А. В. Збруева. См. примеч. 156, стр. 29—31.
- ²⁰² А. Х. Халиков. См. примеч. 3, стр. 109.
- ²⁰³ А. Х. Халиков, Е. А. Халикова. Васильсурское поселение. МИА, № 109, 1963.
- ²⁰⁴ Н. Я. Мерперт. См. примеч. 2.
- ²⁰⁵ В. П. Денисов. См. примеч. 189, стр. 30, рис. 31.
- ²⁰⁶ Н. Ф. Калинин, А. Х. Халиков. См. примеч. 4, стр. 224, 225.
- ²⁰⁷ Там же, стр. 195.
- ²⁰⁸ Там же, стр. 170.
- ²⁰⁹ А. В. Збруева. См. примеч. 125, стр. 22.
- ²¹⁰ M. Chudjakov. Die Ausgrabungen von P. A. Popomarev in Maclaseevka im Jahre 1882. FUF, 1926, Bd. XVII, S. 27.
- ²¹¹ А. В. Збруева. См. примеч. 125, стр. 30; М. Г. Худяков. Могильник Маклашевка II. «Материалы центрального музея Татарской АССР». Казань, 1930.
- ²¹² М. Г. Худяков. Указ. соч., табл. II.
- ²¹³ А. В. Збруева. См. примеч. 156, табл. 1, 1.
- ²¹⁴ А. В. Збруева. См. примеч. 125, стр. 25 и сл.
- ²¹⁵ M. Chudjakov. См. примеч. 210, стр. 17—19.
- ²¹⁶ А. А. Штукенберг. См. примеч. 78, табл. IV, 19.
- ²¹⁷ Там же, табл. IV, 20.
- ²¹⁸ А. Х. Халиков. Стелы с изображением оружия. СА, 1963, № 3.
- ²¹⁹ А. В. Збруева. См. примеч. 1, рис. 12, 1.
- ²²⁰ Там же, стр. 30, рис. 12, 4.
- ²²¹ К. В. Сальников. Очерки древней истории Южного Урала. М., 1967, стр. 382—383.
- ²²² Н. В. Трубникова. См. примеч. 5, стр. 73, рис. 30 г, д.
- ²²³ О. Н. Бадер. Поселения у Бойцова и вопросы периодизации среднекамской бронзы. «Отчет Камской (Воткинской) археологической экспедиции», вып. 2.
- ²²⁴ В. П. Денисов. См. примеч. 122.
- ²²⁵ О. Н. Бадер. Древнее Поветлужье в связи с вопросом этногенеза мари. СЭ, № 2, стр. 24, 25; О. Н. Бадер, В. А. Оборин. На заре истории Прикамья. Пермь, 1958, стр. 92—95.
- ²²⁶ А. Х. Халиков. См. примеч. 3, стр. 164, 165.
- ²²⁷ П. Н. Третьяков. См. примеч. 45, стр. 134 и сл.
- ²²⁸ О. Н. Вахтер. См. примеч. 46, стр. 34, 35.
- ²²⁹ П. Н. Третьяков. См. примеч. 45, стр. 141.
- ²³⁰ А. В. Збруева. Стоянка имени М. И. Касьянова. «Башкирский археологический сборник». Уфа, 1959, табл. 1, 2, 3.
- ²³¹ А. В. Збруева. См. примеч. 1, рис. 31.
- ²³² Там же, рис. 17, 9.
- ²³³ К. Ф. Смирнов. О древних всадниках поволжско-уральских степей. СА, 1961, № 1, стр. 65—70.
- ²³⁴ А. Н. Тереножкин. Предскифский период на днепровском правобережье. Киев, 1961, рис. 62.
- ²³⁵ Н. Ф. Калинин, А. Х. Халиков. См. примеч. 4, стр. 225.
- ²³⁶ А. Х. Халиков. См. примеч. 142, табл. XIX, 6.

- 237 Там же, стр. 36 и сл.
- 238 Б. Г. Тихонов. См. примеч. 22, стр. 46.
- 239 А. Х. Халиков. См. примеч. 142.
- 240 Б. Г. Тихонов. См. примеч. 22, стр. 66, 67.
- 241 Е. И. Крупнов. Древняя история Северного Кавказа. М., 1960, стр. 197—198.
- 242 А. А. Штукенберг. См. примеч. 78, табл. IV, 19.
- 243 А. В. Збруева. См. примеч. 1, рис. 17, 3.
- 244 В. А. Ильинская. Бондарихинская культура бронзового века. СА, 1961, № 1, стр. 37.
- 245 А. М. Tallgren. См. примеч. 29, рис. 38.
- 246 М. Д. Хлобыстина. Бронзовые ножи Минусинского края и некоторые вопросы развития карасукской культуры. Л., 1962.
- 247 А. М. Tallgren. См. примеч. 29, табл. V, 11.
- 248 А. И. Тереножкин. Среднее Поднепровье в начале железного века. СА, 1957, № 3, стр. 65, рис. 3, 12.
- 249 А. Х. Халиков. См. примеч. 142, табл. VII, 2.
- 250 О. А. Кривцова-Гракова. См. примеч. 26, стр. 140.
- 251 Там же, стр. 54.
- 252 А. И. Тереножкин. См. примеч. 248, стр. 50, рис. 2, 9.
- 253 А. И. Тереножкин. См. примеч. 137, стр. 69.
- 254 Н. И. Сокольский. Находки эпохи бронзы на Таманском полуострове. «Археологические открытия 1965 г.», М., 1966.
- 255 А. М. Tallgren. См. примеч. 29, табл. VI, 2.
- 256 А. А. Штукенберг. См. примеч. 78, табл. IV, 18.
- 257 О. А. Кривцова-Гракова. См. примеч. 26, стр. 135, 136; А. И. Тереножкин. См. примеч. 137, стр. 69, рис. 2.
- 258 А. В. Збруева. Городище Грохань. КСИИМК, вып. 16, 1947, рис. 19, 4.
- 259 А. М. Tallgren. См. примеч. 29, стр. 26.
- 260 А. И. Тереножкин. См. примеч. 137, стр. 76.
- 261 А. И. Тереножкин. См. примеч. 234, стр. 138, 139; О. И. Кривцова-Гракова. См. примеч. 26, стр. 146.
- 262 Б. Г. Тихонов. См. примеч. 22, стр. 29, 30.
- 263 А. А. Штукенберг. См. примеч. 78, табл. III, 4.
- 264 Там же, табл. 1, 6, 7.
- 265 Там же, стр. 192.
- 266 А. М. Tallgren. См. примеч. 29, табл. VII, 8.
- 267 А. А. Штукенберг. См. примеч. 78, табл. II, 10.
- 268 Б. Г. Тихонов. См. примеч. 22, стр. 30.
- 269 А. В. Збруева. См. примеч. 230.
- 270 А. Х. Халиков. См. примеч. 142, стр. 53, 54.
- 271 Там же, стр. 56.
- 272 Н. В. Трубникова. См. примеч. 5, рис. 30.
- 273 А. Х. Халиков. См. примеч. 142.
- 274 А. И. Тереножкин. См. примеч. 137, стр. 72.
- 275 А. В. Збруева. См. примеч. 258, стр. 53.
- 276 А. Х. Халиков. См. примеч. 3, стр. 149—151.
- 277 А. В. Збруева. См. примеч. 258.
- 278 А. В. Збруева. См. примеч. 230.
- 279 Г. В. Юсупов. Древнейшие поселения Гафурийского района БАССР. «Башкирский археологический сборник». Уфа, 1959.
- 280 А. В. Збруева. См. примеч. 230, рис. 6, 7.
- 281 К. В. Сальников. Указ. соч., рис. 56, стр. 376 и сл.
- 282 Там же, стр. 383 и сл.
- 283 В. П. Денисов. См. примеч. 122, стр. 69.
- 284 О. Н. Бадер. См. примеч. 223, стр. 157—168.
- 285 В. П. Денисов. См. примеч. 122, стр. 71.
- 286 П. Н. Третьяков. См. примеч. 45, стр. 142.

- ²⁸⁷ В. П. Денисов. См. примеч. 122, стр. 69, 70.
- ²⁸⁸ Н. Л. Членова. Памятники переходного карасук-тагарского времени в Минусинской котловине. СА, 1963, № 3, табл. I.
- ²⁸⁹ Там же, табл. I.
- ²⁹⁰ Там же, табл. II.
- ²⁹¹ Б. Г. Тихонов. См. примеч. 22, стр. 49.
- ²⁹² Н. А. Членова. Основные вопросы происхождения тагарской культуры Южной Сибири. «Вопросы истории Сибири и Дальнего Востока». Новосибирск, 1961, рис. 58.
- ²⁹³ Б. Г. Тихонов. См. примеч. 22, табл. VIII, 3; XVII, 2.
- ²⁹⁴ А. П. Смирнов. Железный век Чувашия Поволжья. МИА, № 95, 1961, стр. 53.
- ²⁹⁵ O. Bahder. См. примеч. 46, стр. 34, 35.
- ²⁹⁶ П. Н. Третьяков. См. примеч. 45.

Часть третья

ХОЗЯЙСТВО
И ОБЩЕСТВЕННЫЕ
ОТНОШЕНИЯ НАСЕЛЕНИЯ
СРЕДНЕГО ПОВОЛЖЬЯ
В ЭПОХУ КАМНЯ
И РАННЕГО МЕТАЛЛА

ХОЗЯЙСТВО И ОБЩЕСТВЕННЫЕ ОТНОШЕНИЯ НАСЕЛЕНИЯ

Первые люди, появившиеся на берегах древней Волги еще в ашельское время раннего палеолита, объединенные в небольшие группы типа первобытного стада, занимались сбором растительной пищи и охотой на диких зверей¹. Собираательство, являвшееся, по мнению ряда исследователей, древнейшей отраслью хозяйства, играло в эпоху каменного века в отдельных областях вплоть до возникновения земледелия и скотоводства «не меньшую роль, чем охота»². Однако в условиях Поволжья оно могло иметь существенное значение только в летне-осенние периоды года, тогда как охота, а позже и рыболовство являлись не сезонными, а постоянными круглогодичными занятиями. По-видимому, значение собираательства по мере развития охоты и рыболовства все более и более падало.

Охота и возникшее где-то на грани палеолита и мезолита рыболовство, подобно собираательству, представляли собой форму присваивающего, а не производящего хозяйства. У нас пока нет оснований предполагать появление в Среднем Поволжье производящих отраслей хозяйства, даже в зачаточной форме, раньше эпохи металла.

В периоды мезолита и неолита формы охоты значительно усложняются. Население этого времени сосредоточивается в основном по низким берегам крупных рек и около водоемов. Кроме того, осваиваются побережья мелких притоков, хотя эти места не были пригодны для ранних форм загонной охоты, когда использовались естественные крутые обрывы и овраги. В этот период еще не сооружались искусственные ловушки³. Однако по низким берегам рек, особенно около мест водопоя жи-

вотных, с успехом могли использоваться другие коллективные способы охоты типа известных по этнографическим наблюдениям «загородей», «покоюг» и т. п.⁴ Обязательным условием этого способа охоты являлась необходимость сооружения загородей из деревьев, для рубки которых требовались топоровидные орудия. А последние, как уже неоднократно отмечалось выше, были у позднемезолитических охотников.

Наряду с описанным видом охоты могли использоваться и иные способы: ямы-ловушки, индивидуальная и длительная погоня, когда молодые животные преследовались до полного изнеможения. Интересные отголоски этого способа охоты сохранились в космогонических представлениях мари, которые рассматривают созвездие Большой Медведицы, называемой «Гордо-Шодыру» (лось-звезда) в качестве лося с четырьмя детенышами и охотниками.

«Последние осуждены вечно кружиться по небу за то, что они умертвили первых, т. е. лося с маткой, чего им не следовало бы делать»⁵.

В эпоху мезолита оформляется в особый промысел — другая отрасль коллективного хозяйства первобытного общества — рыболовство⁶. Исключительно благоприятные природные условия края стимулировали довольно ранний переход населения к рыболовству.

Наиболее архаичные способы рыбной ловли первоначально мало чем отличались от охотничьих приемов. По мнению А. П. Окладникова, «первоначально рыбная ловля, несомненно, представляла лишь разновидность охоты на мелких животных и производилась такими же простыми способами, без каких-либо особых технических приспособлений и специальных инструментов»⁷. Такими могли быть способы ловли рыбы голыми руками, а также оригинальный способ добычи рыбы оглушением ее подо льдом. Этот способ практиковался до недавнего времени у ряда народов Волго-Камья — мари, коми и др. — следующим образом. Рыбу глушили осенью и в начале зимы, когда река покрывалась тонким покровом чистого льда. Рыбак, увидев рыбу, идущую подо льдом, ударял деревянной колотушкой по льду и вытаскивал оглушенную рыбу через продолбленную пешней прорубь. Между прочим, пешневидные орудия, обнаруженные на ранней мезолитической стоянке Постников Овраг II, могли с успехом служить для этих целей. Не менее древним способом также индивидуального характера было лучение рыбы гарпуном. Гарпуны, появившиеся у населения Волго-Камья еще в конце палеолита, почти все имеют уплощенные сечения (рис. 5, 1, 3, 5), что заставляет предполагать их употребление больше для рыбной ловли, чем для охоты.

По-видимому, довольно рано, по крайней мере еще в эпоху мезолита, зарождаются коллективные способы рыбной ловли с

применением различных сооружений типа водных «загородей», «горотыбы» или «закола», а позже и сетей. Вероятно, вначале возникает первый способ, требующий, в основном, лишь сооружения на неширокой речке или протоке загороди из деревьев или лап елей. У мари, коми и других финно-угорских народов Поволжья были широко распространены подобные примитивные способы коллективной ловли рыбы без применения сетей, употреблявшиеся, начиная с ранней весны до поздней осени и даже в зимнее время. Остановимся на описании некоторых из них. Один из способов рассчитан на ловлю в феврале-марте: «Осенью, когда земля еще талая, рыбаки вырывают от озера в глубь берега несколько канав длиной 50—100 м, а шириной и глубиной в 0,5 м. В феврале-марте рыба начинает задыхаться в озере и устремляется в канавы, где собирается свежая вода, проникшая из болотистой почвы. Когда в канаве наберется много рыбы, рыбаки закрывают выход в озеро льдом и снегом и вычерпывают рыбу»⁸. Особенно интенсивной была рыбная ловля в весенние паводки и в период спада внешних вод. Еще осенью в низких местах по лугам и оврагам, заливаемых весенними водами, ставили заграждения из плетня или березового хвороста и хвойных веток. Такие же заграждения устраивались у маришцев в устье небольших рек. Весной при разливе рыба поднималась в затопленные места и застревала в заграждениях. Интересные остатки древней ловушки из поставленных вплотную друг к другу вертикальных столбов, образующих почти замкнутый круг, были обнаружены И. С. Поляковым в 1878 г. у позднебалахнинской Плехановской стоянки на р. Оке. Сравнивая подобную ловушку с известными по этнографическим образцам ловушками типа «котцов», В. В. Федоров считает ее одним из древнейших рыболовных снарядов примитивной конструкции⁹.

Все эти способы ловли требовали расселения рыбаков неподалеку от рыбных угодий, а также прочной оседлости. Этим, вероятно, и следует объяснять то обстоятельство, что все поселения каменного века, начиная с середины мезолитического времени, располагаются в непосредственной близости от небольших водоемов. Эту черту, подмеченную в свое время Н. П. Третьяковым для неолитических стоянок Волго-Окского бассейна¹⁰, следует считать характерной и для поселений эпохи мезолита и неолита Волго-Камья.

В конце мезолита и в начале неолита в ряде районов Европы появляются более совершенные рыболовные снасти типа сетей и начинается изготовление лодок-долбленок.

Позднемезолитические и неолитические памятники Волго-Камья также содержат некоторые предметы, свидетельствующие о применении сетей. Так, на I Русско-Луговской стоянке были найдены лежавшие вместе в ямке 10 больших грузил из круп-

ных кусков известняка¹¹. Отдельные грузила известны и на других стоянках, в том числе на Кабы-Копрынской и Хуторской. Следовательно, в позднем мезолите и неолите население Волго-Камья переходит к сетевой рыбной ловле. Причем, наряду с использованием сетей в качестве составных частей различных загородей наблюдается и самостоятельное их употребление в качестве бредней или неводов. Для последних обязательными были отмеченные выше грузила. С появлением сетей необходимой принадлежностью для рыбной ловли должна была стать и лодка.

Нет сомнения, что лодки и другие плавательные средства были уже известны неолитическому населению Волго-Камья. Об этом свидетельствует и широкое распространение в крае древнейших типов лодок-долбленок, известных еще в недавнем прошлом у местных финно-угорских народов, и нахождение в ближайших к Волго-Камью районах остатков долбленых челнов неолитического возраста. Один из них еще в XIX в. был найден у подножья Плехановской стоянки¹². Два неолитических челна хорошей сохранности были обнаружены в 1954 и 1956 гг. у с. Щучье Воронежской области¹³. Прекрасные по сохранности деревянные весла известны из нижнего культурного слоя шестого разреза Горбуновского торфяника, датированного III тысячелетием до н. э.¹⁴. Еще более ранние находки весел, не позже IV тысячелетия до н. э., обнаружены на Шигирском торфянике¹⁵, а также в старичных торфяниках бассейна р. Вычегды¹⁶.

Несмотря на то, что роль рыболовства в эпоху неолита значительно возросла, коллективное хозяйство родовых групп, обеспечивавшееся примитивными орудиями труда, оставалось комплексным, т. е. рыболовство сочеталось с охотой и собирательством. Причем в разное время года та или иная отрасль хозяйства могла превращаться в ведущую, но рыболовство в отличие от охоты и собирательства было круглогодичным занятием. Вероятно, для позднемезолитического и неолитического человека края была характерна та же годовая хозяйственная цикличность, которая наблюдалась этнографами еще в недавнем прошлом у ряда народов севера и Сибири — лопарей, нганасан, долган, коми и т. п., а также археологически прослежена у неолитического населения древней Карелии¹⁷.

Преобладание рыболовства над охотой у неолитических племен лесной и лесостепной зоны, где, на первый взгляд, должна была бы господствовать охота, косвенно подтверждается и другими этнографическими и археологическими материалами.

Хозяйственная деятельность населения Среднего Поволжья в эпоху каменного века зиждилась на коллективном способе производства и коллективном распределении продуктов. Поселения с жилыми сооружениями, относящимися к середине мезолита и позднее, являются общеродовыми поселками, где нет

еще никаких признаков выделения хозяйственных участков отдельных семей, хотя и наблюдается оформление мест, связанных с той или иной производственной деятельностью — изготовление орудий, хранение запасов и т. п.

Эпоха каменного века в крае, так же как и повсеместно, была временем становления и развития первой общественной организации человека — родового общества.

Обитание древнего человека в Волго-Камье в ашельско-мустьерское время позволяет предполагать, что история края знала и дородовой период, названный В. И. Лениным периодом первобытного стада¹⁸. Но уже в это время, как показывают раскопки Волгоградской стоянки, площадь которой достигала 1000—1200 кв. м¹⁹, человек создавал на берегах древней Волги более или менее постоянные охотничьи группы.

Коллективные формы охоты, практиковавшиеся мустьерским человеком, все более и более сплачивали охотничьи группы. В начале верхнего палеолита возникает родовая организация, форму и связь внутри которой дало естественное родство. Ранней формой этой организации являлось разделение каждого первобытного стада на два экзогамных, обособленных в труде и в брачной жизни рода²⁰.

Ранний этап родового общества, относящийся к эпохам верхнего палеолита, мезолита и неолита, увязывается с матриархальными отношениями. Можно полагать, что каменный век Среднего Поволжья это период матриархата, наивысший расцвет которого относится к эпохе неолита.

Скудные остатки материальной культуры, известные для эпохи каменного века, затрудняют выяснение специфики развития родового матриархального общества в крае. Эти материалы лишь позволяют считать, что общие закономерности развития начальных этапов родового общества были характерны и для населения Среднего Поволжья.

Обычно полагают, что родовая организация верхнего палеолита еще не достигла образования племени, а находилась в стадии дуальной организации с объединением экзогамных родов в эндогамные фратрии, наподобие брачных классов, существовавших у тасманийцев и австралийцев²¹. Но уже в эпоху мезолита в условиях дробления крупных общин палеолитического человека на мелкие родственные группы, заселявшие одну общую территорию, происходит формирование локальных культур, в выделении которых археологи усматривают сложение племенной организации²².

В Среднем Поволжье, как мы видели выше, в эпоху мезолита наблюдается сложение двух групп населения с разными культурными традициями. С одной стороны, это стоянки типа Яндашевской с инвентарем, характерным для волго-окского мезолитического круга. С другой — стоянки, в культуре которых про-

должаются палеосибирские традиции, выявленные для начала мезолита особенно отчетливо в материалах стоянки Постников Овраг II. Последняя группа стоянок в свою очередь распадалась на отдельные локальные подразделения — северное, южное, восточное. Возможно, в этом следует усматривать выделение отдельных родственных племен, у которых в конце мезолитического периода начинают вырабатываться некоторые специфические черты и в материальной культуре. Отдельное племя, в этот период, очевидно, не слишком многочисленное, подразделялось на роды или локальные группы. Наиболее близкие к мезолитическим племенам Волго-Камья этнографические параллели можно привести из социальной структуры австралийских племен. Каждое такое племя с числом людей от 1000 до 2—3 тыс. человек (преобладали племена менее 500 человек) имела свою территорию (область племени курнаи, например, достигала площади в 36 тыс. кв. м) и подразделялась на локальные группы — хозяйственные коллективы численностью не более 40 человек²³. В свою очередь последние состояли из семейных групп, живших в отдельных хижинах²⁴. Причем, в хижинах, площадь которых обычно не превышала 20 кв. м, жило до 10—12 человек²⁵.

По-видимому родо-племенная организация австралийского типа была характерна для мезолитического периода края. Действительно, для этого времени мы знаем небольшие поселки мезолитических охотников и рыболовов с маленькими землянками, площадь которых не превышала 25 кв. м²⁶. Остатки близкого типа небольших по размерам жилищ выявлены и на ряде других мезолитических памятников Восточной Европы развитого периода — Огурдино на Каме, Ели Бор на Оке, Лукино (раскопки О. Н. Бадера, 1955 г.) и III Золоторучье (раскопки А. Кольцова и Д. А. Крайнова, 1962 г.) на Верхней Волге. Почти во всех случаях площадь жилищ не превышает 20 кв. м. Культурные слои стоянок крайне незначительны как по мощности, так и по распространению на площади, и обычно сосредоточены около жилищ, число которых на одном поселке было не более двух-трех; на II Русско-Луговской стоянке, вероятно, было всего лишь одно жилище. Следовательно, крайне немногочисленны были родовые группы, которые заселяли мезолитические поселки.

Переход к устойчивой оседлости в конце эпохи мезолита вызвал дальнейшее упрочение родо-племенной организации и, вероятно, привел к увеличению родовых групп, свидетельством чему является рост площадей позднемезолитических стоянок и появление на них огромных жилищ площадью не менее 150 кв. м (Кабы-Копрынская стоянка). Такие же крупные жилища сохраняются и в неолите, примером чего могут служить жилища II Лебединской (площадь 60—70 кв. м), Саконской (площадь

170 кв. м) и V Удельно-Шумецкой (площадь 125 кв. м) стоянок. В неолитических поселениях, площадь которых иногда уже достигает 2—2,5 тыс. кв. м, обычно пара жилищ (V Удельный Шумец, Путьково и др.). Каждый неолитический поселок был, очевидно, местом обитания одной родовой группы, размещавшейся в одном или двух соседних жилищах. Такие родовые поселения, обычно с одним большим домом, вмещавшим 40—50 человек, сохранялись до недавнего прошлого у папуасов Новой Гвинеи, причем парные семьи рода размещались в таком доме вдоль боковых стен, где располагались очаги, а дети занимали середину дома²⁷. Характерно, что очаги почти всех указанных жилищ обычно располагаются двумя группами. Мы здесь еще не наблюдаем оформления мелких очагов, как в жилищах срубных, приказанских, чирковско-сейминских и других племен, относящихся к эпохе бронзы. Такое явление, очевидно, следует связывать с тем, что парные семьи родовых групп еще не выделялись как хозяйственные ячейки коллектива. По-видимому, так же как и в кельтеминарском обществе, где обычны поселки с одним большим домом (см. Джанбас IV)²⁸, для родовых общин Волго-Камья эпохи позднего мезолита и неолита была характерна дислокальная система брака с неустойчивой парной семьей, а возможно, местами сохранялись и большие материнские семьи.

В период неолита матриархальная родовая организация достигает наивысшего расцвета. В это время оформляются основные особенности родового общества, предполагавшего «крайне неразвитое производство, следовательно, крайне редкое население на обширном пространстве, отсюда почти полное подчинение человека враждебно противостоящей и непонятной ему окружающей природе, что и находит свое отражение в детски наивных религиозных представлениях. Племя оставалось для человека границей как по отношению к иноплеменнику, так и по отношению к самому себе: племя, род и их учреждения были священны и неприкосновенны, были той данной от природы высшей властью, которой отдельная личность оставалась, безусловно, подчиненной в своих чувствах, мыслях и поступках»²⁹.

Размещение неолитических памятников Волго-Камья на карте (рис. 9, 24) подтверждает обязательное для каждого племени наличие племенной территории с нейтральной пограничной зоной между отдельными племенами³⁰. Действительно, как для волго-камских, так и для балахнинских памятников характерно их размещение отдельными группами преимущественно около устьев притоков Волги (Камы и Оки), причем между группами иногда довольно значительное расстояние. Интересно, что в ряде случаев эти мелкие группы состоят всего лишь из пары поселений — см. например, Выжумские поселения балахнинской культуры (рис. 24), Займищенские поселения волго-камской

культуры (рис. 9) и т. п. Не следует ли в этом усматривать археологическое отображение дуальной организации древних родовых коллективов, составлявших парные фратрии?

В свою очередь такие парные группы на ограниченной территории входили в более обширные группы, объединявшиеся не только общей территорией, но в первую очередь единством культуры, в которой наблюдаются известные своеобразия. Это археологические варианты крупных культурных общностей. В волго-камской культуре, например, выделяется несколько таких вариантов — волго-вятский, камский, бельский и т. п. Вероятно, в этих группах следует усматривать археологическое отражение племенных коллективов.

Из этих племен, родственных по происхождению, а следовательно по этносу и культуре, складывались характерные для эпохи неолита большие этно-культурные общности — неолитические культуры типа рассмотренных выше (волго-камской, балахнинской и т. п.). Процесс распада этих культур относится уже к эпохе раннего металла, когда происходят существенные изменения в развитии и производительных сил и производственных отношений.

В развитии экономики, межплеменных связей и общественных отношений населения края в эпоху раннего металла мы усматриваем три периода:

ранний (от конца III до середины II тысячелетия до н. э.), когда в экономическом отношении местные племена резко отставали от пришлых;

средний (середина и третья четверть II тысячелетия до н. э.), когда местные племена начинают догонять по темпам развития производящего хозяйства пришлые племена;

поздний (последняя четверть II и начало I тысячелетия до н. э.), когда местные племена стали решающей экономической и политической силой в крае.

В ранний период, характеризующийся становлением новых хозяйственных занятий (скотоводства, земледелия и металлургии) и общественных явлений (переход от матриархальных к патриархальным отношениям), еще наиболее отчетлива неравномерность развития населения края, состоящего в основном из местных волосовских и пришлых балановских и полтавкинских племен.

У волосовских племен — потомков неолитического волго-камского населения — основа хозяйства еще зиждилась на развитии присваивающих отраслей — охоты, рыболовства и собирательства — при намечающихся попытках разведения домашних животных.

Анализ остеологических материалов из стоянок волосовской культуры, по данным различных авторов, показывает абсолютное преобладание в этих комплексах костей диких животных.

Так, на одном из наиболее ранних волосовских памятниках — (Майданской стоянки) обнаружены только кости лося (112 костей от 13 особей, по данным А. Г. Петренко), на Волосовской и Володарской стоянках начала II тысячелетия до н. э. собраны кости различных диких животных, в том числе: лося (большинство), кабана, медведя, косули, лисицы, зайца, куницы, хорька, барсука, бобра³¹; на III Удельно-Шумецкой стоянке среди определенных костей 90% принадлежат медведю, а 10% — лосю³². Основной слой стоянки на р. Модлоне, характеризующий волосовской керамикой, дал следующий количественный состав дикой фауны: бобр — 118 костей, северный олень — 15, лось — 6, куница — 9, медведь — 2, барсук — 1, косуля — 1, кабан — 1³³. Кроме того, на ряде стоянок обнаружены кости диких птиц — гуся, глухаря, утки, журавля, рябчика³⁴.

Как видно, состав охотничьей фауны у волосовских племен был весьма разнообразен. Очевидно, по отдельным природным районам наблюдалась некоторая специализация охоты. Так, в волжских и приокских районах, т. е. по берегам крупных рек (Майданская, Волосовская, Володарская и другие стоянки) основным мясным животным, за которым охотились волосовцы, был лось. В то же время в более северных и таежных районах была развита охота на северного оленя и бобра (см. стоянку на р. Модлоне).

Преобладание в составе дикой фауны костей мясных животных заставляет полагать развитие охоты прежде всего ради получения мяса, хотя нельзя исключать и пушную охоту, о чем свидетельствуют находки костей лисицы, куницы, хорька и т. п.

Многочисленные находки в волосовских памятниках кремневых наконечников стрел и дротиков свидетельствуют о том, что у волосовского населения еще продолжали сохраняться все орудия индивидуального лова, существовавшие раньше. Да, очевидно, и многие коллективные способы, возникшие в эпоху неолита и ранее, несомненно, бытовали у волосовцев. Не останавливаясь на их описании, что уже было сделано выше, замечу, что развитие охоты в волосовское время, очевидно, породило и существование своеобразных культов, в первую очередь связанных с теми животными, на которых охотился человек. В этом отношении особенно любопытны остатки жертвенника на III Удельно-Шумецкой стоянке, где в одной яме были обнаружены пережженные кости лап медведя³⁵. Вполне вероятно, что здесь находилось в древности ритуальное место, связанное с культом медведя. Как известно, медвежий культ, один из наиболее распространенных у финно-угорских народов, достаточно подробно описан этнографами и имеет многочисленные археологические параллели³⁶. Вполне вероятно связь с охотничьими культурами и различных волосовских кремневых скульптурок, изображающих зверей (бобр, медведь), птиц, рыб и т. п.³⁷

В хозяйстве волосовских племен большое, если не ведущее, место занимало рыболовство, о чем свидетельствуют многочисленные факты. Почти все известные волосовские стоянки располагались по берегам крупных рек, обычно в районе впадения в реку более мелкого притока. На многих стоянках волосовской культуры при сохранении органических остатков обнаружены кости и чешуя рыб. На них в свое время обратил внимание еще А. С. Уваров, отметивший среди находок на Волосовской стоянке кости щуки, леща и стерляди³⁸. Кости щуки, осетра, а также скопления рыбьей чешуи в ямах Панфиловской стоянки зафиксировал и В. А. Городцов³⁹. Особенно многочисленные остатки рыбьих костей обнаружены в торфяниковых отложениях стоянки на р. Модлоне, где А. Я. Брюсов перечисляет такие виды рыб, как щука, окунь, лещ, синец, плотва, карась, язь, елец, налим, сом, стерлядь⁴⁰. Преобладание в последнем комплексе костей мелких рыб, несомненно, свидетельствует о развитии в волосовское время ловли рыбы сетями, что подтверждается находками на стоянках различных остатков сетей в виде их отпечатков на днищах сосудов и каменных грузил.

В. А. Городцовым⁴¹ опубликованы отпечатки сетей из Волосовской стоянки. Оба отпечатка принадлежат мелкоячейной сети с размером ячей в 10×10 мм и 20×20 мм. Близкого типа отпечатки найдены на сосудах из III Удельно-Шумецкой⁴² и Панфиловской (коллекции Муромского музея) стоянок. Среди последних имеются отпечатки разноячейных сетей — 10×10 мм (два случая), 30×30 мм (два случая), 40×40 мм (один случай). Характерно распространение в виде орнамента на волосовских сосудах имитации крупноячейных сетей. Вероятно, большинство сетей было сплетено из конопляных или льняных нитей, так как волокна нитей довольно тонкие. Как известно, конопля и лен в это время уже разводились населением лесной зоны Восточной Европы, о чем свидетельствуют находки семян льна на Модлонской стоянке⁴³. У современных финно-угорских народов рыболовные сети изготавливаются из конопляных (посконных) нитей⁴⁴.

Кроме отпечатков сетей, на волосовских поселениях нередко находки камней для грузил, хотя специальных предметов подобного рода и нет. Очевидно, так же как и у многих финно-угорских народов, у волосовских рыбаков применялись в качестве грузил обычные камни-галшки, которые обертывались или обвязывались лыком и прикреплялись к низу сети.

Несомненно, наряду с сетями применялись и снасти, сплетенные из ивовых прутьев типа вершей, морд и т. п., а также различные загороды и ловушки. В какой-то степени были развиты и индивидуальные способы ловли рыбы при помощи удочки, гарпуна и остроги. На волосовских стоянках сохранились костяные и каменные части составных рыболовных крючков, известны также и находки гарпунов⁴⁵.

Усиленное развитие рыболовства требовало широкого применения различных плавательных средств — лодок, плотов и т. п. На Модлонской стоянке найдены обломки деревянных весел⁴⁸. Любопытно, что у большинства финно-язычных народов Восточной Европы, общность которых относится именно к волосовскому времени (см. ниже), многие понятия, связанные с лодками и передвижениями на них, имеют общие названия — «грести», «весло», «лодка» и т. п.⁴⁷

Исходя из вышесказанного, вслед за другими авторами, мы должны признать, что волосовские племена в основном были охотничье-рыболовческими племенами, в какой-то степени использовавшие в своем хозяйстве собирательство. Лишь во второй четверти II тысячелетия до н. э. они предприняли попытку освоения примитивного животноводства и мотыжного земледелия.

Огромное значение для развития производящих отраслей хозяйства в Среднем Поволжье в эпоху раннего металла имело включение в край скотоводческо-земледельческих племен балановской и в какой-то степени ямно-полтавкинской культур. Балановские племена, появившиеся на берегах Волги не позднее рубежа III—II тысячелетий до н. э., определенно были скотоводческо-земледельческими племенами. Им были известны почти все виды домашних животных. Так, в Балановском могильнике найдены кости быка, барана, лошади и свиньи⁴⁸. Скотоводческими племенами были и родственные балановцам фатьяновцы, в могильниках которых также найдены кости, а иногда и целые скелеты таких животных, как овца, корова и свинья⁴⁹. Не исключено, что быки у балановских племен применялись и в качестве тягловой силы, о чем свидетельствуют находки моделей колес от повозок двуколок⁵⁰.

Пока мы не располагаем сведениями, отражающими характер скотоводства у балановских и фатьяновских племен, но захоронения мужчин вместе со скелетами собак (см. погребение I Тимофеевского могильника), обнаруженные в фатьяновских могильниках, позволяют предполагать существование у фатьяновских и балановских племен пастушеской формы скотоводства⁵¹.

Скотоводческий характер хозяйства у южных и юго-западных соседей волосовских племен — полтавкинцев — также признается рядом исследователей. Так, В. Н. Громова⁵² отмечает находки в полтавкинских могильниках костей овцы и коровы; развитие скотоводства у полтавкинцев подтверждают К. В. Сальников⁵³ и Н. К. Качалова. Причем последним автором упоминаются в качестве основных полтавкинских домашних животных корова и коза⁵⁴. Следовательно, есть основания полагать, что полтавкинскому населению, вероятно, не были известны такие животные, как свиньи, по-видимому, оно в это вре-

мя слабо разводило лошадей. Этот факт имеет определенное значение для выяснения вопроса о путях проникновения домашних животных в среду местных волосовских племен.

Переходя к вопросу о времени и характере появления домашних животных среди местных племен, мы можем констатировать, что ранневолосовское население на грани III—II тысячелетия до н. э. не знало домашних животных, кроме собаки. Костные и прочие остатки собаки (например, экскременты) достаточно хорошо известны на многих волосовских памятниках. На Волосовской стоянке был найден целый скелет собаки типа торфяникового шпица⁵⁵; череп, экскременты и кости собаки той же породы обнаружены и на таких волосовских памятниках, как Володарская⁵⁶, Модлонская⁵⁷ и Панфиловская⁵⁸ стоянки. Несомненно, что приручение собаки охотничье-рыболовческими племенами Среднего Поволжья произошло в глубокой древности, вероятно в мезолите, если не раньше. Любопытно, что тип торфяникового шпица, обнаруженный в волосовских памятниках, сохранялся длительное время у местных финно-угорских народов, в частности у марийцев, вплоть до начала XX в. Очевидно, собака была надежным помощником волосовских охотников.

Однако поздние волосовские памятники, датированные первой половиной II тысячелетия до н. э., содержат наряду с остатками собаки, а иногда и без них, кости ряда домашних животных. Так, на Сумской стоянке были найдены кости крупного (7 от 2 особей) и мелкого (5 от 2 особей) рогатого скота (аналитик А. Г. Петренко), на Панфиловской стоянке В. Н. Громовой отмечены кости крупного рогатого скота и свиньи⁵⁹. Вероятно, поздневолосовское население уже имело в своих поселках крупный и мелкий рогатый скот и свиней.

Учитывая отсутствие свиней у полтавкинских племен и наличие их у балаовцев, есть основание полагать, что свинья в одомашненном виде проникла к волосовцам через балаовскую среду. Знакомство волосовцев с разведением коров, овец и коз могло произойти как через балаовцев, так и ираноязычных полтавкинцев. Любопытно в связи с этим заметить, что названия коровы и козы у ряда финно-угорских народов имеют древнеиранское происхождение⁶⁰.

Ясно одно — волосовские племена перед распадом их общности на приказанскую, поздняяковскую и чирковско-сейминскую группы уже приобрели навыки в разведении ряда мясных домашних животных и прежде всего свиньи, мелкого и крупного рогатого скота. Это обстоятельство сыграло несомненную роль в дальнейшей судьбе волосовских племен и их потомков, ибо к середине II тысячелетия до н. э. и в среде местных, дотолее охотничье-рыболовческих, племен наметились значительные сдвиги в области развития производящего хозяйства.

Почти одновременно, а может быть даже раньше, с приобретением зачатков скотоводства волосовские племена предпринимают попытки освоения мотыжного земледелия. И здесь несомненна роль их пришлых соседей. Занятие мотыжным земледелием с разведением мягкой пшеницы, полбы и, возможно, ячменя у племен культур боевых топоров, в том числе и у балановцев, отмечено рядом авторов. Пока неизвестен характер их земледелия, но О. Н. Бадер не исключает развитие даже подсечно-огневого земледелия у балановских племен⁶¹, что, учитывая преимущественное расположение балановских памятников в удаленных от речных пойм районах, имеет определенную основу. Для полтавкинских же племен, наоборот, предполагается применение мотыжного пойменного земледелия⁶².

Широкое распространение у волосовских племен сетей, сплетенных из нитей волокнистых растений, а также находки на Модлонской стоянке зерен льна, остатков прялки⁶³, а на других стоянках глиняных пряслиц, позволяют полагать, что волосовское население в какой-то степени занималось культивацией таких волокнистых растений, как лен, и, вероятно, конопля, тем более что, по мнению Ю. А. Краснова, «не исключена возможность их (льна и конопли. — А. Х.) окультивирования непосредственно на территории лесной полосы, где имеются их дикие сородичи»⁶⁴. Вероятно, разведение этих растений практиковалось на участках, расположенных в непосредственной близости от поселков, т. е. на пойменных землях, обрабатываемых каменными мотыгами. Последние, кстати достаточно выраженной формы и крупных размеров, обнаружены на стоянках (например, на III Удельно-Шумецкой)⁶⁵. Вместе с тем пока нет основания для предположения о разведении волосовцами других, прежде всего злаковых, растений. Отсутствие на поселениях остатков зернотерочных плит, кажется, заставляет отрицательно подходить к этому вопросу. Однако важен другой факт — волосовские племена имели навык в культивации растений и их соседство с балановскими и полтавкинскими племенами, знавшими ранние формы земледелия, стимулировало развитие этих навыков.

При рассмотрении вопросов хозяйства нельзя не обратить внимания на такие отрасли, как употребление и изготовление металлических орудий, а также на другие виды домашних занятий.

Как уже выше отмечалось, в конце III тысячелетия до н. э. наблюдается приток в Среднее Поволжье металлических изделий, что благотворно сказалось и на постепенном распространении среди волосовцев техники изготовления металлических предметов. На волосовских поселениях первой четверти II тысячелетия до н. э. и особенно в последующих памятниках постепенно начинают отмечаться и следы отливки металлических

предметов. Так, на стоянках III Луговой Борок, Руткинская и Панфиловская были найдены обломки глиняных тиглей двух типов — чашевидной и в виде уплощенного ковша; на Волосовской и Подборица-Шербининской стоянках известны обломки ошлакированного металла и шлаки; особый интерес вызывает находка на Панфиловской стоянке обломков сосуда с прилипшими к его стенкам комками железистого шлака. Кроме того, почти все хорошо изученные поздневолосовские стоянки содержали отдельные металлические предметы — тесло (Панфилово), нож (V Удельный Шумец), шилья (Волосово, Панфилово, Холомониha, Подборица-Шербининская) и обломки украшений (Панфилово, Подборица-Шербининская).

Итак, следует считать, что в первой половине II тысячелетия до н. э. волосовские племена от использования привозных металлических орудий перешли к их изготовлению, т. е. вступили одними из первых среди племен лесной полосы в эпоху металла. По-видимому, они познакомились не только с медью, но и с другими цветными металлами — золотом, свинцом, серебром и цинком, на что указывает сходство названий этих металлов в финно-угорских языках, общность которых в какой-то степени сохранялась еще в волосовское время.

Наряду с освоением металлургии, на развитие которой благоприятно сказывалось и наличие в Среднем Поволжье легко обрабатываемых медистых песчаников, волосовские племена продолжали совершенствовать свои традиционные занятия — обработку камня, дерева, кости и т. п. Как известно, в волосовской культуре техника изготовления кремневых орудий достигает наивысшего расцвета, о чем свидетельствуют прекрасно выполненные кремневые предметы, не только весьма дифференцированные орудия труда и оружие, но и различные фигурки и т. п. Классические образцы волосовского кремня сосредоточены в известном Волосовском кладе⁶⁶. Многочисленные поделки из кости, сохранившиеся на Волосовской, Модлонской и других стоянках, так же как деревянные предметы из Модлонской стоянки, подтверждают мнение о развитии в это время и таких занятий, как обработка кости и дерева. Упомянутые выше отпечатки сетей, находки зерен льна, обломка доски от прялки на Модлоне, глиняных прясел, так же как отпечатки тканей на днищах некоторых сосудов из Панфиловского поселения и нижнего слоя стоянки Займище III, показывают широкое распространение среди волосовского населения обработки волокнистых растений и ткачества.

В течение волосовского времени определенное развитие получают и межплеменные связи. Волосовское население, продолжая неолитические традиции, сохраняло активные контакты с родственными охотничье-рыболовческими племенами лесной полосы Восточной Европы и Урала — левшинско-турбин-

скими, горбуновскими, позднейшими балахнинскими и т. п. Среди них распространяется близкая по типу посуда и наблюдается определенная унификация каменных орудий. Вместе с тем выгодное географическое положение и более интенсивное развитие экономики и культуры волосовского населения выделяли племена волосовской культуры среди указанных групп и фактически превращали их в ведущее население. Отмечается установление связей волосовских племен с более отдаленными районами лесной полосы Евразии — с Прибалтикой, откуда поступали янтарные украшения, найденные на Майданской и Модлонской стоянках, с Сибирью (Прибайкальем), о чем свидетельствуют находки на одной из Карташихинских стоянок и VIII Марьяновской стоянке нефритовых топоров, с побережьем Белого моря, где отмечены поселения с керамикой волосовского типа, и т. п.

Но, естественно, большее значение для развития экономики и культуры населения Среднего Поволжья имели связи волосовских племен с земледельческо-скотоводческими племенами лесостепной и степной полосы Восточной Европы. Выше уже неоднократно отмечалось установление контактов во второй половине III тысячелетия до н. э. с кавказским металлургическим центром, откуда поступали в Среднее Поволжье первые металлические изделия. В последующем посредниками в этих контактах выступили полтавкинские и катакомбные племена. Связи с ними волосовского населения уже отмечались, здесь можно лишь напомнить спорадическое проникновение представителей полтавкинских племен в волосовскую среду, что подтвердилось обнаружением на волосовской территории типичного полтавкинского захоронения на одном из Ново-Мордовских могильников и наличием волосовской керамики на полтавкинском поселении Захар-Калма в бассейне р. Самары.

Во второй половине волосовской истории устанавливаются контакты и с балановскими племенами, керамика которых найдена на ряде поздневолосовских стоянок — V Удельный Шумец, Руткинская, Панфиловская, Владычено и т. п. В свою очередь, исследователи отмечают метисзацию балановского населения за счет проникновения в его среду аборигенов⁶⁷.

Изменения в области хозяйства и межплеменных связей не могли не сказаться и на развитии общественных отношений местных, т. е. волосовских, племен Среднего Поволжья.

Изучение волосовских поселков, состоящих обычно из нескольких соединенных друг с другом полуземлянок, так же как и остатков их материальной культуры, позволяет полагать, что волосовское население объединялось в устойчивые родовые группы, занимавшие определенную территорию вдоль берега реки. Недостаточная исследованность территории распространения волосовских памятников в настоящее время еще не

позволяет ставить вопрос о численности волосовских племен. Лишь ориентировочно можно полагать, что она, несомненно, превышала численность такой родственной группы, как турбинская, насчитывавшей, по мнению О. Н. Бадера, 1250—1700 человек⁶⁸. Даже такой ранневолосовский поселок, как Майданская стоянка, состоявшая не менее чем из 12 домов, был, вероятно, заселен родовой группой, насчитывавшей не менее 200 человек. Эту цифру можно вывести, опираясь на среднюю вместимость одного дома. На Майданской стоянке каждое из раскопанных жилищ имело площадь около 60 кв. м. В то же время этнографические сведения относительно плотности заселения родовых домов дают следующие примеры. Так, Л. Морган⁶⁹ отмечает, что в обширном доме индейцев племени алгонкинов при средних размерах жилой площади около 840 кв. футов (70—75 кв. м) обитало 20—22 человека, и на каждого человека, таким образом, приходилось 3—3,5 кв. м. В длинных домах индейцев-ирокезов племени сенека на площади 100—150 кв. м обитало до 60—70 человек⁷⁰, что составляло на одного человека 2—2,5 кв. м. В круглых домах манданов, где на площади в 100 кв. м жило 30—40 человек⁷¹, на одну душу приходилось от 2,4 до 3,2 кв. м. Таким образом, во всех приведенных случаях на одного человека в среднем приходилось до 3 кв. м жилой площади. Такую же цифру для трипольского общества приводит С. Н. Бибииков⁷² и для кельтеминарского дома С. П. Толстов⁷³. Очевидно, не будет большой ошибкой, если эту цифру мы примем и для волосовского жилища в качестве допустимой нормы. В таком случае в каждом волосовском доме могло жить в среднем 20 человек, а в поселке из 10—12 домов — до 200 человек. Такая цифра, очевидно, была характерна почти для каждого поселка, ибо стоянки типа Волосово, Володары, Панфилово и другие имели достаточно большие размеры. Как видно, численность людей волосовской родовой группы увеличилась по сравнению с численностью неолитических родов, обычно насчитывавших не более 100 человек.

Мы пока не обладаем достаточными сведениями для выяснения характера родовой организации волосовского населения. Полагают, что родственные волосовцам левшинско-турбинские племена, не говоря уже о северных карельских и печорских племенах, находились вплоть до середины II тысячелетия до н. э. на стадии материнского родового строя⁷⁴. Но в то же время А. П. Окладников для племен эпохи раннего металла в Прибайкалье, занимавшихся охотой и рыболовством и находившихся примерно на одной стадии развития с волосовскими племенами, предполагает переход от матриархальных отношений к патриархальным⁷⁵.

Соседние с волосовцами фатьяновско-балановские и полтавкинские племена, очевидно, опережали первых и в развитии общественных отношений. Так, для фатьяновских племен ярославско-калининской группы Д. А. Крайнов⁷⁶ предполагает патриархальное общество с возможным делением на большие семьи. На этом же уровне, по-видимому, стояли и балановские племена.

К. В. Сальников считает, что в полтавкинском обществе также установился патрилокальный брак⁷⁷.

Если для волосовского общества предполагать сохранение старых, т. е. матриархальных отношений, то в таком случае мы столкнемся с явным несоответствием этих отношений с наблюдавшимися выше изменениями в хозяйстве и быту волосовских племен, выразившимися в развитии рыболовства, возникновении зачатков скотоводства и мотыжного земледелия, в освоении металлургии меди и бронзы. Такие же изменения наблюдаются и в быту — на смену изолированным домам эпохи неолита приходят соединенные друг с другом общинные дома, разделенные на отдельные семейные половины; вместо коллективных и одиночных погребений неолитической эпохи появляются парные захоронения мужчины и женщины (см. Володарское погребение). Волосовские племена на рубеже III—II тысячелетия и особенно в первой половине II тысячелетия до н. э. проводят экспансию в западные и северные районы, заселенные остатками неолитических племен с ямочно-гребенчатой керамикой⁷⁸. Это наступление волосовских племен неминуемо должно было сопровождаться усилением военной организации и выделением мужчин-воинов. Характерно, что в волосовское время наибольшего усовершенствования достигает и кремневое оружие — появляются тщательно обработанные кинжалы, увеличивается число и совершенствуются формы наконечников стрел, дротиков и копий.

Среди этих явлений особенно интересно возникновение в волосовском обществе парных захоронений мужчины с женщиной. Правда, пока мы обладаем весьма ограниченными в этом отношении фактами, поэтому распространенность этого обычая не ясна, но все же факт весьма примечателен, ибо парные разнополюсные захоронения, по мнению многих исследователей, особенно характерны для переходного от матриархата к патриархату периода.

Исходя из вышесказанного, есть основания предполагать, что в волосовском обществе, по крайней мере во второй половине его развития, наметился переход от матриархальных отношений к патриархальным. Сосредоточение в руках мужчин волосовского рода основных отраслей производства — развития рыболовства, охоты, зачатков скотоводства, ранней металлургии и обработки камня, вместе с усилением значения мужчи-

ны как война, очевидно, лежат в основе наметившихся изменений и в общественных отношениях. Но несомненно и сохранение многих черт материнского рода. В частности, вероятно, еще сохранялась семья парного типа, о чем свидетельствует планировка домов волосовских поселков. Каждый дом волосовского поселка, судя по расположению очажных ям, обычно делился на две разделенные по диагонали половины. Так, в жилищах Майданской стоянки очаги располагались двумя группами по середине угловых подразделений (рис. 34). Такая же планировка наблюдалась и в основном жилище Володарского поселения, и в жилище, раскопанном Е. П. Горюновой на Панфиловской стоянке. Вероятно, в каждом таком доме обитало две семьи, у которых имелся свой семейный угол. Наряду с этим известны дома и с одним обычно центральным очагом. Таковы второе жилище на Володарской стоянке, жилище, раскопанное В. А. Городцовым на Панфиловской стоянке и жилище Подборица-Шербининской стоянки. Характерно, что все эти стоянки относятся уже ко второй половине развития волосовской культуры, поэтому не исключено, что в это время наметилась тенденция к обособлению отдельных семей и превращению дома из общеродового помещения в очаг для отдельной семьи. Вероятно, этот процесс также связан с явлениями возникающих патриархальных отношений.

Итак, население Среднего Поволжья в первом периоде эпохи бронзы встало на путь существенных изменений не только в хозяйстве, но и в области общественных отношений. Эти изменения еще более отчетливо выступают в последующие периоды, когда новые явления становятся господствующими.

В середине и третьей четверти II тысячелетия до н. э. области Среднего Поволжья оказались под сильнейшим воздействием скотоводческих племен степей Восточной Европы и прежде всего племен срубной культурной области. В этих условиях, усугубленных сохранением в крае ранее пришедшего балановского населения и включением в центральные районы Среднего Поволжья абашевских племен, в экономике и общественных отношениях местного населения произошли значительные изменения. В хозяйстве на передний план выдвинулись производящие отрасли, а в общественных отношениях произошло упрочение патрилокального брака.

Основу хозяйства большинства племен края начинает составлять скотоводство. Наиболее развитыми скотоводческими племенами в крае были племена срубной культурной общности, к середине II тысячелетия до н. э. вплотную подошедшие к берегам Камы и занявшие почти всю южную половину края. Анализ остеологического материала срубных памятников показывает, что кости домашних животных здесь доходят в большинстве случаев до 100%. Лишь на некоторых наиболее ран-

них поселениях или на стоянках со смешанным культурным слоем, как например, стоянки у Моечного озера, встречаются и кости диких животных.

В составе срубного стада преобладал крупный и мелкий рогатый скот (табл. Е), причем (кроме коров и быков) довольно больших размеров. Разводились, вероятно, и волы, использовавшиеся в качестве рабочего скота⁷⁹. Овцы составляли до трети стада. По-видимому, у срубных племен скотоводство носило уже пастушеский характер со свойственным для такой формы преобладанием овцы и крупного рогатого скота. Лошадей было значительно меньше — до 17—20%. На ранней стадии культуры лошади являлись мясными животными, о чем свидетельствуют данные анализа возрастных особенностей костей, но ближе к концу третьей четверти II тысячелетия появляются признаки употребления срубными племенами лошадей для верховой езды — см., например, находку рогового псалия на I Сусканском поселении⁸⁰. В это время, вероятно, свинина в пище срубного племени занимала небольшое место.

К сожалению, для указанного времени крайне ограничены остеологические материалы по памятникам включенных в Среднее Поволжье севернее срубной зоны балановских и абашевских племен. Известно лишь то, что позднебалановские племена, судя по материалам Ош-пандинского поселения, имели почти всех домашних животных — корову, лошадь, овцу, свинью.

Весьма скудные костные остатки абашевских курганов все же дают возможность считать абашевские племена Среднего Поволжья населением, активно занимавшимся скотоводством с преимущественным разведением крупного рогатого скота, так как кости последнего явно преобладают в материалах. Известны также остатки овец, лошадей и свиней, но число последних крайне ограничено. Учитывая находку на Баланбашском поселении в Башкирии древнейшей дисковидной роговой псалии, есть основание считать абашевцев первыми племенами, начавшими использовать лошадь для верховой езды.

В целом можно полагать, что все инокультурные, не местные, племена Среднего Поволжья в рассматриваемый период значительное место в своем хозяйстве отводили скотоводству. Какое же положение в этих условиях скотоводство занимало у местных племен — потомков населения волосовской культурной общности?

Как известно, ближе к середине II тысячелетия до н. э. на базе волосовской начали развиваться такие культуры, как приказанская, поздняяковская и чирковско-сейминская. В Прикамье вплоть до последней четверти II тысячелетия сохранялась турбинская культура, родственная волосовской.

У турбинских племен продолжало господствовать рыболовецко-охотничье хозяйство, подтверждение чему находим в турбинских материалах⁸¹.

ТАБЛИЦА Е

Соотношение видов домашних и диких животных в археологических культурах Среднего Поволжья в середине и третьей четверти II тысячелетия до н. э.*

Культура	Соотношение в %		Виды животных в %					Другие животные
	домашних	диких	крупный рогатый скот	мелкий рогатый скот	лошадь	свинья	прочие	
Срубная Среднего Поволжья	96	4	40	32	17	11	—	заяц, бобр
Срубно-абашевская Приуралья	90	10	40	25	15	20	—	лось, заяц, бобр
Андроновская Приуралья	84	16	37	45,6	17	0,4	—	?
Абашевская Среднего Поволжья	?	?	много	?	?	+	—	медведь
Балановская	?	?	+	+	+	+	—	лось
Приказанская	87	13	35	20	27	18	собака	лось, кабан, медведь, бобр, заяц
Поздняковская	?	?	+	—	+	+	собака	медведь, лось, кабан, заяц, бобр
Чирковско-сейминская	56	44	34	1,5	15	49,5	—	лось, северный олень, медведь, кабан, лиса, выдра, бобр, куница
Турбинская	?	?	+	—	+	+	—	лось, северный олень, благородный олень, бобр, рысь, ласка, горностаи

* Таблица составлена на основании сведений В. И. Цалкина, В. А. Попова и А. Г. Петренко.

Определенный прогресс в развитии скотоводства отмечается у чирковско-сейминских племен, продолжавших волосовско-балановские традиции. В этом отношении весьма показательны материалы Васильсурского поселения, самый нижний слой которого относится ко времени формирования чирковско-сейминской культуры, т. е. к середине II тысячелетия до н. э., а последующий — ко времени расцвета этой культуры, или к третьей четверти II тысячелетия до н. э. Любопытно, что в нижнем слое процент костей домашних животных меньше диких (47 на 53%), а в составе стада (табл. Е) абсолютно преобладают свиньи (46%) и коровы (49%) при малочисленности лошадей (5%). Очевидно, в это время скотоводство у чирковско-сейминских племен еще занимало подчиненное положение. Но уже в вышележащем слое

ТАБЛИЦА Ж

Основные данные изучения остеологических комплексов приказанских, поздняковских и чирковско-сейминских памятников Среднего Поволжья середины и третьей четверти II тысячелетия до н. э.*

Куль-тура	Памятник	Всего костей	В том числе костей (%)		Виды домашних животных						Виды диких животных
			Кованых	Длиных	крупный рогатый скот	мелкий рогатый скот	свинья	лошадь	собака		
Приказанская	Малые Отары II	1000	70	30	214/30	172/25	148/21	163/23	4/0,5	Лось	
	Закиши III	408	70	30	+	+	+	+	+	—	
	Валийская	854	100	—	80с/40	30с/15	30с/15	60с/30	+	—	
	Карташиха I	300	84	16	+	+	+	+	+	Лось, кабан, медведь	
Поздняковская	Акозинская	640	78	22	280/56	9/2	150/30	61/12	—	Лось, медведь, заяц, кабан, бобр	
	Поздняковская	42	100	—	27/64	—	2/5	13/31	—	—	
Чирковско-сейминская	Васильевское (4-й слоб)	164	47	57	23/49	—	22/46	2/5	—	Лось (75%), северный олень, медведь, лиса, выдра, куница, бобр.	
	Васильевское (3-й слоб)	306	66	34	37/18	3/1,5	407/53	48/24	+	Лось (45%), северный олень, медведь, лиса, выдра, куница, бобр.	

* Обработана материалом профессора В. И. Цедлинского, Т. М. Кузнецова и В. С. Старожица.

процент костей домашних животных увеличивается (до 66%) и начинает преобладать над костями диких животных (34%), хотя и в меньшей степени, чем у скотоводческих племен. Наряду с этим отмечается при абсолютном преобладании в стаде свиней (53%) увеличение численности лошадей (до 24%) и появление мелкого рогатого скота (1,5%). Однако едва ли есть основания считать скотоводство у чирковско-сейминских племен ведущей отраслью хозяйства. Ведь указанная картина характерна лишь для самого южного памятника этой культуры, к тому же в значительной степени смешанного с балановским материалом. Относительно чистые в культурном отношении чирковско-сейминские памятники, расположенные в лесных районах, показывают весьма незначительную роль домашних животных в хозяйстве. Так, на Кубашевском поселении найдены лишь кости свиньи при преобладании костей диких животных. На Чирковском поселении встречены также единичные кости свиньи и лошади. Очевидно, чирковско-сейминские племена, занимавшие в основном лесные районы и почти не связанные, кроме балановцев, ни с какими степными племенами, преимущественно занимались экстенсивным хозяйством, в котором скотоводство играло весьма незначительную роль.

Для поздняяковских памятников изученные остеологические комплексы пока весьма ограничены. Но все же есть основания полагать, что у поздняяковских племен с самого начала их формирования скотоводство становится одной из важных отраслей хозяйства. Так, на одной из наиболее ранних поздняяковских стоянок (Алекановской) найдены кости лошади, в остеологическом комплексе также ранней Акозинской стоянки кости домашних животных явно преобладают над костями диких; среди первых встречены остатки почти всех домашних животных — лошади, свиньи, крупного и мелкого рогатого скота (табл. Ж).

На стоянках третьей четверти II тысячелетия до н. э. кости домашних животных уже явно преобладают над костями диких и достигают более 90% (табл. Ж). Так, на Поздняковской стоянке первые составляют 95%, причем среди них первое место занимают кости крупного рогатого скота (60%), затем лошади (30%) и крайне немного костей свиньи⁸². На Подборновской стоянке также найдены кости крупного рогатого скота, лошади, и свиньи. Характерно отсутствие в поздняяковском стаде мелкого рогатого скота.

Одной из ведущих отраслей хозяйства становится скотоводство и у приказанского населения. На раннем (займищенском) этапе своего развития, т. е. в середине II тысячелетия до н. э., для приказанских племен оно было значительным, правда, процент дикой фауны также довольно велик (30%; см. табл. Ж). Но на последующем балымско-карташихинском этапе, т. е. в третьей четверти II тысячелетия до н. э., процент домашних жи-

вотных уже начинает превышать 90%; только на некоторых памятниках, где имеются и более ранние отложения, все еще высок процент костей диких животных (см. табл. Ж). Ведущее место в стаде в это время занимает так же, как и у поздняяковцев, крупный рогатый скот (30—40%), но в отличие от стада последних значительны остатки мелкого рогатого скота (15—25%) и относительно много костей свиньи (15—21%). Процент (23—30) костей лошади примерно одинаков с поздняяковским.

В целом следует считать, что характер скотоводства у приказанских и поздняяковских племен был сходным. Это явление в первую очередь, следует объяснять развитием этой отрасли хозяйства у обеих племенных группировок под общим воздействием хозяйства срубной культурной области. Мы пока не можем выяснить детали развития скотоводства у ранних приказанских племен, но все же, опираясь на преобладание в приказанском стаде таких стойловых животных, как крупный и мелкий рогатый скот, а также свиней, в совокупности составлявших три четверти всего стада, следует полагать возникновение у них стойлового содержания скота. Косвенным подтверждением этого являются остатки больших помещений — своеобразных хлевов без обычных для жилых домов очагов, одно из которых было изучено на поселении Карташиха I⁸³. Зачатки стойлового скотоводства требовали, конечно, заготовки кормов на зиму. Обнаруженные на приказанской территории бронзовые серпы-косари свидетельствуют о том, что приказанцы в своих руках имели орудия, вполне пригодные для заготовки сена и ветвей в качестве зимнего корма.

Скотоводство обеспечивало племена в течение почти всего года продуктами питания, сырьем для изготовления одежды и обуви. Видимо, использовалось не только мясо, но и молочные продукты. В частности, из молока, очевидно, изготовлялся творог, о чем свидетельствуют находки на ряде приказанских поселений остатков глиняных сосудов с отверстиями в придонной части. Такие сосуды обычно применялись для отцеживания сыворок при изготовлении творога и сыра.

Другой важной отраслью хозяйства, несомненно получившей развитие в эпоху бронзы, являлось примитивное земледелие. Для степных срубных и андроновских племен скотоводство и земледелие в эпоху бронзы практически были почти единственными видами хозяйственной деятельности, ибо рыболовство и охота у этих племен уже изжили себя как средства получения необходимых для жизни продуктов.

У срубных племен одной из основных отраслей хозяйства было мотыжное земледелие на луговых землях, обрабатывавшихся каменными мотыгами⁸⁴. Не исключено, что это земледелие носило характер залежного, когда в степных районах с травянистой растительностью человек прежде всего использовал есте-

ственное плодородие почвы. Для залежной системы «характерна мелкая, поверхностная, весьма грубая обработка земли без оборота верхнего пласта почвы»⁸⁵. На такой почве в течение трех-четырёх лет подряд высевались хлебные растения — у срубняков предполагают культивацию ячменя, проса и пшеницы⁸⁶. Как только почва истощалась, обрабатываемый участок забрасывался и переходили на другое поле, благо безграничные просторы целинных степей позволяли использовать земли почти неограниченно в течение многих сотен лет.

Земледелие у абашевских и балановских племен, занимавших в основном высокие плато лесостепной полосы, очевидно, отличалось от земледелия срубных племен и являлось скорее всего примитивным подсечно-огневым. К сожалению, ни у абашевцев, ни у балановцев не сохранились остатки культивировавшихся ими растений, но занятия указанных племен земледелием едва ли может вызвать сомнение. У первых об этом свидетельствуют находки узких бронзовых серпов, обнаруженных в Мало-Кизильском кладе в виде случайных находок на территории расселения абашевских племен, у вторых — находки зернотерочных плит и пестов на некоторых поселениях, в частности на Ош-Панде. Однако отсутствие эффективных для лесостепной полосы орудий обработки почвы, очевидно, ограничивало возможность развития земледелия у указанных племен.

У местных племен Среднего Поволжья, продолжавших традиции волосовского населения, земледелие в рассматриваемый период получает также определенное развитие. Наиболее слабо следы земледелия пока представлены у чирковско-сейминских племен, занимавших в основном неблагоприятные для этого вида хозяйства лесные районы с малопродуктивными супесчаными и подзолистыми почвами. Характерно, что чирковско-сейминские племена почти не дают находок зернотерочных плит и пестов. Неизвестны также и орудия обработки почвы, если не считать некоторых бронзовых кельтов Сейминского могильника, которые могли употребляться в качестве мотыг. Но все же находки сосудов в Сейминском могильнике и на поселении Галанкина гора с отпечатками тканей на днищах и зафиксированная еще у лесных волосовских племен культивация льна (см. выше) позволяют предполагать наличие и у чирковско-сейминских племен каких-то земледельческих навыков, не игравших, однако, какой-либо существенной роли в их хозяйстве.

Поздняковские и особенно приказанские племена в этом отношении находились в более благоприятных и природных, и культурно-экономических условиях. Особое значение, как и в развитии скотоводства у этих племен, имело их тесное соседство со скотоводческо-земледельческими племенами срубной культурной общности. Для поздняковских племен, вероятно, более характерным было земледелие на пойменных участках, о чем сви-

детельствует преимущественное расположение поселков на надпойменных террасах. Судя по зафиксированным в глиняной посуде могильника Дикариха отпечаткам зерен, следует полагать, что поздняяковские племена выращивали мягкую пшеницу и ячмень⁸⁷. Обработку почвы они, очевидно, проводили при помощи каменных мотыг, найденных на том же памятнике, а размол зерна — на примитивных каменных зернотерках-ступках, песты от которых были обнаружены на Акозинском и других поселениях. К сожалению, у нас нет каких-либо достоверных сведений о системе поздняяковского земледелия, но не исключено применение в этой среде и подсеčno-огневого, о чем, в частности, свидетельствует возникновение культа огня, зафиксированного на том же Дикарихинском памятнике.

О несомненных следах мотыжного земледелия у приказанских племен мне уже приходилось писать. Находки в очаге землянки № 2 I Луговского поселения обугленных зерен проса⁸⁸, а также каменных мотыг и зернотерок на ряде приказанских поселений вместе со случайными находками бронзовых серпов на приказанской территории, несомненно, свидетельствуют о развитии этой отрасли хозяйства у приказанских племен. Благоприятные условия для занятия земледелием создавались также благодаря распространению в районе обитания приказанских племен черноземных почв пойменных и надпойменных террас долин Волги, Камы и их притоков. Как показывают исследования почвоведов, пойменные черноземы содержат до 13% гумуса и вполне пригодны для разведения культурных растений при минимальной затрате сил на обработку почвы. Благоприятны в этом отношении были и геоморфологические условия, выражающиеся в том, что значительная часть долинных черноземов, расположенных на надлуговых террасах, не затопляется весенними половодьями, но имеет хорошую влажность благодаря скоплению в этих районах значительных осадков в зимнее время. Особенно приемлемыми сортами злаковых растений для долинных почв являются просо и гречиха. Причем, просо, которое считается пластовой культурой, т. е. наиболее высокие урожаи дает при вспашке лугов, не требует особенно хорошей обработки почвы.

Преимущественное расположение приказанских поселков в долинах рек также говорит о том, что земледелие у них носило долинно-огородный характер с обработкой почвы каменными, костяными и, вероятно, бронзовыми мотыгами-кельтами.

Итак, есть основание считать, что в середине и третьей четверти II тысячелетия до н. э. скотоводство и земледелие стали основными отраслями хозяйства у большинства племен Среднего Поволжья, в особенности у южных племен срубной культурной общности, в определенной степени у балановских, абашевских, приказанских и поздняяковских племен. Однако у последних,

расселявшихся по лесостепным районам и долинам крупных рек, в хозяйстве несомненное значение продолжали сохранять охота и рыболовство.

Занятие охотой в какой-то степени было характерно почти для всех средневожских племен, но у одних, например, срубных, она была сведена до уровня сугубо побочного занятия, тогда как у лесных племен, например, чирковско-сейминских, охота наряду с рыболовством продолжала оставаться основой хозяйства. У приказанских племен охота играла меньшую роль, чем у сейминско-чирковских племен, но вместе с тем она не может быть исключена из числа отраслей хозяйства, носившего в значительной мере комплексный характер.

Итак, резюмируя вышесказанное, есть основания считать, что для племен Среднего Поволжья в середине и третьей четверти II тысячелетия до н. э. были характерны следующие экономические комплексы:

скотоводческо-земледельческий — для срубных, абашевских, балановских, приказанских и поздняяковских племен. У последних четырех групп определенное, но не ведущее значение, имели охота и в какой-то степени рыболовство;

охотничье-скотоводческий с рыболовством и земледелием в виде подсобных занятий — для чирковско-сейминских племен.

Средний период эпохи раннего металла в крае характеризуется дальнейшим развитием металлургии меди и бронзы, причем в это время осваиваются и широко начинают использоваться местные медные руды⁸⁹, залегающие в виде медистых песчаников в бассейне Нижней Камы и прилегающих участках Средней Волги. Л. М. Миропольский отмечает лишь в пределах Казанского Поволжья и Нижнего Прикамья 122 месторождения медных руд, из которых большинство было пригодно для поверхностной или неглубокой шахтной разработки⁹⁰. Эти месторождения приурочиваются к долинам рек и содержат руды в виде концентрации малахита, лазурита или окисленных сложных руд, восстановление меди из которых благодаря отсутствию примесей не представляет большой сложности. Содержание меди в руде колеблется от 0,02 до 11,25% при средней глубине залегания рудного пласта на 13 м от поверхности. Большей частью рудоносные пласты имеют удобные для поверхностной разработки выходы в пермских отложениях.

Племена срубной культурной общности в середине и третьей четверти II тысячелетия до н. э. имели широкую практику в металлургии меди и бронзы. Достаточно совершенные и многочисленные металлические орудия и оружия, обнаруженные как в отдельных памятниках, так и в многочисленных кладах и в виде случайных находок, подтверждают это положение. Только на территории Среднего Поволжья имеется более двух десятков кладов срубных металлических изделий, таких, как Сосново-

Мазинский, Волостниковский, Ерыклинский, Татарско-Шуганский и др. Известны также и литейные формы и иные остатки металлургического производства. По мнению Е. Н. Черных, срубные племена, однако, слабо использовали местные руды, а оловянистая бронза, характерная для большинства срубного металла, в основном имела сибирское происхождение⁹¹. Возможно, самые северные группы срубного населения, занимавшие левобережье Камы, в какой-то степени употребляли и местные медные руды, однако ввиду отсутствия анализа металла из памятников этого района пока следует ограничиться указанным предположением.

Местные племена Среднего Поволжья, как мы видели выше, еще в первой половине II тысячелетия до н. э. перешли к изготовлению некоторых металлических предметов, но развитие у них меднолитейного дела, несомненно, ускорилося ближе к середине этого тысячелетия. Классическим подтверждением этого является обилие медных и бронзовых предметов в таком раннем чирковско-сейминском памятнике, как Сейминский могильник, где по самым приблизительным подсчетам обнаружено более 70 медных и бронзовых предметов. Характерно, что большинство их изготовлено из сплавов, имеющих или сибирское (22 предмета, или 36% из оловянистой бронзы), или зауральское (14 предметов, или 23% из медномышьяковистых сплавов) происхождение⁹². Таким образом, есть основания считать, что значительная часть металлических изделий чирковско-сейминских племен на раннем этапе импортировалась с востока. Об этом же свидетельствуют и формы кельтов, наконечников копий и кишжалов, имеющих сибирские параллели. Но вместе с тем несомненно и местное изготовление ряда вещей, о чем говорит оставшаяся группа предметов, отлитая из переплава или чистой меди волго-камского типа⁹³. Правда, последних крайне немного — по-видимому, в середине II тысячелетия чирковско-сейминские племена лишь начинали осваивать местные руды. К тому же основные залежи этих руд находились за пределами территории их расселения, и поставщиками местной меди скорее всего служили приказанские племена.

Приказанские племена с самого начала своего развития обладали значительным числом металлических изделий, часть которых отливалась на месте, о чем свидетельствуют находки в поселениях обломков тиглей, медных шлаков и пр. На первых порах, собственно на займищенском этапе, т. е. в середине II тысячелетия до н. э., металлические предметы, как мы видели выше, мало чем отличались от сейминско-турбинских как по форме, так и, вероятно, по составу металла. Поэтому следует предполагать, что в это время основные металлические изделия импортировались также с востока — из Зауралья и Сибири, т. е. практически почти все местные племена, своим происхождением

ем связанные с волосовско-турбинской и более ранней волгокамской неолитической общностью, в середине II тысячелетия до н. э. импортировали металлические предметы с востока. Но вместе с тем уже на таких ранних приказанских памятниках, как III Займищенская стоянка, встречены вещи (шило, кусок меди), изготовленные из местной руды. Очевидно, уже в этот период приказанские племена начали осваивать местные медные руды, т. е. сделали первые шаги по созданию собственной металлургической базы.

На последующем балымско-карташихинском этапе число металлических предметов, изготовленных из местного сырья, значительно увеличивается, хотя изредка встречаются и предметы, отлитые из металла, имеющего зауральское происхождение (например, медное шило из II Мало-Отарской стоянки с мышьяковистой примесью или бляшка из оловянистой бронзы, найденная в Балымском погребении). Наряду с этим следует заметить, что в третьей четверти II тысячелетия до н. э. приказанская металлургия развивалась под определенным влиянием металлургии срубно-андроновских племен, о чем напоминают многие предметы (серпы, ножи, бляшки, височные подвески, игла и т. п.), найденные в приказанских районах, близкие по форме, а иногда и по составу металла к срубно-андроновским образцам. Увеличение роли металлических изделий у приказанских племен в этот период подтверждается и тем фактом, что на поселениях резко падает число каменных изделий (от 34,8% на III Займищенском поселении до 4,6% на Балымском). Это явление примечательно особенно в связи с тем, что приказанские племена, занимающие районы с выходами легко обрабатываемого кремневого известняка, довольно длительное время использовали кремь в качестве сырья для изготовления орудий.

Существенные изменения в хозяйстве и быту, особенно местных племен эпохи бронзы в середине и третьей четверти II тысячелетия до н. э., не могли не наложить значительных отпечатков и на развитие общественных отношений. Нет сомнения в том, что в условиях господства производящих отраслей хозяйства и развития металлургии меди и бронзы не только у пришлых, но и местных племен упрочились патриархальные отношения и наметились элементы заката первобытно-общинного строя.

У срубных племен в это время господствовал патриархально-родовой строй и наблюдалось выделение родовой знати. Значительные как по составу, так и по числу известных местонахождений клады металлических изделий позволяють предполагать начало имущественного расслоения внутри родовых групп срубных племен. К концу периода численность срубных племен в Среднем Поволжье достигает, вероятно, огромной для того времени цифры. К третьей четверти II тысячелетия до н. э. только в рассматриваемых районах края число срубных поселений дохо-

дит до 600. Судя по раскопкам таких поселений, как Сусканское, в каждом поселке обитало не менее 200 человек. По-видимому, этой цифрой может быть охарактеризована численность средней родовой группы срубной культурной общности. Исходя из этого, можно полагать, что численность всего срубного населения края доходила до 80—100 тыс. человек. Естественно, такая масса людей должна была объединяться в племенные группы. К сожалению, недостаточная изученность памятников не позволяет в настоящее время наметить срубные племенные территории.

Выяснение общественных отношений и численности балановских племен на атли-касинском и ош-пандинском этапах, ввиду слабой изученности памятников пока невозможно. Лишь опираясь на мнение О. Н. Бадера⁹⁴, можно полагать, что в рассматриваемое время у балановских племен завершился переход к патриархальным отношениям. В этот же период наблюдается значительная рассредоточенность балановцев, приведшая к вероятному уменьшению их численности в Среднем Поволжье.

Обитающая в северо-восточных районах лесного Прикамья турбинская племенная группа численностью в 1250—1700 человек находилась на стадии разложения материнского рода и возникновения патрилокальной формы брака⁹⁵.

Очевидно, на этой же стадии находились вначале и чирковско-сейминские племена. На поселении Галанкина гора мы еще видим сохранение традиционных для предшествующего волосовского времени соединенных общинных домов, характерных, как это было показано выше, именно для переходного от матриархата к патриархату периоду. Но в то же время здесь наблюдается интересная деталь — в составе керамического комплекса содержатся балановские сосуды, проникновению которых способствовали перекрестные браки чирковско-сейминского населения с балановскими племенами. Известно, что глиняная посуда лепилась преимущественно женщинами, поэтому мы можем считать, что с балановскими сосудами в поселение чирковско-сейминской культуры пришли балановские женщины. Приход женщины в другой род возможен лишь при патрилокальной форме брака, поэтому есть основание полагать, что уже на раннем этапе эта форма брачных отношений становится характерной для чирковско-сейминских племен.

На кубашевском этапе, вероятно, патриархальные отношения у чирковско-сейминских племен еще более усиливаются. В этот период на смену соединенным домам приходят изолированные дома — жилища больших семей (см. Кубашевское поселение) и еще более усиливаются браки с балановскими племенами. Но вместе с этим у нас нет оснований полагать, что у чирковско-сейминских племен победил патриархальный родовой строй.

Более прогрессивным было развитие общественных отношений у племен приказанской и поздняяковской культур. Особенно интересны в этом плане материалы приказанских памятников.

На займищенском и в самом начале балымско-карташихинского этапа в типе поселений и жилищ приказанских племен еще не наблюдается особых изменений по сравнению с аналогичными явлениями в волосовских памятниках — сохраняются соединенные полуземлянки с групповым размещением очагов, изредка встречаются и разнополюе парные погребения. Как мы видели выше, в это время и в хозяйственном отношении приказанцы еще близки к поздним волосовцам. Поэтому есть основание полагать, что в середине II тысячелетия до н. э. приказанские племена, так же как и родственные им чирковско-сейминские и в какой-то степени турбинские племена, переживали период перехода от материнского рода к отцовскому. Характерно, что в это время еще наблюдается разделение жилищ на мужские и женские половины (см. например, жилища III Займищенской стоянки, I Карташихинского поселения и т. п.).

Вместе с тем у нас все же нет оснований считать, что этот переходный период у приказанских племен длился в течение всей эпохи бронзы.

Уже на балымско-карташихинском этапе в развитии экономики приказанских племен наблюдаются существенные сдвиги в отношении увеличения роли производящих отраслей хозяйства и металлургии. Здесь происходит сложение таких условий, когда по выражению Ф. Энгельса «приручение домашних и разведение стад создали неслыханные до того источники богатства и породили совершенно новые общественные отношения»⁹⁶, приведшие к господству отцовского рода. Важнейшим результатом перехода от матриархата к патриархату было образование нового типа основной общественной ячейки — патриархальной семьи, пришедшей на смену матриархальной парной семье.

На ряде поселений балымско-карташихинского этапа (Балымское, II Карташиха, I Матюшинское и др.) жилища из соединенных становятся изолированными; очаги в них уже располагаются не группами, а по продольной оси, так же как в жилищах срубных поселений. Очевидно, в этом следует усматривать обособление патриархальных семей. Вместе с тем наблюдается и выделение мужчин — родовых вождей. Вероятно, одно из центральных погребений у Балымского жертвенника (погребение 5), отличавшееся от остальных захоронений не только положением скелета, но и инвентарем (бронзовый кинжал, два сосуда и пр.), следует рассматривать как погребение родового вождя.

Таким образом, мы можем констатировать, что на балымско-карташихинском этапе, т. е. в третьей четверти II тысячелетия до н. э., у приказанских племен уже победили патриархальные

отношения, хотя в известной степени сохранились и пережитки материнского рода. В этой связи весьма любопытно одно характерное для приказанских племен указанного времени явление. Как мы видели выше, именно в конце балымско-карташихинского и особенно на последующем атабаевском этапе приказанские племена начинают распространяться на обширной территории Волго-Камья. Происходит своеобразный процесс распада приказанских племенных групп и обособление отдельных родов. Приказанское население появляется на Вятке, Белой, Средней Каме и достигает Ветлуги. Конечно, в основе этого расселения лежали и такие причины, как перенаселение, развитие экономики, благоприятные условия, связанные с отходом срубных и ослаблением абашевских и балановских племен и т. п. Однако нельзя не учитывать и тенденции обособления родовых групп, что, по мнению этнографов, характерно именно для ранних этапов отцовско-родового строя, которые «ведут к ослаблению племенной организации, к обособлению отцовских родов»⁹⁷.

Только в пределах Казанского Поволжья и Нижней Камы на балымско-карташихинском этапе мы наблюдаем выделение до 15 групп приказанских поселений со средним числом поселков в каждой группе до пяти. Такое явление не было характерно ни для предшествующего этапа приказанской культуры, ни для волосовского времени, где поселения обычно располагались в одиночку. Каждая такая группа, состоящая из близко расположенных поселков, вероятно, представляла разросшийся родовой коллектив типа фратрии.

Интересно было бы попытаться выяснить приблизительную численность всей массы приказанского населения на балымско-карташихинском этапе. Для этого благодаря достаточно полному разведочному обследованию приказанской территории и исчерпывающим раскопкам некоторых поселений у нас есть некоторые основания. Полные раскопки таких приказанских поселений, как Займище III, Карташиха I, Балымское, показали, что все они состояли из трех-четырех жилищ общей площадью соответственно в 330, 353 и 320 кв. м.

Как отмечалось выше, средняя жилая площадь на одного человека в эпоху раннего металла не превышала 3 кв. м. Очевидно, не будет большой ошибкой, если эту цифру мы примем и для приказанского жилища в качестве допустимой нормы. В таком случае в каждом приказанском поселке могло жить в среднем 100—110 человек, а в каждой группе поселков — до 500. Возможно, все приказанское население, состоявшее не менее чем из 14 групп, могло насчитывать 6—7 тыс. человек, что для эпохи бронзы является довольно внушительной цифрой. Очевидно, приказанские племена по своей численности уступали лишь племенам срубной культурной общности и после ухода последних на рубеже третьей и четвертой четвертей II тысячелетия до н. э.

превратились в наиболее многочисленное и, можно сказать, господствующее население края. Достаточно в связи с этим напомнить, что все коренное население Сибири в XVII в. насчитывало всего лишь 160 тыс. человек⁹⁸.

В последней четверти II тысячелетия до н. э. этно-культурная карта Среднего Поволжья изменяется. Срубные племена отходят и оставляют долины Волги и прилегающих участков. Исчезает и абашевское население. Балановские племена на последнем хула-сючском этапе деградируют в культурном отношении и скапливаются на небольшом пятачке в приустьевых районах бассейна Суры, откуда вскоре также исчезают. Почти всю территорию Волго-Камья населяют приказанские племена, освоившие к концу II тысячелетия до н. э. бассейны Средней и Верхней Камы и значительную часть р. Белой, а на западе дошедшие до Ветлуги и Суры. Их западными соседями становятся поздняяковские племена, занявшие Поволжье выше устья Ветлуги.

Численность приказанских племен на атабаевском (последняя четверть II тысячелетия до н. э.) и маклашеевском (первая четверть II тысячелетия до н. э.) этапах значительно возрастает по сравнению с предшествующим временем. Так, с одной стороны, наблюдается несомненное увеличение размеров жилищ и их числа в поселках, а следовательно, и численности населения каждого поселка. Например, на Гулькинском поселении А. В. Збруевой вскрыто пять изолированных жилищ общей площадью в 564 кв. м. На этом поселении по-видимому, было больше жилищ, так как обследование размытой поверхности стоянки в последние годы показало наличие здесь еще нескольких остатков жилищ. На I Матюшинской стоянке зафиксированы пятна по меньшей мере от 15 жилищ, а на Мало-Кокузинской — от 11. Средняя площадь жилищ первой стоянки — 100 кв. м, на второй — до 150 кв. м. Поэтому есть основания полагать, что общая жилая площадь каждого поселка достигала до 1500 кв. м. Такие крупные поселки известны и выше по р. Волге — Волжская стоянка и на Средней Каме — Ерзовская стоянка. Итак, следует считать, что в конце II тысячелетия до н. э. для приказанских племен становятся характерными крупные поселки с жилой площадью до 1500 кв. м. В каждом таком поселке могло жить до 500 человек (см. приведенные выше нормы). Следовательно, по сравнению с предшествующим временем заселенность поселков выросла примерно в 5 раз.

Одновременно увеличивалось и число поселков, по-прежнему объединенных в группы. Для атабаевского времени известно более 100 поселков, а для маклашеевского — до 150. Если даже мы примем для каждого поселка число жителей в 300—500 человек, то в самом приближенном виде численность всего приказанского населения на рубеже II—I тысячелетий до н. э. мы можем определить в 30—50 тыс. человек.

Естественно такой рост численности населения (в 3—5 раз больше, чем в предшествующее время) мог происходить лишь в условиях дальнейшего развития хозяйства и прежде всего таких производящих отраслей, как скотоводство и земледелие.

Скотоводство в позднеприказанское время являлось основной отраслью хозяйства, поставляющей мясные и молочные продукты питания, а также сырье для одежды и костерезного дела. Кости домашних животных в остеологических комплексах позднеприказанских памятников абсолютно преобладают как по числу костей, так и по числу особей над костями диких животных (табл. 3) и обычно составляют не менее 90%.

В скотоводстве приказанского населения основу продолжает сохранять крупный рогатый скот, несколько уменьшается значение мелкого рогатого скота, постепенно возрастает число лошадей и свиней (см. табл. 3). Последние еще более увеличиваются в количественном отношении в раннеананьинское время, когда соответственно уменьшается роль рогатого скота.

Интересные данные получены А. Г. Петренко в результате определения возрастных особенностей костей крупного рогатого скота и лошади. Ею установлено, что основная часть крупного рогатого скота (до 82%) позднеприказанским населением забивалась в возрасте между 2,5 и 10 годами, а также найдены кости и от особей более старого возраста. Это явление интересно, с одной стороны, тем, что оно свидетельствует об использовании коров в первую очередь для получения молочных продуктов, а быков в качестве тягловой силы, а, с другой, позволяет предполагать дальнейшее развитие у приказанских племен стойлового содержания скота. Любопытно, что в раннеананьинское время увеличивается число особей крупного рогатого скота, забитого преимущественно в возрасте до двух лет (60%). Возможно, это явление следует увязывать с понижением значения молочного стада и превращением крупного рогатого скота в мясных животных. Интересно в связи с этим отметить распространение в раннеананьинское время в погребальном обряде обычая класть вместе с умершим говяжий окорок.

Любопытны также возрастные данные по лошадям. Как в позднеприказанское, так и раннеананьинское время абсолютное большинство лошадей забивалось в возрасте от трех до девяти лет (40—60%) или же свыше 10 лет (30—55%). Несомненно, в этом сказалось постепенное превращение лошади из мясного животного в животное, употреблявшееся для верховой езды, а также и, вероятно, в качестве тягловой силы. Об этом же свидетельствуют находки в ряде позднеприказанских могильников (Маклашеевский, II Полянский) роговых трехдырчатых псалей.

Основными домашними животными, разводившимися приказанцами, очевидно, были свиньи, закалывавшиеся обычно в возрасте от одного до двух лет. Увеличение численности свиней

при переходе к ананьинскому времени, вероятно, следует связывать с некоторым изменением природных условий в начале I тысячелетия до н. э., когда в результате повышения общей увлажненности происходило увеличение залесенности края. В это же время падает и численность мелкого рогатого скота.

ТАБЛИЦА 3

Соотношение основных видов домашних животных в приказанских и раннеананьинских комплексах

Виды животных	Приказанские		Раннеананьинские
	середины и третьей четверти II тысячелетия	рубежа II—I тысячелетий до н. э.	
Крупный рогатый скот	34%	34%	25%
Мелкий рогатый скот	20%	11%	8%
Свинья	18%	22%	25%
Лошадь	28%	33,0%	42%
	100%	100%	100%

Наряду со скотоводством происходило и дальнейшее развитие земледелия. Хотя, к сожалению, мы не обладаем в настоящее время какими-либо сведениями о культурных растениях, выращивавшихся позднеприказанскими племенами на рубеже II—I тысячелетия до н. э., но все же, опираясь на косвенные данные, мы можем констатировать развитие в это время земледельческой отрасли хозяйства. Во-первых, в этот период улучшается качество и возрастает число земледельческих орудий — широко распространяются специальные бронзовые мотыги, а также кельты, часть из которых могла использоваться в качестве мотыг; увеличивается число находок бронзовых серпов (уже в VIII в. до н. э. появляются железные серпы); на поселениях частыми находками становятся крупные массивные зернотерочные плиты, более производительные, чем ступки предшествующего времени.

Не исключено, что в это время приказанское население осваивает процесс выпечки хлеба. В этом отношении особый интерес вызывает находка на Гулькинской стоянке в 1965 г. жаровни в виде подчетыреугольной миски с толстыми и высокими краями, весьма удобной для печения, о чем свидетельствует и значительная прокаленность дна и стен жаровни. Между прочим, такие формы для выпечки хлеба на открытом очаге в горячей золе еще в XIX в. практиковались марийцами.

Значительное увеличение численности приказанского населения и особенно жителей одного поселка заставляет полагать, что

ТАБЛИЦА И

Основные данные охотологических комплексов из приказанских и раннесаманских памятников Среднего Поволжья конца II и начала I тысячелетия до н. э.

Памятник	Всего костев	В том числе в %				Виды домашних животных						Виды диких животных
		костей/особей		костей/особей		костей/особей/сут		костей/особей/сут		количество		
		домашних	диких	домашних	диких	крупный рогатый скот	мелкий рогатый скот	свинья	лошадь	собака		
Мало-Кожушнская	122	92,6	7,4	77,8	22,2	10/40,0	2/8,0	1/40	12/48,0	—	лось, северный олень, выдра, бобр	
Агабаевская*	1082	97,3	2,7	97,4	2,6	8/24,0	4/10,6	18/47,4	8/24,0	—	лось, северный олень, выдра, бобр	
Надлуговая . . .	90	99,0	1,0	97,8	2,2	23/51,0	4/9,0	3/6,7	15/33,3	—	лось	
Гулькинская* . . .	475	89,5	10,5	70,6	24,4	7/20	5/14,1	15/43,1	8/22,8	1/3,0	лось, кабан, медведь, бобр	
Куминская	80	92,8	7,2	92,0	8,0	8/34,8	3/13,0	4/17,4	8/34,8	—	лось	
Лутовские курганы	128	99,3	0,7	?	?	12/38,65	4/13,0	6/19,35	9/29,0	—	медведь	
Ананьинская												
Поселение «Курганы»	224	92,7	7,3	87,5	12,5	3/11,2	2/7,4	11/40,7	11/40,7	1/3,7	лось, северный олень, медведь, бобр	
Антоновское городище	201	94,2	5,8	80,0	20,0	9/39,1	2/8,7	2/8,7	10/43,5	1/4,3	лось, северный олень, косуля, барсук, бобр, птица	

* Определенные костев В. И. Далгина, остальные Д. Г. Петренко.

основу хозяйства позднеприказанских племен составляли скотоводство и земледелие, а охота и рыболовство выполняли сугубо подсобную роль. О последних свидетельствуют немногочисленные остатки костей, среди которых почти на всех стоянках встречаются кости лося, реже медведя и единично зайца, северного оленя, кабана, выдры и бобра. Из рыб отмечены кости осетра. Известны также находки рыболовных крючков, изготовленных из меди и кости. Но их немного.

В эпоху поздней бронзы интенсивное развитие получает металлургия меди и бронзы на основе активного использования местных медистых песчаников. В это время используются местные типы орудий и украшений — кельты, наконечники копий, головные и прочие украшения, свидетельствующие о сложении в Волго-Камье собственного металлургического центра. Кроме многочисленных находок на поселениях литейных форм, обломков тиглей, кусков металла и шлаков известны также и захоронения меднолитейщиков (например, в I Ново-Мордовском могильнике), указывающие на выделение специальных мастеров, занимавшихся обработкой металла.

Очевидно, значительные успехи, достигнутые приказанскими металлургами в деле обработки цветных металлов, послужили основой раннего освоения железа. Как мы видели выше, попытки обработки железа были предприняты еще в поздневоловское время (см. находки железистых шлаков на Панфиловской и III Займищенской стоянках). Позднее такие шаги предпринимались и приказанским населением, о чем свидетельствуют обломки железа из Карташихинских стоянок. Однако переход к изготовлению железных орудий труда и оружия произошел лишь в VIII—VII вв. до н. э., когда в раннеананьинских памятниках (см. Акозинский, Старший Ахмыловский и др.) железные вещи становятся обычной находкой. Таким образом, мы можем считать, что по времени и уровню освоения железа население Среднего Поволжья не только не отставало от населения более южных районов, а в некоторых отношениях даже опережало его.

Интенсивное развитие экономики и межплеменных связей при переходе от эпохи бронзы к раннему железу, несомненно, сказалось и на дальнейшем прогрессе общественных отношений населения Среднего Поволжья.

Наряду с упрочением патриархального родового строя в это время проявляются зачатки распада первобытно-общинных отношений. В позднеприказанских и раннеананьинских могильниках появляются коллективные захоронения, которые, возможно, следует рассматривать в качестве погребений членов одной патриархальной семьи. Последняя постепенно превращается в решающую экономическую силу общества, ибо в руках ее членов уже сосредоточиваются основные орудия производства.

В этих условиях усиливается имущественное неравенство членов родового коллектива. Установленная А. В. Збруевой⁹⁹ многочисленная градация ананьинского коллектива, очевидно, возникает еще в позднеприказанское время. В таких позднеприказанских могильниках, как II и III Маклашевские, II Полянский и V Ново-Мордовский, наблюдается выделение погребений хорошо вооруженных мужчин, сопровождающихся не только оружием, но и предметами конской сбруи и другими вещами. Отмечаются также и богатые женские захоронения, например погребение 3 из II Полянского могильника. Распространяется оружие — кинжалы, боевые топоры и короткие мечи. В этих условиях происходит сложение новой общественной организации, названной Ф. Энгельсом военной демократией.

Исходя из материалов таких переходных памятников, как I Ново-Мордовский могильник со стелами, поставленными над могилами вождей¹⁰⁰, мы можем считать, что при переходе от эпохи бронзы к эпохе раннего железа в Среднем Поволжье в среде позднеприказанских племен наметились зачатки новых общественных отношений, характерных уже для периода распада первобытно-общинного строя. Так заканчивается огромная по хронологической длительности история древнейшего населения края, жившего еще в период прочной родовой организации.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ П. И. Борисковский. Древнейшее прошлое человечества. М., 1957, стр. 56 и сл.

² М. О. Косвен. Очерки истории первобытной культуры. М., 1957, стр. 64.

³ П. И. Борисковский. Указ. соч., стр. 88, 89.

⁴ П. Н. Третьяков. Первобытная охота в северной Азии. «Изв. ГАИМК», вып. 106. М.—Л., 1934, стр. 245.

⁵ А. П. Окладников. Неолит и бронзовый век Прибайкалья. МИА, № 18, 1950, стр. 297.

⁶ В. В. Федоров. К вопросу о времени возникновения рыболовства на территории Европейской части СССР. «Сборник музея антропологии и этнографии», т. XXI. М.—Л., 1963.

⁷ А. П. Окладников. Указ. соч., стр. 240.

⁸ В. Н. Белицер. Очерки по этнографии народов коми. «Тр. ИЭ» (новая серия), т. XV. М., 1958, стр. 96.

⁹ В. В. Федоров. Рыболовные снаряды неолитической эпохи из долины р. Оки. СА, № 2, 1937, стр. 62 и сл.

¹⁰ П. Н. Третьяков. К истории доклассового общества Верхнего Поволжья. «Изв. ГАИМК», вып. 106, стр. 102.

¹¹ А. Х. Халиков. Материалы к изучению истории населения Среднего Поволжья и Нижнего Прикамья в эпоху неолита и бронзы. «Тр. Марийской археологической экспедиции», т. I. Йошкар-Ола, 1960, стр. 29.

¹² В. В. Федоров. Плехановская неолитическая стоянка. МИА, № 39, 1953, стр. 305.

¹³ В. А. Афонюшкин. Новая находка древнего челна у с. Шучье Воронежской области. «Тр. Воронежского областного краеведческого музея», вып. I. Воронеж, 1960.

- ¹⁴ В. М. Раушенбах. Среднее Зауралье в эпоху неолита и бронзы. «Тр. ГИМ», вып. 29, М., 1956, стр. 23.
- ¹⁵ В. М. Раушенбах. Новые находки на Шигирском торфянике. КСИИМК, вып. 75, 1959.
- ¹⁶ Г. М. Буров. Археологические находки в старичных торфяниках бассейна Вычегды. СА, 1966, № 1.
- ¹⁷ Н. Н. Гурин. Оленеостровской могильник. МИА, № 47, 1956, стр. 165 и сл.
- ¹⁸ В. И. Ленин. Письмо к А. М. Горькому. Полн. собр. соч., т. 48, стр. 232.
- ¹⁹ С. Н. Замятин. См. примеч. 3, стр. 12.
- ²⁰ Ю. И. Семенов. Как возникло человечество. М., 1966, стр. 478 и сл.
- ²¹ А. М. Золотарев. Родовой строй и первобытная мифология. М., 1964.
- ²² А. А. Формозов. Этнокультурные области на территории Европейской части СССР в каменном веке. М., 1959, стр. 70 и сл.
- ²³ «Народы Австралии и Океании». М., 1956, стр. 150—152.
- ²⁴ Там же, стр. 171.
- ²⁵ Там же, стр. 139.
- ²⁶ А. Х. Халиков. Материалы к изучению истории населения Среднего Поволжья и Нижнего Прикамья в эпоху неолита и бронзы, стр. 14—16.
- ²⁷ См. примеч. 20, стр. 517.
- ²⁸ С. П. Толстов. Древний Херезм. М., 1948, стр. 62.
- ²⁹ Ф. Энгельс. Происхождение семьи, частной собственности и государства. К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 21, стр. 99.
- ³⁰ Там же, стр. 92.
- ³¹ И. К. Цветкова. Волосовские неолитические племена. «Тр. ГИМ», вып. 22, 1953, стр. 40.
- ³² А. Х. Халиков. Материалы к изучению истории населения Среднего Поволжья и Нижнего Прикамья в эпоху неолита и бронзы, стр. 60.
- ³³ А. Я. Брюсов. Свайное поселение на р. Модлоне. МИА, № 20, 1951, стр. 13.
- ³⁴ Там же, стр. 13.
- ³⁵ И. К. Цветкова. Волосовские неолитические племена, стр. 40.
- ³⁶ А. Х. Халиков. Материалы к изучению истории населения Среднего Поволжья и Нижнего Прикамья в эпоху неолита и бронзы, стр. 60.
- ³⁷ Н. Н. Воронин. Медвежий культ в Верхнем Поволжье в XI в. МИА, № 6, 1941.
- ³⁸ С. Н. Замятин. Миниатюрные кремневые скульптуры в неолите северо-восточной Европы. СА, X, 1948.
- ³⁹ А. С. Уваров. Археология России.— Т. I. М., Каменный период. 1881, стр. 232.
- ⁴⁰ В. А. Городцов. Панфиловская палеометаллическая стоянка. «Тр. Владимирского областного музея», вып. 2. Владимир, 1926.
- ⁴¹ А. Я. Брюсов. Указ. соч., стр. 13.
- ⁴² В. А. Городцов. Культуры бронзовой эпохи в средней России. «Отчет Российского исторического музея за 1914 г.». М., 1916, стр. 124, рис. 1, 2.
- ⁴³ А. Х. Халиков. Материалы к изучению истории населения Среднего Поволжья и Нижнего Прикамья в эпоху неолита и бронзы, стр. 62.
- ⁴⁴ А. Я. Брюсов. Указ. соч.
- ⁴⁵ В. Н. Белицер. Указ. соч., стр. 92.
- ⁴⁶ И. К. Цветкова. Волосовские неолитические племена.
- ⁴⁷ А. Я. Брюсов. Указ. соч.
- ⁴⁸ E. Itkonen. Der Finnen aus der Perspektive eines Linguisten. UAJ, Bd XXXII. Wiesbaden, 1960.
- ⁴⁹ О. Н. Бадер. Балановский могильник. М., 1963, стр. 277.
- ⁵⁰ Д. А. Крайнов. Памятники фатьяновской культуры. Ярославско-Калининская группа. САИ, В1—20. М., 1964, стр. 32, 33.
- ⁵¹ О. Н. Бадер. Балановский могильник, стр. 209.

- ⁵¹ Д. А. Крайнов. Указ. соч., стр. 33.
- ⁵² В. Громова. Об ископаемых остатках козы и других домашних животных в СССР. «Проблемы происхождения, эволюции и породообразования домашних животных». М.—Л., 1940, стр. 95.
- ⁵³ К. В. Сальников. Южный Урал в эпоху неолита и ранней бронзы. «Археология и этнография Башкирии», т. I. Уфа, 1962, стр. 47.
- ⁵⁴ И. К. Качалова. Племена Нижнего Поволжья в эпоху средней бронзы. Автореф. канд. дисс. М., 1965, стр. 20.
- ⁵⁵ В. А. Городцов. К истории приручения собаки в пределах СССР, по данным археологии. Проблемы происхождения, эволюции и породообразования домашних животных. М.—Л., 1940.
- ⁵⁶ И. К. Цветкова. Волосовские неолитические племена.
- ⁵⁷ А. Я. Брюсов. Указ. соч.
- ⁵⁸ В. А. Городцов. См. примеч. 41.
- ⁵⁹ В. Громова. Указ. соч., стр. 91.
- ⁶⁰ В. И. Георгиев. Исследования по сравнительно-историческому языкознанию. М., 1958.
- ⁶¹ О. Н. Бадер. Балановский могильник, стр. 279.
- ⁶² И. К. Качалова. Указ. соч., стр. 20.
- ⁶³ А. Я. Брюсов. Указ. соч., стр. 25.
- ⁶⁴ Ю. А. Краснов. К истории раннего земледелия в лесной полосе Европейской части СССР. СА, 1965, № 2, стр. 61.
- ⁶⁵ А. Х. Халиков. Материалы к изучению истории населения Среднего Поволжья и Нижнего Прикамья в эпоху неолита и бронзы, рис. 34.
- ⁶⁶ И. К. Цветкова. Волосовский клад. «Тр. ГИМ», вып. 23, 1957.
- ⁶⁷ О. Н. Бадер. Балановский могильник.
- ⁶⁸ О. Н. Бадер. Могильники турьинского типа, их возраст и связь с поселениями. «Археологический сборник Эрмитажа», вып. 6. Л., 1964, стр. 156.
- ⁶⁹ Л. Морган. Дома и домашняя жизнь американских туземцев. М., 1934, стр. 79.
- ⁷⁰ Там же, стр. 80, 81.
- ⁷¹ Там же, стр. 86.
- ⁷² С. Н. Бибииков. Хозяйственно-экономический комплекс развитого Триполья. СА, 1965, № 1.
- ⁷³ С. П. Толстов. Указ. соч., стр. 62.
- ⁷⁴ О. Н. Бадер, В. А. Оборин. На заре истории Прикамья. Пермь, 1958.
- ⁷⁵ А. П. Окладников. Указ. соч., стр. 204, 205.
- ⁷⁶ Д. А. Крайнов. Указ. соч., стр. 37.
- ⁷⁷ К. В. Сальников. Указ. соч., стр. 55.
- ⁷⁸ П. Н. Третьяков. Финно-угры, балты и славяне на Днепре и Волге. М.—Л., стр. 49 и сл.
- ⁷⁹ В. И. Цалкин. Некоторые итоги изучения костных остатков животных из раскопок археологических памятников позднего бронзового века. КСИА, вып. 101, 1964, стр. 26.
- ⁸⁰ Н. Я. Мерперт. Из древнейшей истории Среднего Поволжья. МИА, № 61, 1958, стр. 121.
- ⁸¹ О. Н. Бадер. См. примеч. 68, стр. 155.
- ⁸² О. Н. Бадер. К истории первобытного хозяйства на Оке и в Верхнем Поволжье. ВДИ, 1939, № 3, стр. 117.
- ⁸³ Н. Ф. Калинин, А. Х. Халиков. Поселения эпохи бронзы в Прикамском Поволжье. МИА, № 42, 1954, стр. 170—172.
- ⁸⁴ О. А. Кривцова-Гракова. Степное Поволжье и Причерноморье в эпоху поздней бронзы. МИА, № 46, 1955, стр. 70.
- ⁸⁵ С. С. Берлянд. Очерки о земледелии и земледельцах. М., 1964, стр. 39.
- ⁸⁶ О. А. Кривцова-Гракова. Указ. соч., стр. 70.
- ⁸⁷ А. А. Никитин. Дикариха. МИА, № 110, 1963, стр. 226.

⁸⁸ А. В. Збруева. Памятники эпохи поздней бронзы в Приказанском Поволжье и Нижнем Прикамье. МИА, № 80, 1960.

⁸⁹ Е. Н. Черных. Спектральный анализ и изучение древнейшей металлургии Восточной Европы. «Археология и естественные науки». М., 1965.

⁹⁰ Л. М. Миропольский. Медные руды в пермских отложениях Татарской АССР и их генезис. «Уч. зап. Казанского госуниверситета», т. 98. Кн. 1. Геология, вып. 10. Казань, 1938.

⁹¹ Е. Н. Черных. Указ. соч.

⁹² О. Н. Бадер. См. примеч. 68, стр. 162.

⁹³ Там же, стр. 162.

⁹⁴ О. Н. Бадер. См. примеч. 48, стр. 302.

⁹⁵ О. Н. Бадер. См. примеч. 68, стр. 156, 157.

⁹⁶ Ф. Энгельс. Указ. соч., стр. 57.

⁹⁷ Б. О. Долгих. Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII в. «Тр. ИЭ», (новая серия), т. LX, 1960, стр. 11.

⁹⁸ Там же, стр. 165.

⁹⁹ А. В. Збруева. История населения Прикамья в ананьинскую эпоху. МИА, № 30, 1952.

¹⁰⁰ А. Х. Халиков. Стелы эпохи раннего железа с изображением оружия. СА, 1963, № 3.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ.

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ЭТНИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ

Области Среднего Поволжья и Прикамья многими археологами, историками и языковедами рассматриваются как наиболее возможная территория формирования и развития финно-угорской общности. Естественно, это обстоятельство повышает интерес к древнейшей истории края и изучение его археологических памятников приобретает важное значение и для этногенетических построений.

Вопросами происхождения и развития финно-угорских народов занималась многочисленная плеяда финских, эстонских, венгерских, русских и других ученых, преимущественно языковедов, о чем свидетельствует накопившаяся в течение последних ста лет значительная литература, начиная от штудий Клапрота и М. Кастрена до новейших исследований П. Хайду, Эт. Итконена, Б. А. Серебрянникова, П. Н. Третьякова и др. Достаточно подробный анализ этих исследований дан в сводных работах Э. Н. Сетяля¹, В. Х. Тойвонена², Эт. Итконена³, П. А. Аристэ⁴, П. Хайду⁵ и П. Н. Третьякова⁶, а также в материалах недавно проведенных научных сессий по этногенезу мордовского⁷ и марийского⁸ народов. Отсылая читателя к этим работам для более подробной справки, ограничусь лишь суммированием мнений по поводу древней родины финно-угорских народов, так как этот вопрос имеет первостепенное значение для нашего исследования.

Абсолютное большинство языковедов — Ф. Кеппен, Н. Пасонен, Х. Скёлд, Э. Сетяля, В. Тойвонен, И. Себештьен, П. Хайду, А. Йоки, Б. А. Серебрянников и др. — считает, что основная территория обитания и формирования ядра финно-угорского населения находилась в Волго-Камье и прилегающих к этой обла-

сти районах Среднего Урала. Никто из этих исследователей уже не поддерживает мнение Ф. Видемана и А. Кастрена, полагавших, что первоначальная прародина финно-угров находилась далеко на востоке, в предгорьях Алтая и Саян, так же как и гипотезу Г. Коссины, помещавшего предков финно-угров в Центральной Германии и Скандинавии. Для нас особенно ценно почти единодушное высказывание языковедов в этом вопросе, ибо, как мы увидим ниже, оно подтверждается и археологическими материалами.

Особый интерес в связи с настоящей проблемой вызывают попытки ряда археологов, начиная с И. Р. Аспелина и до авторов новейших, преимущественно советских работ увязать археологические материалы с лингвистическими и создать на их основе ряд гипотез финно-угорского этногенеза. Рассмотрим некоторые из них.

Отец финской археологии И. Р. Аспелин в последней четверти прошлого столетия предпринял попытку археологического обоснования гипотезы Кастрена о формировании финно-угорских предков в глубинах Азии и их постепенном распространении на запад⁹. Однако ни один из последующих археологов не поддержал И. Р. Аспелина, если не считать некоторых работ А. М. Тальгрена¹⁰. Последним были предприняты обширные исследования в области археологии Евразии, особенно эпохи бронзы и раннего железа. Твердо убежденный в том, что ананьинская культура является культурой финно-угорской, А. М. Тальгрэн попытался ретроспективным путем подойти к решению проблемы. Однако явная недостаточность материалов не позволила ему создать какую-либо стройную теорию, и он в конечном итоге, отказавшись от поисков финно-угорской прародины в далекой Сибири, вынужден был присоединиться к мнению тех археологов, которые, начиная от О. Альмгрена¹¹ и Ю. Айлио¹², пытались искать основу финно-угорской общности в неолитических культурах с ямочно-гребенчатой керамикой и полагали, что финно-угорские племена формировались на обширной территории леса и лесостепи Европы от Волги до Прибалтики¹³. Это мнение было поддержано и некоторыми советскими археологами — Б. С. Жуковым, А. Я. Брюсовым¹⁴, Х. А. Моора¹⁵. Достаточно подробная критика этой теории, высказанная П. Н. Третьяковым¹⁶, позволяет не останавливаться на разборе ее ошибочности.

С. П. Толстовым¹⁷ и В. Н. Чернецовым¹⁸ высказана мысль о первоначальном формировании ядра финно-угорской общности в Приаралье на базе кельтеминарской культуры с последующим выходом ее носителей в Приуралье и переходом в III тысячелетие до н. э. в Прикамье. Рациональным зерном в этой теории является этническое определение камско-уральских неолитических племен как финно-угорских, хотя их кельтеми-

нарская основа и вызывает серьезные возражения¹⁹. Действительно, предположение о приаральской основе никоим образом не вяжется с палеолингвистическими данными, свидетельствующими о том, что даже древнейшая прародина финно-угров должна располагаться не южнее полосы тайги и никак не в полупустынных районах Приаралья²⁰.

Мысль о принадлежности неолитической культуры с гребенчатой керамикой Урала и Прикамья финно-угорскому этносу была поддержана рядом археологов²¹ и развита П. Н. Третьяковым в его новейших исследованиях, посвященных этногенетическим проблемам народов Восточной Европы. Он считает, что основная область формирования финно-угорской основы в эпоху мезолита и неолита располагалась в районе Среднего Урала и в прилегающих к нему Прикамье и Зауралье. Отсюда в эпоху неолита и ранней бронзы двумя волнами происходило распространение финно-угорских племен на запад — в Поволжье и Прибалтику. Основная волна этого распространения, по мнению П. Н. Третьякова, связана с движением племен волосовской культуры, происхождение которых на базе камской (волго-камской) неолитической культуры кажется ему вполне вероятным²².

К сожалению, ко времени написания указанных работ археологических материалов, связанных с основными районами финно-угорского генезиса, было сравнительно немного, а по ряду периодов они вообще отсутствовали. В какой-то мере этот недостаток может быть восполнен новыми материалами, изложенными в настоящей работе, поэтому автор берет на себя смелость высказать свое мнение по данной проблеме.

Полагая, что лишь опираясь на археологические материалы, которые, бесспорно, увязываются с финно-угорским этносом, можно решать этногенетические проблемы, автор избрал для последующего изложения ретроспективный метод, т. е. путь от известных, но более поздних этнических групп к неизвестным, более ранним образованиям.

В основных разделах настоящей работы была предпринята попытка проследить преемственное развитие древнейшей истории населения Среднего Поволжья до эпохи ананьинской культуры. Установлено, что в первой половине I тысячелетия до н. э. в крае существовали фактически лишь две большие культурные общности — все Прикамье и значительную часть Среднего Поволжья с востока занимала ананьинская культура, а в более западные районы входила часть территории городцево-дьяковской общности²³.

Носители ананьинской культуры большинством исследователей рассматриваются как несомненные предки ряда финноязычных народов Восточной Европы²⁴. Но основу какой же финно-угорской группы составляла ананьинская общность? Пермской,

как предполагают некоторые исследователи, или более широкой? Скорее всего, на наш взгляд, верно второе предположение.

На базе ананьинской культуры ближе к концу I тысячелетия до н. э. оформляются такие культуры, как пьяноборская²⁵, гляденовская и осинская²⁶, кара-абызская²⁷. В свою очередь гляденовская и последующая за ней ванвиздинская культуры послужили основой развития в I тысячелетии н. э. культуры коми народности²⁸; осинская, по мнению В. Ф. Генинга, нашла свое продолжение в древнеудмуртской культуре²⁹. Таким образом, можно считать, что только гляденовско-осинское продолжение ананьинской общности явилось основой пермской ветви финно-угорских народов. Сложнее обстояло дело с носителями пьяноборской и кара-абызской культур. По мнению В. Ф. Генинга, судьба пьяноборских племен и их азелинских потомков неясна³⁰. Однако работы последних лет в Среднем Поволжье, особенно на территории Марийской АССР, позволили проследить несомненное участие позднепьяноборских (азелинских) племен, после их выхода в Волго-Вятское междуречье, в формировании культуры древнемарийской народности³¹. Особый интерес в связи с этим вызывает Младший Ахмыловский могильник, четко выявивший основные компоненты древнемарийской культуры, в том числе и выраженный позднепьяноборский³². Есть основания утверждать, что культура и этнос древних мари формировались на основе позднепьяноборского продолжения ананьинской культуры и позднегородецкого реликта городецко-дьяковской общности.

Рядом археологов — А. А. Слицыным, П. П. Ефименко, П. Н. Третьяковым, А. П. Смирновым, Е. И. Горюновой и др. — неоднократно отмечалось определенное участие населения позднепьяноборского типа в сложении культуры и этноса более западных финнов, в частности финноязычных народов Верхнего Поволжья и Приочья³³.

В последние годы новые археологические исследования мордовских древностей (М. Р. Полесских, П. Д. Степановым и др.) также отчетливо показали наличие и в основе древнемордовской культуры восточного компонента, скорее всего пьяноборского и кара-абызского типа³⁴.

Таким образом, мы приходим к выводу о том, что на основе ананьинской культуры происходило формирование не только народов пермской ветви финно-угорской языковой семьи. Часть потомков ананьинских племен участвовала в генезисе и таких финноязычных народов, как мари, мордва и, возможно, древняя мера. В таком случае ананьинскую общность мы должны рассматривать в этническом отношении как еще не распавшуюся общность восточных (пермоволжских) финноязычных племен, включавших предков как пермских, так и в какой-то степени волжских финнов.

Этот вывод согласуется и с результатами наблюдений языковедов, полагающих, что такая нераспавшаяся общность восточных финнов существовала еще в эпоху раннего железа. В этой связи интересно сохранение у мордвы, мари, удмуртов и коми таких общих слов, как «железо», «золото», «городки», «мякина» и других, возникших, очевидно, в эпоху раннего железа³⁵.

Соответственно на базе городецко-дьяковских племен происходило формирование этнических основ еще не распавшейся в эпоху раннего железа западной финноязычной общности. Впоследствии на этой базе сложились прибалтийские финны, карелы, вепсы и др.³⁶ Более восточные (городецкие) племена этой общности составили субстратную основу древних мордвы, муромы, меря и марийцев³⁷.

Резюмируя вышесказанное, можно думать, что в эпоху раннего железа в лесной полосе Восточной Европы существовали две финноязычные группы — восточная (ананьинская) и западная (городецко-дьяковская). За Уралом в это время оформляется усть-полуйская культура, принадлежавшая угорской группе³⁸.

Выше уже было показано, что ананьинская культура вырастает на основе приказанской, племена которой к концу эпохи бронзы заняли почти всю будущую ананьинскую территорию. Как было замечено, нет существенных оснований для предположений о проникновении в это время из Зауралья каких-то больших групп племен, якобы составивших ядро ананьинской общности. Основными предками ананьинцев явились приказанские племена³⁹ и если мы признаем финноязычность ананьинских племен, то должны признать принадлежность и приказанских племен к финно-угорскому этническому кругу. Конечно, при выяснении вопросов происхождения ананьинской культуры нельзя не учитывать моменты субстратного характера, а именно, наслоение приказанских племен при их распространении в Верхнее и Среднее Прикамье на остатки турбинских⁴⁰, а в бассейне Вятки и Ветлуги на остатки чирковско-сейминских племен, возможное растворение в приказанской среде в низовьях Суры остатков балановских (хула-сучьских) племен и т. п.

Нельзя полностью отрицать и зауральские включения. Работы Л. Я. Крижевской⁴¹ в Башкирском Приуралье и В. П. Денисова⁴² в Верхнем Прикамье показали появление здесь в самом начале эпохи раннего железа памятников так называемого гаммаюнского типа, в культурном отношении близких к памятникам Зауралья.

Однако все эти явления, придававшие специфику локальным вариантам приказанской и ананьинской культур, не могли понизить основополагающую роль приказанских племен в ананьинском генезисе.

О том, что приказанские племена составили основу раннеананьинских племен, свидетельствуют и наблюдения антропологов. В последние годы благодаря широким раскопкам как приказанских, так и раннеананьинских могильников удалось собрать сопоставимые между собой антропологические комплексы. Т. А. Трофимова, М. С. Акимова, В. П. Алексеев и другие антропологи, изучавшие эти материалы, подтверждают несомненную преемственность приказанской и раннеананьинской антропологических серий. Особенно показательны в этом отношении материалы II Полянского могильника, в которых приказанские (большинство) и раннеананьинские (меньшинство) антропологические комплексы совершенно нерасчленимы и полностью взаимосвязаны друг с другом.

Помимо такой непосредственной антропологической преемственности, сходно также и соотношение антропологических типов внутри приказанской и раннеананьинской серий. Так, для приказанского материала М. С. Акимовой⁴³ удалось выявить следующую закономерность: несмотря на в целом смешанный европеоидно-монголоидный тип приказанского антропологического комплекса, в сериях, полученных из разных районов, соотношение монголоидных и европеоидных типов неодинаково. В западных районах (могильники Рождественский, Балымский) преобладает европеоидность. В центральных (II Полянский, Маклашевские могильники) указанные типы выступают равномерно. В более восточных памятниках (Луговские, Кумыские курганы) отмечается некоторое увеличение монголоидности.

Но это же явление характерно и для раннеананьинского времени. Если в целом для раннеананьинского, так же как и для приказанского типа, свойственно «ярко выраженное сочетание европеоидных и монголоидных черт, что может указывать на давнюю смешанность европеоидных и монголоидных компонентов»⁴⁴, то в более западных раннеананьинских памятниках (Акозинский и Старший Ахмыловский могильники) отмечается преобладание в антропологическом материале европеоидных черт, а в более восточных (Луговской и Ананьинские могильники) — монголоидных⁴⁵.

Такое распределение антропологических типов, возникшее, очевидно, в эпоху бронзы, если не раньше, является результатом активного воздействия в этот период на автохтонное население края инородных не только по культуре, но и по антропологическому типу племен. И если на западе это были преимущественно европеоидные племена — носители балановской, орубной, абашевской и прочих культур, то на востоке, по-видимому, постоянно происходил контакт с монголоидными племенами.

Итак, по нашему мнению, приказанские племена в этническом отношении являлись финно-угорскими и составляли основу восточной (волжско-пермской) финской группировки.

Как неоднократно подчеркивалось выше, приказанским племенам были близки в культурном и родственны в этническом отношении поздняяковские племена, заселявшие Волго-Окский бассейн и прилегающие районы Верхнего и Среднего Поволжья. На поздних этапах развития поздняяковской культуры вырабатывается специфическая керамика с «текстильной» обработкой поверхности и ряд других черт, характерных затем для городцево-дьяковской культуры. Поэтому есть основания предполагать формирование городцево-дьяковской культуры на поздняяковской основе. Но племена городцево-дьяковской культуры в свою очередь составили базу сложения ряда западных финноязычных народов. Если это так, то поздняяковские племена также следует считать финно-угорскими и рассматривать их в качестве основы западной финской группировки.

Таким образом, мы приходим к выводу о том, что в эпоху бронзы, во второй половине II и на рубеже II—I тысячелетий до н. э., в лесостепной и лесной полосе Восточной Европы существовали разделенные на две большие группы финноязычные племена. Между этими группами сохранялись связи, то усиливавшиеся, то ослабевавшие за счет внедрения в их среду или между ними иноязычных племен.

По-видимому, в период существования этих группировок связи финноязычного населения Восточной Европы с угорской племенной группировкой, жившей в Зауралье, почти прекратились. В материалах приказанской культуры, как мы видели выше, почти совершенно не ощущаются какие-либо зауральские элементы, если не считать андроновских.

И, наоборот, в этот период наиболее активное воздействие на финноязычные племена оказывали восточноевропейские племена индоиранской и индоевропейской языковых групп, т. е. происходила своеобразная «европеизация» финноязычных племен, их окончательный отход от угорских сородичей.

Значительную роль в судьбах приказанских и поздняяковских племен сыграли носители срубной культуры, говорившие, по предположению лингвистов⁴⁶ и археологов⁴⁷, на языке индоиранской группы.

По-видимому, те многочисленные индоиранские лексические заимствования, которые наблюдают лингвисты почти у всех финноязычных народов Восточной Европы, в большинстве случаев возникли в условиях приказанско-поздняяковских и срубных контактов. Характерно, что значительная часть этих заимствований связана с понятиями, относящимися к скотоводству, земледелию, типам оружия. И это не случайно, что развитие последних особенно широко наблюдается по материалам приказанской культуры, ибо несомненно, было связано с внедрением в Среднее Поволжье скотоводческо-земледельческих племен, среди которых ведущее место занимали племена срубной культуры. От по-

следних финноязычные племена, очевидно, и заимствовали следующие понятия:

корова — *vaça* (авеста), *vasikka* (фин. теленок), *vasikka* (удм.), *vazik* (эст.), *vaz, vaza* (морд.⁴⁸);

соха — *karch* (др. инд., санскр.), *hurnia* (скиф. пашня), *karhu* (фин.), *кораш* (мар. бороздить, делать черту), *геры* (удм.), *гор* (коми)⁴⁹;

гореть, сжигать на корню — *sochtan* (др. иран.), *sütan* (эст.), *soṭni* (коми-зыр.), *soetan* (удм.) *sokso* (мари);

Возможно, что из древнеиранской среды к финно-угорским племенам проникли и некоторые типы боевого оружия, в том числе:

палица, булава — *vazra* (авеста), *vasara* (фин.), *vāskal* (удм.), *vashken* (коми-ударять), *user* (морд.)⁵⁰;

меч — *çiri* (санскр.), *kuras* (фин.), *kurask* (эст.), *kërde* (мари).

Кроме указанных слов, имеется еще несколько индо-иранских заимствований типа:

золото — *zaranya* (авест.), *zarni* (коми, удм.), *sōrdni* (мари), *şirne* (морд.)⁵¹;

господин — *asura-s* (санскр.), *ahura* (авест.), *azoro, azor* (морд.), *uzir* (удм., богатый), *ozir, uzir* (коми), *ora* (мари., хозяин)⁵².

Воздействие балановских и родственных им фатьяновских племен, которые ряд исследователей (Х. А. Моора, А. Я. Брюсов, М. Гимбутас и др.) склонны считать представителями древнебалтийской ветви индоевропейских племен, по-видимому, особенно активным было, как это мы видели на археологическом материале, в период волосовской культуры, т. е. тогда, когда еще существовала нераспавшаяся общезинская языковая группа.

Выше неоднократно отмечалось, что приказанская и поздняя культура сформировались на основе волосовской культуры. В первой четверти II тысячелетия до н. э. волосовская общность еще существовала на обширной территории лесостепи и леса Восточной Европы от р. Камы на востоке и до верховий Волги на западе.

Рубеж III—II и первая половина II тысячелетий до н. э. — это время активных контактов волосовских племен с фатьяновско-балановскими представителями культур «боевых топоров». На основе смешения балановских и части волосовских племен возникает своеобразная чирковско-сейминская культура, занявшая промежуточную территорию между восточными (волго-камскими) и западными (волго-окскими) группами волосовских племен. Контакты волосовского населения на ранней поре охотничье-рыболовческого с земледельческо-скотоводческими фатьяновско-балановскими племенами оказали большое воздействие на развитие экономики и общественных отношений воло-

совских племен, что нашло отражение и в лингвистическом материале.

Возможно, к этому периоду относится до десяти общих почти для всех финских языков слов балто-славянского происхождения («тысяча», «корень», «нож», «зерно», «черенок», «рукоятка» и др.), отмеченных Ф. Кеппеном⁵³, И. Мегистэ⁵⁴, В. А. Сёребренниковым⁵⁵, Г. С. Кнабе⁵⁶.

При рассмотрении конца волосовской эпохи нельзя не учитывать еще одно обстоятельство. Ближе к середине II тысячелетия до н. э. восточные группы племен волосовской культуры, на основе которых сформировались чирковско-сейминская и приказанская культуры, испытали определенное воздействие, если не включение, зауральских племен, принесших ряд новых приемов в обработке металла и новые типы орудий, что наглядно прослеживается на материалах Сейминского и Турбинского могильников. Возможно, это и предопределило распад общечеремисской (волосовской) группы на восточную (приказанскую) и западную (поздняковскую).

По мнению П. Н. Третьякова, в период существования волосовской культуры произошло основное расселение финно-угорских племен на запад⁵⁷. В процессе выхода волосовских племен в Волго-Окское междуречье и Верхнее Поволжье местные неолитические племена с ямочно-гребенчатой керамикой постепенно растворились в волосовской среде, что нашло археологическое отражение в образовании таких относительно кратковременных культур, как «Балахна Б». Мы пока не знаем всей сложности этого процесса, но такие явления, очевидно, происходили почти на всей территории наложения волосовской культуры на культуру с ямочно-гребенчатой керамикой (см., например, судьбу рязанской, валдайской карельской и других культур). Ясно одно — подобные процессы в основном протекали лишь в западных районах поэтому при выявлении специфики развития западной группы финноязычных племен, кроме их волосовской основы, должен учитываться и субстрат носителей культуры с ямочно-гребенчатой керамикой.

Антропологический тип волосовского населения ввиду крайней ограниченности краниологического материала может быть восстановлен лишь в самых общих чертах.

Череп из волосовского погребения на Володарской стоянке характеризуются европеоидными чертами⁵⁸. Такой же европеоидный облик, но более приближающийся к черепам из среднеднепровских неолитических погребений имеет череп из Панфиловского погребения⁵⁹. Два черепа из поздненеолитического погребения на Гулькинской стоянке обладают некоторыми монголоидными чертами, хотя в общем также европеоидны⁶⁰. Наконец, череп из стоянки на р. Модлоне, относящийся к позднему периоду стоянки с керамикой волосовского типа, приближается к

палеосибирскому, смягченно монголоидному типу⁶¹. В целом можно предполагать, что для волосовского населения был характерен европеоидный антропологический тип с определенными элементами монголоидности.

В волосовских материалах, кажется, наблюдается установленная для раннеананьинского и приказанского периодов закономерность — в черепах из восточных (Гулькинское погребение) и северных (Модлона) памятников больше монголоидных черт, а из более западных — больше европеоидных.

Волосовской культуре в Прикамье была близка турбинская⁶², население которой в этническом отношении, очевидно, также было финноязычным. Последнее, как мы видели выше, вошло в качестве субстрата в состав предананьинского населения эпохи поздней бронзы.

В Зауралье в эпоху раннего металла развивалась горбуновская культура, которую некоторые исследователи склонны подразделять на две группы — аниноостровскую и дмитриевскую⁶³. Большинство археологов, занимавшихся изучением ранних энеолитических памятников Зауралья, отмечают их определенную близость к культурам Волго-Камья⁶⁴.

Действительно, наиболее ранние энеолитические памятники Зауралья (верхнее поселение на Козловой-Перейме, Аятское озеро, Абселямовская стоянка) проявляют близость не только к ранним турбинским памятникам, но и к ранним материалам волосовской культуры. И там, и здесь еще сохраняются полуназемные жилища прямоугольной формы, иногда соединенные друг с другом переходами, распространяется керамика котловидной и полуяйцевидной формы с приостренным или округлым днищем и уплощенным краем венчика, изготовленная из глины с примесью толченых раковин, коры или талька в тесте и покрытая по внешней поверхности зональным орнаментом из гребенчатых оттисков. Из специфичных каменных орудий следует отметить характерные желобчатые шлифованные долота и тесла, ножи из плитчатого кремня и сланца, валиковые топоры, концевые скребки и подтреугольные наконечники стрел с усеченным основанием. Также характерны изготовленные из кремня и реже из глины фигурки животных, иногда человека.

Отмеченные общие черты не могли возникнуть лишь в результате межплеменных взаимосвязей, они, по-видимому, свидетельствуют о сохранении до рубежа неолита и энеолита, т. е. до начала II тысячелетия до н. э., этно-культурной общности волго-камско-уральских племен. Такой общностью могла быть лишь финно-угорская общность. И если в волосовско-турбинской группе мы усматриваем финноязычные племена, то зауральскую группу, очевидно, следует рассматривать как угорскую.

Сохранение финно-угорской общности вплоть до начала эпохи металла в известной степени подтверждают и наблюдения языковедов. По мнению Е. Сетяля, В. Тойвонена, Э. Итконена, Б. А. Серебрянникова и других языковедов, финно-угорская языковая общность существовала вплоть до появления зачатков скотоводства, земледелия и первых металлов. Об этом свидетельствуют общие для всех финно-угорских народов названия, некоторых понятий, связанных с указанными явлениями.

медь — *vaski* (фин.), *viska* (морд.), *βaz* (мар.), *usvas* (удм. свинец), *atβos* (манси свинец), *vas* (венг. железо) и т. п.;

определенное сходство проявляется и в названиях других цветных металлов — серебра, цинка и свинца;

свинья, поросёнок — *porsas* (фин.), *partisos* (морд.), *pars* (удм.), *pores* (манси);

зерно — *juva* (фин.), *juv* (морд.), *ju* (удм.), *jea* (манси);

к этим словам можно прибавить еще кашу, жидкий крупяной суп *rokka* (фин.), *руньрок* (коми) и т. п.⁶⁵

В первой половине II тысячелетия до н. э. финно-угорская общность, очевидно, распалась и поэтому следует полагать, что отмеченные элементы общности при переходе от неолита к эпохе раннего металла, несомненно, выступают больше как реликтовые явления. Реальное существование финно-угорской общности следует отнести к более раннему периоду, а именно к эпохе неолита.

Действительно, как мы отмечали выше, в позднем периоде неолита, т. е. в III тысячелетии до н. э., племена Волго-Камья, Урала и Зауралья входили в большую культурную общность, именуемую камско-уральской, или волго-камско-уральской. Характерными признаками материальной культуры этой общности следует считать поселения с жилищами прямоугольной и подквадратной форм, котловидной формы керамику с приостренным или округленным дном и поверхностью, орнаментированной преимущественно оттисками гребенчатого штампа с почти обязательным ямочным рядом по краю горла.

В соответствующей главе настоящей работы была показана преемственность волосовской культуры от волго-камской неолитической. Но, признавая финноязычность племен волосовской и турбинской культур и их происхождение на основе волго-камского неолита, мы, естественно, должны признать и принадлежность последнего к культуре финноязычного населения. Однако, как мы видели выше, волго-камская неолитическая культура в развитом неолите, несомненно, составляла единство с зауральской культурой, на базе которой сформировались в эпоху раннего металла угорские племена Зауралья. В таком случае носителей обширной камско-уральской в широком смысле этого слова культуры развитого неолита следует считать финно-уграми.

Финно-угорская языковая, а вместе с ней и этно-культурная общность, очевидно, существовала в течение почти всего неолитического периода. Кроме археологических данных, это подтверждается и наблюдением лингвистов.

Е. Н. Сетяля, В. Х. Тойвонен, Э. Итконен считают, что ко времени финно-угорской общности относится образование ряда понятий, которые могли возникнуть лишь в эпоху неолита:

поселок, деревня — *küla* (фин.), навес, сарай — *tala* (фин.), плотина, насыпь — *pato* (фин.), горшок — *pata*, сверло — *ora* (фин.), мед — *mëzi* (фин.), обменивать, торговать — *ostaa* (фин.), шаман — *heita* (фин.).

Наблюдения лингвистов представляют также интерес для определения основной территории обитания финно-угорских племен. В этом отношении особенно показательны работы Э. Итконена и П. Хайду. Так, Э. Итконен на основании отсутствия во всех финно-угорских, а также самодийских языках понятия «море», обозначающего обычно как большая вода или «озеро», приходит к выводу о первоначальном обитании финно-угорских племен в районах, удаленных от моря⁶⁶. П. Хайду в одной из своих последних работ считает общими для финно-угров названия таких деревьев, как вяз (венг., мари, мёрдва, фин.), береза (удм., коми, манси, ханты), сосна (удм., коми, венг., мари), ива (фин., удм., коми, ханты), лиственница (коми, манси, ханты), и полагает, что область обитания финно-угорских племен должна была располагаться в лесной полосе⁶⁷. Среди указанных названий деревьев особенно важно название вяза, ибо вяз распространен был в период голоцена только в Европейской части СССР и не выходил за пределы Урала⁶⁸, тогда как другие указанные породы деревьев имеют широкое распространение по всей лесной полосе Евразии. Что же касается лиственницы, то, по М. И. Нейштадту, она, наряду с Сибирью, известна и в лесной полосе Восточной Европы, включая северные области Волго-Камья вплоть до Белого моря⁶⁹. Наличие этого названия в основном у коми, манси и хантов не противоречит локализации лиственницы в основном в северных районах. Общими в финно-угорских языках являются и названия меди и пчел. Но, как известно, за пределами Урала нет диких пчел, поэтому следует полагать, что финно-угорские племена познакомились с ними в Европейской части СССР.

Таким образом, мы имеем все основания полагать, что финно-угорская общность в эпоху развитого неолита, т. е. в III тысячелетии до н. э., локализовалась в Волго-Камье, Приуралье и в Зауралье, но недалеко от Уральского хребта.

Этой общности в IV тысячелетии до н. э. (скорее всего в первой половине) предшествовала еще большая общность, территориально занимавшая почти все Волго-Камье, Приуралье и Западную Сибирь до Енисея. Для ранне-неолитической культуры

этой общности была характерна керамика с накольчато-прочерченной орнаментацией и специфичным рядом тонких ямочных, иногда сквозных углублений по краю сосуда, а также подквадратной формы полуземлянки. Крайним западным памятником этой общности, если не считать группу с керамикой типа «сперрингс» в Финляндии и Карелии, является Гавриловская стоянка в устье р. Оки, а на востоке близкого типа керамика найдена на Бирюсинской стоянке в бассейне р. Енисея⁷⁰.

В культурном отношении эта общность, несомненно, была связана с волго-камско-уральской поздненеолитической общностью. И если носители последней были финно-уграми, то их предки также должны принадлежать к этому этническому кругу, но более широкому, чем просто финно-угорский. Вероятно, это была уральская языковая общность, куда, кроме племен, говоривших на финно-угорском языке-основе, входили и самодийские племена.

Эта общность, очевидно, существовала до второй половины IV тысячелетия до н. э., когда, по мнению ряда исследователей⁷¹, в Зауралье с юга проникли племена, тесно связанные по культуре с кельтеминарскими племенами Приуралья. Последние, принесшие своеобразную керамику, орнаментированную прочерченно-волнистыми узорами, очевидно, разорвали уральскую ранненеолитическую общность на две части — западную и восточную.

И если в западных племенах, оставшихся преимущественно к западу от Урала и частично смешавшихся в Зауралье с пришлыми племенами, есть основание усматривать финно-угров, то в восточной группе, племена которой достигали берегов Енисея, следует искать предков самодийских племен. Это предположение было высказано в свое время еще А. П. Окладниковым, считающим, что самодийские племена в районы Сибири проникли из Приуралья в эпоху неолита⁷². Не исключено, что при этом в глубины Сибири распространилось и население с европеоидными чертами, что отмечается антропологами в ряде неолитических могильников Красноярского края⁷³.

По наблюдениям лингвистов племена уральского языкового единства существовали в период, когда им были известны такие понятия, как «нарты», «лук», «тетива», «наконечник стрелы», «долото», «лыжа», «игла, проколка», а также действия — «грести», «плести» и т. п. Существовала обширная терминология родства — «мать», «невестка», «брат, дядя», «зять», «золовка»⁷⁴. Ряд слов — понятий: «долото», «нарты», «лыжа» мог возникнуть в северной лесной полосе лишь в эпоху неолита⁷⁵, поэтому выведенное на археологических материалах предположение о существовании уральского языкового единства вплоть до первой половины неолита получает дополнительное лингвистическое подтверждение. Примерно до середины IV тысячелетия до н. э.

доводят время существования уральской общности и языковеды (см. Е. Сетяля, В. Тойвонен, Э. Итконен).

Племена уральской языковой общности, по мнению языковедов, находились в тесном контакте с населением областей индо-европейской языковой общности⁷⁶. Еще Ф. Кеппеном в 1886 г. было выделено несколько десятков слов, общих для индо-европейской и уральской языковой семей⁷⁷. Некоторые из них, по мнению специалистов (Х. Сколд, Г. Хирт, А. Херинг), имеют очень древнее, общее для обеих языковых семей происхождение (это понятия «воды», «соль» и другие, всего до 16 слов), а другие были, вероятно, заимствованы племенами уральской общности от индоевропейцев. В числе последних особенно интересно наличие таких слов, как «сосуд, чаша», «сто» и др.⁷⁸ В соответствующем разделе настоящей работы отмечалось, что волго-камские, а через них, очевидно, и зауральские неолитические племена заимствовали производство глиняной посуды из южных областей Восточной Европы через днепровские племена, которые, по мнению Д. Я. Телегина, в свою очередь получили его от неолитических племен Побужья. В то же время, буго-днестровская культура рядом исследователей⁷⁹ рассматривается как одна из реальных основ индоевропейской языковой семьи. Если это так, то любопытно совпадение лингвистических и археологических наблюдений.

Вопрос о территории расселения племен уральской языковой семьи, как уже отмечалось в начале настоящего раздела, получил значительное освещение в науке и привлек внимание ученых различных специальностей.

Новейшие материалы не позволяют согласиться с предположениями С. П. Толстова и В. Н. Чернецова о появлении в Зауралье и Западной Сибири предков народов уральской группы в VI—V тысячелетиях до н. э. в результате распространения «из Приаралья и восточного Прикаспия культуры позднемезолитического облика, характеризующейся орудиями микролитического типа»⁸⁰. Во-первых, по мнению языковедов, уральская языковая группа могла сформироваться лишь в лесной и лесостепной полосе (см. выше); во-вторых, в основе культуры уральских и последующих финно-угорских племен лежит культура не с микролитическими традициями в обработке камня, а с макролитическими. Об этом, в частности, свидетельствует и ранее появление у финно-угорских племен бревенчатых домов, лодок, нартов, лыж и т. п., для изготовления которых требовались прежде всего крупные орудия труда типа долот, тесел, сверл и т. п., названия которых, как мы видели выше, языковеды считают общими для многих языков, входящих в уральскую общность. В-третьих, керамика с прочерченно-струйчатым орнаментом, появившаяся в Зауралье во второй половине IV тысячелетия до н. э. в результате кельтеминарского воздействия, кроме За-

уралья, более широкого распространения не получила. Вполне вероятно, что воздействие южного населения на культуру и этнос племен Зауралья, наблюдаемое в IV—III тысячелетиях до н. э., сыграло какую-то роль в создании специфики формирования угорской группы, но едва ли более.

П. Хайду в своей последней работе на основе лингвистического анализа палеоботанических данных пришел к выводу, «что прародина уральских народов в начале и в середине среднего голоцена находилась севернее Среднего Урала, между нижним течением Оби и руслом Печоры, преимущественно на сибирской стороне данного края»⁸¹. Основанием для такого предположения, не претендующего на роль окончательного вывода, по его мнению, является наличие в уральских языках общего названия для двух таежных пород деревьев — пихты (мар., удм., коми-зыр., ханты, манси, сельк.) и сибирского кедра (коми-зыр., удм., ханты, манси, ненцы), которые в среднем голоцене якобы были распространены в основном в Зауралье⁸². Но, как показывают исследования М. И. Нейштадта (1957), в среднем голоцене пихта росла не только в Зауралье, но «она мигрировала на правобережье Камы и в район верхнего течения р. Печоры»⁸³, а по наблюдениям Г. Н. Лисицкой⁸⁴ пыльца пихты обнаружена в среднеголоценовых отложениях и р. Модлоны, т. е. далеко на запад от Урала. Также и сибирский кедр «в среднем голоцене распространился через северную часть Уральского хребта на запад»⁸⁵ хотя, вероятно, не западнее Печоры. Вместе с тем общее название сибирского кедра для удмуртов, коми, сибирских угров и других народностей могло возникнуть и в более позднее время в результате обитания указанных народов в районе современного произрастания сибирского кедра, который, как известно, в настоящее время продолжает распространяться на запад и юго-запад от Среднего Урала. Поэтому следует полагать, что палеоботанические данные не противоречат локализации племен уральской языковой общности в районах Волго-Камья и Приуралья. Наконец, племена уральского языкового единства должны были обитать в такой области, где они могли иметь тесные контакты с населением индо-европейской общности. Но эти контакты могли происходить не восточнее Европы, поэтому следует считать обязательным распространение племен уральской группы и на территории восточной Европы.

Исходя из вышеизложенного, в качестве рабочей гипотезы можно предложить следующую схему развития племен уральской языковой общности. До середины IV тысячелетия до н. э. племена этой общности, археологически представленные к этому времени неолитической культурой с керамикой, орнаментированной накольчато-прочерченным орнаментом (подразумевая под накольчатый орнамент оттиски отступающей лопаточки), обитали на обширной территории Волго-Камья, Приуралья и

Зауралья, ограниченной на западе бассейном р. Оки, на юге Жигулями, на севере верховьями Вятки и Камы и на востоке р. Обью, если не восточнее. Вполне возможно, что в культурном и этническом отношении к этой общности были близки племена днепро-донецкой культуры, которые или представляли ответвление этой древней уральской общности, на что указывают, кроме археологических материалов, и древние финно-угорские топонимические реликты в Поднепровье и бассейнах Сожа и Десны⁸⁶, или же являлись племенами, говорившими на исчезнувшем языке, занимавшем промежуточное положение между индоевропейскими и финно-угорскими. В связи с этим интересно замечание Г. Ф. Дебеца, изучавшего черепа из днепро-донецких могильников и отметившего на них «некоторое влияние элементов сибирского происхождения»⁸⁷.

Во второй половине IV тысячелетия до н. э. уральская языковая общность распалась в результате ее расчленения в западном Приуралье вторгнувшимся с юга населением. Это население в культурном отношении было близким к кельтеминарским племенам и сыграло, вероятно, определенную роль в формировании угорского компонента финно-угорской общности. В результате распада уральской общности племена самодийской группы, по всей вероятности, отошли на восток вплоть до Енисея, а финно-угорская общность осталась в Волго-Камье и Западном Приуралье. Не исключено, что в это же время от уральской (древней финно-угорской) общности произошло отпочкование протопарской группы, появившейся ближе к концу IV тысячелетия до н. э. в Карелии и Южной Финляндии в виде племен, оставивших неолитическую культуру с керамикой типа «сперрингс»⁸⁸.

Поиски более древних корней уральской языковой общности уводят нас в эпоху мезолита, когда формируется в Приуралье и Волго-Камье большая мезолитическая общность, возникшая на основе культуры населения, вышедшего из Сибири на рубеже палеолита и мезолита (см. материалы стоянок типа Постникова оврага, Голого камня и др.). Проследивая преемственное развитие культуры населения Волго-Камья от эпохи раннего мезолита до неолита, мы можем утверждать, что субстратная основа уральской языковой общности имеет несомненное палеосибирское происхождение. Но вместе с тем нельзя не учитывать и наслоений среднего и позднего мезолита, когда происходило определенное сближение волго-камского и приуральского населения с населением Восточной Европы и прежде всего поднепровских районов. Очевидно, в этом следует усматривать установление тесных контактов предков уралоязычных племен с далекими предками индоевропейской языковой общности. Не исключено образование в это время и своеобразной евразийской (индоуральской) общности, возможность существования

которой предполагается языковедами (Х. Скёльд, Н. Андерсен, Л. Свигт, В. И. Георгиев, Б. В. Горнунг и др.)⁸⁹. Наблюдаемые О. Н. Бадером и другими исследователями, в частности Г. Н. Матюшиным, включения в позднем мезолите в приуральскую среду населения с микролитическими орудиями геометрических форм, очевидно, усилили этот индоевропейский элемент древнего уральского языка-основы.

Резюмируя вышесказанное, предлагается следующая схема финно-угорского генезиса:

Формирование этнических основ финно-угорских народов относится к глубокой древности и связано преимущественно с районами Волго-Камья и Урала по обе стороны хребта. На этой широкой территории происходили процессы сложения и последующего распада как уральской, так и финно-угорской языковых общностей.

Начало формирования уральской языковой общности следует отнести к эпохе мезолита и полагать, что в ее сложении активное участие приняли два компонента — восточный (палеосибирский), носители которого вышли в район формирования на рубеже палеолита и мезолита, и западный (палеоевропейский). Последний представлял, с одной стороны, древний палеолитический субстрат, а с другой — группы населения, постоянно включавшиеся в эпоху мезолита и раннего неолита на территорию края как с запада, так и с юга.

Эпоха раннего неолита (до середины IV тысячелетия до н. э.) еще застаёт уральскую общность, племена которой обитали в пограничной зоне между Европой и Азией от р. Оби на востоке и до р. Оки на западе. В середине IV тысячелетия до н. э. в результате внедрения в Зауралье южных племен уральская языковая общность распадается на самодийскую и финно-угорскую группы.

В Волго-Камье и Приуралье в течение развитого неолита, т. е. до III тысячелетия до н. э., существовала финно-угорская общность, носители которой на рубеже IV—III тысячелетия до н. э. были вынуждены под давлением племен культур с ямочно-гребенчатой керамикой несколько потесниться к востоку. К этому же периоду в культуре зауральского населения постепенно изживаются южные (кельтиминарские) черты, что, очевидно, связано с окончательной ассимиляцией пришлых элементов местным финно-угорским населением.

На рубеже III—II тыс. до н. э. наблюдается распад финно-угорской общности на финскую и угорскую. Первая археологически определяется волосовско-турбинской культурой, вторая, вероятно, горбуновской. Распространение волосовских племен на западе в Верхнем Поволжье и западнее означало основное движение финноязычных племен в этом направлении.

Общезинская этно-культурная (волосовская) и языковая общность ко второй половине II тыс. до н. э. разделилась на две группы — восточную (приказанскую) и западную (поздняковскую), на базе которых в эпоху раннего железа произошло формирование соответственно ананьинской и городецко-дьяковской культурных общностей. Последние в более или менее едином виде просуществовали вплоть до рубежа нашей эры. Очевидно, до этого же времени сохранялись единые восточная и западная финноязычные группы.

В течение всего времени развития отдельные группы финно-угорской и даже уральской общностей не теряли связей друг с другом и постоянно находились во взаимодействии, что нельзя не учитывать при выяснении отдельных периодов всего этногенетического процесса.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ E. N. Setälä. Soome süge rahvaste eelajalugu. Tartu, 1932.

² V. H. Toivonen. Zur Frage der finnisch-ugrischen Urheimat. JSFO; 56: 1. Helsinki, 1952.

³ E. Jtkonen. Die Vorgeschichte des Finnen aus der Perspective eines Linguisten. UAY, XXXII. Wiesbaden, 1960.

⁴ П. А. Аристе. Формирование прибалтийско-финских языков и древнейший период их развития. Вопросы этнической истории эстонского народа. Таллин, 1956.

⁵ P. Haidu. Über die alter Siedlungsräume der Uralischen Sprachfamilie. Acta Linguistica, t. XIV, fasc. 1-2. Budapest, 1964.

⁶ П. Н. Третьяков. Финно-угры, балты и славяне на Днестре и Волге М.—Л., 1966.

⁷ Сб. «Этногенез мордовского народа». Саранск, 1965.

⁸ Сб. «Происхождение марийского народа». Йошкар-Ола, 1967.

⁹ J. R. Aspelin. Suomalis-ugrischen muinaistutkinnon alkeita. Helsinki, 1875.

¹⁰ A. M. Tallgren. Permian Studies. ESA, IV. Helsinki, 1928.

¹¹ O. Almgren. Antikvarisk Tidskrift för Sverige. XX, I. Helsinki, 1905.

¹² J. Ailio. Opuscula archeologia O. Montelio septeagenario dicato. MCMXIII. Helsinki, 1923.

¹³ A. M. Tallgren. The Arctic Bronze Age in Europe. ESA, XI. Helsinki, 1937.

¹⁴ А. Я. Брюсов. Очерки по истории племен Европейской части СССР в неолитическую эпоху. М., 1952.

¹⁵ X. A. Moore. Вопросы сложения эстонского народа и некоторых соседних народов в свете дачных археологии. «Вопросы этнической истории эстонского народа». Таллин, 1956.

¹⁶ П. Н. Третьяков. У истоков этнической истории финно-угорских племен. СЭ, № 2, 1961; он же. См. примеч. 6.

¹⁷ С. П. Толстов. Древний Хорезм. М., 1948.

¹⁸ В. Н. Чернецов. Древняя история Нижнего Приобья. МИА, № 35, 1953, стр. 7.

¹⁹ А. П. Окладников. Из этнических и культурных связей неолитических племен Среднего Енисея. СА, № 1, 1957. А. Н. Смирнов. Некоторые спорные вопросы финно-угорской археологии. СА, № 3, 1957.

²⁰ P. Haidu. См. примеч. 5.

²¹ А. П. Окладников. Указ. соч. Л. Ю. Янитс. Поселение эпохи неолита и раннего металла в приустье р. Эмайыги. Таллин, 1959. А. Х. Халиков. Материалы к изучению истории населения Среднего Поволжья и Нижнего Прикамья в эпоху неолита и бронзы. «Труды Марийской археологической экспедиции», т. I. Йошкар-Ола, 1960; он же. Некоторые проблемы мезолита, неолита и бронзы в Среднем Поволжье и Нижнем Прикамье. «Археология и этнография Башкирии», т. II. Уфа, 1964.

О. Н. Бадер. У истоков финно-угорской культуры в Восточной и Северной Европе. «Доклады и сообщения советских археологов на VII Международном конгрессе по доистории в Праге». М., 1966, стр. 85, 86.

²² П. Н. Третьяков. См. примеч. 6, стр. 14 и сл.

²³ Там же, стр. 121 и сл.

²⁴ А. П. Смирнов. Очерки древней и средневековой истории народов Среднего Поволжья и Прикамья. МИА, № 28, 1952. А. В. Збруева. История населения Прикамья в ананьинскую эпоху. МИА, № 30, 1932. О. Н. Бадер, В. А. Оборин. На заре истории Прикамья. Пермь, 1958.

²⁵ В. Ф. Генниг. Узловые проблемы пьанборской культуры. ВАУ, вып. 4, Свердловск, 1962.

²⁶ В. Ф. Генниг. Проблемы изучения железного века Урала. ВАУ, вып. 1, 1961.

²⁷ А. Х. Пшеничнюк. Формирование кара-абызской культуры. «V Уральское археологическое совещание (тезисы докладов и сообщений)». Сыктывкар, 1967, стр. 50, 51.

²⁸ Э. А. Савельева. Пермь вычегодская по археологическим материалам. «V Уральское археологическое совещание (тезисы докладов и сообщений)», стр. 70 и сл.

²⁹ В. Ф. Генниг. См. примеч. 26, стр. 37.

³⁰ В. Ф. Генниг. См. примеч. 25.

³¹ А. Х. Халиков. Очерки истории населения Марийского края в эпоху железа. «Труды Марийской археологической экспедиции», т. II, 1962, стр. 179, 180.

³² Г. А. Архипов. Марийская археологическая экспедиция 1963 г. «Тезисы докладов на научной сессии по итогам работ МарНИИ за 1963 г.» Йошкар-Ола, 1964.

³³ Е. И. Горюнова. Этническая история Волго-Окского междуречья. МИА, № 94, 1961, стр. 30 и сл.

³⁴ П. Д. Степанов. Андреевский курган. «Этногенез мордовского народа». Саранск, 1966, стр. 50 и сл. М. Р. Полесских. Ранние памятники материальной культуры мордвы-мокши. «Этногенез мордовского народа», стр. 146 и сл.

³⁵ Е. Иткопеп. См. примеч. 3.

³⁶ П. Н. Третьяков. См. примеч. 6, стр. 238 и сл.

³⁷ А. П. Смирнов. См. примеч. 24.

³⁸ В. Н. Чернецов. См. примеч. 18.

³⁹ А. Х. Халиков. Приказанская культура и ее роль в формировании ананьинской культуры. «Уч. зап. Пермского государственного университета», т. 148, Пермь, 1967.

⁴⁰ А. Х. Халиков. Некоторые проблемы мезолита, неолита и бронзы в Среднем Поволжье и Нижнем Прикамье, стр. 53.

⁴¹ Л. Я. Крижевская. Поселения эпохи железа на северо-востоке Башкирии. «Археология и этнография Башкирии», т. I.

⁴² В. П. Денисов. Итоги изучения памятников эпохи поздней бронзы в Прикамье. ВАУ, вып. 1, 1961.

⁴³ М. С. Акимов. Палеоантропологические материалы из погребений эпохи бронзы и раннего железа с территории Среднего Поволжья. «Тр. Марийской археологической экспедиции», т. II, 1962.

⁴⁴ Т. А. Трофимова. Черепа из Гулькинского могильника ананьинской культуры. МИА, № 42, 1954, стр. 500.

- ⁴⁵ М. С. Акимова. Указ. соч. Т. А. Трофимова. Этногенез татар Поволжья в свете данных антропологии. «Тр. ИЭ» (новая серия), т. VII, 1949, стр. 135.
- ⁴⁶ Б. В. Горнунг. Из предьстории образования общеславянского языкового единства. М.—Л., 1963.
- ⁴⁷ Н. Я. Мертперт. Из древнейшей истории Среднего Поволжья. МИА, № 61, 1958. С. В. Киселев. Бронзовый век СССР. МИА, № 130, 1965.
- ⁴⁸ Ф. Кеппен. Материалы к вопросу первоначальной родины и первобытному родстве индоевропейского и финноугорского племени. Казань, 1886.
- ⁴⁹ Ф. Кеппен. Указ. соч., стр. 101. В. Н. Абаев. Осетинский язык и фольклор. М.—Л., 1949.
- ⁵⁰ В. И. Георгиев. Исследования по сравнительно-историческому языкознанию. М., 1958.
- ⁵¹ V. H. Toivonen. См. примеч. 2.
- ⁵² Там же.
- ⁵³ Ф. Кеппен. Указ. соч.
- ⁵⁴ J. Mägiste. Gibt es im Tsheremissischen baltische Lehnwörter. UAJ, XXXI. Wiesbaden, 1959.
- ⁵⁵ Б. А. Серебренников. О некоторых следах исчезнувшего индоевропейского языка в центре Европейской части СССР, близкого к балтийским. «Тр. АН Литов. ССР» (серия А, 1 (2)). Вильнюс, 1957.
- ⁵⁶ Г. С. Кнабе. Словарные заимствования и этногенез (к вопросу о «балтийских заимствованиях» в восточных финно-угорских языках). ВЯ, 1962, № 1.
- ⁵⁷ П. Н. Третьяков. См. примеч. 6, стр. 49, и сл.
- ⁵⁸ М. М. Герасимов. Восстановление лица по черепу (Современный и ископаемый человек). «Тр. ИЭ» (новая серия), т. XXVIII, 1955, стр. 375—378.
- ⁵⁹ Там же, стр. 384.
- ⁶⁰ А. В. Эбруева. Памятники эпохи поздней бронзы в Приказанском Поволжье и Нижнем Прикамье. МИА, № 80, 1960, стр. 52.
- ⁶¹ М. М. Герасимов. Указ. соч., стр. 354.
- ⁶² О. Н. Бадер. Древнейшая история Прикамья. М., 1963.
- ⁶³ Н. Н. Кипарисова. О культурах лесного Зауралья. СА, 1960, № 2.
- ⁶⁴ К. В. Сальников. Южный Урал в эпоху неолита и ранней бронзы. «Археология и этнография Башкирии», т. 1, 1962.
- ⁶⁵ P. Aalto. Ein alter Name des Kupfers. UAJ, XXXI. Wiesbaden, 1959.
- V. Toivonen. См. примеч. 2. E. Jtkonen. См. примеч. 3.
- ⁶⁶ Там же.
- ⁶⁷ P. Haidu. См. примеч. 5.
- ⁶⁸ М. И. Нейштадт. История лесов и палеогеография СССР в голоцене. М., 1957.
- ⁶⁹ Там же, стр. 239 и сл.
- ⁷⁰ Н. Н. Гурина. Работы неолитического отряда Красноярской экспедиции. КСИА, вып. 97, 1964.
- ⁷¹ В. Н. Чернецов. См. примеч. 18.
- ⁷² А. П. Окладников. Из истории этнических и культурных связей неолитических племен Среднего Енисея. СА, 1967, № 1.
- ⁷³ В. П. Алексеев. Антропологические типы Южной Сибири (Алтае-Саянское нагорье) в эпоху неолита и бронзы. «Вопросы истории Сибири и Дальнего Востока». Новосибирск, 1961.
- ⁷⁴ E. Jtkonen. См. примеч. 3.
- ⁷⁵ В. Н. Чернецов. К вопросу об этническом субстрате в циркулярной культуре. «VII Международный конгресс антропологических и этнографических наук». М., 1964.
- ⁷⁶ V. H. Toivonen. См. примеч. 2.
- В. И. Георгиев. Указ. соч.
- Б. В. Горнунг. К вопросу об образовании индоевропейской языковой общности. М., 1964.

- ⁷⁷ Ф. Келпен. Указ. соч.
⁷⁸ Там же, стр. 98, 99.
⁷⁹ Б. В. Горнунг. Указ. соч.
⁸⁰ В. Н. Чернецов. Указ. соч., стр. 5.
⁸¹ Р. Найдю. Указ. соч. стр. 83.
⁸² Там же, стр. 73.
⁸³ М. И. Нейштадт. Указ. соч., стр. 223.
⁸⁴ Г. Н. Лисицына. Природные условия среднего и позднего голоцена в бассейне оз. Воже. «Сб. по археологии Вологодской области». Вологда, 1961.
⁸⁵ М. И. Нейштадт. Указ. соч., стр. 253.
⁸⁶ А. С. Стрыжак. Основные гидронимические ареалы среднеднепровского левобережья. «Всесоюзная конференция по топонимике СССР. Тезисы докладов». Л., 1965.
⁸⁷ Г. Ф. Дебец. Физический тип людей днепро-донецкой культуры. СА, 1966, № 1, стр. 21.
⁸⁸ Н. Н. Гурина. К вопросу об этнокультурных областях лесной и лесостепной зоны Европейской части СССР в эпоху неолита. «VII Международный конгресс антропологических и этнографических наук». М., 1967.
⁸⁹ Т. А. Дегтярева. Пути развития современной лингвистики. М., 1961.
Б. В. Горнунг Указ. соч.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АК КИЯЛИ — Археологический кабинет Казанского института языка, литературы и истории АН СССР
ВАН — Вестник Академии наук СССР
ВАУ — Вопросы археологии Урала
ВДИ — Вестник древней истории
ВЯ — Вопросы языкознания
ГАИМК — Государственная академия истории материальной культуры
ГИМ — Государственный исторический музей
ГМТР — Государственный музей Татарской АССР
ГОМ — Горьковский областной музей (Горьковский историко-архитектурный музей-заповедник)
ЗОРСА РАО — Записки отделения русской и славянской археологии Русского археологического общества
ЗРАО — Записки Русского археологического общества
ИА АН — Институт археологии АН СССР
ИАК — Известия археологической комиссии
ИГН — Институт геологических наук АН СССР
ИОАИЭ — Известия общества археологии, истории и этнографии при КГУ
ИЭ АН — Институт этнографии АН СССР
ИЯЛИ КФАН — Институт языка, литературы и истории Казанского филиала АН СССР
КГУ — АМУ — Казанский государственный университет — Археологический музей
ККМ — Куйбышевский краеведческий музей
КПИЧП — Комиссия по изучению четвертичного периода
КС ИА — Краткие сообщения Института археологии АН СССР
КС ИА АН УССР — Краткие сообщения Института археологии АН УССР
КС ИИМК — Краткие сообщения Института истории материальной культуры АН СССР
КС ИЭ — Краткие сообщения Института этнографии АН СССР
ЛГУ — Ленинградский государственный университет
МАВГР — Материалы по археологии восточных губерний России
МАР — Материалы по археологии России

МАРНИИ — Марийский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории
МГУ — Московский государственный университет
МИА — Материалы и исследования по археологии СССР
МКАЭН — Международный конгресс по антропологическим и этнографическим наукам
Морд НИИ — Мордовский научно-исследовательский институт языка, литературы, истории и экономики
ОАИЭ при КГУ — Общество археологии, истории и этнографии при Казанском государственном университете
ОИПК — Отдел истории первобытной культуры Эрмитажа
ПГУ — Пермский государственный университет
РАНИОН — Российская ассоциация научно-исследовательских институтов общественных наук
РКМ — Рязанский краеведческий музей
СА — Советская археология
САИ — Свод археологических источников
СЭ — Советская этнография
ТАЭ — Татарская археологическая экспедиция КИЯЛИ АН СССР
УИИЯЛ АН СССР — Уфимский институт истории, языка и литературы АН СССР
ЧКМ — Чувашский краеведческий музей
ЧувНИИ — Чувашский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории
ЮТАКЭ — Южно-Туркменская археологическая комплексная экспедиция
AE — *Archaeologiai Ertesito*
CZ — *Collection Zaoussailov*
ESA — *Eurasia septentrionalis antiqua*
FUF — *Finno-Ugrischen Forschungen*
JSFO — *Journal de la Societe Finno-Ougren*
SMYA — *Suomen Muinaismuistoyhdistik sen Aikakauskirja*
UAJ — *Ural — Altaische Jahrbücher*

- Айлио Ю.** 371
Акимова М. С. 375
Алексеев В. П. 375
Алихова А. Е. 93, 95, 211
Альмгрен О. 371
Андерсен Н. 386
Андреев Г. А. 71
Аристрэ П. А. 370
Архипов Г. А. 160
Аспелин И. Р. 371
- Бадер О. Н.** 26, 40, 86, 93, 126, 127, 130, 144, 159, 160, 169, 170, 183, 190, 191, 193, 194, 196, 201, 202, 252, 256, 304, 335, 342, 358, 386
Бибиков С. Н. 345
Бортвин Н. Н. 203
Брюсов А. Я. 92, 100, 110, 142, 152—154, 200, 339, 371, 377
- Видеман Ф.** 371
Воеводский М. В. 25, 93, 97
Высоцкий Н. Ф. 87
- Тенсенг В. Ф.** 70, 269, 301, 372
Георгиев В. И. 386
Герасимов М. М. 19, 88
Герасимов Н. Г. 19
Гимбутас М. 170, 195, 199, 214, 216, 220, 256, 377
Говоров Н. В. 150, 152
Гольмстен В. В. 7, 9, 10, 19, 21
Горнунг В. В. 386
Городцов В. А. 127, 170, 193, 194, 202—204, 252, 320, 339, 347
Горюнова Е. И. 162, 164, 165, 347
Громова В. Н. 340, 341
Гурина Н. Н. 109, 110, 127, 159, 205
- Давидович А.** 201
Дебец Г. Ф. 385
Денисов В. П. 271, 286, 287, 317, 374
- Ефименко П. П.** 9, 222, 373
- Жиганов М. Ф.** 73, 93, 110, 149, 150
Жуков Б. С. 144, 195, 371
- Загорский Ф. А.** 139
Заусайлов В. И. 23, 281, 282, 310
Збруева А. В. 88, 92, 93, 145, 211, 216, 222, 223, 228, 273, 274, 293—295, 307, 361, 366
Зимина М. П. 92, 145
- Нессен А. А.** 122
Июки А. 370
Итконен Эт. 370, 380, 381, 383
Ишмуратова Г. Р. 302
- Кастрен М.** 370, 371
Каховлин В. Ф. 228
Качалова Н. К. 340
Келлен Ф. 370, 378, 383
Клапрот 370
Кнабе Г. С. 378
Кожин П. М. 190
Кольцов А. 335
Кольцов Л. В. 25
Конов А. М. 194—196, 198
Коссина Г. 371
Крайнов Д. А. 92, 127, 256, 335, 346
Краснов Ю. А. 342
Кривцова-Гракова О. А. 210, 211, 214, 263, 264, 310, 311
Крпжевская Л. Я. 67, 69, 70, 374
Кузнецова Т. А. 39
Кузьмина Е. Е. 267
Кулаева Т. М. 351
- Левенк В. П.** 75
Ленин В. И. 334
Лисицына Г. Н. 384
Лихачев А. Ф. 223, 224, 295
Лозе И. А. 139
Луэгин В. Е. 54
- Маркс К.** 182
Маткшин Г. Н. 21, 23, 26, 33, 67, 86, 159, 316, 386

- Мегистэ И. 378
 Мерперт Н. Я. 211, 214—217, 220—222,
 226—230, 254, 282, 283
 Моор Х. А. 371, 377
 Морган Л. 345
 Мельников А. 195, 198
 Миропольский Л. М. 355
 Можолитч А. 216
- Нейштадт М. И. 7, 38, 381, 384
 Никитин А. Л. 100
- Окладников А. П.** 15, 26, 331, 345
- Паасонен Н. 370
 Паничкина М. Э. 11
 Парийский С. М. 199
 Патрушев В. Г. 167
 Петренко А. Г. 338, 341, 349, 362, 364
 Полесских М. Р. 75, 93, 373
 Поливанов В. Н. 285
 Поляков И. С. 332
 Пономарев П. А. 223, 273, 293, 295,
 297
 Попов В. А. 349
 Попова Т. Б. 93, 216, 256, 266, 269
- Раушенбах В. М. 100, 109
 Рыков П. С. 72, 75
- Савватеев Ю. А. 169
 Сальников К. В. 211, 220, 235, 301,
 302, 316, 340, 346
 Сафонов Б. А. 93, 160
 Сафронов В. А. 199, 215
 Свигит Л. 386
 Себештьен И. 370
 Серебренников Б. А. 370, 378, 380
 Сетель Э. Н. 380, 381, 383
 Скелд Х. 370, 383, 386
 Сладкевич В. С. 351
 Смирнов А. П. 318, 373
 Смолин В. Ф. 288
 Сплицын А. А. 174, 373
 Спрыгина И. Н. 72, 93, 216, 231
 Старостин П. Н. 21, 86, 167, 288, 289,
 292, 302
 Степанов П. Д. 93, 150, 211, 216, 373
- Стоянов В. Е. 289, 319
- Тальгрэн А. М. 193, 195, 202—204, 371
 Телегин Д. Я. 73, 74, 110, 383
 Тереножкин А. И. 214, 230, 237, 315
 Тихонов Б. Г. 122, 252, 266, 179, 281,
 283, 309, 310, 312
 Тойвонен В. Х. 370, 380, 381, 383
 Толстов С. П. 345, 371, 383
 Третьяков П. Н. 130, 145, 169, 170,
 202, 222, 305, 332, 370—372, 378
 Трофимова Т. А. 375
 Трубникова Н. В. 211, 301
 Тушинский Г. К. 339
- Уваров А. С. 339
- Федоров В. В. 332
 Федоров-Давыдов Г. А. 217
 Федорова-Давыдова Э. А. 267
 Формозов А. А. 25
 Фосс М. Е. 67, 72, 75, 110, 149, 175,
 202
- Хайду П. 370, 381, 383
 Халиков А. Х. 211
 Халикова Е. А. 223
 Харлампович П. В. 149
 Херинг А. 383
 Хирт Г. 383
 Хстинский Н. А. 100
- Целкин В. И. 349, 361, 364
 Цветкова И. К. 65, 66, 92, 93, 109,
 127, 142, 152—154, 161, 164, 166, 169,
 170, 175, 269, 320
- Чайлд Г. 203
 Чернецов В. Н. 371, 383
 Черников В. Ф. 44, 171, 201, 269
 Черников С. С. 71
 Черных Е. Н. 356
- Шиктников А. В. 39
 Шокуров А. П. 86, 159, 211
- Энгельс Ф. 359, 366

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	3
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.	
Среднее Поволжье в каменном веке	5
<i>Глава первая</i>	
РАССЕЛЕНИЕ ЧЕЛОВЕКА В СРЕДНЕМ ПОВОЛЖЬЕ В ПЕРИОД МЕЗОЛИТА	6
<i>Глава вторая</i>	
НЕОЛИТ СРЕДНЕГО ПОВОЛЖЬЯ	37
Памятники Волго-Камской неолитической культуры и вопросы их периодизации	40
Балахнинские памятники в среднем Поволжье	92
ЧАСТЬ ВТОРАЯ.	
Эпоха раннего металла в Среднем Поволжье (II—начало I тысячелетия до н. э.)	121
<i>Глава первая.</i>	
МЕСТНЫЕ ПЛЕМЕНА СРЕДНЕГО ПОВОЛЖЬЯ В НАЧАЛЕ ЭПОХИ РАННЕГО МЕТАЛЛА	127
<i>Глава вторая.</i>	
БАЛАНОВСКИЕ ПЛЕМЕНА И ИХ ВОЗДЕЙСТВИЕ НА МЕСТНОЕ НАСЕ- ЛЕНИЕ СРЕДНЕГО ПОВОЛЖЬЯ	162
<i>Глава третья</i>	
СРУБНЫЕ ПЛЕМЕНА В СРЕДНЕМ ПОВОЛЖЬЕ	209
<i>Глава четвертая</i>	
ПРИКАЗАНСКИЕ ПЛЕМЕНА (ВТОРАЯ ПОЛОВИНА II ТЫСЯЧЕЛЕТИЯ — НАЧАЛО I ТЫСЯЧЕЛЕТИЯ ДО н. э.)	240
ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.	
Хозяйство и общественные отношения населения Среднего По- волжья в эпоху камня и раннего металла	329
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	
НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ЭТНИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ	37
Указатель имен	38

Древняя история Среднего Поволжья
Альфред Хасанович Халиков

*Утверждено к печати Институтом языка,
литературы и истории им. Г. Ибрагимова*

Редактор *Д. М. Коган*
Художник *В. Я. Орлов*
Технический редактор *А. П. Ефимова*

Сдано в набор 26/XII 1968 г. Т-07943
Подписано к печати 29/V 1969 г. Формат 60×90^{1/16}.
Бумага № 1. Усл. печ. л. 25,12
Уч.-изд. л. 26,6 Тираж 1850 экз. Тип. зак. 5497

Цена 1 р. 86 к.

Издательство «Наука»
Москва, К-62, Подсосенский пер., 21

2-я типография издательства «Наука»
Москва, Г-99, Шубинский пер., 10